

А.И. Блехер
Г.Ю. Любарский

**Главный русский спор:
от западников
и славянофилов
до глобализма
и
Нового Средневековья**

Москва
Академический Проект
Институт Фонда
«Общественное мнение»
2003

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Б68

Издание подготовлено при содействии
Фонда «Общественное мнение»

Блехер А.И., Любарский Г.Ю.

Б68 Главный русский спор: от западников и славянофи-
лов до глобализма и Нового Средневековья — М.: Ака-
демический Проект; Институт Фонда «Общественное мне-
ние», 2003. — 608 с. — (Серия «Окна и зеркала»).

ISBN 5-8291-0231-5 (Академический Проект)

ISBN 5-93947-014-9 (Институт Фонда «Общественное
мнение»)

Перед нами — очень необычная по замыслу и жанру книга. Это — и полилог, который ведет между собой все участники самого длинного (более чем двухсотлетнего) спора в истории русского общественной мысли, спора западников и почвенников, от Чадаева и Киреевского до Федотова и Померанца, Кызмыкина и Чесноковой. Это — и аналитическое исследование, показывающее, как этот спор перестает быть чисто русским явлением и становится частью большой проблемы глобализации мира, феноменом вхождения в Новую историческую эпоху, в Новое Средневековье.

Опыта столь глобального, всеземного Средневековья у человечества еще нет, но может оказаться, что в предопределении новых кризисов нам помогут ответы, которые еще два века назад давали в московских и петербургских гостиницах первые западники и славянофилы.

Открытость цитат и точек зрения, из которой авторы строят свои выводы, делают эту книгу лабораторией мысли, интересной не только для ученых-профессионалов своим анализом и откровенным справочным аппаратом, но и для студентов и аспирантов, специализирующихся в политологии, социологии, философии, культурологии, истории.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 5-93947-014-9
ISBN 5-8291-0231-5

© Блехер А.И., Любарский Г.Ю., 2003
© Институт Фонда «Общественное
мнение», 2003
© Академический Проект, оригиналь-
макет, оформление, 2003

Предисловие

Миры в Мире, или Дискуссия о неунифицированном будущем

Последнее десятилетие в России ознаменовалось резким увеличением разнообразия *жанров и типов* книжных публикаций. Если раньше на книжном рынке (речь идет о научных изданиях) преобладал жанр монографии — «коллективной» или индивидуальной, то ныне мы все чаще встречаемся с трудами — обзорами, где размышления автора (или авторов) присутствуют «наравне» с приводимыми текстами. Да и тексты эти порой служат своеобразными вехами для движения авторской мысли. Существует ли потребность в такого рода изданиях? Думаю, что существует, сегодня выходят десятки, сотни книг — как правдо, небольшими тиражами, содержание которых составляют выступления ученых на разного рода дискуссиях, семинарах, симпозиумах, конференциях. Широкая научная общественность редко узнает о них. А между тем, там протравиваются сюжеты будущих статей, проблемы, мимо которых сплосшь и рядом нельзя пройти думающему общественнику.

Книга А.Блехера и Г.Любарского относится как раз к такому рода изданиям. Хотя по своему типу она не повторяет большинство из вышедших в последнее время книг. И дело не только в широте охвата полемики западников и почвенников. Разумеется, двухсотлетний спор западников и славянофилов до

глобализма и перспективы Средневековья позволяет авторам высказать свои собственные суждения — иногда верные, глупые, иногда спорные — по многим актуальным вопросам исторического развития России и мира. И все-таки особенность работы в другом. Что существенно отличает эту работу, так это — осмысление спора западников и почвенников в контексте общепсихологической (общесоциологической) проблематики.

Конечно, на этом пути авторам не удалось обойтись без некоторых потерь (скажем, своего рода «выпрямления» истории и т. д.), но то, что приобретает читатель по прочтении книги, намного превосходит издержки предпринятого авторами способа исследования. Вот один из примеров. В полемике западников и почвенников мы легко оперируем, например, понятием «Запад», подразумевая, что у подавляющего большинства за ним стоит одинаковое представление. Но, как убеждаешься из прочитанного, понятие «Запад» (соответственно — «почва») не так-то легко и, главное, не так однозначно расшифровывается, если оставаться на почве науки. Вопреки распространенной (особенно у историков) традиции «Запад» определяется авторами не как выбранная «линия развития», предопределяющая раз и навсегда историю вошедших в него систем», а как достигнутый обществом *уровень развития*, задающий своего рода «лучок возможностей», масштаб и энергию борьбы за их реализацию. Соответственно, позиция последователя почвенничества позиционируется ими как крайний преформизм, с точки зрения которого историческая новизна (а иногда и просто вызов) предстает «только как тибель и уродство». Крайнее почвенничество исходит из наличия в стране, особенно такой, как Россия, некоторого комплекса национальных особенностей, которые надо развешивать и углублять вопреки потоку изменений, вырывающихся в общественную жизнь и культуру. Но есть еще одна специфическая черта этой книги — рассмотрение проблемы западничества и почвенничества через призму нескольких последовательно конструируемых предметов исследования. Следует напомнить, что *предмет исследования* — это не просто изучаемая нами, существующая вне нас реальность, сверх того он, предмет, включает в себя и способ изучения этой реальности.

Вот почему на протяжении работы авторы как бы «меняют» углубляют свое понимание характера спора западников и

почвенников. Но это не субъективное «уточнение» их позиции, не ликвидация «недостатков» прежнего концепта, а переход от одного предмета (и уровня) исследования к другому, более высокому, соответствующему новой исторической реальности.

А теперь несколько слов о структуре книги «Главный русский спор». В ее основу положены материалы дискуссии, инициированной Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) и Фондом «Либеральная миссия» (ФЛМ). В дискуссии принимали участие видные социологи, лингвисты, историки, литературоведы, философы. Работа состоит из двух частей. Первая часть называется «Противостояние», вторая — «Предсказания». В первой — «кобзорный» момент гораздо сильнее, чем во второй. Да и комментарий авторов первой части уступает по глубине, основательности их размышлениям во второй. Кажется, будто принятая в первой части схема обзора дискуссионной — рассмотрение истории западничества и почвенничества мирового зрений, анализ основных объектов их противостояния, проблем модернизации в связи с изучаемым спором и т. п. — заковывает мысль авторов в жесткие рамки «комментария по поводу», хотя они стремятся на каждом шагу раздвинуть эти рамки. Впрочем, богатая палитра мнений, приводимая ими, с лихвой искупает этот «недостаток»...

Вторая часть посвящена проблемам глобализма и Нового Средневековья. Здесь массив обозреваемых источников меньше и почти все они относятся к статьям и книгам. Новое, более глубокое содержание обретает и комментарий.

Зададимся вопросом: почему спор западников и почвенников не разрешен вплоть до начала XXI века? Думається, «виновата» в этом, в первую очередь, исторически особая действительность России — страны, соединившей в одном, насквозь противоречивом целом то, что порознь существует и нарождается в разных частях Земли: не только разнообразные формы уклада жизни — от средневековых, традиционалистских до новейших капиталистических, но и различные формы сопротивления инородной культуре, чаще всего западной. Как справедливо отмечают авторы, «взаимодействие новых западных заимствований с традиционными структурами России происходило путем наслаивания первых на вторые. То есть некоторый пласт заимствований обосновался в России, постепенно «приживался» и начинал рассматриваться (подчеркнем: не без борь-

бы, прогиворечий — И.П.) как нечто свое, традиционное, особенно по сравнению с новым, поспевшим пластом».

Европейский исторический процесс стаг тем не менее частью исторического процесса России, стаг благодаря активному участию страны «в коннёрте европейских держав» (К.Маркс) и связанному с ним воздействием экономического, военному, культурному на нашу страну со стороны Запада. С этим воздействием связаны попытки правящих кругов России скопировать (или переимитировать) во имя прогресса достижения Запада — «Долгоняющее развитие», которое не было только поступательным движением вперед по пути Европы, но сопровождалось дезинтегрирующими и разрушительными последствиями (культурный раскол страны, усиление социального гнета, развитие государственной бюрократии, опутавшей все российское общество системой «сыска» и деспотической опеки).

Авухсотлетняя полемика западников и почвенников — спор о том, что такое Россия, каково ее предназначение в мире, какими путями развиваться стране, насколько «европейское» совместимо с «российским», какую роль может и должна сыграть русская интеллигенция и т. п., имеет, таким образом, свои исторические и культурные основания. Это факт не оспаривается никем — ни участниками дискуссии, ни авторами рецензируемого труда. Но почему проблема Запада и России вновь и вновь открывается вот уже на протяжении двухсот лет? Почему вопросы не имеют «окончательного» ответа? Наконец, почему подавляющее большинство говорит о нежелательности «победы» одного мировоззрения над другим? (Ср.: А.Аннинский: «Победит ли одна из сторон? Боже упаси! Это конец... Вепном такой «победы» станет раскол лагера победителей опять наравне и — восстановление полюсов под другими титулами») Нельзя отрицать, что у скептиков будут основания сетовать по прочтении работы А.Блехера и Г.Аюбарского на «нерешенность» спора западников и почвенников. Но, собственно говоря, задачи *вызрешить* возникшие проблемы и дать единственно «правильный» ответ не ставили (да и не могли ставить) авторы книги «Главный русский спор». Их замысел другой: показать современную палитру взглядов на вопрос об отношении России и Запада, соотнести эту палитру с дискуссиями и спорами предшественников. Вырабатывать готовые ответы на вопросы, для решения которых далеко не созрели многие из объективных

условий, не формировались предпосылки для совмещения, смешно и нелепо. Ничто так убедительно, думается, не свидетельствует о зрелости авторов, их, если угодно, научном такте, как трезвость в оценке сложившейся идейной ситуации, обращение их к прошлому под преимущественно методологическим углом зрения. Их позиция заключается в том, что «подной истинны» не содержится ни в западничестве, ни в почвенничестве, взятых порознь, а в диалоге между ними, заключающемся в себе как момент сближения, так и конфликт взаимопонимания.

Думается, что актуальность диалога — не борьба, а именно диалога — западничества и почвенничества обусловлена в России прежде всего потребностью политико-культурной консолидации нашего общества, которая возможна только *на почве недейтельности*. Однако характер этих перемен (как и ритм) в поликультурном, поликонфессиональном обществе различен для разных социальных слоев, разных этносов и разных культур, к тому же он определяется на каждом историческом этапе развития страны заново и по-новому. Опознать собственные, всея России культурные различия, их генезис, их природу — задача огромной сложности, особенно если учесть, что процесс внутренних расслоений еще продолжается. В этих условиях *одно-единственное решение* (все равно: западничское или почвенничское) не подходит: ассимиляция одной культуры культурой другого региона, будь то Европа или Северная Америка или наоборот, «затвердение» данной культуры внутри самой себя не выражают главной задачи современности и будущего — интеграции культурных различий.

С другой стороны, сегодня мир становится теснее (растут связи стран и регионов) и в то же самое время неподатливее к единству. То, что казалось «только» различием в сроках и формах развития, вырастает ныне до проблемы, решение которой предстоит еще найти — усилием мысли и исторической работой. Обдумать надо заново, как соотносится материальная, общественная и политическая зрелость с духовной и на каких путях разноосновный, разнонаправленный Мир способен обрести внутри себя новую связь, новое единство.

Разумеется, не вслушав в Мир, не повторив путь «воспитания человечества» в себе (П. Чаадаев), который прошли другие народы России, не удастся найти себя, «выстроить» себя из-

нутри заново. Но каким образом повторить? Да и следует ли повторять, а может быть, следует идти своим путем?

Сравнительно несложно обнаружить сходство, иногда глаубокое, иногда поверхностное, между аргументами «старых» западников и славянофилов и современных реформаторов и почвенников. Общность их позиции порой буквально бьет в глаза. Но не облегаем ли мы свою задачу, ограничиваясь этими параллелями и заканчивая свою работу там, где она должна начинаться. Речь идет об *историческом факторе* спора западников и почвенников, об умении соотносить старую политику с изменившимися условиями, способными видоизменить ее, придать ей новую направленность. Более того, как правильно отмечается в работе, «при каждом крупном восприятии новизны образуются свои западники и свои почвенники».

Слов нет, истоки двухвекового спора относятся ко времени исторического и культурного пробуждения России, с повышением удельного веса страны в европейской политике. Но его *продолжение* в конце XX — начале XXI века свидетельствует уже о чем-то другом, более конкретном — об осознании опасности шаблонизации западного опыта, подгонки под него существенно иной мозаичной действительности. В этом смысле различение авторами труда понятий «вестернизация» и «модернизация» понятно и оправданно. Более того, оно обязательно в связи с особенностями современного этапа реформ. Сегодня Россия, представляющая собой «Страну стран», не может соразмерять свое историческое движение только с западным типом развития, она вынуждена учитывать всемирный опыт, внутри которого гигантские противоречия и разномы, но одновременно и та универсальность, которая нам нужна. И наверно не случайно в полемике, которую приводят авторы работы, участвуют и западники, и почвенники, и евразийцы. Короче, невозможность уместить в одну из существующих схем развития (будь то западная или, наоборот, восточная) заставляет мысль искать образ Мира, который не стирает бы региональных различий и национальных своеобразий, а делал бы их предельно ясной воссоздания нового культурного единства. Адаптация к Западу или Востоку здесь ничего не решает.

Отметим еще одну важную особенность книги — попытку рассмотреть спор западников и почвенников в контексте не только прошлого, но и предвидимого будущего. Сегодня — и

об этом авторы говорят с полными правом — спор между западниками и почвенниками переносится на более высокий уровень: «прежний характеризован отношение Европы и России, новый — России и глобального мира; прежний уровень говорил о взаимодействии двух частей, новый — об отношении целого и части». На этом уровне ставится проблема по-иному: какая Россия «нужна» миру и в каком мире она предпочла бы жить. Исходя из этой позиции западничество и почвенничество предстают перед нами в совершенно иной перспективе. Западники «от глобализации», в отличие от западников «первого уровня», мысливших в рамках отношения России и Европы, говорят уже об отношении (авторы почему-то говорят об «объединении») России не с Европой только, а с постигнутой реальным миром в целом или специально с США, «ведущей державой современности» (и опять странная проговорка: с США, обучающими весь мир гуманности и демократии?). Соответственно почвенники тяготеют при всех своих различиях к концепциям «почвенничества Юга».

И последняя проблема — идея Нового Средневековья. Что важно рассказать о ней (и что специально подчеркивают авторы), — что под Средневековьем они разумеют «периоды, обладающие высокой устойчивостью социальных структур и культурных парадигм, а не те периоды, которые обладают специфическими чертами известного нам исторического Средневековья». Исходя из концепции Нового Средневековья отношение почвенников и западников прочитывается особым образом. Выстраивается новая линия аргументации: ввиду угрожающего роста нестабильности мира требуется *устойчивое развитие*, увеличение преемственности культуры, начинается время «почвенных» ценностей. Но одновременно можно говорить и об актуальности «западничества» в широком смысле — как культуры инноваций, как «экстракта мудрости возрождения».

Аргументы словами, концепция Нового Средневековья не решает вопроса о праве одной из спорящих сторон: она лишь задает новые исторические координаты и порождает, если угодно, новые вызовы.

Завершая это предисловие к работе А.Блехера и Г.Акобарского, можно с полным правом утверждать: она расширяет горизонты дискуссии о западниках и почвенниках, встречивает

Предисловие

ее в контекст современных социокультурных проблем. Многие в ней ново и непривычно для нас. Но не забудем: мы живем в XXI веке, который ставит новые общие вопросы. Мир остается разным, он и должен быть разным — различными мирами, но *мирами в Мире*. Унификация ему явно противопоказана, но зато требуется единство культурных миров.

И.К.Пантин,
доктор философских наук,
профессор,
политический директор журнала
«Полис»

Предупреждение

Цель этой книги — привести материалы для описания современного состояния вопросов, которые традиционно занимали мыслителей России, — о судьбе России, направлении ее развития, соотношении с иными культурами и, конечно, в первую очередь — об отношении истории России к истории Европы.

Основной книги послужила дискуссия между современными западниками и почвенниками, инициированная Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) и Фондом «Либеральная миссия» (ФЛМ). Материалы этой дискуссии можно посмотреть на сайтах www.fom-discuss.ru и www.liberal.ru. Модератором дискуссии выступил А.И. Влехер. В данной книге приведены лишь цитаты из этих обширных материалов, позволяющие, однако, представить себе расклад мнений. Материалы дискуссии опубликованы в книге И.М. Клямкина (2003). В дискуссии приняли участие: А.А. Аннинский, А.Б. Зубов, А.А. Кара-Мурза, И.М. Клямкин, В. Коновалов, В.В. Лапкин, В.М. Межуев, М.В. Назаров, Ю.С. Пивоваров, Г.С. Померанц, И.В. Прусс, М.Ю. Соколов, А.И. Уткин, В.Г. Федотова, Г.Г. Хазагеров, В.Ф. Чеснокова, С.В. Цирель, И. Яковенко, А.А. Янов и другие.

Среди участников дискуссии — профессионалы-социологи, лингвисты, историки, литературоведы, политики. Они принадлежат к самым разным взглядам на ход российской истории, и объединяет их, пожалуй, одно — заинтересованное отношение к предмету разговора, судьбе России.

Высказывания участников диалога отражают современное состояние долгой дискуссии западников и славянофилов.

Предупреждение

Многие темы, поднятые в диалоге, перекалканются с теми, что обсуждались еще современниками Чаадаева. Поэтому мы включили в наш диалог тексты «старых» славянофилов и западников, веховцев и Арутиных мыслителей. Перед читателями пройдут этапы двухсотлетней дискуссии. Участники ее через столетия спорят, соглашаются, подтверждают и опровергают Арута Арута.

Разумеется, от книги, выросшей из материалов интернет-форума, не следует ожидать энциклопедичности, обозрения всех течений и направлений русской мысли. У нас не было цели рассмотреть «все» позиции и аргументы — для этого потребовалось бы, по меньшей мере, многотомное издание. Нашей целью было показать, как живут в современности идеи русской культуры, связанные с западным и славянофильским мировоззрениями, как эти идеи видоизменяются, как старый спор, оставаясь самим собой, выходит на новые уровни и затрагивает новые проблемы.

Прежде чем перейти к изложению результатов дискуссии, надо разобратся со значимостью того, что было высказано участниками диалога. По отношению к рассуждениям о русской истории и ее уроках существует достаточно устойчивое и весьма неблагоприятное представление. Действительно, социальные науки в целом не смогли предсказать два крупнейших события, обрамляющих двадцатый век: революцию в России в его начале и распад СССР в конце. Уже этот факт указывает на крайне слабую предсказательную способность имеющихся социологических теорий. Так стоит ли обращать внимание на то, что говорят профессионалы и тем более непрофессионалы? Можно прийти к мнению, что их высказывания интересны только ученым из области социополитических наук как материал для критики или площадка вольного обсуждения профессиональных тем, но для действительного понимания судеб страны и русской культуры эти беседы значения не имеют.

Такая пессимистическая позиция понятна, и потому перед тем, как представить слово самим участникам дискуссии, мы обратимся к вопросу о том, насколько хорошо русская мысль умеет предсказывать.

Введение

Сбывшиеся и несбывшиеся предсказания о судьбе России

Некоторые предсказания сбываются.
Жаль, нельзя предсказать — какие.

А. Черняков, сотрудник ФОМ

Прежде всего, надо согласиться: далеко не все, изрекавшееся в разное время российскими мыслителями и политиками, сбывалось, не все надежды оправдывались. Однако, если внимательно взглядеться в несбывшиеся предсказания, можно убедиться, что их «несбываемость» не случайна. Что же нам сулили глубокие мыслители, историки и политики раньше?

Н.М. Карамзин. 1802. Всеобщее обозрение

Взор русского патриота, собрав приятные черты в нынешнем состоянии Европы, с уважительным обращается на любезное отечество. Какой надежды не можем разделять с другими европейскими народами мы, осыпанные блеском славы и благовосновениями человеколюбивого монарха? Никогда Россия столько не уважалась в политике, никогда ее величие не было так живо чувствуемо во всех землях, как ныне. /.../ Когда другие державы препетали на своем основании, Россия возвышалась

спокойно и величественно. Довольная своим про-
странством, естественными сокровищами и милли-
онами жителей, не имея ни в чем соперников, не
желая ничьей гибели, не боясь никакой державы, не
боясь даже и союзов против себя /.../, она может
презирать обыкновенные хитрости дипломатики и
судьбою избрана, кажется, быть истинною посред-
ницею народов.

Россияне одарены от природы всем, что возво-
дит народы на высочайшую степень гражданско-
величия: умом и твердым мужеством. Мы спешим к
цели — и, обращая взор на то место, где наше рос-
сиян Петр, где наша их Екатерина, смело надеем-
ся, что между сею блестящею целию и нами скоро
не будет уже ни одного европейского народа.

Н.М. Карамзин. 1820. Письма к П.А. Вяземскому

 Пророков у нас бездна. Канцлер граф Румин-
цев именно предсказал революцию в Испании: я
слышал своими ушами глас Иеремии! Будет ли
лучше? Будет ли хуже? Последнее, увь, обычно-
веннее.

А.Х. Бенкендорф. 1830-е годы

 Прошедшее России было удивительно, ее насто-
ящее более, чем великолепно, что же касается ее
будущего, то оно выше всего, что может написа-
вать самое смелое воображение; вот, мой друг, точка
зрения, с которой русская история должна быть
рассматриваема и писана.

Приятно слышать просвещенное мнение начальника служ-
бы безопасности. К словам персоны такого ранга, как Управ-
ляющий III отделением Собственной Его Императорского Вели-
чества канцелярии граф Бенкендорф, следует подходить ис-
ключительно серьезно, и неуместны соображения, что кончая
оговорка о том, что история-де должна быть так *писана*, ука-
зывает на то, что история не таковой являлась. Говорил это
Бенкендорф графу М.Ф. Орлову, по-отечески настаивая его —
и для передачи сего мнения г-ну Чаадаеву, который что-то не
то написал. Шеф жандармов имел в виду, разумеется, то, что
историю надо писать, какова она есть.

Читая эти строки в 2003 году и думая о проблемах совре-
менности, невольно проникаешься горькими чувствами обману-
тых надежд. Эти предсказания не сбылись... В том смысле, что
они не верны для XXI века. А для века XX? Уже по этому поводу
может возникнуть спор, и найдется немало сторонников того
мнения, что XX век оправдал надежды Карамзина и Бенкен-
дорфа. СССР — мощнейшая держава, опора и надежда угнетен-
ных всего мира, соперник США... С другой стороны, срок, на
который рассчитаны предсказания Карамзина, не указан. За-
глядывать в будущее на 100–200 лет — дело трудное. Если же
говорить о веке XIX, то сейчас большинство людей, вероятно,
согласится с тем, что историк и политики начала XIX века
«угадали».

Подумается, что и ошибочные на первый взгляд предсказа-
ния — верны, по крайней мере в определенных пределах.
Предсказывая величие и счастье России будущего, Карамзин
сказал правду, которой, может быть, не видел его современ-
ники и непосредственные потомки. В годы «никалаевской ре-
акции», в «ужасные» 1880-е, современники склонны были бы,
наверное, выразить нашему Исторiku. Но мы, оглядываясь на
историю России, пожалуи, не согласимся с ними: *их* испыта-
ния *нам* покажутся легкими. Что же, правдивость предсказа-
ния зависит от того, кто и когда его читает...

Прогноз — дело очень тонкое, особенно в социальных на-
уках. Можно даже сказать, что добрая половина прогнозов
делается их читателями, а не теми, кто эти прогнозы написал.
В далеком будущем прочтывают старые книги и изучаются
прозорливости того, что для современников было общим мес-
сом. И наоборот, современники читают прогнозы, обращенные
в будущее, и делают вполне конкретные выводы для насто-
ящего, так что прогноз, не успев подтвердиться, уже оказыва-
ется осуществленным — в качестве плана.

В связи с этим прогнозы используются в политике — и
сейчас, и ранее. Так, И. Киреевский, а за ним и многие другие
указывали на величие исторического будущего России.

И. Киреевский. 1830.

Обозрение русской словесности 1829 года

 Но отдаленность местная и политическая, а
более всего односторонность английской образо-

ванности Соединенных Штатов всю надежду Европы переносят на Россию.

Судьба каждого из государств европейских зависит от совокупности всех других — судьба России зависит от одной России. Но судьба России заключается в ее просвещении: оно одно есть условие и источник всех благ. Когда же эти все блага будут нашими, мы ими поделимся с остальной Европой и весь наш долг западлым ей сторидею.

П.Я. Чаадаев. 1836. Философическое письмо. 1

Россия призвана к необычному умственному делу: ее задача — дать в свое время разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе /.../ придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы.

Итак, США страдают «односторонней английской образovanностью», Европа мелка и зависима, и только Россия, просвещенная и могучая, может считаться надеждой мира. При чем, обрета плоды просвещения, шедрая Россия поделится ими с Европой и прочим миром. Подобные мнения вызывали в XIX веке совсем такую же, как сейчас, реакцию.

Ю.Ф. Самарин. 1863.

По поводу мнения «Русского Вестника»

«Русский Вестник» успокаивает публику заверением, что «Европа нуждается в нас, что могущественная, крепкая, самостоятельная Россия незаменима в системе целого мира; что Россия есть одна из самых коренных сил Европы; что в числе пяти великих держав, она составляет Европу в теснейшем и собственном смысле и только как великая европейская держава известна она целому миру, только в таком качестве имеет она значение и силу».

Пора же наконец убедиться, что ничто так не извратило нашего народного самосознания и так не повредило нам в мнении добросовестнейших представителей Западной Европы, как это беспрестанное величание нашим внешним могуществом и представлением России в виде какого-то колоссального олицетворения вещественных сил. Это тот

самый призрак, которым гегерские полядки пугают Европу...

Через добрые подвеса после Киреевского с подобными по смыслу прогнозами о великой судьбе России выступил Н.Я. Данилевский, и снова прозвучала апелляция к текущей политике.

В.А. Соловьев. 1888. Россия и Европа

В начале своей «России и Европы» Данилевский поставил вопрос: почему Европа так не любит Россию? — Ответ его известен: — Европа, думает он, боится нас как нового и высшего культурно-исторического типа, призванного сменить аряхляющий мир романо-германской цивилизации. Между тем и самое содержание книги Данилевского, и последующие признания его и его единомышленника наводят, кажется, на другой ответ. Европа с враждою и опасением смотрит на нас потому, что, при темной и загадочной стихийной мощи русского народа, при скудости и несостоятельности наших духовных и культурных сил, притязания наши и явны, и определены, и велики. В Европе громче всего раздаются крики нашего «национализма», который хочет разрушить Турцию, разрушить Австрию, разгромить Германию, забрать Царьград, при случае, пожалуй, и Индию. А когда спрашивают нас, чем же мы — взамен забранного и разрушенного — одарим человечество, какие духовные и культурные начала внесем во всемирную историю, — то приходится или молчать, или говорить бессмысленные фразы.

Впрочем, мы отвлеклись. Наш разговор сейчас — о несбывшихся предсказаниях. Среди них можно отметить, в частности, те, что исполнены веры в «лучшее будущее». В них основное внимание обращает на себя даже не непосредственный смысл высказывания, а проникающее его настроение.

А.И. Герцен. 1840-е гг.

Мы дивимся гадаторам, — а разве через век не будут дивиться нам, нашей свирепой жестоко-ти, отсутствию человеколюбия у нас?

Еще несколько десятилетий — в 1880-е, в 1890-е — это высказывание казалось верным; но именно через век, в 1940-е годы, оно произошло впечатление такой вопиющей наивности... Кто же после Первой мировой войны стал бы дивиться свирепой жестокости 1840-х годов? Герцен, конечно, ошибся. Или история пошла не тем путем, заплутав в XIX веке на какой-то развилке? Вот еще пример.

А.И. Герцен. 1859. Русские немцы и немецкие русские

Мы не западные люди, мы не верим, что народы не могут идти вперед иначе, как по колена в крови; мы преклоняемся с благоговением перед мучениками, но от всего сердца желаем, чтоб их не было.

Столь же изумительное при взгляде из XXI века высказывание; это мы-то не идем по колена в крови...

Вот мнение относительно развития русской интеллигенции; судя по духу написанного, прогноз рассчитан на ближайший год, много — десятилетия.

М.О. Гершензон. 1909. Творческое самосознание

Народу революция действительно могла дать все, что ему нужно для здоровой жизни: свободу самоопределения и правовую обеспеченность. Но что дада бы политическая свобода нам, интеллигенции? Освобождение есть только снятие оков, не больше; а снять цепи с того, кто сдается внутренним недугом, еще не значит вернуть ему здоровье.

Теперь наступает другое время, чреватое многими трудностями. Настает время, когда юношу на пороге жизни уже не встретит готовый идеал, а каждому придется самому определять для себя смысл и направление своей жизни, когда каждый будет чувствовать себя ответственным за все, что он делает, и за все, чего он не делает.

Нет никакого сомнения, что начинающийся теперь процесс сосредоточения личности в самой себе устранит эту /идеалистическую. — А.Б., Г.А./ пагубную односторонность. Можно было бы даже опасаться обратного, именно того, что на первых порах он поведет к разнузданию эгоизма, к полу-

щению личности заботою о ее плотском благополучии, которое так долго было в презрении. Но при-
менительно к русской интеллигенции этот страх неуместен. Слишком глубоко укоренилась в ней привычка видеть смысл личной жизни в идеальных благах, слишком много накопила она и положительных нравственных идей, чтобы ей грозила опасность погрязнуть в мешанском довольтстве.

Это предсказание другой породы. Оно не сбылось никогда. Гершензон говорит, что «западный» образ жизни не опасен для русской интеллигенции, такой нравственной, такой бескорыстной... В предсказании Гершензона есть указание на срок «сбытия», и как бы ни сложились судьбы интеллигенции в России, это высказывание Гершензона останется неверным. Интеллигенция не избавилась от своих пороков до 1917 года, а потом пороки исчезли вместе с той интеллигенцией. Более того, если современной интеллигентуальной элите приписывать преемственность с дореволюционной интеллигенцией, то все же нельзя сказать, что «слишком много накопила она и подожженных нравственных идей, чтобы ей грозила опасность погрязнуть в мешанском довольтстве». Предсказание Гершензона — из разряда несбывшихся надежд. Однако... Если вполнить высказывание А. Михачева о современных «святых» — библиотекарях, врачах скорой помощи, работников музеев и т.д., не окажется ли суждение об ошибочности мнения М. Гершензона под вопросом?

А вот иного рода несбывшийся прогноз.

А.С. Изгоев. 1910. Интеллигенция и «Бехи»

Неортодоксальные марксисты не делали себе кумира из пролетариата, а добросовестно искали те социальные силы, которые способны были /.../ пере-
вести Россию в разряд правых государств.
/.../ Если же этот переход не удастся, если Россия не сможет превратиться в свободное правовое государство, гдѣль негизбѣжна /курсив наш. — А.Б., Г.А./.
/.../ Силой конституционной реформы /.../ той-
рой конституционного строя может быть /.../ только интеллигенция, лица свободных профессий, педагогов, так называемый «третий элемент», земский

События и несбывшиеся предсказания...

и городской, всякого рода технические работники, близко стоящие к населению...

Изгоев ошибся: здесь не сбылась не надежда, а угроза. Так и не став свободным правовым государством, Россия все же не погибла. Хотя... С точки зрения А. Изгоева, то, что произошло в 1917 году, и было «подной гибелью всерьез». Если с ним согласиться, что в результате революции Россия действительно погибла (хотя появился СССР, породивший через 70 лет новую Россию), то угроза исполнилась.

В таком случае, может быть, предсказание Изгоева относится к нашим временам? История России в XX веке идет по кругу; то, что не исполнилось в начале века, продолжается в конце его. И тогда перед нами сегодняшний день предстает как время, критическое по отношению к пророчеству Изгоева. Тогда о нашей современности он говорил:

А. С. Изгоев. 1910. Интеллигенция и «Вехи»

Из антигосударственной, антипатриотической — интеллигенция должна стать творческой, социально-государственной, по своим идеям, силой, потерей в то же время своего духа, не сквернясь холостяком, в котором морально и умственно погибло наше нынешнее служебное сословие. Из антирелигиозной, фанатически атеистичной — интеллигенция должна презраться в группу людей действительно культурных. Она должна научиться ценить силу и значение для жизни подлинных религиозных идей, разлагаемых сотнями миллионов, но в то же время не унижаться до лицемерного ханжества, убивающего человеческий дух. Из духовно-высокомерной и нетерпимой она должна сделаться истинно-гуманной, открытой всякий террор, как физический, так и моральный. Из замкнутой в себе узкой группы теоретиков-фантазеров интеллигенция должна превратиться в широкое открытое национальное общество умственно развитых людей... Скажут, что поставленная задача не разрешима, что она утопична. На это могу дать только один ответ: разрешение его необходимо. Если не удастся создать в России государственную интеллигенцию со-

знательными усилиями, она в ней народится как результат целого ряда катастроф, если только за это время не погибнет и не расчленился само государство.

Что же, получается, что и это ошибочное предсказание Изгоева по крайней мере не бессмысленно. Можно спорить, переродилась ли интеллигенция указанным образом; похоже, что все-таки нет — и это вполне совпадает с мыслью Изгоева. Создать в России «государственную интеллигенцию сознательными усилиями» не удалось, и за это время погибло и расчленилось само государство, причем дважды погибло и дважды расчленилось.

Такой же характер носят и многие другие «неудачные» пророчества.

А. С. Изгоев. 1910. Интеллигенция и «Вехи»

Основное несчастье России — отсутствие в ней всяких действительных, серьезных, независимых общественных сил, как прогрессивных, так и консервативных.

Можно спорить, действительно ли в России нет и не было действительных общественных сил. Однако фактом остается то, что такое мнение о российском обществе можно с равной претензией на правоту высказать и в 1910 году, и в 1950-м, и в 2000-м.

Вот еще прогноз, который уже несколько раз «сбывался» и столько же раз опровергался — и конца его столь своеобразной действительности не видно.

П. Б. Струве. 1917. В чем революция и контрреволюция?

Сейчас «социалистическая» волна погромного характера кажется революцией, но на самом деле революцией является не она, а идущее под ней мощное течение буржуазного стяжания, которое неминуемо вступит с нею в борьбу. И тогда социалистическая волна обнаружится, как то, чем она является на самом деле, как отравительный погромный костюм, в который временно облекался процесс создания новой народно-буржуазной России.

События и несбывшиеся предсказания...

В 1917 году эти слова звучали, вероятно, очень странно... Хотя чего только не говорили в 1917-м. Во времена военного коммунизма это был бред. Сразу за ним, при напе, — замечательное предвидение. По окончании напе — ошибка. Но вот прошел век, и эти слова выступают совсем в новом окружении. Действительно, кто бы мог подумать 20 лет назад — «процесс создания новой народно-буржуазной России. Что Струве указал на один из аспектов циклического процесса, и при таком понимании даже в те периоды, когда реальность, отвечающая идее Струве, скрывалась под взбабамученными волнами социальной действительности, — сама идея оставалась истинной. При таком понимании Струве «сбылся» и продолжает сбываться — мы можем ожидать в этом случае не столько того, когда пророчество начнет сбываться, сколько обратного — конца сбывания данного предсказания, выходя из закодированного круга, в котором Струве прав, прав, еще раз прав...

А вот другое высказывание Струве.

П.Б. Струве. 1911. Патриотизм: Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905—1910)

Консерватизм русской революционной интеллигенции сказался в том, что в идейном отношении наша революция всецело была во власти славянофильски-народнической теории: русский народ есть народ избранный в социальном и политическом отношении; мы можем и должны перескочить через отвратительные нашим интеллигентским сознанием «буржуазные» фазы; мы как бы уподомогены историей шествовать по пути прогресса быстрее других народов. /.../ Реальный ход русской революции беспощадно вскрыл, однако, всю фантастичность этого социалистического славянофильства и мессианизма. Русская революция изгнала славянофильство в этом смысле из его последнего убежища.

Струве говорит о революции 1905 года и утверждает, что идея «перескочить через буржуазные фазы» развития не удалась и похоронена. Он ошибся; в 1917 году попытка «скачка» была предпринята вновь и в определенном смысле уда-

лась. Он ошибся? Или указал на одну из самых характерных особенностей русской истории, далеко выходящей из рамок ленинской теории революции: прыжки через исторические этапы характерны для России по крайней мере со времен Петра, да и сейчас нет оснований думать, что время прыжков закончилось. Струве сказал о фантастичности таких прыжков. Мы знаем, что они могут быть реализованы. Делает ли это их менее фантастичными? Если мы строго скажем, что реальность не дает места фантастике, — Струве ошибся. Но это мы так определили слова. Может быть, более верным реальности будет высказывание, что бывает и реальная фантастика? Столь реальная, что реальность нефантастическая оказывается желанной и комфортной по сравнению с реальностью фантастической?

Есть и явные признания в том, что некоторые прогнозы не сбылись.

В.А. Макаков (лидер кадетов) в 1917 году (цит. по: Уткин, 2001б, с. 332)

Никто из нас не предвидел огромности движения; никто из нас не ждал подобной катастрофы. Конечно, мы знали, что императорский режим падет, но мы не подозревали, что до такой степени. Вот почему ничего не было готово. Я говорил вчера об этом с Максимом Горьким и Чхеидзе: они до сих пор не пришли в себя от неожиданности.

Макаков, Горький и Чхеидзе ошиблись, не предвидели будущее. Правда, никто из них, как кажется, не претендовал на роль крупных мыслителей и философов истории не зная. Однако и здесь ошибка, по признанию авторов «прогноза», — количественная. Если бы можно было предвидеть хотя бы качественную картину будущего... Дадно уж, без количественных показателей, без указания на степень «огромности»: просто знать, что в принципе случится, хотя бы примерно...

С.А. Аскольдов. 1918. Революционный смысл русской революции

Пишущему эти строки задолго до русской революции пришлось вести беседу с одним из своих друзей /.../ о возможности революции в России. Мой собеседник настаивал, что революция в Рос-

сии возможна и необходима, и что, конечно, по течению своему она не будет представлять ничего особенно утраченного. /.../ Я утверждал обратное, а именно весьма малую вероятность революции в России. В случае же если она произойдет, то /.../ она разыграется в масштабах и формах, напоминающих французскую революцию, и даже, наконец, превзойдет ее по силе революционного тора.

Далее Аскольдов признается, что и он, и его собеседник были не правы но верно и обратное: отрицательные ожидания обоих сбылись.

Г. П. Федотов. 1936. Сталинокрапия

В России не может установиться надолго власть, которая не была бы признана и принята крестьянством, составляющим сейчас огромное большинство в стране. Если освобождение крестьянства, слитком робко намеченное Сталиным, не завершится ранее военного нападения на Россию, она не выдержит новой войны.

Ошибся. Выдержала. Но цена... Впрочем, знаменитое «братья и сестры» было обращено к тому самому подавляющему большинству. Федотов не смог точно оценить нарождавшийся тогда «новой исторической общности людей — советского народа», его прогноз относился к русскому народу и потерпел крах. Или те самые «братья и сестры» и были восприняты народом как достоячая гарантия освобождения? Иногда люди верят на слово...

Г. П. Федотов. 1936. Защита России

В то время, когда национальное сознание казалось умершим в народе русском, все остальные народы рухнувшей Империи переживали бурный экстаз своего национального рождения. Их пробуждение, даже самое существование многих из них, мы так же прозревали, как выветривание русского патриотизма. Нам и в голову не приходило сопоставлять национальную структуру России с Австро-Венгрией. До того мы смотрели на вещи глазами победоносцевской эпохи.

Это — признание заблуждения целого поколения, причем заблуждения, через сто лет в точности повторенного. В 1980-х годах так же не представляли себе возможности распада СССР и пробуждения национальных автономий, как и в 1910-х.

Наконец, в заключение разговора о «неправильных» сказаниях приведем такое.

П. Сорокин. 1967. Основные черты русской нации в Двадцатом столетии

Если не будет развязана новая мировая война, то не придется сомневаться в том, что Советский Союз, по-прежнему ведомый русской нацией, может с надеждой смотреть в будущее. Он успешно преодолел «ужас разорения», причиненный мировыми войнами и гражданской войной, сумел стать конструктивным лидером среди всех других наций и, вероятно, будет продолжать свою ведущую роль в течение будущих десятилетий, а возможно и столетий.

Предсказание сделано крупным социологом и — вопиюще неправдиво. Через каких-нибудь 20 лет — какие там будущие столетия!... Однако у Сорокина есть оговорка: «если не будет развязана новая мировая война». Надо подлагать, сам Сорокин не причислял «холодную войну» к категории «мировых» — поскольку написано это предсказание как раз в ее разгар. Однако многие современные историки уверенно квалифицируют «холодную войну» как третью мировую, и тем самым предсказание Сорокина оказывается вполне корректным: не сбылось, поскольку не было выполнено граничное условие.

Оказывается, даже очевидно несбывшиеся предсказания далеко не так просты и отмахиваться от них не следует.

Существует и другой тип высказываний о будущем, обычно весьма презираемый, — это тип высказываний, годных на все времена. Известно, как легко делать предсказания вроде «молдежь нынче не та, мы катимся в пропасть», «жизнь как никогда тяжела, а дальше будет еще хуже».

Вот пример.

П.И. Новгородцев. 1918. О путях и задачах русской интеллиции

Не только государство наше разрушилось, но и нация распалась. Революционный вихрь разметал и рассеял в стороны весь народ, рассек его на враждебные и обособленные части. Родина наша изнемогает в междоусобных распрях. Неслыханное расстройство жизни грозит самыми ужасными, самыми гибельными последствиями. Захваты и завоевания неприятеля почти не встречаются противодействия, и, кажется, всякий может сделать с Россией, что хочет. Только самые черные дни нашей прошлой истории могут сравниться с тем, что мы сейчас переживаем.

Вытываясь в эти «всетаппригодные» пророчества, поражаешь, насколько они применимы в наше время. Как кажется, 1918 год соответствует этому описанию, однако мы знаем, что за ним последовали консолидация и восстановление государственной мощи СССР. Так что как высказывание о 1918 году это верно, как пророчество о будущем — не верно. Но как быть с тем, что 70 лет это пророчество было неверным и несбывшимся, а потом вдруг стало чрезвычайно точно соответствовать реальности? Стоящие часы дважды в сутки показывают совершенно точное время. Даже предсказания о «наступающих тяжелых временах» и «небывалых испытаниях» несут отенок истинности: они сказаны о России, а каждая страна неслажива по-своему. Несчастье России может быть обрисовано так, как это высказал Новгородцев, и потому он прав не только для 1918 года, но и для 1998-го.

Вот другое «всетаппригодное» высказывание, столь же «неконкретное» — и столь же потрясающе верное почти через век после произнесения.

С.Н. Булгаков. 1909. Героизм и подвигничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции)

Россия переживает революцию. Эта революция не дада того, чего от нее ожидали. Подожителные приобретения освободительного движения все еще остаются, по мнению многих, и по сие время по меньшей мере проблематичными. Русское общество, истощенное предыдущим напряжением и неудача-

ми, находится в каком-то оцепенении, апатии, духовном разброде, унынии. Русская государственность не обнаруживает пока признаков обновления и укрепления, которые для нее необходимы, и, как будто в сонном царстве, все опять в ней застыло, скованное неподвижной Аремой. Русская гражданственность, омрачаемая многочисленными смертными казнями, необычайным ростом преступности и общим огрубением нравов, пошла положительного назад. Русская литература зашла мутной водой порнографии и сенсационных изданий. Есть от чего прийти в уныние и впасть в глупокое сомнение относительно дальнейшего будущего России. И во всяком случае, теперь, после всего пережитого, невозможно уже как наивная, несколько прекраснотдушная славянофильская вера, так и розовые утопии старого западничества.

Кроме этих «подозрительных» по своей истинности («сбываемости») пророчеств имеется множество других, уверенно сбывшихся. Более того, сразу можно сказать, что «плохих» и «подозрительных» пророчеств, пожалуй, меньше, чем «хороших». Можно привести несколько, выбранных почти наугад, не обязательно самых известных и самых точных. Более того, мы сознательно ограничимся высказываниями мыслителей, политиков, философов, историков, оставив в стороне «козырную карту» предсказательной способности русской мысли. Эта «козырная карта» — русская литература.

В. Ходасевич. [1954]. Литературные статьи и воспоминания

Ни одна литература /.../ не была так пророчественна, как русская. Если не каждый русский писатель — пророк в полном смысле слова (как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский), то нечто от пророка есть в каждом, ибо пророчествен самый дух русской литературы.

Н. Бердяев. Духи русской революции

Народопоклонство Достоевского потерпело крах в русской революции. Его подожителные пророчества не сбылись. Но торжествуют его пророческие прозрения русских собдлазнов.

Сбывшиеся и несбывшиеся пророчества...

Ю.С. Пивоваров. 1998. Русская мысль, Система русской мысли и Русская Система (опыт критической методологии)

Ф.М. Достоевский «запланировал» русскую революцию «Бесами» и «Карамазовыми». Это — об- щее место, это признали все. Порою кажется, что персонажи Семнадцатого года были порождением его воображения. Выдох до физического схода, до ситуативных повторов. /.../ Русская мысль XIX-XX столетий /.../ не менее, чем литература, — *критична*. Обе они «пророчесствуют», и пророче- ства — в известной степени — сбываются. Порази- тельно и то, что креативность обращена не только в будущее, но и в прошлое.

«Козырную карту», потрясаяще точно прогнозирующую нашу историю, мы разыгрывать не будем. Мы не будем напо- минать об Угрюм-Бурчееве и о пророчестве атомной бомбы у Андрея Белого, о «Бесах» Достоевского и о «народном смири- теле» Блока. Дореволюционная русская литература нарисова- ла весь XX век... Правда, литература XX века, как кажется, воздержалась от высказываний о веке XXI.

Итак, что же предсказали мыслители России?

Стадо хрестомайтинным упоминать пророчество Токвиля о двух великих народах будущего — русских и американцах. Это знаменитое предсказание было опубликовано в 1840 году, а в 1830 году, десятью годами ранее, И. Киреевский писал:

И. Киреевский. 1830. Обзорение русской словесности 1829 года

Изо всего просвещенного человечества два на- рода не участвуют во всеобщем усыплении: два на- рода, молодые, свежие, цветут надеждою: это Соеди- ненные Американские Штаты и наше отечество.

Сказать, что некий русский мыслитель был на 10 лет более прозорлив, нежели Токвиль, значит сказать совсем не мало об остроте русской мысли.

П.Я. Чаадаев. 1836. Философическое письмо. 1

Я уже с давних пор готовлюсь к катастрофе, которая явится развязкой моей истории. Моя стра-

на не упустит подтвердить мою систему, в этом я нимало не сомневаюсь.

П.Я. Чаадаев. 1836. Философическое письмо. 1

Мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество.

Для совершенного возрождения, в согласии с разумом Откровения, нам не хватает еще какого-то огромного искупления, впопне прочувствованного всем христианским миром и всеми испытанного, как великая физическая катастрофа, на всем простран- стве мира.

Есть высказывания, прямо относящиеся к нашему времени.

Н.И. Тургенев. 1818. Опыт теории налогов

Введение гласности там, где она неизвестна, должно быть провозведено в действие мадо-помалу и с осторожностью.

А.И. Герцен. (Относительно гражданского самоуправления у крестьян, в 1860-е годы)

Всеобщая подача голосов, навязанная неподо- говленному народу, послужила для него брיתвой, которой он чуть не зарезался.

В 1860-х годах в «Колоколе» были пророчества о судьбе русской интеллигенции и революции.

А.И. Герцен. 1864. Колокол, № 187

Интеллигенция /.../ демократическая шляхта /.../ вы же ничего не несете /.../ Вы еще не подумали, что значит голштинно-аракчеевская, петербургски-царс- кая демократия, скоро почувствуете вы, что значат красная шапка на петровской дубинке. Вы полюбите в пропасти... и на вашей могиле /.../ посмотрят дру- гругу в лицо — сверху лейб-гвардии император, обделенный всеми властями и всеми своевольными в мире, снизу закипающий, свирепеющий океан наро- да, в котором вы пропадете без вести.

События и несбывшиеся предсказания...

Вот высказывание, говорящее о будуще, которое наступило лишь через семь десятков лет. И пророчество это еще 70 лет оставалось верным.

А.И. Герцен. 1850. С того берега

Основной тон его /следующего тома всемирной истории. — А.Б., Т.А./ мы можем понять и теперь. Он будет принадлежать социальным идеям. Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нечеловеческих. Тогда снова вырвется из титанической гряди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущим, неизвестно нам революцией.

Тем самым указано не только на 1917 год, но и на годы 1990-е. Об этом же грядущем, а для нас современном переломе Герцен говорит:

А.И. Герцен. 1859. Русские немцы и немецкие русские

Перед *социальным* вопросом начинается наше равенство с Европой, или, лучше, это действительная точка пересечения двух путей; встретившись, каждый пойдет своей дорогой.

А.И. Герцен. 1859. Концы и начала

В чем же состоит та злая ересь, то отпадение от своих собственных принципов, от непреложных законов мироздания и от всех божественных и человеческих учений и уставов, что я не считаю мешанства окончательной формой русского устройства, того устройства, к которому Россия стремится, и, достигая которого, она, вероятно, *Ифродит* и мешанской половой.

Зная значение слова «мешанство» у Герцена (в переводе на современный язык следовало бы сказать: американизм), можно только развести руками: можно пробежать взглядом все годы русской истории с 1859-го до 1989-го — и спросить: ну как об этом можно догадаться?

В 1857 году Ю. Самарин говорит о неадекватности восприятия европейской наукой русских явлений.

Ю.Ф. Самарин. 1857. Замечания на статью г. Соловьева

Бедная земля! Какой бесконечный ряд операций и опытов готовится для нее вперед, сколько ломки, противоречий, сколько ударов по самым чувствительным жилам, сколько даром поглощенного труда, сколько напрасного насилия!

Не впечатляет? Слишком туманно? Что же, можно и конкретнее.

В.А. Соловьев. 1900. Три разговора

Европа в двадцать первом веке представляет союз более или менее демократических государств — европейские соединенные штаты.

После этого *фактического* указания можно стерпеть и такое весьма общее высказывание.

В.А. Соловьев. 1889. Славнофильство и его вырождение

В последнее время повсюду совершилась важная перемена: главным претягиваем истинному прогрессу является не то или другое учреждение, а одичавшие мысли и понижение общественной нравственности. Нелепо было бы верить в окончательную победу темных сил в человечестве, но ближайшее будущее готовит нам такие испытания, каких еще не знала история.

Это не простая риторика по поводу «упадка нравов». Это указание на деградацию культуры как основную причину социальных изменений. Двадцать лет назад, для марксистов, это могло звучать пустотой — надстройкой!.. Сейчас слова Соловьева читаются совсем иначе.

Замечательно современно мышление Победоносцева, яросского консерватора и «замораживателя» России.

К. Победоносцев. 1906. Про et contra

Организация партий и поккуп — вот два основных средства, которые употребляются с таким успе-

хом для орудования массами избирателей. /.../ Но в наше время изобретено еще новое средство тасовать массы для политических целей. /.../ Это средство состоит в искусстве быстрого и ловкого обобщения идей, составления фраз и формул, бросаемых в публику с крайнею самоуверенностью горячего убеждения, как последнее слово науки /.../.

Многие «охранители» отлучались на редкость точным видом нем будущего. Вот, например, высказывание еще одного «ретрограда», едва ли не более «закоснелого», чем Победоносцев.

К.Н. Леонтьев. 1874. Византизм и славянство

Я осмелюсь даже, не колеблясь, сказать, что никакое польское восстание и никакая путачевщина не могут повредить России так, как могла бы ей повредить очень мирная, очень законная демократическая конституция.

Леонтьев сказал и о другом возможном пути России, отличающемся от постепенных и «европейских» преобразований.

К.Н. Леонтьев. 1884. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения

Воюя против подвижного капитала, стараясь ослабить его преобладание, *архилиберальные* коммунисты нашего времени ведают, сами того не зная, к *умевшиению подвижности* в общественном строе; а уменьшение *подвижности* — значит *умевшиение личной свободы*; гораздо большее против нынешнего ограничение *личных ирдв*.

Надо полагать, что это предсказание уже можно считать сбывшимся. Впрочем, совсем уж всех деталей он не предусмотрел.

К.Н. Леонтьев. 1884. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения

Я берусь даже определить с приблизительной точностью эту уже близкую гоучку поворота. Она должна совпасть со следующими двумя событиями: *социалистическим бунтом в Париже*, более удачным, чем прежние, и *взятием славянами Царь-Града*.

Значение Парижа и Европы будет с этой минутой умаляться; значение Босфора и вообще *чезго-то другого* — расти. /.../ Эта новая культура будет очень тяжела для многих, и замесит ее люди столь близкого уже XX века никак не на сахаре и розовой воде равномерной свободы и гуманности, а на чем-то ином, даже страшном с непривычки.

В деталях, конечно, ошибся... Однако Первая мировая война ведала Россией за Царьград и проливыв, а влияние Франции в Европе неизмеримо упало вскоре после того, как Леонтьев сдала это высказывание, — и продолжало падать. И социалистический бунт — да, конечно, совсем не в Париже, скорее — из Парижа, из Лондона вывезенный в Россию.

А вот его предсказание, которое можно применить к одной из центральных фигур советской истории.

К.Н. Леонтьев. Над могилой Пазухина. [1993]

Подобно евреям, не ожидавшим, что из недр их выйдет Учитель Новой Веры, — и мы, неожидаанно, лет через 100 каких-нибудь, из наших государственных недр, сперва бессловных, а потом бесперковных или уже слабо церковных — родим того самого Антихриста.

Если по датам — сто лет действительно не прошло, «оно» родилось из государственных недр.

Впрочем, Сталин, конечно, не Антихрист. Это всего лишь метафора. Да и не может быть такого. Хотя... Может быть, стоит еще немного подождать — вдруг сбудется? Если предсавить себе такое событие — подумайте, какой результат: в нашей колллекции добавится еще одно событие предсказание! Последнее.

После этого вполне ненаучного предсказания можно обратить внимание на строгий (насколько это возможно для общественных наук) вывод.

П.Б. Струве. 1921. Итоги и существо коммунистического хозяйства

Военный коммунизм регулировал большую или меньшую скудость, вызванную специальной времен-

ной причиной, войной, призван был бороться с **недопроизводством**. Программно-исторический, научный социализм марксизма, наоборот, мыслится регулирующим не скудность, а обилие, призывается перебороть именно **перепроизводство**. /.../ Экономическая бессмысленность и историческая неадекватность русского коммунистического (социалистического) опыта состоит /.../ в том, что для него, как хозяйственной системы, отсутствует самая основная экономическая предпосылка, из которой вообще выросла вся марксистская организационно-экономическая идея социализма, как могильщика и наследника капитализма: производственное обилие, созданное самим же капитализмом.

Возможно, сейчас, во время повсеместной критики марксизма, этот вывод звучит не столь уж поразительно, но еще в 1970—80-х годах это было для многих весьма удивительным замечанием.

Итак, мы стараемся указать на очень простой факт: весьма разнообразие и разноречивые высказывания мыслителей XIX века складываются в набор предсказательных суждений. Примем к этим суждениям современники и потомки относимся то как к «пророчествам» (когда не ясно, кидаться пророку в ноги или отсыпаять ему горячих — за такой-то протоз...), то как к пустой болтовне, не стоящей внимания: люди пишут, вот и пишут.

Г.Г. Шпет. [1980]. Очерк развития русской философии

Общество и государство никогда не могли преодолеть внутреннего страха перед образованностью. Отдельные лица кричали об образовании, умирали от тифа, рыдали, умоляли, но общество в целом и государство пребывали в невежестве и оставались равнодушны ко всем этим воплям.

Именно в том ключе, о котором мы сейчас говорим, отзывался о «Веках» Г.С. Померанц.

Г.С. Померанц. 1988. Оаноничные теории

Что противопоставили теории вековцы? Свои интуитивные оценки. Свое разномыслие. Они не сходились друг с другом во многих частных сужде-

ниях и не сделали никакой попытки сгладить это. На человека, требующего руководства к действию, «Вехи» должны были произвести впечатление професорской болтовни. Но это книга единого духа, и сейчас, через 80 лет, поражающая своей верностью жизни и даже в частностях почти пророческая.

Основной темой «Вех» была русская интеллигенция: ее потрясающая жертвенность и не менее потрясающая жестокость, безбожная религиозность, бескорыстие и поспешность; мы знаем об этих грехах интеллигенции во многом благодаря «Векам». «Вехи» — пророческая книга, но не в самом банальном смысле. В ней не так много указаний «на будущие факты», зато она полна указаниями на будущие проблемы.

П.Б. Струве. 1909. Интеллигенция и революция

Русская интеллигенция, отрезавшись от безрелигиозного государственного отщепенства, перестанет существовать как некая особая культурная категория. Сможет ли она совершить опромный подвиг такого преодоления своей нездоровой сущности? От решения этого вопроса зависит в значительной мере судьбы России и ее культуры. /.../ Есть основания думать, что изменение произойдет из двух источников и будет носить соответственно этому двоякий характер. Во-первых, в процессе экономического развития интеллигенция «обуржуазится», т. е. в силу процесса социального приспособления примирится с государством и органически стихийно втянется в существующий общественный уклад /.../.

С.А. Франк. 1909. Этика нигилизма

Мы присутствуем при развале и разложении традиционного интеллигентского духа; законченный и целостный, несмотря на свои противоречия, моральный тип русского интеллигента, как мы старались изобразить его выше, начинает исчезать на наших глазах и существует скорее лишь идеально, как славное воспоминание прошлого.

Более политичный Витте предпочел высказаться на языке граничных условий.

События и несобытия предсказаны...

С.Ю. Витте. 1905

Россия составляет в одном отношении исключение из всех стран мира, и как отнесется к этому исключению история — покажет будущее. Исключение это состоит в том, что систематически, в течение более чем двух поколений, народ воспитывается в отсутствии понятия о собственности и законности... Какие исторические события явятся результатом этого, затрудняюсь сказать, но чувю, что последствия будут очень серьезные.

Результаты воспоследовали. А то, насколько они были пре-сказаны, мы выясним, обратившись, для разнообразия, к зару-бежным прогнозистам.

А.И. Уткин в книге «Первая мировая война» (2001б) пишет о планах немцев в 1915 году: Россия должна быть насильствен-но обращена назад, на восток, ее границы должны быть умень-шены примерно до границ государства Петра Великого (с. 146). Там же приведено высказывание А. Тиссена: «Россия должна лишиться балтийских провинций, части Польши, Донецкого угольного бассейна, Одессы, Крыма, Приазовья и Кавказа». Сказано о планах Германии создать между центром Европы и Россией цепь государств, которые находились бы под западно-европейским влиянием и играли роль буфера. Далее, М. Эрц-бергер в 1914 году сформулировал цель: «Освобождение не-русских народов от московского ига и реализация самоуправ-ления каждого народа» (с. 156). Германия проиграла войну, но все планы осуществились. Это означает, что германская геополитика и дипломатия представляли собой лишь часть целопо-дающей системы, подобные цели ставили и иные деятели. О широте распространения подобных мыслей говорит, напри-мер, высказывание А. Тойнби в 1915 году, которое излагает А.И. Уткин.

Россия присоединилась к битве на стороне сво-боды наций. Если ее усилили в совместной с западными державами борьбе решат ее исход в пользу наше-го общего дела и мы осуществим столь желанное переустройство Центральной Европы на националь-ной основе за счет германского и венгерского шови-низма, у России не будет ни воли, ни силы даде-е сдерживать процесс приведения в порядок собствен-

ного дома... Россия положила свои руки на паут историю, и она уже не может избежать своей участи (А.И. Уткин, 2001б. Первая мировая война, с. 223).

Насчет единства России Тойнби писал:

Малороссийский элемент образует почти треть всей расы, и, если он будет оторван от основной массы и создаст собственную орбиту притяжения, это в критической степени ослабит всю систему /.../ братоубийственная борьба ослабит силу обоих фрагментов и повредит концентрации их энергии (А.И. Уткин. 2001б. Первая мировая война, с. 223).

Предсказывали немецкие генштабисты и английские интелектуалы. За ними были статистика, показатели развития раз-личных стран, опыт сопоставления цивилизаций — и желание получить искомый результат. Это не столько предсказание, сколько планы, только замечательно разработанные и упорно осуществлявшиеся.

Впрочем, планы неотделимы от предсказаний. Вот знамени-тое предсказание П.Н. Дурново, сделанное им в 1914 году, — и мнение В. Булдакова о военных планах России.

П.Н. Дурново. 1922. Записка

Особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет Россия, где народыне массы, несомненно, исповедуют принципы бессоз-нательного социализма. Несмотря на оппозицион-ность русского общества, столь же бессознатель-ную, как и социализм широких слоев населения, по-литическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение выродится в со-циалистическое. За нашей оппозицией нет никого, у ней нет поддержки в народе, не выдвигает никакой разницы между правительственным чиновником и интеллигентом. Русский простолюдин, крестьянин и рабочий, однако не ищет политических прав, ему и ненужных, и непонятных. Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужой землей, рабо-чий — о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта, и дальше этого их вожаководения не идут. И стоит только широко кинуть эти дозвунги в на-

События и несбывшиеся предсказания...

седение, /.../ — Россия, несомненно, будет свергнута в анархию, переживую ею в приснопамятный период смуты 1905–1906 годов /.../ Но в случае неудачи /войны. — А.Б., Г.А./ социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна. Все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, которые смогут поднять и спрушировать широкие слои населения, сначала черной передель, а затем и всеобщий развал всех ценностей и имущества. Побежденная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишленные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдерживать расходящиеся народные волны, ими же подхваченные, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исхода которой не поддается предвидению.

В. Будаков. 1997. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия

Среди предсказаний гибельных последствий будущей войны заметна только записка П.Н. Аурново, поданная царю в феврале 1914 года. Автор был уверен, что потерпевшую поражение, как, впрочем, и победившую страну, ждет революция. При этом он считал, что в России «всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое». Российский обер-полицай по роду профессии был практичен, хитер, умел «брать на испуг», совершенно не случайно указывая на опасности сепаратизма. Скоро его слова стали казаться пророческими. Но в том-то и дело, что в кризисных ситуациях имеют обыкновение сбываться самые дурные предсказания, хотя для их материализации требуются чудеса правительственной некомпетентности.

Все верно — кроме того, что обычно непонятно, есть ли кризис на самом деле, дурных пророчеств высказывается туча, и непонятно, какие из них «самые». Несомненно, всегда оправдываются лишь чудеса правительственной некомпетентности — но это уж так, работа у них такая. Так что все же осведомленность министра не пропала зря, и он сумел правильно предсказать надвигающиеся события.

Бывает и иначе. Один поэт в 1917 году не обладал агентурными данными, не строил планов. В 1917 году Максимilian Волошин отвечал на одну из модных тогда политических анкет.

М. Волошин. /1920/ (цит. по: Г.С. Померанц. 1984. Проблема Воланда, с. 170)

Мир строится на равновесии. Две дули одного свода, падаю одна на другую, образуют несокрушимый упор. Две правды, два принципа, две партии, противоположенные друг другу в устойчивом равновесии, дают точку опоры для всего здания. Подное поражение и гибель одной из партий грозит провалом и разрушением всему зданию. Гражданская война говорит только о том, что своды русского царства строятся высоко и крепко, но что точка взаимной опоры еще не найдена.

Один из обычных оптических обманов людей, безумных политикой, в том, что они думают, что от победы той или иной стороны зависит будущее. На самом же деле будущее никогда не зависит от победы принципа, так как партии, сами того не замечая, в пылу борьбы обмениваются лозунгами и программами, как Тамлет во время дуэли обмениваются шлягой с Даэртом. Борьба угодобдывает противников друг другу...

Какое же конкретное историческое будущее ожидает Россию независимо от исхода борьбы раздирающих ее партий?

/.../ Австрия распалась безвозвратно /.../, а если у нас есть надежды на то, что самостоятельность русских окраин будет преодолена, то потому только, что перед Европой встает на Дальнем Востоке древней исторической угрозой призрака монгольской опасности, который потребует новой имперской спайки племен, населяющих великую Русскую равнину и Сибирь.

Сбывшиеся и несбывшиеся предсказания...

На этом основывается наше предположение, что Россия будет единой и останется монархической, несмотря на теперешнюю социалистическую революцию. Им ничто, по существу, не мешает ужиться вместе.

Социализм тщетно ищет точки опоры, чтобы перевернуть современный мир. Теоретически он ее хотел найти во всеобщей забастовке и неулаимой революции. ...Социализм слушленно государственен по своему существу /.../

Он неизбежной логикой вещей будет приведен к тому, что станет искать ее /точку опоры. — Г. Поме-ранци/ в диктатуре, а после в дезаризме. /.../ Я думаю, что тяжела и кровавая судьба России на путях к Граду Невидимому приведет ее еще и связь социализма монархизм, который и станет ключом свода, возводимого теперешней гражданской войной /.../

Я не могу иметь политических идеалов потому, что они всегда стремятся к невозможному земному благополучию и комфорту. Я же могу желать своему народу только пути правильного и прямого, точно соответствующего его исторической, вселенской миссии. И заранее знаю, что этот путь — путь страданий и мученичества. Что мне до того, будет он вести через монархизм, социалистический строй или через капитализм, все это только различные виды пламени, проходя через которые перегорает и очищается человеческий дух.

Волошин славится своими предвидениями. Но и вовсе не поэты также умели смотреть в корень. Уже опыт Первой мировой войны позволил русским мыслителям высказываться совсем в духе глобализации, до появления какой-то теории оставалось еще более полувека.

Н.А. Бердяев. 1918. Судьба России

Жизнь народов Европы будет отброшена к элементарному, ей грозит варваризация. /.../ На пепелище старой христианской Европы, истощенной, потрескавшейся до самых оснований собственными варварскими хаотическими стихиями, пожелает занять господствующее положение иная, чуждая нам

раса, с иной верой, с чуждой нам цивилизацией. По сравнению с этой перспективной вся мировая война есть лишь семейная распря. Теперь уже в результате мировой войны выиграть, реально победить может лишь крайний Восток /.../, да еще крайний Запад, Америка. После ослабления и разложения Европы и России воцарится кигализм и американизм, две силы, которые могут найти точки сближения между собой.

/.../ Наше предвидение будущего должно быть совершенно свободно от обычного оптимизма или пессимизма, от оценок по критериям благополучия. Было бы легкомысленно представлять себе жизнь после такой истощающей войны в особенно радужных и благополучных красках. Скорее можно думать, что мир вступает в период длительного неблагополучия и что темп его развития будет катастрофический.

Война должна освободить нас, русских, от рабочего и подчиненного отношения к Германии, от нездорового, надрызванного отношения к Западной Европе, как к чему-то далекому и внешнему, предмету то страстной влюбленности и мечты, то протомной ненависти и страха. Западная Европа и западная культура станут для России имманентной; Россия станет окончатательно Европой, и именно тогда она будет духовно самообытной и духовно независимой. Европа перестанет быть монополизмом культуры. /.../ Культура перестанет быть столь исключительно европейской и станет мировой, универсальной. И Россия, занимающая место посредника между Востоком и Западом, двоящаяся Востоку-Западом, призвана сыграть великую роль в приведении человечества к единству.

Это высказывание Бердяева в некоторых чертах неудачно: оно не сбилось, но — скорее по тону, чем по слухобому смыслу. СССР был изолирован от Европы, и в то же время проводилась западная политика рывка, перестройки России: индустриализация и т. д. Россия стала окончатательно Европой — и в то же время окончатательно перестала быть Европой, мнимая противооложность этих высказываний относится к двум разным сторонам одного объекта. Что же до того, что культура Евро-

События и несбыточные предсказания...

пы стада мировой, то мы это видим, здесь Бердяев прогнозировал абсолютно точно, указывая на грядущую глобализацию. Что же до великой роли России в этой глобализации — ясно, что это пока не исполнилось (если не считать того, что сама глобализация «пошла» только благодаря падению СССР), С другой стороны, и сроки «исполнения» не определены. По мысли Бердяева ясно, что сроки эти — иная мировая эпоха.

Н.А. Бердяев. 1918. Судьба России

 Христианское мессианское сознание может быть лишь сознанием того, что в наступающую мировую эпоху Россия призвана сказать свое новое слово миру, как сказал его уже мир датинский и мир германский.

/.../ Конец Европы будет вытеснением России и славянской расы на арену всемирной истории, как определяющей духовной силы.

В иную мировую эпоху в полную силу выступит Россия... А когда настанет эта «иная» эпоха? А может быть, она уже началась? Как о «новой эпохе» узнают современники, если соответствующий вывод может быть сделан историками через века после самой смены эпох? Жители Рима VI века понимали, что они живут уже не в ту мировую эпоху, чем их прапрадеды? Однако оставим эпохи. Сейчас страну воюную преодолеть по-мелче, скажем, осуществление демократических преобразований в обществе. Сказано и об этом.

П.И. Новгородцев. 1923. Демократия на распутье

 В сущности, только новая подлитическая мысль достигает настоящего понимания существа демократии. Но, достигая его, она видит, что демократический строй привел не к ясному и прямому пути, а к распутью, что вместо того, чтобы быть разрешением задачи, демократия сама оказалась задачей.

Наивная и незрелая политическая мысль обыкновенно полагает, что стоит только свергнуть старый порядок и провозгласить свободу жизни, всеобщее избирательное право и учредительную власть народа, и демократия осуществится сама собой. Нередко думают, что провозглашение всяческих

свобод и всеобщего избирательного права имеет само по себе некоторую чудесную силу направлять жизнь на новые пути. На самом деле то, что в таких случаях водворяется в жизни, обычно оказывается не демократией, а, смотря по обороту событий, или олигархией, или анархией /.../.

Это, конечно, никакое не пророчество, а простое объяснение человека обреченного в некоторых вещах — для других, не столь образованных. Падение нашего образования привело к тому, что этот научный вывод 1920-х годов пришелся бы ко двору и через 70 лет. Впрочем, разница для нас сейчас несущественная: мы пока не собираемся различать научные прогнозы, которые делают ученые, и «пророчества», которых достигают мыслители непонятными нам пока средствами. Ведь отделив их только в методе — понятном и приемлемом или непонятном и потому чудесном, а по степени исполнимости они вполне сопоставимы.

Тот же Новгородцев, одарив нас научным прогнозом, с той же легкостью пророчествует:

П.И. Новгородцев. 1926. Восстановление святости

 Русскому человеку в грядущие годы потребуются героические, подвижнические усилия для того, чтобы жить и действовать в разрушенной и откинутой на несколько веков назад стране. Ему придется жить не только среди величайших материальных опустошений своей родины, но и среди ужасного развала всех ее культурных, общественных и бытовых основ. Революция оставит за собой глубочайшие разрушения не только во внешних условиях, но и в человеческих душах.

Современная научная мысль на основании широкоего опыта применения демократических начал подтверждает очень древнее наблюдение, что демократия, как и всякая другая форма, может быть лучше или хуже в зависимости от духовного содержания, которое вкладывает в нее народ, и что при известных условиях она может стать и подлым извращением всякой справедливости.

Надо помнить, что всем нам придется жить в совершенно новом мире духовных соотношений,

События и несбыточные предсказания...

среди многих «потухших маяков», среди многих оскудевших и угнетивших обаяние ценностей. Холодно и неуютно будет в России; но, может быть, еще более холодно и неуютно будет и в той Европе, в которой издавна мы привыкли искать опоры своим стремлениям. И с новой силой исторнется, может быть, из русской груди бодрозвонный крик Гоголя: «Все глухо, могла повсюду!».

Глубокое непонимание условий и обстоятельств обнаруживают те, которые пытаются уже сейчас установить, какие конституционные формы примет власть, призванная к спасению России. Формы будут те, которые в тот момент будут соответствовать желаниям и нуждам народным. В разоренной, нищей и подумертой стране невозможно будет мечтать о сложном аппарате государств Запада.

Приведем еще одно высказывание, сделанное еще в 1920-х годах, которое следующие 60 лет было непонятно кому адресовано и вдруг обернулось простым репортажем, описывающим лишь то, что происходит. Затем репортаж постепенно стал ходить в прошлое.

Г. П. Федотов. 1929. Будет ли существовать Россия?

Но никто не станет отрицать угрожающего знания сепаратизмов, раздирающих тело России. За одиннадцать лет революции зародились, окрепли десятки национальных сознаний в ее расслабевшем теле. Иные из них приобрели уже грозную силу. Каждый маленький народец, вчера полудикий, выдает карты полунинтеллектуальной, которая уже тонит от себя своих русских учителей. Под покровом интернационального коммунизма, в рядах самой коммунистической партии складываются кадры националистов, стремящихся разнести в куски историческое тело России. Казанскими татарам, конечно, уйти некуда. Они могут лишь мечтать о Казани как столице Евразии. Но Украина, Грузия (в лице их интеллигенции) рвутся к независимости. Азербайджан и Казахстан тяготеют к азиатским центрам Ислама.

С Дальнего Востока наступают Япония, вскоре начнет наступать Китай. И тут мы с ужасом узнаем,

что сибиряки, чистокровные великороссы-сибиряки, тоже имеют зуб против России, тоже мечтают о Сибирской Республике — легкой добыче Японии. Наконец, народа — народ, который столько веков с героическим терпением держал на своей спине тяжесть империи, вдруг отказался защищать ее /.../, потерял сознание нужности России. Ему уже ничего не жаль: ни Белоруссии, ни Украины, ни Кавказа. Пусть берут, делят, кто хочет. «Мы рязанские». Таков итог векового выветривания национального сознания.

Момент падения коммунистической диктатуры, освобождая национальные силы России, в то же время является и моментом величайшей опасности. Оно, несомненно, развяжет подавленные ныне сепаратистские тенденции некоторых народов России, которые попытаются воспользоваться революцией для отторжения от России, опираясь на поддержку ее внешних вратов. Благополучный исход кризиса зависит от силы новой власти, ее политической зрелости и свободы от иностранного давления.

Молодое поколение варяризуется и в России, и в зарубежье. Для него подчас, кажется, не под силу поднять культурную ношу отцов.

Наше внимание привлекают описания, сделанные как бы для своего времени, но гораздо больше подходящие к нашему.

Г. П. Федотов. 1943. Новое отечество

Страшнее всего проиграть мир после всех вечеловческих усилий и жертв. Проиграть мир после победы значит очутиться опять лицом с хаосом.

О роли православия в России, вышедшей из социализма, было легко догадаться, и догадывались многие, и все-таки в 1980-х годах как же невероятно это звучало. Частокол датинских цифр в нескончаемых номерах съездов, очередной тенеск на мавзоле... Помилуйте, какое православие? А в 1930-е? В те годы, когда страна пропитывалась социализмом до основания, в годы первых пятилеток и первых показательных процессов, — тогда это звучало очевиднее?

Г. П. Федотов. 1933. О национальном покаянии

Восстановление России, мыслимой как национальное и культурное единство, невозможно без восстановления в ней христианства, без возвращения ее к христианству как основе ее душевно-духовного мира. При всякой иной — даже христианской, но не православной — реальности это будет уже не Россия.

Наверное, так можно было увидеть — и так сказать — из заграницы, из эмиграции. Издадека виднее крупные черты, и в истории России Федотов различил судьбы православия.

А вот прогноз Второй мировой войны и образования социалистического лагеря.

Г. П. Федотов. 1935. Новый идоол

Коммунизм разгромлен во всем мире. Он мертв, как может быть мертво политическое движение, еще вчера казавшееся мощным и яростным. /.../ В половине Европы — к востоку от Альп и Рейна, где развивается, в тех или иных цветах, зная фашизма, о коммунизме не может быть и речи. Он задушен беспощадно и окончательно.

Надоело ли? Этого мы сказать не можем. Точнее, можем сказать наверное: коммунизм воскреснет непременно — в старой или новой идеологической одежде, — если мир не выбьется из капиталистического хаоса или повторит безумие новой войны. Ибо коммунизм есть дитя хаоса и тень войны.

Или такое высказывание, в правду которого до сих пор не хочется верить, хотя в 1990-е годы его повторило множество голосов.

Г. П. Федотов. 1935. Новый идоол

Вчера можно было предсказывать грядущий в России фашизм. Сегодня он уже пришел. Настоящее имя для строя СССР — национал-социализм.

Федотов рассказал не только о СССР, но и о России начала 1990-х, о которой мы уже знаем и можем его проверить.

Г. П. Федотов. 1926. Трагедия интеллигенции

Но она /идея материалистического поверхостного просвещения. — А.Б., Г.А./ прекрасно уживается с мощной жакдой жизни, наживы, наслаждений, которой проникнута современная Россия. Повсюду, в городе и в деревне, в высших слоях еврейского напа, в разлагающемся коммунизме и в предпримчивой крестьянской модеджеи царит один и тот же дух: накопления, американизма, самодовольства. Либель коммунизма, можно думать, не только не остановит, но еще более подвинет этот рост буржуазного сознания. Интеллигентские «идеи» находят свою настоящую (не псевдоморфную, религиозную) почву: в новом мещанстве.

В 1947 году Федотов говорил так, как мы привыкли слышать году где-то в 2000–2001-м.

Г. П. Федотов. 1947. Судьба империй

Америка не мечтает о мировом господстве. Она думает больше об организации своей безопасности, но поняв уже, что мир стал слишком тесен для безопасности одиночки. Она уже преодолела свой врожденный изоляционизм и пытается организовать мировой хаос. /.../ Но Америке не чужда мысль о мировом единстве.

/.../ В перспективе атомного оружия Америка вместе со всеми демократиями Запада настаивает на частичном ограничении суверенитета. Однако это частичное ограничение означает отказ от права войны и от свободы вооружений. При современной атомной технике оно, в сущности, означает всеобщее разоружение и создание мировой армии. Дипломатические права войны и мира, государство перестает существовать как суверенное. Оно вынуждено отказать от внешней политики, которая станет внутренней политической рождающегося сверхнационального государства.

При неизбежном соприкосновении России этот план является совершенно утопическим. Но попробуйте мысленно устранив Россию, и он завтра же станет реальностью.

Аурацкий мысленный эксперимент. Это кем же надо быть, чтобы в 1947-м, через год после победы, мысленно устранить Россию? Это же невозможно. Шестая часть суши. Победоносная армия. Мы доказали... А через сорок с небольшим лет стало вполне ясно, как такую вещь можно сотворить, и не только мысленно, но и вполне реально.

А Федотов продолжает. В 1947 году он прикинул судьбы «глобального мира», с Россией и без нее, но не остановился на этом. Его также заинтересовало: что же будет с Россией? Только что он напрогночил то, что мы уже знаем — сталося. И следом он рассуждает о нашем будущем.

Г. П. Федотов. 1947. Судьба империй

Какая судьба ожидает Россию в случае ее поражения? /.../ Было бы чудом, если бы она вышла невредимой из ожидающей ее катасτροφы, в тех географических очертаниях, в которых ее застала революция. /.../ Нетрудно предвидеть, что, в случае военного поражения России, произойдет не только падение советского режима, но и восстановление ее народов против Москвы. /.../ Но кто знает, какие новые формы примет русский фашизм или национализм для новой русской экспансии? Если бы не было никаких сепаратизмов, их создали бы искусственно; раздвела Россия все равно был предрешен. /.../ На плечи победителей, ко всем их мировым проблемам, дается добавочная тяжесть: организация хаоса на территории Восточной Европы.

А вот и совсем про нас.

Г. П. Федотов. 1938. Завтрашний день

Нет, решительно нет никаких разумных человеческих оснований представлять себе первый день России «после большевиков» как розовую зарю новой свободной жизни. Утро, которое займется над Россией после кошмарной революционной ночи, будет скорее всего то туманное «седое утро», которое пророчил умирающий Блок. И каким же другим может быть утро после убийства, после оргии титанических погуг и всякого дурмана, который убийца пытался залушить свою совесть? Утро рас-

платы, госки, первых урызвений... После мечты о мировой гегемонии, о завоевании планетных миров, о физиологическом бессмертии, о земном рае — у разбитого корыта бедности, отсталости, рабства — может быть, национального унижения. Седое утро...

Эти предвидения можно квалифицировать как «сбывшиеся». По крайней мере, сегодня они производят такое впечатление. Конечно, пророчества — существа подвижные и изменчивые, и завтра может оказаться, что их не так понимали. Туман вдруг рассеялся, седое утро заиграло красками молодого дня, и только что очевидные пророчества, хихикая и кривляясь, улетели — в следующее седое утро, поджидающее нас... Может быть, уже завтра, а может — через 30 лет. Но в целом эти сбывшиеся пророчества создают впечатление, что люди думали не зря. Множество черт XX века было предвосхищено в XIX веке, в начале XX века, причем часто таких черт, о которых, как кажется, «догадаться» было невозможно.

Раз так, к пророчествам стоит относиться серьезно. Не все прогнозы исполнились, но ведь общественные науки — не естественные (да и в тех, знаете ли...). Воля человеческая помогает найти верный путь, и она же может с него увести.

Вот из лаубин восьмидесятых Г. Померанц говорит о «постпроизводственном» и «постинтеллектуальном» обществе.

Г. С. Померанц. 1988. Одиночные теории

Производство вообще перестает быть главным человеческим делом. Даже производство формул. Мы стоим перед великим поворотом. Завота о пропигании в развитых странах отодвигается на второй план. И вместе с этим на второй план отодвигается борьба за власть над природой... Никакая власть не дает счастья. Мы счастливы скорее тогда, когда все забываем.

Не впечатляет? Слишком философски, слишком неконкретно? Хорошо. Вот в 1993 году говорится о событиях 11 сентября 2001 года.

Г. С. Померанц. 1993. Корни будущего

Страсти, славенные в спорах ядерных держав, кипят в малых войнах и в уличном терроре. Вся мощь

События и несбывшиеся предсказания...

Америки не может уберечь ее граждан от взрывов обыкновенных, ядерных бомб и от массового буйства.

Не может быть? Совпадение? Конечно, совпадение. Главное — это уметь совпадать с реальностью. Для прогнозиста это первое дело.

Значит, и в сегодняшних разговорах о путях русской мысли и российской истории могут проглядывать черты того самого иступленно-неясного будущего, которое мы так хотим посмотреть. Это будущее сквозит ева ли не в каждом высказывании о нем. И «прогностичность» русской мысли застаивает с большим доверием отнестись к тем предсказаниям, срок которых, кажется, еще не подошел.

Г. П. Федотов. 1947. Суаба империй

Россия не умрет, пока жив русский народ, пока он живет на своей земле, говорит своим языком. Великобритания, да еще с придатой Белоруссии (вероятно) и Сибири (еще надолго), все еще представляется огромным телом, с огромным населением, все еще самый крупный из европейских народов. Россия потеряет донецкий уголь, бакинскую нефть — но Франция, Германия и столько народов никогда нефти не имели. Она обеднеет, но только потенциально, потому что та нищета, в которой она живет при коммунистической системе, уйдет в прошлое.

П. Я. Чаадаев. 1836. Философическое письмо. I

Россия призвана к необычному умственному делу: ее задача — дать в свое время разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе /.../ придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы. Мы /.../ — народ исключительный. Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок.

П. Б. Струве. 1921. Размышления о русской революции

Мы в нашей социалистической революции дали такой великий урок: опытное опровержение социализма.

Г. С. Померанц. 1993. Корни будущего

До полюсы катастроф остались считанные годы. Сумеем ли мы их использовать? Если цивилизация не сможет преобразиться, она рухнет и погребет человечество под своими обломками. /.../ Другое дело — завтрашний день (где-то в XXI веке). Он загрохочет дорогам экономического роста, потребует остановить рост населения. Рост благосостояния в физических величинах станет невозможным. Останется место только для духовного роста.

/.../ Допустим, через несколько лет уасться задержать и остановить экономический распад. Но от этого духовный кризис не исчезнет. Духовное состояние России напоминает падение в бездну. /.../ Кризис заставляет искать опору в самом себе и стать опорой для других.

Часть 1 Противостояние

Глава 1

История западнического и почвенного мировоззрений

Россия нуждается в покое. Я только что
проехал по ней.

А.С. Пушкин

История обычно воспринимается как нечто устойчивое, прошедшее, известное. Но давно известно, что история очень часто — ретропрогноз; описывая прошлое, история его формирует. Иногда вызывая даже крайние взгляды: например, И. Солоневич утверждает, что историк — это тот, кто искажает историю, и раздвигаются истории только тем, какую историю они искажают и в каком направлении. Причина такого мнения очевидна, даже если не касаться недостаточности известных фактов и нехватки документов. Основной спор идет не о фактах, а о смыслах событий. А смысл — это не объективное свойство, присущее событию, а диалог между «толм фактом» (которого не существует) и познающим сознанием (которое существует как факт).

Поэтому самые, на первый взгляд, ясные вопросы варуют вызывают очень серьезные споры. Вот и разговор западников и славянофилов оказывается очень непростой вещью. Когда он начался? Оказывается, сторонники разных мировоззрений по-разному проводят временные границы противостояния западников и почвенников.

В общем, получается, что западники склонны к традиционной и научно апробированной точке зрения: спор западников и славянофилов начался в России в XIX веке, когда столкнулись в московских салонах Хомяков, Аксаковы, Киреевский — с Рановским и его единомышленниками. Западники рассматривают почвенничество как реакцию на вестернизацию, на прогнивание в русскую жизнь западных идей и вещей, для них «сначала» было западничество (скажем, реформы Петра) — а впоследствии, как протест против его достижений (или неудач), возникло славянофильство (почвенничество). А многие сторонники почвенного мировоззрения полагают, что национальное мировоззрение появилось гораздо раньше; это западники по-являлись в России так поздно, в XIX веке, а почвенники в ней были едва ли не всегда, с момента образования русского государства или по крайней мере с момента принятия православия.

Далее, в этом разговоре «о началах» можно вспомнить ту точку зрения, что славянофилы — не просто выразители народного мировоззрения, это люди западной культуры, которые впервые смогли в понятиях западной философии выразить национальное мировоззрение, так что появились они действительно в начале XIX века, а вот западники гораздо старше, поскольку корни европоцентризма гнутся в прошлое до самого начала Нового времени, до эпохи географических открытий. Славянофилы же являются выучениками немецкой философии, они пошли от Фихте и Шеллинга, принесли в Россию их мысли об идеальном государственном устройстве, их идеи об устройстве народной культуры.

Можно ли говорить о западничестве и почвенничестве до возникновения их диалога, могли ли они существовать в культуре самостоятельно, без противника? Когда в действительности начался этот диалог? Как соотносятся эти мировоззрения: ведут диалог? образуют баланс? поддерживают противостояние? или существуют сами по себе? Все эти вопросы вызывают разногласия. Многие могли бы решить определение терминов: скажем, «славянофильство» — вполне определенное идейное

Глава 1. История...

течение начала XIX века, имеющее начало и конец, а национальное, или почвенное, мировоззрение — понятие много более широкое, которое проявилось, несомненно, много ранее своего «славянофильского» этапа и продолжалось, когда славянофильства уже не стало. Такая точка зрения возможна, но... При такой постановке вопроса, как мы далее увидим, надо признать, что западники (если не поголовно, то в большинстве) также относятся к представителям национального мировоззрения, и начала западничества можно возводить к Курбскому и Котошихину, а можно и ранее, насколько хватит интерпретативной способности.

Например, П. Струве сравнивал полабских славян с остальными славянскими племенами, обращая внимание на то, что полабы имели более развитое язычество, вследствие чего не приняли христианства — и погибли. В этом древнем различии судьб славянских племен нельзя не видеть очень старое противостояние традиционных и более современных начал. Не было ли то старое противостояние таким, в котором христианство выступало как «западническое» влияние? Или по крайней мере «модернизирующее»?

С другой стороны, и западничество, и почвенничество перепевают определенную эволюцию. В дискуссии на сайте «Солдун» сторонники того мировоззрения, которое в XIX веке именовало себя славянофильским, предпочли называться почвенниками. Изменились и воззрения западников; в XIX веке еще не говорили о вестернизации, предпочитали рассуждать о прогрессе, едином для всех «цивилизированных стран», а теперь скомпрометировано не только понятие «прогресса», но нет и теории вестернизации — безусловного улодобления всех стран мира европейским государствам. Она уступила место теории модернизации (о которой сказано в главе 6), которая предусматривает изменение Запада в процессе модернизации и допускает разнообразные итоги модернизации для различных стран, в зависимости от стадии экономического развития, конфессиональной принадлежности и иных местных особенностей.

В связи с эволюцией западничества и почвенничества возникает ряд вопросов. Какие изменения претерпели западничество и почвенничество в России за XX век? Получается, что борьба «традиционных» и «современных» влияний — очень старый процесс и лишь для XIX века его можно связать с западни-

ками» и «славянофилами». К 1910-м годам из прежних славянофилов в живых оставался едва ли не один В.И. Ламанский, и диалог стал совсем другим — Струве и Франка, Новгородцева, Эрна, Бердяева, Флоренского и других деятелей «серебряного века» русской культуры следует, скорее, считать уже новым поколением и называть как-то иначе, хотя старинный спор продолжался и в этом поколении. А дальше? Что было потом? Откуда вдруг сегодня берутся западники и почвенники? Что привнесло последнее десятилетие в опыт этих мировоззрений? Удалось ли решить какие-либо вопросы или возникли новые темы противостояния, которых не было раньше?

При более внимательном отношении к истории диалога вопросы только множатся. Что на самом деле говорили славянофилы и западники, а что приписано им их противниками и последователями? Как определить «поколения» в этом споре — известное, что специалисты выделяют «старое» славянофильство, «среднее» — времен Данилевского и Страхова, а затем «новое», предреволюционное. Как пролетают границы мировоззрений после революции — в эмигрантской литературе? продолжался ли спор внутри СССР? Как соотносится славянофильство и евразийство? Как эволюционировало западничество, на которое почему-то традиционно обращают меньше внимания, видимо, полагая взгляды западников в чем-то тривиальными? Действительно ли они таковы и если да — почему и для кого они тривиальны?

Общий взгляд на историю западничества и славянофильства

Россия — страна с неформализуемым прошлым.

Мы уже говорили, что даже простой вопрос о начале, исходной точке разногласий западничества и почвенничества наталкивается на противоречивые суждения. Нам надо разобрататься в этом, обратившись к наиболее авторитетным участникам диалога.

Вот как история вопроса излагается «классическим» образом.

В.И. Солovieв. 1889. Славянофильство и его вырождение

 История славянофильства есть лишь постепенное обдличение той внутренней двойственности

непримиренных и непримиримых мотивов, которая с самого начала легла в основу этого искусственного движения. /.../ Прежде всего, славянофилы хотели бороться против Петровской реформы, против западноевропейских начал — во имя Архангел, московской Руси. Но рядом с этим реакционно-археологическим мотивом столь же существенный интерес имела для них прогрессивно-либеральная борьба против действительных зол современной России. /.../ «Креймо рабского ига» и «черная неправда судов» были прямым наследием старой московской Руси, остатком допетровского времени, и бороться против этих самобытно-русских явлений славянофилам приходилось вместе с западниками во имя чужих, европейских идей.

Славянофилы хорошо чувствовали и создавали общее коренное зло русской жизни, которым держались и рабовладельческие насилия, и бюрократические неправды, и многое другое, — именно зло всеобщего бесправия, вселюдские слабого понятия о чести и достоинстве человеческой личности. Этому залу они должны были противопоставлять и противопоставляли принцип человеческих прав, безудовольного нравственного значения самостоятельной личности — принцип христианский и общечеловеческий по существу, а по историческому развитию преимущественно западный европейский и ни с какими особенными «русскими началами» не связанный.

В 1853 году начинается новый фазис славянофильской деятельности. Вместо бытовой борьбы против нашего домашнего западничества на почве скрутков и кафтанов, выступает теперь на первый план духовная борьба против самого настоящего Запада на почве религиозной.

Та доктрина, которая сама себя определяла как *русское неправление* и выступила во имя *русских начал*, тем самым признала, что для нее всего важнее, дорожке и существование национальный элемент, а все остальное, между прочим и религия, может иметь только подчиненный и условный интерес. Для славянофильства православие есть атрибут русской народности /.../.

«Записка о внутреннем состоянии России», явившаяся на границе двух эпох новейшей русской истории, обозначает вместе с тем срединную точку в истории самого славянофильства. Его завершается развитие славянофильской мысли и начинается проверка этой мысли на деле. /.../ Правда, практический вывод из его /К. Аксакова. — А.Б., Г.А./ превосходной критики предрасположения только лишь ограничивается преимущественно лишь одним требованием: свобода мнения и слова. /.../ Но этот недостаток был восполнен другими членами кружка, в особенности Самариним, Иваном Аксаковым, Кошелевым, которые словом и делом поддерживали все необходимые преобразования прошлого царствования, примыкая в этом отношении к лучшим представителям западничества.

Он /Катков. — А.Б., Г.А./ имел мужество освободить религию народности от всяких идеальных прикрас и объявить русский народ предметом веры и поклонения не во имя его проблематических добородителей, а во имя его действительной силы. /.../ В религии национализма правительством есть живое личное слово обожествленного народа /.../ Обожествление народа и государства как фактической силы, заключает в себе логическое отрицание всяких объективных начал правды и добра.

Родоначальники нашего национализма, объявляя, что русский народ есть самый лучший, разумеется под этим, что он полнее и глубже других воспринял и усвоил всеобщие, общечеловеческие начала истины и добра. /.../ Но, хотя славянофилы и утверждали на словах, что русские начала суть вместе с тем и всеобщими, — на самом деле они дорожили этими началами только как русскими. Господствующий тон всех славянофильских взглядов состоял все-таки в безусловном противоположении русского нерусскому, своего — чужому. «Московские проколы» никогда не отступали от этой *нервой лжи*, которая у них была лишь прикрыта, но не упреждена усвоенными извне стремлениями к общечеловеческой истине и справедливости. /.../ Приказы «вселенской правды» отпали, и осталась лишь утверждение национальной силы и исключительного национального интереса.

Глава 1. История...

Итак, возведенное в принцип отрицание всех объективных понятий о добре и истине — с апофеозом Ивана Грозного в виде живописной иллюстрации к этому принципу — вот последнее слово нашего национализма. Здесь выражается его настоящая обожженная сущность, которую славянофилы прикрывали мистическими и либерально-демократическими украшениями, а Катков пытался совместить с уважением к европейскому просвещению.

Законные наследники славянофильства уже не находят нужным подставлять небывалые совершенство под действительные недостатки: в этих самых недостатках они видят настоящее преимущество России перед прочим человечеством. Главный недостаток нашей духовной жизни — это *несовершенство* нашей веры, пристрастие к традиционной букве и равнодушие к религиозной мысли...

Соловьев выделяет несколько этапов развития славянофильской идеи и указывает на то, что лучшие славянофилы вместе с лучшими западниками решали действительные проблемы России, а славянофильское движение в целом вырождалось в конце концов в пустой национализм, в безосновательное бахвальство.

После «классического» изложения истории славянофильства Соловьевым Бердяев подводит краткий афористичный итог.

Н. Бердяев. 1917. Судьба России

Можно даже высказать такой парадокс: славянофилы, взгляды которых, кстати сказать, я в большей части не разделяю, были первыми русскими европейцами, так как они пытались мыслить по-европейски самостоятельно, а не подражать западной мысли, как подражают дети. Славянофилы пробовали делать в России то же, что делал в Германии Фихте, который хотел вывести германское сознание на самобытный путь. А вот и обратная сторона парадокса: западники оставались азиатами, их сознание было детское, они относились к европейской культуре так, как могли относиться только люди, совершенно чуждые ей, для которых европейская культура есть мечта о далеком, а не внутренняя их сущность.

Казалось бы, спор решен. Не преобладанием одной из точек зрения, как это обычно и бывает, а изменением сравнительной важности вопросов. Западники и славянофилы объявлены мыслителями, которые сами не осознавали своего мировоззрения; западники — азиаты, славянофилы — европейцы. Пора подвести черту и начать решать реальные современные проблемы России: война, революция, большевики, гибель монархии... XIX век окончился в 1914–1917 годах, славянофилы и западники остались в прошлом веке, все тревоги и опасности которого кажутся такими наивными веку XX-му. Но диалог не заканчивается.

Г. Федотов. 1935. Новый идоол

Быть может — кроме стран Азии, — Россия единственная земля, где национальная идея не исчезла своего творческого, культурного содержания. Это зависит от уродливого развития этой идеи в течение XIX века. Поставленная русским классицизмом (Карамзин и Пушкин) и романтизмом (славянофилы), тема эта была снижена в шестидесятые годы до этнографии, а потом и вовсе отодвинута в сторону восторжествовавшим западничеством. Национализм эпохи Александра III уже не имел в себе ничего культурного, превратившись в апофеоз грубой силы и косного бытия. Лишь в XX веке, и то ко второму десятилетию его, культурная элита начинает свое возвращение на родину. Впервые поставлен вопрос о формах и смысле Древнерусского искусства и заново, со времен славянофилов, — вопрос о русской религиозности. Война и революция оборвали в самом начале это духовное русское возрождение. Мы стоим опять, как сто лет тому назад, перед загадкой России, властно требующей своего разрешения. То, что для Германии совершенно покладным братьев Grimm, у нас осталось недоделанным Киреевскими и Далами. Теперь, когда тема России стала актуально /.../ вселенской, на русскую интеллигенцию ложится стуббый долг изучения и осмысления судьбы России. Этим самым мы лишь навертываем утешенное и в новом, XX веке выплачиваем старые долги XIX-го.

Тем самым Федотов утверждает, что критика Соловьева (и вслед за ним Бердяева) верна, но придает этой мысли иной смысл. Он говорит: было сделано много ошибок, и вопрос о России не то что не решен, но едва приоткрыт; нам и нашим потомкам следует разрешить его. Как же осмысливается история спора западников и славянофилов участниками нашего форума?

Прежде всего, мы встречаемся с мыслью, что корни западничества и почвенничества едины и противостояние XIX века можно возвести к идеям Киевской Руси.

Г. Хазанеров

Первой русской политической концепцией, выказанной в «Слове о законе и благодати» митрополитом Иларионом в 1049 (!) году при освящении Софии Киевской, была идея принадлежности Руси к христианскому миру, как сказали бы современные западники, «к цивилизованным странам», по-тогдашнему, к странам, принявшим **новую** веру, в общем-то, к передовым. Концепт новизны, конечно, вне всякого протрессизма, подчеркиваясь до самого раскола. В «Повести временных лет» история славян неавусмысленно связывается с историей европейских народов — потомков Яфета. Этого «Повесть» и начинается. Представление о культурной отсталости, непросвещенности, Аремучести, связанное, конечно, не с эпохой Просвещения, а с преодолением язычества, тоже не выдумка современных западников. Это тоже идеи Киевской Руси, очень для нее дорогие и важные (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Современные почвенники приводят подробную картину становления соперничающих мировоззрений. Обратим внимание, что в нижеследующем изложении более старой оказывается западная концепция. Она старше, проще, наивнее. Почвенничество выступает как вид свободомыслия, едва ли не Дисидентства.

В. Чеснокова

Нельзя сказать, что западничество и почвенничество оформились как идейные течения в середине XIX века.

В середине XIX века сложилось лишь **противопоставление** западничества почвенничеству в результате возникновения течения славянофилов.

Концепция же западничества старше почвенничества в нашей культуре на полтора века.

Западничество начало оформляться во времена реформ Петра I и пожалуй даже несколько раньше — в конце XVII века. К тому времени в Западной Европе уже сложилась богатая система теорий и учений о развитии мира и месте человека в нем. Это были научные, культурные, философские и религиозные доктрины, сгруппировавшиеся на тот момент вокруг широко распространившейся философии Просвещения с ее культом человеческого разума, представлением об одноправленном линейном развитии человека и социального мира и прочими хорошо известными философскими парадигмами. Эта действительно богатая, хорошо разработанная и доведенная до уровня популяризации система очень быстро завоевала умы образованного русского общества, отсеснив на периферию предшествовавшие представления, выработанные на основе православного взгляда на мир, но не имевшие такой тонкой логической проработки, ясности понятий и формулировок, солидности обоснования. Вот эта новая картина мира, безусловно европеоцентрическая, но тогда воспринимавшаяся как пригодная для объяснения мира вообще, и давая начало западничеству как течению русской общественной мысли.

Собственно «западничество» — это мировоззрение, основанное на убеждении о безусловном превосходстве западноевропейского мира и необходимости (не просто желательности, но именно **необходимости**) для России пройти все стадии развития, пройденные этим миром, и достичь, наконец, полной идентичности с ним. Поскольку именно такой путь развития был предначертан всему миру немудрыми законами развития природы и общества.

Короче, русское образованное общество осоздало, наконец, тот путь, который России, как и всем вообще странам, предстоит пройти, и ту форму, которую она должна неизбежно приобрести, — и

таким образом было положено основание этого образа мышления «тонки за лидером», которое мы и теперь называем «западничеством».

.../ Следует сказать, что за полтора века русская общественная мысль восприняла от западноевропейской не только учения и понятия. Русские ученые и философы научились оперировать концептами, строить собственные теории, короче — мыслить. Именно поэтому (добавим здесь — благодаря этой западноевропейской выучке) в середине XIX века в России появились люди, отважившиеся думать самостоятельно. Они поставили под сомнение однолинейный процесс развития всего человеческого социума, в результате чего было выдвинуто представление о том, что существуют разные линии развития и что мы, Россия, принадлежим к **Другой цивилизации**. Они относили к этой цивилизации не только Россию, но и весь славянский мир, почему и были названы «славянофилами». А уже только после этого представителем Другого, почти на то время всеобщего течения русской мысли стали называть «западниками».

Славянофилы были в трудном положении: они не имели за своими плечами ни развитых концепций, ни философских учений. В результате те понятия, которыми они оперировали, — «общинность», «соборность» и другие, — вообще не имели точного, развитого определения. Ибо, как известно, каждое отдельное понятие — это свернутое учение, теория, доктрина, если же последние еще не сложились, то и понятия не могут быть точно определены.

В то время как те учения, на которые опиралось русское западничество, были искусно развиты, хорошо подкреплены и превратились уже для русского образованного общества в обыденное сознание, которое ставить под сомнение просто странно.

Так и получилось, что в течение всей второй половины XIX века и начала XX века славянофилы оставались маленькой группкой оригиналов, которые пытались как-то на ощупь, извне, понять свою собственную культуру.

На русское общество накатывались волнами все новые западноевропейские учения, Крымская вой-

на, реформы Александра II, начало рабочего движения, неурожай конца века, русско-японская война и революция 1905 года. Социальные сдвиги «встряхивали» сознание людей, метавшихся от идеализма к марксизму и обратно — к идеализму и религии. Люди, решившихся мыслить самостоятельно, становилось все больше.

.../ В конечном счете, процесс этот завершился «Веками», авторы которых (Вердяев, С. Булдаков, П. Струве, Кистяковский и др.) стояли уже очевидно на почвеннических позициях.

Первая мировая война подняла в России волну патриотизма, что, по-видимому, должно было создать благоприятные условия для воздействия почвенников на общественное сознание. Но революция 1917 года очень быстро положила конец всякому более или менее самостоятельному философствованию. Многие почвенники (в том числе большая часть авторов «Вех») оказались за границей и там продолжали свою работу, результаты которой, однако, десятилетиями не доходили до общественного сознания тогдашней России.

Марксизм — учение сугубо западноевропейское, и, хотя в период Отечественной войны и после нее в официальную идеологию вошли патриотические дозвонги и положения, присвоенное этим элементам понятие «национал-большевизма» — образец недоразумения. «Большевизму» нужен только патриотизм (для его практических целей), а патриотизм — это далеко не национализм и уж отнюдь не почвенническая идеология. Он может создать благоприятные условия для развития почвеннических концепций, но сам по себе их не порождает, поскольку он именно идеология, а совсем не учение и не концепция (Клуб Дискурса: Социум, 2001).

Почвенники очень разнообразны, и нет ничего более далекого от реальности, чем сводить их всех к какому-то однотипному мировоззрению. Только что мы видели, как почвенные идеи выступали в качестве новаторских и свободомыслящих по отношению к общепринятым западническим идеалам. Но вот Другой почвенник рисует противоположную картину.

Глава 1. История...

М. Назаров

Ведь православное учение все-таки в сравнении с западничеством первично. Западничество возникло намного позже как апостасийный продукт чело-веческой гордыни (эпоха «Просвещения» Европы сообразительным светом Люцифера). И преимущест-во поченников пера западниками состоит в том, что те, как правило, не понимают своей вторично-сти и истоков своей «просвещенности», ибо не знают подлинного Духовного мироустройства и православного мировоззрения. Православные же поченники понимают не только глубинную своей объективной правоты, но и то, почему западники субъективно убеждены в своей правоте и миссии навязывать свою «модернизацию» нашей тысячелет-ней культуре (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Мы говорим об истоках спора и, казалось бы, высказаны уже все возможные точки зрения — что старше западники, что старше славянофилы... Но ситуацию можно представить и иначе — например, что они одновременно и в равной степени имеют западное происхождение.

В. Межуев

Современный Запад родился, как известно, на пересечении двух традиций — античной и християн-анской. Обе они определяют лицо Запада, образуют его внутреннюю пружину. Кому-то, возможно, и ка-жется, что Запад являет собой нераздельное един-ство этих традиций, их гармонический синтез — что-то вроде слава христианской морали с науч-ной рациональностью. В действительности то и другое находится здесь в весьма напряженном и противоречивом взаимоотношении, вызывающем на самом Западе постоянные идеиные противостояния, расхождения и споры. Примером такого противос-тояния в Новое время могут служить просветите-ли и романтики, чьим русским подобием и стали наши западники и славянофилы. Подемика между европейскими просветителями и романтиками, пе-рекочевав еще в XIX веке на русскую почву, стала спором о России, о том, как ее понимать — как часть

Европы, но только отстающую в своем развитии, или как особый культурный мир со своими правилами и нормами. Западники твердили о дивизиционной отсталости России, славянофилы — об ее культур-ной самобытности и уникальности. Для первых об-щественным идеалом служил рационально органи-зованный Запад, для вторых — православная Русь с ее религиозно освященным укладом жизни. Спор этот не завершен до сих пор. Нельзя не увидеть в нем отголосок присущего всему Западу внутренне-го раскола между дивилизацией и культурой, нау-кой и религией, правом и моралью, рациональнос-тью и духовностью, частным и всеобщим. Наши западники и поченники лишь по-своему выразили этот раскол, используя пример России в качестве главного доказательства собственной правоты (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Мысли о поченничестве и западничестве как соотношении просветительских и романтических тенденций уже высказыва-лись ранее.

Ф. Стетун. Мысли о России. Очерк VIII

Если в Европе победила тема критцизма, то в России победила (говоря в западноевропейских тер-минах) тема устремленной к патристике романтики.

Ф. Стетун. Прозное и будущее славянофильства

В этом невнимании к самоотверженному голосу логической совести 19-го столетия крестят причи-на того, почему славянофилы с *чисто философской точки зрения* остались всего только *спитистами западного романтизма*.

Итак, спор западников и славянофилов — это внутризана-ный спор, пересаженный на русскую почву и здесь своеобраз-но мутировавший. Романтики на русской почве потянулись к русским традициям, к православию, а не к готике. В целом же все проблемы этого спора, согласно высказанной точке зрения, решаются самой Европой. Наши западники и славянофилы не одиноки.

В. Межуев

Размышляя о судьбе России, мы по существу решаем ту же проблему, что стояла и перед Западом, — как примирить модернизацию (рационализацию) общества с традиционной религией, моралью и культурой, с особенностями национальной жизни? Как совместить экономический рост и вынужденные им институциональные изменения с ценностями духовного порядка? Что делать в процессе модернизации со своим прошлым? Проклясть его или найти хоть какую-то связующую нить между ним и настоящим? Без прошлого, как известно, нет уважительности прошлым. Этот вопрос и расколол нашу интеллектуальную элиту на два лагеря. У нас они существуют под названием западников и почвенников, но их можно преобразовать и в качестве аналога европейских реформаторов (или модернизаторов) и консерваторов. Нашим отечественным реформаторам и консерваторам не хватает порой чувства исторической меры, соединяющего в себе критическое отношение к прошлому с пониманием его непреходящей ценности для настоящего. Во имя нового они готовы подчас до основания разрушить старое, а храны старину, не приедают часто явно назревшие перемены. В их сегодняшнем противостоянии крайности эти иногда доходят до абсурда. Поэтому, слыша их речи, не так-то просто принять чью-либо сторону. Они как бы не слышат друг друга: каждый из них, несомненно, выражает какую-то долю истины, но почему-то выдает ее за всю истину (Клау6 Дискурс: Социум, 2001).

Ушли далеко в прошлое вспоминания о Московской Руси. Больше нет «точки отсчета», к которой стоит только вернуться — и все будет хорошо. Однако критика «западного влияния» становится много более острой и грубойкой, чем на прежних этапах спора. За истекшие века Запад проявила себя, о его влиянии можно говорить уже не на уровне «порчи языка» и обычаев, а на значительно более ярких примерах.

Мы не нашли ясности в вопросе о природе и начале спора западников и славянофилов. Выказаны самые разные точки

зрения, возникновение этих мировоззрений относится то к IX, то к XIX веку. И все же — несмотря на удивительно разнорядия — что-то стало понятнее. Мы не получили однозначного ответа на вопрос «о начале», зато услышали, как на него отвечают.

Попробуем подойти с другой стороны. Когда бы этот спор ни начался, он все же был, и мы можем, не интересуясь датами, обратиться прямо к смыслу происходящего.

О чем спор? «Основной вопрос» западников и славянофилов

История России — это борьба невежества с несправедливостью.

Михаил Жванецкий

Разумеется, всегда можно сформулировать ответ на такой вопрос: спор был о судьбе России, ее пути, ее выборе... Однако это слишком общия постановка вопроса. Было бы очень интересно узнать, что беспокоит не «мировоззрение в целом», а конкретных его приверженцев. Почему наших современников стали волновать темы полузабытого спора, почему они пришли к обсуждению этих тем? Этот живой интерес, проистекающий не из «философской постановки» проблемы, а из жизненных задач, и будет для нас «основным» в таком споре.

Раз мы ищем в какой-то степени частный интерес, то мы, конечно, должны ожидать множество ответов, а не общую формулировку.

И. Кавкиин

На просторах /.../ родины /.../ обнаружались сугобо земные проблемы, которые для Запада давно не проблемы, но которые Россия, как мне представляется, с помощью своих собственных сил и ресурсов решить не в состоянии, что создает для нее угрозу маргинализации (Клау6 Дискурс: Социум, 2001).

Для западника ответ звучит: *маргинализация*. Логика следующая. Россия отстает, выпадает из русла современного развития. С государством не все в порядке, и мы видим на Западе страны, которые справились с тем, что у нас так болит. Разве не естественно обратиться к опыту этих стран за решением? И тут оказывается, что их решения для нас не пригодны или, по крайней мере, затруднительны в применении. Это — не поведенческий, это — западнический вопрос: в чем причина отличий России от Запада? Почему их решения у нас не проходят?

И. Камкин

Поистине эпохальная проблема, вставшая сегодня перед Россией, в том-то, по-моему, и заключается, что ее идентичность даже в отвлеченном умозрении очень трудно совместить с потребностями модернизации, включающей формирование «современной нации-государства» (Кауф Дискурс: Социум, 2001).

Несколько иначе ставит вопрос В. Межуев: его больше волнует проблема соединения *цивилизации с культурой*.

В. Межуев

Не только русская, но и европейская культура были антибуржуазными по своей сути. Когда и где культура прославляла страсть к деньгам как высшую цель человеческой жизни? Вместе с тем деньги — важнейший инструмент рыночной экономики и базировавшейся на ней цивилизации. Можно ли примирить цивилизацию с культурой, заставить ее вращаться вокруг интересов и целей культуры? Этот вопрос для меня главный в споре западников и почвенников. В его решении я на стороне западников, но только левых западников. Последние, не отвергая достижений западной цивилизации, делают главную ставку на культуру, пытаются освободить ее от власти чисто рыночных отношений. Запад, как я его понимаю, — значительно более сложная реальность, чем только реальность рыночной экономики и гражданского общества. Он включает в себя и движение к свободе человека от власти денег и рыночных отношений, его постепенное приближе-

ние к состоянию, в котором люди равны в своем праве на духовное развитие и творческую самореализацию своей личности, где главной ценностью становится все же не денежный, а культурный капитал. Но разве наше почвенничество в лице своих лучших представителей не хотело того же самого? Разве не мечтало оно о том времени, когда люди будут свободны от личной корысти и эгоистического расчета, объединившись друг с другом ради подвига любви и служения ближнему? Разве духовность и нравственность человека не являются общей ценностью европейской и русской культуры при всем отставании России от Запада в сфере экономических и политических отношений? Пытаясь преодолеть это отставание, зачем же уравнивать себя только с буржуазным Западом, забывая о том, что роднит между собой все христианские культуры?

Своей культурой Россия решала ту же задачу, что и европейская, — освобождение человека от всех сдерживающих и ограничивающих его сил. Практически такое решение было затруднено нашей недостаточной цивилизованностью, отсутствием необходимых материальных предпосылок. Но и создавая их, не обязательно отказываться от самой задачи, пренебрегать смыслом культуры во имя благ цивилизации. Мне кажется, это и есть та единственная почва, на которой могут сойтись наши западники и почвенники. Первые, желая экономически и политически цивилизовать Россию, не должны забывать о ее духовных и культурных приоритетах, вторые, радея о сохранении ее культурного лица, должны способствовать ее вхождению в мир современной цивилизации, без которого это лицо рискует превратиться всего лишь в музейную реликвию. И все вместе должны объединять свои усилия в решении, может быть, главной проблемы современности — снятия напряжения между цивилизацией и культурой, или, другими словами, между обществом и личностью, свободной индивидуальностью, преодоления того состояния, когда одно исключает другое. Американский публицист русского происхождения Борис Парамонов сказал как-то, что ему миде Голивуда со Степашиным

(Степашин был тогда министром внутренних дел), чем Мандельштам с Ягодой. Демократия и свободный рынок важнее, иными словами, великого искусства и культуры. Вот это — не русский ответ. Рынок и демократия — всем хороши, но только когда они служат не только частноособвенническим интересам, но искусству и культуре, т. е. духовным и всеобщими началам жизни. Согласившись с этим, наши западники и почвенники, возможно, обретут и согласие друг с другом (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

С точки зрения «левого западника», западники и почвенники могут объединиться на почве демократии, достатка и высокой культуры. Проблема ясна, но заключительное подожание (насчет «русского ответа») вызывает некоторые сомнения. Противопоставляются явления разной природы: демократия и рынок — культуре. Общество всегда включает и то, и другое, и правовую, и экономическую, и культурную составляющие. Исходный тезис Парамонова более четок: американизированная культура с современной правовой жизнью (Гольдвуд со Степашиным) противопоставляется великой культуре и деспотии (Мандельштам с Ягодой). При «перевале» тезиса Парамонова произошла ошибка: ведь «Гольдвуд» вряд ли прямо отождествится с «демократией». Если пытаться перевести Парамонова более точно на язык В. Межуева, получится предположение «Мандельштама» (духовности, культуры) + «Степашина» (который, раз уж пришло, олицетворяет демократию) + рынка (который мы, в рамках принятой стилистики, должны будем обозначить «Березовским»). Это и будет, по-видимому, фокусом согласия западников и почвенников, которого ожидает В. Межуев. Остается добавить, что «Степашин» и «Березовский» у нас уже есть, дело, как всегда, за «Мандельштамом», которого следует срочно выдвигать из среды интеллектуальной элиты. Тогда «тройка» будет в полном составе, и спорщики примирятся. Ником образом не предпочтитаю тремучью смесь Мандельштама с Ягодой, можно все же усомниться — действительно ли общественное согласие будет достигнуто при выполнении этой триединой формулы. Что, почвенники уверенно соглашаются, что в культуре высшим достижением и эмблемой России будет «Мандельштам»? И западники уверены, что, подарив почвенникам

эту высокую культуру, они вправе ожидать согласия на «Степашина» с «Березовским»?

Иную западную позицию обрисовывает А. Зубов.

А. Зубов

Дело в том, что в XIX веке, когда шла дискуссия между западниками и славянофилами, западниками и почвенниками (слово «славянофиль», конечно, было достаточно искусственное и случайное), вопрос в первую очередь состоял в том, является ли в России то, что не похоже на Запад, плохим, случайным, пережитком чего-то неправильного, как утверждали западники, или же эти особенности России являются естественным результатом развития иной, незападной, культуры. То есть культура Запада одна, а культура России — иная. Все это тогда оценивалось еще по принципу «лучше-хуже». Это было время романтики, время всеобщего увлечения Гердемом и Шеллингом, и тогда предполагалось, что есть некоторый один идеальный, правильный путь, а другие пути по сути своей не совсем верные, не ведущие к Идеалу. Если западники, тот же Чичерин, тот же Грановский, говорили о том, что русское неверно и плохо, а «идеальный» путь — путь развития западноевропейских обществ, то «почвенники» — братья Киреевские, Хомяков, Валуев, Самарин, братья Аксаковы — говорили о том, что неверно и неправильно как раз западное развитие, а, напротив, развитие общества русского наиболее соответствует Идеалу. Надо сказать, что постепенно, в процессе этой дискуссии, такая оценочная характеристика преодолевалась. В последней работе Киреевского 1856 года «О возможности и необходимости новых начал для философии» уже прямо говорилось о том, что никогда и в России не было никакого идеального типа, он никогда в ней не воплощался, и вообще, видимо, никогда его нигде не было, разве что в некоторых монашеских общинах Афона. Но эта-то оговорка и значит, что *социально* Идеал фактически не воплощался нигде. То есть Россия переставала быть Идеалом. У славянофилов это разочарование в России как в идеале происходило постепенно, от работы к работе. Сначала отвергалась

Глава 1. История...

последпетровская Россия как западная, потом реформы Алексея Михайловича, потом Стоглавый собор XVI века, и, наконец, вот эта позиция, что никогда социальный идеал не воплощался в человеческую действительность вполне: ни в России, ни в Византии, нигде. Однако и трезвомыслящие западники все более и более видели недостатки в том реальном Западе, современниками которого они были, да и в западном пути развития как таковом. Те и другие были люди действительно честные, глубоко и самостоятельно смотревшие на процессы, происходившие в изучаемых и сравниваемых ими обществах.

/.../ В этом, я думаю, и заключается главный вопрос. Именно в таком виде стоял он и обсуждался в XIX веке. Таким он остается и сейчас. Можно ли говорить, что если в сегодняшней России что-то не похоже на американское или английское, то это — и неправильно? А может, это совсем не неправильно, может, это продолжение каких-то внутренних цивилизационных процессов? Здесь надо быть очень осторожным (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Вопрос возвращается к формулировке двухвековой давности: единый Идеал, единство пути к нему — или множественность путей, возможно, даже множественность идеалов? Целиком в рамках той постановки вопроса, которую описывает А. Зубов, звучит ответ Отарева.

Н.П. Отарев. 1860. Письмо к соотечественнику

Общая задача наша поставлена: сохранения все то общечеловеческое образование, взятое с Запада, которое действительно привилось к нам и, следовательно, должно идти с нами в рост, — удалять все то, что не привилось, что составило нарост ложных учреждений и ложных юридических понятий, и, следовательно, освободить народное начало общественного права собственности и самоуправления так, чтоб оно могло развиваться без препятствий, на свободе.

Вопрос об Идеале традиционный, известен и спектр ответов на этот вопрос. Несомненно, в достаточном общем виде этот

вопрос выглядит так и сейчас. Однако столь многое изменилось... Уже после Первой мировой войны стало ясно, что предавать себе историю человечества так, как в XIX веке, более невозможно. Это было ясно — но не всем; сменилась поколене, и Вторая мировая война еще четче обьяснила это оставшимся в живых. Возможно, общий вопрос остался прежним, но наверняка изменились его более детальные формулировки. Впрочем, о них пойдет речь в следующих темах.

Точку зрения, высказанную на нашем форуме В. Межуевым, можно охарактеризовать таким образом. Отличие России от Запада должны удостоверить не русские почвенники, а западные русисты, причем делать это они должны не «специально», а вопреки своей основной цели. Для пояснения того, что имеется в виду, можно процитировать видного русиста.

А. Биллингтон, 2001. Икона и топор

Отличительной характеристикой российской культуры с 1840-х до начала 1880-х годов была чрезвычайная озабоченность особого рода, которую русские называют «общественной мыслью». В западной культуре для этой разновидности мысли точного эквивалента нет. Она столь прихотлива и литературна, что не поддается дискуссии в терминах традиционной нравственной философии или новейшей социологии. Устранения ее не были в первую очередь политическими и выражены скорее на языке психологии или религии.

Это говорится об основном предмете данной книги — о споре западников и славянофилов, о том и другом направлении вкуче: западники в лице Герцена, Белинского, Бакунина, Грановского не более внятыны Биллингтону, чем Киреевские и Аксаковы. Позволю простое сравнение: едва ли можно найти подобное непонимание в русской литературе относительно Эмерсона, о котором бы говорилось, что этот автор не удаляется в русло «новейшей социологии» и потому относится «скорее, к психологии».

Однако для того, чтобы этот факт культурной непереводимости занял правильное место, надо поставить его в контекст других непониманий. Проще всего было бы сказать о «главной русской душе», которую не понимает Биллингтон. Однако дело вовсе не в русских гайнах: с таким же отстранен-

но-ироничным непониманием относится он к Сен-Мартену, Шеллингу, Герелю... Слишком умные, идеалистичные, мечта-тельные, непрактичные, непонятные — они не укладываются в то, что считается «реальной жизнью»; то есть почему-то считается, что обладающий «реальным взглядом на жизнь» прав, когда у него после анализа жизненных явлений и последующей сборки теории остаются лишние детали в виде Шеллинга и Гереля. Это лишние люди; современный исследователь подправляет божественный замысел относительно мироздания — мир будет работать лучше, если в нем не будет этих непонятных людей. Так что, когда современный исследователь признается в некотором незначительном непонимании, — дело вовсе не в русской загадке.

Видимо, более точно факт, который изложен выше, следует описать таким образом: Россия восприняла культуру Европы и в этом смысле не является вне-европейской, противоевропейской, но современная «Европа» — забыла себя-прошлую, и уже современную культуру следует называть вне-европейской. Поскольку современную складку культуры принято называть модернизацией, можно сказать, что Европа сама поддежит этому процессу, причем поддежит с некоторым ущербом для себя. Из поддежашей Европы доносятся некоторые протесты и несогласия... но кто ее, дуру, спрашивает! Модернизации подвергаются культуры всего мира. Русская культура, как и европейская, не до конца модернизирована, не емпирноприродна тому, что выступает как модернизационная культура, в этом смысле она «почвенна», хотя эта почвенность означает, по сути, только некоторую остаточную культурность европейского толка.

Как мы видим, разговор переходит к противополоставлению дивидизации и культуры — а точнее, той культуры, которую несет с собой современная дивидизация, и прежней, отошедшей культуры, которая осталась в «анклавах» старой духовности. По-видимому, эта точка зрения складывается к тому, чтобы заявить: современная западная дивидизация отодвинулась от порожденной ею культуры, эта культура — вечерашний день современности. И спор идет не между Востоком и Западом, а между пришедшей ранее с Запада культурой и сегоднешними культурными влияниями, также идущими с Запада, но противоречащими прежним установкам. Вчерашний Запад сохранил-

ся в России, и вопрос в том, отдавать ли этот вечерашний (по мнению его сторонников — вечный) Запад в угоду сегоднешнему. Между собой сражаются два Запада, и части обоих перемешаны на территории западно- и восточноевропейских стран. Рассматривая приведенные выше высказывания, мы видим, что все точки зрения непротиворечивы. В самом деле, можно сказать, что спор идет между дивидизацией и культурой — в описанном выше смысле. «Вчера» дивидизация шла вместе с культурой и помогла ее распространению, теперь же обернулась против культуры. Мощь дивидизации такова, что страны, остающиеся с культурой, становятся дивидизационными маргиналами — со всеми вытекающими последствиями для развития экономики, для «политического лица» страны и в конечном счете для развития все той же культуры.

Эта позиция подразумевает, что Запад теряет культуру, а в России она сохраняется — разумеется, этот тезис высказывается с оговорками, но в целом смысл ситуации видится так. Конечно же, такое описание современного мира встречается сильнее в возращения западников. Однако эти возращения мы приведем дальше (в разделе «Духовность» главы 2).

Петр I

Идя по стопам Петра Великого, он [Кемаль Ататюрк] запретил ношение фесок.

Сэмюэл Хантингтон

Сначала нам не удалось достигнуть ясности относительно начала спора и общей характеристики спорящих сторон. Ученники диалога на сайте «Социум» не пришли к согласию, какое мировоззрение старше, когда начался диалог славянофилов и западников. Затем оказалось, что то, о чем этот спор идет, также не слишком отчетливо явлено. О благе России, о способах заимствования, о внутреннем противоречии Европы, о различии культуры и дивидизации — обо всем этом и многом другом. Спор идет едва ли не обо всем на свете. С одной стороны, так и должно быть — ведь беседуют два различных мировоззрения, у каждого на все — своя точка зрения. И все

Глава 1. История...

же... Беседают два определенных, конкретных мировоззрения, и хотелось бы точнее выделить, о чем говорят именно они, а не иные пары вечных врагов — материализм и идеализм, например, или рационализм и эмпиризм.

Раз нам не удалось выяснить основной вопрос, попробуем обратиться к болевой точке спора, к которой рано или поздно обратятся все говорящие. В споре западников и славянофилов ключевую роль играл вопрос о значении Петра I в судьбе России. Его фигура была линзой, собирающей все направления спора в фокус. Вопрос о Петре был ключевым, индикаторным, по которому определялось, к какой из спорящих сторон принадлежит данный мыслитель. Однако дело обстояло вовсе не так просто, что славянофилы Петра «ругали», а западники «хваляли». Что же говорилось о Петре?

Первым делом — то обычное, что мы обозначили как «простою» позицию. Западники благословляли Петра за то, что он мощной рукой вавинул Россию в число европейских держав, внедрял в ней цивилизацию, дал новые ориентиры культуре. Славянофилы проклинали Петра примерно за те же деяния — за то, что не щади ни народного тела, ни народной души, что разделил единый народ на мужиков и интеллигенцию, за чинничество, за немецкое влияние, за унижение, за фальшивый блеск, за то, что от его даров уж невозможно отказать, за выбор, сделанный за всех...

А кроме того, было еще и совсем иначе, и основатели славянофильства вовсе не считали Петра «зломеем».

И. Киреевский. 1832. Деятельный век

Переворот, совершенный Петром, был не столько развитием, сколько переломом нашей национальности; не столько внутренним успехом, сколько внешним нововведением.

Но могло ли просвещение прийти к нам иначе как посредством перелома в нашем развитии...?

Ответ на этот вопрос выводится ясно из преядущего, и если в нашей прежней жизни недоставало одного из необходимых элементов просвещения — мира классического, — то как могли бы мы достигнуть образованности, не заимствуя ее извне?

Образованность России, им /Петром — А.Б., Г.А./ начата, — вот основание его величия и наше-

го будущее благоденствия. Ибо благоденствие наше зависит от нашего просвещения, а им мы обязаны Петру.

Позиция западников содержала меньше отворок.

П.Я. Чаадаев. 1837. Апология сумасшедшего

Неужели вы думаете, что, если бы он /Петр. — А.Б., Г.А./ нашел у своего народа богатую и плодотворную историю, живые предания и глубоко укоренившиеся убеждения, он не поколебался бы кинуть его в новую форму? /.../ И, с другой стороны, позволила бы страна, чтобы у нее отняли реальное ее прошлое и, так сказать, навязали ей прошлое Европы? Но ничего этого не было. Петр Великий нашел у себя дома только лист белой бумаги и своей сильной рукой написал на нем слова *Европа и Занид* /.../. Если мы оказались так послушны голому государю, звавшего нас к новой жизни, то это, очевидно, потому, что в нашем прошлом не было ничего, что могло бы опровергать сопротивление. Самой глубокой чертой нашего исторического облика является отсутствие свободного почина в нашем социальном развитии.

Это, конечно, совершенно непростительные слова. Нашел дома лист белой бумаги... В прежние времена тоталитаризма за это объявляли сумасшедшим, а в нынешний демократический век за такое можно и по свободной личности заработать. И, однако, в этой совершенной несправедливости и очевидной неправоте, с которой Чаадаев обходится с русской историей, сокрыт аргумент... тоже весьма обидного свойства. Чаадаев говорит: но ведь Россия послушалась Петра. Согласилась забыть прежнее. И мы видим, как любые выражения («ее заставили», «заставили») сталкиваются уже не с мнением, а с действительностью: сейчас имеется Россия, которую нельзя позвать в допетровские времена. Действительно, она согласилась... Этот амительный спор, где Петр предстает и злодеем, и освободителем, и антихристом, и просветителем, отцом отечества, интеллигенции и рабства, — этот спор решил завершить Вл. Соловьев, своей непобедимой диалектической логикой развести позиции по «моментам» и уравнив синтеза.

Глава 1. История...

В.А. Соловьев. 1888. Русская идея

Несмотря на крупные недочеты в его характере как частного лица, он /Петр.— А.Б., Г.А./ до конца являет достойный удивления пример преданности долгу и гражданской доблести.

В.А. Соловьев. 1896. Византизм и Россия

По самой идее христианства, как религии бого-человеческой, христианское царство должно состоять из свободных человеческих лиц, как и во главе его должно стоять такое лицо. Понятие человеческой личности в ее безусловном значении было совершенно чуждо византийскому мирозерцанию, как это признается и его сторонниками. Развитие этого своеобразного для христианства начала, совершенно заданного на Востоке, составляет смысл западной истории. Сближение с Европой, которому мы обязаны Петру Великому, приципиально свою важность имеет именно в этом: чрез европейское просвещение русский ум раскрылся для таких понятий, как человеческое достоинство, права личности, свобода совести и т.д., без которых невозможно достойное существование, истинное совершенствование, а следовательно, невозможно и христианское царство. Об этой стороне своего деда сам Петр Великий прямо не упоминал, но это не уменьшает его значения.

Этот тезис с тех пор неоднократно воспроизводился западниками. Независимо от того, в чем Петр был не прав, он смог открыть России дорогу к величайшей ценности западной цивилизации, к величайшему сокровищу, рожденному в Древней Греции, — к свободной человеческой личности. В этом смысле деяние Петра определило всю дальнейшую историю и неподсудно. Весть для осуждения Петра его противники используют ту самую свободную силу суждения независимой личности, которой они обладают благодаря ему. Петр — отец всей интеллигенции, отец западников и славянофилов, и детям негоже хулить отца. Лучше постараться исправить его ошибки, усугубить его благие деяния. Осудив Петра, русские мыслители оказываются без права на существование.

Отсюда начинается новый виток спора о Петре. Интеллигенция — дитя Петра, но весть и Петр — сын своего народа. Что же он сотворил?

В.Н. Муравьев. 1918. Рев племени

Со времени Петра начинается отрыв образованных русских классов от народа и усвоение ими нового западного мирозерцания. Народ остался при старом. Вплоть до нашего времени он жил запасом идей, верований, психологических и действительных навыков, накопленных в средних веках русской истории. Он продолжал жить исторически, воспринимая события и участвуя в них целостным, действенным образом. Но трагическое положение народа нашего заключалось в том, что народ не может существовать без связи с выделяемыми им постоянно образованными слоями. Они для народа то же, что цветок плодородной земли для растения, — необходимый орган, обновляющий его жизнь и движущий его развитие. Мы же находимся в таком положении, при наличии двух культур, что часть народа, подучавшая образование, немедленно этим самым воспринимала чуждое народу мирозерцание, отрывалась от народа, жила вне связи с русской историей. От этого древнее мирозерцание наше не могло развиваться. /.../ Три века держалось оно, несмотря на ожесточенную войну, объявленную ему интеллигенцией, и три века им держалось русское государство. Наконец, к началу XIX века народ оказался вовсе без мирозерцания. Старое умерло, новое он не усвоил.

Проходят десятки лет, и все четче выделяется эту судьбу интеллигенции, взятую прямиком из греческой трагедии. Рожденная преступлением, интеллигенция мучительно пытается вернуться к народу. А народ... Было бы крайне оптимистично полагать, что он ожидает этого возвращения. Пока происходили искания интеллигенции, народ перестал быть тем, кем был.

Г.П. Федотов. 1926. Трагедия интеллигенции

Петру удалось на два века расколоть Россию: на два общества, два народа, переставших понимать друг друга. Разверзлась пропасть между дворянством (сначала одним дворянством) и народом (всеми остальными классами общества) — та пропасть, которую пытается завалить своими трупами интеллигенция XIX века. Отныне рост одной культуры,

импортной, совершается за счет другой — национальной. Школа и книга даются орудием обезличения, опустошения народной души. /.../

Людям, которые готовы проклясть империю и с легкостью выбросить традиции русского классицизма, венчаемого Пушкиным, следует напомнить одно. Только Петербург расколот пламенное русское слово, только он снял печать с уст православия. Для всякого ясно, что не только Пушкин, но и Толстой и Достоевский немислимы без школы европейского гуманизма, как немислим он сам без классического предания Греции. /.../

Начавшись революционным отрывом от Руси, двухвековая история Петербурга есть история медленного возвращения. Перемежаясь реакциями, но все с большей ясностью и чистотой звучит русская тема в новой культуре, получая водительство к концу XIX века. И это параллельно с неуклонным распадом социально-бытовых устоев древнерусской жизни и выветриванием православно-народного сознания. /.../

Не будет преувеличением сказать, что весь духовный опыт денационализации России, предпринятый Лениным, бланшет перед делом Петра. Дадыко шенкам до дыба.

В этих высказываниях обращает внимание то, что на фоне критики лаубокие мыслители всегда признавали величие дел Петра и благотворное значение его свершений для России. Отмечались пробы, возникшие перед страной в результате сделанных им важных выборов, но в целом признавалось, что решения его были по большому счету единственно возможными.

Таковы итоги столетнего обсуждения. Современные исследователи в общем воспринимает прежний спектр мнений. Некоторые продолжают безоговорочно осуждать Петра, но в целом присутствует более взвешенная позиция.

Г. С. Померанц. 1988. Оаноничные теории

Самодержавие Петра становится на пути европеизации. Методы Петра вызвали ряд неблагоприятных последствий, отчасти специфически российских. Но основные болезни развития повторились 200 лет спустя во всех странах Азии и Африки,

завяченных вестернизацией. Всюду возникают беспочвенная интеллигенция, раскол на западников и почвенников, проблема диктатуры развития, которая легко становится диктатурой застоя.

М. Назаров

Одним из наших пагубных отклонений от русского идеала стало петровское насаждение европейской протестантской «культуры» во всех сферах русской жизни. Тихомиров (как и многие другие православные авторитеты) признает лишь то, что реформы Петра I были оправданны в плане использования достигнутых *для обводны от наниска* *Занида же* адекватными *средствами* (но не для слияния с ним в единой «культуре» — такой цели не было) (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Итак, ничего нового о Петре не сказано, представление о значении его реформ можно считать сложившимся. Однако сейчас о Петре в споре западников и почвенников говорят значительно меньше, чем сто лет назад. Разговоры о Петре и его деле перестали быть «дежурной темой» споров, отошли на второй план, в разряд «известных аргументов». Почему? Вероятно, его заслонили подобые и более близкие нам события. Со времен Петра прошло несколько волн вестернизации (некоторые насчитывают их более десятка), и были среди них еще более сокрушительные по своим последствиям, чем его реформы. Тираны России стали более жестоки и кровавы. Тему Петра сменили обсуждения роли Ленина и Сталина.

Есть ли теперь западники и славянофилы?

Куда бы ни летела безногая птица, она находила лишь деревья без ветвей.

Оаре Аора

Существует точка зрения, что и западники, и славянофилы — это названия исчезнувших мировоззрений. Эта мысль

Глава 1. История...

неоднократно высказывалась мыслителями поколения «Вех». В 1920–30-х годах они говорили о грядеи интеллигенции, о том, что весь спор западников и славянофилов отошел в прошлое, а современность ставит новые вопросы. Несколько подробнее этот круг мыслей будет нами изложен в разделе «Судьбы интеллигентной элиты» главы 5. Здесь же остановимся на той линии расуждений, где утверждается, что участники ипратот чужие роли, что весь диалог «срежиссирован» модератором.

В. Дапкин

Безусловно, всяк волен называть себя, как ему заблагорассудится. Хотя, на мой взгляд, некое представление ведаущих современных научных направлений стыдливо ридаться в чуждые им одежды просвещенного дворянства эпохи Николая I (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

Исследуя историю спора западников и славянофилов, Ю.С. Пивоваров пришел к выводу, что реальный спор окончился к 1910–20-м годам, и сегодня возможно лишь бледное повторение прежних позиций. Некоторые участники диалота исходят из иных положений, но также соглашаются с тем, что современный диалог — иной, не сводимый к прежнему набору позиций.

В. Федотова

Я не отношу себя ни к славянофилам, ни к западникам. И я полагаю, кроме того, что перенесение этих понятий в сегодняшний день не вполне оправданно. Во-первых, славянофилы были глубоко образованными и не отрицали Запада как таковой, а западники понимали российскую проблематику и не презирали Россию. В этом — глубинные отлгии от сегодняшних упрощенных взглядов на природу российского общества и его будущее. А во-вторых, и западники, и славянофилы отрицали государство. Западники отрицали российскую государственную систему во имя самоорганизации, присущей Западу, и демократических структур, которые для него становились характерными. Славянофилы же отрицали государство во имя общины (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

Действительно, по многим вопросам можно видеть воспроизведеие хорошо известных и апробированных временем аргументов (подробнее см. в разделе «Повтор» главы 7). Однако многие другие участники полагают, что повторность, проявляющаяся в Дискурсии, — факт, но это не мешает самой Дискурсии быть реальной. Вечные вопросы приводят к «вечным» Дискурсиям, и западники и почвенники по-прежнему есть в современной России.

В. Чеснокова

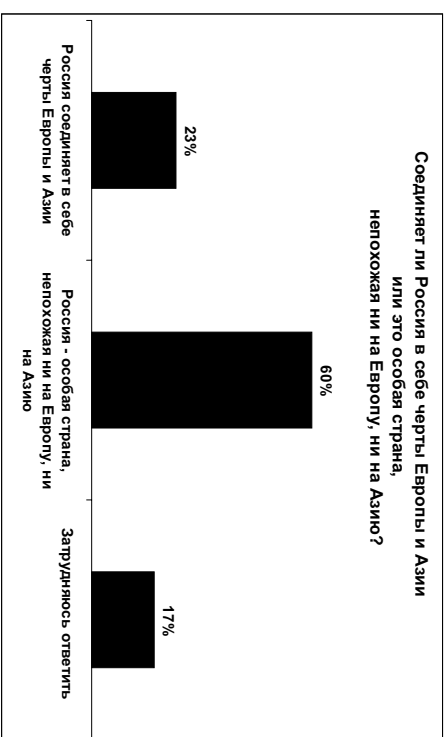
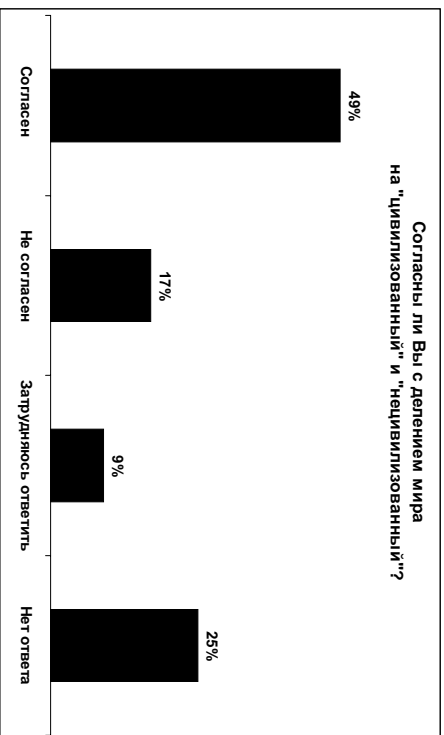
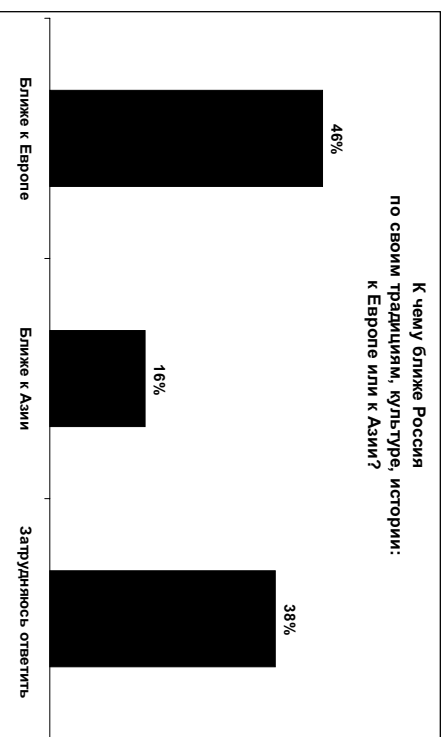
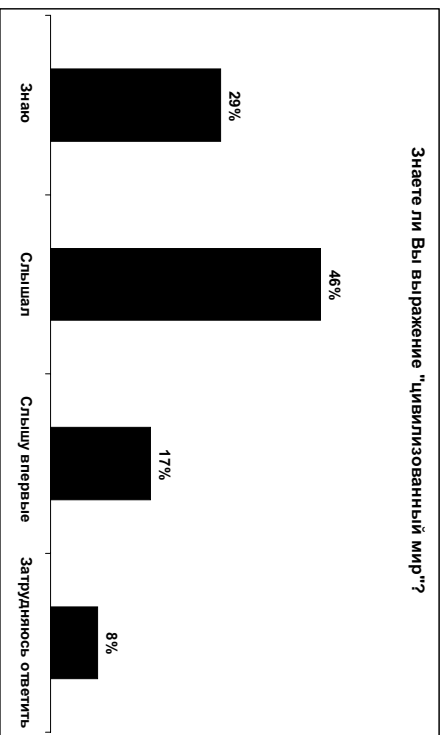

Что же мы имеем на данный момент? Безусловно, многие исторические реалии поменялись. Но соотношение между западной и почвеннической доктринами в значительной мере осталось тем же, что и сто лет назад. Западничество широко распространено и укоренено в общественном сознании. Благодаря всеобщему школьному образованию в него втянуты новые контингенты населения. С него которой натяжкой, но можно сказать, что им охвачено все население. Почвенничество по-прежнему малочисленно по числу своих сторонников, концепция его неразвита и слабо обоснованна, хотя русофобские насюки и филиппики, пожалуй, привлекают на его сторону эмоционально окрашенные симпатии все большего количества населения. Но питать симпатии — это еще не означает сознательно воспринимать и уметь отстаивать ту точку зрения, которой симпатизируешь.

Тем не менее, почвенничество как течение держится и совершенно не проявляет тенденции тихо скончатся своей смертью. Это свидетельствует о том, что какую-то функцию оно выполняет и какой-то участок общественного сознания оно себе отводало (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

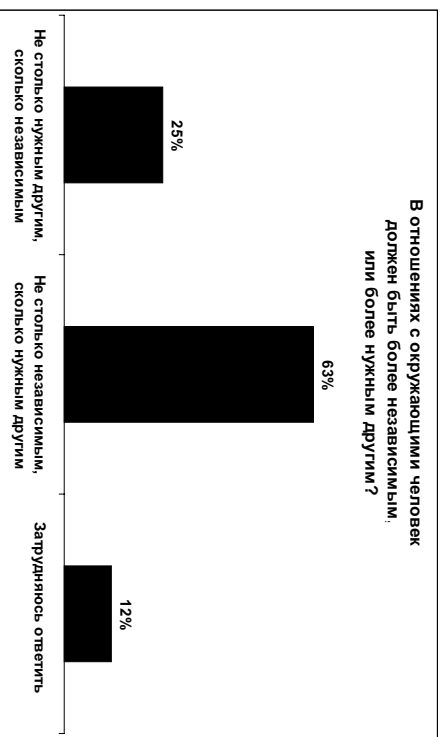
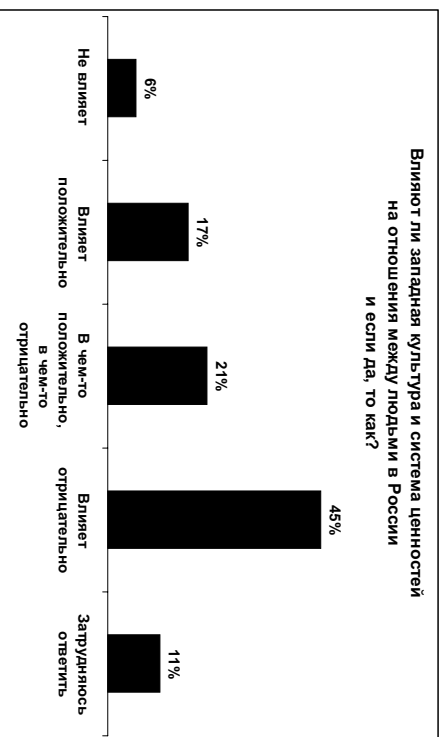
Оба мировоззрения продолжают существовать. Духотлетная совместная жизнь в России убедила стороны, что наиболее полагать, будто противная сторона исторически случайно, антинациона, подожжит изгнанию или истреблению. В диалоте на нашем форуме проявилось понимание: западники — не агенты иностранных разведок, почвенники — не тупые ретрограды. Они существуют вместе, поскольку существует Россия.

Глава 1. История...

¹ Эти и последующие диаграммы построены по материалам ежегодных общероссийских опросов населения по репрезентативной выборке в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон России.

Способ проведения опросов – интервью по месту жительства. Размер выборки – 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. Данные представлены на диаграммах в процентах от числа опрошенных (по населению России в целом).

В. Межуев

Я считаю себя западником, человеком, воспитанным на западной культуре, — Разумеется, в той степени, в какой она была доступна в условиях советской России. Любой человек, получивший образование в России, может считать себя в какой-то мере человеком европейской культуры, поскольку изучал то же, что изучают и в Европе. Спор между западниками и славянофилами — это спор между людьми с разными убеждениями, но принадлежащими к одной и той же культуре — европейской. Более того, он только внутри этой культуры и возможен. За ее пределами таких споров не ведут (Клауф Дискурс: Социум, 2001).

В. Чеснокова в этой связи специально подчеркнула, что спор идет внутри одной культуры. Западники — не «люди Запада», они выражают нормальный аспект российской культуры.

В. Чеснокова

Ценности — это не психология и даже не тип личности. И в смысле отношений между людьми, я считаю, что здесь нет никакой разницы. Потому что западники, они же выросли у нас здесь, в России, они целиком воспитаны в этой культуре — не на уровне сознательно заявляемых ценностей, а на другом, на поведенческом уровне, то есть на уровне опыта, чисто человеческого общения (Клауф Дискурс: Социум, 2001).

Уже раньше мы ставили вопрос: не произошло ли изменение мировоззрений? Неужели прошедшие века ничего не изменили в позициях спорящих? Если же изменили, то в какую сторону? Или, может быть, изменились не позиции, а их защитники?

В. Межуев

Наши нынешние западники убеждены в том, что капиталистический рынок и свобода — одно и то же, что переход к рынку и есть переход к гражданскому обществу. Свободу цен они отождествляют с человеческой свободой, права капитала с правами человека

и гражданина, в том числе и с правом на частную собственность, рынок с демократией. О социальном государстве — вершине либеральной мысли — они вообще не помышляют. Западники прошлого были преимущественно политиками, нынешние — почти сплошь экономисты, причем даже не либеральные, а неолиберальные. Первые сражались за конституцию и парламентскую форму правления, вторые более всего озабочены процветанием частных банков и курсом акций. Либералы XIX века защищали человека от недемократической власти, неолибералы — только капитал (причем в условиях глобализации даже не производственный, а финансовый) от государства (Клау6 Дискурс: Социум, 2001).

Представление об эволюции, развитии позиций дискутирующих сторон весьма близко к положению о конце прежнего спора. Так, А. Уткин фиксирует конец прежнего противостояния и возникновение нового расклада позиций — по сути, новый спор, лишь частично перекликающийся с прежним.

А. Уткин

Спор сегодня идет у нас не между западниками и славянофилами (славянского единства давно уже нет), а между западниками, убежденными, что Россия движется в направлении Запада, может и должна стать его частью, и новыми почвенниками-евразийцами, ставшими во главу угла терриоториальное расположение России в Евразии, евразийский состав населения страны и влияние азиатской степи на ее историю. Сразу скажу: для признания правоты западников мне недостает в России западного человека (Клау6 Дискурс: Социум, 2001).

Итак, говорится, что в России нет западного человека; и западники, и славянофилы — прежде всего русские (по культуре). С точки зрения А.И. Уткина, победа западничества должна ознаменоваться появлением в России западного человека. Однако его нет. Отсюда: неизвестно, победили ли почвенники, может быть, и нет, но западники проиграли. Такой вывод можно сделать, если придерживаться данного критерия победы западничества. А что говорили в начале XX века по этому поводу?

Вяч. Иванов. 1915. Живое предание

С исторической точки зрения о славянофильстве можно сказать, что в нем диалектически совершилось преодоление первоначального пристрастия к национальной феноменологии (это пристрастие называют теперь «провинциализмом»), — пристрастия, которое заключало в своих расценках много опасностей и много неправды, — прежде же всего ставило его в одну плоскость с феноменологическим западничеством, так что спор велся о преимуществе тех или иных культурных форм, а не о проблеме национальной онтологии, — почему и теперь многие думают, что дедовский спор решен естественным ходом событий, что, как нет более прежнего западничества, ибо *забылилась ученость и наше и Россия вошла в целостный состав Европы /курсив наш. — А.Б., Г.А./*, так умерло и славянофильство и, умерев, не оставило в нас своей бессмертной души.

Итак, Вяч. Иванов считал, что Россия уверенно вошла в состав Европы, ученость кончилась. Таков вердикт. Верен ли он сейчас? Едва ли. Значит, между 1915 и 2002 годами разверзлась пропасть, в которой пропали совсем уже выработанные и готовые решения. Только-только установившееся мнение о месте России было опровергнуто: реальность внесла свои коррективы в содержание дискурса. Теперь все надо начинать заново — и ставить вопросы, и находить ответы.

Представления об одном долгом споре и мнении о начале нового — не взаимомисключающие позиции. Возможна следующая модель: спор западников и славянофилов с началом Первой мировой войны и революции в России завершился на определяющем этапе, некоторый круг обсуждения проблем пройден. В идейном плане многие результаты спора фиксировал Вяч. Соловьев. Однако в целом спор сохранил достаточную преемственность, чтобы считать его тем же самым, хотя позиции сторон эволюционировали и число противоборствующих позиций умножилось. Существование СССР сопровождалось разложением ткани культуры, разрывами исторической преемственности. Разрушение СССР подобно выходу из детаргического состояния. Совсем уже взрослые люди, обремененные

умом и сединами, начинают играть в Австрийские соборания, другие, менее обремененные, — в язычество. Что же удивительного, что в филозофском споре люди слетка повторяются? От пережитого и заикаться можно начать, а повторы — это пустяки. Пройдет.

Мы — свидетели очередного этапа спора новых западников и новых почвенников. Повторы очевидны, и мы живем в том же круге мыслей, который начал (или продолжил?) объявленный сумасшедшим Чаадаев. Первый западник и первый славянофил, он спорил сам с собой — чем не признак сумасшествия! — не находя себе садника. Затем «субъект спора» умножился и разделился, выделились западники и славянофилы, со временем расходящиеся на все более далекие позиции. Герцен, Киреевский, Грановский, Хомяков были еще универсалами. Глядя из современности, сразу и не решишь — при взгляде на цитату, а не в «список участников», — к какой стороне их причислить. В XX веке число спорящих сторон значительно возросло, а идейное пространство, затронутое спором, обогатилось и увеличилось: появились новые решения, новые выборы — и новые узлы противостояния.

Какова польза от соперничества мировоззрения?

Благодаря В. Чесноковой на форуме была поставлен очень интересный вопрос. Она просила высказаться о том, чем полезно каждое мировоззрение для его противников.

И. Клямкин

Они интересны мне тем, что на свой лад выражают важную тенденцию. Если исходить из того, что нам надо двигаться по пути формирования современной нации, то должны быть и националисты, то есть люди, которые всегда имели место быть в период формирования современных наций. И наши националисты в каком-то смысле могут рассматриваться как претенденты на эту роль — независимо от того, воспринимают они себя в таком качестве или нет. В этом смысле они мне и интересны,

ибо я, повторяю, вижу в них выразителей тенденции, которая соответствует моему представлению о том, как должно быть, моим представлениям об истории вообще (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

В. Чеснокова

Что я в западниках вижу полезного? Сфера, в которой работают западники. Это — накопление информации о том, что происходит там, на Западе. Националисты мало следят за всем этим. А они (западники) следят, причем с большой симпатией к этому самому Западу. И по этой причине, когда они делают предположения по внедрению модернизаций в наше государство, они имеют определенные накопленные знания про то, как это можно сделать (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

И. Клямкин

Я оказываюсь перед мучительным вопросом: а можно ли вообще такое изменение осуществить, можно ли двигаться вперед, не имея традиций, на которые можно было бы в таком движении опереться.

Не скажу, что националисты помогают мне найти ответ на этот вопрос. Но они не позволяют от него уклоняться. Когда они говорят, скажем, о традициях или ценностях, присущих, по их мнению, народу, то это дает импульсы для размышлений об этих традициях и ценностях, заставляет проверять, насколько адекватно они описываются, и, что, быть может, самое существенное, высказать, в том числе и в ходе социологических исследований, действительно ли они разделяются нашими современниками или приписываются им. В этом отношении националисты очень даже полезны западникам (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Этот обмен мнениями ведет к следующему. Каждое мировоззрение отражает свой аспект истины, к другим аспектам мира оно слепо. Поэтому соперничающие мировоззрения чрезвычайно ценны: они говорят нам о том, что мы сами увидеть не способны. И. Клямкин предпоял высказать эту мысль в от-

рицательной форме: соперники его беспокоят своими аргументами и не дают забыть о «слабой стороне». Чеснокова предпочла положительное высказывание: соперник дает знание о другой стороне медали. Эту мысль с разных сторон освещают наши современники.

С.С. Аверинцев. 1987. Старый спор и новые спорщики

Где сейчас благоденствие мысли, отмечающее обе стороны: Чаадаева — и Тютчева, Хомякова — и Герцена?.. Да, они спорили, спорили непримиримо, но спор их протекал на основе некоторого взаимопонимания и потому был для культуры плодотворным. /.../ Славянофилы менее всего были узкими доктринарами или духовными провинциалами. Западники менее всего были представляемыми национального нигилизма. Где нам до них!

Г. Померанц. 1994. Выбор XXI века

В современном диалоге западный интеллигент, как правило, стоит ниже своих оппонентов. Образованный индеец знает Европу; образованный европеец имеет довольно туманное представление о Востоке и смешивает в понятии Востока совершенно разные миры.

Об этом говорились и на форуме.

В. Федотова

Когда мы говорим, что путь должен быть западным, мы не понимаем, что это лишь усвоение отдельных нужных нам элементов западной экономики, политики, образования, культуры и т. д. и что в какой-то мере за двести лет послепетровской модернизации мы уже этот путь прошли. Мы еще нуждаемся, может быть, в освоении каких-то вещей, но все равно мы не станем Западом. И вот для того чтобы понять, что нужно именно нам, могут, наверное, пригодиться и те, кого мы привыкли считать почвенниками и славянофилами (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Та же, по сути, мысль высказывалась и в прошедшем «разуде» спора, в веке XIX-м.

А.И. Герцен. 1865. Письма к прогивнику /Ю.Ф. Самарину/

Когда я спорил в Москве со славянофилами (между 1842 и 1846 годами), мои воззрения в основах были те же. Но тогда я не знал Запада, т. е. знал его книжно, теоретически, и еще больше я любил его всего ненавистью к николаевскому самовластью и петербургским порядкам. Видя, как Франция смело ставит социальный вопрос, я предполагала, что она хоть отчасти разрешит его, и оттого был, как тогда называли, *занидником*. Париж в один год отрезвил меня — зато тогда этот был 1848. Во имя тех же начал, во имя которых я спорил со славянофилами за Запад, я стал спорить с ним самим.

Общий смысл этих высказываний — во взаимодополнительности точек зрения; частный же смысл мнения В. Чесноковой о «плохом знании Запада» почвенниками вызвал много возражений. Если понять эту мысль как простое признание в неадекватном владении предметом разговора со стороны почвенников, то ряд возражений напрашивается.

А. Зубов

Дело в том, что как раз русские почвенники XIX — начала XX века, те же Хомяков, Киреевский, Константин Петрович Победоносцев, блещущие знали ситуацию на Западе. Статьи Победоносцева о событиях во Франции, в Испании, переписка Хомякова с Паммером показывают такое глубокое знание реалий западного мира, которое многие западники могли бы себе только пожелать. И уж по крайней мере дискуссии Тимофея Грановского и Ивана Киреевского о путях развития России и Европы отнюдь не были взаимным обменом недостающей информацией. Информацией в полном объеме владели оба собеседника. Западник Грановский досконально знал историю России, а славянофил Киреевский — историю и культуру Запада.

Нынешняя же ситуация, при которой кто-то о ком-то знает больше, чем другой, — это просто признак нашего общего постсоветского невежества. Мы за советский период утратили комплексность знаний, необходимо присущую культурному чело-

веку. И это ни в коей мере не является ни достоинством западников, ни достоинством славянофилов, что о предметах любви друг друга они узнают друг от друга. Нам, я думаю, надо, кем бы мы себя ни считали, стараться выйти на уровень тех, кто был до нас. Иначе и говорить-то, по большому счету, просто не о чем (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Для полноты картины следует упомянуть, что наше слабое знание Запада не идет, возможно, ни в какое сравнение с тем, насколько плохо нас знает Европа.

А. Герцен. 1850. Россия

Цезарь знал галлов лучше, чем Европа знает русских. Пока Западная Европа имела веру в себя, пока будущее представлялось ей лишь продолжением ее развития, она не могла заниматься Восточной Европой, теперь же положение вещей сильно изменилось.

Возражают также и с другой стороны. Можно отстаивать знание «старыми славянофилами» Запада, а можно утверждать, что наши современники плохо знают не только Запад, но и Россию.

В. Ивлин. 2000. Российская цивилизация

«Нечего греха таить — все мы очень плохо знаем Россию», — констатировал Гоголь. Его констатация, справедливая для прошлого, не утратила справедливости и для настоящего. Простешие эпох не внесло в предмет ясности; мы ни на йоту не продвинулись в понимании существа дела сравнительно с предшественниками.

По сути, эти возражения сводятся к указанию на общее падение культуры, произошедшее в России, по сравнению с XIX веком вообще — и при сравнении с такими фигурами, какими были первые славянофилы и первые западники. Однако в целом эти возражения не очень плодотворны, если воспринять их как ответ на основной вопрос: о пользе мировоззрения соперника. Совсем иной по типу ответ сформулировал на нашем форуме М. Назаров.

М. Назаров

Признаю у многих наших западников в советское время заслуги в отстаивании свободы, в разрывании тоталитарного режима. Они в этом часто были бескомпромиссные, но и неосторожнее почвенников, которые (даже Солженицын в «Письме к вождям») боялись в своих действиях вместе с режимом сокрушить и историческую Россию. Западники же были готовы свергнуть коммунизм любой ценой, получили для этого мощнейшую поддержку Запада (который начал свою «борьбу против коммунизма» только после Второй мировой войны, когда интернационалистический СССР начал свою реставрационную национальную мутацию, столь испугавшую «мировую закулису») — вот мы и имеем в 1990-е годы соответствующий результат... (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Он говорит о том, что сторонники одного из мировоззрений проведут более решительную политику, причем это можно сказать не только о западниках старого времени. Западничество выступает как политика радикальная, реформаторская, энергичная, а славянофильство — как преимущественно охранительская, осторожная, инерционная. В определенном смысле это также является указанием на дополнительность мировоззрений и необходимость обих для нормальной жизни общества: одни семь раз отмеривают, после чего другие отбирают у них ножницы и решительно режут. Но кроме дополнительности подчеркивается и принципиальная несимметричность позиций.

Итак, несмотря на множество разногласий большинство участников спора считает, что существование противника осмыслено, чувствуется важность высказывания противоположной позиции. Правда, как мы видели это раньше и как убедимся в дальнейшем, при решении конкретных вопросов эти блага немерения очень быстро забываются, противоречия обостряются и о согласовании позиций речь уже не идет. Такую ситуацию можно охарактеризовать так: на уровне общих представлений о правилах коммуникации, способах достижения взаимопонимания, законах диалога все участники «знают, как надо себя вести». Но как только диалог затрагивает важную для мировоззрения тему, верх берет целостность собственной по-

зиции, в которой не существует «окоп» для учета мнения противника. Компромис существует как общее понятие без конкретных приюжений — наравне с положениями о целостности Вселенной или всеобщем родстве, которыми связаны все люди на земле.

Не была затронута и еще одна сторона дела. Было сказано, что противоположная сторона нужна для того, чтобы «приглядывать» за не слишком разрабатанной стороной собственного мировоззрения. Это — польза для данного спорщика, для данной мировоззренческой позиции. Но ведь можно поставить вопрос и иначе: зачем нужны славянофилы (западники) России? Что они делают для страны, почему каждое из мировоззрений необходимо? Здесь ответы должны быть совсем иного характера.

Критика почвенничества

Люблю народность как чувство, но не признаю ее как систему.

Петр Вяземский

Мы видим, как идет обсуждение «основного вопроса» спора западников и славянофилов, как оценивается «спорная высота» — фигура Петра I. Лучше понять происходящее мы сможем, если противники нам расскажут друг о друге. Только что мы узнали, что думают участники диалога о своих соперниках положительного, и надо предоставить место критическим замечаниям.

Критика почвенничества может идти с самых разных сторон. Можно критиковать почвенников с позиции «мировой» или европейской цивилизации — за абсолютизацию частей национальной развития, за отказ влиться в общий процесс развития; можно — с точки зрения именно российского развития, за то, что почвенничество предрасполагает неудачный вариант развития России, который не ведет к успеху. Можно говорить о туманности постулатов и нереальности программ, предлагаемых почвенниками. Можно вести внутренний спор по поводу того, что является истинной почвой в России: языче-

ство? православиe? индивидуальные способы духовного роста интеллигенции?

Итак, что не нравится оппонентам в почвенничестве? Прежде всего, почвенничество ассоциируется с националистической идеологией.

И. Кавькин

Мне не нравятся националисты, потому что, с моей точки зрения, тот национализм, который они сегодня декларируют, или откровенно архаичный, апеллирующий к давно ушедшим временам, или представляющий собой модернизированное антизападничество, которое просто не учитывает реалии современного мира. В том и другом случае это — деструктивный национализм, потому что он не столько способствует формированию нации, сколько блокирует ее формирование (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Важно заметить, что критикуют позиции почвенничества далеко не только западники; очень резко критику высказывают и различные авторы, относимые к почвенникам.

В. Чеснокова

Почвенничество пока так и не преодолело своей неразработанности, расплывчатости понятий и концепций, западничество же, унизившись (в некоторых своих направлениях) до примитивного русофобства, показало неспособность на данный момент занять по настоящему творческую позицию в работе с *собственной культурой*. Так что тому и другому направлению, несмотря на всю их разность в «весе» и разработанности, есть над чем трудиться.

Потерять свою актуальность ни то, ни другое движение не могут, поскольку нет ни третьего, ни четвертого, а вовсе без противостояния, стора и столкновения различных точек зрения общественное сознание развиваться не может (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Далее, можно критиковать не все почвенничество в целом, а особенно актуальные его направления, отдельные концепции — например, евразийство.

Г. Померанц

У нас есть почвенники, которые просто ругают все европейское, но они, в отличие от Толстого и Достоевского, Европы просто не знают. Между прочим, Достоевский гораздо лучше знал Европу, чем православие. /.../ Наше евразийство — это в значительной степени выражение комплекса неполноценности. Оно родилось в 20-е годы в эмиграции оттого, что наших дворян там принимали, как грязных варваров. И вот появился миф о евразийцах. Но нет сейчас никаких шансов, повторю еще раз, создать новый культурный мир. Сейчас время движется очень стремительно, а тут нужны тысячи лет, чтобы создать культурный мир. Да и вообще великие формы Россия самостоятельно не создавала. Икона была византийская. Русские показали себя учениками, способными превзойти учителя — в иконе, в романе. Но они нигде не показали себя людьми, способными создавать новые коренные формы культуры. Россия — типичная ученица, талантливая участница диалога в рамках сложившегося диалога культур. Так что претензии на создание самостоятельного евразийского мира вряд ли состоятельны — по-моему, для этого нет не только времени, но и способностей.

/.../ Нынешнее почвенничество отлучается от почвенничества и славянофильства прошлого тем, что прошлые почвенники были очень образованные люди. Скажем, русские славянофилы — ученики Шеллинга... Собственно говоря, все наши основоположники учений могут быть выведены из одного из разделов немецкой философии — славянофилы из Шеллинга, либералы из Гегеля, Чернышевский из Фейербаха. У всех у них были европейские корни. И вот без этих корней создать этакую чистую русскость — извините, не получится (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Как можно резюмировать эти современные критические высказывания? Обвинения в адрес почвенничества сводятся к: 1) Россия по сравнению с Европой является отставодой страной и, следовательно, настаивание на этой отставодости приводит к деструктивности при следовании «почвенной» политике; 2) идеи расплывчатые и не проработанные, то есть отсутствует ясная программа необходимых социальных изменений, затрудненные

логические высказывания, не определены понятия. Сумму обвинений можно представить так: почвенники не способны к социальному действию, а если б они претворили свою программу в жизнь, она обернулась бы погромом. Так считают современники. А что говорили по этому поводу раньше?

И. Киреевский. 1832. Десятнадцатый век

Если рассмотреть внимательно, то это самое стремление к национальности есть не что иное, как непонитое повторение мыслей чужих, мыслей европейских, занятых у французозв, у немцев, у англичан и необдуманно применяемых к России.

Эта критика сводится ко второму из указанных выше пунктов — непродуманное заимствование есть следствие непродуманности идеи. Интересно, что заимствование, о котором идет речь, — это сама идея «национальности».

В. Соловьев. 1889. Славянофильство и его вырождение

Мы видели главные фазы умственного движения, начатого славянофилами. Поклонение народной добродетели, поклонение народной силе, поклонение народной дикости — вот три нисходящие ступени нашей псевдопатриотической мысли.

Такое критическое замечание близко к первому пункту — национальный эгоизм может быть понит как отставодость в развитии, приводящая к деструктивным последствиям.

Тем самым и прежние критики славянофильства выделали те же «родовые» недостатки: непродуманность мировоззрения и чрезмерная, слишком личная, чувственная увлеченность этими взглядами.

В первой четверти XIX века Бердяев, резюмировавший развитие славянофильства, говорил следуюшее.

Н. Бердяев. 1918. Судьба России

Вадимир Соловьев духовно покончил со старым славянофильством, с его ложным национализмом и исключительным восточничеством. И после деа В. Соловьева христианский универсализм должен считаться окончательно утвержденным в сознании. /.../

Ветхозаветный, охраняющий национализм очень боится того, что называют европеизацией России. Боятся, что европейская техника, машина, развитие промышленности, новые формы общестственности, формально схожие с европейскими, могут убить своеобразие русского духа, обезличить Россию. Но это — трусливый и малодерный национализм, это — неверие в силу русского духа, в несокрушимость национальной силы, это — материализм, ставший наше духовное бытие в рабскую зависимость от внешних материальных условий жизни. /.../

В славянофильстве было еще много провинциальной замкнутости. /.../ Сознание их /славянофилов. — *А.Б., Г.А.* / еще не вмещало мировых перспектив. /.../ Это было еще детское сознание русского народа, первое национальное пробуждение от сна, первый опыт самоопределения.

В целом Бердяев повторяет аргументы Соловьева, указывая на все те же факторы: национальный эгоизм и отсталость. При развитии этого направления критики изображение почвенничества приняло совсем карикатурные черты.

Отто Бауэр. 1924. Национальный вопрос и социал-демократия

Как орудие реакционной борьбы, национальный способ оценки приобрел величайшее значение в России. Там уже в течение десятилетий существует направление, которое борется со всякой реформой в западноевропейском духе; из нищеты и невежества мужика, из произвола чиновничества, из абсолютной власти и суеверия преческой церкви оно создало особую смесь, какую-то национально-славянскую сущность, которую во что бы то ни стало надо, мод, предохранить от всякого западноевропейского влияния (Нации и национализм).

Постепенно все более преобладали мнения, в которых отчаялись недостатки и западников, и славянофилов — несмотря на то, что высказывающий эти мнения автор мог квалифицироваться как очевидный приверженец той или иной стороны в споре. Уже евразийцы поставили себя над прежним диало-

гом, по-новому решив старые проблемы — и с новых позиций критикуя и западников, и почвенников.

С.Н. Трубецкой. 1921. Исход к Востоку

Всякое современное размышление о грядущих судьбах России должно определенным образом ориентироваться относительно уже сложившихся в прошлом способов решения или, точнее, самой постановки русской проблемы: «славянофильского» или «народнического», с одной стороны, «западнического» — с другой. Дело здесь не только в тех или иных отдаленных теоретических заключениях или конкретно-исторических оценках, а в субъективно-психологическом подходе к проблеме. Смотреть, вслед за некоторыми западниками, на Россию как на культурную «провинцию» Европы, с западанием повторяющую ее зады, в наши дни можно лишь для тех, в ком шаблоны мышления превозмогают власть исторической правды: слишком глубоко и своеобразно врезались судьбы России в мировую жизнь, и многое из национально-русского получило признание романогерманского мира. Но утверждая, вслед за славянофилами, самостоятельную ценность русской национальной стихии, воспринимая тонос славянофильского отношения к России, мы отвергаем народническое отождествление этой стихии с определенными конкретными достижениями, так сказать, формами сложившегося бытия. В согласии с нашим историческим принципом, мы считаем, что вообще невозможно определить раз и навсегда содержание будущей русской жизни. Так, например, мы не разделим взгляда народников на общину как ту форму хозяйственной жизни, которой принадлежит и, согласно народническому воззрению, должно принадлежать экономическое будущее России. Как раз в области экономической существования России окажется, быть может, наиболее «западническим». Мы не видим в этом никого противоречия и факту настоящей и грядущей культурной своеобразности России. /.../ Мы совмещаем славянофильское ощущение мировой значительности русской национальной стихии с западническим чувством относительной культурной при-

миповности России в области экономической и со-
стремлением устранить эту примитивность.

А вот как резюмировал развитие русского почвенничества
Г. Померанц.

Г. С. Померанц. 1972–1991. Долгая Дорога истории

Почвенничество — своеобразная форма прогрес-
та против *отчуждения*, которое несет с собой новое
время, против бесчеловечных сторон общественного
развития. /.../ Почвенничество /.../ фантастично и
часто реакционно; оно пытается остановить разви-
тие, которое остановить невозможно, и предлагает
для этого негодные средства. /.../ Сила почвенниче-
ства прежде всего в критике современной цивилиза-
ции как *законченного и безусловного идеала* /.../ в
критике методов *распространения* современной ци-
вилизации. Западничество сеет прогрессивные идеи,
принципы, внедряет учреждения, убежденное в том,
что они *должны* привиться, а почвенничество ставит
вопрос, что в данных условиях *может* привиться. /.../
Сила почвенничества в ощущении внутренней долги-
ки культуры, которая не легко меняется, и если меня-
ется, то не всегда так, как это было намечено /.../
Наконец, сила почвенничества в его установке на
внутренний мир человека, на его полусознательные
и бессознательные ценности и привязанности.

Здесь уже совершенно острепанно указывается на то, что
единственное положительное значение почвенничества — «раз-
говоры под руку»: западники строят нечто положительное, а
почвенники указывают на то, что у них не получится. В послед-
них строках приведенной цитаты почвенничество выводится из
мира социального действия и переходит в категорию факто-
ров, способствующих внутреннему развитию личности. Почвен-
ничество в этой трактовке становится частным делом, в смысле
общественном оно — безгласное «общественное подсознатель-
ное», способное в неожиданный момент сломать продауманные
планы, но внятно изъясниться не способное.

Так выглядят позиции, с которых критикуют почвенниче-
ство. Однако рассказ об этих критических положениях был бы
не полон без упоминания о знаменательном свидетельстве.

Надо сказать, что у многих людей есть жены. Очень часто
бывает, что жены эти очень умны, хотя и резко увлечены спе-
циальными предметами, интересующими мужа. Однако и при
отсутствии увлечения в силу факта супружества эти умные
женщины зачастую высказываются, и весьма недипломерно,
относительно предмета специальных занятий супруга. Высказы-
вания эти проносятся ныне обычно на кухне, а во времена
прошедшие слышать их удастывалась гостиния. Однако и в том,
и в другом случае мысли эти пропадают, потому что остаются
лишь теоретические обобщения мужей, а не критические реми-
нискенции их жен. Однако благодаря В. Соловьеву мы можем
узнать, что именно говорила жена Ивана Сергеевича Аксакова,
Анна Федоровна, по поводу славянофильских интересов мужа.
В словах ее есть не только частный интерес к минушим дням:
удивительно ясно и последовательно (возможно, благодаря
передаче В. Соловьева) Анна Федоровна говорит своему мужу
накоротке то, что ныне можно прочитать в очень солидных
изданиях, в статьях, подписанных мужами, а вовсе не женами.

В. Соловьев. 1901. Из воспоминаний. Аксаковы

Неправда, неправда! — прерывает его /Ивана
Сергеевича. — А. Б., Г. А./ Анна Федоровна, — ни-
каких русских убеждений нет, а есть только русская
дикость. /.../ А теперь вот нашим боладанам вместо
того, чтобы их сколько-нибудь очеловечивать, вну-
шают, что они и так хороши, что им нужно оста-
ваться только русскими, что Европа нам совсем ни
к чему, что у нас с нею нет ничего общего! Этого,
я думаю, ни мой отец /А. Ф. — дочь Ф. И. Тютчев-
ва. — А. Б., Г. А./, ни Хомяков не предусматривали.
Но вот к каким отвратительным глупостям привело
ваше славянофильство! /.../ И какая глупая, ребя-
ческая вера в пустые слова! Вы думаете, что обра-
зование перестает быть образованием оттого, что
вы называете его «европейничаньем»? Как будто
существует еще какая-то другая образованность,
другая наука кроме европейской! Если у вас есть
свое, не европейское, покажите поскорей. А если
ваша самобытная русская образованность состоит
только в том, чтобы бранить Европу, то я вам ска-
жу, что это только надувательство и преступление
против отечества.

Здесь позволим себе разорвать одну цитату ради другой.

В. Межуев

Россия для западников и есть пустое место, белое пятно, невозданное поде, которое только и ждет, чтобы его обработали европейским плугом. Но тем самым обедняется понятие не только России, но и Европы (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Однако продолжим следить за рассказом Соловьева.

В. Соловьев. 1901

Но Иван Сергеевич прямого ответа не давал, а лишь кротко улыбаясь и издавал нечленораздельные, но умиротворяющие звуки, средние между тихим рычаньем и легким скрипом.

/.../ Когда умер Иван Сергеевич, с Анною Федоровною произошел переворот. Всякая тень критического отношения к мыслям и делам покойного исчезла окончательно. Она приняла два решения, в которых выдела свой нравственный доул: во-первых, стать настоящею славянофилюкою; а во-вторых, собрать и издать все оставшееся от мужа. Вторую задачу она исполнила с поразительным, почти сверхъестественным успехом. /.../ Первая задача — стать славянофилюкою — оказалась труднее. С наибольшею, трогательной в такой женщине, она говорила мне:

— Я всячески стараюсь усвоить все идеи и взгляды Ивана Сергеевича — это теперь мой доул и самое горячее желание моего сердца. И я достигла некоторых успехов. Но есть вещи, которые все еще никак в меня не вмещаются. Во-первых, его странное обожание русского народа — я уже не говорю о других славянах, — а потом государственный принцип славянофильства, который мне никак не удается согласовать со здравым смыслом. Это самое большое мое огорчение.

Это благородное, но слегка анекдотичное развитие мыслей А.Ф. Аксаковой можно было бы дополнить развернутой критикой славянофильства в изложении В. Соловьева. Однако

общие черты его критики можно угадать из обширной цитаты, приведенной в разделе «Общий взгляд на историю западничества и славянофильства». Нам кажется, что те проблемы, которые встретили искривленные стремления выпонять желание покойного мужа Анна Федоровна, не меньше говорят о проблемах реального почвенничества, чем развернутые философско-исторические обоснования.

Критика западничества

Теперь, уславшав, как критикуют почвенников, время посмотреть на экзекцию, которой подвергаются западники.

Западническое мировоззрение также может быть оспорено по очень разным линиям. Можно усомниться в том, что западники желают добра России и русским — это обвинение в «друсофобстве». Можно сказать, что западники мешают мировому развитию, перенося частный опыт Европы на другие культуры и страны, которые призваны сыграть иную роль в истории. Можно укорить их в непонимании того, чему, собственно, учит Европа: сказать, что западники слепо подражают частностям европейского развития, препятствуя усвоению того универсального и ценного урока, который Европа «на самом деле» дала миру. Наконец, возможна и такая позиция, что современное развитие Европы является ошибочным, ведущим в пропасть, и тогда западники выступают как агенты «мирового зла». Можно считать, что Европа всегда была такой «нехорошей», а можно подлатать, что она лишь недавно «испортилась». Тогда западничество раздвигается на этапы: когда-то Европа несла добро и у нее было чему поучиться, а потом она пошла по неправильному пути и попытки учиться у нее — призыв пить из отравленного источника. Все эти позиции высказывались, и многие — на нашем форуме.

В. Межуев

Что вызывает несогласие, когда слушаешь наших западников? Связав себя с проведением радикальной экономической реформы, призванной превратить Россию в капиталистическую страну, они поднали на шит, абсолютизировали и то, что протививо-

показано не только традиционной России, но и самому Западу как культурному образованию. В этом их коренное расхождение с русскими западниками прошлых времен. Последние, как известно, если и завидовали Западу, то только наличие у него политической свободы и просвещения. О «просвещенной свободе» еще Пушкин писал. Не рынок и частную собственность отвергли западники, но «дух капитализма» с его «протестантской этикой» и культом частной выгоды и наживы, возведенными в ранг высшей человеческой добродетели. Мир «ласточников», европейского «мещанства» был для них не Западом даже, а изменой Запада самому себе, его культурным «трехопадением», предательством собственных идеалов свободы, равенства и братства. Осюда и разочарование некоторых русских западников (Герцена, например) в современной им Европе, их обращение к социализму в качестве противо-ядия против буржуазной пошлости.

Классическому русскому западничеству противостоит сегодня его новая разновидность, объявившая капитализм высшей и конечной целью исторического развития, заветной мечтой всего человечества. Если западники первого запада отвергли буржуазный Запад во имя спасения западной же культуры, которую они хотели сделать достоянием и России, то их нынешние потомки согласны по-жертвовать и историей, и культурой России ради ее улодобления рядовой капиталистической стране. Первые западники, мечтая о свободной и просвещенной России, не умаляли ее великодержавия, ее государственного величия (защитая дело Петра, они защищали и существование Российской империи, понимая ее не как «гортюрьму народов», а как способ их приобщения к западной культуре и цивилизованности), новые западники во имя вхождения в мировой рынок, похоже, согласны смириться с любой ролью, которую Запад предпшет России. Ради счастья «быть Европой» они согласны стать какой угодно ее малой частью. Чем-то они напоминают незабвенного лакея Яшу из «Вишневого сада». Побывав однажды в Париже со своей барыней, он вернулся домой, преисполненный величайшего пре-

зрения к собственной стране: «...страна необразованная, народ безнравственный, притом скупа, на кухне кормят безобразно...». И потому: «Любовь Андreeвна! ...Если поедете в Париж, то возьмите меня с собой... Здесь остаются положительно невозможны». От такого западничества разит переди, лакейской. Оно лишено чувства собственного достоинства и продиктовано всего лишь завистью к чуждому достатку.

Откуда взялся это новый тип западника, открыто ликующего по поводу развала собственного государства и слагающего гимны потребительскому раю? Искать его родословную в просвещенных западниках XIX века вряд ли правильно. Последние руки не подали бы нынешнему западнику. У старых западников сознание отсталости России от Запада не приходило в сознание ее неполющенности. Россия была для них в чем-то отсталой страной, но более любимой, чем любая друтая. И только сейчас отсталость стала отожествляться с чувством ущербности, отраниченности, чуть ли не врожденного уродства собственной страны, с неприязнью ко всему отечественному. Такое западничество можно назвать плейбейским и холопским. Бердяев был прав, усматривая в нем наиболее яркое проявление нашей азиатичины. Стоит ли удивляться, что западник новой формации порождает в качестве ответной реакции на себя рост ксенофобии и консервативного национализма, обостренное чувство вражды и подозрительности ко всему, что исходит от Запада. Не Запад провоцирует это чувство, а «нейстовые ревнители» Запада в нашей стране (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

В. Ильин. 2000. Российская цивилизация

Уместно напомнить, что любова вестернизации России, по различным оценкам предпринимавшаяся за 300 последних лет 14 раз, неизменно влекла сильнейшую дестабилизацию общества.

Ильин высказывает это как упрек позиции «вестерна», как он эту позицию именует. С его точки зрения, это не естественное течение процесса, а свидетельство ошибочности самой стратегии.

Глава 1. История...

Можно попробовать резюмировать эту критику в немногих пунктах. Первый — непродуманность в проведении реформ, заимствования без полного осмысления ситуации, недостаточное внимание к выбору подходящих средств и способствующих обстоятельств. Второй: распространение в России чуждой ей культуры, причем более низкой, чем та, которая имеется.

Этот последний пункт на деле говорит о нескольких различных смыслах. Культура Европы, которая проникает в Россию, может рассматриваться как чуждая и потому вредная нашему развитию — независимо от собственных качеств данной европейской культуры и степени ее развития. Далее, культура современной Европы может трактоваться как низкая, упадническая, которая вредит России не чуждостью своей, а дегенеративностью. Возможны и иные варианты: можно говорить, что европейская культура одновременно и чуждая, и низкая; можно сказать, что она слишком высокая и не поддается заимствованию; можно говорить, что в Европе сменилось несколько культур, которые весьма разнообразны, так что одни из них — низкие, иные — чуждые, какие-то — высокие и т. д. Все эти точки зрения с разной отчетливостью всплывают в беседах, однако последовательного разграничения претензий, которые предъявляются к европейской культуре, обычно не проводится.

В. О. Ключевский. [1918]

Закон жизни отсталых государств среди опереживших: нужна реформ созрывает раньше, чем народ созревает для реформы.

Есть и другие обвинения. К перечисленным пунктам добавляется теория мирового заговора, направленного на разрушение России. Смысл этой теории в том, что русское государство обладает совсем особой и очень большой силой, оно реально препятствует развитию мира в определенном направлении и сторонники упомянутого направления стремятся убрать препятствие развитию мира. Эта концепция может быть иллюстрирована образом России как грозного бастииона, загораживающего человечеству одну из дорог — ту, что ведет к пропасти. Характерно, что в этой концепции довольно туманно указывается, какой дорогой надлежит двигаться человечеству, а ос-

новной упор делается именно на препятствование чуждому движению и описание ужасов, которые ждут человечество, если Россия уступит и пустит неразумное на неправильный путь.

М. Назаров

И чем больше человечество входит в предапокалипсическую эпоху, тем очевиднее развитие «тайны беззакония» становится для православно-го человека — в этой небылой ранее подяризации и состоит основное отличие нынешнего противостояния западников и почвенников от условий XIX века. Это все откровеннее проявляется и в антирусской политике Запада в XX веке, издавна направленной на разрушение альтернативной русской цивилизации, мешавшей планам глобальной апостасии мировой финансовой «закулисы». ...

События 1990-х годов наглядно показали даже некоторым прозревшим западникам (и заставили их протестовать, как А. Синявского и др.), что если необходимый отрицательный аспект «свободы от» (рабства) не дополняется положительным аспектом «свободы для» (служения Истине), свобода становится разрушительной.

С нашей точки зрения, в этом главный порок нашего западничества: даже в лучших своих предствителях оно способно лишь бороться «против чего», но не «за что». А поскольку в мире не бывает нравственного вакуума, — все, что не служит Богу, в той или иной мере служит его противнику, издавна на обладающему людям на построение утопии собственного совершенного «рая» на несовершенной земле... (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Г. Померанц. 1994. Выбор XXI века

Никто не заставлял Ленина перейти от социал-демократии к большевизму. Никто не заставлял Гитлера уничтожать целые народы. И никто не заставляет сербов, хорватов и мусульман убивать друг друга. Их самих охватило безумие. Исторический процесс, начавшийся на Западе, провоцирует — перейди на Восток — большевизм, нацизм и т. д. Но прямой вины Запада здесь нет. /.../ Ответственность лежит на тех, кто сделал выбор.

Логика этой концепции ведет к тому, что западники, обычно обвиняемые в бурной, но непродуманной деятельности, так сказать выпоняющие роль «безумных строителей», становятся чистыми разрушителями, не имеющими позитивного смысла. Здесь говорится об ошибках трансляции, о том, что то, что на Западе имеет определенный смысл, при бездумном переносе в Россию и значительном тиражировании становится прямо вредным для страны.

Далее Назаров развивает уже знакомый нам аргумент о продвижении низшей культуры.

М. Назаров

Более же всего православные поченники обеспокоены сейчас тем, что в западных демократиях, особенно в США, все заметнее целенаправленное использование свободы «мировой закулисы» как свободы греха для варваризации населения — поскольку расчеловеченными эгоистичными индивидуумами проще управлять посредством единого финансового механизма, который на место абсолютных духовных ценностей ставит абсолютные денежно-материальные. При этом пресловутые «права человека» трактуются скорее как права и потребности животного, а не существа, созданного по образу и подобию Божию. Генная инженерия все более неприкрыто обращается с человеком как с животным продуктом /.../

В отношении к идеалам, мне кажется, вывываются очень характерная черта в разных установках западников и поченников: *западники готовы потакать человечеству в его греховном состоянии и подлаживать формы государственного устройства под эту греховность как норму; поченники же стремятся несмотря ни на что подтянуть свой народ из греховного состояния к должному высокому идеалу, руководствуясь служением Богу и его абсолютными критериями.* Поченники не отказываются от своего идеала, независимо от того, насколько этот идеал осуществим в данное время, поскольку нельзя отказываться от служения Истине.

/.../ К сожалению, современное западничество не видит опасности Нового Мирового Порядка и счи-

тает его неизбежным «прогрессом» — поскольку не жадеет рассматривать его в православном историко-софском масштабе (Кауб Дискурс: Социум, 2001).

По сути, об этой же низшей культуре — или, если угодно, о противостоавлении цивилизации и культуры — говорит М. Соколов.

М. Соколов

Сладостно и приятно следовать заветам либералов-западников, куда они сводятся к удобосполнимым и очевидным в своей правоте рекомендациям типа тех, что нежеже мочиться в лифте (хщичничать, джеживидетьствовать, заоупотреблять доверием, бить жидов, спасая Россию etc.). Трудности начинаются, когда стол же безоговорочно надобно признать святость гуманитарных бомбардировок, политкорректности, методических действий по уничтожению Македонии, когда надобно преклоняться перед любым бандаитом и безобразником, именующим себя представителем угнетенных меньшинств, а равно борцом за свободу etc. /.../ Иначе говоря, спор может быть плодотворен, когда они станут разбираться, что есть субстанция Запада (т. е. некоторые превосходные принципы), а что — акциденция (непосредственно данные нам в ощущениях образы западного быта). Договорившись о том, что они в многообразной картине Запада готовы считать сущностью, а что — явлением, они с большим успехом могли бы прояснить и свое отношение к России (Кауб Дискурс: Социум, 2001).

И. Клямкин

Очень легко спорить с теми, кто зовет присоединяться к западной цивилизации «любой ценой». Наверное, такие люди есть. Но ограничиваться отмежеванием от них — значит совсем уж упрощать свою интеллектуальную задачу (Кауб Дискурс: Социум, 2001).

Итак, мы встретились с некоторым числом критических позиций, по которым обычно «оказываются виноваты» запад-

ники. Что говорили прежние критики западничества? Молут ли они что-нибудь добавить к этой критике?

Прежде всего, «старые западники», как и их современные противники, остерегаются от «европейщины» и слепого подражания Европе. Впрочем, этими самыми остережениями признавалось, что такое «слепое подражание» имеет место.

В. Г. Белинский. 1847. Взгляд на русскую литературу 1846 года

Теперь Европу занимают новые великие вопросы. Интересно себя ими, следить за ними можно и должно, ибо ничто человеческое не должно быть чуждо нам, если мы хотим быть людьми. Но в то же время для нас было бы вовсе бесплодно принимать эти вопросы как наши собственные. В них наше только то, что применимо к нашему положению; все остальное чуждо нам, и мы стали бы играть роль донкихотов, торчаясь из него. Этим мы заслужили бы скорее насмешки европейцев, нежели их уважение. У себя, в себе, вокруг себя, вот где должны мы искать и вопросов и их решения.

По сути, о том же слепом заимствовании и чрезмерной отвлеченности — как от русской, так и от европейской действительности — говорили 70 лет спустя.

В. Н. Муравьев. 1918. Рев племени

Русское интеллигентское мирозерцание, в том виде, в каком оно существовало в XIX веке, очень определено. В него вошла совокупность идей, отражавших все главные течения европейской мысли. Но отличительная черта всего этого мирозерцания заключалась в том, что идеи эти усвоены были со свойственным русской душе максимализмом. Они доводились без колебаний до конца. Из них следовали бы все бесстрашно все последние, самые суровые и нелепые выводы. Русские интеллигенты остались русскими людьми, искали в европейских откровениях последнюю религиозную правду.

Русское интеллигентское мирозерцание есть доведенное до конца отвлеченное построение жизни. /.../ Интеллигентская мысль есть мысль о че-

ловеке, о мире, о государстве вообще, а не об этом человеке, об этом мире, об этом государстве.

Революция произошла тогда, когда народ пошел за интеллигенцией. Конечно, народ /.../ должен был куда-то идти. /.../ Но путь, по которому пошел народ, был указан ему интеллигенцией. И в том, что революция приняла такой вид, виновны не одни большевики, но вся интеллигенция, их подготовившая и вдохновившая.

С. Н. Трубецкой. 1926. Евразийство. Опыт систематического изложения

Разумно ли России снова заимствовать у Европы ее специфические формы, уже в Европе подвергавшие сомнению и, таким образом, прививать себе трупный яд, если в самой России уже возникли новые и органические формы государственности? Мы думаем, что проблема народности государства в общем и целом разрешается современной Россией органически и удачно, как опосредованная демократия. Задача заключается в том, чтобы развить и окончательно оформить наметившееся, освободив его от искажений, вызванных коммунистической идеологией и коммунистической политикой.

Эти замечания указывают на тот пункт, который мы обозначили как «непродуктивность» позиции западников. Замечательно современно звучат слова Герцена:

А. И. Герцен. 1850. Письма из Франции и Италии

Они обратились тоже к политической экономии. Но какой ответ, какое наставление могли найти они в науке, последовательно говорившей неминуемому «не женись, не имей детей, поезжай в Америку, работай 12, 14 часов в сутки, или ты умрешь с голоду!» К этим советам человеколюбивая наука прибавила политическую сентенцию, что не все пригладены природой на пир жизни, и злую иронию, что вольному воля, что нищий пользуется теми же гражданскими правами, как Ротшильд.

Ниже приводятся высказывания, в которых отмечается уже знакомый нам аспект понижения культурного уровня в резуль-

тате контакта с западной цивилизацией. Заметим, что не только направлена критической мысли почти не изменились за истекший век, но и реальность — по крайней мере, в некоторых отношениях — осталась прежней.

С.А. Франк. 1918. De profundis

Если мы в эпоху революции присутствовали при ужасающем упадке уровня общественного мнения, при головокружительной быстроте падения всего лучшего и возвышения всего худшего, то внимательный наблюдатель увидит в этом вихре лишь последний, стремительный и узкий круг того духовного водоворота, который уже давно захватил нас. В течение едва ли не всего XIX века в общественном мнении укреплялось не лучшее и творческое, а скорее худшее, наиболее грубое, примитивное и разрушающее из умственных течений. Наши славянофилы были, конечно, духовно глубже и плодотворнее вытеснявших их западников, как западники 40-х годов — более значительны, культурыны и духовно богаты, чем радикалы 60-х годов. Великие русские прозорливцы, как Пушкин, Тютчев, Достоевский, К. Леонтьев, В. Соловьев, задыхались в атмосфере окружающего их пошлого и плоского общественного мнения. Из западных влияний в России наибольший успех имели всегда более плоские и притом именно отрицательные и разрушительные течения.

Правда, мысль Франка несколько отливается от того, что утверждает М. Назаров. Франк не говорит, что культура Европы низка по сравнению с культурой России и потому оказывает на нее тлетворное влияние. Он утверждает, что Россия по какой-то причине заимствует низший пласт культуры Европы. Почему это происходит? Может быть, сказывается легкость такого заимствования? Или то, что низшие слои разных культур наиболее подобны? Или структура общественного сознания была такой, что все в большей степени чувствовала близкими себе именно идеи этого слоя? Или этот низкий слой культуры заимствуется всегда, и весь вопрос в том, есть ли у культуры-реципиента набор противоядий от этой необходимой подкадаки всякого заимствования?

Мы обратились к высказываниям западников начала XX века. С.А. Франк вместе с П.Б. Струве противостояли тогдашним почвенникам. К западникам примыкал и П.И. Новгородцев, ученик знаменитого Чичерина. И вот каким образом эти западники оценивают западное влияние.

П.И. Новгородцев. 1926. Восстановление святых

Если всякая революция в стихийном своем течении превращается в диссолюцию, в разложение государства и народа, то обратный процесс восстановления и возрождения начинается с собирания народной силы воедино. /.../ Тогда-то вырастает то национальное чувство, то сознание общей связи, вне которого нет для государства спасения.

Казалось единственно правильным и прогрессивным, чтобы в политических партиях люди соединились отвлеченными узлами либерализма и гуманизма, началами равенства и свободы, принципами демократии и правового государства. И не пришло в голову, что, помимо таких отвлеченных принципов, все, живущие в России, выросшие в колыбели русской культуры и под сенью русского государства, и могут, и должны объединяться и еще одним высшим началом, прочнее всего связывающим, а именно — преданностью русской культуре и русскому народу.

Для возрождения России нужно другое знамя — «востановления святых», — и прежде всего востановления святыни народной души, которая связывает настоящее с прошлым, живущие поколения с давно отошедшими и весь народ с Богом, как жребий, возложенный на народ, как талант, данный Богом народу.

Люди, не желающие помнить родства и стыдиться своего исторического прошлого, никогда не поймут, что такое национальное чувство и что такое любовь к родине. /.../ Они хотели переписать свою страну в цвета и краски единоспасающей чело-веческой цивилизации и не ощущают глубинных ее основ.

...Демократия /.../ является системой самых широких допущений и на все стороны открытых

дород. В этом признается великое преимущество демократии, но в этом нельзя не видеть и ее роковой опасности. Становясь системой духовного релятивизма и индифферентизма, она лишается всяких абсолютных основ /.../. Жить в современном демократическом государстве, это значит жить в атмосфере относительного, дышать воздухом критики и сомнения. И неудивительно, если при отсутствии абсолютных духовных основ все сводится к борьбе сил, к борьбе большинства и меньшинства. /.../. Качественные определения уступают место количественным. Борьба и столкновение сил — вот что становится решающим моментом. Понятно, что это путь к анархии, хаосу и «делению морозу». Самое страшное и роковое в этом процессе — опустошение человеческой души.

Нужно, чтобы все поняли, что не механические какие-либо выборы и не какие-либо внешние формы власти выведут наш народ из величайшей бездны его падения, а лишь новый поворот общественного сознания. Дело не в том, чтобы была устроена непременно на каких-то самых передовых началах, а в том, чтобы эта власть взгляда на свою задачу как на дело Божие и чтобы народ принимал ее как благословенную Богом на подвиг государственного служения.

Игор этим рассуждением можно подвести, обратившись к мнению Ва. Соловьева. Он обращает внимание на несообразность идейных конструкций, получающихся в результате беспрядочных заимствований.

Ва. Соловьев. 1896. Византизм и Россия

Этим же недостатком сознательности в русском обществе объясняются еще особые странности в нашей новейшей истории. С одной стороны, люди, требовавшие нравственного перерождения и самоотверженных подвигов на благо народное, связывали эти требования с такими учениями, которыми утрачивается самое понятие о нравственности: «ничего не существует, кроме вещества и силы, человек есть только разновидность обезьяны, а потому мы должны думать только о благе народа и

подлагать душу свою за меньших братьев». С другой стороны, люди, исповедовавшие и даже с особым усердием христианские начала, вместе с тем проповедовали самую дикую антихристианскую политику насилия и истребления.

В прагматической и спциентистской этике не отыскать основ высокой нравственности. Высокая нравственность не выдерживает критики, проводимой с точки зрения эмпирических наук. Устроение согласия между революционными социальными идеями и гарантиями нормального функционирования общества в период реформ — трудная задача, которая не только не была решена, но и не была поставлена в период интенсивных заимствований.

Почти через век чеканит свою формулу ошибок западничества и славянофильства Померанц.

Г. С. Померанц. 1972–1991. Долгая дорога истории

Там, где есть почвенничество, всегда возможен взрыв погромной активности. Почвенничество нельзя примитивно интерпретировать как идеологию погрома, но нельзя закрывать глаза на то, что погром — одно из возможных следствий почвенного романтизма, так же как террор — одно из возможных следствий Просвещения. /.../. Что касается цивилизации, то она не мешает ни террору, ни погрому.

Из этих взаимных упреков становится ясно, насколько схожими являются позиции противоборствующих сторон. Один из основных упреков в адрес противника — в непродуманности основ собственной позиции. Отсюда и требование «баланса» мировоззрений: «каждое имеет «слепые пятна», которые должны разъяснить ему соперник. Однако есть и асимметрия упреков, которую резюмирует формула Померанца. Залданники более подвержены грехам разума (недомыслие) и атрофии чувства (безжесткость, равнодушие). Почвенники должны более бояться грехов чувства (национальный эгоизм, фанатизм) и атрофии разума (непроработанность собственной позиции). Из такого расклада с непосредственностью вытекает тот факт, что большинство участников форума испытывали явные зат-

Глава 1. История...

рудения при отнесении себя к одному из мировоззрений. Греки той и другой стороны за 200 лет стали очевидами, давно неоходим синтез позиций — соединение социальной энергии и разума западников со стратегическими чувствами почвенников. Синтез эгог ожидается давно, и почти каждый из участников сегоднешнего диалога считает себя к нему причастным, но на деле синтез достигается лишь в критике: многие авторы способны ругать тех и других, западников и почвенников; мало кто может похвастаться выполнением работы обоих станом.

Основные объекты противостояния: община, духовность, конкурентоспособность, право, монархия, демократия, культура и пивмизация

Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и все. Оно не принадлежит к хорошему обществу.

А.С. Пушкин

В главе 1, посвященной истории мировоззрений, мы получили общее представление о раскладе позиций, о ходе векового спора. Теперь можно более детально рассмотреть противостояние западников и почвенников по отдельным вопросам. Эти «отдельные вопросы» также именуют очень долгую историю, и обычно люди, извне не понимающих житейских соображений выходящие на беседу о нашем колдективизме и их индивидуализме, о неправедном суде или моральном превосходстве русского человека, сами не осознают, в какой долгий спор они вошли и как много в нем уже было аргументов и контраргументов.

Как относится русский человек к колдективу? Он более колдективист, чем человек Запада, — или это аберрация зрения, и русский — колдективист по принуждению? Русские особенно духовный народ — или это самовосхваление, вытекающее из очевидажных провалов по другим важным параметрам? Русские ленивы — или они просто работают иначе, чем другие народы? Или у них труд в системе ценностей играет не ту роль, чем это принято в иных культурах? Принятая в России форма государственного устройства — альтернативный западному вариант, объединяющий высшие народные ценности, или обычная восточная деспотия, которая должна смениться демократией западного типа?

Подобных вопросов великое множество, и далеко не все нашли отражение в этой дискуссии. И все же некоторое количество вопросов обсуждалось, причем сразу же выяснилось, как по-разному излагается то, что каждому из участников кажется таким очевидным и бесспорным.

Как известно, диалог весьма затруднен, когда беседающие люди по-разному понимают предмет разговора. Тем более разнообразно понимание таких общих и мировоззренчески нагруженных понятий, как духовность, соборность, державность. Беседающие на этом форуме приложили большие усилия к тому, чтобы перевести эти понятия из разряда «убойных» аргументов (кто не за соборность, с тем не о чем говорить) в разряд понятий операциональных. Так, общинность была «переведена» как коллективизм, и стало возможным обмениваться мнениями по поводу его роли в русской культуре, об исторических корнях, времени возникновения, границах применения этого понятия — и говорить, например, о японском коллективизме, то есть о «японской общинности».

Из всех вопросов, по которым противостоят западники и почвенники, мы выбрали ценностно окрашенные. Так что в этой теме разговор идет об основных ценностях, которые вызывают разногочия у западников и почвенников. Каждая из этих ценностей обсуждается поодиночке — и их совокупности складываются пасьянсом, образуя «национальный характер» с точки зрения того или иного собеседника.

Прежде всего надо сказать, что вопросы о традиционных ценностях — непостоянной предмет для обсуждения. Они вызывают крайне эмоциональное отношение, о них трудно говорить спокойно. Далее, даже в спокойном состоянии они не протравиваются, остаются за границами определения, в молчаливой подложке души.

Плохо ли это? Действительно ли народные ценности несказуемы и делает ли это их выше или ниже? Так называемые западные ценности универсальны и протравиваемы. Чем же отличаются эти западные ценности от национальных? Они просто более продуманны, или в каком-то отношении более существенны, или, напротив, более поверхностны и потому доступны словам? Или они универсальны — и потому рациональны, и потому поверхностны? Сколько вопросов... По какому из них разворачивается собственное сражение, приводя-

щее в конечном счете все к тому же противостоению западников и почвенников. Итак, наши ценности...

Ценности и национальный характер

Мы создали Италию, давайте создавать итальянцев.

*Камилло Кабури,
премьер-министр Италии*

О национальном характере немало написано, да немного известно.

В основном на нашем форуме для разговора о национальных характерах использовался ценностный подход. Как любой достаточно общий подход, он позволяет все на свете описать на своем языке — на языке ценностей. Существуют и другие способы разговора об этом предмете. Можно говорить о стилистических чертах, заключенных в национальных характерах; можно попытаться описать некий набор развивающихся в человечестве качеств и определить, как это не раз делали в прошлые века, «задачи» развития, стоящие перед разными народами. Картина может оказаться очень сложной, — скажем, национальный характер не определяется набором элементов — ценностей, — а в процессе своего развития меняет ценностные системы, но сам закон смены ценностных систем характерен только для данного народа. Можно указать и на другие подходы, но — на нашем форуме говорилось о национальных характерах только в связи с ценностным подходом.

Если национальный характер определяется национальными ценностями, то можно ли его описать на этом ценностном языке? Как выглядят иерархии ценностей в национальных характерах различных народов? Чем отличается русский национальный характер, в чем отличие присущей ему иерархии ценностей?

Какие ответы получили эти вопросы? Прежде всего, стоит выделить позицию, согласно которой высшие ценности присутствуют во всех национальных характерах. Не существует народов, лишенных понимания каких-либо ценностей. Другое дело, что эти высокие ценности у разных народов по-разному

соотносятся между собой. Из общего набора ценностей народа выделяет несколько, обращает на них особое внимание, полагая, что другие ценности не могут вступить в противоречие с этими избранными ценностями.

Кроме того, возможна и реалистическая позиция, утверждающая, что общих ценностей нет, это выдумка. Сравнительное изучение народов может привести к выводу, что то, что является ценностью у одного народа, будет совсем не ценным у другого. С этой точки зрения представляется об универсальных ценностях — не более чем стремление всех подстричь под одну гребенку. Отсюда вытекает концепция, требующая опираться на ценности каждого народа как самостоятельные, ни к чему не сводимые. Правда, тогда остается непонятным, как люди все же умудряются договариваться между собой.

Итак, на форуме прозвучала точка зрения, что частных ценностей, присущих отдельной национальности, не существует.

В. Чеснокова

Чисто русских (как и немецких, японских и прочих) ценностей не существует, в национальных культурах варьируются **иерархии** ценностей. Если же сравнивать эти иерархии, то практическое значение имеют только верхушки шкал — вот они-то и несут значимую информацию об отличиях.

В одном из опросов Фонда «Общественное мнение» экспертам был задан вопрос о тех ценностях, которые они считают «самыми важными для русского народа». На первое место вышли «духовность» (духовные ценности), «соборность» (коллективизм, общинность), потом еще «семья» (семейные ценности) и «Россия, родина» и т. д. (что мы подавали под общую категорию «патриотизм») (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

П.И. Новгородцев. 1901. Идея права в философии В. Сомьева

Поскольку западничество было именно доктриной и мировоззрением, а не простым продуктом подражательности и заимствования, оно вытекает из одного очень важного и глубокого догмата: из веры в существование общечеловеческих начал и

общеобязательных идеалов. Отсюда его /Вл. Сомьева. — Л.Б., Г.Д./ доверие к опыту Западной Европы, даде нас ушедшей вперед, но родственной нам по идеалам и стремлениям; отсюда его протесты против замкнутости и обособления России. Западничество всегда было проникнуто верой в важное значение энергической культурной работы и в великую силу внешних форм общественной жизни, обеспечивающих свободное развитие лиц. В противоположность этому, славянофильство, будучи в корне своем национальным самопревознесением, было вместе с тем и патристическим самоуспокоением.

Высказана была и другая позиция — что, напротив, универсальных ценностей не бывает.

А. Аннинский

Безусловных ценностей вообще нет и быть не может. Высшей ценностью *объединяется* то или другое — для одних Единный Бог, для других — бог Места, для третьих — Абсолют, для четвертых — Природа, для пятых — опять-таки Единный Бог, но только из рук святейшего папы... и так до бесконечности (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Если же признавать, что каждой культуре или группе культур присущи собственные ценности или собственная иерархия ценностей, то можно указать, какие ценности присущат в той или иной культуре. Для универсалистов это будет описание иерархии ценностей, для реалистивов — указание на собственные, ни к чему не сводимые ценности данной культуры. Так, утверждается, что есть ценности, присущие всей западной культуре.

И. Квячкин

Ценности Запада, соответствующие его субстанции, как я их понимаю, — это свобода (индивидуальная), персональная ответственность перед Богом за ее использование и дополняющий эту ответственность порядок, основанный на принципах права, охраняющего свободу одних от свободы других (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

В связи с противостоянием западным ценностям и при признании национальных ценностей высказываются ценности, присущие русской культуре.

М. Назаров

Пропатандируемая же западниками открытость американизированному миру, вхождение в его экономические структуры заведомо поставит русских — учитывая их традиционную (даже у атеистов) неслабательность, меньшую устремленность к достижению материальных благ любой ценой — в заведомо проигрышное положение по сравнению с теми народами, которые видят в земных ценностях главные (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

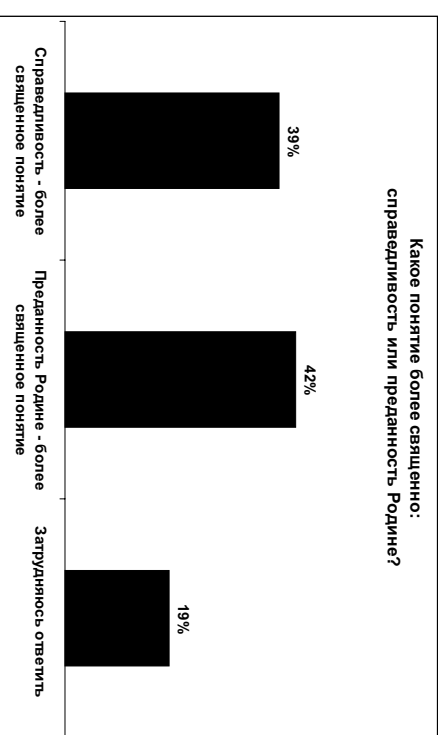
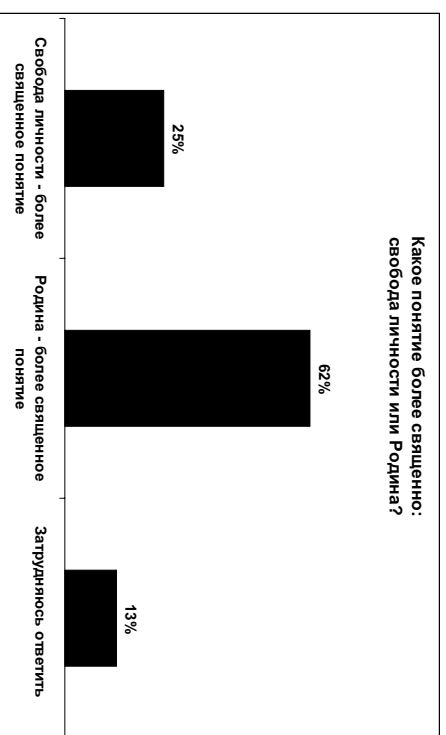
В. Г. Белинский. 1847. Письмо к Н. В. Гоголю

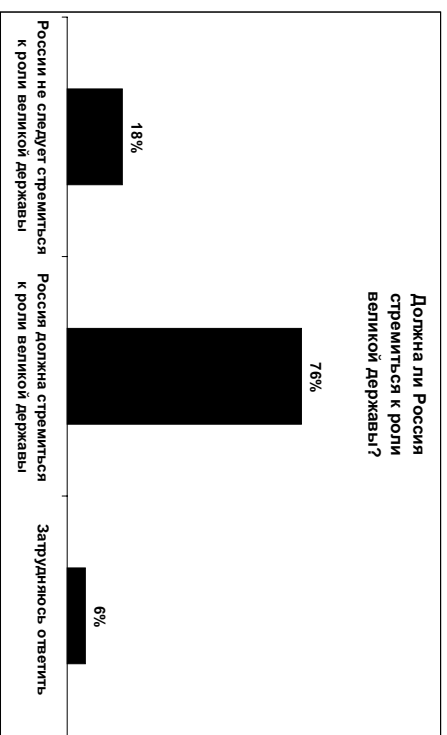
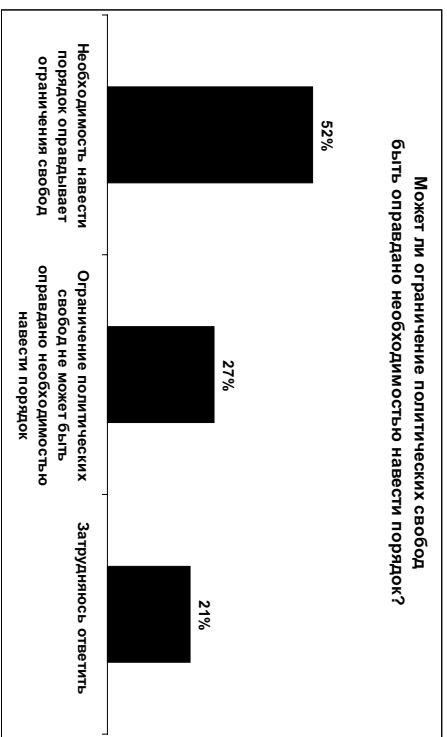
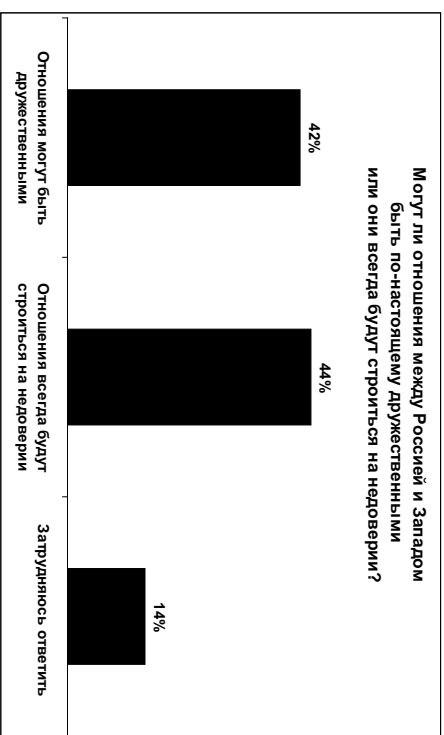
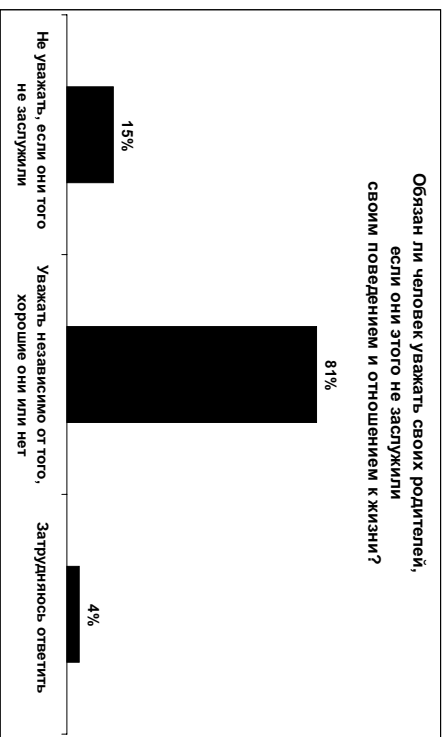

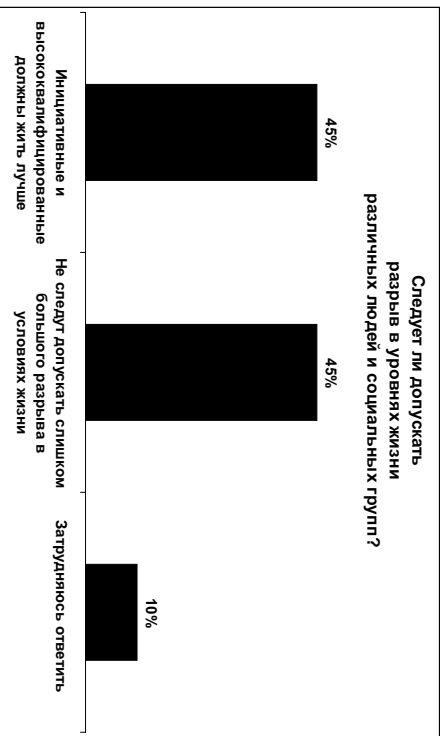
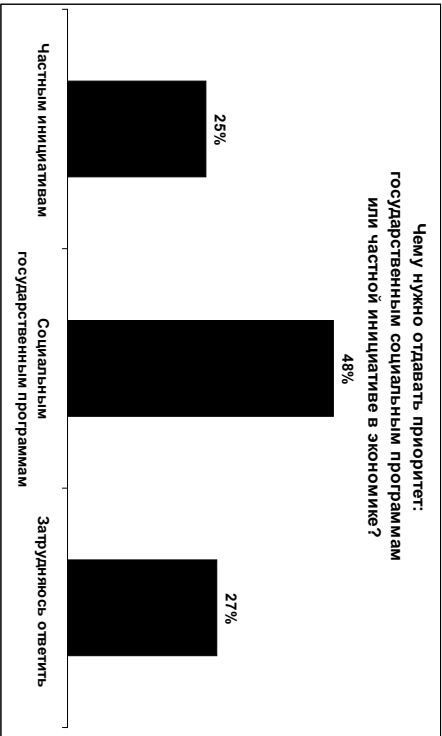
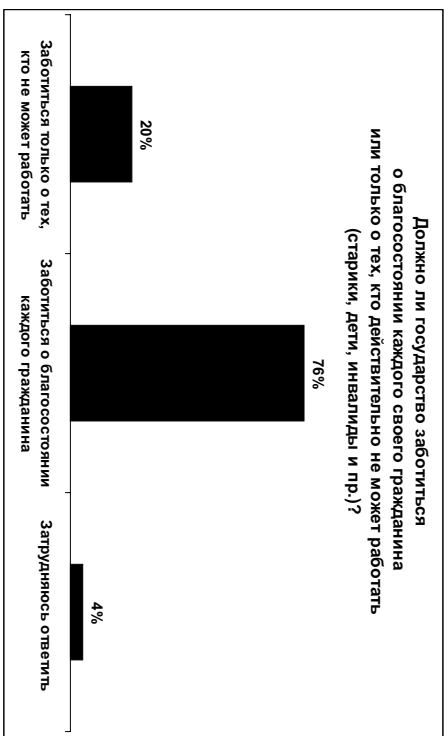
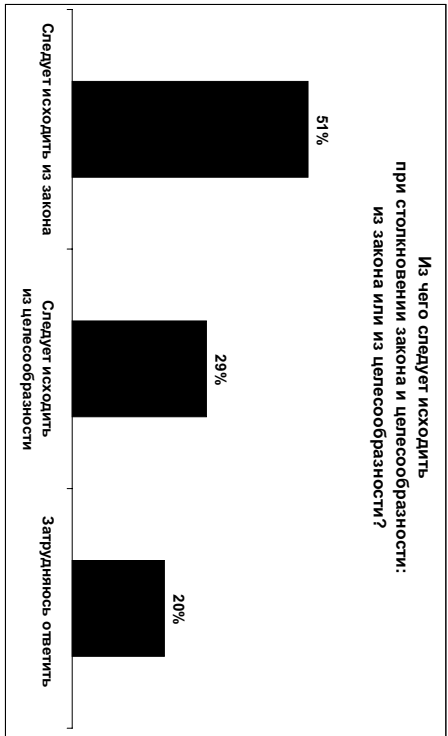
Вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в петицизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и неволе, прага и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение.

Итак, на Западе мы встречаем свободу, ответственность, порядок, а в России — неслабательность. Эти ценности настолько несопоставимы, что трудно говорить об их конфликте. Свободе и порядку неслабательность не помеха, неслабательности ответственность не в тягость. Тем не менее мы ощущаем столкновение ценностей — в нашей жизни эти столкновения проявляются со всей очевидностью. Может быть, дело не в национальных культурных ценностях? Вывагог еще ценности, вырабатываемые обидей исторической дорогой, общим временем. Может быть, то, что стагниваетса, — это не национальные ценности? Весть никто не доказал, что все ценности, которые есть на свете, розданы по нациям. Может, есть еще и свободные, неангажированные ценности, которые сегодня присущи одним, завтра другим. Так ли это, неясно.

Участники форума постарались обдизить системы ценностей так, чтобы они могли вступать в диалог друг с другом, — хотя бы противореча, хотя бы сражаясь.

Д. Аннинский

Я свел бы контраст западного интеллекта и нашей почвенной души к следующему «диалогу» ценностей /.../: Американец упорно работает ради того, чтобы и дети, и внуки его имели счастливую возможность так же работать. Наш человек героически вкалывает ради того, чтобы если не дети, то хотя внуки его получили, наконец, возможность ничего не делать (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

В. Федотова

Я думаю, есть еще одна такая ценность, а именно — желание быть независимыми, жить в независимой стране. /.../ Либерализм со справедливостью /.../ и есть, мне кажется, то, что соответствует ценностям нашего народа на сегодняшний день (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Ну, это уж точно не национальные ценности, сейчас мало кто не хочет быть независимым, либеральным и справедливым. Это — ценности нашего (и только нашего?) времени. Впрочем, может быть, этот набор ценностей, общий почти всем племенам Земли, как-то особенно близок россиянам?

Общие для разных культур ценности могут возникать и не из «духа времени», а из общности происхождения.

В. Межуев

Русская культура едина с европейской в поиске универсальных основ человеческой жизни и общественного устройства, но разошлась с последней в направлении этого поиска. Различие между ними сказалось прежде всего в области морали. Принципу «каждый за себя», т. е. принципу индивидуального спасения, нашедшему свое наиболее полное выражение в «протестантской этике как духе капитализма», Россия противопоставила принцип «каждый за всех» — «русскую идею» коллективного спасения, которая, как мне представляется, более соответствует этике православия. Согласно этой идее, нельзя спасти, если не спасутся другие, в принципе — каждый.

/.../ В отличие от этики справедливости («каждому по делам его»), ставшей моральным каноном Запад, российский вариант можно назвать этикой

милосердия и сострадания ко всем «униженным и оскорбленным». Вот почему Запад сосредоточился в основном на предоставлении каждому равных гражданских прав, тогда как Россия была озабочена более моральными ценностями, выходящими человека за рамки его частной жизни, возвышающими его до уровня вселенской жизни, исполненной служения всем и любви к каждому. В своих социальных начинаниях Запад предельно рационалистичен и индивидуалистичен, тогда как культурная и духовная Россия предпочитала руководствоваться не только умом, но и сердцем, полагая, что «отваченный ум» не способен охватить всю полноту и сложность человеческой души и жизни (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

К перечислению наших «сильных сторон» присоединяется К. Леонтьев.

К. Леонтьев. 1874. Византизм и славянство

Сильны, могучи у нас только три вещи: византийское православие, родовое и безграничное самодержавие наше и, может быть, наш сельский поземельный мир...

Итак, к «нашим» ценностям добавились свобода и справедливость, милосердие и сострадание, а также легко узнать в высказывании Леонтьева православие, самодержавие, народность.

Определять ценностную шкалу культуры можно не только положительно, но и отрицательно, указывая на отсутствие некоторых ценностей или на «отрицательные ценности».

А. Уткин

Наше отличительное свойство /.../ фатализм. Он совершенно не свойствен западному человеку. А в нашей стране без фатализма прожить невозможно. Поэтому у большинства людей здесь фаталистическое мировосприятие (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Это указание на «отрицательные ценности», на наши «недостатки» иногда вызывает очень сильную реакцию, вплоть до обозначения таких взглядов, как «руссофобия», и указания на-

правления, в котором высказывающему такие взгляды следует дивиться. Правда, на нашем форуме столь сильные реакции не были предоставлены. Но можно сказать, что указанием на характерные недостатки существующие в России ценности обозначаются не менее явно, чем в «положительном» представлении наших достоинств.

А.С. Пушкин. 1836. Письмо к П. Чаадаеву

Нужно признаться, что наша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, к справедливости и к правде, это циническое презрение к мысли и к человеческому достоинству действительно приводят в отчаяние.

П.Я. Чаадаев. 1836. Философические письма

Много ли мы находим у себя в повседневном обиходе элементарных идей, которыми могли бы с трехом пополам руководствоваться в жизни? /.../ Это — идеи долга, справедливости, права, порядка. /.../ Они входят необходимым элементом в социальный уклад этих /западных—. А.Б., Г.А./ стран. Это и составляет атмосферу Запада; это — больше, нежели история, больше, чем психология: это — физиология европейского человека. Чем вы замечаете это у нас?

В.Г. Белинский. 1847. Взгляд на русскую литературу 1846 года

Не любя гаданий и мечтаний и плуще всего боясь произвольных, личных выводов, мы не утверждаем за непреодолимое, что русскому народу преданазначено выразить в своей национальности наиболее богатое и разностороннее содержание и что в этом заключается причина его удивительной способности воспринимать и усваивать себе все чуждое ему; но смеем думать, что подобная мысль, как предположение, высказываемое без самоуправления и фанатизма, не лишена основания.

Итак, общий список ценностей Запада: индивидуальная свобода, правовое общество, личный долг, стремление к ма-

териальным благам, ценность труда и справедливости. Русские ценности: духовность, соборность, семья, патриотизм, нестяжательность, милосердие. К русским особенностям, в представлении участников диалога, могут быть отнесены фанатизм, поиски справедливости, перемичивость, но что удивительно при столь остром противоречии сторон, так это согласие по поводу наличия или отсутствия тех или иных ценностей. Кажется, что западники и почвенники готовы спорить по любому поводу, но здесь в целом согласны друг с другом. Конечно, имеет место разная трактовка одних и тех же ценностей — например, западники отстаивают индивидуальную свободу как чрезвычайно положительное качество, почвенники же стремятся указать на ее отрицательные свойства. И все равно согласие удивительно: почти единогласно полагается, что русские не отличаются особенно сильно выраженной идеей личного долга или индивидуальной свободы, на Западе же эти качества (по мнению многих почвенников — отрицательные или приводящие к отрицательным последствиям для общества) развиты достаточно сильно. То же самое и по другим параметрам: для русских — нестяжательность, для западных людей — ценность труда и стремление к материальным благам. Можно предположить, что этим согласием (достигнутым сквозь противоречия) указывается на действительную общность представлений относительно иерархии ценностей, собственных обсуждаемым культурам.

В особенности стоит обратить внимание на пресловутую «перемичивость». Обычно эту черту называют среди слабостей западных, иногда указывают, что она не так уж и плоха. Но возможна и иная точка зрения, высказываемая достаточно редко: русский народ имеет особое качество, проявляющееся с очевидностью, — талант восприимчивости. Эта особая ода-ренность встречается довольно редко, трудно вспомнить иной народ, который подавал бы такой вид одаренности присущим ему достоинством. Разворачивая это качество, можно увидеть его сластивия: имеется одаренность без производительности, талант без свершения. То, что произведено культурой Европы, удивительно быстро схватывается, понимается, развивается... но не применяется. Это качество и называется «талантом перемичивости» и отгицается от «таланта ученика»: ученик, выучившись, начинает работать самостоятельно, «перемичик»

ловко копирует, но не умеет применить свои навыки. Конечно, и эта черта по-разному оценивается споришками: для западников этот талант — залог успешности взаимодействия или, напротив, трудность их закрепления. Для почвенников — неприятная заразительность вредными западными качествами или, напротив, залог особой роли России в человеческом общении, способный привести мир к согласию.

Общинность и коллективизм

В России центр на периферии.

Василий Ключевский

Очень давно сложилось общее мнение, что русскому народу свойственна общинность, чем и объясняются многие черты национального характера. Много вопросов возникает по поводу этой особеннности, далеко не на все удалось на нашем форуме дать ответы. Даже, казалось бы, решенные вопросы вызывают очень сильные сомнения. Во времена старых славянофилов и западников считалось решенным, что в России долгое время, «искони», существовала крестьянская община, мир. На этом факте основывалась многие построения. Некоторые западники полагали это фактом, отчасти действительно влияющим на развитие России, некоторые — по-настоящему, так дедались и мнения славянофилов, — но сам факт сомнению не подвергался, как резюмирует работы исторической науки. Однако современная наука высказала столько много уточнений и поправок к этому тезису, что нет более безоговорочного признания этого факта. В крайнем варианте считается, что «общину» придумал немецкий историк, путешествовавший по России, а на самом деле это было искусственное, спущенное «сверху» образование, заставлявшее крестьян работать и облегчавшее управление. Однако и в рамках науки остаются разные трактовки фактов, высказываются разные теории, помимо того некоторые диспутанты не признают определенных установленных наукой фактов (ведь прежние «факты» уже опровергнуты — что же мешает усомниться в новых?).

Так что это такое — общинность? Была ли община на Руси? Действительно ли она оказала большое влияние на развитие русского характера? Когда существовала эта форма организации людей?

Как бы ни решались эти вопросы, ясно, что общины в России давно нет. Значит ли это, что исчезла и соответствующая черта национального характера — или ослабла? Может ли измениться национальный характер в связи с изменением по-добных общине реалий; может ли «русский национальный характер», изменившись в некоторых чертах, оставаться русским — или ему потребуются иное название?

Общинность, соборность, коллективизм — все эти понятия пытаются выразить особенность отношений между личностью и коллективом, все они противопоставляются — в той или иной степени — западноевропейскому индивидуализму. Прежде всего ожно качество или это разные вещи? Свойствен ли России какой-то особый тип отношений личности и общества (коллектива)? Проявляется он только в России или в России представлял лишь один из вариантов соборности? Является этот тип отношений высшим по отношению к индивидуализму или чем-то низшим, недостаточно развившимся? Или просто другим? Каковы достоинства и недостатки этого способа взаимоотношений, что он дает и чего лишает при сопоставлении с западным индивидуализмом? Может ли быть изменен стандарт такого рода: если России действительно свойственна общинность, это качество поддается изменению или это родовая черта, без которой нет нации? Утрата этого качества может привести к блату или это абсолютное зло?

Встречается ли более развитой коллективизм, чем в России? Например, обладают ли национальные характеры китайцев и японцев более развитым коллективизмом? Или у них есть нечто иное, что следует отличать от синонима общинности? Существует ли непрерывная ось — от западного индивидуализма до китайского коллективизма, где Россия занимает промежуточную позицию? Или есть отдельные качества, представляющие которых нельзя свести к непрерывному изменению, так что западный индивидуализм — нечто отдельное, восточный коллективизм — другая отдельность, а то, что встречается в России, заслуживает особого наименования?

Глава 2. Основные обьекты...

Дискуссию об общинности на форуме начала В. Чеснокова.

В. Чеснокова

Ценность коллективизма (как и ценность индивидуализма) — это элемент сознания, который может проявляться, а может и не проявляться в поведении в зависимости от возможностей, условий, опыта, навыков и многого другого, что определяет поведение человека **наряду** с ценностями. Если же нет возможности человеку действовать по коллективистской модели, он и не действует по ней.

«Наш коллективизм» заключается в том, что нам удобнее, приятнее и предпочтительнее действовать именно по коллективистской модели, следовательно она нас **мотивирует**. Но для того чтобы данный мотивационный потенциал осуществлялся в действии, необходимо наличие социально-нормативных структур, способствующих такому осуществлению. Предположение, что «коллективистские правила поведения» могут «вырабатываться» «в спонтанно складывающихся ситуациях» весьма наивно.

Так вот в этой пропорции мы как тип сильнее тяготеем к самоорганизации внутренней, а они сильнее — к организации внешней. Даже когда они борются и у них стачкомы, то их стачкомы — все равно организации хорошо формализованные. Точнее сказать, лучше формализованные организации. У них свое есть, я не буду говорить, что они беспомощны в этом отношении. У них свои ассоциации, они принадлежат к каким-то клубам, обществам, еще каким-то коллективам, в самой простой среде, в которой они общаются постоянно, каждодневно. Но это все не такие коллективы, как наши. Они именно очень сильны организационно. И в этом смысле английская и американская культура очень умело действует. У них этот фактор организации как павокой, внешней, рациональной, зафиксированной, писанной законом, — очень здорово действует. И куда ты этого англичанина-американца ни сунь, он обязательно там организует новую ассоциацию. А мы иначе действуем, у нас просто другой способ. (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

А. Зубов

Ведь что такое наш коллективизм? Это порождение двух очень печальных явлений русской истории — советской и досоветской. В советский период все, что было индивидуально особенным, лично-стно заметным, нравственно самооценивающим и оценивающим ситуацию вовне, просто уничтожалось. /.../ Но было и еще одно, более раннее явление, которое тоже очень сильно повлияло на утверждение коллективистского сознания. Я имею в виду крепостное право. Точно так же, как и колхозно-гудаловская система, только, может быть, менее жестокими методами, оно превращало человека в элемент массы, в ревизскую душу (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

В. Чеснокова

Скажу еще о термине «**общинность**». Если коллективизм — это склонность человека к включению в коллектив и активной «работе» на него, то общинность — это умение содействовать делом более сложного целого, состоящего из нескольких или даже многих социальных групп и структур, достаточно сильно связанных или даже переплетенных между собой. Это более сложные модели поведения, и они требуют более развитых социальных навыков. Хотя община, как мы ее знали в XIX в. и ранее, в настоящее время распалась, структура, похожие на общинные, продолжают существовать в обществе в различных сферах и в различном виде. Правда, этот феномен в наше время совсем не изучается.

Термин «**сообразность**», мне кажется, всего естественнее было бы применить к поведению масс людей, которые в четко определенных исторических ситуациях действуют, ориентируясь на общие ценности и руководствуясь общими убеждениями, что позволяет обширному целому, члены которого не могут знать друг друга, достигать своих целей. Но это мое личное предположение, и я на нем не настаиваю. Хотя, мне кажется, давно пора бы «приходить» этот термин, содержание которого до сих пор не прояснено, и поэтому каждый пользуется им, как ему вздумается (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

А. Зубов

Итак, не коллектив плох или хорош сам по себе, но хорошо или плохо то, какое место отводится в нем личности. Если коллектив заставлял личность подавлять себя, то это плохой коллектив, обремененный на стагнацию и депрессию. Если же в коллективе успех каждого — это успех всех, то это нормальный коллектив, который, я думаю, оптимален в тех или иных формах для всех людских сообществ. Вообще разговор о том, что для Запада характерен индивидуализм, а для нас коллективизм, — это очень грубо. Органичность, о которой я говорил в связи с соборностью, характерна для всех, хотя в разных цивилизациях она проявляется по-разному.

.../ Считать, что эта внутрисоборничная нравственность — какой-то подложительный момент русской культуры, — глущайшая ошибка. Наоборот, в этом проявляется как раз наша величайшая уязвимость, наша слабость, тоже, кстати, возникшие не на пустом месте. Почему же это проявление нашей слабости? Да именно потому, что сиден тот человек, который в любом коллективе остается самим собой, который нравственные принципы хранит, как свой образ Божий, который находится в постоянном диалоге с Богом и знает, что он ответственен перед Ним, где бы он ни был: в лагере, в тюрьме, в криминализованном сообществе. Он не становится таким, как это сообщество, не уподобляется ему, а остается, повторяю, самим собой, он готов идти и идет против любого сообщества, которое противно его нравственным принципам, соглашаясь только с тем, что его нравственным принципам созвучно. Если же у человека нет такого индивидуального предстования перед Богом, если он привык лишь соизмерять себя с теми, кого видит, то как же он тогда вообще будет ответственно жить? (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

В. Чеснокова

Под «коллективизмом» или «соборностью» скрываются очень ценные нами социальные отношения разных уровней и типов, а также проявляющиеся в разных сферах, но, по преимуществу, конечно, нематериальные и личностные (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

В. Бибихин. 2002. Язык философии

Особенность нашей цивилизации /.../ сказалась с самого начала и продолжает до сих пор давать о себе знать в том, что за человеком не признается право на самовольное, по его человеческому разумению, устройство в мире. Дело тут, по-видимому, не столько в недостатке индивидуализма или чувства личного достоинства /.../, сколько в другом /.../, что никакое самоуправство человека на земле его в конечном счете не устроит. Отсюда и всегрядущая слабость нашего самоуправления, и наша уникальная централизация, построенная на подчёркнутой неприязнительности местной общины (с. 389).

В. Чеснокова

В определенных коллективизма, вошедших в словари, подчеркивается основа его формирования: подчинение интересов отдельного человека интересам коллектива. «Интересы коллектива» — это те требования, которые должны быть выполнены для того, чтобы данный коллектив продолжал существовать и выполнять свои функции (а в число его функций входит действие реализации интересов членов данного коллектива). Поэтому в какой-то момент человек, включенный в данный коллектив, должен отложить осуществление своих прямых интересов и позаботиться об укреплении существования коллектива (сладовательно — об обеспечении своих же интересов, реализуемых косвенным путем, т. е. через функционирование коллектива). Существуют культурно закрепленные модели такого поведения.

Американский социолог Толкотт Парсонс ввел такую переменную социального действия: «ориентация на себя» — ориентация на коллектив, объясняя, что ориентация на коллектив в разных культурах требуется в разном объеме: в одном — в большем, в другом — в меньшем. Естественно, что ни в одной культуре не требуется полного погашения интересов личности интересами коллектива, так же как не может существовать культурная модель, позволяющая человеку, входящему в коллектив, полностью игнорировать его интересы. Все дело, как мы видим, в этом соотношении — больше или меньше.

Поскольку наша культура требует от человека довольно сильной включенности в коллектив (отметим попутно, что она же требует и большей отдачи от коллектива в пользу его непосредственных членов), постольку нашу культуру и наше поведение можно назвать коллективистскими. Насколько успешно действует эта модель, зависит от исправности функционирования культуры, от эффективности социализации человека в свою культуру, от ответственности санкций и от многих других условий (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

В. Чеснокова

Прекрасно, если человек имеет этот нравственный императив. А вот если он его не имеет — что тогда делать? Вот для этой цели — для цели контроля поведения именно такого человека — существует этот механизм: община. Она во всем мире существовала и еще существует во многих арелах. Это может быть община кровнородственная, может быть — соседская, у нас была сельская крестьянская, которая существовала еще в XIX веке. И навыки общинности мы еще сохранили. И это хорошо.

Когда у человека еще слабо выработан нравственный императив (который наш профессор считает панацеей от всех бед), а он вырабатывает его в течение, почитай, всей жизни, хорошо, если общинные отношения страхуют его от легкомысленно предпринимаемых неправильных действий и поступков. Но мой оппонент ведь не из реальной жизни исходит в своих рецептах, а из какой-то утопии, где все идеально, никакого развала нет и все абсолютно люди обладают выработанным и доведенным до совершенства личностным нравственным императивом.

Потому что коллективизм — не убеждение, не направление мысли, не что-то годовное, а определенный набор архетипов и социальных навыков, действующих на уровне автоматизмов. Поэтому коллективистские и прочие навыки либо были, либо их не было. Если их не было, то навязать их не удалось бы никакой власти, а если они были, то их не нужно было навязывать (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

В. Федотова

Какверху, так и внизу. У нас такой автохтонный капитализм, где архаические начала культуры — напимер, коллективизм — вылезают в превращенных формах. Когда их запрещают в формах естественных или они разрушены предшествующими модернизациями в их естественной форме, они вылезают в криминальных, превращенных формах (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

А вот как обсуждалась тема общины старыми славянофилами и западниками.

И. Киреевский. 1839. В ответ А.С. Хомякову

Весь частный и общественный быт Запада основывается на понятии об индивидуальной, отдельной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность. Оттуда святость внешних формальных отношений, святость собственности и родовых постановлений важнее личности.

Рассматривая общественное устройство пражней России, мы находим многие отличия от Запада, и во-первых: образование общества в маленькие так называемые миры. Частная, личная самобытность, основа западного развития, была у нас так же мало известна, как и самовластие общественное. /.../ Лицо участвовало во столько в праве владения, во сколько входило в состав общества.

Но это общество не было самовластное и не могло само себя устраивать, само изобретать для себя законы, потому что не было отделено от других ему подобных обществ, управлявшихся однообразным обычаем. Бесчисленное множество этих маленьких миров, составлявших Россию, было все покрыто сетью церквей, монастырей, жилищ уединенных отшельников, откуда постоянно распространялись повсюду одинакие понятия об отношениях общественных и частных. Понятия эти мало-помалу должны были переходить в общее убеждение, убеждение — в обычай, который заменил закон /.../. Это повсеместное однообразие бытия было, вероятно, одною из причин его невырожденной крепости, сохранившей его живые остатки даже

до нашего времени сквозь все противодействие раз-
рушительных валиний /.../.

А.И. Герцен. 1850. Россия

Русская сельская община существует с незапамят-
ного времени, и довольно схожие формы ее можно
найти у всех славянских племен. /.../ Ее экономичес-
кий принцип — полная противоположность знаме-
нитому положению Мальтуса: она предоставляла
каждому без исключения место за своим столом.

Общинное устройство усыпало русский народ,
и сон этот становился с каждым днем все более
глубоким, пока, наконец, Петр I грубо не разбудил
часть нации. Он искусственно вызвал что-то вроде
борьбы и антагонизма, и именно в этом-то и заклю-
чалось провиденциальное назначение петербургско-
го периода. /.../ Какое счастье, что мы так мало спали;
едва пробудившись, мы оказались лицом к лицу с
Европой, и с самого начала наш естественный, полу-
дикий образ жизни более соответствует идеалу, о
котором мечтала Европа, чем жизненный уклад ци-
вильзованного германо-романского мира; то, что
является для Запада только надеждой, к которой
устремлены его усилия, — для нас уже действитель-
ный факт, с которого мы начинаем; угнетенные им-
ператорским самодержавием, — мы идем навстречу
социализму, как древние германцы, поклонявшиеся
Тору или Одину, шли навстречу христианству.

Итак, высокую ценность общины утверждали в позапрошлом
веке и западники, и славянофилы. И для тех, и для других она
была основой для противопоставления России и Европы, указа-
нием, в каком направлении России следует развивать свою само-
бытность. 150 лет назад, как и сегодня, общину и коллективизм
критиковали, ссылаясь на то, что она мешает развиваться свобод-
ной личности. На это, в свою очередь, следовали возражения
защитников общины, и мы предоставим слово западнику.

А.И. Герцен. 1853. Русское крепостничество

Общине, я знаю, ставят в вину несовместность
ее с личной свободой. Но разве чувствовался недо-
статок в этой свободе до отмены Юрьева дня (дня

св. Георгия)? Разве наряду с постоянными поселе-
ниями не развивались подвижные общины — воле-
ная артель и чисто военная община казаков? Не-
подвижная сельская община оставалась достаточно
широкий простор для личной свободы и инициати-
вы; она никогда не отказывала в заботе и пропита-
нии двум своим законным отпрыскам, двум близне-
цам: один из них охранял и раздвигал границы стра-
ны, другой, с топором в руках, шел туда, куда
призывала его работа.

А.И. Герцен. 1859. Русские немцы и немецкие русские

Задача новой эпохи, в которую мы входим, со-
стоит в том, чтоб на основанных науки сознательно
развить элемент нашего общинного самоуправления
ния до полной свободы лица, минуя те промежу-
точные формы, которыми по необходимости шла,
платая по неизвестным путям, развитие Запада.

Этот ход мысли опровергался сторонниками свободного
развития личности. Вот, например, что говорил Вл. Соловьев,
чуткий к критике западничества.

Вл. Соловьев. 1889. Славянофильство и его вырождение

Преобразование недостатков в достоинства и в
области гражданской жизни. Главная наша немощь
здесь состоит в слабом развитии личности, а чрез
это и в слабом развитии общестственности; ибо эти
два элемента соотносительны между собою: при
подавленности личного начала из людей образуется
не общество, а стадо.

Бердяев Н. [1990]. Философия неравенства

Исконный русский коллективизм всегда был
враждебен культуре, враждебен личному началу,
всегда тянул нас вниз, всегда мешал нам выйти к
свету, в мировую ширь. Этот коллективизм парали-
зовал в нас чувство личной ответственности и де-
лал невозможной личную инициативу.

Как мы видим, примерно то же противостояние, что и в наше
время, имело место и раньше. Даже аргументы (или отсутствие

таковых) были те же. В целом, вопрос об общине сейчас отошел на периферию спора, в XIX веке он был более востребован — и встреча, кстати, меньше разногласий. Однако консенсус можно найти и сейчас: практически все согласны, что России более свойствен коллективизм и слабее, по сравнению с Западной Европой, развито личностное начало. Только одни видят в этой пропорции наши преимущества, а другие — наши врожденные недостатки.

Достижимость и труда

Что же, и я Россию люблю. Она занимает
шестую часть моей души.

Венедикт Ерофеев

В Дискуссиях по поводу отличий разных культур, в частности — отличий русской и западной культуры, часто используются такие понятия, как «конкурентность», «достижимость», «аональность». Все эти слова описывают ту ситуацию, когда члены общества обладают высокоразвитой индивидуальностью и каждый из них в отдельности стремится к некоторому успеху — в делах, в работе, в духовной сфере или в искусстве. Человек не просто работает, он сравнивает достигнутые им в избранной сфере деятельности результаты с результатами других, стремится их превзойти, стремится, чтобы окружающие оценили его достижения. Главным для него представляется не успех той группы людей, к которой он принадлежит, а его личный успех. Так ведут себя люди далеко не в каждой культуре, но именно такой образ поведения «человека Запада» сложился к настоящему времени.

Этим понятием — достижительности, конкурентоспособности, аональности (войнственность, соревновательность), а также их антонимам, следует дать определение, которые и приводятся в этом разделе дискуссии.

Как и многие другие ценности, ценность труда не легка для обсуждения. Представляет ли она самостоятельную ценность или это — только средство для достижения цели? Тогда обсуждать ее отдельно достаточно трудно, «труд» будет зависеть от того, для какой цели он затрачен.

Высказана точка зрения, что среди ценностей русского национального характера труда играет подчиненную роль; он является скорее способом осуществления высших ценностей, чем самостоятельной ценностью. Трудятся, чтобы пострадать, чтобы научиться, чтобы воспитаться, — но не ради того, чтобы трудиться. В других культурах дело обстоит иначе. Оказываются, для иных культур труда самоценен — так считают участники нашего диалога.

Что же касается достижительности, стремления к успеху, то эта черта в русском национальном характере и вовсе не приветствуется, подвергается осуждению. Человек, стремящийся к личному успеху, подозревается в том, что он задается, он высокомерен и горд, противопоставляет себя другим людям, не ценит общую работу, для него личный успех важнее ценности самой работы. Отсюда легко возникает то чувство, которое можно назвать осуществлением коллективистских ценностей, а можно попросту — завистью. Но может быть, к зависти это не сводится? Может быть, неприязнь к нескромной, промогласной соревновательной позиции не обязательно именовать завистью? В то же время говорят, что для народов западной Европы достижительность, стремление быть первым в своем деле, в своей сфере является одной из коренных черт национального характера.

Как же соотности происходящую модернизацию и отголоски русского национального характера к труду и успеху? Двигается ли достижительность неотъемлемой чертой западной цивилизации, должна ли каждая модернизирующаяся страна менять национальный характер на достижительный? Как соотносит отношение к труду как к вторичной ценности и идущую в России модернизацию?

Есть и другая точка зрения на этот вопрос: никаким особым отношением к труду русский народ не отличается, наблюдаемые мелкие отличия есть плод тяжелого исторического пути, русские не достигительны по принуждению, стали делиться под пыткой, а в условиях свободного общества большинства людей России примет комплекс достижительных ценностей. И так, прежде всего обратимся к определению терминов, чтобы разобратся в вопросе.

В. Чеснокова

 Антонию к «Достижимости» — «акриптивность» (преаписанность, преаказанность про-

движения человека в обществе). Примем эта черта в характере человека (достижимость или акривность) не первична, а является производной от культурной модели. В условиях достижительной модели человеку предлагают бороться, конкурировать с другими, показывать себя, причем — иногда достаточно упорно и навязчиво, чтобы «завоевать» то или иное социальное положение. В акрививной же модели человеку *предлагают* это положение занять.

Вспомним, как преподобный Сергий Радонежский, когда старший его брат крикнул кому-то на клиросе: «Кто такой этот Сергий? Я был первый, кто устраивал эту Обитель!», — завершил литургию, вышел из церкви и попросту удалился из монастыря. Ушел в леса и где-то возле Кержача стал основывать новый монастырь. Братья долго искали его, а найдя, стала упрашивать вернуться. И когда он понял, что они действительно хотят, чтобы он вернулся, он вернулся. Преподобный Сергий очень много сделал для своей обители, он был великий труженик, молитвенник, прекрасный руководитель и воспитатель своей братии. Но сан игумена должен был быть ему *предложен* (и он долго от него отказывался), а когда возникло какое-то сомнение в его авторитете, этот сан вновь должен был быть предложен ему (Кавб Дискурс: Социум, 2001).

Утверждается, что в русской культуре принято место «предлагать», а в иной культуре — западной — «завоевывать». Возможно, что это так и есть, хотя многие не согласны с таким утверждением, не находя принципиальных различий с западной культурой. Более того, можно высказать и такую точку зрения, что в дискуссии рассмотрены не все возможности, заложенные в мысли, высказанной В. Чесноковой. Пример, ею приведенный — о Сергии Радонежском, — указывает на то, что в сфере культуры место предлагают, а не испрашивают. Но это не говорит о том, как устроено поведение в других сферах общественной жизни. То есть алгоритм «предложения» может различать не Запад и Россию, а принятые механизмы поведения в культуре и, например, в государственной сфере. Может быть, в сфере культуры место «предлагают», в бизнесе «завоеывают», а чиновника «назначают»? Если это верно, окажет-

ся, что в России и в Европе действовали одни и те же механизмы, но разные в разных общественных структурах.

Однако, даже в том случае, если эта точка зрения верна, она не решает вопроса о различии в отношении к труду в русской и европейской культурах. Может оказаться, что когда-то было четкое различие, что «предлагать», а что — «завоевывать», а потом какая-то из этих культурных моделей захватила несвойственные ей изначально сферы. Возможно, что в России до сих пор сохраняется (пользуется предпочтением) преимущественно алгоритм социального поведения, ранее свойственный «культуре», а на Западе, напротив, он потеснен из многих общественных блоков разросшимся механизмом «прошения» места. Возможен и обратный вариант — в России господствует «командный» механизм назначения (с тоской по прежнему, утерянному — «предложению»). Это лишь гипотезы, ответа на них пока нет.

Так же разошлись диспутанты по вопросу о роли труда в культуре. Как уже говорилось, есть две точки зрения — что ничего своеобразного в отношении к труду в России не имеется и что все культуры в одном отношении «трудолюбивы», в другом — «ленивы», и другая точка зрения — что труд имеет разное значение в разных культурах.

А. Зубов

Недостижимых культур, строго говоря, нет вообще. Любая культура, начиная с египетской (о более ранних у нас просто нет письменных памятников), является достижительной. Везде и всегда люди прикладывают огромные усилия, чтобы чего-то достичь. Египетские пирамиды — прекрасное тому доказательство. Вопрос лишь в том, чего именно они стремятся достичь. И тут нам опеть не обойтись без аксиомологии — науки, изучающей цели человеческого действия и их различия. /.../ Одни сообщества устремлены к вечности и строят пробыницы и храмы, или, как в Индии, где не строили пробыницы и храмов, огромные средства затрачиваются на ритуал. Известно, что ашвамеха (жертвоприношение коня, наиболее дорогостоящий княжеский ритуал) стоила весь прибавочный продукт индийского раджи. А в современном обществе главные цели этой жизни — богатство, успех, карьера. Поэтому

правильнее говорить не о разных цивилизационных типах, а о разных этапах развития (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

В. Чеснокова

Труда во всех культурах имеет моральное значение — это очевидно. /.../ Православный же скорбями «нудится» войти в Царствие Небесное. Труд для него — одна из разновидностей ниспосланных ему Богом скорбей. Он должен пострадать и стать достойным этого Царствия. У отдаленного человека (так протестанта, так и православного) это может быть запрятано глубоко на подсознательном уровне, может быть осмыслено на уровне сознания, а может быть вовсе утеряно, но культура ведет его своим путем, если он ее не потерял полностью. А что при этом нужно еще и хлеб насущный добывать — это само собой. Но даже самый простой человек понимает, что «не хлебом единым» он жив на земле. Подумать же, что для человека труд всегда имеет в первую очередь материальное значение, значит очень сильно примитивизировать его (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

А. Зубов

Труда повсюду, если исходить из Библии, — это проклятие Божие человеку от грехопадения Адама, и это проклятие очень эффективно ныне, как и тысячелетия назад. Если не трудиться, то просто помираешь. Другое дело, что в больших обществах возникают группы, которые могут не трудиться и даже считать труд позором, как после акта о вольностих Авраринства могло себе позволить думать высшее сословие России, ибо труд для него из обязательного служения стада как бы факультативным — хочешь служи, а хочешь — живи в усадьбе за счет крепостных. Такие группы повсюду постепенно деградируют, если избегают общественно полезной деятельности (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

В. Чеснокова

Как «достижители», так и те, кого называют «недостижителями», прекрасно умеют ставить себе цели и добиваться результатов. Понятие «достижи-

тельности» относится не к *наличию* (или отсутствию) результатов, а к *способам достижения статуса* или социального положения человека. Здесь, как и во многих других случаях, в обиходную речь словечко «достижитель» попало с несколько смещенным содержанием (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

В. Федотова

Наша достигательность скорее всего не может быть реализована в мелком производстве: мы — достигатели в других областях. Если бы мы могли использовать наши исключительные способности — научные и культурные, о которых весь мир говорит только уважительно и только положительно, то мы бы могли провозвести действительно нормальную реформу. А мы захотели стать активными крестьянами, мелкими производителями, торговцами, которыми никогда не были. У нас это — из-за климата, притеснения государства или чего-то еще — как-то не в крови (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

При всех разногласиях Диалота А. Зубова и В. Чесноковой, при всех взаимных непониманиях все же выясняется, что они, пожалуй, могли бы согласиться в том, что в западной культуре работает одна модель поведения по отношению к труду, в русской — другая. По отношению к этому согласию другие вопросы — в каких областях мы достигательны, что значит — достигательны, достигательны ли мы вообще, — все это отходит на второй план, как частности. В целом утверждается, что культура порождает некие модели поведения, которые способны влиять на экономическое развитие. В самом деле, после Макса Вебера, установившего связь между протестантизмом и капитализмом, можно не спорить, что связь экономики и культуры существует и она весьма специфична. Но и это намечаясьеся согласие вызывает у других участников Диалота сомнение.

С. Цирель

Утверждение о том, что в основе самих экономических успехов лежит культура, не оспаривалось, по-моему, ни одним из участников дискуссии. НЕ спорю с ним и я. Однако и эту связь, как и любую

другую, не стоит абсолютизировать. Ведь американская, например, культура явно не соответствует мощи американской экономики и уровню развития американской науки. Это несоответствие невозможно объяснить только большим вкладом в развитие США мигрантов из других стран. Более точный ответ, видимо, состоит в том, что американский стиль труда и менеджмента в наибольшей степени приспособлен к современной экономической ситуации (вопрос о завтрашней остается открытым). Если бы культуре можно было измерять какими-то единицами, то можно было бы сказать, что на единицу продукции, в том числе научной, России требуется много больше этих единиц, чем США (Кауб Дискурс: Социум, 2001).

Влияние культуры на экономику не отрицается; пожалуй, высказанное С. Пирелем сомнение можно трактовать скорее как попытку более детального разбора этой связи: «большая культура» — не значит «большая развития в экономике». Помимо специфического влияния того или иного культурного механизма здесь говорится о «культуроемкости» того или иного типа экономики.

Намечается согласие относительно того, что специфические черты культуры особым образом влияют на экономику. Вроде бы ни одной культуре не заказано процветание экономическое, но способы достижения процветания будут разные. То, что протестанты берут индивидуализмом, ответственностью и стремлением «проявить» решение Бога о них, то в Японии достигается коллективизмом, ответственностью и преданностью Аматарасу. Каждая культура собирает свой набор качеств, из которых можно выкроить этику эффективного работника. Каждая культура? А что если бываюг культурные организмы, у которых мозаика не складывается, наборы качеств по разным шкалам вступают в противоречие? Не получается эффективно работать, ну что ты будешь делать. Они копают, а оно не копается. Возможная вещь. Так что, мы допускаем возможность «неприспособленных» к эффективному труду наций? Которых, значит, надо либо кормить всем миром из человеколюбия, либо пусть уж сами помрут? Или мысль о неспособной эффективно трудиться нации — бред? Где тогда

ошибка — в понятии эффективности? Нация прокармливает себя, но вот достигнуть таких количеств избыточного продукта, как этого требует современная экономика, способна не каждая нация?..

Давайте обратимся к тому, что раньше говорили по этим вопросам. Мы обнаружим, что о достигжимельности в XIX веке разговоров не было, но особенности «русского труда» отмечались.

К.А. Кавелин. 1875. Наш умственный строй

Прислушайтесь к толкам мыслящих и просвещенных людей всевозможных направлений и оттенков, — и везде услышите одну и ту же жадабу: мало у нас производительности, слишком мало труда, энергии, выдержки. В уме, талантах, способностях — нет недостатка, но они пропадаюг даром, вырождаюгся в пустоцвет. Куда ни обратитесь, во всем сильно чувствуется недостаток осмысленного и капитализированного труда.

Возникает впечатление, что г-н Кавелин просто подслушал то, что говорилось у нас на форуме.

С.М. Соловьев. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других (сказано о времени Николая I)

День, стремление получать как можно больше, делаю как можно меньше, стремление делать все коокак, на шерамыгу, — все эти стремления, так свойственные нашему народу вследствие неравности его, начали усваиваться, поощряемые развращающимися нравительством...

Значит, и в середине XIX века имели хождение те же предствавления — что в России работаюг как-то особенно халтурно. И эта недостаточная трудоспособность и в те времена относились то к «неравности» народа (и через тысячу лет после Св. Владимира?), то к особо тяжелым социальным условиям, деспотизму и крепостничеству (трудолобывие китайцы пользоваались большей свободой?), то попросту к национальному характеру (тут уж не переделаешь, рецепт один — родить обратно).

В начале XX века обсуждался вопрос не о достижительности, а о соотношении в сознании русской интеллигенции (и русского народа) производства и распределения, то есть — в вольном переводе — труда и справедливости.

Н.А. Бердяев. 1909. Философская истина и интеллигентская правда

Интересы распределения и уравниения в сознании и чувствах русской интеллигенции всегда доминировали над интересами производства и творчества.

С.А. Франк. 1909. Этика нигилизма

Основная морально-философская ошибка революционизма есть абсолютизация начала борьбы и обусловленное ею пренебрежение к высшему и универсальному началу производительности.

Теория хозяйственной организации есть лишь техника социализма; душа социализма есть идеал распределения, и его конечное стремление действительности сводится к тому, чтобы отнять блага у одних и отдать их другим. Моральный пафос социализма сосредоточен на идее распределительной справедливости и исчерпывается ею.

Производство благ во всех областях жизни ценится ниже, чем их распределение; интеллигенция почти так же мало, как о производстве материальном, заботится о производстве духовном, о накоплении идеальных ценностей /.../. Почетное имя культурного деятеля заслуживает у нас не тот, кто творит культуру — ученый, художник, изобретатель, философ, — а тот, кто раздает массу по кусочкам плоды чужого творчества, кто учит, популяризирует, пропагандирует.

Русская интеллигенция не любит богатства. Она не ценит прежде всего богатства духовного, культуры, той идеальной силы и творческой деятельности человеческого духа, которая влечет его к овладению миром и очеловечиванию мира /.../. Интеллигенция любит только справедливое распределение богатства /.../.

Может быть, и в самом деле в России больше любят делить, чем задумываться, откуда возьмется то, что подлежит

раздачу. Этот круг вопросов на нашем форуме не затрагивался, но есть основания полагать, что и сейчас положение осталось тем же: вопросы распределения вызывают живой интерес и охотно обсуждаются, производство же предполлагается чем-то тривиальным, понятным и не привлекает внимания. Производство воспринимается скорее как привычная и несколько постыдная болячка, о которой надоело и неприятно говорить, а вот распределение — это живое дело, которое следует организовать и наладить.

Скадывается впечатление, что прежде на спорах западников и славянофилов больше говорилось о производстве и распределении, а после постигшего этот спор дольного антракта варту поднялась тема достижительности и эффективности труда. По-видимому, выбор тем спора зависит от окружающей действительности, но сама стилистика обработок вопросов, сам спектр мнений по ним — наследуются. Говорится о распределении и достижительности, но всякий раз всплывает недоуменное сознание: как же так, что-то в этой области труда, производства, экономики, — что-то от нас скрыто, что-то не поддается. Вплоть до обиженно-наивных заявлений: вот ежели культуру творить, мировоззрения починять, искусство поднимать — то это сей момент, а только работать не получается, не тот национальный характер, подайте на пропитание... Конечно, правдой в последней инстанции такие заявления быть не могут, но за ними стоит вопрос, на который наш форум не нашел ответа.

Суд, рассеянная санкция, обычное право

Вообще русские узаконения, как правило, не рассчитаны на употребление: это либо угроза, либо некое упование.

А.М. Панченко

Модернизация, проникновение западных реалий в русское и советское общественное и правовое устройство, приводит к изменениям не только политики государства (см. раздел «Общественная почва и пролизрастающее на ней государство» гла-

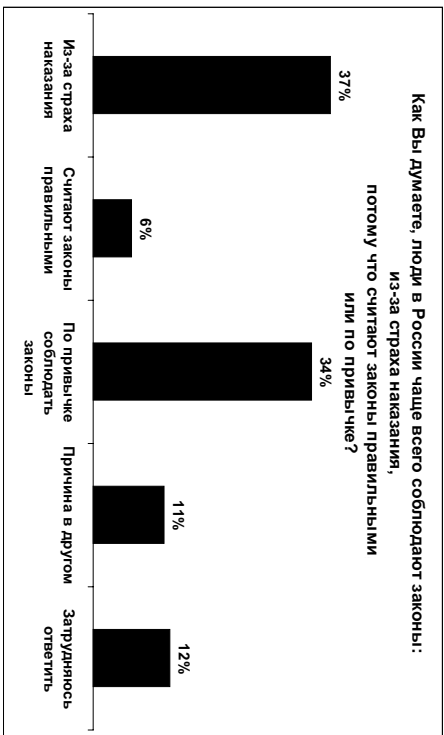
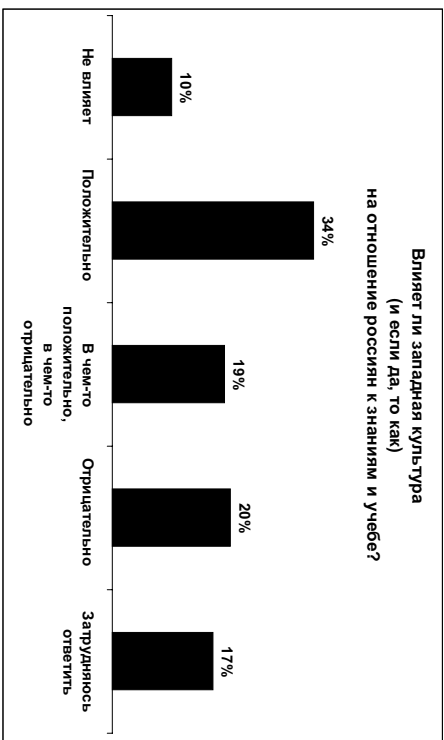
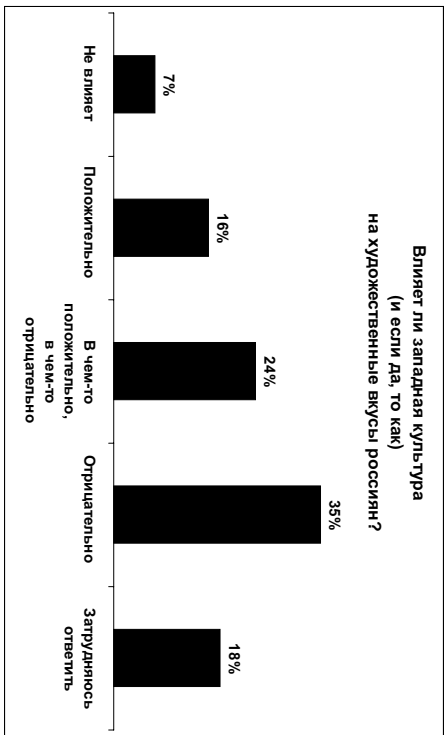
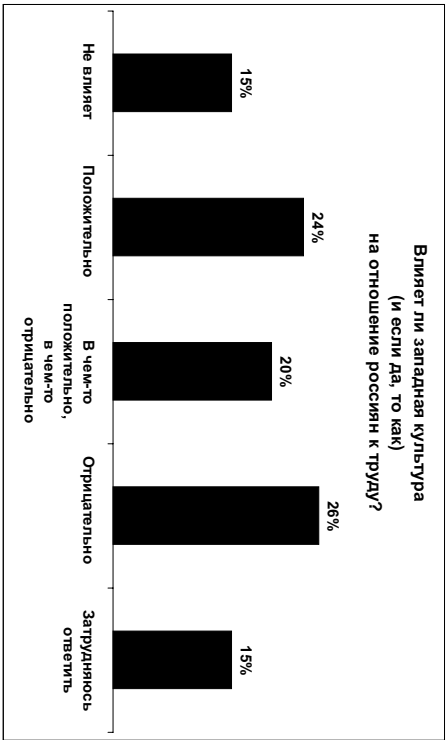
вы 4), но и к изменению собственно правовой сферы. Тема эта достаточно давно обсуждалась в связи с правами человека в советском и западном обществах. Изменения, произошедшие в правовой сфере, вызывают одобрение (свобода, открытый суд, правовое государство) или неприятие (коррупция, бандализм, судебное крючкотворство). Однако обычно этот спор идет только по линии обвинений современной российской правовой сферы в том, что она недостаточно соответствует тому, чем должна быть. Альтернативные варианты обсуждаются редко. То есть мало кто утверждает, что существует какой-то особый механизм, который может с некоторой эффективностью выполнять функции права. В нашей дискуссии такая альтернативная точка зрения была высказана, и касается она «рассеянной санкции».

Познакомимся с этим понятием. Рассеянная санкция есть общественный суд, суд общества, только в отличие от любого суда он никак не оформлен, все решения принимаются членами общества (общинной) не стовариваясь. Люди в общине обладают одинаковыми ценностями и достаточно схожими взглядами на жизнь, и потому индивидуально принимаемые решения у них оказываются сходными — общество реагирует как один человек, и тому, кто вызвал общественное осуждение, не поздоровится.

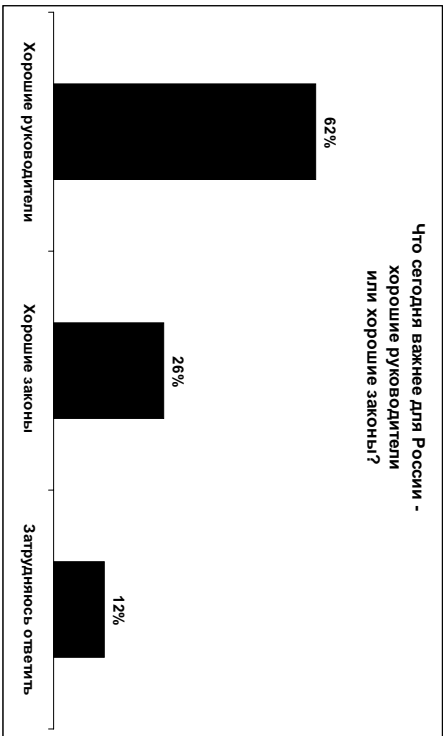
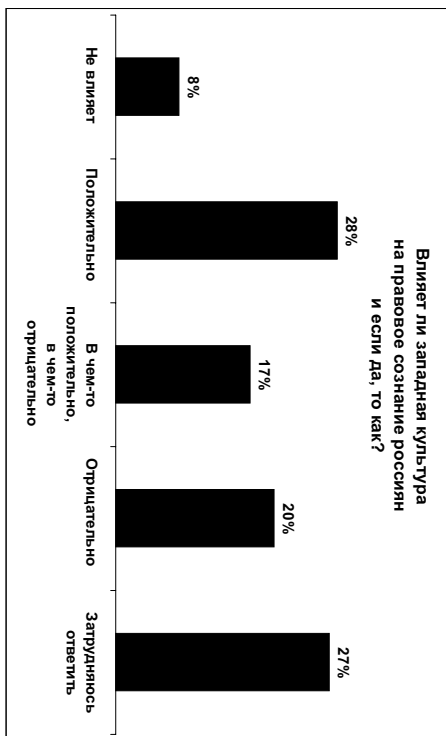
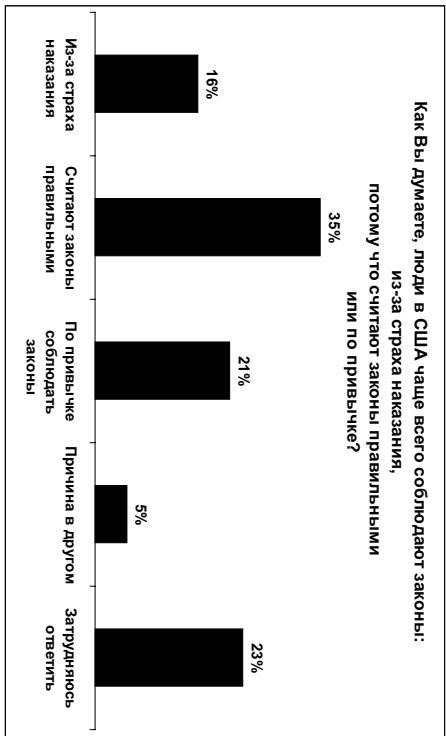
Мысль эта выглядит примерно следующим образом. Западное общество является в значительной степени обществом индивидуалистов, и правовое регулирование там представляется собой высокоформализованный аппарат, суд. Наше общество более коллективистично (социально), люди в нем обладают общим пониманием высших ценностей, а вот формальной организации у нас меньше, чем в западном обществе. Когда чье-либо поведение отклоняется от принятых норм, каждый член коллектива без какого-либо организационного решения выдает нарушителю отрицательную реакцию на его поступок. Это и есть «рассеянная санкция». Этот механизм не заменяет формального права и судебной организации, но достаточно эффективно дополняет работу правовой сферы. Не утверждается, что мысль эта в такой форме высказана кем-либо из участников дискуссии — она сопровождается оговорками и разъяснениями, но кажется, что в крайнем своем развитии она должна звучать указанным образом.

Противники этой точки зрения указывают на то, что это не особенность нашего коллективистского общества, а просто низшая стадия развития права — так называемое обычное право, которое когда-то, примерно до X века, существовало в Европе, а затем постепенно заменилось более прогрессивными формами правовой организации. Далее, утверждается, что право — более сознательная форма социального регулирования. Поскольку общество сейчас все в большей степени становится сознательным, рассеянная санкция может быть охарактеризована как действенный и действующий, но несовершенный социальный механизм. Каждый социальный механизм не только функционирует, он еще обладает рядом побочных функций. Разные социальные механизмы по-разному воспитывают людей, вовлеченных в их функционирование, вызывают разные социальные ожидания, входят в более тесное взаимодействие с близкими механизмами и отторгаются от тех, которые утрачены по другим принципам. Общество — не конгломерат, не смесь, а целостная система, состоящая из таких «социальных механизмов». Значит, если «рассеянная санкция» принадлежит к иной общественной целостности, нежели формальное право и суд, то к этой «санкции» будут подбираться прочие социальные механизмы и в пределе возникнет два совсем разных типа общественного устройства. Тогда «действенность» рассеянной санкции не может нас успокоить: да, она работает, но хорош ли тот тип общества, который вырабатывается?

Тем самым возникают вопросы: какие типы правового регулирования (а не государственного устройства) существуют в мире? Как соотносятся в обществах разного типа уровни развития правовой сферы — индивидуальный (личная месть или прощение), коллективный (рассеянная санкция или одобрение), государственный (формальное право)? Есть ли общества (или народы) более или менее приспособленные к той или иной форме правовой организации? Как в действительности устроена жизнь «сферы права» в России? Как эта реальная правовая жизнь соотносится с западными правовыми реальностями, проникающими в Россию, — сотрудничает? соперничает? дополняет? вытесняет? не замечает? Какие типы правовой сферы являются современными, помогают развитию общества, а какие — идут из прошлого и в своем функционировании способствуют отставанию общества?

Часть 1. Противостояние

Итак, сначала постараемся дать определения.

В. Чеснокова

Рассеянная санкция — это когда нет никаких предписаний. Человек совершил нехороший поступок, и каждый другой человек, который с ним встречается, выдает ему отрицательную санкцию. Они нигде не собирались, не обсуждали это, не стоварились между собой, а просто каждый человек дает ему по мозгам. Это и есть рассеянная санкция. Очень высокая степень консенсуса. Каждый знает заранее, что так делать нельзя (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Всегда за определением идет критика предоставления о рассеянной санкции и разъяснения, опровергающие эту критику.

А. Зубов

Общество, не способное найти себе судей или не внимающее им, а подлающееся на «рассеянную санкцию» коллектива, — это общество большое, общество, в котором нравственный нерв утратил чувствительность.

Только при полной деградации суда возможно общество, живущее по так называемому обычному праву, потому что «рассеянная санкция» — это в юридическом плане и есть обычное право, право обычая (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

В. Чеснокова

Мы как тип сильнее тяготеем к самоорганизации внутренней, а они сильнее — к организации внешней. Даже когда они борются и у них стакомы, то их стакомы — все равно организации хорошо формализованны. Точнее сказать, лучше формализованные организации. У них свое есть, я не буду говорить, что они беспомощны в этом отношении. У них свои ассоциации, они принадлежат к каким-то клубам, обществам, еще каким-то коллективам, в самой простой среде, в которой они общаются постоянно, каждодневно. Но это все не такие коллективы, как наши. Они именно очень сильные

организационно. И в этом смысле английская и американская культура очень умело действует. У них этот фактор организации как таковой, внешней, рациональной, зафиксированной, писанной законом, — очень заорово действует. И куда ты этого англичанина-американца ни сунь, он обязательно там организует новую ассоциацию. А мы иначе действуем, у нас просто другой способ. Мы тех же вещей достигаем другим способом. У нас просто рассеянная санкция. Попробуйте американцу дать рассеянную санкцию, он с ума сойдет. А наши живут. И ничего.

А это когда нет никаких предписаний. Вот человек совершил нехороший поступок, и каждый другой человек, который с ним встречается, выдает ему отрицательную санкцию. Они нигде не собирались, не обсуждали это, не стоварились между собой, а просто каждый человек дает ему по мозгам. Это есть рассеянная санкция. Опять же, очень высокая степень консенсуса. Каждый знает заранее, что так делать нельзя, если ты сделал, значит, ты такой-сякой-эдакий и вообще неподоценный. И тебе выдадут эту санкцию — каждый человек, никаких предписаний, никаких уставов, никаких в суда обращения. Почему мы не любим в суда обращаться — по этой причине, потому что мы вообще не умеем в этой системе оперировать (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Такого рода воззрения достаточно типичны для спора западников и славянофилов.

И. Киреевский. 1839. В ответ А.С. Хомякову

Даже самое слово *правдо* было у нас неизвестно в западном его смысле, но означало только справедливость, правду. Потому никакая власть никакого лицу, ни сословия не могла ни даровать, ни уступить никакого права, ибо правда и справедливость не могут ни продаваться, ни братья, но существуя сами по себе, независимо от условных отношений. На Западе, напротив того, все отношения основаны на *уловии* /.../. Все силь, все интелесы, все права общественные существуют там от-

дельно, каждый сам по себе и соединяется не по нормальному закону, а или в случайном порядке, или в искусственном соглашении. В первом случае торжествует материальная сила, во втором — сумма индивидуальных разумений.

Впрочем, В. Чеснокова, высказывая мысль о двух правовых механизмах, действующих на Западе и в России, в то же время не собирается противопоставлять эти механизмы.

В. Чеснокова

В моем представлении здесь ничего ничему не противопоставляется, так как мы имеем два разных механизма социального контроля, работающих по преимуществу на *разных уровнях*. Суд действует от имени общества в целом, рассеянная санкция — от имени малой или средней группы. Суд судит тяжёлые преступления и разбирет дела, которые как-то оформлены документально. Некоторые вещи не входят в сферу его компетенции (в частности, борьба с пьянством, например, на бытовом уровне). Рассеянная же санкция, будучи по определению нормоответом на нарушение нормы, имеет дело с отклонениями именно на бытовом и на повседневном уровне. Суд действует заочным, штрафом и проч., рассеянная санкция — высмеиванием, упрёком, обидой и т. д. Оба механизма в нашем современном обществе действуют неважно (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Можно заметить, что подобную точку зрения развивают не только почвенники, но и западники.

А.И. Герцен, 1860-е гг.

Русский, какого бы звания он ни был, обходится или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство... Это тяжело и печально сейчас, но для будущего это — огромное преимущество. Ибо это доказывает, что в России позади видимого государства не стоит его идеал, государство невидимое, апофеоз существующего порядка вещей.

Б.Н. Чичерин, 1880-е гг.

Без суда не может существовать никакое общество. /.../ Суд составлял *единственную* общественную потребность удельной России, и характер суда прямо укажет на начала общественного устройства в удельном периоде.

Прежние славянофилы критиковали западное право и старую западную мысль о недостатке в России правового регулирования.

Ю.Ф. Самарин. 1857. Несколько слов по поводу исторических сочинений г. Чичерина

Очевидно, что понятие о суде в смысле кормления могло принадлежать только тому сословию, которое владело судом как собственностью; это было воззрение служилых людей, *давших* суд, а, конечно, не общества, принимавшего суд. Почему же понятие, возникшее из частного отношения *одного* сословия к рассматриваемому предмету, принято за указание на начало, лежавшее в основе его устройства?

Спор о лучших, наиболее пригодных и соответствующих характеру народа правовых механизмах нескончаем. Тем более что никто не доказал, что русский народ действительно не приспособлен к пользованию правовыми механизмами формального права, — точно так же, как никто не обосновал, что такая приспособленность вообще существует. Спор ведется с помощью частных примеров, личных впечатлений, абстрактных принципов. Заявления, сделанные в рамках этого спора, иногда выглядят очень красиво и убедительно, но не достигают стадии обоснованных суждений.

В.А. Соловьев. 1889. Славянофильство и его вырождение

И вот культ сильной и *только сильной* власти, доходящий до апофеоза Ивана Грозного, возводит в принцип коренное бедствие нашей жизни, указывает в нем наше главное превосходство над западной цивилизацией, побивающей будто бы от доктринерских идей законности и права. Эту ненависть

к юридическому элементу в народной жизни наши новейшие патриоты разделяют со старыми славянофилами, с тем, впрочем, различием, что закону и праву противопоставляется как высшее начало у одних — братская любовь, а у других — кулак и папка. При всей неудовлетворительности этого последнего принципа, в нем по крайней мере нет никакой фальши, тогда как братская любовь, выступающая как действительное историческое начало общественной жизни у какого бы то ни было народа, есть просто ложь.

Разумеется, авторитет Вл. Соловьева не той природы, чтобы запретить дальнейшее мышление на эту тему, и даже после произнесенного им приговора можно продолжать спорить. Для того чтобы этот спор был плодотворным, следовало бы разрабатывать методы, которые позволили бы иметь об этих материях обоснованное мнение. Скажем, методы, способные в явной форме описать картину мира россиян и указать на то, как в этой картине мира предполагаются реалии правовой сферы, — и сравнить это с картиной мира «западного человека». Подобные методы были использованы В. Чесноковедом, которая на нашем форуме приводила примеры ответов респондентов на различные опросы. Все же, видимо, эти методы пока недостаточны для того, чтобы перевести спор из сферы мнений в сферу суждений, претендующих на доказательность.

ДУХОВНОСТЬ

Можно благоговейно перед людьми, веровавшими в Россию, но не перед предметом их верования.

Василий Ключевский

Слово «духовность» употребляется в очень разных смыслах: кто-то с уверенностью полагает, что здесь дело идет о религии; кто-то — что не просто о религии, а именно о православии, так как имеется и «духовность зла», злой дух; кто-то

спокойно будет утверждать, что духовность — это большая значимость в жизни человека духовных стимулов перед материальными и тем самым писатель или художник, работающий не ради куска хлеба, а из любви к искусству, — духовен, на какую бы тему он ни писал и какие бы мысли ни высказывал. Можно добавить, что часто встречается и такая точка зрения: поскольку сейчас многим деятелям науки и культуры почти не платят, а они все же что-то делают, они по определению обладают духовностью. Вот если бы им платили больше, можно было бы высказывать сомнения, а так они — гарантированно духовные люди. И раз люди столь по-разному понимают это слово, участники дискуссии постарались разобрататься, что же оно в данном разговоре будет означать.

Помимо указанных разночтений, есть и еще один знаменательный для нашей темы смысл «духовности». Существует множественное противопоставление культур по отношению к тому, что они воспринимают как универсальный вклад в мировую цивилизацию, сделанный данной культурой. Англосаксы и французы считают высшим достижением своих наций и одновременно целью человечества — цивилизацию. Немцы употребляли иное слово — культура: культура — это то, что делают немцы, и одновременно то, что является целью работы всего человечества. Из этого противопоставления родился спор между культурой и цивилизацией, которые, по сути, является спором Центральной Европы с Западной Европой. На идеологическом фронте победила культура, хотя в реальном мире выплывает, похоже, цивилизация.

К этому кругу понятий принадлежит и еще одно — духовность. Духовность — это то, в чем русский народ подлагает себя особенно сильным, это то, что он принес в мир и развивает, и одновременно то, к чему должно стремиться все человечество. Тем самым духовность вводится как понятие, работающее в том же круге смыслов, что и культура с цивилизацией. И подобно тому, как культура и цивилизация конфликтуют между собой за право адекватно оценивать развитие человечества, так и духовность может быть представлена как новый конкурент на этом поле битвы идей. В этом же ключе можно сказать, что это понятие не противопоставляется культуре и цивилизации — в качестве третьего крупного смысла, проявившегося в человеческом развитии в Новое время. Так

можно высказаться, но это далеко не единственная точка зрения на духовность. На нашем форуме обсуждали иные аспекты «духовности».

В. Чеснокова

Под «духовностью» чаще всего понимается предпочтение нематериальных вещей материальным, в число первых могут входить и культурные феномены, и социальные отношения. На уровне поведения проявление этой ценности может получать более четкие определения, например, как «бескорыстие» (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Можно ли говорить об особенно духовном характере русского народа? Что означает само слово — духовность?

В. Чеснокова

Я привела данные экспертного опроса, в котором на вопрос о главных ценностях русской культуры эксперты больше всего «голосов» отдали за «духовность». При этом я объяснила, что под «духовностью» в обыденном сознании понимается обладание нематериальных интересов и ценностей над материальными (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Это представление о том, что духовность особенно свойственна русской культуре, — вызвало резкие возражения.

А.Зубов

Чеснокова заявляет: духовность у нас выше, чем на Западе. Но это — расхожая фраза. После того как мы благополучно уложили в землю то ли 40, то ли 50 миллионов людей за последние 80 советских лет, после доносов в ГПУ ради получения чужой квартиры, после участия в революции на стороне красных и отнятия усадьб и всей собственности, можно ли вообще говорить о какой-то нашей духовности? Ведь что такое духовность? Чеснокова совершенно верно говорит: это наполненность Духом Святым. Но какой Дух Святой был в нашем народе, когда русские люди разоряли свои храмы, свои святыни, глумились над мощами древних пра-

ведников? И о какой же духовности идет тогда речь?

Я думаю, что духовность в высоком смысле — это, конечно, религиозность. Но уровень религиозности — сознательной ответственности перед Богом за свои мысли, слова и поступки у нас очень низок. /.../ Вся государственная система Империи была воздвигнута на святые веры в Бога: и венчание Царя на царство, и присяга поданных на верность Государю. Когда же вера в народе и в высших сословиях охладела, тогда ничего, кроме обрушения всей постройки Государства Российского, произойти не могло. Так можно ли после этого жуткого опыта недавней отечественной истории опять петля старую песню о какой-то особой духовности, о какой-то «богоносности» нашего народа? Не правее ли был Розанов, незадолго до голодной своей смерти резюмировавший в 1918 году, что «богоносцев поднасрала»?

Если духовность — это направленность человека на стяжание Духа Святого, то где этого больше — у нас или на Западе? Неужели у нас все-таки больше? Я думаю, что после опыта большевизма об этом говорить нельзя никогда, надо постыдиться об этом говорить. То, что сделали мы со своим обществом, ни одно общество никогда само с собой не продельвало. Но это — если говорить о высокой духовности, о хождении пред «своим» Богом.

Духовность же в профанном, общепотребительном смысле — это ориентация на духовные, а не на материальные ценности. Об этом тоже любят у нас поговорить, убаюкая себя тем, что отсутствие ориентации на материальные ценности, которое действительно наблюдается у значительной части российского общества, компенсируется какой-то повышенно напряженной ориентацией на ценности духовные. Но и здесь все не так уж благополучно, как кажется. Потому что материальный интерес, когда он ослабевает, замещается у значительной части наших людей не столько духовным порывом, сколько, к сожалению, уходом из реальности в мир наркотических грез и пьяной отупелости. Какой культурный народ сравнится с нами в интенсивности пьянства? Так что и

в этом смысле о более высокой духовности нашего общества, чем на Западе, говорить не приходится (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

В. Чеснокова

Тут мне придется поднять перчатку и от своего собственного лица ответить: я считаю, что духовности больше у нас. И подозреваю, что у меня много в этом вопросе единомышленников. Хотя единомышленников профессора Зубова, думаю, у нас тоже достаточно.

Все те проявления «падшепти», господин профессор, которые Вы нам без конца перечисляете, безусловно, существуют, но они же существуют и во всех других странах, в том числе и на милую Вашему сердцу Западе. Откуда к нам пришла наркомания? А сексуальная революция? Вы считаете, что на Западе их уже нет, а есть они только у нас?

Низшие слои населения — не бедные как так-овые, а спившиеся, наркокоманившиеся, бомжующие, ворующие и проч. — есть везде, в каждом обществе. И всегда были. В каких-то странах больше, в других — меньше, в какие-то периоды — более многочисленные, в другие — менее, но это — неизбывное зло *каждого* общества. Но нельзя составлять мнение об обществе и о народе в целом исключительно *только* по этим нижним слоям. И Вы, между прочим, этого не делаете, когда говорите о Западе.

А почему тогда, оценивая наш народ, Вы без конца фиксируете только на бомжах, наркоманах, преступниках, проститутках? Поднимите взор и посмотрите на *настоящий* народ. Наверное, он не «духоносец» и не «богоносец», но он не шваль и не отребье человечества. Он — хороший, заравомявший народ, терпеливый, работящий и — да! — талантливый. Каждый народ в чем-то талантлив. И он всегда был хороший, даже в сталинские времена. Да, были подлецы, писавшие доносы на соседей, чтобы освободить в квартире лишнюю комнату, были такие, которые стремились выжить за счет других, и т. д., но главная масса была не такова (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Валентина Федоровна Чеснокова определяет «духовность», как мы видели, через преобладание духовных стимулов перед материальными. На форуме была высказана и иная точка зрения.

М. Назаров

Россия действительно получила беспрецедентную возможность вновь постичь Истину от обратного. Ибо не могут пропасть вгуне 70 лет не просто «неведомого западным странам» атеизма, а неведомого им мученичества за веру сотен тысяч людей, достойных причисления к лику святых, — они небесные молитвенники за Россию. Тем более, что народу Третьего Рима, в отличие от западных, есть с чем в своей тысячелетней истории сравнить XX век (коммунизм и нынешнюю демократию). В этом отношении в работах целой плеяды православных мыслителей эмиграции (например, в книге «Чудо русской истории» архимандрита Константина /Зайцева/) дан глубокий анализ миссии исторической России, ее падения и возможного пути возрождения. К тому же у русских, в отличие от Запада, до сих пор сохранился еще носитель абсолютной Истины — Православная Церковь (несмотря на нынешнее неприглядное состояние ее руководящих верхов). Вот в чем я вижу те духовные преимущества России перед Западом, о которых Вы спрашиваете (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Итак, «духовность» — это православие и, более конкретно, — Православная Церковь. Как ни худо у нас, у нас есть Православная Церковь и, значит, мы духовны, а у них такой церкви нет, и как они ни тужься — нет и духовности.

А вот еще одно понимание духовности.

В. Федотова

Что касается нашего народа, то, по моему мнению, архетип российский — это *душевность* и *наличие святых*. Душевность не в каком-то сентиментальном смысле, а в том, что мы не можем вступать в формальные отношения.

/.../ Мы же очень слабы в отношении формы, но зато у нас потребность в сакральных ценностях.

Пример таких ценностей — патриотизм. Сострадательность — вторая такая ценность. Когда их ломают, то вылезает зверь (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

В предыдущем разделе мы видели, что наша неспособность вступать в формальные отношения ведет к недоразвитию права и суда, частично подменяемых рассеянной санкцией. Здесь же неспособность к формализмам сопровождается еще развитием душевности, патриотизмом и сострадательностью, которых лопать не надо, а то вылезет зверь. Выступает мысль о том, что упомянутые культурные формы есть защита от Зверя. На Западе он скван цепями формальных установлений, и, хотя Фенрир растет, пока он безопасен. В России Серый Волк прикрывает душевностью, святынями, сострадательностью и патриотизмом. Следовало бы обсудить, чья защита лучше — или обе хуже, или каждая приспособлена к своему виду Зверя.

Все эти точки зрения на «духовность» исходят из некоторого обобщенного взгляда на действительность. Из сутолоки и пестроты событий мыслители извлекают некоторую равнодействующую, некий общий смысл. Как всегда, такие обобщения встречают возражение «от эмпирии».

С. Цирель

Я, как и В. Федотова и многие другие участники, тоже верю в потенциальные возможности особой российской душевности и особой нашей тяги к святыням, но даже эта вера не всегда помогает мне найти их в обыденной жизни («в Араке не выручат, в войне победят»). О нашей душевности и наших идеалах мы можем с энтузиазмом рассказывать другу другу либо благожелательно настроенным иностранцам. Но как убедить в этом критиков, выдавших миллионы беспризорных детей-сирот при живых родителях, равнодушные к жертвам чеченской войны, беженцам из «горячих точек», поведение на дорогах, практически полное отсутствие благотворительности?.. (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Можно указать, что почти вся дискуссия идет о количественном сравнении «массы духовности» в той или иной стране или регионе. Существует противоположное: одни считают, что «духов-

ность» у нашего народа выше, чем у других; вторые — что ниже; третьи — что примерно поровну, и о преимуществе в этом ценном качестве кого-либо не стоит говорить. В самом деле, одни умеют различать в русской жизни духовность, другие ее не видят и склонны подозревать «зрячих» в самообмане. По этому вопросу, похоже, никакого согласия не достигнуто. Можно было бы говорить о «структуре» этой духовности — и тогда мы решили бы к разговору о иных ценностях. Можно было же попробовать показать, что «духовность» может быть встроена в разное место общественного сознания, что в разных обществах она играет разную роль и используется для разных функций. Однако из уже приведенных цитат примерно ясно, каков был бы расклад мнений при такой постановке вопросов.

Державность, государственность

У нас нет слова для выражения понятия *безропотной покорности*, хотя это душевное состояние, или /.../ эта добродетель чрезвычайно свойственна русским. Слово *стойбьяк*, пожалуй, передает его с наибольшей точностью.

А.С. Пушкин

В этом разделе говорится о еще одном традиционном объекте противостояния западников и славянофилов — характере русского государственного устройства. В этой связи можно посмотреть разделы «Суд, рассеянная санкция» главы 2 и «Общественная почва и государство» главы 4.

Здесь та же проблема государственного устройства рассматривается с несколько иной точки зрения. Хотелось бы высказать, что означает термин «державность», по-видимому, связанный с описанием каких-то устойчивых особенностей государственного устройства России, — или идеал такого устройства.

В. Назаров

Такова была наша православная державность, освоившая 1/6 часть суши без работорова, без

премий за скальпы аборигенов и без загона их в резервации для «унтерменшей». И это геополитическое величие, даже чудо на политической карте мира, никак не противоречило сакральной сущности православной державы, а наоборот — обрядилось ее духом служения Богу; когда же осознание этой сакральной сущности самодержавия стало исчезать в ведавшем слое общества — Россия и рухнула, ибо по своему культурному «генетическому коду» (а воясе не из-за мифической «отсталости») не была пригодна стать обывательской «страной как все».

/.../ Для нас гораздо важнее не пресловутый «стандарт» земной жизни, а ее итог: спасется ли человек для вечного Царствия Божия, борясь со злом в себе и вокруг себя, — или же, безвольно поддаваясь злу и греху, погубит свою душу в царстве диавола. В таком воспитании и спасении народа для жизни вечной и должно заключаться назначение истинной государственной власти. Такова была православная монархия — единственная строй, который раздвигал свои критерии «хорошего» и «плохого» за пределы земных интересов до уровня Царства Небесного (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

Тем самым державность представляется, с одной стороны, некоторым идеалом государственного устройства, который никогда не был реализован в полной мере. С другой стороны, трехсотлетняя история дома Романовых в целом, по мысли автора, дает хорошее представление о том, каковы конкретные черты идеала. Обвинять концепцию державности в «непроторенности основ» в таком случае нельзя, как нельзя сказать, что кто-то скрывает основы социалистического государственного устройства, воплощенного в семидесятилетнем существовании СССР. Это не означает, что «все ясно», — мы не до конца понимаем некоторые черты советской истории и советского государства, по этим вопросам ведутся дискуссии, и уж тем более не все очевидно относительно русской монархии. Но «размытым» и «бессодержательным» такое представление не назовешь. Остается добавить, что и прежде высказывались подобные мысли о державности.

К.А. Кавелин. 1875. Наш умственный строй

И нет сомнения, что всю массу своей, дружно и уверенно Россия может иати только за самодержавным, т. е. свободным царем, не зависшим ни от бояр, ни от папунократии. Сама история заставляет нас создать новый, небывалый и своеобразный политический строй, для которого не подыщешь другого названия, как — *самодержавная республика*.

В ответ на мысли о пользе, простирающейся из державности, на форуме был высказан ряд достаточно частных замечаний, который сводился к вопросу о «цене империи». Утверждалось, что плата за существование российской империи, а затем — СССР, была слишком высока, и приводились аргументы о засилье чиновничества и взяточничестве, о крепостном строе и советском рабстве. В результате начался спор о фактах, со ссылками на различные источники, спор, который при должной образованности противника может длиться бесконечно. Однако в целом расшифровка «державности» как идеала российской монархии — православной и народной — сомнениям не подвергалась. То есть «западники» резко критиковали представление о том, что при Романовых «было хорошо», но не вызвала возражений тезис, что сама концепция «державности» может быть сведена к царствованию дома Романовых, что она хорошо эксплицируется через историю этой династии.

Свобода. Народ-ребенок

Наш народ, яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бываюг, котормы сперва досадно кажутся, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех нынешних дел; не все ль невелею сделано, и уже за многое благодарение слышится, от чего уже плод произошел.

Петр I

Движется ли свобода личности высшей и безусловной ценностью? Если да, то все остальные детали общественного

устройства — и реалитиозная жизнь, и государственная сфера, и экономика — должны быть выстроены в соответствии с этой ценностью. Или это ценность подчиненная? Та, что является средством для достижения цели? Как соотносятся западное устройство государства (как считается, гарантирующее свободу личности) и те более высокие, обдаает Россия? Как соотносятся свобода личности и свобода других общественных целей — например, свобода нации? Как формулируется эта ценность — свобода: как жизнь в правовом государстве или как нечто более экзистенциальное? Является ли свобода отрицательной ценностью, «свободой от?», то есть ограничивающим условием, или ценностью творческой, положительной, «свободой для»? Можно поставить значительно большее число вопросов относительно «свободы», но интересны не вопросы сами по себе, а то, какие из них обуждались в споре западников и почвенников.

Понятие «свободы» оказывается дифференцирующим две группы точек зрения, в значительной мере совпадающих с делением на «западников» и «почвенников». Однако нельзя сказать, что западники «за свободу», а почвенники — против. Прежде всего выяснилось, что отношение к свободе связано с ее оценкой — как ценности положительной или сомнительной. Далее было указано на особенности «русской свободы».

А. Аннинский

Да вот в Европе-то свобода есть не что иное, как добровольное самоограничение! Моя свобода кончается там, где начинается свобода других! А у нас, простите, на этом месте не свобода, а воля. Или чулунная воля надо мной, или я вырываюсь на волю и тогда что хочу, то и ворочу. На этом русские философы-идеалисты целое учение выстроили (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Представление о «воле», возникшее в этом высказывании, имеет дольную историю. Можно вспомнить хотя бы Бакунина, который развил целое мировоззрение на этом основании.

М. Бакунин, 1873. Государственность и анархия

Разбой одна из почетнейших форм русской национальной жизни. Он был, со времени основания

Московского государства, отчаянным протестом Народа против гнусного общественного порядка. /.../ Разбойник это герой, защитник, мститель национальной /.../ Кто не понимает разбой, тот ничего не поймет в русской народной истории.

Возникшее противопоставление «свободы как добровольного самоограничения» и «русской свободы» (воли) имеет известное продолжение. Русский национальный характер объявляется носителем качества «абсолютной свободы», дикой и безудержной, но внутренне симпатичной.

Н. Бердяев. 1918. Судьба России

Здесь тайна русского духа. Дух этот устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем, к абсолютной свободе и к абсолютной любви. Но в природно-историческом процессе дарит абсолютное и среднее. И потому русская жажда абсолютной свободы на практике слишком часто приводит к рабству в относительном и среднем и русская жажда абсолютной любви — к вражде и ненависти.

Это противопоставление, как указывалось, высказано на нашем форуме, но развития не получило. Несколько большее внимание привлек вопрос о том, насколько серьезной ценностью является свобода индивида. Представление о ценности индивидуальной свободы, широко распространенное среди современных западников и почвенников, было оспорено.

М. Назаров

Либерализм, возводящий свободу в ранг «высшей и безусловной ценности», пытается тем самым поставить свободу по ту сторону добра и зла, но это невозможно. Это упрощение проблемы и возведение в ранг Абсолюта ценности не абсолютной, как если бы кто-то из того факта, что нам жизненно необходимо воздух, решил создать теорию «воздухизма». Либералы оправдывают это тем, что, мол, познать точную Истину нам не надо и поэтому необходим широчайший плюрализм «истин» ради уважения человеческой свободы, — но в этом, с

православной точки зрения, как раз неудачение подлинного назначения свободы и злоупотребление ею в виде реалитивизации Истины, которая все же была дана людям Самим Богом и в первоначальном знании первых людей, и затем через пророков, через Сына Божия, через действие Святого Духа в основанной Христом Церкви и ее Священном Писании.

Сегоднешний мир, конечно, в значительной мере утратил знание этой Истины, практически ни в одной стране ее сегодн не преподают в должной мере в системе государственного образования, но такое незнание не дает никому, тем более ученым-гуманитариям, права на узаконенное пренебрежение Истиной в виде некоей современной «нормы». Для «нормы» необходима именно абсолютная нравственная точка отсчета — а ею может быть только Закон Божий. Те же, кто настаивает на плюралистической «норме» незнания Истины, демонстрируют собственную несвободу — плененность ложным духом эпохи. Такая точка зрения православных почвенников, которая уже формально являет собой большое противоречие с мировоззрением значительной (атеистической и позитивистски-агности-ческой) части западничества (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

При этом тема свободы приобрела любопытный оборот. Неорганизованная совокупность индивидуальных свобода трещит по швам; следовательно, необходим контроль — со стороны церкви и государства. В целом эти соображения выстраиваются в концепцию, которую можно назвать «народ — ребенок».

М. Назаров

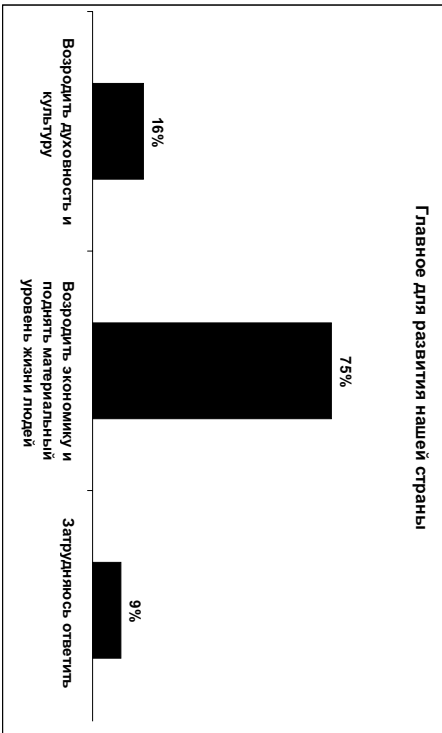
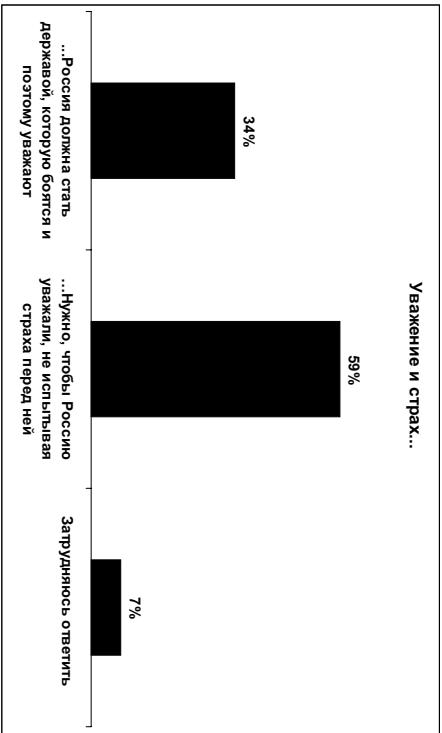
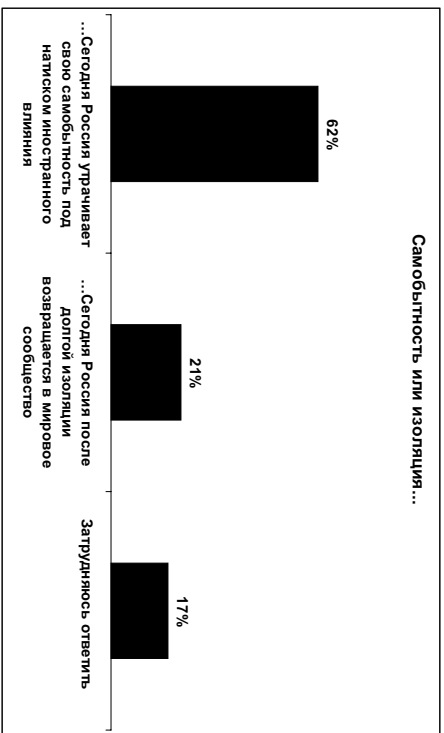
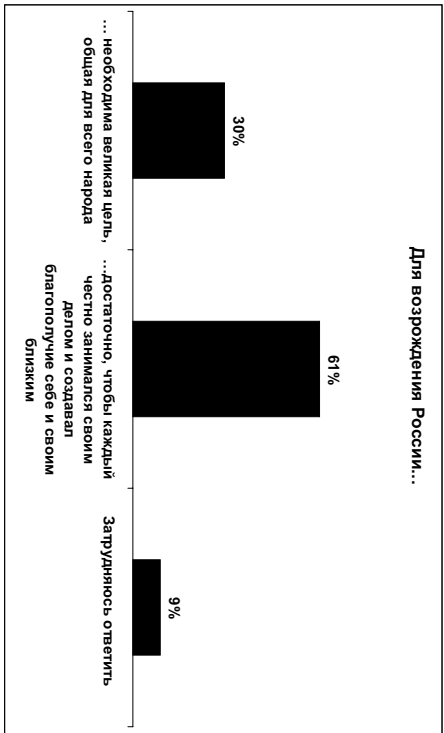
А вправде ли, например, родители «искусственно, а то и насильственно» отторкаживать своих детей от игры со спичками, затем от сексуального развращения, алкоголя и наркотиков, далее от увлечения в преступные банды и секты, и вообще — от целенаправленного их воспитания кем бы то ни было в животно-эгоистической морали вседозволенности?

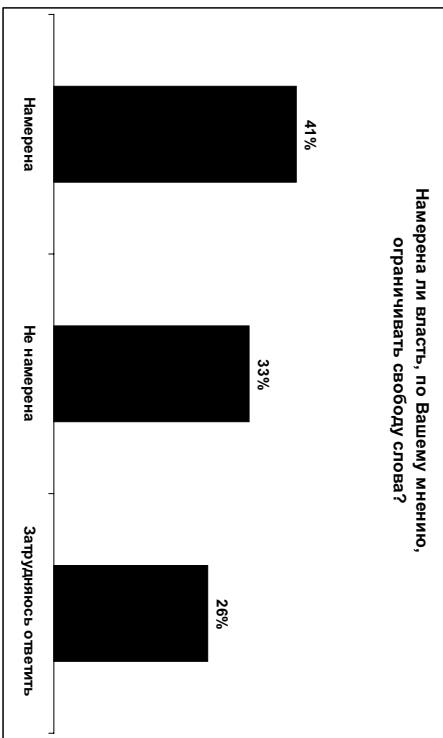
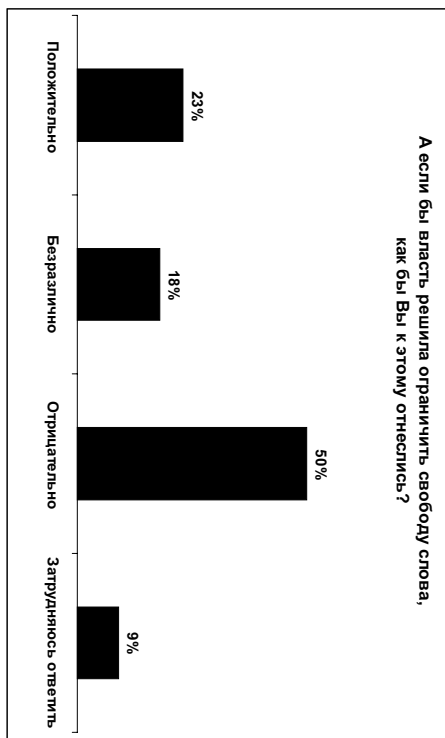
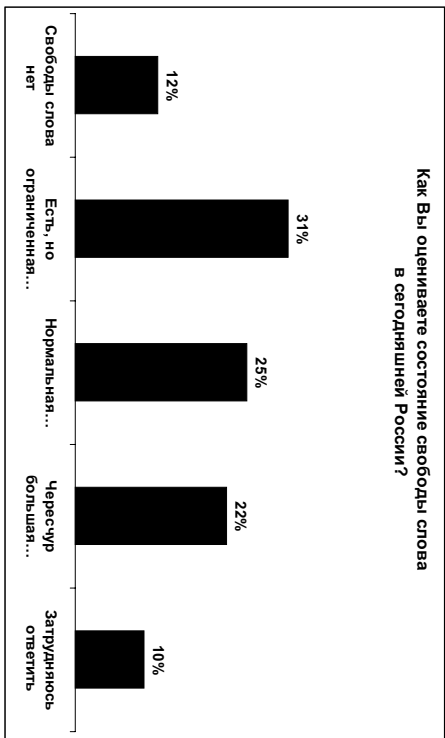
Если защита от всего этого — прямая обязанность родителей (за неисполнение которой они могут быть привлечены к уголовной ответственности), то чем оправдано Ваше, Игорь Моисеевич, суждение, что в нынешних условиях, когда весь наш народ находится в подобном «несовершенном состоянии», лишенный элементарного духовного воспитания, когда он не осознает угрожающих ему и нашей стране опасностей, тем более в условиях целенаправленного разложения, — что такой народ способен сам проявить рекомендацию Вами «крепость Веры», которая «проверяется только способностью устоять перед соблазнами грешного мира»?..

Чтобы в таком опасном мире самому прийти к Богу — надо прежде всего узнать о Боге и изучить Его Закон. Чтобы иметь силы самостоятельно противостоять греху и джи — надо прежде всего усвоить добородетель и Истину (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Государство и церковь — родители, долг коих состоит в бережной опеке неразумных людей, всегда готовых направить свою свободу ко злу. Из такого хода мыслей все снова и снова рождается представление о государстве как «единственном европейце», вносящем просвещение и цивилизацию в темную, наивную, неиспорченную народную массу. Хотя почему-то не встречается концепция церкви как «единственного православного» на погрязшей в атеизме и язычестве, наивной и беззащитной перде соблазнами Руси. Что ж, значит, православных много, а европеец один...

Эта точка зрения говорит, что только государство, поддерживаемое и направляемое церковью, может взять на себя ответственность сообщить народу те или иные знания — не тогда, когда эти знания появятся в мире, а когда народ, по мнению родителей, созреет. Только государство и церковь могут разрешить ту или иную деятельность, когда народ внутренне дорастет до нее. Неорганизованные попытки узурпировать эту педагогическую власть церкви и государства со стороны интеллигенции встречаются в лице этой концепции сильное противодействие. Интеллигенция не имеет санкции на просветительскую деятельность, она самочинна, безответственна, безверна

и, даже подвигаемая лучшими намерениями, может быть только развратителем невинного и тысячекратными несовершенного народа, а не богатым родителем-педагогом.

Издавна интеллигенция сражалась с этой патерналистской точкой зрения, утверждая свое право на свободу слова и свободу просвещения. Усомнилась она в этом праве в «Веках»: в самом деле, ее право на просвещение и свободу ограждалось той самой патерналистской властью, которая — неохотно и поневоле, но реально защищала интеллигентов от воинствующего невежества толп. Интеллигенция усомнилась, но и только: признать за церковью и государством право на решение всех вопросов народного просвещения она не могла. Кто был прав в этом споре, установить трудно: буйство толп смело как патерналистскую власть (недостаточно патерналистскую? и избыточно?), так и свободолобивую интеллигенцию. По-видимому, речь здесь может идти не об «объективном положении дела», не о том, как должно быть устроено просвещение «в идеале»: решение дается принятием ответственности. Власть, интеллигенция и народ должны принять ответственность за распределенное просвещение, за то, как оно распространяется, и то, каким образом оно применяется. Если хоть один из субъектов безответствен, добра не жди.

Концепция «народа-ребенка», высказанная на нашем форуме М. Назаровым, вызывает возражения.

И. Яковенко

В соответствии с замыслом Создателя, человек по своей природе свободен. Это не благо и не достоинство. Скорее это бремя, но бремя неотделимое от человека, ибо свобода атрибутивна. Свобода выбора — условие спасения души и обретения жизни вечной. Условием Страшного суда являются дела человека — то есть сумма поступков, результаты нравственно значимого поведения, разворачивающегося на всем пространстве человеческой жизни.

Человек свободен, а значит и ответственный, таков Промысел. Тот, кто дедеперирует свою свободу/ответственность кому-либо, — раб, подьяремное быдло, добровольно слагающее с себя звание и достоинство человека.

.../ Человек должен иметь выбор и в собственности духовной сфере. А это значит, что рядом с православным должны стоять старообрядческий, католический и лютеранский храмы, мечеть и синагога, протестантские молельные дома. Могут и должны иметь место самые экзотические храмы и общины, если у этих верований есть приверженцы. В конце концов, должно стоять капище, виноват, горком партии товарища Анпилова. Если же человек *лишен выбора* своих религиозных убеждений, то ни о каком спасении его души речи быть не может. Вот на каких соображениях покоятся отторгаемые господином Назаровым основания «терпимости, уравновешивания добра и зла, демократическая реальгия «плюрализма» (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Конечно, отстаивание индивидуальной свободы — мысль вовсе не новая. Она с достаточной силой высказывалась еще на прошлой волне вестернизации.

Н.М. Карамзин. 1825. Мысли об истинной свободе

Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе, с помощью божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к правдивую!

Это противостояние представляется достаточно понятным. Однако интересно, что представления о народе-ребенке вовсе не являются достоинством «охранительской», почвенной мысли.

В.Г. Белинский. 1848. Сельское чтение

Личность вне народа есть призрак, но и народа вне личности есть тоже призрак. Одно уславливается другим. Народ — почва, хранящая жизненные соки всякого развития; личность — цвет и плод этой почвы. Развитие всегда и везде совершалось через личность, и потому-то история всякого народа похожа на ряд биографий нескольких лиц. .../ Но еще больше ошибаются те, которые думают, что народ нисколько не нуждается в уроках образования...

ных классов и что он может от них только портиться нравственно. /.../ Народ — всегда ребенок, всегда несовершеннолетен. /.../ просвещение и образование никогда не могут лишить народ его силы и очень могут исправить или по крайней мере смягчить его недостатки.

А.И. Герцен. 1850. Письма из Франции и Италии

Но критика и сомнение — не народны. Народ требует готового учения, верования, ему нужна догматика, определенная мета. Люди, сильные на критику, были слабы на создание, народ слушал их, но качал головой, и чего-то все доискивался. Во всех новых утопиях было много развещающего ума и мало творческой фантазии. Народы смилком поэты и дети, чтоб увлекаться отвлеченными мыслями и чисто экономическими теориями. Они живут несравненно больше сердцем и привычкой, нежели умом, — сверх того, из-за нищеты и тяжелой работы так же трудно ясно видеть вещи, как из-за богатства и ленивого пресыщения.

Этим западникам возражали другие западники.

Н.Г. Чернышевский. [1950]. Суеверие и правила логики

Как вы хотите, чтобы оказывал энергию в производстве человек, который приучен не оказывать энергии в защите своей личности от притеснений? Из предствления о сщепленности устроений народных возникла мысль о том, что сложившийся общественный организм надо изменить.

В.А. Соловьев. 1888. Русская идея

Религиозное и умственное освобождение России есть в настоящую минуту для нашего правительства дело такой же настоятельной необходимости, каким тридцать лет тому назад являлось освобождение крепостных для правительства Александра II.

Права, Соловьеву только в страшных снах виделось, что «религиозное и умственное освобождение России» будет производиться большимиками. Он же не имел в виду, что рели-

гиозное освобождение будет реализовано как воинствующее безбожие, а умственное освобождение — как диктат марксизма-ленинизма. Это его вина, что он не имел этого в виду? Или в этом сказались как раз недостаточность религиозного и умственного освобождения?

Какая неприятная неожиданность — из лучших побуждений на свободу народа-ребенка накладываются сильные ограничения. Этот иезуитизм, который полагает, что несмышляемый народ смеет вести к счастью в цепях, с горечью описывал Г.П. Федотов.

Г.П. Федотов. 1940. Федерация и Россия

Есть один элемент христианской культуры, нам всем дорогой, любовно выращенный в петербургский период нашей истории и теперь выкорчеванный без остатка. Это свобода, которая с таким трудом пробивалась в крепостнически-самодержавном царстве, но наконец сделалась неотъемлемой частью русской жизни. Эта свобода целиком выросла на почве западной культуры как результат сложного взаимодействия духовных сил. В византийски-московской традиции у нее не было никаких корней.

Итак, наша свобода выросла на почве западной культуры. А откуда она взялась на Западе?

Г. Зиммель, 1996. Индивиду и свобода

Общим для всех европейцев является мнение, что эпоха итальянского возрождения создала то, что мы называем индивидуальностью. При этом подразумевается внутреннее и внешнее высвобождение индивида из средневековых общинных форм, которые привязывали к нивелирующим коллективам жизнь, деятельность и основные побуждения индивида. Этим спиралью очертания личности, а потому сдерживалось развитие ее свободы, неповторимости, ответственности за саму себя.

Итак, свободная личность родилась в Европе с разложением общины, в Европе это случилось к XV веку, а у нас, по Г.П. Федотову, — в петербургский период истории, т.е. в XVIII веке. Если свобода появляется с разложением общины, а русский народ наделен особым коллективизмом (см. раздел «Об-

шинность и коллективизм» в данной главе), то ясно, что свободы у нас меньше, чем в Европе. Далее можно спорить, к добру это или к худу, ведь если община — это в каком-нибудь отношении «хорошо», то в этом отношении «свобода» будет чем-то «плохим». Впрочем, дело еще сложнее. Мало того, что свобода у нас появилась позднее, чем в Европе, и развивалась в меньшей степени, так еще можно высказать мнение, что сам процесс развития свободы шел у нас в обратном направлении.

Г. П. Федотов. 1945. Россия и свобода

Весь процесс исторического развития на Руси стал обратным западноевропейскому: это было развитие от свободы к рабству. Рабство диктовалось не капризом властителей, а новым национальным заданием: создания Империи на скудном экономическом базисе. Только крайним и всеобщим напряжением, железной дисциплиной, сгранными жертвами могло существовать это нищее, варварское, бесконечно разрастающееся государство.

Тем самым тема свободы сплетается в одно целое не только с темой «общинности», но и с темой «державности». Это в такой постановке не блок вопросов, а единый вопрос. Не исключено, что это единство во многом консолидирует противостоящие лагеря западников и почвенников. Те и другие одинаково уязвимы оценочный знак над этой спайкой. Одним милее свобода, другим — община, одним — империя, другим — личность... Но ведь возможен и такой вариант, при котором эти вопросы будут не так жестко сцеплены. Ведь можно — хотя бы теоретически — ставить вопрос о том, что для истинного развития империи нужна свобода или что община и свобода — по крайней мере, в некоторых ситуациях — не антонимы. Разумеется, все эти позиции были высказаны, но на нашем форуме тема свободы большого развития не получила. Вряд ли потому, что «вопрос решен», — скорее, «уехали спорить».

Конечно, представление Федотова о таком направлении развития России — от свободы к рабству — вызвало большое количество возражений. При этом, однако, обращает на себя внимание то, что мысль о «цене империи» — несвободе — встречается гораздо меньше возражений. Видимо, многие спорящие не соглас-

ны признавать уменьшение свободы в России «бесплатно», просто как констатацию факта. Однако, когда этот не очень приятный факт поставлен в связь с ценными и описываемым как положительное явление — ростом русской государственности, тогда, в качестве цены за прогресс и развитие, он принимается.

Г. П. Федотов. 1938. Завтрашний день

Для многих важнее не свобода, а символы, во имя которых попирается свобода. Они предпочитают символу пролетариата, дуглавый оред — серпу и молоту. Вот и все.

В 1938 году это «вот и все» звучало окончательно. И в 1958-м. И в 1988-м. А сейчас? Нет серпа и молота. Мы зашли в зазеркалье, за «все» Федотова, за «конец сказки». Можно ли сказать, что та «страшная сказка», которую рассказывала история (или мы рассказывали историй?) — и которую переказал Федотов, — действительно закончилась? Что, много появилось людей, которым свобода милее символов, «во имя которых попирается свобода»? Или все же сказка продолжается, и от цитаты Федотова осталась верным последнее предложение?

Можно подвести некоторые итоги разговора о ценностях. Хотелось бы обратить внимание вот на какой факт. Участники диалога вели себя культурно, избежали личных оскорблений и унижающего отношения к ценностям друг друга. Однако это имело некоторые неожиданный эффект: можно было заметить, что при такой обстановке некоторые темы в диалоге не обсуждались. Например, очень многие вопросы, затронутые в диалоге, непосредственно выводят на ценности христианства. Если кто-либо из спорящих допускал подобные сильные аргументы, на них не отвечали. Видимо, разногласия по этим вопросам настолько сильны, что в рамках модели «культурного спора» эти темы представлялись опасными. То есть некоторый круг тем, причем очень важных, просто выпал из диалога по причине «культурной формы» ведения дискуссии. Участники, по-видимому, в ее рамках не находили возможным касаться этих вопросов. Это является косвенным указанием на то, что вопросы эти стоят очень остро: о них нет возможности говорить, никакая, даже самая вежливая, форма высказывания не кажется гарантией от обострения разговора.

Глава 3

Россия и Запад

Мы видели, что с половины восемнадцатого века просвещение в Европе приняло направление, противоположное прежнему.

И. Киреевский

Запад: вид с Востока.

Учимся у Запада — учим Запад

Довольно естественно, что одной из важнейших тем разговора западников и славянофилов является Запад (и с другой стороны — Россия, см. раздел данной главы «Что такое Россия?»). Запад открывается как учитель — и как враг, как удачливый партнер — и как тушкоровый вариант развития. При этом Запад — название очень высокой степени обобщения, Запад очень разнообразен. За последние века он расширился — еще лет триста назад он, похоже, не включал Германию, а сейчас в некоторых аспектах в него можно включить Японию. Запад долгое время ассоциировался с Европой — а сейчас едва ли не большинство высказываний о Западе относится к США.

Поэтому спектр обсуждаемых вопросов по этой теме очень широк. Как относимся мы к Западу? Как он относится к нам? Чем он является на самом деле? Как он сам себя представляет? Какова структура Запада, каковы его существенные части? Что именно привело Запад к лидирующей позиции — и является ли она в самом деле лидирующей? Достаточны ли наши знания о Западе для наших целей — в чем бы они ни состояли (для обучения, для противостояния, для сохранения себя, для обмана)? В данной дискуссии была поднята интересная тема — «о субстанции и акциденции» Запада. То есть существует нечто

основное и важное в понятии «Запад», о чем мы и говорили, когда идет речь о модернизации, о «тонке за Западом», об обучении у него. И есть вещи случайные, существенные какой-то стране (странам) Запада или какому-то этапу его развития, — и в таком качестве нас не слишком интересующие. Сюда относятся и вопрос о «западных ценностях». В таком разговоре о «структуре Запада» и случайных его качествах речь идет о том, являются ли основными для Запада свойствами свобода, достаток — или материализм, бездуховность? Или они дополняют друг друга и достоинства Запада неразрывно связаны с его недостатками? Является ли важным для понятия «Запад» развитие культуры и науки — или это как раз случайное и временное следствие развития по каким-то иным показателям? Прежде всего представим точку зрения внешней критики западничества, где Запад выступает как враг, обреченный в особом конечном смысле на поражение. Сами западники при этом естественно становятся в лучшем случае бессмысленными орудиями, в худшем — сознательными предателями интересов России.

М. Назаров

В слове «Запад» я тоже вкладываю не географический смысл, а духовный, ибо эта цивилизация лишь формально возникла в Западной Европе (духовные истоки этого процесса я отмечу далее), а основной свой оплот создала из денационализированных осколков разных народов на американском континенте, кроваво расширенным от аборигенов и обреченном трудом завезенных из Африки рабов. Затем эта упростившаяся и декристианизированная «западная» цивилизация стада, говоря словами А. Тойнби, «прижимать к стенке» все остальные самобытные культуры по всей планете, да и саму Европу. Так что в той или иной степени к этому «Западу» сегодня частично принадлежат, например, даже такие страны, как Турция и Япония — в лице их правящего слоя и экономической системы. И, конечно, Израиль как главный по влиянию «плат США».

.../ Развитие этого «беззакония», начатое падшими ангелами, соперничали с Богом за власть над человечеством, постепенно под их влиянием

захватит даже христианские народы, которые к концу истории дехристианизируются — этот процесс в Священном Писании назван «апостасией» (отступлением). И вот, с точки зрения православного почитания, западная христианская цивилизация уже свободно и далеко ушла по этому пути, став «постхристианской»: она опраничивает свои цели лишь материальными рамками земного мира и занята вопросом господства над ним (в этом плане марксистский коммунизм представляет собой всего лишь не свободный, а насильственный вариант западного материализма) (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

Такого рода высказывания вызвали понятную реакцию со стороны западников и некоторых почвенников: они выступили против образа Запада-врага. Западники при этом указывали на помощь Запада, оказанную развитию России, — в основном на помощь западной культуры.

В результате образуется плотный слой разговоров о Западе — с его критикой, антикритикой, восхвалением, опровержением и т. д. Эмоциональная реакция на эти разговоры о Западе звучит следующим образом.

Д. Аннинский

Запад какой? Американский? Английский? Испанский? А может, японский?

Нет, это я извиняюсь! И прошу внятно объяснить: что за почва? Аверинцев, умеющий прятать яд под академической тогой, говорит: «Я среднеземноморский почвенник». Его — в какое кресло сажать? (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

Неудовлетворительность разговоров о Западе как о едином целом подтвердили и другие участники форума.

В. Межуев

Нынешним западникам и почвенникам следует для начала договориться о том, что они называют Западом. Возможно, они видят в нем не то или только часть того, чем он в действительности является. Ведь Запад неоднороден, многолик, внутренне противоречив и конфликтен. Пытаясь разобрататься в своем

отношении к нему, мы не дали миру своего Адама Смита или Карла Маркса, не роилим собственную теорию Запада. Свое представление о Западе мы большей частью заимствовали у самого же Запада. Одним он нравился в исполнении французских просветителей, другим — немецких романтиков, третьим — европейских социалистов. Сегодня у наших западников он популярен в изображении чикагских монетаристов. Но ведь это разные Запад, не тождественные друг другу. С каким из них мы хотим иметь дело? Русский спор об отношении России к Западу — это в значительной мере продолжение спора Запада с самим собой (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

Тем самым выясняется, что столкновение Запада и Востока в большей мере — внутренний спор универсального и многоликого Запада. Отдельные позиции саморефлексии Запада, попадая в Россию, окрашиваются почвенными тонами. Тогда спор западников и почвенников — это спор людей одной культуры, которую можно назвать западной, можно — западной, а можно — русской; в этом споре есть разные позиции, но почва у спорящих под ногами одна.

В. Межуев

Запад эпохи модерна, существует для меня (в теории, конечно) в трех основных ипостасях — либеральной, консервативной и социалистической (или социал-демократической). Все они постепенно трансформируются под воздействием происходящих научно-технических и социально-экономических перемен и по-своему (часто с большими искажениями) воспроизводятся в сознании нашей политической и культурной элиты. Между ними, разумеется, существует множество переходных ступеней, но только все они вместе дают целостное представление о Западе. /.../ Западная демократия и есть состояние постоянного диалога между разными идеологиями, причем каждая из них имеет равный шанс на общественное признание и, следовательно, на власть. Там, где такой диалог имеет место, Запад сохраняет свое лицо, а там, где он прерывается в

пользу одной из сторон, это лицо теряется. США, политически нетерпимые к левой идеологии, для меня, например, — менее Запада, чем Европа (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Из такого рода рассуждений выявляется позиция, согласно которой весь спор западников и их противников — порождение западной культуры; подобно тому, как истоки западнического и почвенного мировоззрений уходят на Запад, так и современные позиции спорящих по большому счету западны. Спор этот вести можно и нужно, но ни о каком противостоянии Европе речь в нем идти не может — поскольку любые, сколь угодно критические позиции есть всего лишь этапы саморефлексии Европы.

В. Межуев

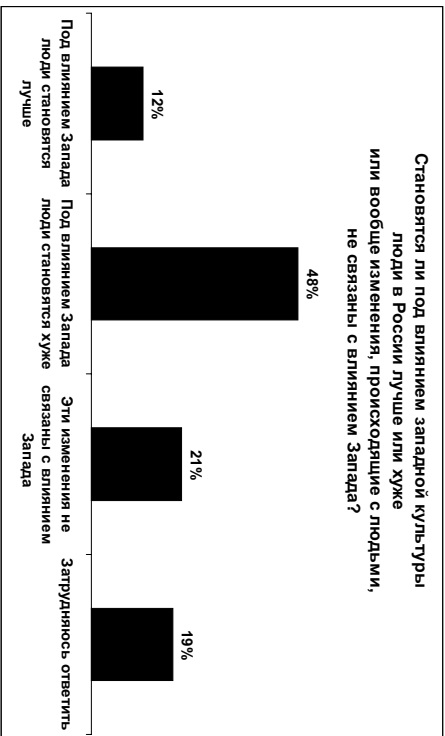
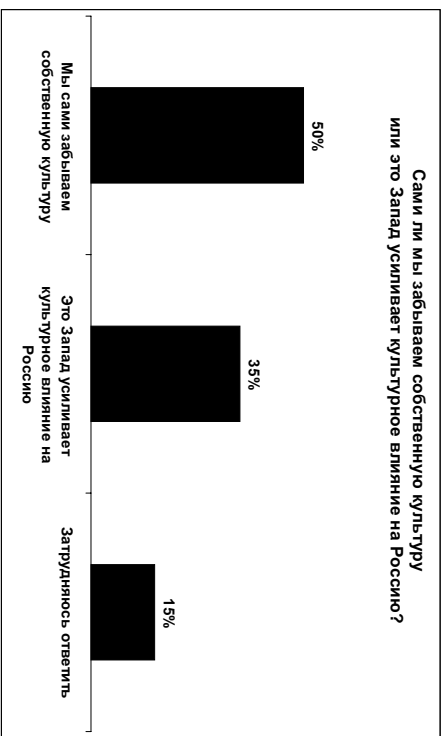
Запад — не та или иная идеологическая догма, а состояние развития, самоизменения и, следовательно, самокритики, самопреодоления себя, если угодно, состояние постоянной неудовлетворенности собой, рождающее каждый раз проблему связи настоящего с прошлым и будущим. /.../ Быть западником равносильно для меня тому, чтобы жить в истории, в историческом времени, а не просто в раз и навсегда организованном по меркам той или иной идеологии социальном пространстве (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

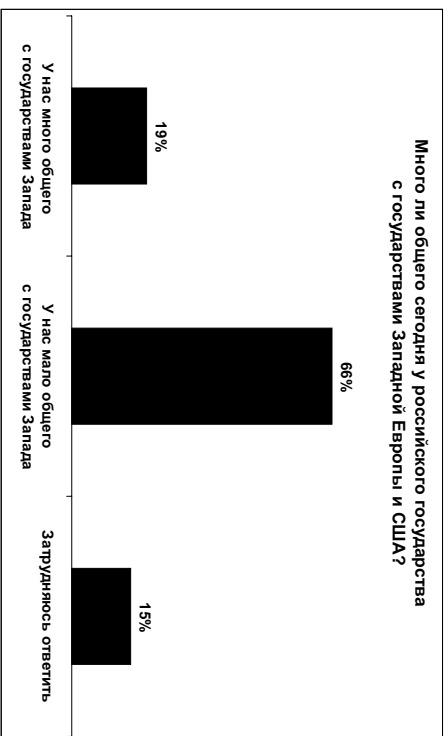
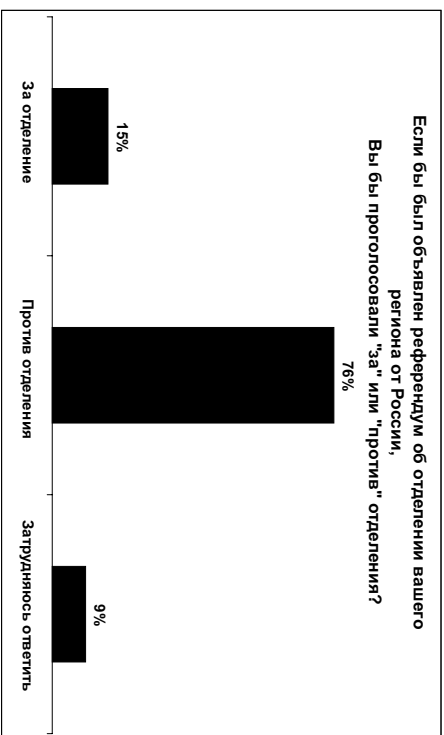
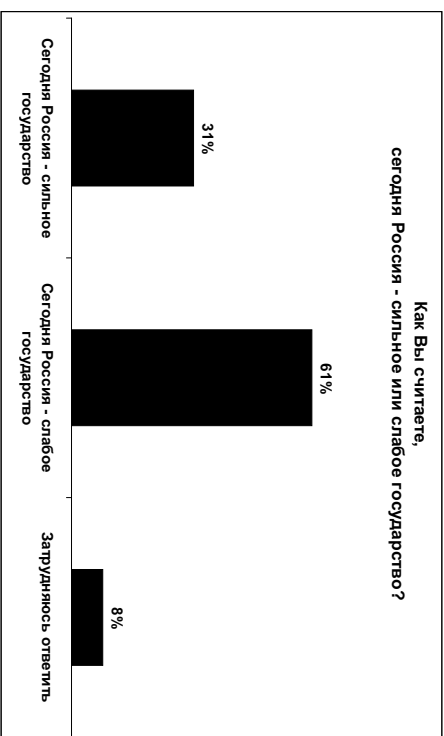
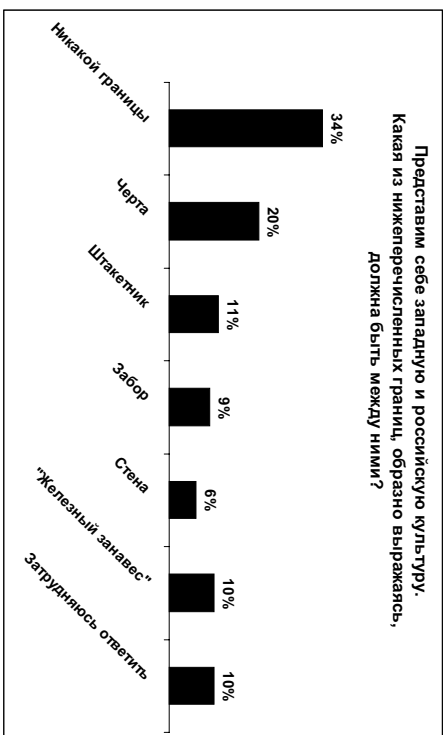
Эту позицию А.М. Баткин концентрирует до формулы.

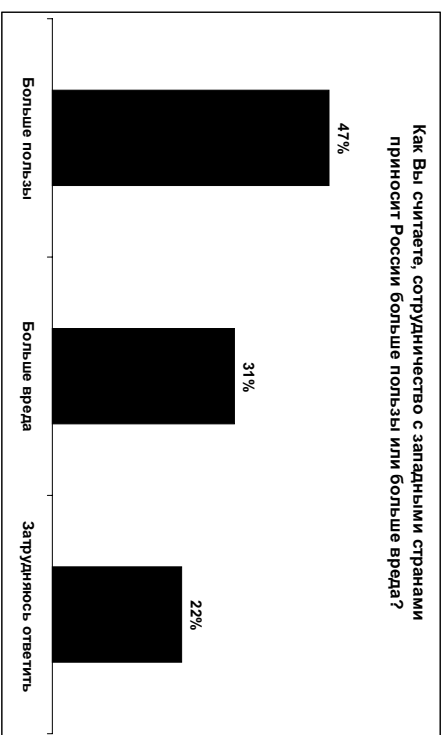
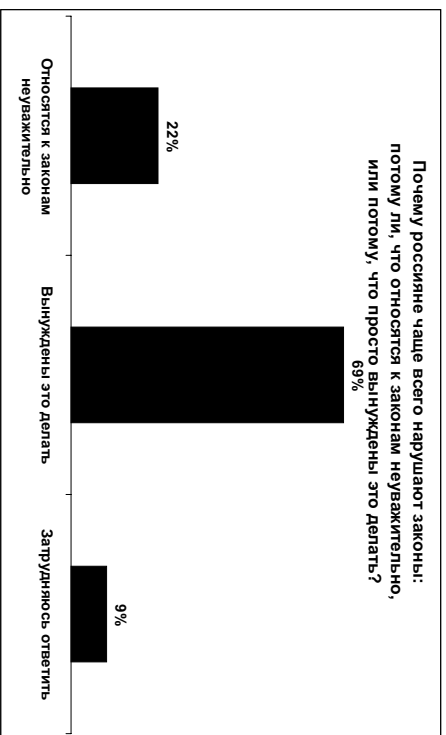
А.М. Баткин. 2001

Несколько нудных замечаний в ответ на увлекательные «детские» вопросы.
Опозция «Запад-Восток» возникает только на «западной» почве. Способность видеть себя со стороны, не совпадать с собой — фундаментальное и системобразующее качество именно европейца. Поэтому быть русским — значит быть европейцем на пределе европейского, европейцем вавоине. И быть европейцем в России — значит пробаематизировать и с величайшим драматизмом обдумывать свою русскость, быть русским вавоине.

В. Межуев

Если уж учиться у Запада (а учиться надо — в этом я согласен с западниками), то прежде всего его способности быть критичным к самому себе, его умение видеть в своих оппонентах не врагов, а собственные идейные порождения, с которыми так или иначе надо считаться.

.../ Европейски образованными людьми нас дает не знание лишь одной европейской культуры, а знание любой культуры (и не только культуры), коь скоро оно получает научную форму. Сутью европейского образования является превращение всего и вся в предмет знания, передаваемого от учителя к ученику посредством научных понятий и символов. Язык науки — один для всех, а люди науки, даже принадлежа к разным культурным мирам, как бы образуют собой единое сообщество. Образование, соответствующее европейским стандартам, заставляет людей, получивших его, во многом смотреть на мир глазами европейцев (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Сходную точку зрения — относительно общей для русских и европейцев общеевропейской культурной почвы — высказывали «старые» славянофилы.

И. Киреевский. 1830. Обзорение русской словесности 1829 года

Совместное действие важнейших государств Европы участвовало в образовании начала нашего просвещения, приготовило ему характер общеевропейский и вместе дало возможность будущего влияния на всю Европу.

К той же цели ведут нас гибкость и перемчивость характера нашего народа, его политические интересы и самое географическое положение нашей земли.

Из этой красивой позиции хорошо описывается свой русских образованных людей — «аважды европейцев» и «аважды русских». Русская интеллигенция — «аваждырожденные», наши русские брахманы, ведущие народ к просветлению и в то же время превосходящие западных интеллектуалов духовностью и опытом решения небывалых задач. Однако что можно сказать из этой

позиции о русских необразованных людях? До высказывания такой позиции о них можно было говорить просто как о русских, но теперь, после появления на сцене «потенцированных русских», «русских дважды», оставшиеся необразованными переходят в категорию «неорусских», «русских всего единожды». Солданы ли «необразованные русские» признать себя в таком качестве?

Эта последовательно изложенная позиция встречается, однако, не только внешне, но и внутренне выражения. Оно из таких возражений может быть следующим. На основании приведенных мыслей можно выстроить следующую идею. Россия обогащена опытом Запада и хранит собственные корни; Россия выступает как синтез Запада и Востока; в ней сокрыто будущее: изучая опыт различных культур, Россия вбирает в себя культуру человечества и в дальнейшем самые разные цивилизации должны будут учиться у России этому всеединству.

Эта позиция может быть развернута, но при обосновании ее следует сказать, каким образом поступать со сходными взглядами других западных культур? «Вивекананда хочет «революционизировать весь мир» с помощью вечных истин, которыми обладает Индия. По словам Ауробиндо Гхоса, Индия держит в своих руках ключ к прогрессу всего человечества» (А. Швейцер, 2002. С. 243).

Тезис Межуева — учиться западному многообразию — может быть развернут и в другую сторону, и тогда он звучит воплосом к западникам, который формулировал В. Федотова.

В. Федотова

Ситуация же, повторяю, изменилась таким образом, что сегодня сам Запад меняется и никто не знает, какую фазу западного развития надо догонять, даже если поддерживать «западных» взглядов. /.../ Капитализм западного типа может зародиться только при наличии протестантской этики, а остальные типы капитализма основаны на наживе, жадности, нечестном приобретении дохода, воровстве, грабеже, войне (Клауд Амурис: Социум, 2001).

Тут, конечно, можно поинтересоваться, когда Япония успела сменить синтоизм на протестантизм — или же ее удивительное

развитие основано на жадности и воровстве. Однако оставим этот центр мысли В. Федотовой в ином. Межуев призывает воспронести западное многообразие, а Федотова указывает, что Запад при всем своем многообразии весьма целенаправленно изменяется. И что важнее — тот идейный спектр, который осуществлен на Западе, или та конкретная траектория развития, по которой движется Запад? Или это связанные вещи, так что, приобретая многообразие Запада, мы с гарантией начнем двигаться так, как он? Более подробно эту точку зрения раскрывает А. Уткин.

А. Уткин

Я считаю западником. Но я — западник-скептик, всевозв воспринимаящий аргументы тех, кто полагает, что русскому человеку стать западным невозможно. Чтобы им стать, необходим определенный ментальный код, необходимо иное, чем у нас, восприятие жизни. Запад — не географическое понятие, а состояние ума. Это представлявание о том, что жизнь — это своего рода путешествие, которое надо тщательно спланировать, организовывать. И непременно осуществлять — не обязательно в вагоне первого класса, но так, чтобы оно было плодотворным, даю какие-то результаты.

Россия не пережила трех основных революций, которые в свое время потрясли Запад и сделали его Западом. Ей крайне трудно «становиться» Западом, не пережив Ренессанса. Облик Ренессанса — Кремль, но это только облик, Фираванти не отпустили домой, и он его создал здесь... Другая революция, сделавшая Запад Западом, — Реформация. Она привнесла глубочайшее осознание того, что взаимоотношения с Богом — это твое личное дело, что в конце концов ты не можешь все переносить на церковь, ты должен сам определяться. Не пережив этого культурного потрясения, нельзя стать Западом, нельзя мыслить и чувствовать, как мыслит и чувствует западный человек. Наконец, третья из основных революций, сделавших запад Западом, — европейское Просвещение с его культом разума, научного знания и рациональности.

Запад — это территория, где на душу населения приходится 25–30 тысяч долларов в год. Если мень-

ше, то это уже не Запад. Анклавы Запада есть сегодня в Польше, Чехии, Словакии, Словакии, где доход на душу населения меньше, чем 20 тысяч. У нас — две тысячи. И, тем не менее, даже в этом плане нам есть что терять: ведь средняя цифра годового дохода во всем западном мире — одна тысяча долларов (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

Итак, позиция развернутого, дифференцированного представления о Западе завершается новым синтезом этого понятия. Запад уже не географичен и не-культурен: он прежде всего богат. Как же можно охарактеризовать *отношения* России с этим «новым» Западом?

А. Уткин

Обозревая весь одиннадцатилетний посткоммунистический опыт взаимоотношений России и Запада, трудно не прийти к прискорбному выводу, что западной дипломатии, похоже, *чужда благодиристия неведомо* (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

Пожалуй, если исключить детали, отношение к «новому Западу», по сути, остается тем же, что и к Западу, понимаемому традиционно. Позиция А. Уткина обосновывается самыми последними крупными фактами политической жизни, основана на опыте 1990-х годов, но оказывается, что переформулирование понятия Запада, выработка нового к нему отношения — и репродуцирование прежней позиции, — весь этот ход мысли был выказан уже давно.

С.А. Франк. 1924. Крушение кумиров

Когда теперь мы, русские, материально и духовно обнищавшие, все потерявшие в жизни, ищем получения и осмысления у вождей европейской мысли, у которых большинство из нас привыкло раньше учиться, мы, заранее склонные к смирению, всегда чужды национального самонения и менее всего способные на него в эту несчастную для нас эпоху, с изумлением узнаем, что собственно учиться нам не у кого и нечему, и что даже, наученные более горьким опытом наших несчастий, испив до

ана чашу страданий, мы, пожалуй, сами можем научить кое-чему полезному человечеству.

Нечто схожее можно обнаружить и еще сотней лет раньше.

И. Киреевский. 1832. Десятилетный век

В целой сфере умственного развития Европы новые успехи хотя были последствием прежнего развития, но, несмотря на то, принимали характер противоположный ему и с ним несоместный.

Тем самым, представление о Западе, которое вырабатывается в современных дискуссиях, сложилось уже очень давно. Еще в начале XIX века высказывалась мысль, что Запад не преуспевает собой безусловного единства, что мы должны учиться у Запада и «догонять Запад», но тот Запад, у которого мы должны учиться, есть одна из стадий реального Запада. При этом Запад так развился, что скорее отрицает то свое состояние, которое мы выбрали для себя путеводительным. В связи с этим регуляторно возникают следующие заявления.

А.С. Изгоев. 1918. Социализм, культура и большевизм

Русскому обществу систематически прививали и продолжают прививать ложные представления о европейской культуре.

Такие обвинения встречаются довольно часто — как указание на незнание той или иной спорящей стороной «настоющего Запада». Какая бы стадия Запада ни была выбрана для подражания в качестве образца, всегда можно указать на следующую, «действительно современную» стадию, которая будет более или менее значительно отмицаться от «слепка», сделанного познанным созданием. При некотором полемическом задоре или соответствующем умонастроении это несоответствие можно выказать как обвинение в сознательной лжи.

Далее эта мысль естественно развивается к тезису, что наше почвенничество заимствовано с Запада. Оно — как и западничество — представляет собой одну из стадий западного развития, предвещающую по отношению к той, у которой заимствуют западники. Более того, Запад продолжает меняться, и может возникнуть ситуация, когда почвенники будут более современ-

ными по западным меркам, чем западники, — т. е. западники будут копировать более старую стадию развития Запада, чем почвенники.

Для современности эта идея в нашем диалоге высказана В. Межуевым (выше), когда он говорит об общевропейском (западническом) субстрате нашего образования. Однако уже давно и очень конкретно эту мысль высказал Вл. Соловьев.

Вл. Соловьев. 1888. Русская идея

В России идеи Борда-Демулена были восприняты Хомяковым, который положил своей выдающийся талант на популяризацию этих идей, придав им ложную видимость греко-русского православия.

Речь здесь идет о французском писателе 1830–40-х годов, книги которого произвели большое впечатление на Хомякова. Интересно, что французский пример произвел большое впечатление и на современного участника Дискуссии: Г. Померанц рассказывает, как современная французская культура яростно сопротивляется «американизму» и демонстрирует современную почвенную реакцию западной страны на «новый Запад», наступающий из-за океана.

Следующая стадия развития той же мысли о единстве русской и западной культур, о западных корнях почвенничества в России — указание на то, что судьба России является в определенном отношении пророческой для судьбы Европы. В самом деле, если мы — с запозданием и искажениями, с накадами, но все же повторяем в своей истории перипетии западной судьбы, то и провалы и опасности нашей истории не могут не иметь отношения к развитию Европы. Они могут остаться для Запада неосуществленными возможностями, некоторой «альтернативной» историей Запада, но не должны восприниматься как нечто, к чему Запад не имеет отношения. В определенном смысле это повторение идей ранних марксистов о мировой революции; тенденции, проявляющиеся в истории России, именуют корни и на Западе.

Г. Померанц. 1994. Выбор ХХI века

Благодаря учие Запада держится на хороших привычках, сложившихся до ХХ в., на привычках дисциплины труда, ответственности, уважения к зако-

ну. Однако опыт нашей страны показывает, что все привычки могут быть расшатаны за исторически короткий срок, за несколько десятков лет.

Г. Померанц. 1972–1991. Долгая дорога истории

Постмодернистская Европа освобождается от «бремени белого человека», смотрит на Новое время со стороны, видит его ограниченность и готова учиться у примитивных и архаических культур,шедших другим путем. Запад хочет остановиться и отдалиться и использовать досуг, который ему дадо развитие, для поисков духовных ценностей, которые буржуазное развитие скорее отнимало. Но история не дает остановиться, Восток, распеделенный, вступивший на путь модернизации, корчится в мучках социальных и национальных конфликтов, не дающих покоя ни ему, ни остальному миру. Водны ксенофобии бегут назад, к рубежам, у которых они некогда родились, вызывая и здесь откляки — воспоминания полумертвых антагонизмов: фламанско-валлонского, шотландско-английского.

В одной из своих работ Г. Померанц дает ответ на вопрос, имеющий прямое отношение к нашему Диалогу: почему в России такой разнородной мнений, почему все со всеми несогласны? Он видит причину в скопленном идейном развитии России — по отношению к более гладкому и естественному развитию Запада. Развертывая эту мысль, можно сказать, что при жизни одного поколения в России выступают все стадии жизни идей Европы. «Чистый» традиционализм (т. е. не подозревающий о существовании Запада), непросвященное почвенничество (т. е. уже в отношении к Западу), просвященное почвенничество (ищущее синтеза с Западом), наивное западничество (передавать всех под шаблон Запада, вестернизация), ожегшееса западничество (модернизация), вторичный изоляционизм (западничество, ушедшее в изоляцию из-за неверия в возможность преобразования), глобализм и еще ряд постмодернистских позиций — все они сосуществуют в сообществе идей России, у всех есть основания для жизни. Они составляют некоторое идейное сообщество, в котором одни идеи являются естественными «жертвами» (например, доля чистого традиционализма

сокращается, как и доля найвного западничества), другие играют роль «хищников» в силу активного стремления убеждать и захватывать адептов (ожегшеся западничество, глобализм, просвещенное почвенничество).

Все эти мысли об отношении Запада к России оказывают большое влияние на тот образ Запада, который складывается как у западников, так и у почвенников. Тяготеющие к объективному описанию высказывания тем не менее несут на себе ощутимые следы иных концепций, определяющих Запад не сам по себе, а в его отношении к России.

Поэтому такая, казалось бы, далекая от спора западников и славянофилов тема, как характеристика Запада, признаки, специфические для его развития, оказывается тесно увязанной с нашим диалогом.

Попытки определить, что такое Запад, выявить его специфические признаки начались с самого начала диалога западников и славянофилов. Классическим является тот перечень черт Запада, который составил И. Киреевский.

И. Киреевский. 1832. Девятнадцатый век

Европа развивалась постоянными действующими стихиями /.../. Стихии сии можно поделить к трем началам: 1-е — влияние христианской религии; 2-е — характер, образованность и дух варварских народов, разрушивших Римскую империю; 3-е — остатки древнего мира. /.../ Классического древнего мира неоставало нашему развитию.

Этот список многократно воспроизводился многими мыслителями, в разных выражениях отмечались эти черты Запада: христианство, специфические черты германских народов, культура античности, в первую очередь — римское право. Здесь же Киреевский указывает на основную черту, отличающую Россию от Запада, — отсутствие античного наследия. Эта мысль потом также неоднократно повторялась, вплоть до Г. Федотова, который выстроил целую концепцию о влиянии того факта, что Библия была рано переведена на славянский язык. В результате на Западе вынуждены были учить латынь и греческий, чтобы читать Библию, и в качестве «подготовительных сочинений» читали Аристотеля и Цицерона, а в России обращались прямо к Библии, теряя этот «урок» античной образованности.

Традиция перечисления этих отличительных признаков Запада идет до наших дней.

Ю.Ф. Самарин. 1847. О мнениях «Современника», исторических и литературных

Сколько нам известно, Лизо первый понял развитее всего западного мира как стройное целое. Он видел в нем встречу, борьбу и какое-то отрицательное примирение в равновесии трех начал: личности, выражаемой германским племенем, отвлеченного авторитета, перешедшего по наследству от Древнего Рима, и христианства.

В. Межуев

Общее для всех европейских культур имеет своим истоком, с одной стороны, античную философию, с другой — христианство. Оба эти начала не всегда мирно сосуществовали друг с другом, но только по отношению к ним можно судить о праве культуры назваться европейской. Причастность к тому и другому и определяет собой европейский тип культуры, что не следует смешивать ни с ее географией, ни с ее конкретным содержанием (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

В. Межуев

Историю Европы обычно подразделяют на Древнюю (античную), Средневековую и Новую, хотя Запад в современном смысле этого слова окончательно сложился только в Новое время. Первые две ступени могут рассматриваться либо как подготовительные по отношению к современному Западу, либо как относительно самостоятельные цивилизационные миры — античная цивилизация, средневековая цивилизация. Чтобы войти в Новое время и стать современным Западом, Европе, условно говоря, надо было пройти через три «двери» — через эпохи Возрождения, Реформации и Просвещения, каждая из которых явилась своеобразной ревизией античного и христианского наследия, качественно новым опытом по их освоению и синтезу (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

В. Библихин. 2002. Язык философии

Европа вышла из Средних веков не столько национально-культурно-политическим образованием, сколько историческим предпринятием. Ренессансом, замыслом апокатастасиса, восстановления целого мира в его истине. Что бы ни говорили историки-наблюдатели, Европа с тех пор /.../ — не одна из культур, а продолжающаяся память о той предельной.

В публикациях последних лет можно найти аналитические исследования, в которых «признаки Запада» даны «списком». Один из первых таких «списков» мы видели у Киреевского; приведем и более подробный вариант, который авторы назвали постулатами «метафизики» западного проекта.

Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсов. 1998. О нынешней ситуации и проблемах изучения русской истории (на путях к россиеведению)

- 1) существует некое нормативное социальное развитие, норма социального развития;
- 2) эта норма — развитие Запада: или — с капитализма, или — с феодализма, который логически «перетекает» в капитализм;
- 3) с XVIII столетия в явной, а до этого — в скрытой форме эта нормативная тенденция присутствует в развитии России;
- 4) каждая попытка реализации нормы, нормативной тенденции («как в европах») оказывается исторически недоуловенной, хотя в иные моменты кажется, что «счастье было так возможно»;
- 5) всякий раз «норма» терпела поражение от некоторой контрнормы;
- 6) эта контрнорма и становилась реальной нормой развития России, т. е. тем магистральным историческим путем, которым шла наша страна;
- 7) поскольку реальный исторический путь России оказывался контрнормой, то ему придавался статус девиантности;
- 8) норма и контрнорма получали свои псевдонимы. «Почвеннический» проект прочтения русской истории по своему существу зеркален западничес-

ки-либеральному. Тот же тип метафизики, только по закону зеркального отражения он превращает в норму некую вымышленную Россию, а ей — в качестве девиантного — противопоставит вымышленный же Запад.

Можно считать, что это не парадокс, а закономерное развитие тенденций Диалога: и представление о России, и представление о Западе объявляются ложными. Россия и Запад равно не существуют, это исторические мифы, вымысел геополитиков. Такой вывод провоцируется взаимным противостоянием западников и почвенников. Противостояние чуть не по каждому вопросу, признаку объекта, заставляет предположить вымышленность самого объекта. Реальная проблема становится мифом.

Как же выглядит Россия в нашем Диалоге — если угодно, в рамках западнически-почвенного мифа?

Что такое Россия? (Восток: взгляд изнутри)

Говорят, что я настоящий космополит: мне повсюду не по себе.

Штефан Визинци

В нашем Диалоге участники разделены на западников и почвенников. Иногда это разделение чуть условно — возможно, для некоторых участников беседы вопрос о принадлежности к тому или иному лагерю не представляется слишком важным. Однако неоспоримым остается то, что все высказывающиеся — западники и почвенники, «сочувствующие» и равнодушные, прогрессисты и традиционалисты, — все принадлежат к одной культуре. Россия проговаривает себя в мимолетах сознаний и речей. Они рисуют ее облик в этом Диалоге — и она воспроизводит себя в их речах.

Неотъемлемое свойство Диалога западников и почвенников — создание образа России. И с обеих точек зрения она отличается от Запада. Для западников отличия от Запада колоссальные; идеалом общественного устройства является

современное западное общество, и России следует изменить так, чтобы приблизиться к Западу. Запад является учителем России, которая должна придавать все силы, чтобы лучше усвоить урок.

Или же — уже усвоила? Среди отличительных признаков Запада, перечисленных в предыдущей главе, важное место отводилось Ренессансу. Иногда утверждается, что в России не было ни феодализма, ни Ренессанса. Есть и иная точка зрения.

В. Бибихин. 2002. Язык философии

Дело всеобщего восстановления так или иначе у Европы и России одно. Ренессанс /.../ был не просто перенят Россией, а укоренился на почве русского мира. Россия, какая она есть и с самого начала была, угадала себя в историческом предприятии возрождения как обязательный или даже ключевой момент. Из-за этого воссоединение с Западом приняло у нас черты ренессансизма, новования, т. е. убеждения, что без нас нельзя, без нас не вся правда.

Для многих почвенников судьбой России является противостояние Западу, построение страны иного типа, нежели западные общества. Разумеется. Стан почвенников совсем не представляет собой сторонников какого-то одного определенного «проекта». Однако существует достаточно традиционное представление о таком «почвенном проекте», которого, действительно, придерживаются некоторые участники форума. Вместе с западной демократией — православная державность, место национальной цивилизации — православная духовность. И только вместо западной экономики стоит пустое место. Экономика — ахиллесова пята не только реальной России, но и ее идеального образа, созданного почвенниками. Значит, следует подробнее рассмотреть представление о государственной сфере-то образа России, которому предлагается следовать, а также создать представление о том экономическом устройстве, которое должно соответствовать такой державности и духовности. Тогда можно будет сопоставить два общественных идеала — тот, который кажется понятным и стоит за западными обществами, и тот, еще весьма неопределенный, который должен быть построен в России. Короче, модернизация представляется

ся обычно дорогой, по которой идут в истории общества Европы, а в XX веке к ним присоединились еще несколько стран. А есть ли другая дорога или почвенное мировоззрение оканчивается на отстаивании существовавшего в прошлом и ничего не говорит о развитии?

Можно видеть, что «западники» чаще говорят о том, как страшно жить в России, как тяжела и беспросветна ее история, как мало у нас надежда на лучшее будущее. Почвенники же относятся к тем же событиям, которые доставляют западникам столько огорчений, с оптимизмом — если и не нахвалявают то, что составляет «ужас западников», то обращают внимание на положительные стороны, указывая, что хорошего эти ужасы принесли в народную жизнь (хотя бы — опыт или душевную глубину), а то и просто обращают внимание, что и тогда люди жили, и часто неплохо жили, если знать, на что в их жизни взглянуть. Конечно, дело совсем не в том, что наши почвенники все как один оптимисты а западники — пессимисты, дело вовсе не в «психологическом типе». Скорее, можно сказать, что мировоззренческие позиции влекут людей к тому или иному типу высказываний: западникам надо подчеркнуть необходимость слома традиции, выхода из колеи, неотвратимость реформ, а почвенники, естественно, обращают внимание на возможность выжить той России, которая есть, — и поэтому говорят о ее устойчивости и не согласны признавать невозможность ее дальнейшего существования. Хотя и почвенники — тоже люди: иной раз срываются и начинают хулить, особенно если дело идет о современности.

Сначала приведем ту суровую позицию, которая была исходной для диалога западников и славянофилов, — слова Чадаева.

П. Я. Чадаев. 1836. Философические письма

Всем нам недостает известной уверенности, умственной усидчивости, логики. /.../ Человеку свойственно теряться, когда он не находит способа привести себя в связь с тем, что ему предшествует, и с тем, что за ним следует. /.../ Не руководимый чувством непрерывности, он видит себя заблудившимся в мире. Такие растерянные люди встречаются во всех странах; у нас же это общая черта.

/.../ В общем мы жили и продолжаем жить лишь для того, чтоб послужить каким-то важным уроком

для отдаленных поколений, которые сумеют его понять, ныне же мы, во всяком случае, составляем проба в нравственном миропорядке. Я не могу во-воль надвинуться этой необычайной пустоте и особенностями нашего социального существования.

В то время как христианский мир величественно следовал по пути, предназначенному его божественным основателем, увлекая за собою поколения, — мы, хотя и носили имя христиан, не двигались с места. /.../ Хотя мы и назывались христианами, пладохристианства для нас не созреваля.

Современные западники склонны признавать большинство положений Чаадаева, но они указывают на неумикальность положения России, сходство происходящих в ней процессов с тем, что происходит в иных западных странах, подвергнувшихся модернизации.

Г. Померанц. 1972–1991. Долгая дорога истории

Трудности развития всех западных стран связаны с *неподготовленностью стифтовой илюидки*, с очень мощной совокупностью элементов трампли, блокирующих развитие или направляющих его в тушпк. Социальные структуры почти всех западных стран ведут себя, как мужики, стараящиеся переупрямить барина, переперпеть, пережить барские затеи и настоять на своем.

Почвенник же укажет на самостоятельную роль России — правда, в отрицательном смысле.

М. Назаров

Россия же, став преминицей от Византии (Второго Рима) истинной христианской имперской государственности в виде «симфонии» двух властей, при всех своих исторических несовершенствах и периодических падениях, все же стаа наибольшим воплощением на земле образа того «удерживающего», который, по словам апостола Павла, препягствует торжеству «тайны беззакония» и вопарению антихриста. В этом была суть православной монархии как власти Помазанника Божия, служащей замыслу Бо-

жю о России; в этом была и основная отличительная от Запада черта русской культуры и русской цивилизации («Русская идея») — даже если это не всегда и не всеми русскими четко сознавалось в те или иные эпохи (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Речь идет об идее катахона, «удерживающего геперь», того, кто не позволяет антихристу прийти в мир (ап. Павел, 2-е послание Фессалоникийцам). Россия предстает здесь как не-Запад, как суровое «нет», противопоставляющее развитие Запада, так что возникает вопрос: мы поняли, чему Россия говорит «нет», но чему же она скажет «Да»? В рамках концепции катахона — православию, христианству. Однако это ответ весьма общий, который в применении к определенным проблемам России приходится очень сильно конкретизировать. Например, М. Назаров говорит об автаркии, однако вызывает сомнение, что столь крайний взгляд прямо вытекает из концепции христианского государства. Можно указать на множество других трудностей, но в целом вопрос будет тот же: кроме «нет» Западует смедует выстроить конкретную «Да»-программу, относящуюся не к идеальному развитию событий, а к вполне определенной сегоднешней ситуации.

Впрос этот настолько неадекват, что многие исследователи предлагают вовсе вынести понятие «русской культуры» за скобки, считать это понятие неопределенным и неизвестным — с тем, чтобы изучить его заново.

А.А. Зорин. 2001. Выступление на круглом столе «Русская культура в сравнительно-историческом осмыслении»

Мысль о том, что существует такая метафизическая целостность, как русская культура, меня совершенно не убеждает. Мне сомнительно, что она существует. В сущности, это наш интеллектуальный констркут, который нуждается в осмыслении.

А. Зорин здесь вовсе не одинок. Напротив, почти все, что занимается национальной идеологией, вопросами «народного характера» и т. д., сегодня убеждены, что нация является идеальным констркутом, вполне сознательно выстроенным теми или иными идеологами, и вне такого констркута профессионалы говорить о нации не может — нет предмета обсуждения.

Место России в мире

Язык — это диалект, обладающий собственной армией и флотом.

*Макс Вайнтрак,
филолог-гебраист*

Вопрос о том, чему Россия скажет «да», о том, какова русская культура, приводит к попытке выяснить место России в мире. Действительно, если мы сомневаемся в существовании чего-либо, разумно узнать, имеет ли место в мире это «нечто». Имеющее место почитается реальным. Первым определением места России становится отрицательная позиция; некоторые характеристики искомого место указанием, где его нет.

М. Назаров

Люди, считавшие Россию отличной от Запада цивилизацией, имелись задолго до XIX века. Показателем уже выбор восточного (а не западного) христианства св. Князем Владимиром; несомненным чувством избранности проникнуто «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона; а в Московской Руси это выразилось в идеологии Третьего Рима как истинной всеенской империи — хранительницы истины, отличной от латинского Запада.

Лишь в петровский период это русское самосознание поблекло, и славянофилы-почвенники лишь интуитивно нащупывали пути возврата к нему с привлечением, как верно замечено В.Ф. /Чесноковой/, западного понятийного аппарата «тонкой логической проработки». Но четкой историсофской системы координат они еще не восстановили; глубину западной апостасии («страны святых чудес») они поначалу даже не чувствовали, как и удерживающую миссию России в эсхатологической перспективе последних времен (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

России нет на Западе. Это сейчас стало очень тривиальным высказыванием, и на эту тривиальность стоит обратить внимание. Раньше считали, что Россия — это часть Запада (вспомним приведенное выше высказывание Вяч. Иванова /1915/). В XIX

веке, во времена старых славянофилов, а затем в начале XX века, перед мировой войной, было довольно много мыслителей, которые с уверенностью, как о чем-то тривиальном, говорили, что Россия есть часть западной цивилизации. Ее особенности рассматривались примерно так, что у каждой страны Запада есть свои особенности, есть у Англии и Германии, Франции и Польши — ну и у России есть особенности, но ведь совершенно очевидно, что она — часть Запада.

Этой точки зрения в сегодняшней нашей дискуссии не встретилось вовсе (наиболее близкую к этой позиции заняли, пожалуй, В. Межуев и А. Кара-Мурза). Западники и почвенники сегодня согласны в одном — Россия не является Западом. Конечно, тезис этот сопровождается рядом оговорок, но в целом согласие достигнуто. Это согласие по умолчанию является основным для характеристики сегодняшнего этапа истории России. Мы можем сказать, что XX век, а точнее — период между началом Первой мировой войны и революцией в России и до развала СССР, привел к четкому результату: в своем самосознании Россия перестала относить себя к Западу.

Хорошо, но к чему же она относится? Такой группы явлений нет. Нет класса объектов, к которому уверенно причисляют Россию, вышедшую из Запада. Обычно говорят, что она представляет собой особый мир. Тогда встает вопрос, каковы признаки этого особого мира, чем он отличается от всех остальных «миров»?

И тут мы с некоторым удивлением обнаруживаем, что центральная позицией в описании места России является концепция «моста». Наиболее часто и наиболее охотно Россия характеризуется не как некий самостоятельный мир с набором определенных признаков и задач развития, а как нечто переходное, как мост. Самобытность России в концепциях, признающих, что она особый мир, — выводится из того, что она — мост. Действительно, есть такой метод классификации объектов, когда любой объект, обладающий промежуточными свойствами между выделенными классами, выделяется в особый класс. Однако классификация такая очень неэкономна, классов создается очень много, и обычно предпочитается все же иные методы классификации, в которых делаются попытки выделить существенные черты в многообразии объектов, так чтобы можно было объекты переходные, не маскируя их переход-

ность, все же отнести к одному из значимых классов. Так или иначе, сначала нам надо ознакомиться с концепцией «моста» между культурами.

Мост может выглядеть таким образом, что русская интеллигенция признается целиком европейской, а Россия в целом — нет.

В. Межуев

Разве существование русской интеллигенции при всей ее разнородности и разногодосиде само по себе не свидетельствует о нашей европейскости? Я не считалю всю Россию Европой, но образованную, просвещенную Россию, представляющую как западниками, так и славянофилами, даже с учетом различия их отношения к той же Европе, несомненно, отношу к Европе. О духовной близости православной России к христианскому Западу я уже не говорю. Что удивительного в том, что мы сравниваем и соотносим себя с теми, кто близок нам по вере? Вера та или иная вера лежит в истоке любой культуры.

/.../ Европа без России — еще не вся Европа. Как нет христианства без православия, так нет и европейской культуры без русской. Россия изначально — не часть католической, протестантской или буржуазной Европы, но другая, пусть восточная, половина Европы, существующая наряду с западной. Наши западники думают иначе. Они только Западную Европу считают Европой, отказывая в праве называться Европой всему, что на восток от нее, т. е. тому, что идет от «второго (православного) Рима» — Византии. «Византизм» для них — синоним косности, отсталости, восточного варварства, но не такая же, как западноевропейская, часть культурной Европы со всеми ее достоинствами и недостатками. Лишь обе они образуют Европу. Сводитъ ее лишь к католической (латинской) или буржуазно-протестантской Европе, исходящая из нее Россия — православную и светскую, значит предельно упрощать проблему (Кауб Дискурс: Социум, 2001).

Здесь В. Межуев настойчиво обращает внимание на то, что Россия имеет прямое отношение к Европе, частично она —

совсем Европа, но в то же время Европой является не вся Россия.

В. Межуев

Русская культура — многополастовое образование. Она включает в себя и языческое наследие славянских племен, и православно-христианскую традицию, идущую от Византии, и азиатскую прививку в период татаро-монгольского ига, и светскую культуру, подобную той, что сложилась в Европе Нового времени. Все вместе они представляют достаточно разнородный сплав, еще и сегодня до конца не спрессованный в органическую целостность (Кауб Дискурс: Социум, 2001).

Эта концепция взаимодействия и перехода, выражающаяся в метафоре «моста», вызывает такую реакцию.

Л. Аннинский

Что уж говорить о народах, стиснутых соседями справа и слева? Любая такая стиснутая культура утверждает, что она — мост. Поляки — мост между Россией и Европой. Румыны — мост между латинством и славинством. Немцы — мост между Западом и Востоком Европы. Итальянцы — между Европой и Африкой. Испанцы — мост аж через Атлантику. Как и британцы, только те севернее.

Россия — то же самое. Из варяг ли в греки, шелковым ли путем, Транссибом ли или по трансшоссе Финляндия — Аляска (через Урал) — сплავем из-под родных осин на Земшар, а потом обратно. Обречены быть средостением. Созданы для «диагонала сторон», из нас же вербуемых. Перетягиваем канат: на одном конце — вечно-американская деловитость, на другом — вечно-русский размах (Кауб Дискурс: Социум, 2001).

В. Межуев

И все же в той мере, в какой русская культура создавалась и распространялась образованными слоями русского общества, она, несомненно, являла собой одну из европейских культур (наряду с не-

мечкой, английской, французской и пр.). Почему именно европейскую, а не какую-то другую или просто русскую? Потому, как я полагаю, что русская культура в значительной части формировалась, во-первых, в русле общей с Европой христианской традиции, во-вторых, под прямым влиянием ново-европейской мысли (от просветительской до романтической, от либеральной до социалистической), по-своему возродившей культурное наследие греко-римской античности. Этим не отменяется своеобразие русской культуры среди европейских, но весть и последние не являются собой полное тождество. /.../ Следует вообще избегать слишком упрощенных и абстрактных суждений об отношении России к Европе: Россия в чем-то — Европа, а в чем-то — находится за ее пределами, но даже там, где она — Европа, она — не во всем та Европа, которая существует на Западе (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Уверенно отделив Россию от Запада, можно попытаться указать признаки ее самостоятельности.

А. Уткин

Россия, повторю, не прошла через эти революции /сделавшие Запад — Западом.— *А.Б., Г.А./*. Поэтому Западом она не была и не является. Более того, ее специфика в том, что она — единственная западная страна, которая никогда не была в политическом плане колонией Запада, и поэтому непосредственного влияния на ее жизненный уклад он оказать не мог.

/.../ Огромность территории в сочетании с геополитическим положением — выхода к морям, роль моста между Европой и Азией, и сами по себе позволяют России оставаться великой державой или, по крайней мере, региональным лидером. Есть у нее и еще один ресурс: Россия — ядро пространных, называемого СНГ. Здесь существуют доступный для России рынок, перспективы сближения. Происходящие в России процессы демократизации и создания рынка при всем их несовершенстве делают ее олдотом модернизации на этом простран-

стве. Я уже не говорю о том, что заслуженную славу создают стране российская культура, наука, образование (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Эти черты, описываемые автором, действительно характеризуют Россию как самостоятельное государство, но не могут служить для характеристики «места России». Ведь точно так же можно описать Швейцарию, которая имеет все необходимое, чтобы оставаться суверенным государством. Дело не в указании на возможность проведения страной самостоятельной политики и не в гарантиях независимости, а в описании мира на языке крупных цивилизационных блоков, подообных Западу, и указании места России в этой картине.

Конечно, нет необходимости следовать какому-то искусственному языку. Можно сказать, что указанные блоки — лишь продукт теоретического осмысления, возможно ложного, и вернуться к реальности, к конкретным странам. Но тогда нельзя употреблять слово «Запад» и нельзя видеть, что реальная история стран Западной Европы настолько показывает, что они представляют собой нечто большее, чем ряд автономных государств, что во многих вопросах они выступают как целое. Если мы увидим эти «целые», придется считать, что «Запад» или «мир ислама» — не только теории, но и реальность. Если же мы договоримся замечать эту реальность, мы возвращаемся к вопросу о месте России.

При попытке описания ее положения на упомянутом языке мы вновь возвращаемся к концепции моста.

В. Федотова

Глядя на нашу страну из Стамбула или Пекина, мы увидим, прежде всего, российскую «западность», «европейскость». А при взгляде из Парижа или Лондона в ней обнаружится элемент «восточности», «азиатскости». Строя свои отношения с Западом, Россия консолидирует всю свою способность предстать «русским европейцем», как назвал свою книгу В. Кантор. Но в диалоге с Китаем или Индией она мобилизует свои евразийские или даже азиатские начала. Мы — не можем стать Западом и не можем стать Востоком. Мы принадлежим Европе, но Европе «другой», западной, если иметь в виду не наш

этнический состав или географическое местоположение, а существо нашего развития. Причем «Другая» Европа не означает Европы «второй», всего лишь отставшей от западной. Она характеризуется другим культурным кодом, сформировавшимся на ветви православного христианства, влияние которого имплицитно включено в светскую культуру. /.../ Наше стремление обезжудать свою идентичность в терминах «Запада — Востока» не находит отклика ни на Западе, ни на Востоке. Таким образом, никто из живущих как на Западе, так и на Востоке и никто из всерьез занимающихся проблемами России не скажут: «Воспринимать Россию ни как Запад, ни как Восток». Она, если говорить геополитически, сохраняет статус моста, специфического пространства. Оно в достаточной степени модернизировано, в него в определенной мере интегрированы славянские, тюркские, угро-финские и другие народы посредством модернизаторской роли русского народа как народа европейского (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Здесь концепция моста преобразовывается в представление о «Другой Европе». Утверждается, тем самым, что Запад представляется собой единство, но в истории это единство разделяется на две «субъединицы», которые все больше отдалаются между собой. Однако, как бы мы ни назвали существо, возникающую в истории, нам надо ее охарактеризовать. У Тома Сойера было два костюма, повседневный и «топ, другой», который надевался по выходным. Если бы в мире существовало всего два региона, мы обошлись бы для России названием «Другая Европа», но мир богаче Тома, и нам надо представить себе, что же такое Россия — раз она не «та Европа».

Описание мира на языке цивилизационных блоков имеет давнюю историю. Вслед за работами некоторых немецких авторов XIX века (прежде всего — Якобсена) Н. Данилевский создал концепцию цивилизаций, впоследствии подобные теории создали Шпенглер и Тойнби. Сейчас разрабатано уже довольно много таких теорий, отличающихся числом выделяемых блоков и спецификой отношений между ними.

В нашем диалоге с собственной концепцией такого рода выступил Г. Померанц.

Г. Померанц

Четыре культурных мира — это миры латинский, исламский, индийский и дальневосточный. У каждого такого мира есть замах на мировое значение, но пока ездили на лошадях и на верблюдах, это можно было осуществить только в крупном регионе. И вот недавно мне пришли в голову заметные предметы этого деления на культурные миры. Это, во-первых, единое священное писание, каким бы оно ни было. Им может быть и корпус изречений Конфуция, и Библия. Далее, каждый культурный мир охвачен единым языком и шрифтом. Для региона Дальнего Востока язык и шрифт совпадают. Границы иероглифической культуры — это границы дальневосточного культурного мира. Если описать таким образом индийский мир, не вдаваясь в метафизику, можно сослаться на авторитет Вед, шрифт деванагари, язык санскрит. Мир ислама — это Коран, арабский язык, арабский шрифт, сохраняемый и персидским, и тюркским, и любыми другими языками, на которых говорят люди исламской культуры.

В результате единства Текста, Языка и Слова (шрифта) возникает некое общее поле информации. То есть можно и с информационной точки зрения подойти к культурному миру — это некое общее поле информации, связанное неким общим духовным содержанием. Например, латинский мир, определяемый латинской Библией, латинским шрифтом, латинским языком. Латинский язык лег в основу многих языков и во всяком случае как-то участвовал в формировании других европейских языков. Латинский шрифт, даже сам по себе, именно как шрифт, сыграл важную роль при формировании латинского мира. В латинском шрифте, так же как и в шрифте деванагари, так же как в иероглифах и в арабской вязи, есть глубокая связь с эстетикой пластических искусств. Китайские иероглифы, которые выписываются на картинах эпохи Сун, органически связаны с художественным текстом. Я помню одного из наших друзей, ныне покойного, который хотел использовать стихи для оформления картин, писать стихи на полях своих картин. Я думаю, он не сумел бы этого сделать,

Глава 3. Россия и Запад

потому что латинская по стилю послепетровская кириллица на поля его картин не ложится, не вяжется. Тогда как иероглифы прекрасно вязались с китайскими картинками. Арабская вязь шрифта не-даром связывается с узором, декором. В то же время латинский шрифт связывался со стилем латинской архитектуры.

Был и еще один культурный мир, но он умер. Был византийский мир. Это был особый порядок и особый склад искусства, но он не сумел удержаться. В набор культурологических понятий следует ввести понятие «устойчивость». По этому параметру Византия проиграла, она не умела учиться на своих ошибках. Если говорить о наборе показателей, характеризующих ее культурный мир, то это были греческий текст, Писание, с греческой очень разработанной аскетической литературой, которую сейчас плохо знают на Западе, но, кстати, ее и в России плохо знают. Помимо Писания в составляющие византийского культурного мира входили свой шрифт и сам греческий язык, который византийцы не имели энергии перенести за пределы первоначальной зоны его распространения. Получилось так, что при дальнейшем распространении христианства греческие тексты Писания переместились. Это и было началом распада Византийского мира. Византия была, я бы сказал, политически неадекватно энергичной субаккуменой. Отец Георгий Чистяков, который по образованию классик, написал замечательную статью, по-моему неожиданную для православного, где он доказывал, что слабости Византии органически связаны с традиционной раздробленностью греческих полисов, и эта традиция так и не была до конца преодолена Византийской империей.

Россия сперва казалась осколком византийского мира. Но она подверглась мощному влиянию татарского ислама, а потом очень мощному влиянию Запада. Россия — это лувковина, в которой слой наложен на слой, причем эти слои крепко связаны, и если мы пытаемся добраться до сущности, отбросив все поверхностное, то мы рискуем оказаться с нулем. Потому что в конце концов самая цветущая пора русской культуры — это культура европеизированной России, XIX век: Толстой, Достоевский...

Россия по основам своей цивилизации — Азия, но эту Азию Петр повернул в Европу и европеизировал верхний слой, оставив азиатским народ. В результате, когда империя в конце концов рухнула, верхний европейский слой был почти полностью сметен и в несколько приемов просто уничтожен. Поэтому-то сейчас, конечно, для нас проблемой мне кажется возвращение в Европу. Куда же нам еще идти? Евразию я считаю фантомом. Потому что самостоятельный культурный мир требует особого священного писания, особого языка — в общем, можно повторить все приметы культурных миров. Всего этого в «Евразии» нет. Из признаков самостоятельного культурного мира в России есть только славянский перевод греческого писания.

Мы получили икону от византийцев, самодержавие — от татар, самосознание личности — от Европы. Россия даже не двойственна, она тройственна. Внутренне.

.../ Россия не сливается ни с одним из этих миров и не составляет отдаленного мира. Но она вполне способна сыграть самостоятельную роль в современном мировом развитии. Мы, конечно, не можем лидировать в экономике. Мы не можем лидировать и в политике, которая связана с экономическими проблемами. Но мы можем лидировать в ясном понимании современных проблем. Никогда не упускать из виду угрозу экологического тупика, к которому ведет неограниченное развитие технологии (Кауф Дискурс: Социум, 2001).

Оказывается, даже при последовательной проработке общей концепции культурных миров, в которой цивилизации относятся к очень крупным единицам — их сейчас всего четыре на планете (Г. Померанц очень экономно, у других авторов число независимых культурных миров более десятка), — даже в этой концепции Россия оказывается смешанной единицей, не входящей ни в один культурный мир, не являющейся остатком никакого культурного мира. И в этой концепции Россия оказывается на распутье. Один из вариантов, высказанных Померанцем, — совет идти в Европу, но — потому что больше идти некуда. Совет производится, как можно видеть, без особых

надежда, что Россия туда доберется. Мягко говоря, такой ре-зультат не вагонная нагрузка — и не по причине трудностей пути или неприятной необходимости быть чем-то межконтинентальным, когда вокруг ходят радостные «целье». Эта концепция не устраивает именно как теория: слишком легкомысленным кажется призыв «идти в Европу» — наукачу, авось получится, потому что больше идти некуда. Другой вариант значительно оптимистичнее: Россия «вполне способна сыграть самостоятельную роль в современном мировом развитии». Выбор варианта, как понятно, не за прогнозистом, а за Россией.

Померанц указывает, что те особые трудности, с которыми встретилась Россия, и являются нашей надеждой на благополучный исход — мы глубже, чем другие страны, прочувствовали уроки XX века и имеем возможность развить в душах особую глубину, которая дается большими испытаниями, и из глубины придет ответ. Другие участники диалога сомневаются в реалистичности этого пути — не для отдельного человека, а для целой страны.

С. Цирель

Да простит меня глубоководокупаемый Григорий Соломонович Померанц, но я сомневаюсь, что Россия и россиянам суждено глубже, чем другим, понять проблемы современного мира и благодаря этому найти в нем свое место. Его глубокое и блестящее по форме эссе реально обращено все же в прошлое, а не в будущее. А более созерцательная, чем сегодня, жизнь, к которой призывает Григорий Соломонович, еще очень долго будет оставаться недостижимым идеалом — хотя бы потому, что быстрые процессы в экономике запустили столь же быстрые процессы в экологии, которые требуют незамедлительного и отнюдь не созерцательного реагирования. Мир, в котором живут миллиарды людей вопреки законам естественного отбора, — это искусственный мир, который требует постоянного гонки уже просто для того, чтобы поддерживать свое существование. Ажинн вырвался из бутылки еще в начале Нового времени, и я не могу представить себе в обозримом будущем реальных некатастрофических путей замедления темпа историчес-

кого времени, как бы нам этого ни хотелось. /.../ Попробую, однако, обозначить и свою собственную позицию. Ее можно свести к следующим основным тезисам:

— из всех цивилизаций нам ближе всего западная; восточная идентификация России, по крайней мере после Петра I, невозможна;

— у России есть естественные цивилизационные отличия от нынешнего Запада, реальный объем которых в настоящий момент определить невозможно, ибо их очень трудно отделить от стадийных и от послестадийных большевистского эксперимента;

— даже те цивилизационные отличия, которые удаются выделить, не образуют единого (азиятского или евроазиятского) комплекса; внутренняя конфликтность или даже раскол является более значимым признаком российской культуры, чем все остальные особенности;

— ситуация, в которой оказалась Россия после 70 лет тоталитарной власти и государственной экономики, уникальна, и, хотя вариант вестернизации страны наиболее вероятен, точный прогноз невозможен;

— существует почти общепризнанное принципиальное отличие России от Запада и Востока, которое в наибольшей мере определяет наше будущее (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

И снова мы остаемся ни с чем — не самостоятельные и не при Европе, куда ни вновья пойти, ни вернуться, без возможности прогноза и без описания пройденного пути. Такая картина вырисовывается в нашем диалоге. Но он идет в тяжелое для России время, отсюда и выпрямь не видно дорог. Может быть, раньше, когда горизонт не застигла пыль от рухнувшей империи, наши пути были видны лучше?

П.Я. Чаадаев. 1837. Апология сумасшедшего

Мир искони делился на две части — восток и Запад. /.../ Мы живем на востоке Европы — это верно, и тем не менее мы никогда не принадлежали к востоку. /.../ Мы просто северный народ и по идеям, как и по климату.

К. Леонтьев. 1880-е гг.

Россия, имеющая стать во главе какой-то новой восточной государственности, должна дать миру и новую культуру, заменить этой новой славяно-восточной цивилизацией отходящую цивилизацию романо-германской Европы. /.../ Надо совершенно сорваться с европейских рельсов и, выбрав совсем новый путь, — стать /.../ во главе умственной и социальной жизни всечеловечества.

В. О. Калючевский. 1880-е гг.

Исторически Россия /.../ не Азия, но географически она не совсем Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связана ее с Европой, но природа налагала на нее особенности и влияния, которые всегда влекли ее к Азии, или в нее влекли Азию.

С. Ю. Витте

Находясь на границах двух столь различных миров, восточноазиатского и западноевропейского, имея твердые контакты с обоими, Россия, собственно, представляет собой особый мир. Ее независимое место в семье народов и ее особая роль в мировой истории определены ее географическим положением и в особенности характером ее политического и культурного развития, осуществлявшегося посредством живого взаимодействия и гармоничной комбинации трех творческих сил, которые проявили себя так лишь в России. Первое — православие, сохранившее подлинный дух христианства как базис воспитания и образования; во-вторых, автократизм как основа государственной жизни; в третьих, русский национальный дух, служащий основанием внутреннего единства государства, но свободный от утверждения националистической исключительности, в огромной степени способный на дружелюбное товарищество и сотрудничество самых различных рас и народов. Именно на этой базе строится все здание российского могущества. (цит. по: Уткин. 2001. Первая мировая война, с. 32).

Н. А. Бердяев. 1946. Русская идея

В России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Россия есть целая часть света, огромный Восток-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролась два начала, восточное и западное.

Г. С. Померанц. 1988. Ондониточные теории // Выход из транса. 1995, с. 366.

Помимо общих параметров истории есть еще местные. Например, Россия складывалась не внутри коалиции, а на общей окраине западного мира, византийского мира /.../ и степи /.../. Положение навязывало ей задачу нового вседенского синтеза — и не давало ни времени, ни сил сосредоточиться на этой задаче /.../.

Так мы опять пришли к современности и можем теперь утверждать, что и раньше по поводу России высказывались те же по типу точки зрения, что и на нашем форуме, всегда отчаялись ее особенность, отличие от Европы и в то же время тесная связь с Европой; ничего более определенно сказано не было.

Вне рамок нашего диалога многие современные исследователи изучали вопрос, который нас сейчас интересует. Как каким выводам они пришли? В. В. Ильин выделяет три мнения относительно цивилизационного статуса России.

В. В. Ильин. 2000. Российская цивилизация

1. Россия вышла из традиционной цивилизации, но не вошла в инновационную. 2. Россия не Европа, но должна войти в нее — классическая вестернизация. 3. Россия не цивилизация, но — пока, это цивилизация будущего. В России пока не цивилизация, а культура, которая вырабатывает цивилизацию будущего, каковая спасет гибнущую цивилизацию Европы.

Разбирая эти три позиции, В. Ильин приходит к выводу, что все три неверны. Основания: 1 — неверно по факту, Россия достаточно индустриальна; 2 — неверно из практических сооб-

ражений, т. к. вестернизация у нас приводит к плохим результатам, пример — вестернизация Петра; 3 — неверно из-за не-реалистичности.

В результате Ильин приходит к выводу, что Россия цивилизационно не принадлежит к Европе, они от разных корней, Россия — от восточного корня, которому свойственны Деспотизм, несвобода, инерционность и проч. Однако, в отличие от классической позиции западников, В. Ильин считает, что отню-шения «отсталость» — «переживание» к России и Европе при-менять нельзя, слишком разные это цивилизации и с разными законами развития. То есть термин «отсталость» неприменим к России, так как она совсем иная, нежели Европа, между ними нет существенного сходства. Казалось бы, это прямое указание на вариант 3, но и он отвергнут.

Куда же в таком случае относится Россия? Ильин выделяет следующие макеты относительно России: 1) Москва — Третий Рим; 2) панславизм; 3) почвенничество; 4) народничество; 5) вселенская география; 6) большевизм; 7) вестерн. Все перечис-ленные макеты Ильин опровергает, не находя в них чего-либо ценного для понимания развития и дальнейшей судьбы России. Аргументация при опровержении применяется всегда вне-шняя — например, география отвергается потому, что сейчас век секуляризма и географические модели нереалистичны.

Далее В. Ильин выстраивает собственный макет. Основанием для него служат положения, что цивилизационно человечество не едино (вариант концепции кругов цивилизаций); почвенная апология России химерична; Запад враждебен России. Тем са-мым Россия, по В. В. Ильину, не является самостоятельным культурным регионом (т. к. отвергается почвеннический макет) и не входит в иной регион. Выход для России он находит в опре-деленной степени традиционный — построение Империи. Осно-вая причина: без сильной власти Россия никогда не стояла и выстоять не сможет, ее особенность — необходимость для нее сильной власти. Этот рецепт Ильин сопровождает определен-ными оговорками: Империя — новая, гуманная, в общем — империя с человеческим лицом, уважающая и хозяйственно использующая свой цивилизационный фактор — человека.

Если перевести макет В. В. Ильина в привычные геополити-ческие термины, то он относит Россию к Востоку. Восток в отличие от Запада — не единый регион, таковым он выступает

только в противопоставлении Западу, а внутри он составляет конгломерат совершенно различных цивилизационных кругов. При чем же здесь империя? Это внутренняя характеристика образа правления, а раз уж мы обращаемся к концепции мно-жества цивилизаций, следует сказать, куда данная страна от-носится.

Из некоторых оборотов мысли В. Ильина вырисовывается объяснение. Востоком быть крайне невыгодно. Сейчас мир делится уже иначе — на Север и Юг, так что, определяясь как не-Запад, Россия неминуемо уходит в Юг. И тут вступает сле-дующий поворот мысли В. Ильина: Западу невыгодно остав-лять Россию с Югом. Северу нужна Россия как барьер от Юга, как фактор стабилизации в огромном регионе; помимо того, у России есть научный потенциал и т. д. Поэтому, нехотя, нас возьмут в Север, и мы будем препятствовать проникновению в него выходцев с Юга.

Тем самым смысл этой концепции: Россия была «жандар-мом Европы», потом — «восточной угрозой», а теперь Россия хочет стать «пограничником Севера». Тем самым в ряду других стран Россия — историческая неотъемкомка, отход истории, она не имеет особого значения в историческом «сегодня», и у нее нет перспектив в «завтра». Возможно, что это действительно так. По крайней мере, если допускать мысль, что бываюг такие никому не нужные «исторические отходы», подобные таким деталям, возникшим при сборке таких необходимых истори-ческих машин, как Запад. В определенном смысле это действи-тельно занятный подход к истории. Обычно считается, что неким высшим промыслом все устроено так, что у истории длинных деталей не остается. Но к чему нам старые сказки о Промысле? Биологическая теория эволюции объяснила наблю-даемую целесообразность живых существ; у Природы остаются лишние детали — это вымершие виды. Если можно Приро-де, почему нельзя Истории? У нас, по мысли Ильина, возни-кает страна-помойка — или, выражаясь по-ученому, держава-рудеград. Ход мыслей вполне возможный, только не доведенный до конца. С такой точки зрения смысла нет ни в чем, и Европа с Америкой не более осмысленны, чем Россия. Если принять это дополнение, позиция будет вполне непроти-воречивой. История есть процесс производства отходов, ничемных стран и лишних людей; потому что высшей целью

Природы явдается существование (выживание), а человеку и человечеству в таких рамках гесно.

Что же до мысли о России как пограничнике Севера, то можно напомнить, что и этот вариант уже рассматривался.

Вач. Иванов. 1915. Россия, Англия и Азия

 Стена, которую Европа может противопоставить желтой опасности — Китаю, должна быть живой стеной двуединой белой азиатской державы.

Н.А. Бердяев. 1918. Судьба России

 России преастоит еще быть оплотом против опасности монгольского Востока.

Не всегда нечеткость отнесения России к крупным цивилизационным блокам рассматривается таким резким образом. Если России не удается сыграть европейской страной, ее относят к Югу.

А.С. Панарин. 1996. Реформы и контрреформы в России.

Циклы модернизационного процесса

Сегодня в России идентификации с Западом или с Востоком, с Севером или Югом относятся не столько к цивилизационному водоразделу культур, частей света, сколько к духовному самоопределению с победами или побежденными, с господами мира сего или с «нищими духом». И в этом радикальном смысле Россия — с последними. Соблазнам потребительских идеологий — стать во главе соискателей Прогресса (светлого коммунистического или либерального будущего) необходимо противопоставить готовность к духовной реформации — подвигу вселенского покаяния прометеева человека, вздумавшего поставить себя на место Бога и возомнившего, что ему все позволено.

Тем самым в концепции Панарина Россия оказывается на Юге, но по собственному выбору, и не по причине ее недостаточной цивилизованности или бедности, а по состраданию к несчастным угнетенным массам Юга. «Южане всех стран, соединяйтесь», — приходит на смену привычным лозунгам.

В связи с этим Панарин выражает макету Ильина, причем разбивает в рамках своей концепции очень интересную гипотезу.

А.С. Панарин. 1996. Реформы и контрреформы в России.

Циклы модернизационного процесса

Что касается России, перспектива ее самоопределения в современном мире также двоятся. Имперская гордыня наследников «третьего Рима» толкает на то, чтобы раздвинуть плоды современных победителей... Но можно оценить призывание России с иных позиций. Возможно, ее призвание не в том, чтобы быть еще одним Римом — центром выскомерного могущества. Соискателей на эту роль и без нее достаточно. Рассуждая о перспективах, следует помнить, что в мире была не только Рим, но и Иерусалим, что импульсы объединения человечества исходили не только от рыцарей торговли и войны, создателей империи, но и от создателей каткомобной церкви, обращенной не к победителям, а побежденным, «нищим духом».

/.../ Сторонники сильной, гордой, процветающей России с торечью товорят о поразительных, умопомрачительных срывах ее в самые многогобещающие моменты — накануне возможного грандиозного успеха. /.../ Все это были пути, сохраняющие перспективы России как великого Рима. Однако Россия неизменно оступалась на каждом из них, загоняя себя в тупик неудач, поражений. Следует ли исключать гипотезу о Провидении, уберетающем Россию от участи победителя, раздвояющего с другими господами мира сего право распоряджаться слабыми?

То есть существует богатой хранитель России, который для ее же блага делает так, чтобы она никогда не достигла успеха в серьезном начинании. Нет в наших поражениях ни нашей вины, нет и происков врагов, а есть лишь промысел доброго божества. Возражение на такую гипотезу звучит достаточно очевидно. Да, следует исключить такую гипотезу. Бог не ставит подножек. Провидение не уберетает Россию от участи победителя. От участи победителя Россию, как и всех иных деятелей существующей вселенной, уберетает либо собственная глупость, либо свободный выбор победителем не быть.

Нация и государство

Нация и национальные интересы

Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности.

Владимир Соловьев

Традиционной темой в дискуссии между западниками и почвенниками является «национальный вопрос». Возникает он следующим образом. При заимствовании некоторых черт западной культуры происходит утрата аспектов собственной культуры. Является ли такой процесс утратой национальности? Сколько можно заимствовать — и сколько можно утратить, — не потеряв национальной идентичности? Какие сферы культуры особенно важны для нации — а какие относительно безразличны?

Подобно тому, как во второй половине XX века по всей Земле происходило исчезновение колоний и колониальных режимов, так в конце XX века и сейчас нарастает процесс роста национального самосознания и стремления отдельных этносов к оформлению в государства: триумф идеи национального государства. Обычно почти не затрагивается вопрос о том, возможно ли осуществление этого дозвунга? может ли быть до конца проведена концепция национального государства? В отпадении России — является ли она государством русских? Если нет — как следует переформулировать вопрос о впадении модернизации на национальную культуру?

Далее — в связи с усилением «чувства этничности», чувства принадлежности к этносу (а также — в связи с ростом национальной сознаний) начинаются многоплановые конфликты со сложившейся системой — политической, культурной, лингвистической стратегией. Возникает этнический экстремизм,

Часть 1. Противостояние

Наконец, кроме указанных концепций, сформирована и еще одна. Если в преобладающих макетах центральное место играли такие образцы, как Византия (Россия — осколок), Империя (Россия — наследник), Третий Рим (Россия — преемник) и т. д., то теперь выдвигаются в качестве основной парадигмы развития России ее отношения с Ордой.

Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсов. 1998. Русская система: генезис, структура, функционирование

Как и в эпоху Ораи, новые господствующие группы России формируются при активной опоре на силы, вынесенные за рамки самой России. Это мировой капитал, и международный криминалитет, и международные политические организации, и Запад в целом. Не Алтын, а Баруун Ордон (монг. — Западный Аворец).

Запад — как новая Ораа? Не слишком ли это? Если не в буквальном смысле, а в типологическом, эквивалентно-нишевом /.../, то да. Мы как бы вернулись в орданско-удальную эпоху: много русских земель, слабый центр — Москва, новый Ордон — Баруун Ордон, по отношению к которому «Русь» пока слаба и вынуждена так или иначе на него опираться и играть с ним в игры, именно ему стараются подражать все или почти все реально значимые претенденты на Власть (президентство), получить «экономический ярык» на правление (займы, кредиты).

Итак, Баруун Ордон. Что будет дальше? Каждый макет предполагает не только объяснение прошлой истории, но и сценарий будущего. Россия во взаимодействии с Баруун Ордон должна будет пройти стадию «собрания земель русских», усиливаться до царства, возможно, сложиться в новую империю — пройти битву при Калке, добавить в свою «духовичную» структуру, помимо ядра из Алтын Ордон, также и слой Баруун Ордон... А дальше? По-видимому, столкнуться с новым Западом, чьим-нибудь еще ордоном, с которым повторится та же история.

Матрешки... Так осознается сейчас место России в мире. В таких выражениях Россия сейчас готова представлять, кем ей быть.

принем об экстремизме говорит «большой этнос», который чувствует, что этого конфликта раньше не было, и раздражен возникновением «на пустом месте» каких-то претензий; «ма-лый этнос» этот экстремизм называет «борьбой за свои неотъемлемые права».

В такой многонациональной и многоконфессиональной стране, как Россия, модернизация очень многообразно влияет на разные стороны «национального вопроса». Городское население обычно менее «этнически определено», чем сельское, а модернизация увеличивает «вес» горожан и снимает остроту национальных проблем, размывая патотные национальные анклавы. С другой стороны, именно западная идея национального государства и идея демократических свобод (понимаемая как «право голосования»: если «мы все» так хотим — почему до сих пор этого нет?) приводят к обострению борьбы «за национальное самоопределение». В городах проживают «национальные интеллектуальные элиты», которые первыми воспринимает идею национального государства и распространяют ее в слухах более «традиционного» и более «национального» населения. В городах же происходит в первую очередь растворение высших этажей национальной культуры, а сознание национальной исключительности к ним не относится — и появляется новый, городской национализм. В результате возникает «западный» национализм, пользующийся плодами модернизации и ее последствиями, — и «восточный» национализм, проявляющий себя «традиционными» средствами. Различить их, конечно, трудно: восточный националист берет в руки оружие, сделанное по западной технологии, — и сразу оказывается на высоте мировых проблем.

Прежде всего, в дискуссии возникает вопрос о «новом национализме», о том, что представляется о нации переопределено европейским развитием и изменилось, нация понимается теперь уже не традиционалистски. И в таком случае «старые нации» изменяются, становятся «новыми», современными нациями.

И. Калмикин

Россия может сохраниться и стать современной нацией, только став частью западной цивилизации, только при смене цивилизационной парадигмы (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

232

Разумеется, столь важный для почвенничества вопрос вызывает острейшие: не горюпиться, перековывая нацию в «модерновую», тщательнo разобраться, что, собственно, при этом должно происходить — и зачем оно нам нужно.

В. Чеснокова

Нация — это особый этап в развитии этноса, и для него характерно то, что он не может завершиться благодаря «бесхитростным» «непосредственным ощущениям», так сказать, «простых» людей, без включения рефлексии. На протяжении истории формирования западноевропейских наций мы видим, как этот план рефлексии включался в решающий момент и пытался сознательно ответить на вопросы: что мы за народ такой? чего мы хотим? как нам построить свою жизнь в будущем в соот-ветствии с нашими ценностями? /.../

Нация объединяется на основе культуры, которая сложилась и выработалась у различных, близких друг другу этнических образований, издавна живущих вместе, так сказать, «бок о бок». Вот для того чтобы выявить и показать это общее, это культурное родство этих до сих пор в значительной мере обособленных этнических групп, и необходима большая работа национальной рефлексии, формирующей национальное самосознание данной общности. И чем дальше этот процесс идет, а тем более, чем позднее он начался, тем больший элемент рефлексии и рациональности необходим для обоснования, подкрепления и утверждения этого непосредственного чувства «общей причастности» (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Здесь указано на общую культуру в сдержанных и рациональных тонах. Но вопрос о культуре нации многие почвенники ставят гораздо острее.

М. Назаров

Все начинается именно с разного репликтозного мировоззрения. Любовь к родной «почве» (т. е. географическая, бытовая, кровно-племенная привязанность) имеет в нашей теме не самое важное значе-

233

ние, ибо такая любовь может быть очень разной у людей разных мировоззрений (скажем, у язычников и православных). Поэтому слово «почвенники» мне кажется неточным, и я должен сделать оговорку: я буду в него вкладывать понятие национально-православного мировоззрения, неразрывно связанного с церковным учением, т. е. понятие *традиционной тысячелетней русской духовной «почвы»* (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

Итак, на «естественные» основы национальной жизни — как вполне почвенные (родовые), так и культурные, привнесенные (православие) накладываются зонауправленные современные процессы. В кипищем котле этой проблематики создается то, что принято называть «современной нацией». Эта нация уже немалымим без национальных идеологов, без СМИ, без политических претензий и особых, возникающих лишь на этой стадии, противоречий. В процессе осмысления этой «новой нации» выясняются всевозможные обратные связи и непредвиденные обстоятельства — скажем, возможность имитации «национальных интересов» и противоречия между концепцией «современной нации» и модернизацией.

В. Лапкин

На фоне сегодняшних весьма сдержанных оценок успешности продвижения России по пути формирования современной нации-государства, обсуждения темы «национального интереса», как правило, сводится к противостоянию двух подходов. Один, апеллируя к базовым положениям политической теории, в соответствии с которыми российское общество и государство претастают еще очень далекими от требований современности, резонно констатируют, что о национальных интересах в данном случае речь не идет, как говорится, «по определению». Другие, напротив, смешивают национальные и государственные интересы, руководствуясь либо «практическим» резонном: если есть государство, выступающее субъектом современных внешнеполитических отношений, то, независимо от его внутреннего устройства, оно, опять-таки «по определению», должно иметь свои национальные интересы

(которые, впрочем, следовало бы все-таки называть проще и точнее — государственными); а уж каковы их присхождение — это якобы разговор особый.

Практика, как ни странно, подтверждает правоту и того, и другого подходов. Сегодня в России — при отсутствии институциональных структур ценностно консолидированной социальной интграции, а также развитых и достаточно укорененных практик последовательного согласования позиций и интересов государственной власти и различно ориентированных сегментов гражданского общества — ни в общественном мнении, ни в суждениях экспертов, ни тем более в тактике и стратегии действующих российских политиков практически невозможно обнаружить то, что могло бы стать основой формирования собственно «национального интереса». Дискуссии идут, а реальных субъектов национальных интересов России не просматривается.

Тем временем «национальный интерес» все более «государствляется». Государство, последовательно формируя систему отношений с обществом на прямую, минуя всякого рода институциональных посредников, присваивает себе приоритетное право выражать интересы нации в целом. Иными словами, концепт «национального интереса» вновь превращается в доминирующий инструмент контроля исполнительной власти вертикали над обществом и, вместе с тем, в средство симуляции современной природы российской государственно-сти на внешнеполитической арене. А раз так, то приходится говорить скорее об имитации национальных интересов на основе манипуляций общесственными настраиваниями. /.../

Дает-то к середине первой части дискуссии проанозятся, наконец, ключевые слова «империя», «судьба», «национальный интерес». Однако для дискутирующих незамеченным осталось то обстоятельство, что парадигма национального интереса предстает альтернативой как вестернизации (т. е. западничеству, предпологающему в качестве единственной приемлемой альтернативы для России смену дивидизационной парадигмы с тем, чтобы стать частью западной цивилизации), так и ретро-

имперской форме этнонационализма (концептуализирующего национальное как присущее этнически однородному имперскому ядру).

В том, видимо, и заключается драма российских «западников», что формирование российской нации не может быть ориентировано лишь на достижение собственных национальных интересов, буде найдется в обществе политическая воля и соответствующие ресурсы для консолидации и солидария. С позиции этого типологического российского национального интереса Запад преобразует партнером и союзником, стратегические интересы которого наиболее близки российским. Речь в этом случае, по второму, отнюдь не идет о смене цивилизационной парадигмы Россией. Скорее — еще об одной мутации этой парадигмы при согласованном с российскими трансформациями изменении принципов глобального миропорядка, в первую очередь — распространении основополагающего в современной политике принципа институционализации конфликта на сферу международных отношений.

Горбачевская «гласность» явила публике фантастическую картину идейного и ценностного разноголосья в кругах русскоязычных интеллектуалов. Стек пор ситуация, похоже, лишь усугубилась. Модели и образцы планируемого обустройства России разверстаны во времени от Руси Святослава до России Дулина, а в пространстве — от Америки до Китая. Картина столь удручающей множественности идеологических размежеваний в сознании постсоветских интеллектуалов — если на основании ее судить о культурных и ценностных расколах общества в целом, о реальном спектре общественно значимых вариантов самоидентификации постсоветского человека — фактически «закрывает» перед Россией на обозримую историческую перспективу какую-либо возможность продвижения по пути национальной консолидации и культурного консенсуса, по пути формирования национального самосознания и национального интереса, воплощающегося в институциональной структуре современной нации-государства (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Сголь же догично, как почвенники остерегают от поспешных шагов в деле переделки национального сознания, западники остерегают от слияния государственных и национальных интересов, каковое слияние является одним из первых следствий концепции «новой нации».

А. Янов

Русский национализм, как и сербский, никогда не противостоял империи, всегда был имперским. И в этом качестве противостоял он — от имени империи — исключительно «романо-германской цивилизации» (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

В. Межуев несколько иначе видит особенность национального самосознания России. Основной чертой, отличающей наш национализм от европейского, он считает не «имперскость» (как считают многие западники), а особую «духовность».

В. Межуев

Представление о России как совершенно особом культурно-историческом типе, во всем отличном от западного, есть продукт запоздалого русского национализма, возникшего в ответ на западный национализм. Владимир Соловьев считал его «вырождением славнофильства», не отрицавшего духовную близость России и Европы. Несходство России и Запада в рамках общеевропейской истории во многом объясняется их разным пониманием того урока, который Рим преподдал миру, самой сути «римской идеи». Наследуя Риму в его попытке создания универсальной, объединяющей все народы цивилизации, они по-разному ответили на вопрос, что стало причиной неудачи этой попытки или «почему погиб Рим?». Вопрос этот волновал и Средние века, и Новое время. Даже творцы американской Конституции задавались тем же вопросом. И все они причину гибели Рима усматривали в его измене республиканским идеалам, что привело к уничтожению гражданских свобод и установлению режима личной власти. Противоядие против такого перерождения Европа искала на пути возрождения гражданского общества, демократии и правового

государства, в чем, собственно, и усматривада универсальный принцип будущего мироустройства и общечеловеческого единения.

В лице России, как я думаю, мы имеем дело не с особой цивилизацией, а с особым видением и пониманием того, чем является или должна быть европейская цивилизация. «Русская идея» (во всяком случае, как она трактовалась Достоевскими и Владимиром Соловьевым) не отрицала «римскую», а являлась ее своеобразным продолжением и развитием. Мыслящая Россия никогда не отосиделась враждебно к европейской культуре, постоянно испытывала на себе ее влияние, училась у нее. Как и европейская гуманитарная культура, она также не приняла реальности современного (инадустриального и массового) западного общества, усмотрев в нем разрыв Запада с собственными духовными ценностями и традициями. Сложившееся у русской интеллигенции двойственное отношение к Западу, сочтявшее признания его несомненных достижений в сфере науки, техники, образования, политической свободы с неприятием выродившейся в массовое общество цивилизации (культура и цивилизация Запада никогда не отождествлялись в ее сознании), определили смысл и ее собственного поиска путей цивилизационного развития России. Учася у Запада, беря у него все ценное, не просто повторять его, а двигаться дальше — к более справедливым и нравственно оправданным формам жизни — так можно определить суть этого поиска. Если судьба распорядилась по-иному же другим «войти в современную цивилизацию», то зачем повторять и то плохое в ее развитии, что уже вышло на поверхность? Отсюда постоянное стремление как бы опередить время, всегда и во всем быть «впереди планеты всей», раньше других прорваться в будущее. В эпоху национальных государств лучшие люди в России мечтают о всечеловеческом единстве, «духу капитализма» противостоят идеал служения «общему делу». Можно много говорить об идеализме и утопизме такого поиска, но именно он придал русской культуре ее своеобразия и духовное величие. И еще вопрос, что стало причиной нашего нынешнего кризиса — отставание от Запада или отказ

от желания быть впереди него в поиске более справедливой жизни.

В сложном и противоречивом облик России нельзя не заметить определенного несоответствия между ее «душой» и «телом» — ее устремленностью к «высшей правде» и морали и ее еще недостаточной цивилизованностью — экономической, политической и просто бытовой. Подобное несоответствие вызывает порой у сторонних наблюдателей откровенную насмешку — что это за люди, рассуждающие о судьбах мира и человечества, но не способные пока наладить собственную жизнь, обеспечить себя элементарным достатком и комфортом? В таком наблюдении много справедливого. Но и заболтать о «теле», цивилизуя его, нельзя пренебрегать собственной душой, отречься от того, что питало собой русскую культуру. Материальная заземленность наших западников оправдана в случае, если она не порывает с теми душевными свойствами и качествами русского характера, которые сформированы нашей историей и культурой, но верно и обратное: разговоры о «русской душе» и «русском духе» — пустой звук без наличия «здорового тела», т. е. экономически процветающего и политически свободного общества (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Особую концепцию «диалогической» нации выстраивает Г. Померанц. Эта его мысль тесно примыкает к представлению о «новой нации европейского образца», но современная нация, по Померанцу, прежде всего способна к диалогу, представляет собой разнородные, способные вместить разнородные образы окружающего мира. Дуя нации определяющей чертой оказывается не замкнутость и «простая самодентичность», а открытость.

Г. Померанц

С моей точки зрения, национальность — это способность этноса создать культуру диалога. То есть для меня национальность — явление европейское. Этносы существуют всюду. Но замкнутый этнос — это не национальность. Слово «национальность» стало употребляться в новом смысле всегонавсего с конца XVIII века. Когда понадобилось

определить суверенный народ в отлучие от суверенного короля. Не надо путать нацию с этносом. Нация возникает в Европе, и она с самого начала уже была участником диалога национальных культур. На этом строится европейский культурный мир. Поэтому, скажем, Россия, замкнутая в себе при Алексее Михайловиче, — еще не нация. Россия становится нацией, когда появляются Пушкин и прочие, которые находятся в активном диалоге с Европой. И всякая нация — это участник диалога. Когда иногда под предлогом поиска национального вырывают Россию из этого диалога и тянут ее обратно к замкнутому этносу, это неподготовлено. Это напоминает спрах нашего православия перед диалогом. Оно боится, что не будет иметь, что сказать, и потеряется. А длительность в диалоге не теряется (Кауб Дискурс: Солиум, 2001).

Этот взгляд Померанца приводит к интересному предположению, что нация в России появилась вместе с появлением Пушкина, вследствие деяний Петра. В этой концепции все разговоры об «этничности» и «империи» имеют всего один смысл: насколько они могут помешать (или помочь) развитию диалогической нации. Нация, стремящаяся прежде всего к развитию суверенного государства, с точки зрения Померанца, — еще не нация, не современная нация, это племя, столбчатее охотничьи угодья. Нацией такое племя станет, когда его прежде всего будет волновать познание себя через диалог с соседями — и тогда все вопросы государственного строительства станут служебными и в какой-то мере техническими. Вывод для России здесь, вероятно, не очень утешительный: Пушкин у нас, конечно, был, но представить себе Россию неправославной довольно затруднительно, а православию, по мысли Померанца, боится диалога. Тем самым Россия — почти по Достоевскому — должна выбирать: остаться ей с православием или с диалогом? Выбор жестокий и, что неприятно, predetermined. Если за «диалогом» стоят Пушкин и русская культура, а за православием — церковь и та же культура, то выбор между племенем и нацией есть гражданская война внутри культуры. Впрочем, она уже идет — спор западников и почвенников и является такой гражданской войной, которую ведут два понимания русской культуры.

Что в этой связи говорили другие западники и славянофилы? Прежде всего, всегда в рамках этого диалога сохранялось представление об особенностях русского национального характера, русской нации. Его не сбрасывали со счетов ни западники, ни славянофилы.

Ю.Ф. Самарин. 1847. Стефан Яворский и Феофан Прокопович

Всякая истина многосторонняя, и ни одному народу не дается ее осмотреть со всех сторон и во всех ее отношениях к другим истинам. Иная сторона или отношение иному народу недоступна по его умственным способностям или не привлекают его внимания по его душевным склонностям.

А.И. Герцен. 1850. Россия

Мне кажется, что в русской жизни есть нечто более высокое, чем община, и более сильное, чем власть; это «нечто» трудно выразить словами /.../ Я говорю о той внутренней, не вполне сознающей себя силе, которая так чудодейственно поддерживала русский народ под игом монгольских орд и немецкой бюрократии /.../ я говорю о той внутренней силе, при помощи которой русский крестьянин /.../ на императорский приказ образоваться, ответил через столет промладным явлением Пушкина. /.../ Эта сила, независимо от всех внешних событий и вопреки им, сохранила русский народ и поддерживала его несокрушимую веру в себя. Для какой цели? Это-то нам и покажет время.

Уже в конце XIX века была осознана так называемая новая идея нации, и К. Леонтьев сделал необходимые выводы из этой концепции.

К.Н. Леонтьев. 1873. Византизм и славянство

Идея национальностей чисто племенных в том виде, в каком она является в XIX веке, есть идея в сущности вполне космополитическая, антигосударственная, противоречивая, имеющая в себе много разрушительной силы и ничего создающего, нацией *культурой* не обособляющаяся; ибо культура

есть не что иное, как своеобразие; а своеобразие ныне почти везде гибнет преимущественно от политической свободы. *Индивидуализм губит индивидуальность* людей, областей, наций.

В самом деле, Новое время породило новую концепцию — национального государства. Затем, в конце XIX — начале XX века была разработана иная концепция, которая с виду являлась лишь логическим продолжением первой. На весь мир она прогремела тезисами Вудро Вильсона, данными по окончании Первой мировой войны, — тезисов о праве наций на самоопределение. Однако это право — независимо от формально-логических построений — было концепцией, которая уничижила прежнюю концепцию государства. Система национальных государств могла некоторое время существовать, мир прожил с ней несколько сотен лет. Прожил, потому что идея эта была незавершенной, потому что из нее не были сделаны последние выводы. Но идея о праве наций на самоопределение является разлагающей все прежнее государственное устройство.

В самом деле, нет внешнего суда, который мог бы сказать, что является нацией, а что — нет. Нация появляется, когда некоторая группа людей считает, что они — нация, когда люди осознают себя нацией. И у них тем самым возникает право на самоопределение — на создание самостоятельного государства. В мире правовых государств, в мире, со вниманием относящемся к праву, дело уже сделано — препятствия к реальному самоопределению остаются «техническими деталями», хотя бы они и представляли немало трудностей на реальном пути к отделению. Однако это новое понимание государства ведет не к замене прежней системы государств новой системой — оно ведет к полному разрушению самого принципа государственности. Нации, расселенные диффузно, нации-анклавы, нации, занимающие выгодные стратегически точки среди прежней территории государства, — все они могут стремиться к отделению и самоопределению, и стремление это вступает в мощнейшие противоречия с принципами суверенности — их собственного замкнутенного государства и того государства, в котором такая идея зародилась. Последовательное проведение идеи о национальных государствах невозможно. Первыми жертвами новой идеи пали империи — Австрийская, Русская. Затем при-

шел черед и иных государств, подававших себя в безопасности, подтававшихся на свою монолитность. Причина этого спокойствия — в том, что люди просто не осознавали, что в их стране живет много народов. Имеется признания деятелей пореволюционной поры, которые, взглянув на развал Русской монархии, на возникновение СССР, с изумлением признавали, что все предшествующие десятилетия им и в голову не приходило, что о Русской империи нельзя говорить как о русской... Очевидности не заметны людям. Все предреволуционные писатели исходили из того, что Россия является национальным монолитом. Эта идея на деле являлась и является краудтольвым камнем славянофильской и почвеннической программ.

Г. П. Федотов. 1935. Новый идоол

Но если национальная идея не исчерпала себя в русской культуре, то в политической жизни настоящей и будущей России национализм представлял несомненную национальную опасность. Россия — государство народов. Большинство из них впервые пробудилось к национальной жизни, и их молодое самодобие чрезвычайно щепетливо. Они и сейчас с трудом переносят свою зависимость от Москвы. Не в большевизме только дело. Власть более туманная и демократическая, но ярко национальная — власть русская встретится с еще большими препятствиями на «окраинах». Победа национальных течений в Веллкороссии рискует просто взорвать Россию, которая не может жить в состоянии войны с 45% своего населения.

С разрушением — пока только в идее — концепции современного государства, разведенного идей национального самоопределения, перед любой почвенной идеологией встанут огромные проблемы. Единство нации, культуры, страны, государства рушится. Этих проблем не замечали перед революцией, ужаснулись, увидев распад России на десятки государств, и пропели осанну большевикам — за собирание империи, за восстановление государства. Однако прошло 70 лет, когда проблема многонациональности России была вытеснена на периферию сознания, и теперь она вновь стоит во всей остроте.

Вот как высказывается, например, о национальной политике В. Межуев.

В. Межуев

Действительно, какая иная цель может быть у национальной политики, как не защита особенной национальной культуры, сохранение нации как уникальной культурно-исторической целостности? Думаю, не будет ошибкой признать, что для нации политика должна служить средством к достижению определенной культурной миссии. Для националиста государство получает свою идеальную задачу в служении интересам нации, а так как нация преждает в первую очередь культурную общность, то «интересы нации» в перспективе всегда соответствуют стремлению сохранить и укрепить ее культурную самобытность. Не ставящая перед собой никакой миссии или культурной задачи политика «национального интереса» либо просто утрачивает смысл, либо становится на службу «узкого эгоизма», притом эгоизма людей, объединенных в общество лишь в силу исторической случайности.

Изначально противоречивость «национальной» парадигмы и позволяет снять парадигма «цивилизационная». Цивилизационная идентификация более укоренена в истории, и потому Хантингтон имеет основание надеяться, что люди будут сражаться за цивилизацию с большим рвением и азартом, чем за нацию, зачастую не имеющую культурных традиций и, следовательно, исторического смысла существования. Соответственно, и легитимность, базирующаяся на цивилизационном родстве, окажется несравненно более устойчивой (журнал «Знание-Сила», 1995, №6).

И вновь совмещение идеи национального государства и новых реалий глобального мира (право наций на самоопределение и т. д.) не является очевидным. Ни один из почвенников, участвовавших в нашем диалоге, не касался важнейшей для почвенничества проблемы: в какой мере приложимы к России почвеннические идеи. В России вторая по мощности религия — ислам. Есть и сильные анклавные ины религий. Почему оказывается возможным говорить о православии в такой стране? В России

множество этносов, часто весьма многочисленных. С какой стати столько внимания уделяется чертам русского национально характера? О чьей державности говорят почвенники? О чьей национальной идее?

Эти вопросы не были заданы. Их не задавали почвенникам даже их противники-западники: неудобно. Это та вещь, о которой приличные люди не говорят. О вере не спорят, мы же не варяры. В споре, инициированном ФОМ, принимало очень небольшое число людей, которые всерьез исповедовали бы то, что можно назвать «русским фундаментализмом», хотя есть основания полагать, что таких людей достаточно много. Со всем не охвачен фундаментализм мусульман — хотя представляется весьма интересным узнать, как отнеслись бы исламские государственники и почвенники к позиции своих православных коллег по мировоззрению. Современная национальная идея касается не только почвенников. Западники наши тоже говорят о «западном стандарте национальности» — как о панacee, как о некотором рубеже, который необходимо занять, до которого надо дотянуться. Однако решения на этом рубеже нет — и «современная нация» является таким же врагом западных построений, как и почвеннических.

П.Б. Струве. 1918. Исторический смысл русской революции

Жизненное дело нашего времени и грядущих поколений должно быть творимо под знаменем и во имя *нации*. Нация /.../ есть формально такое же понятие, как класс. Национальное сознание так же образует нацию, как сознание классовое — класс. Нация — это духовное единство, создаваемое и поддерживаемое общностью культуры, духовного содержания, завещанного прошлым, живого в настоящем и в нем творимого для будущего. /.../

Все задачи нашего будущего сходятся и объединяются в одной: воспитание индивидов и масс в национальном духе. Эта задача есть задача воспитательная /.../ Русская нация и ее культура есть стихийный продукт всей нашей жесткой и жестокой истории.

На развалинах России, пред лицом поруганного Кремля и разрушенных Ярославских храмов мы скажем каждому русскому юноше: России безразлично, веришь ли ты в социализм, в республику или в общи-

ну, но ей важно, чтобы ты читал величие ее прошлого и чаял и требовал величия для ее будущего /.../

На том пепелище, в которое извержением соци- адмистических вожakov и разгулом соблазненных ими масс превращена великая страна, возрождение жизненных сил даст только национальная идея в сочтении с национальной страстью.

Все эти проблемы были осознаны еще Леонтьевым, отчето его концепция и не является «классической» почвеннической концепцией. Он звал Россию на путь Византии, а не на позицию «русской государственности» — он видел спасение только на путях охранительной империи. Карта эта оказалась бита — но другой в запасе, похоже, нет, — нет и серьезного решения искать ответы на этот круп вопрос.

В 1980-х годах возлагались надежды на мультикультурализм, который принесет свободное и демократическое решение национальных проблем. Однако практика мультикультурных решений показала, что в результате возникают вещи страные и мультикультурной теорией не предвиденные: добровольная сегрегация (в США имеются сегрегационные квоты для наименьшинств в престижных социальных группах; снять эти квоты не удается: меньшинства протестуют против снятия удобных квот даже после достижения «равенства»); отказ от социализации (т. е. от «растворения» в мажоритарном этносе) и добровольная «геттизация» (жизнь этническими анклавами).

В России этот букет проблем дополняется отмечаемой многими «теоретичностью» национальной идеологии. То есть этнические проблемы существуют и должны бы дополняться этническим самосознанием и идеологией, но картина далеко не так проста. Часто оказывается, что национальные идеологии есть, а соответствующего народного движения нет. Такой парадокс иногда объясняется усталостью людей, переживших смутное время начала 1990-х, утратой иллюзий и идеалов. Однако о том же говорилось и 200 лет назад, когда казусы перестройки еще не могли ослабить народ.

И. Аксаков. 1830. Речь на Пушкинских торжествах 1880 года

Есть такие счастливые на земле страны, где совершенно праздны, да и немыслимы, вопросы: народен или не народен такой-то поэт или писатель? Где

нет погоны за «народностью», где народность есть именно та самая стихия, которой *образованный*, органически правильно сложившийся свой народ (по есть общество) естественно живет, движется и творит, — которая, другими словами, проявляет себя свободно и разнообразно в личной сознательной деятельности народных единиц: и в искусстве, и в науке, и в жизни!.. История судила России иной путь развития. /.../ Тяжко пришлось русским людям; но обрататься вспять было уже нельзя, — да и нежелательно. Оставалось идти вперед, овладеть сокровищами и орудиями европейского просвещения и трудным подвигом самосознания расоргнуть окопы народного духа, воссоединить разрозненные слои, одним словом, возратить русской народной жизни свободу, цельность, правильность и плодотворность самобытного органического роста. Вот этой-то, выпавшей в удел русскому обществу исподлинской задачи и объясняется то странное явление, которому почти нет подобного в других странах, именно: что сама народность в народе становится объектом сознания, внешней целью, искомым, что возможны у нас вопросы о народности художника, мыслителя и государственного деятеля...

Совсем иную идею нации, чем была высказана в «праве наций на самоопределение», разрабатывали славянофильское (по преимуществу) и в некоторой степени западническое мировоззрения в России. Эта идея восходит к глубинным истинам христианства.

В. Соловьев. 1888. Русская идея

Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности.

Органическая функция, которая возложена на ту или другую нацию в этой вседенской жизни, — вот ее истинная национальная идея, предвечно установленная в плане Бога.

Официальная опека, наложенная на национальный дух России, могла быть благодетельной, когда этот дух был еще в детском состоянии; в настоящее время она может только придушить его.

В концепции Соловьева сочетаются почвеннические и западнические ценности — и противостоит она не почвенничеству и западничеству по отдельности, а обоем вместе, сопротивляясь идее народа-ребенка. Однако эта концепция — не сказать, чтобы развитая во всех деталях, однако начала — ныне не в ходу. Резюмируя трудности, протекающие в современном мире из определенного, современного представления о национальности, Г. Померанц пытается найти выход.

Г. Померанц. 1994. Выбор XXI века

На Западе идея нации возникла в государствах, уже сложившихся в своих границах, со своим утвердившимся языком и культурой. Слово «нация» обозначало здесь переход от верности королю к суверенитету народа. Нация — это подданные короля, осознавшие себя сувереном. Вопрос о границах здесь не было (или почти не было). В Центральной Европе положение было другим. Идея нации стала здесь призывом к войне. /.../ В Восточной Европе идея нации натолкнулась на многоплеменные империи и взорвала их /.../. Обстановка неуверенности и страха провоцирует национальную озлобленность (такую захваченность национальными интересами, которая делает неспособными понимать чужие интересы). Нация становится Молохом, которому приносятся человеческие жертвы.

Г. Померанц. 1993. Корни будущего

Идеей или принципом российской политики должно стать достоинство личности, защита прав личности, защита от произвола администрации и буйства толпы. Только человек, уверенный в своем достоинстве, может стать добросовестным работником и создателем рациональной экономики. /.../ В многонациональном государстве нельзя ставить на вершину иерархии ценностей народ, этнос. Паченные страсти рвут единство в клочки.

Выход этот находится, по сути, в игнорировании решения вопроса о нации. Померанц видит выход в личных усилиях каждого человека, который должен вырасти духовно так, чтобы всплески национальных страстей не могли размыть фунда-

мент его разума, и одновременно в поддержке государства, которое охраняет и оберегает эту растущую личность от натиска толп. Это, конечно, выход — но для человека и для государства, а не для нации и национальной идеи. Смирится ли эта идея с таким решением? Или завоеует людей и государства, чтобы ни те, ни другие не препятствовали ее «свободному развитию»?

Общественная почва и произрастающее на ней государство

Единственный способ избавиться от Араконов — это иметь своего собственного.

Евгений Шварц

Так случилось, что разговор о проблемах модернизации, о возможности изменения культуры и пути развития России тесно связан с вопросом о природе государства в России, о том, что в почвенной идеологии именуется «державностью» (об этом — см. главу 2, раздела «Державность, государственность»). Эта тема является относительно новой в споре западников и почвенников. С особой остротой она встала в послереволюционные годы, когда на смену сотни лет существовавшему привычному государственному устройству пришло новое образование — СССР. До этого «державность» и ее черты обсуждались, и были выдвинуты многие важные концепции этой державности, но все же тема оставалась на периферии спора почвенников и западников. Те и другие были уверены, что государственное устройство России — вещь неизменная, так что обсуждение сводилось к указанию на преимущества нашей монархии перед устройством государств Запада — или в указании на наши недостатки. После развала России произошло смиксом много изменений, так что тема государственности по-прежнему оставалась в тени: пожалуй, наиболее существенным для эмигрантов той поры было новое объединение, когда СССР вновь собрал те земли, которые разбежались из-под российской короны в результате «права наций на самоопределение», провозглашенного революцией. СССР игнорировал это право со

всей возможной жесткостью, так что и думать об этом забыли. Дискуссии о государстве начались в связи с «правами человека» в диссидентской литературе и стали широко известными только после развала предмета обсуждения. Опять же, несмотря на значительную долю националистической литературы в самиздате, в целом можно сказать, что центральной проблемой являлись все же «права человека», отношения государства и личности. Многие, очень многие деятели диссидентского движения искренне не задумывались над тем, что же будет с государством после свержения антинародного строя. Как-то в силу привычки — так же, как дореволюционным мыслителям — им казалось, что все будет по-прежнему, только лучше. С тех пор как распался СССР и появилась Российская Федерация, этот вопрос стал вызывать все большее внимание.

Модернизация, западное влияние принесли с собой совсем иное отношение между человеком и государством, чем то было привычно. Сфера государственности сузилась, тотальный контроль над человеком более не осуществляется, появились новые права и свободы. Однако увеличение свободы выбора — это совсем не только «багато» и уж точно не только «удовольствие», это необходимость совершать большее количество ответственных выборов и решений, это ощущение покинутости, это необходимость опираться на собственную активность. Дело не только в поисках работы, платных образования и медицине. Ранее социальная адекватность многих личностей поддерживалась государством — а теперь это не так, и многие не вынесли ответственности за себя, поскольку социализация стала личным делом каждого. Проще говоря, во многих вопросах ситуация изменилась таким образом, что то, что раньше за человека делали «Другие» (государственные организации, специально для того предназначенные), теперь должен делать сам человек — ему приходится больше работать и быть более активным. Коммуно-то это нравится, кто-то от этого в буквальном смысле сходит с ума, а кто-то нетоудет.

Поэтому возникают многочисленные вопросы: обязательно ли модернизация связана с изменением государственного устройства и нельзя ли сочетать ее с привычным строем государства? какое государство является исторически привычным для народов России? привела ли революция 1917 года к существенному изменению привычного государственного устройства или

Советский Союз в этом отношении был вполне типичен для российской государственности и только теперь, начиная с 1990-х годов, государство существенно изменилось? нужна ли модернизация, если она приводит к разрушению исторически типичного государства? следует ли стремиться к новому, еще более тотальному контролю государства за гражданами или разрушение этого контроля было одним из важнейших завоеваний «новой России»?.

Изменение государства во время последней модернизации привело к ряду вопросов, связанных с «государственным чувством». На протяжении сотен лет своей истории Россия была страной, быстро растущей территориально. Она проиграла очень небольшое количество войн и потеряла лишь несколько самых удаленных районов. Долгое время она оказывала очень большое влияние на действия других стран, с позицией российской правительства согласовывали свои действия самые разные страны мира. И варуг — исторически мгновенно — Россия потеряла огромные по площади территории, в том числе близкие к центру страны, и оказалась отброшенной с мировой политической арены; говорят, что она перестала быть «сверхдержавой» и «империей». Отсюда спрашивается — хорошо ли быть империей? правильно ли? является ли это обязательным, входит ли это в «пути России»? действительно ли народы России платили очень высокую цену за величие государства или цена эта была невысока или по крайней мере вполне приемлемая? нужно ли добиваться создания нового великого государства, следует ли для этого воевать или Россия может развиваться мирным путем и для нее не слишком важны амбиции на международной арене?

Напомним кратко то настроение «державности», с которыми мы познакомились в соответствующем разделе книги.

М. Назаров

Православные почвенники предлагают ориентироваться на сам идеал православной «симфонии» и Третьего Рима (ища этому воплощение согласно имеющимся условиям), а не на исторические искания идеала, которые должны быть осознаны и отвергнуты как таковые. Такова наша «идеализация» дореволюционной России: она строится и «требовательная» (а не самодовольно потакающая всем тре-

хам и замызгивающая их — какова обычно идеализация либеральной демократии у наших западников) (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

В. Соловьев. 1888. Россия и вселенская церковь

Наши предеки в XV веке имели очень определенную идею о том будущем, на пользу которого они работали; то была всероссийская империя. И мы, для которых эта верховная цель их усилий стала свершившимся фактом, можем ли мы быть менее осведомлены, чем они, относительно нашего собственного будущего, можем ли мы предполагать, что оно совершится помимо нас, помимо нашей мысли и нашего участия?

Надо сказать, что не только почвенники, но и записные западники были весьма озабочены судьбами русской государственности и падением патристических чувств русского народа, развивающимся безразличием к судьбе государства.

С.А. Франк. 1956. Умственный склад, личность и воззрения П.Б. Струве

Сознательный патриотизм предполагает /.../ осознание ценности самого национального бытия, как такового, и тем самым его организации в лице государственности. Но в силу некоторых особенностей русской истории 18-го и 19-го века эта мысль и забота о самом национальном бытии, о его сохранности и процветании, оказалась достоинством одних только правящих кругов; широкие слои общества и народа настолько привыкли ощущать неколебимую прочность и мощь национального бытия, что совсем отучились думать о нем; это сказывалось в особенностях в полном пренебрежении к вопросам внешней политики /.../. Уже в 1831 году, по поводу отношения русского общества к польскому восстанию, Пушкин ждалась на господствующий в России политический индифферентизм. Тем более этот индифферентизм овладел русским обществом начиная с 60-х годов, когда все внимание было обращено на внутренние реформы и когда в состав общества вошли недворянские слои, далекие

от навыков государственной власти /.../. Все мы выросли и жили в атмосфере равнодушия к проблеме национального бытия: идее национализма и патриотизма, дознати о защите государства от внешних и внутренних врагов казались только лицемерным прикрытием реакционных мероприятий и вождяческой власти, и над ними было принято только смеяться. Славянофильство, культивировавшее национальное сознание, вскоре сошло со сцены или начало вырождаться; все оппозиционное общественное мнение стало «западническим», а западничество — если не принципиально, то фактически — постепенно сливалось с индифферентизмом к проблеме государственно-национального бытия России.

Совершенно неверно было бы утверждать, что славянофильды всегда ратовали за «державность», а западники «разлагали государственность». Скорее здесь ситуация как с проблемой общины: были западники, чрезвычайно заинтересованно относившиеся к общинности и державности, и были периоды, когда большинство западников придерживалось иных позиций. Так, мощнейшая в России школа государственного права была западнической, к ней принадлежали В.Н. Чичерин, его ученик П.И. Новгородцев, «государственниками» были Кавелин, Струве, Франк.

Из описания идеала державности вытекает вопрос о цене, которую следует заплатить за сохранение этого идеала. Что бы ни было выставляемо идеалом — Русская империя Романовых или СССР, — все равно необходимо выяснить: стоило ли то, что было построено, жертв, потраченных на его подержание?

А. Зубов

Можно ли считать успешными реформы Петра при той цене, которую он заплатил, к примеру, за строительство Петербурга, — я имею в виду гибель миллионов «средь топи бласт» этого миража на Неве? Оправданна или не оправданна такая цена Петербурга? Можно ли считать успешными сталинские реформы, за которые народ России заплатил десятками миллионов человеческих жизней? Есть ли

у реформ предельная цена? Не обесценены и, даже более того, не вредоносны ли для русского общества были все эти Магнитки и Беломорбалты, если построены они на слезах, крови и костях? Это — вопрос не чисто моральный, хотя для меня моральное измерение всегда очень важно. Это, если угодно, и вопрос сугобо демографический, ибо речь идет об уничтожении миллионов людей. Причем при Сталине, как известно, уничтожались не худшие, а лучшие, самые ценные для общества люди — лучшие крестьяне, выдающиеся инженеры, интеллектуалы, мыслители, философы, активные, энергичные, профессиональные рабочие, а также государственные деятели — ответственные и нравственные, которые не могли смириться с этими действиями советской власти.

Государство существует именно для защиты человека, для обеспечения его нормального, благополучного, максимально возможного свободного бытия. Если это не достигнуто, если человек находится в состоянии опасности, скажем, от КГБ или ППУ, если он вынужден нищенствовать ради непонятно каких целей и задач, которые выдвигает государство, тратящее деньги, выкраденные из кармана обывателя, на внешнюю агрессию, то эта высшая цель оказывается не достигнутой. То же самое можно сказать о внутренней свободе человека. Это уже, если угодно, некоторая религиозная цель. Где дух Господень — там свобода. Обеспечение для человека возможности свободно действовать как личности, свободно себя реализовывать — это тоже важнейшая задача государства. Там, где государство строится на максимальной несвободе, как петровское или сталинское, оно неуспешно по определению, по самому основанию своему. А, скажем, Реформы Александра II — о них уже надо говорить как о чем-то принципиально ином, потому что они расширили сферу свободы. С другой стороны, они в немалой степени защищали человека. /.../

Общество, которое может породить систему социальной защиты из самого себя — это зоркое общество. Общество же, которое ждет, что кто-то сверху ему даст социальные гарантии и социальное

обеспечение, а само из себя ничего породить не может, — это болное общество. /.../

Но может ли существовать общество, которое живет только за счет поощрения слабых? Напомню знаменитые слова Столыпина: наши законы для сильных и активных, а не для слабых и пассивных. Государство, действительно, должно заботиться обо всех, но полагать, что само общество должно полностью ограничивать себя ради худших, равняться по худшим, — это, в конечном счете, просто глупо (Клауд Диккурс: Социум, 2001).

Эта развернутая картина и есть тот идеал, который пришел на смену Империи. Вместо государства — самостоятельной ценности, вызывающего восхищенную (или боязливую) дрожь своими свершениями, приходит государство — существование граждан, прием граждан самых разных. Изначность сама решает, какой ей быть, и государство не интересуется вопросом, направлены ли его усилия на защиту «чуждо-богатырей» или меньшинств, «ценных специалистов» или наркоманов. Оно равно служит всем. Однако служит достаточно внешним образом: не опекает, не поддерживает, а лишь охраняет от внешнего насилия. Человек сам должен проявлять активность в устройении своей судьбы, если он подендился или пропал — никакая высшая инстанция не придет к нему на помощь. В числе свобод неотъемлемым образом существует и свобода пропасть — оказаться лишним и ненужным.

Происходят споры, какая концепция государства лучше — патерналистская, когда государству есть дело до каждого подданного, или правовое государство, описанное выше. Противоборство между этими концепциями происходит на многих уровнях, и один из наиболее важных — это вопрос о силе того или иного типа государства. Одно из обыкновенных обвинений, выдвигаемых сторонниками СССР (ранее — монархии) против идеала западного государства, ныне победившего в России, — это обвинение в развале государства. Потерины территории, потеряно влияние в мире, потеряна власть внутри страны. Напомню, что такие обвинения и дискуссии шли, например, в послевоенной Великобритании, после распада Британской империи. Сторонники современной русской государ-

ственности указывают, что вина за эти потери лежит на него-
дом правлении вечерней эпохи, атакующие настаивают на
простоm сравнении результатов: неважно, что к чему привело
и с чем было связано, однако в 1960-х было вот такое поло-
жение вещей, и где оно сейчас?

Интересный поворот этому вопросу придал А. Уткин, выс-
казавшийся о сравнительной силе русского государства в раз-
ные периоды его истории.

А. Уткин

Есть два типа сильного государства — государство
диктатуры и государство закона. Западные демокра-
тии являются сильными государствами. Принято ре-
шение, и люди платят налоги, исполняют предписан-
ное, даже будучи недовольными. Самое худшее, что
они могут сделать в ответ на то, например, что налоги
доходят до 50%, — вывезти свой капитал и уехать.

/.../ В России — не так. Здесь решение, приня-
тое царем, тенсеком, кем угодно, — никогда не дой-
дет в таком виде в какой-нибудь маленький торго-
вишко. Поэтому я абсолютно не согласен с тем, что
Россия была на протяжении всего советского пери-
ода тоталитарным государством. Россия — это от-
ромный стол сена в том смысле, что она отливается
весьма малой управляемостью. Приписывание ей
органической склонности к тоталитаризму искажа-
ет реальность — подлинную склонность к неуправ-
ляемости и анархии. Тоталитарный — это всеобщий,
всеобъемлющий, всепроникающий. Нацизм был
тоталитарной системой с сильным государством
диктаторского типа, хотя и кратковременным.
В России же в XX веке преобладало слабое госу-
дарство (Клуф Дискурс: Социум, 2001).

В.К. Кантор. 2001. Русский европеец

Самодержавное государство боялось личностно-
го начала не только в образованном обществе, но
и в народе. И здесь оно совпадало с народными, еще
безличностным сознанием. /.../ Несмотря на кажущуюся
внешнюю мощь российского государства, бравшего на себя все проблемы устройства жизни
своей страны, оно, по сути, было слабо, а потому

опасалось любого независимого проявления чело-
веческой деятельности — в духовной ли области, в
экономической или политической...

Тем самым выдвигается противопоставление демокра-
тического государства западного типа — слабо ограничивающего
граждан, но богатого и умеющего добиваться выполнения тех
решений, которое оно считает нужным, и патерналистского
государства восточного типа, претендующего на абсолютную
власть, но на деле управляющего не слишком многим и не
проникающего в глубины социума («стога сена»). С этих пози-
ций сетования на ослабление России в результате перехода
1990-х годов могут обрести определенную надежду: мы пыта-
емся усвоить традиции «сильных государств», и тем самым
«Великая Россия» снова оказывается тем идеалом, на вопло-
щение которого можно надеяться.

Разумеется, этим еще не сказано, возможно ли построение
такого государства в России. Очень многие почвенные мысли-
тели утверждали, что тип государственности, сложившийся в
России — будь то Русская монархия, будь то СССР, — есть
естественный для этой земли способ государственного устрой-
ства и любой другой способ, не согласующийся с привычками
народа, потерпит здесь крах.

П.Н. Милюков. [1993]. Очерки по истории русской культуры

Самый рост деспотизма государства в процессе
исторического строительства являлся /.../ столько
же привычной, сколько и следствием слабости соци-
ального расслоения русского общества.

Свое начало мысль эта ведет еще от Карамзина.

Н.М. Карамзин. 1811. Записка о Древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении

Гражданские учреждения должны быть сообра-
жаемы с характером народа: что хорошо в Англии,
то будет дурно в иной земле.

М.М. Сперанский. 1810

Странно было бы желать, чтобы народы в обра-
зе жизни, привычках их, степени просвещения и

промышленности различные, покорялись с равной удобностью единому образу правления.

В. Соловьев дал описание русской государственности с очень разных сторон. Он ярко выразил взгляда на русский народ как на народ *антигосударственный*.

В. Соловьев. 1894. Национальный вопрос в России

Русский народный взгляд не признает государственность саму по себе за высшую и окончательную цель национальной жизни. Понимая всю важность государственного порядка, сильной власти и т.д., русский народ никогда не подожит свою душу в эти политические идеи. Для него государство лишь необходимое средство, дающее народу жить по своему, отражающее его от насилия чужих исторических стихий и обеспечивающее ему известную степень материального благосостояния.

Это достаточно специфическое свойство русского народа, существенно изменяющее взгляда на русскую государственность, которую народ, согласно этому взгляду, терпит, а не поддерживает. Другое дело, что Соловьев не ограничивался указанием на антигосударственность русских, он говорил и о той конкретной политике, которую, по его мнению, должно вести российское государство.

В. Соловьев. 1896. Мир Востока и Запада

Широкая всепримиряющая политика — имперская и христианская — есть единственная национальная политика России, потому что только она соответствует лучшим отдалительным сторонам русского народного характера. /.../ Их образ /Петра и Екатерины II. — А.Б., Г.А./ и их исторические дела говорят России: *будь верна себе, своей национальной особенностям и в силу ее будь универсальна*.

В этой связи крайне интересны мысли Г. Федотова. Он только исследует те тенденции, которые проявились во время революции и гражданской войны, и получает весьма оригинальную формулу русской государственности. Федотов ставит вопрос: *каким будет государство будущего?*

Г. П. Федотов. 1928. *Sarpen saeculare*

Будущее /.../ принадлежит не революционной душе социализма, которая связывает его с традициями 1793 года, а той, другой его душе, которая в лице основоположника Сен-Симона грядет в средневековое, католическое прошлое. В столкновении консервативных и революционных сил нашего времени прежде всего гибнет третья — либерализм, — а оба уцелевших противника во взаимной борьбе, как Дантовские люди-змеи, меняя свои тела, переходят друг в друга (Ал XXV) в передвижатой ирре черных и красных цветов.

/.../ Наблюдая жестокою борьбу партий, разрушающих справа и слева все формы правового государства, гражданские войны, диктатуру вождей, легко прийти к мысли, что новая государственная форма, подлежащая смене парадоксализма, будет более или менее демократической деспотией. Деспотизм — обычный исход гражданских войн и естественный паод культуры сильной личности. /.../ Призрак новой, социальной монархии носится в воздухе. Но есть и противоположения. /.../ Деспотизм — не патриархальный, а революционный, развивается в атмосфере социальной пустоты, в атомизированном и безнадёжно нивелированном обществе. Новое общество — хотя демократическое — стремится к почкованию: к созданию крепких элементарных кают. Эти каютки, взамен угасшего чувства личной свободы, должны ограничивать покушения государства — более того, подрывать самую форму государственного суверенитета, нам привычную. Государство как объединение союзов, как центр равновесия сложных духовных и материальных сил не может быть деспотией. Оно по типу своему напоминает скорее средневековое государство или коммуны, чем античную или французскую империю. Диктатура партий и вождей в этих условиях может быть переходом не к автократии, а к «советской» или «гильдейской» республике, организованной иерархически, управляемой избранным штабом специалистов техников и организаторов.

Здесь высказано очень много мыслей, скрывающихся под неприглядными сегодня словесными оболочками. На будущее

можно запомнить «невозможное» для современников Федотова сочетание Деспотии и Демократии — не правда ли, сегодня это звучит вовсе не нелепо? Можно также обратить внимание на упорно всплывающую у Федотова аллюзию средневекового государства, причем указывает он не на «феодалную раздробленность» (почти единственное, что средний человек современности может вспомнить на этот счет), а на совсем иные черты.

В заключение надо сказать, как оценивал Федотов революцию. Данный факт относится к нашей теме потому, что именно при расуждениях о природе русского государства 1917 года — рубежный для многих расуждений. Для монархистов это год потери преэминентности, падения России и возникновения на ее месте чего-то омерзительного и ненужного, и до сих пор их надежды на обновление России не сбылись. С 1990-х годов страна живет в новом для себя времени, и только для монархистов ничего существенного не изменилось, пока не восставлена легитимная форма правления. С другой стороны, многие государственники склонны утверждать, что существенная природа Русской Власти в 1917 году не перевернула значительных изменений. Сменились некоторые внешние формы, многие принципы функционирования, но основные показатели остались прежними. Для таких мыслителей важным рубежом оказывается именно распад СССР и возникновение Российской Федерации. Наконец, были в XIX веке и отчасти существуют сейчас радикальные почвенники, для которых и Петербургская империя нанесена на русскую почву ветром с Запада. Для них существенным было бы возвращение к Москве — Третьему Риму, если не далее.

Что же думал Федотов, который согласен был в 1928 году размышлять об изменении власти в России на протяжении десятилетий, о перерождении большевистского режима?

Г. П. Федотов, 1932. Россия, Европа и мы

Я не хочу сейчас говорить о том, что разделяет Россию и Европу сущностно — изначально и навсегда. Нет, на том самом отрезке пути, на котором мы идем вместе, — послеперевом пути России — мы с Европой разошлись так далеко, что и голоса человеческого не слышать из-за рубежа. Эта пропасть вырыта самим фактом коммунистической революции.

Итак, Россия после Петра, Россия, по мнению западников, наконец-то направившаяся в нужную сторону, к Западу, — эта Россия, по мысли Федотова, именно в это время, время вестернизации, «сущностно» удалялась от Европы. Точка — или, если хотите, «пропасть» окончательного и «вечного» разрыва — 1917 год, коммунистическая революция. Федотов считал, что надежда на сущностное уподобление Западу нет, западным путем России не пройти и западного типа государства не построить. Возможно, он был не прав, однако на нашем форуме никто не сказал, что существующее сейчас в России государство — западное; можно сказать, что оно в значительной мере построено по образцам Запада, можно добавить, что многое в нем заимствовано «под Запад», можно выразить надежду, что оно дальше будет развиваться в сторону, указываемую типом западной демократии, — но утверждать, что процесс завершился и тип государства в России — западный, пока трудно.

Автаркия

Когда свобода исчезла, остается еще страна, но отечества уже нет.

Франсуа Рене де Шатобриан

Россия сейчас отрезана от Запада. Войти в близкий контакт с западными государствами ей мешают многие экономические и политические причины. И потому на поверхность спора всплыл вопрос, почти не проявлявшийся ранее в споре западников и почвенников, — вопрос о возможности замкнутого, самодостаточного развития страны без существенных внешних контактов. Сейчас такая позиция вытекает из почвеннического неприятия Запада (хотя и некоторые западники — но по иным причинам — ей не чужды). Вот как выступила эта позиция в нашем диалоге.

М. Назаров

Каковы должны быть критерии «эффективности», «современности», «модернизации», «достижимости» и т. п.? Эффективнее «двигаться вперед»

вместе с Западом к царству антихриста? Или же эффективнее спасать людей для достижения ими Царствия Божия?

Как раз для этого последнего России в данных условиях необходимо максимально возможная автаркия (она вполне возможна при российском самодостаточном потенциале), т. е. изоляция от воздействия политических и финансово-экономических инструментов мировой апостасии при сотрудничестве со всеми подаваемыми, но еще сохраняющимися здоровыми (национально-христианскими) оппозиционными силами в мире, в том числе и в демократических странах.

/.../ Ответ на Ваш вопрос, как мне конкретно видится в современных условиях национальная диктатура и автаркия.

Прежде всего это не «изоляция от мира», а изоляция от греховного и преступного мира — при сотрудничестве со всеми здоровыми силами во всех странах. При поддержке России они и у себя дома могли бы стать более влиятельными.

По конкретным Вашим примерам: не «блокировать Интернет» и «глушить зарубежные радиостанции», а систематически противопоставлять распространяемой с Запада политической, исторической и мировоззренческой неправде — очевидную правду, что легко сделать (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Разумеется, большинство западников не признают такой позиции. А вот как на нее возражали различные мыслители прошлого.

В. Г. Белинский. 1843. История Малороссии

Народы начинают создавать, что они — члены великого семейства человечества, и начинают брать к делу друг с другом духовными сокровищами своей национальности. Каждый успех одного народа быстро усваивается другими народами, и каждый народ заимствует у другого особенно то, что чуждо его собственной национальности, отдавая в обмен другим то, что составляет исключительную собственность его исторической жизни и что чуждо исторической жизни других. Теперь только

слабые, ограниченные умы могут думать, что успехи человечности вредны успехам национальности и что нужны китайские стены для охранения национальности. Умы светлые и крепкие понимают, что национальный дух совсем не одно и то же, что национальные обычаи и предания старины, которыми так дорожит невежественная посредственность; они знают, что национальный дух так же не может исчезнуть или переродиться через сношения с иностранцами и вторжение новых идей и новых обычаев, как не могут исчезнуть и переродиться физиономия и натура человека через науку и обращение с людьми.

Владимир Соловьев указывал прежде всего на вред автаркии для культурного развития России. Тем самым он возражал М. Назаровым, для которого важны именно культурные контакты с Европой, а не внешние и «технические» методы вроде политических альянсов и экономических союзов.

В. А. Соловьев. 1881. Критика отвлеченных начал

Россия обладает, быть может, великими и самобытными духовными силами, но для проявления их ей во всяком случае нужно принять и деятельно усвоить те общечеловеческие формы жизни и знания, которые разработаны Западной Европой. Наша вне-европейская или противу-европейская самобытность всегда была и есть лишь пустая претензия; отречься от этой претензии есть для нас первое и необходимое условие всякого успеха.

Эту позицию Соловьева развивает Г. Федотов. Величайшее нововведение в судьбе России, пришедшее с советской властью, он видел в изменении характера ее образованного слоя.

Г. П. Федотов. 1938. Письма о русской культуре

Никогда, со времен Московского царства, Россия не была отгорожена от Европы такой высокой стеной. /.../ В этом существенная разница между полуграмотной, технической интеллигенцией Петра и такой же интеллигенцией Сталина /.../ Сталин-

ская повернулась спиной к Европе и, следовательно, добровольно пресекала линию русского «универсального» человека.

Интересно, что сегодняшние западники, возражающие М. Назарову, являютя «живым опровержением» слов Федотова (или тем исключением, которое подтверждает правило?): при всех обвинениях, которые надали друг другу современные западники и почвенники в полужанайстве, необразованности и неоформленности, никто не попытается уязвить противника, указав, что тот является «интеллигентом сталинской эпохи», представителем технической интеллигенции узких специалистов. Если такой упрек кому-либо желателен выдвинуть, он может, конечно, сослаться на то, что все участники нашего спора являются такими «советскими интеллигентами» — и потому не обвиняют друг друга в этом грехе, что не способны его распознать. Однако опровержением этой точки зрения является именно подчеркиваемый нами факт повторов между мыслями, высказанными дореволюционными и эмигрантскими интеллигентами, и тем, что прозвучало в нашем диалоге. Мысли, высказанные «настоющей интеллигенцией», повторяются и развиваются. Значит, опасения Федотова, что Россия утеряла истинную, «универсальную» интеллигенцию, пока не сбылись. Совсем с Другой стороны опровергает теорию автаркии Панарин.

А.С. Панарин. 1996. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса

В западных обществах, подверженных /.../ обучению со стороны Запада /.../, определялось несколько типов реакции на этот вызов. Первый может быть назван *фундаменталистской реакцией*. Речь идет об изоляции от Запада, противопоставлении ему собственной традиции, возводимой в абсолют /.../ Такая реакция непродуктивна и опасна одновременно. Ее непродуктивность связана с принципиальной невозможностью закрыться от внешнего мира... Опасность же связана с тем, что последовательный изоляционист выступает не в роли защитника статус-кво (которое все равно является нарушенным), а в роли радикала-реставратора, на-

сильно затоняющего общество назад, вступающего в отчаянную борьбу с Историей. /.../ Только в раскаленной атмосфере религиозно-идеологической одержимости, ничего общего не имеющей с эпископим спокойствием подлинной традиционности, можно защищать традиционность. Революционаристский традиционализм дестабилизирует общество не меньше, нежели внешние провокации, которых он опасается.

Здесь высказывается очень интересная и глубокая мысль о том, что любые традиционалисты на самом деле призывают к не меньшей новизне, к не менее радикальным преобразованиям, чем самые радикальные западники. Тем самым обвинение западного мировоззрения в непродуманном и поспешном проведении слишком радикальных реформ, дестабилизирующих страну, возвращаются к радикалам-почвенникам. Призыв к автаркии может оказаться именно таким радикализмом и вместо сохранения традиционных ценностей и укрепления политической стабильности привести к таким последствиям, которых сами почвенники, к такому решению призывают, вовсе не ожидали. Можно податать, что, осуществившись идеал автаркии, последствия будут столь же катастрофические и непредвиденные, как в результате событий 1917 года.

Завершая тему государства, следует напомнить, что здесь приведены не все высказывания о государстве, прозвучавшие на нашем форуме, но все же приведенные питаты достаточно представительны. И в связи с этим обращает на себя внимание то, что не было сказано. Множество вопросов о соотношении народа и государства не были затронуты. Перечислить их все затруднительно, можно указать только на один из основных вопросов, который формулируется следующим образом. Во многих работах двух предшествующих веков не раз высказывалась мысль, что русский народ (или: народы российской империи, или: российское крестьянство) обладает особенной, внесоударственной природой. В отличие от многих европейских народов нам чужда политический процесс. Любые формальные, рациональные, расудочные проникновения в повседневную жизнь со стороны права и государственных установлений воспринимаются как зло, как омертвление и излившее усложнение жизни. Политика воспринимается как сфера обмана,

которая при любом повороте дела не может принести ничего, кроме джи.

В прежних дискуссиях эта точка зрения так или иначе присутствовала, хотя далеко не всегда была выражена с полной отчетливостью. Например, вот что говорил Бердяев.

Н.А. Бердяев. 1937. Истоки и смысла русского коммунизма

Русский народ — народ государственный, он покорно согласен быть материалом для создания великого мирового государства, и он же склонен к бунту, к вольнице, к анархии.

Бердяеву важно — в присущей ему манере — подчеркнуть двойственность, «подарность» наличного, указать на дионисийское и аполоновское в каждом явлении. Однако покорность — как у безвольного материала — для любого государственного устройства является отнюдь не особой приверженностью к «государственности», а именно антигосударственной чертой народа. В полном виде мысль, задетая Бердяевым, звучит так, что народы Западной Европы способны к самоорганизации, они являются «государственными», народы Центральной Европы имеют определенные предпочтения в смысле выбора типа государственного устройства, но в целом имеют меньший талант к самоорганизации и в большей степени воспринимают государство как внешнюю силу — как выработанную систему законов и властных импульсов, народы же Восточной Европы антигосударственны и по этой причине воспринимает любовь навязанный тип государства. Построение деспотий и империй является подтверждением этой мысли: русским настолько непонятно и неприятно все, происходящее в государственной сфере, что они равно терпеливо принимают любые изобретения, внедряемые в хмурых политических небесах над их головами.

Здесь не утверждается, что эта точка зрения истинна, однако она представляется достаточно важной, и тем не менее об антиполитическом характере жителей России не было ничего сказано. Значит ли это, что высказанная антиполитичность — вымысел теоретиков? Или это было, но теперь прошло? Или это столь очевидно-бездонная тема, что ее не касались, не находя форм для обсуждения? Узнать это нам не удалось.

О ТЕХ, КТО МОЛИТСЯ, И ТЕХ, КТО ГОВОРИТ

Церковь и модернизация

Неверующие двигатели новейшего прогресса действовали в полъзу истинного христианства, подывая ложное средневековое мировоззрение.

Вл. Соловьев

И
 ечь здесь идет не о модернизации церкви, совсем нет. Оказывается, один из важнейших вопросов изменения России при модернизации оказался связан с церковной жизнью. Церковь у нас отделена от государства, модернизация не связана с изменением конфессиональности; так в чем же дело?

Дело в том, что модернизация нарушает привычный уклад жизни и заменяет его иным, построенным по европейскому стандарту. Это изменение не может не беспокоить воцерковленных людей. Боле того, крайний вариант модернизации — это уподобление России Западу, становление России как еще одной страны, построенной по образу Западной Европы. Тако-го результата модернизации не ожидают даже крайние западники, но все же идет дискуссия: следует ли идти путем Запада? не является ли он типичным с точки зрения религиозной жизни? может ли Россия вступить на путь, который уже достаточно обозначен тем, как выглядит церковь на Западе? является ли ценность свободы, одна из первых в западном мировоззрении, достоянием компасом для православного человека? Здесь же обсуждаются вопросы церковного устройства государства и целостная картина образа общества и государства с точки зрения Православной Церкви.

То немалое, что сказано нашими диспутантами по поводу церкви и ее роли в современной модернизации, является продолжением тех вопросов, которые были затронуты в другой связи. Например, встречаются возражения против концепции народа-ребенка.

И. Яковенко

Не могу пройти и мимо пассажа по поводу национальной диктатуры. Назаров не постигает вопрос Климкина: можно ли укрепить веру насильственно, отторгая людей от искушений? — и задает встречный вопрос: «Вправе ли родители насильственно опораживать детей от игры со спичками, развращения, алкоголя и т. д.?». А поскольку «весь наш народ находится в подобном «несовершенном детстве» положении, лишенный элементарного духовного воспитания», то уберечь его от соблазнов и привести к истине — прямой долг национальной диктатуры. Смело утверждать, что такие представления о способах распространения божественной Истины имеют столь же малое отношение к христианству, сколь и подмена веры знанием (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Можно добавить, что концепцию народа-ребенка высказывали и некоторые западники, так что ничего специально-христианского в представлении о контроле над населением, патернализме и «несознательном народе» нет. Речь о ином: многие наблюдатели российской жизни приходят к мысли о «несовершеннолетии» народа, и увидевшие этот факт делаются на ужасающих ему и на согласных (пока) терпеть такое положение дел. Немного найдется мыслителей, признающих несовершенное состояние народа в качестве «идеального» варианта, а вот о том, что делать с реальным несовершенством, идут горячие споры.

Совсем с другой стороны касается религии Г. Померанц. Он рассматривает национализацию каких-то местных особенностей религиозной жизни как фактор идеологического сопротивления, по сути у него религия — часть идеологии, которая работает на сохранение народа — в политическом и культурном смысле.

Г. Померанц

Глобализация — процесс мировой, он начался четыре тысячи лет тому назад, но он все время сталкивался и с сопротивлением, которое было не бесплодным. Это сопротивление сохраняло участников мирового диалога культур. Оно сохранило не только евреев, но и, например, армян, и многих других. Что сделали высококультурные народы Ближнего Востока, которые хотели не потонуть в становлении эллинско-православного этноса? Они интуитивно предпочли волю к сопротивлению Константинополю. Армине — монофизиты, сирийцы — монофизиты, ассирийцы — несториане (а они в Средние века большую роль играли), и наконец финикийцы — монофизиты. То есть все народы, хотевшие сохраниться, благодаря этим ересям уцелели. В других случаях, среди варягов, к которым, прошу прощения, относились европейские народы, сохранение самобытности шло не по линии богословских тонкостей, век которых прошел, а в форме легенд, народного озычивания: матка боска — крулева польская, Христос соответственно русский, святая Анна (мать Марии) — бретонка. Национализация религии происходила постепенно. В первое время христиане были своего рода диаспорой (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Встречаются и другие высказывания, утверждающие, что религиозную жизнь следует всячески в государстве поддерживать и развивать. Рассуждения при этом строятся таким образом: народ сейчас потерял всякую нравственность, а безнравственные люди не способны к эффективному взаимодействию в обществе. Поэтому религия — важнейшее государственное дело, атеистов, в общем-то, следует несколько поприжать, как-то им воспрепятствовать, поскольку то, что они пропагандируют — неверие, — есть дело антигосударственное. Напротив, конфессиональные ценности — дело наиважнейшее, они входят в государственную символику, составляют основу патриотических чувств, и такие ценности следует всячески оберегать. Правда, таким ревнителям религиозной жизни абсолютно все равно, какая религия будет крепить государственные и социальные чувства в стране, — привычно в этой функции православие, но если и ислам — тоже дело хорошее.

Глава 5. О тех, кто молится...

Г. Померанц. 1998. Мыслители читают Достоевского

Где есть опека над людьми, кажущаяся забота об их счастье и довольстве, соединенная с презрением к людям, с неверием в их высшее происхождение и высшее предназначение, — там жив дух Великого Инквизитора.

Совершенно по духу высказывания о религиозной жизни народа можно найти у прежних участников Диалога.

И. Киреевский. 1839. В ответ А.С. Хомякову

Россия не багстаеда ни художествами, ни учеными изобретениями, не имей времени развиваться в этом отношении самобытно и не принимая чужого развития /.../ Но зато в ней хранилось первое условие развития правяльного, требующего только времени и благоприятных обстоятельств; в ней собиралось и жило то устроительное начало знания, та философия христианства, которая одна может дать правильное основание наукам. Все святые отцы греческие, не исключая самых глубоких писателей, были переведены, и читаны, и переписываемы, и изучаемы в тиши наших монастырей, этих святых зародышей несбывшихся университетов.

И. Киреевский. 1832. Девятнадцатый век

В России христианская церковь была еще чище и святее. Но недостаток классического мира была причиной тому, что влияние нашей церкви во времена необразованные не было ни так решительно, ни так всемогуще, как влияние церкви римской.

С самого начала, с Киреевского и Хомякова, вопросы религиозной жизни много обсуждались в споре западников и славянофилов. Можно заметить, что постепенно, с течением времени, высказывания славянофилов становятся все более «лежурными», все в большей степени склоняясь к изложению уваровской триады «Православие, самодержавие, народность». Разумеется, не без исключений: соответствующие мысли Соловьева и Флоренского вряд ли кто назовет бледными и традиционными.

В отношении к модернизации очень интересный оборот приняла одна вопрос, который также не раз затрагивался на

нашем форуме. Это вопрос о светской культуре Западной Европы и о глубокой религиозной жизни, которая приписывается России. Обычное течение этого разговора хорошо известно: Запад объявляется падшим и расгнанным, распространяющим душевную пустоту и неверие, а Россия — оазисом истинной религиозной жизни. Однако вот что в 1847 г. писал Белинский.

В.Г. Белинский. 1847. Письмо к Н.В. Гоголю

И вот почему какой-нибудь Вольтер, орудуем насмешки потупивший в Европе костры фанатизма и невежества, конечно, больше сын Христа, плоть от плоти его и кость от костей его, нежели все Ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи, восточные и западные.

С одной стороны, это стандартный ответ западника-атеиста на возражения находившихся тогда в большинстве почвенников. Но ситуация освещается иначе, если прочесть высказывание Вл. Соловьева, относительно которого даже его враги не могут сомневаться, что он был глубоко верующим человеком.

Вл. Соловьев. 1891. Об упадке средневекового миросозерцания

Неверующие двитатели новейшего прогресса действовали в пользу истинного христианства, подрывая ложное средневековое мировоззрение с его антихристианским догматизмом, индифферентизмом и спиритуализмом. Христа они не могли обидеть своим неверием, но они обидели ту самую материнскую природу, во имя которой многие из них действовали. Против лжехристианского спиритуализма, выдающего в этой природе заое начало, они выставляли другой столб же ложный взгляд, выдавший в ней одно мертвое вещество, бездушную машину. И вот, как бы обиженная этой двойной ложью, земная природа отказывается кормить человечество. Вот общая опасность, которая должна соединить и верующих и неверующих. И тем и другим пора признать и осуществлять свою солидарность с матерью-землею, спасти ее от омертвления, чтобы и себя спасти от смерти. /.../ Неверующие

Глава 5. О тех, кто молится...

прогрессисты стараются — худо ли, хорошо ли — создавать такую солидарность и кое-что уже сделали. Именующие себя христианами не верят в успех их дела, зато обоно порицают их усилия, противятся им. Порицать и мешать легко. Попробуйте сами сделать лучше, создать христианство живное, социальное, вседенское.

Тем самым вопрос о соотношении секулярной Европы и религиозной России поворачивается совсем иначе. То, что на Западе достигнуто образ жизни, не оскорбляющий достоинство человека, созданы возможности для развития личности, провозглашается величайшим религиозным делом. Ведь и в России крепостное право было отменено в результате очередной всемирной реформации. Конечно, такое событие, как отмена крепостного права, нельзя вписать в исключительную «заслугу» какой-то одной партии. Достаточно вспомнить, что деятельнейшим участником этого освобождения был видный славянофил Ю.Ф. Самарин. Так что дело не в разделении «хороших» западников и «злых» поченников, а в простом указании на то, что традиционный уклад России включал крепостничество, а модернизация с этим злом справилась.

Вл. Соловьев. 1896. Византизм и Россия

В освобождении крестьян, как и в других реформах того же направления, Россия в лице своего государя еще раз после Петра Великого и на новой высшей ступени своего исторического развития отказалась от византийского искажения христианства и на деле признала то нравственное начало, которое обязывает к деятельному добру, к действительно исправлению и совершенствованию народной жизни.

В том же ключе надо заметить, что многие видные славянофилы неодонократно протестовали против смещения вулгарного национализма и ценностей православия.

Ю.Ф. Самарин. 1847. Стефан Яворский и Феофан Прокопович

Где вера, там нет и быть не может исключительной национальности, в смысле народного самопо-

лонения, в том единственном смысле, в каком национальность может быть противопоставлена развитию человеческого образования.

С другой стороны, редко кто был обеспокоен нарастающей закрытостью православия, превращением его в форму если пока не национальной, то региональной религии. В связи с этим и прочие конфессии христианства толковались как национально-ограниченные.

Ю.Ф. Самарин. 1847. Стефан Яворский и Феофан Прокопович

Но в православном мире, где нет церковного государства, где Церковь Всеенская не изъясмается притязания быть отдельным государством, не может изъясмывать его и частная Церковь; ибо, как Церковь Русская или Греческая, точнее — как Церковь в России или Греции, как Церковь под определением известной национальности, она необходимо подчиняется этой национальности, создающей себя в государстве.

Ю.Ф. Самарин. 1847. О мнениях «Современника», исторических и литературных

Католицизм есть такое же несомненное проявление в области религии романской стихии, как протестантизм — проявление германской; /.../ говоря о русской народности, мы понимаем ее в неразрывной связи с православною верою /.../.

Протестовав против приобретения вседенским христианством закононациональных черт Вл. Соловьев.

Вл. Соловьев. 1888. Русская идея

Христианская идея утверждает неизменное существование *наций* и прав *национальности*, осуждая в то же время *национализм*, представляющий для народа то же, что эгоизм для индивида.

Теперь Россия есть единственная христианская страна, где национальное государство без оговорок утверждает свой исключительный абсолютизм, держа из церкви атрибут национальности и послуш-

ное орудие мирской власти /.../. В силу исторических условий, в которые она поставлена, Россия являет наиболее полное развитие, наиболее чистое и наиболее могущественное выражение абсолютного национального государства, отвергающего единство Церкви и исключаящего религиозную свободу.

Затем эту мысль подхватила Н.А. Бердяев.

Н.А. Бердяев. 1946. Русская идея

В чем была двойственность идеи Москвы — Третьего Рима? Миссия России быть носительницей и хранительницей истинного христианства, православия. Это признание религиозное. «Русские» определяются православием» /.../. На этой почве происходила острая национализация православной церкви. Православие оказалось русской верой.

К сожалению, несмотря на многочисленные протесты из лагеря интеллигентов, процесс этот не только не приостановился, но, может быть, даже ускорился. Православие все в большей степени обретает черты региональной и даже национальной религии.

П. Флоренский. Записка о православии

Эти два основные элемента русской православности суть: естественная психология и весь душевный и общественный склад русского народа — с одной стороны, и всеобщая церковность, полученная русским народом через греков. Люди всегда склонны сотворить себе кумир, чтобы избавить себя от подвига служения вечному и пассивно предаться прошлой данности. Этот кумир может быть весьма различным. Для русских православных людей таким кумиром служит сам русский народ и естественные его свойства /.../. Вера в быт превыше требовавший духовной жизни, обрядоверию, славянофильство, национальность сдвигается на первое место, а всеобщую церковность поставить на второе или вовсе отставить.

В основе всех этих течений лежит тайная или явная вера, что русский народ сам собою, помимо

духовного подвига, в силу своих этнических свойств, есть прирожденный христианский народ, особенно близкий с Ним, так что Христос, как будто не смотря ни на что, и не может быть далеким от этого народа. И как всякая фамильярность с высоким, эта фамильярность влечет за собою высокомерие и презрение к другим народам, — не за те или иные общие качества, а за самое существо их. Смысл этого высокомерия может быть выражен тем, что мы — природные христиане, с нас, собственно, ничего не требуется, тогда как другие народы, в сущности, не христиане, и самые их достоинства вызывают в нас чувство пренебрежения.

Остается указать на то, что многие мыслители четко осознавали необходимость оживления и очищения веры для социального обновления.

М.О. Гершензон. 1907. П.Я. Чаадаев

Ближайший и неотложный долг России — всеми силами оживить в себе веру и сделать ее средоточием жизни: этим она вступит на истинно христианский, или, что то же, на западноевропейский путь.

Как видим, здесь «становление христианства в центре жизни» называется делом «западноевропейским». Впрочем, говорит это западник... Почему-то сложилось убеждение, что о христианстве и православии заинтересованно могут высказываться только почвенники, хотя и среди западников очень много искреннее верующих.

В связи с этим ознакомимся с одним «рецептом», который дал России чуть не сто лет назад Макс Вебер: «Если России действительно предстоит либеральное правление, самое лучшее, вероятно, что может сделать царь для укрепления своего авторитета, это освободить Церковь от господства чиновников и разрешить ей снова иметь собственного Патриарха» (М. Вебер. 1906. К состоянию буржуазной демократии в России).

Дело сделано. У нас есть либеральное правление, Церковь освобождена, авторитет «царя» неоспоримо укреплен и неуклонно повышается. Все в порядке?

Глава 5. О тех, кто молится...

Помимо этих замечаний, самое интересное, что было высказано о церкви и православию в нашей Дискуссии, — это то, что почти ничего сказано не было. Вопрос о церкви табуирован, он явно и явно избегается большинством Дискутантов. Возможно, это молчание и является самым грозным признаком. Западники-атеисты считают церковные вопросы в начале XXI века наименее суеверием, которое лучше не затрагивать, чтобы не оскорбить противника в лучших чувствах, тем более что вопрос этот, по их глубокому убеждению, особого значения не имеет. Люди верующие о каких-либо внутренних проблемах церкви говорить избегают. Православие после перенесенных испытаний еще более утверждается в образе «вечной национальной религии», не подверженной переменам и несущей один и тот же свет и утешение из глубины столетий.

Поскольку наши диспутанты об этом не говорят, и нам не пристало затрагивать эти вопросы в содержательном смысле. Однако можно упомянуть, что не всегда над проблемами церкви витало столь трюбовое молчание. В начале XX века о ней яростно спорили; величайшие идеи относительно православия развивал Вл. Соловьев, о нем много писал Бердяев, яркие страсти написаны Флоренским. Булгаковым... Далеко не все из этого людьми воцерковленными принимается во внимание. Роковым для идей Вл. Соловьева стала его идея об объединении церкви и то положительно, что он находил в католичестве. По-видимому, этот факт стал каеймом, после которого православные не могут всерьез воспринимать мысли Соловьева. Столь же неблагоприятное мнение имеется по поводу писаний Бердяева о русской церкви. Однако нам в связи с нашей темой интересно не то, что конкретно предавали эти люди, и не отношение церкви к их идеям, а тот простой факт, что в начале XX века русскую интеллигенцию очень волновали церковные вопросы и среди интеллигентов было много искренне верующих. Они верили всерьез, так, как верят интеллигенты — спрашивая, сомневаясь, предавая... Не традиционно. Для этого это — последний вердикт. Возможно, их суждения были поспешны и не учитывали очень многих сторон церковной жизни.

Возможно... Но они были, эти высказывания. Теперь их нет.

Судьбы интеллигентской элиты: о тех, кто говорит

Редко возвращаются из эмиграции те, кто
вовсе не уезжал.

Веслав Брудзинский

Интеллигентская элита в России за последние годы сильно изменилась — и ее нынешний облик еще неизвестен. На изменение этого слоя повлияли разные факторы: например, выезд многих людей за границу или изменение структуры деятельности. Сейчас существует множество профессоналов, для которых нет работы, и множество профессиялов, для которых нет профессионалов. Уезжающие оставляют за собой «дыры» в ткани общины: смена структуры деятельности вносит сумятицу: инженеры работают «челноками», физики — бизнесменами, биологи торгуют пивом. Разрушение прежней интеллигентской элиты произошло и по другим параметрам, в частности — дальше разошлись между собой атеисты и православные, отделились региональные интеллигентские элиты, национальные интеллигентские элиты. Одно из многих таких размежеваний — противостояние западничества и почвенничества, которое весьма сложно сочетается с перчисленными выше внешнеэкономическими рубежами и границами внутри культуры.

Особенное значение интеллигентские элиты имеют по той причине, что они оказывают большое влияние на культуру и общество: собственно, большинство этих «элитных людей» — люди думающие и пишущие. Пишущи свои размышления, они формируют культуру и общественное мнение — или заменяют собой общественное мнение? Поэтому диалог о соотношении в России западничества и почвенничества, о выборе «цивилизационного стандарта» не может не затронуть проблему интеллигентской элиты.

В связи с этим вопрос о модернизации в России и о типах отношения к ней — о западничестве и почвенничестве — многообразно связан с вопросом о развитии интеллигентской элиты (или все же все еще единой элиты?). Каким образом формируются элиты собственные национальные культуры? Как они подготавливают развитие отношений между народами внутри но-

вой России и во всем постсоветском пространстве? Является ли стресс, испытываемый интеллектуальными элитами от модернизации, естественным для такого процесса или это пока-затель краха модернизационной политики? Какие проблемы встанут перед региональными и национальными интеллектуальными элитами в связи с отходом от русской культуры, а частично и от русского языка? Как скажется изменение структуры востребованных обществом интеллектуальных профессий на русской культуре? Существует ли собственная позиция относительно модернизации у интеллектуальных элит, отличная от позиции остальных членов общества? Если да, как она влияет на развитие модернизации — элиты все еще «учат» остальных, или «правят», или сами «следуют» за по-воротами общественного мнения? Какова роль культуры в процессе модернизации — не религиозной, не традиционной, а культуры в самом первом, западном смысле слова: культуры как образования? Происходит ли понижение культурного уровня в результате модернизации? Насколько закономерно такой результат модернизации? Мешает ли это модернизации, способно ли привести ее к провалу? Если нет — чем заменяется культура при успешной бескультурной модернизации? Исправимы ли потери в культуре? Или то, что теряет куль-тура, она теряет безвозвратно, так что культура относится к «невозобновимым» социальным ресурсам, в отличие от «во-зобновимых» — материальных ценностей и государственного престижа?

Далеко не все из этих вопросов обсуждалось на форуме. Однако кое-что выяснить все же удалось. Так, обсуждался воп-рос об особенностях российской интеллектуальной элиты.

В. Чеснокова

Беда в том, что наша российская интеллигенция, в отличие от западноевропейских да и от азиатских интеллектуальных слоев, поражена не только стра-хом перед проявлением и решением национальных задач, но и застарелым страхом перед государством. Этот страх «застит глаза» и ставит ее в позицию» постоянной борьбы с государством, несмотря ни на какие реалити и факты нашей государственной жизни. Причем это борьба вовсе не за улучшение государства, а просто с государством как таковым,

имеющая целью показать, что мы, интеллигенты, против, мы не с государством, мы — сами по себе (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Со времен «Вех» такая характеристика стада классической при описании характера российской интеллигенции.

С.А. Франк. 1909. Этика нигилизма

Мы можем определить классического русского интеллигента как воинствующего монаха нигилис-тической религии земного благополучия.

Обнаружилось /.../ что монашеский аскетизм и фанатизм, монашеская нелюдимость и ненависть к миру несомнестимы с реальным общественным твор-чеством.

Русская интеллигенция, при всех недочетах и противоречиях ее традиционного умонастроения, обладала доселе одним драгоценным фамильным свойством: она всегда искала веры и стремилась подчинить вере свою жизнь. Так и теперь она сто-ит перед величайшей и важнейшей задачей пере-смотра старых ценностей и творческого овладения новыми. /.../ От производительно-го, противокულ-турного нигилистического морализма мы должны перейти к творческому, создающему культуру ре-лигиозному гуманизму.

Итак, мысль В.Ф. Чесноковой о страхе интеллигенции пе-ред государством — мысль очень старая, хотя этот факт не дедает мысль эту неверной или неактуальной. Другие особен-ности русской интеллигенции на форуме не обсуждались. Но многое по этому и другим вопросам, связанным с интеллиген-цией, можно почерпнуть из того, как описывается ее история. Вообще история интеллигенции в России — тема старая и очень интересная, в связи с этой проблемой возникает очень много вопросов.

Вот как обрисовывается история российской интеллигенции.

В. Коновалов

Какова особенность развития российской интел-лектуальной элиты? Сознательно не говорю — «рус-ской». Надеюсь, будет ясно почему. История воз-

никновения этой элиты довольно коротка и очень драматична. В свое время меня, русского, неприятно поразила уничижительная оценка русской интеллигенции, которую ей дал Н. Бердяев. Понять его мне помогло сопоставление истории Западной Европы с историей России. Когда в Европе возникли университеты? — с XIII века! Когда возникли муниципалитеты? — в Средневековье! Тогда же возникло то, что можно называть «городской культурой». В России все произошло позже. Города — были, а городская культура — нет. Начатки городского самоуправления в Новгороде и Пскове раз-тогда еще Иоанн III.

Интеллигенция в России возникла лишь во второй половине XIX в. И аналога этому слову в других языках нет. Хотя само оно было позаимствовано из польского. Возможно, такой была «средневековая интеллигенция» Западной Европы. Приобщение интеллигентальной части отечественной интеллигенции к демократическим ценностям Западной Европы раскололо весь этот слой на разные политические группы и партии. А с чего начали большевики, когда утвердился у власти? Они начали с того, что вывели эту интеллигентальную элиту из страны («философский пароход», или «корабль дураков»). А закончили ее физическим уничтожением. Не всей, а той, которая в их глазах была носительницей чуждых «Ауховных ценностей». Физиков, математиков почти не трогали. Генетиков «вычистили» — только потому, что полутрамотные вожди посчитали эту науку буржуазной. Кстати, и само слово «буржуа» по происхождению — «порожанин».

Если бы история пошла по другому руслу, возможно о России XX века говорили бы как о стране философов, не уступающей славе Германии. Ах, это если бы...

И все же в течение прошедшего века Россия перестала быть «сельской страной». Большевики не смогли обойтись без интеллигентального слоя. Они были вынуждены его воссоздавать. Без него страна оказалась бы «неконкурентоспособной». Большая часть населения теперь живет в городах. Но наследие — там, в деревне. Большинство горожан —

«новые горожане». Еще даже не в первом поколении. Они родились в деревне. И уж точно там — их отцы, деды и прадеды. Так что к 92-году страна пришла, снова имея интеллигентальную элиту, но без традиции городской культуры (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Это действительно очень интересный вопрос — соотношение интеллигентской и городской культуры. Сколько помним данные демографов, в 1990-е годы в России большинство горожан были горожанами в первом поколении, следующая по численности группа — горожане во втором поколении. То, что ныне зовется интеллигенцией, имеет очень неглубокие корни, и большинство нынешних интеллигентов учились «интеллигенции» не от дедов-прадедов, а по книгам.

Кроме этих тем прозвучала, разумеется, тема раскола российской интеллигенции и народа в результате модернизации — традиционная для диалога западников и почвенников.

В. Межуев

По сравнению с европейскими культурами наша кажется более противоречивой, расколотой, не сложившейся в единое целое. Не отсюда ли хорошо известный из нашей истории разрыв между народом и интеллигенцией? Дистанция между ними задалась именно разностью культур — той, в которой жил народ, и той, преимущественно европейской, которую несла с собой интеллигенция. Интеллигенция не раз пыталась сократить свой отрыв от народа, найти путь к нему, соединиться с ним в единой общенациональной культуре. В поисках этого пути она и раскололась внутри себя. Надежда западников поднять народ до себя, просветить и образовать его, привить ему навыки цивилизованной жизни, короче, «европеизировать» его противостоило обратное стремление славянофилов вернуться к истокам народной жизни, заглупленным, как они считали, петровскими преобразованиями. Для одних Россия была хороша тем, чем напоминала Европу, для других тем, чем отличалась от нее (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Глава 5. О тех, кто молится...

Наконец, было обрисовано современное положение интеллигенции в государстве, в котором должны были сбыться ее чаяния. Россия стала — ну, почти стала — правовым государством, демократическим, со свободой слова, свободной прессы. Все сбылось — и вот что получилось.

В. Федотова

Мы не смеялись над ученым, который, как все мы, за 50 долларов в месяц день и ночь работает. Мы и сейчас так работаем, но теперь нас народ презирает. Ученый — это сегодня вообще никто. А раньше было не так. Я помню детство. Наш дом инженерно-технической интеллигенции, врачей, учителей находился в рабочем квартале, и нас уважали, с нами заговаривались, с нами советовались. А сейчас нет, ты приходишь на рынок, говоришь: я профессор, извините, мне надо вот это, а тебе в ответ: пошла ты, профессор. Полное презрение. Поэтому что, по Бакунину, произошел разрыв народа с интеллигентской чуждой культурой (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Это недоумение перед обликком сбывшейся мечты тоже, впрочем, классично. Так же воспринимали происходящее и в 1917 году. Тогда, между падением монархии и Октябрем, российская интеллигенция ликовала: сбылись мечты...

А. С. Изгоев. 1918. Социализм, культура и большевизм

Монархия рухнула с поразительной быстротой. Русская интеллигенция в лице ее политических партий вынуждена была немедленно из оппозиции перестроиться в органы власти. Тут-то ее и постигло банкротство, заставившее забыть даже провал монархии. Все главные политические, социально-экономические и психологические идеи, в которых столетие воспитывалась русская интеллигенция, оказались ложными и гибельными для народа. Вроде критиков выступили не те или иные литераторы, а сама жизнь. /.../ Большевики и их господство и воплотили в себе всю эту критику жизни.

Для будущности России важно, чтобы социалистической и радикальной интеллигенции не дано

было возможности передоложить на одних большевиков идеиную ответственность за крах всей системы идей. /.../ Русские социалисты, очутясь у власти, или должны были оставаться простыми, ничего не делавшими для осуществления своих идей болтунами, или предавать от а до ижицы все, что продавали большевики.

Мечты интеллигенции осуществляются раз за разом. По-мнится, в брежневские годы страна казалась вечной, как Древний Египет. Минут столетия, а мы будем лицезреть очередного генсека, да будут дни его благословенны. Мечталось о переменах. Мечты, мечты... С завидным упорством они осуществляются, но каждый раз оказывается, что в мечтаниях своих интеллигенция не учитывает прямых следствий заявленных ценностей. Демократия — это власть народа («Пошла ты, профессор»), а свобода слова — это то самое, что мы видим на экране. Впрочем, весь этот круг мыслей вовсе не нов.

В. Н. Муравьев. 1918. Рев племени

И вот интеллигенция вернулась к своему народу не с живую, но с мертвою водой. Она вспрыгнула им народ, и народ разрушился России. Но тем самым народ уничтожил и интеллигенцию. Он, подобно Самсону, обманутому Далилой, повалил своды храма на всех присутствующих, в том числе и на Далилу. Отныне интеллигенции больше нет. /.../ Вместо интеллигенции остались те, кто пережил великую драму /.../.

Эта концепция вины интеллигенции — и подвига интеллигенции, ее жертвенности и беспощадности, была в наибольшей степени разработана Г. Федотовым, автором концепции об «ордене интеллигенции».

Г. П. Федотов. 1926. Трагедия интеллигенции

Говоря о русской интеллигенции, мы имеем дело с единственными, неповторимым явлением истории. Сознание интеллигенции ощущает себя почти как некий орден, хотя и не знающий внешних форм, но имеющий свой написанный кодекс — чести, нравственности, — свое призвание, свои обеты. Нечто

вроде средневекового рыцарства, тоже не сводимо-то к классовой, феодадно-военной группе, хотя и связанное с ней, как интеллигенция связана с классом работников умственного труда.

Русская интеллигенция «идейна» и «беспочвенна». Это ее исчерпывающее определение.

Формула Федотова, несомненно, верна — или была верна для того времени, к которому она относится. Верна ли она сейчас? Федотов исключает из интеллигенции Хомякова, Самарина, Гоголя, Дескова, Островского, Ключевского, Толстого, Достоевского. Утверждается, что не бывает почвенников-интеллигентов, то есть Федотов понимает интеллигенцию как продукт вестернизации, причем «прямой продукт», поскольку и почвенников можно описать как продукт реакции на вестернизацию, но Федотов их из интеллигенции исключает. Согласимся ли мы сегодня не считать Гоголя и Достоевского в числе интеллигенции? Пожалуй, нет: сегодня эти фамилии воспринимаются в составе интеллигенции. Почему? Что произошло? Почему изменились критерии интеллигенции? Один из возможных ответов звучит коротко: революция и террор. Кровью склеены позвонки века и части народа. Это отметил Солженицын: интеллигенция стала народной, когда подверглась общему с народом террору. Новая, послереволюционная интеллигенция стала народной, а почему вдруг изменился состав старой интеллигенции? Потому что изменились в 1930–40-х годах критерии интеллигентности, и теперь ретроспективный взгляд назад причисляет Толстого и Гоголя к интеллигенции. Федотов же террора не прошел — эмиграция — и явил прежний взгляд на интеллигенцию, в 1926 году он говорил то, что осознавалось в 1910-х годах.

Что же теперь? Во-первых, уникальное понятие интеллигенции размылось, приблизилось к западному: интеллектуал, белый воротничок, работник умственного труда. Чем менаджер не интеллигент? Он что, неграмотнее учителя? В этом новом «размытом» смысле слово «интеллигент» исчезает, сливается с другими понятиями — как интеллигенция сливается с другими реалиями.

Во-вторых, понятие изменилось: теперь в основе его — владение культурой. Террор выбил культуру из верхов и внес

в массы, неграмотность ликвидирована в народе и процветала в интеллектуалах. Террор создал «малое средневековье» сталинизма, подобное «малому оледенению»; оттого и ассоциация: оттепель. И теперь «книжник», «образованный», культурный более, нежели нужно для исполнения работы, и есть интеллигент. Если человек занимается умственным трудом и знает все, что для его работы необходимо, — это просто работник нефизического труда, программист или учитель, врач или техник. Если же у него overqualification, если он знает больше нужного — впасть до прямо вредных для жизни объемов знания, — вот тогда он интеллигент. Этого смысла в слове «интеллигент» еще нет; по этому пути может пойти его развитие; пока это лишь одна из потенций, один из возможных смыслов невозможного русского понятия.

В начале этого раздела мы привели длинную цитату с изложением истории интеллигенции. Посмотрим теперь, что об этом говорили в начале XX века. Классическое описание истории русской интеллигенции содержится у Федотова.

Г. П. Федотов. 1926. Трагедия интеллигенции

Со времени Фрозного оборона государства во все растущей мере зависит от иностранцев. Немецкая слобода, выросшая в Москве, стоит перед ней живым соблазном. Как разрешить эту повесть немецки поставленную судьбой задачу: усвоить немецкие хитрости, хитрости, науку, не отрекаясь от своих святынь? Возможна ли простая прививка немецкой техники к православному быту? Есть люди, которые еще и в наши дни отвечают на этот вопрос утвердительно. Но техника не падает с неба. Она вырастает, как побочный плод, на древе разума: а разум не может не быть связан с Логосом. Пустое место, зиявшее в русской душе именно здесь, в «словесной», разумной ее части, должно быть заполнено чем-то. В десятилетие и даже в столетие не вырашивается национальный разум. Значит, разум тоже будет импортироваться вместе с немецкими пушками и глобусами. Иначе быть не может. Но это страшно. Это означает глубокую деформацию народной души, вроде пересадки чужого мозга, если бы эта операция была возможна. Жестоко пробуждение от векового сна. Тяжеда расплата — люди нашего поколения

Глава 2. О тех, кто молится...

ощущают это, как никогда. Но *другого пути нет*. Кто не понимает этого, тот ничего не понимает в истории России и русской интеллигенции.

XVIII век раскрывает нам загадку происхождения интеллигенции в России. Это импорт западной культуры в стране, лишенной культуры мысли, но изголодавшейся по ней. Беспочвенность рождается из пересечения двух несовместимых культурных миров, идеяность — из повелительной необходимости просвещения /.../ ради спасения, сохранения жизни своей страны. Понятно, что ничего подобного русской интеллигенции не могло явиться на Западе — и ни в одной из стран органической культуры. Ее условие — отрыв.

Интеллигенция принадлежит к тем социальным образованиям, для которых успех губителен; они до конца и без остатка растворяются в совершенном деле. Дело интеллигенции — европеизация России... Вековое противостояние интеллигенции и народа оканчивается: западничество становится народным, отрыв от национальной почвы — национальным фактом. Интеллигенция, уничтоженная революцией, не может возродиться, потеряв всякий смысл. Теперь это только категория работников умственного труда или верхушка образованного класса.

Тем самым, согласно одной из самых известных и ярких историй интеллигенции, интеллигенция возникла вместе с деяниями Петра и исчезла в начале XX века, растворившись в собственном успехе — европеизированной России.

Г. П. Федотов. 1938. Письма о русской культуре

Сложнее была судьба интеллигенции в узком смысле слова. Прежде всего этот класс, во всей яркости своего необычайного типа, не дожидаясь даже до революции. После 1905 года он быстро разлагался, сливаясь с «культурным» слоем.

Мысль Федотова: вместо интеллигенции имеются теперь лишь образованные элиты, интеллектуалы. Вот как описывал Федотов то «постинтеллигентное» состояние, которое возникло в СССР.

Г. П. Федотов. 1936. Сталинократия

Интеллигенция с государством, интеллигенция с властью: такова ситуация, в России не повторявшаяся с начала XIX века. Действительно, новый режим в России многими чертами переносит нас прямо в XVIII век. Та же массивная тяжесть государственной пирамиды, то же строительство культуры на костях народа. Государство как организатор культуры. Революционно-рационалистический характер этой, проводимой сверху, культуры. Энгуэизм и десть, окружающие трон. «Оды на восшествие на престол». Но в то же время и огромная техническая и научная работа в полудикой стране: географические экспедиции, Академия наук...

И что, все согласны с тем, что интеллигенции более не существует? По крайней мере, на нашем форуме этот вопрос не обсуждался вовсе — как некая всем известная очевидность. Участники предпочитали говорить об «интеллектуальной элите», однако никак не оговаривались, когда речь заходила об интеллигенции.

По-видимому, все же не существует установки подлагать интеллигенцию «мертвым волком»; считается, что это наследство Петра все еще живет и действует.

Значит, Федотов ошибся: после гибели той, дореволюционной интеллигенции народилась и воспиталась новая, советская интеллигенция, которая, болея, ломаясь, меняя, как кожу, поколения, доработалась до того, чтобы стать преемницей прежней.

Но какова она, эта новая интеллигенция? М. Гершензон критиковал гибнущую интеллигенцию, работа которой позволяла бы слишком малым вниманием, а также недостаточностью самой этой работы — и нашел выразительный и гротескный образ.

М. О. Гершензон. 1909. Творческое самосознание

Будь в России хоть горсть цельных людей с развитым сознанием, — деспотизм был бы немилым. Но где наиболее развитые сознания были лишены тела, а тела жили без сознания, там деспотизму было как нельзя более привольно.

С другой стороны, может быть, в такой ситуации именно прогресс выражает реальность? В терминах Гершензона можно было бы сказать, что если в 1909 году в России были головы с недоразвитыми телами и тела без голов, то годов примерно с 1920-х они стали соединяться, порождая — не по Дарвину, а по Эмпедоклу — новый тип советского интеллектуала: с годовой, приспособленной к жизни без тела, и телом, отродясь не знавшим головы. Головы тонки чертами и интеллектуальны, тела же медвежата и неуклюжи. Родилась новая, советская интеллектуальная элита. Мы — ее потомки.

Гораздо более привычными словами об этом сказал П. Струве.

П.Б. Струве. 1918. Исторический смысл русской революции

В том, что произошло, характерно и существенно своеобразное сочетание, с одной стороны, безмерной рационалистической гордыни ничтожной кучки вожakov, с другой — разнuzданных инстинктов и вождeлeний неопределeнного множества людей, масс.

Итак, вопреки ожиданиям, новая интеллигенция в России все же появилась. И этот вновь возникший саой — судя по всему, вошедший в силу не очень давно, после войны, — должен встретиться с проблемами культурного строительства России XXI века. И теперь, как встарь, требуется засучить рукава и отстраивать в очередной раз полибяющую российскую культуру — так, как отстраивают после пожара деревянные города. Вновь заходит речь о первенстве образования, об «учителях учителей», которых надо подготовить в первую очередь.

Г. Померанц

Между тем у нас, я бы сказал, сегодня обратная уверенность, что у нас все неправильно, никуда не годится. Но это приводит к апатии. Для действия нам нужно убеждение, что что-то правильно, духовно оправданно, религиозно оправданно. Несмотря на господствующий цинизм, всюду разбросаны люди — педагоги, врачи, представители других профессий, которые обладают этическим пафосом. Мы

сейчас весьма беспомощны, денег не хватает, а издаем ведь сейчас серию «выставления и преобразования» — о лагерях, о людях, которые выставивали и вырстаали в лагерных испытаниях. И в современных испытаниях надо суметь выстоять и сохранить свою волю к творческой работе в той области, в которой необходимо. А необходимо, я считаю, чтобы сейчас педагогика — и вообще культура — были на первом плане. Потому что наукоемкая экономическая деятельность очень связана с общим высоким уровнем культуры. Культуру нельзя разрезать на куски. Без восстановления престижа культуры невозможно наукоемкая экономика. А без такой экономики мы — сырьевая база, а когда выкачают всю нефть, тогда превратимся просто в захолустье.

У нас есть люди, способные конкурировать на мировом рынке... Россия потеряла часть евреев, часть армян, но и этнических русских очень много способных. Но у нас нет достаточно культурного понимания культуры. Нет понимания того, что без возрождения культуры с широкими горизонтами, с каким-то даже вселенским пафосом, сливающимся с пафосом национальным, не сможет сейчас уцелеть отдельная страна. Россия должна перестать быть страной, которая больше участвует в приключениях всеобщей тибели, чем во всеобщем спасении. Надо сделать Россию страной всеобщего спасения. И это тот пафос, который может победить. И тогда снова окажется, что у нас есть интеллигенция, существование которой часто отрицается.

Возрождение интеллигенции связано с возрождением веры, доверия к глубине, где можно приступить к целостности бытия. Причаститься тем корням, из которых растут святые культуры, объединяющие народы. Речь идет о доверии прежде всего к глубинному уровню самого себя (Кауд Дискурс: Социум, 2001).

Выше мы цитировали отрывок из работы Федотова «Сталинская ократия», в которой он обрисовал сходство ситуации первой половины XX века и века XVIII-го, описал черты вновь возникающей в СССР интеллектуальной прослойки. С тех пор многое изменилось, сталинские спец и академики отошли в про-

шадое — неадапко, всего лишь во вчера, но все же — Россия живеть, перемалывая уже не шестидесятников, а восьмидесятников. А что говорил Федотов о развитии того, довоенного типа интеллектгадов?

Г. П. Федотов. 1936. Тяжба о России

Этим словом толстокожих оптимистов и строителей исчерпывается все лучшее, чем жива Россия? Признаться, при всем уважении к этой породе, мне бесконечно больно за Россию, когда я подаюсь малодушно видеть в них ее подлинную элиту. Эти серые герои, без Бога и жакоости к человеку, с большим вкусом к жизни и труду, — как много в них общего с молодежью Запада и Америки и как мало — со старой и древней Россией, у которой не было ни одного из их достоинств, но зато сколько им непонятного духовного богатства. Ловишь себя на сомнении: да полно, Россия ли это? Один ли язык русский и территория составляют духовное лицо России? Веать тогда, пожадуй, и обитагели Элладекого королевства тоже граждане Древней, вечной Греции.

Это не только описание одной ошибки, описание вчерашнего дня российской интеллигенции. Это еще и предвидение: эти строки станут пророческими завтра, если мы сегодня ошибемя. Мы наблюдаем посмертное существование интеллигенции. Она возродилась хрущевской оттепелью, самиздатом, Олимпиадой. То поколение сейчас уже на излете, оно должно воспитывать смену. Но то, что возродилось, — уже не совсем то. Чем же является сегодняшняя интеллигенция? Д. Михачев сказад, что современные «святые» — учителя, работники музеев и библиотек, они — «подвижники» культуры. Высказано и иное мнение.

А. Гуаков. 2002. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам

Наиболее тяжелым последствием коммунистического режима можно считать почти полную потерю потенциально образованных слоев российского общества. Сегодня элита не в состоянии задать ни цели,

ни ориентиры общественного развития, ни тем более — обеспечить внесение в социальную практику норм правового общества, новых представлений, соответствующих реальности рыночной экономики и проч. /.../ Интеллектуальное сообщество не в состоянии предложить ничего нового, что оказалось бы привлекательным или убедительным для общества.

Интеллигенция вымирает и переопределяется, постоянно жертвуя собой и так же постоянно оказываясь не на высоте задач времени. Как же все-таки попытаться подойти к пониманию этого явления? Мы помним определение интеллигенции у Федотова, которое так странно звучит для сегодняшнего дня: Чернышевский, Писарев — интеллигент; Толстой, Достоевский — нет. Мы видели, как многообразно характеризовали интеллигенцию. Общее у всех этих неудачных (с современной точки зрения) определений — то, что интеллигенцию считают вещью, чем-то готовым, обладающим теми-то конкретными чертами. Все ставшее проходит, и интеллигенция, соответствующая любому из определений, уже исчезла или вот-вот исчезнет. И потому хотелось бы напомнить слова Г. Померанца, решившего описать не явление, а процесс.

Г. Померанц. 1969. Человек нилоткуда

Что собой представляет интеллигенция в чистом виде/.../ Это часть образованного слоя общества, в которой совершается духовное развитие, в которой рушатся старые ценности и возникают новые, в которой делается очередной шаг от зверя к Богу. Если считать, что процесс гуманизации, очеловечения человечества еще не окончился и что это важнейший процесс истории, то интеллигенция — это и есть то, что интеллигенция искада в других — в народе, в пролетариате и т. д.: фермент, движущий историю.

Остается присматриваться и ждать, как изменится эта группа людей в будущем — останется она такой, как ее определяет Померанц, или все ж в конечном счете окажется прав Федотов?

Модернизация: условия, перспективы, законы

Я, конечно, презираю отечество мое с голубы до ног — но мне досадно, если ино-странец разделяет со мной это чувство.

Александр Пушкин

Формулировка «спор западников и славянофилов» сейчас часто воспринимается как устаревшая: участники дискуссии сошлись на том, что название «славянофильство» исторически случайно (см. главу 1). Вместо судьбы «всех славян» нас теперь волнует в основном судьба только одной из славянских наций. Слово «западничество» постепенно также уходит в прошлое. Связано это с тем, что сам процесс вестернизации понимается теперь как «модернизация». Термин «западничество» подчеркивал именно равенство на Европу, *ориентацию* на запад, каким бы оксюмороном это ни звучало (обращая внимание на этимологию «ориентации»); теперь ситуация изменилась. С одной стороны, Запад добился того, что его признали безусловным лидером современности; современное — значит, западное (а новое — значит, «хорошее»). Высказывается точка зрения, что модернизация — это построение общества, по существенным параметрам похожего на западное. Однако отличие от вестернизации в том, что процесс этот теперь не мыслится только как уподобление. Современность долгие и некоторые незападные страны, а тем, кто еще не дотнал, без разницы, по какую сторону от Гринвича расположен их идеал, лишь бы жить хорошо. И вот слово «вестернизация» меняется на «модернизацию». У этой смены терминов есть и другие смыслы — например, подразумевается, что обезьянничать нет необходимости, что современным можно стать и без «бритья борода», а также и то, что Запад сам меняется при взаимодействии с незападными странами. В этом смысле некоторые известные исследователи утверждают, что вестернизация и модернизация — понятия друг другу перпендикулярные, что

модернизация является, с одной стороны, развитием вестернизации, с другой — совсем иначе направленным процессом.

Запад — это часть мира, нечто особенное. Вестернизация подразумевает распространение свойств части на другие части, уподобление частей. А модернизация подразумевает нечто универсальное, равенство не на регион пространства, а на регион времени — на модели, современность. Однако время на месте не стоит, и сама модернизация устаревает. Сейчас — время постмодерна, время после распада СССР, и слово «модернизация» отходит на второй план, вместо него выходит новый термин — глобализация, возникающая на наших глазах небывалая ранее связность, цельность мира. Здесь Запад выступает уже как часть, которая оказалась на высоте задач целого, и прочие части мира должны продвигаться на высоту задач современности и только в этом смысле уподобиться Западу. Тем самым в странах, не стоящих на высоте задач нашей постсовременности, возникает возможность смещения влияния разных «сетов»: кто-то все еще говорит о движении в модуле «вестернизации», кто-то освоился с «модернизацией», а для кого-то это — вчерашний день и провинциализм и для него в мире действуют импульсы глобализации.

Однако известно соотношение: при росте целостности системы растет степень дифференциации ее частей. Разнообразие частей целого — не случайность, а закон. Когда части уподобляются друг другу, унифицируются, это означает, что целостность всей системы падает. Модернизация как программа преобразования всех стран мира уменьшает целостность человечества, его устойчивость к кризисам. На такое рассуждение можно возразить, что именно в теории модернизации Запад не мыслится чем-то однообразным; одно разнообразие сменяется иным, выстроенным на более высоком уровне развития. Как определить, так ли это? Как измерить степень разнообразия стран и народов? Следует ли стремиться к унификации или это есть ошибочная тенденция? На основе таких рассуждений против тенденций развития вчерашнего и сегодняшнего дня поднимаются волны протеста. Для вестернизации это почвенничество, для модернизации — традиционализм, а самая современная из таких реакций — постсовременная — антиглобализм. В этом смысле антиглобализм столь же современен, как глобализм, и сталкивается с предшествующими стадиями своего

Глава 6. Модернизация...

развития — почвенничеством и традиционализмом, спорит с нами, выдвигает новые аргументы.

Если с «западничеством» теперь ассоциируются едва ли не личные интеллектуальные вкусы человека (и потому слово это напоминает имевшие хождение в XIX веке понятия «англоман», «франкофил»), то «модернизация» (тем более «глобализация») — это серьезная геополитическая проблема, с тем или иным решением которой связано дальнейшее развитие России. Значит ли это, что можно не быть западником и в то же время быть сторонником модернизации? Как выглядит не-западническое модернизаторское мировоззрение, возможно ли оно? Есть ли законы модернизации, какие-то дорожки, из которых можно выбирать? Что обязательно менять при модернизации, а что можно оставить? Как изменится страна, если модернизация будет продолжаться? Действительно ли путь к достатку лежит через модернизацию или можно модернизироваться, но искомого результата не достигнуть? Каковы критерии успеха модернизации? Выдается ли модернизация в каком-то смысле самоценной или это лишь средство и нельзя ли тогда заменить ее другим набором средств? Какова цель модернизации, если не считать целью уподобление западному (если угодно — «современному») обществу как «наилучшему из возможных»? На каждый из этих вопросов западники и почвенники отвечают различно, и это легко понять. Но оказывается, что различия внутри мировоззрений едва ли не больше, чем между ними, что у иных мыслителей следует прямо осведомляться, к какой спорящей стороне они себя относят, поскольку ни по каким признакам определить это не представляется возможным. Не пришел ли в «старое западничество» постмодернизм? Понятие «вестернизации» эволюционировало; была ли соответствующая эволюция в общественном сознании?

С давних пор обсуждались некоторые способы «прыжка во времени». Россия едва ли не первой среди стран мира (разве что после Германии) столкнулась с тем, что «естественная» скорость развития общества оказывается недостаточной. Это было удивительное ощущение: нормальное время — время жизни человека и время жизни страны — вдруг каким-то странным образом оказалось для чего-то «медленными». Другое время казалось, что можно понять это в более привычных терминах: может быть, отставание наблюдается по какому-то пара-

метру: мы развивали нечто одно, а другие в это время развили нечто другое, так что надо не догонять целую стадию, догнать время, а просто выучиться какому-то кунштуку и восстанавить равновесие. Но постепенно становилось все яснее: отстали именно по времени в целом, как выразился остроумный японец — отстали навсегда. Быть во «вчера» — это и значит отстать навсегда, если время течет равномерно. Как же догонят время?

Прыжок

У нас от мысли до мысли пять тысяч верст.

Петр Вяземский

Самым первым из осознанных способов была концепция «прыжка». Именно так было понято то, что сделал Петр и петровская Россия. Поэтому этот удавшийся прием многократно тиражировался в рассуждениях самых разных мыслителей.

И. Киреевский. 1832. Девятнадцатый век

Старое просвещение связано неразрывно с делом системною своего постепенного развития, и, чтобы быть ему причастным, надобно пережить снова всю прежнюю жизнь Европы. Новое просвещение противуположно старому и существует самобытно. Потому народ, начинающий образовываться, может заниматься его прямо и водворить у себя без предвзвешено, непосредственно принимая его к своему настоящему бытию.

А.И. Герцен. 1854. Старый мир и Россия

Должна ли Россия пройти через все фазы европейского развития или ей предстоит совсем иное, революционное развитие? Я решительно отрицаю необходимость подобных повторений. Мы можем и должны пройти через скорбные, трудные фазы исторического развития наших предшественников, но так, как зародыш проходит низшие ступени зоологического существования. /.../ Народу не нужно

начинать снова этот скорбный труд. Зачем ему проливать свою кровь ради тех полурешений, к которым мы пришли и значение которых только в том, что они выдвинули *другие* вопросы, возбуждали *другие* стремления?

Мы сослужили народу эту службу, мучительную, тягостную, мы подлагались виселицами, каторгой, казематами, ссылкой и жизнью, над которой тяготееет проклятие, — да, жизнью, над которой *тяготееет проклятие*.

Интересно отметить, что о «прыжке» с сочувствием говорили не только первые западники, но и первые славянофилы. Это была общая концепция, и она особенных споров поначалу не вызывала. Постепенно развилась даже парадоксальная концепция.

Ф. Стенун. Прошлое и будущее славянофильства

 Начиная с Герцена, из сознания русской интеллигенции не исчезает мысль, что мы обгоним Европу, потому что мы отстающая страна.

А.И. Герцен. 1859. Русские немцы и немецкие русские

 Что европейские гражданские формы были несравненно выше не только старинных русских, но и теперешних, в этом нет сомнения. И вопрос не в том, догнали мы Запад или нет, а в том, следует ли догонять по длинному шоссе его, когда мы можем пуститься прямее. Нам кажется, что, пройдя западной аресировкой, покаваннны ею, мы можем стать на свои ноги и вместо того чтоб твердить чужие зады и прилаживать стоптанные сапоги, нам следует подумать, нет ли в народном быту, в народном характере нашем, в нашей мысли, в нашем художестве чего-нибудь такого, что может иметь притязание на общественное устройство несравненно высшее западного. Хорошие ученые часто переводятся через класс.

Логика здесь действует такая: тот, кто идет первым к неведомой цели, делает ненужные повороты и тратит лишние усилия; тот, кто идет следом, может спрямить путь. Отсюда: чер-

ты нашей отсталости могут оказаться нам выгодны, мы можем перейти из позавчера прямо в завтра, если сумеем подметить на примере Европы правильную траекторию движения.

На нашем форуме — не в начале XIX-го, а в начале XXI века — звучали такие же то типу воззрения. Некоторые почвенники зато и осуждали сегоднешних вестернизаторов, что они доманулись от советского позавчера прямо в сегодня, когда надо было прыгать в завтра, — и теперь мы опять отстаем, выстраивая «дикий капитализм», пройденное время Запада, вместо того чтобы гордо приземлиться в сияющем «завтра», куда Запад только входит. Концепция «прыжка» недаром была распространена в XVIII–XIX веках, когда верили в «железную необходимость» истории. Концепция прыжка неявно подразумевает движение к общей цели, потому что возникают метафоры извилистой дороги и «прямого пути». А существует ли у истории цель, которой можно достигнуть, следуя дорогой? Если цели нет или она такова, что к цели этой идут отдельные люди, а не страны, то вся концепция прыжка повисает в воздухе: прыгать некуда. Или, скажем, дорога к цели может быть сугубо индивидуальной.

И все же прыгали и прыгаем. Можно видеть, что прыжки у нас полчатются, однако прыгать удается только в «сегодня», но не в «завтра». Удается «почти догнать» лидера (какой цели — другой разговор), а перенять — не получается, и на каждом следующем отрезке дистанции лидер опять уходит далеко вперед. Почему же идеология «прыжка в завтра» не работает? Интересно поинтересоваться этим вопросом не у принципиального противника теории прыжка и лидирующей роли Запада, а у человека, который признает возможность такого прыжка и уверен в том, что прыгать надо на Запад. Что он нам может сказать о нашей «технике прыжка», о правильной постановке ног, длине разбега?

М. Вебер. 1906. К состоянию буржуазной демократии в России

 Страна, еще каких-то 100 лет назад напоминавшая своими наиболее укорененными в национально-традиции институтами монархию Аюклетигана, не может найти такую формулу реформы, которая имела бы местные «исторические» корни и была бы при этом жизнеспособной.

Я знаю русских демократов, которые, например, говорят: *fat justitia, recusat mundus*. Иными словами, пусть массы утrockают культурному прогрессу, мы должны думать только о справедливости. Наш долг — предоставить народу избирательное право и таким образом сделать его ответственным за собственные действия. Дескать, даже крайняя охлократия будет не так страшна, как «черная сотня», нажитая чиновничеством, почувывшим, что его власть под угрозой. Как бы то ни было, лучше погрузиться в культурные сумерки на несколько поколений, чем допустить политическую несправедливость. Будем надеяться, говорят эти демократы, что со временем воспитательная сила избирательного права принесет должные плоды. В подобных взглядах стихийно выражается вера Соловьева в этически-реалигиозное своеобразие политической миссии русского духа, на что мне прямо указал один из представителей подобных взглядов. Абсолютное неприятие «этики успеха» даже в приложении к политической сфере в данном случае означает: возможна только борьба за «правду» или, иначе говоря, «святое самоотрицание». Но козь скоро то, что считается положительным «долгом», исполнено, этический вакуум заполняется библейской заповедью, глубоко укоренившейся в душе всего русского народа, а не только таких людей, как Толстой, заповедью «непротивления злу насильем». Резкие смены бешеной активности и полного подчинения обстоятельствам вытекают из того, что этически нейтральное не признается существующим или чем-то таким, что может иметь «ценность», а стало быть, и не заслуживает энергичных действий. Этот подход свойствен панморализму соловьевской доктрины «святости», так же как и этически ориентированной демократии. Между тем рядом с этими идеологическими экстремистами мы видим немало думающих иначе — и, вероятно, даже боьшинство. Они, как и некоторые иностранные наблюдатели, допускают, что конституционные намерения нынешнего режима искривлены... Но некоторые из вождей русской демократии настаивают, что есть особо важные *экономические* причины, в силу которых массы, полу-

чив избирательное право, *неизбежно* будут следовать — политически и культурно — идеалам свободной. Общий аргумент сводится к указанию на воспитательную функцию избирательного права...

Размер имеет значение, в стране с размером проявляются новые факторы развития — специальное обеспечение целостности и связности государства, увеличение государственного аппарата («тридцать пять тысяч одних курьеров»), особая проблема транспорта, становящаяся государственной, особые внешнеполитические цели и т. д. Достаточно очевидно, что по размеру параметру найдется очень немного стран, с которыми Россию имеет смысл сравнивать: США, Канада, Австралия, Китай, Индия, Бразилия. К размеру пространственному следует добавить размер народонаселения, и еще несколько стран окажутся совсем не сравнимыми с Россией. На выборы страны оказывает огромное влияние ее профессиональная принадлежность — если принять это, отпадут еще несколько сравнимых объектов. Тем самым парадоксы и рецепты для России искать, в общем, неоткуда...

М. Вебер. 1906. К состоянию буржуазной демократии в России

«Политический индивидуализм» западноевропейской идеи «прав человека» /.../ — продукт оптимистической веры в гармонично индивидуальных интересов свободных личностей, а она ныне навсера разрушена развитием капитализма. Эти стадии формирования принципа «индивидуализма» Россия уже не сможет наверстать: специфический буржуазный индивидуализм внутри самого класса «образованных и имущих» уже преодолен и не может завоевать мелкую буржуазию. Тем более — массы. В самом деле: что может побудить массы, которым всеобщее избирательное право даст власть, поддерживать движение, выдвигающее чисто материально обусловленные буржуазно-демократические требования...

Наши современные западники примерно в этом смысле возражали «концепции прыжка в завтра», сторонникам «чем дальше отстанем, тем раньше нагоним». И все же можно отметить, что М. Вебер в 1906 году четче описывал положение дел, чем

наши сегодняшние западники, для которых это уже не прогноз, а хорошо известная история. По-видимому, уроки прыжков усвоены недостаточно, и аргументация «за» и «против» все еще остается в значительной мере интуитивной, связанной с эмоциональными аргументами, а не с разумной аналитикой.

Прогресс

Другая важная сторона всей линии вестернизация > модернизация > глобализация — это вера в прогресс. Часто поचेбников упрекают в том, что у них имеется слишком много «священных» слов, которые непонятно что означают и в то же время объявляются понятиями ценности чрезвычайной, которые запрещено анализировать. Видимо, это не совсем так, и некоторые поचेбники трагят значительные силы на то, чтобы сделать основные понятия своего мировоззрения более операциональными. С другой стороны, «священные» слова есть и у западников.

В. Г. Белинский. 1844. Руководство к познанию новой истории

Каждый народ потому отличается более или менее от всех других, что должен в общую сокровищницу человечества принести свою лепту.

.../ Понятие о *прогрессе* как источнике и цели исторического движения, производящего и рождающего события, должно быть прямым и непосредственным выводом из воззрения на народ и человечество как на идеальные личности. .../ Так как источник прогресса есть сам же дух человеческий, который беспрепятственно живет, то есть беспрепятственно движется, то прогресс не прерывается даже в эпохи гниения и смерти обществ, ибо это гниение необходимо, как приготовление почвы для цвета новой жизни /.../.

Итак, если следовать Белинскому, оказывается, что прогресс — это именно результат веры. Надо верить в «источник и цель» истории, верить в идеальные личности народов, в законны развития этих личностей и еще много во что надо крепко верить, чтобы пользоваться понятием «прогресс» так, как им пользовались в XIX веке.

Понятие «прогресс» заменило для развития Европы представление о божественном плане: «прогресс» позволял атеисту, не верящему в направленные процессы, доверяющему только «случайности», работать с направленным развитием общества. Прогресс стал реальней западничества. Обычные поचेбники, разумеется, резко критикуют эту позицию. Такие необычные славянофилы, как Вл. Соловьев, противопоставляли дела церкви и Вольтера, указывают на то позитивное, что было сделано «прогрессистами».

Однако ситуация уже изменилась. XX век выбил из головы теорию прогресса: детально объяснил это Первой мировой войной, для непонятливых повторил Второй мировой, добавил развивающихся упражнений, организовав «современность».

Г. С. Померанц. 1969. Человек ничтогуа

Не поняв Царствия Божия, которое внутри нас, и перестав верить в Царствие Божие на небе, народы развитых стран за последние века если и верили во что-то, то разве только в лучшее будущее. Но в наш век и эта вера заколебалась.

Понятие «прогресс» сейчас значительно поколеблено, но очень соблазнительно. Как только время перестает стучать в висок, ускокаивающегося человечество возвращается к удобной вере в прогресс. Эта вера пребывала с первыми западниками, а сейчас она — одна из опор идеологии глобализации.

Замствование

Политические лидеры могут творить историю, но не могут избежать истории... Они могут заразить страну шизофренией культур, которая надолго останется ее определяющей характеристикой.

Сэмюэл Хантингтон

Из представления о прогрессе и «отставании времен» закономерно рождается мысль о «замствовании» — усвоении оп-

ределенных культурных, правовых, экономических «умений». Среди первых участников спора в XIX веке заимствования признавали все — насмехались над «попугальничаньем» и верили в благотворную роль заимствований.

Н.М. Карамзин. 1802. О любви к отечеству и народной гордости

Завистники русских говорят, что мы имеем только в вышней степени *невежливость*; но разве она не есть знак превосходного образования души? Сказывают, что учителя Лейбница находили в нем также одну *невежливость*.

А.С. Шишков. 1824. Рассуждение о старом и новом слоге

Какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся в руках у французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно подучают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее, нежели своим...

Достаточно заменить в этом тексте «французов» на «камериканцев» — и готово вполне современное по содержанию высказывание. Правда, русский язык «почвенника» Шихкова хуже, чем «западника» Пушкина, да и последствия угаданы неверно: как раз после «культурного рабства» у французов и развивалась великая русская литература. Впрочем, раз на раз не приходится, и ожидать расцвета русского языка в результате американизации культуры пока нет оснований.

И. Киреевский. 1832. Девятнадцатый век

Только с того времени, как история наша повзвонила нам обдичаться с Европою, то есть со времени Минина и Пожарского, начало у нас распространяться и *пробовещение в истинном смысле сего слова*, то есть не отдаленное развитие нашей особенности, но участие в общей жизни просвещенного мира, ибо отдаленное, китайски особенное развитие заметно у нас и прежде введения образцовности европейской; но это развитие не могло иметь успеха *общечеловеческого*, ибо ему недостава-

ло одного из необходимых элементов всемирной прогрессии ума.

В.Г. Белинский. 1847. Взгляд на русскую литературу 1846 года

Собственно говоря, борьба человеческого с национальным есть не больше, как риторическая фигура; но в действительности ее нет. Даже и тогда, когда прогресс одного народа совершается через заимствование у другого, он тем не менее совершается национально. Иначе нет прогресса.

Лишь постепенно, по мере осознания проблемы, высказывания становятся все более определенными, и «заимствование» приобретает дурной привкус.

С.А. Франк. 1909. Этика нигилизма

В отличие, например, от таких исторических движений, как великая английская или великая французская революции, которые пытались осуществить новые, самостоятельно продуманные и согласованные философские идеи и ценности, /.../ наше общественное движение руководствовалось старыми мотивами, заимствованными на веру, и притом не из первоисточников, а из вторых и третьих рук.

Из подобной критики общим местом стало представление, что непродуманное заимствование — скорее, зло, чем благо, что необходимо соотносываться со свойствами всей системы общественных отношений. Стало понятно, что «изолированное заимствование» — фикция, общество не представляет собой мозаики частей и потому к заимствованию надо готовиться.

П.И. Новгородцев. 1923. Демократия на распутье

По существу своему /.../ демократия есть самоуправление народа; но для того, чтобы это самоуправление не было пустой фикцией, надо, чтобы народ выработал свои формы организации. Это должен быть народ, созревший для управления самим собою, сознающий свои права и уважающий чужие, понимающий свои обязанности и способный к самоограничению. Такая высота политического сознания никогда не дается сразу, она приобретаетсся долгим

и суровым опытом жизни. /.../ Вот почему сторонники демократии на всех языках и в самых разнообразных вариантах повторяют одну и ту же мысль: демократия невозможна без воспитания народа, без поднятия его нравственного уровня.

Это давно замеченное и притом совершенно естественное явление, что демократия практически всегда переходит в олигархию, в правление немногих.

Этот слой мыслей настолько давно и хорошо усвоен — разумеется, теми, кто думал об этих проблемах, — что в современной дискуссии почти не воспроизводится, как понятие общее место. Однако, обратив внимание на окончание цитаты П. Новгородцева, можно понять, что то, что стало общим местом для рассуждающих об этих предметах интеллектуалов, пока не стало таковым в общественной практике. В лице интеллектуальной элиты общество осознало эту проблему, но сподобя реагирования на нее пока не нашло.

Впрочем, можно встретить и высказывания, сделанные в рамках представлений о простом заимствовании, о «наивной вестернизации».

А.М. Мигранян. 1991. Роль насилия в процессе демократизации России

Видимо, сегодня вряд ли стоит надеяться на возможность создать новые, более совершенные формы политической организации демократической власти, чем это удалось сделать Англии, затем США. Эти формы постепенно осваиваются всеми остальными цивилизованными народами мира. Если мы хотим войти в семью цивилизованных народов, нашей стране предстоит пройти тот же путь. Она, собственно, и проходит его, только с очень большими потерями. Модернизации в данном случае мешает ряд важных факторов: бескрайняя территория страны, статус сверхдержавы, огромная военная мощь, многонациональный состав населения и страх перед центробежными тенденциями.

Как всегда в случае неуспеха вестернизации, задним числом указываются частные причины, по которым намеченную программу выполнить не удалось. Можно обратить внимание и на то,

что список качеств, мешающих нам ганцевать на баду современности, совпадает со списком наших потерь. Бескрайность поумерилась, статус сверхдержавы исчез, «огромная военная мощь» пропала, уменьшилась степень многонациональности... Препятствия на пути модернизации сняты. Мы достигли успеха?

Вестернизация и модернизация

Россия не может идти чужим путем. Она и своим-то идти не может.

Константин Мелихан

Историю представлений о вестернизации и модернизации изложил А. Зубов.

А. Зубов

Выявились опять же две позиции по отношению к модернизации незападных обществ. Модернизация или вестернизация? — так был поставлен вопрос в конце 1950-х годов.

Сторонники вестернизации, а к ним тогда относились ведущие политологи Запада — Сеймур Липсет, Даниэл Делнер, Габриэль Амонд, Аюсцен Пай, — подлагали, что по мере того, как в странах Востока (о России тогда речи не было, речь шла о так называемом свободном Востоке, который не находился в коммунистической системе) будет достигнут определенный уровень массового образования и экономического развития, определенный уровень развития информационной инфраструктуры, то тогда в них обязательно проявятся и утвердятся нормы западной демократии, западной политической жизни и они станут западными странами. То есть проблема отличия Востока от Запада есть проблема отставания. Так говорили вестернизаторы.

Модернизаторы же утверждали, что, безусловно, в странах Востока необходимы определенные социальные и экономические сдвиги, да они и происходят. Но думать, что в результате этих сдвигов, скажем, Индия станет Англией, а Камбоджа —

Францией (я называю колонию и метрополию), — думать так абсолютно наивно. Иные культурные предпосылки, иные цивилизационные базисы приводят к иным методам использования новшеств — в социальной, естественно, а не в экономической сфере — в западном обществе. Экономическое, информационное, образовательное развитие, неизбежное и желаемое любой страной, служит не для удообления этих стран Западу, а для того, чтобы они, оставаясь самими собой, т. е. в пределах своего цивилизационного типа, могли более адекватно реагировать на общемировые экономические и социальные процессы и тем самым оставаться конкурентоспособными в новом мире, в мире новых реалистостей. При этом в 1950-е годы «модернизаторы» исходили большей частью из того, что демократия, права человека — дары христианской, уже — протестантской цивилизации, которые в иных культурах ни развиться самостоятельно, ни привиться извне скорее всего не смогут. Так в той дискуссии подарили Джон Пламенатц, Роланд Пеннок, Эрнст Гриффис.

С 1960-х до конца 1970-х годов теория вестернизации доминировала, а теории модернизации было не то что разгромлена, а просто отодвинута, как слишком много места уделяющая религиозным, историко-культурным особенностям и поэтому излишне сложная. Но уже в конце 1970-х годов стало появляться все больше фактов, свидетельствовавших о том, что ни Индия, ни Япония, ни Турция при всей модернизированной их экономической и социальной структуры и имплантации в них парламентских институтов не стали западными странами, а остались тем, чем были. И цивилизационная парадигма обретает теперь иной, позитивный, мodus. В рамках этой парадигмы было признано, что разные цивилизации могут модернизироваться и, оставаясь самими собой, достигать уровня западной развитости.

Одни ученые приветствовали это, другие, особенно западные, испытывали растущий страх перед усилением иных цивилизаций. Изнутри великая война США и Великобритании с Японией в 1941–1945 го-

дах, поражение Франции в Алжире и США во Вьетнаме знаменовали возникновение иных цивилизационных соотношений. Очень интересна здесь эволюция Самюэла Хантингтона. В свое время он был одним из главных сторонников теории вестернизации и с горячностью, ему всегда свойственной, защищал эту теорию. А в своей последней книге «The Clash of Civilizations» он, наоборот, перешел на очень, а бы сказал, прямолинейно-наивною позицию избыблемости цивилизационных границ, проведенных при этом с учетом лишь одного из аспектов цивилизации — конфессионально-религиозного. /.../

С одной стороны, происходит общий и закономерный для всех процесс развития, и в этом смысле мы не должны ожидать, что одна цивилизация пойдут по совершенно иному пути, чем другая. Скажем, цивилизация не может, как правило, развиться до высоких пределов, остаться аграрной, не создать городов, системе современной науки, современным исследовательских центров, современную инфраструктуру информации, не освоить компьютеры, денежное обращение и т. д., без чего не может быть развитости. Но, с другой стороны, каждая цивилизация все это делает иначе, чем другая. К анализу любой, в том числе и русской, цивилизации следует подходить, основываясь на этих двух моментах: что в ней непохоже на западное в силу того, что она еще находится на другой возрастной стадии (предположим, низкая компьютеризированность общества), и что в ней действительно существенно другое, что может развиваться, но не может удообиться инцивилизационным формам. В этом, полагаю, и состоит главный предмет дискуссии (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

В этой связи возникает вопрос о цене модернизации. В модернизации мы «покупаем время», и естественно поинтересоваться, сколько оно стоит. Даже если товар нам необходим, мы не можем купить его за большую сумму, чем у нас есть.

А. Зубов

Загранивается вопрос об успешных и неуспешных модернизациях. При этом утверждается, что

петровская и сталинская модернизации были успешны, а, допустим, модернизация Александра II не была успешной. Но что есть успех и каков критерий успеха? На каком основании мы считаем сталинскую модернизацию, скажем, успешной, а реформы Александра II неуспешными? Только отвечая на эти вопросы, можно говорить о правомерности или неправомерности тезиса Клямкина о том, что Россия эффективно развивается только в ситуации угрозы войны или самой войны, а ситуации испитания миром она, как правило, не выдерживает. А чтобы ответить на него, мы должны потоворить о проблеме, которая в науке уже исследуется в рамках отдельной дисциплины. Это аксиология — наука о предельных ценностях, вне которых нельзя рассматривать категорию успеха.

Можно ли считать успешными реформы Петра при той цене, которую он заплатил, к примеру, за строительство Петербурга, — я имею в виду гибель десятков, а то и сотен тысяч людей, связанную с возведением «средаь топи блаат» этого миража на Неве? Оправданна или не оправданна такая цена Петербурга? Можно ли считать успешными сталинские реформы, за которые народ России заплатил десятками миллионов человеческих жизней? Есть ли у реформ предельная цена? Не обещены и, даже более того, не вредоносны ли для русского общества были все эти Магнитки и Беломорбалты, если построены они на слезах, крови и костях? Это — вопрос не чисто моральный, хотя для меня моральное измерение всегда очень важно. Это, если угодно, и вопрос суугубо демографический, ибо речь идет об уничтожении миллионов людей. Причем при Сталине, как известно, уничтожались не худшие, а лучшие, самые ценные для общества люди — лучшие крестьяне, выдающиеся инженеры, интеллектуалы, мыслители, философы, активные, энергичные, профессиональные рабочие, а также государственные деятели — ответственные и нравственные, которые не могли смириться с этими действиями советской власти.

Можно ли сказать, что уничтожение этой лучшей части нашего общества не обезобразило на-

цию, что после этого не произошла некоторая генетическая деградации народа? Известно, скажем, что после наполеоновских войн рост французских мужчин уменьшился на несколько сантиметров, произошла генетическая деградации. Так вот, может быть, такая цена «успешной» в кавычках реформы есть как раз катастрофический неуспех этой реформы, потому что не железками определяются успех, счастье, цель, а определяются, как я думаю, двумя важнейшими критериями, которые в конечном счете соединяются в один. Критерий эти: во-первых, благополучное и безопасное существование в Догатке и при защите от внешних и внутренних опасностей гражданина и человека, а во-вторых, объем общественной свободы, гарантированный личности (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Непосредственно теория вестернизации зашла в тупик — как и ориентированные на ее рекомендации социальные действия. Выяснилось, что прямо на Западе не может шаннуть ни одна страна.

Г. Померанц. 1994. Выбор XXI века

Великие коалиции культур, возникшие вокруг Главной Книги, принципиально равноправны. Мир ислама, индуистско-буддийский мир Южной Азии и конфуцианско-буддийский мир Дальнего Востока не могут быть полностью вестернизированы. Процесс вестернизации, сперва односторонний, давно перешел в диалог.

Те трудности, которые встретила на этом пути Россия, не имеют отношения к местным особенностям. Совсем не бесполезно говорить о недостатках отечественной привычки трудиться, о недостаточной гибкости в усвоении новых знаний — самокритика полезна, но эти разговоры не имеют прямого отношения к неудачам и срывам наших вестернизаций. Того результата, который мыслится в начале вестернизационных действий, невозможно достичь этим путем.

В. Дапкин указывает, что способ купить то, что стоит дороже, чем мы можем позволить себе заплатить, называется «модернизацией».

В. Дапкин

Российская цивилизационная парадигма принципиально иная, чем та, что роднит западноевропейские нации и формирует североатлантическую цивилизацию. «Смена парадигмы», необходимая в этой ситуации для вхождения России в западную цивилизацию, есть нечто не имеющее в мировой практике прецедентов успешной реализации, по существу подменяющее модернизацию вестернизацией и закрывающее для России возможности построения нации-государства. Пример Японии, успешно решающей (и практически уже решившей) ту задачу, которая не по силам России, указывает совершенно иной путь. Япония и евроамериканский Запад демонстрируют взаимосотласованное встречное сближение: эволюционной трансформации японской цивилизационной парадигмы соответствует преобразование кодов западноевропейской цивилизации, все в большей мере обретающей способность к универсальной интеграции инородного культурного, социально-политического, хозяйственно-го опыта. Модернизация, собственно, и есть процесс цивилизационной «мутации», преобразования традиционной цивилизации в форму цивилизации «универсальной». В то же время вестернизация, попытка нивелировать цивилизационное своеобразие России не вызовет ничего кроме резкой реакции отторжения модернизации как таковой (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

В таком понимании модернизация есть торги по поводу цены времени. Те, кто не может заплатить выставленную продавцом стоимость, начинают торговаться, продавец сбавляет цену, и достигается приемлемое решение.

Примерно об этом же говорит и В. Межуев, обращая больше внимание не на экономическую, а на политическую сторону возможных «торгов».

В. Межуев

Европейская модернизация шла прежде всего под толчками либерализма, хотя определенным образом реагировала и на те требования, которые выда-

вались консерватизмом и социализмом. Иными словами, она осуществлялась в режиме диалога между этими тремя проектами «модерна», т. е. в демократическом режиме, а не навязывалась вастью сверху. В России же модернизация никогда не означала ни демократизации, ни либерализации общества и власти. /.../ Модернизация — не прямолнейное движение по кем-то намеченному и единому для всех пути, а состояние постоянного выбора оптимального варианта этого движения, зависящего от конкретных условий и обстоятельств (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

В рамках такого рода рассуждений вестернизация и модернизация являются разными стратегиями действий. В таком случае можно обсуждать наличие стратегии в терминах соотношения в них модернизации и вестернизации.

В. Федотова

Приведу мнение С. Хантингтона, который показывает несколько путей развития. Один путь — вестернизация без модернизации. По нему пошла Египет, Филиппины. Казалось бы, на Филиппинах было американское присутствие, но там не родилось чего-нибудь, похожего на западный капитализм. Ничего подобного, самое непродуктивное общество. Египет и Филиппины находятся в бедственном положении. Второй путь — модернизация без вестернизации. По этому пути пошла Юго-Восточная Азия. Она модернизировалась, не меняя своей идентичности. ...Японцы модернизировались на собственной культурной основе, то есть они, не меняясь культурно, производили современные вещи, провели технологическую революцию. Многие, правда, говорят, что статистика Японии 1990-х годов — следствие отсутствия вестернизационного элемента. Японцы производят то, что им самим в жизни не нужно, они остаются жить в старом мире. Этот опыт успешен, но относительно успешен.

Третья форма развития, о которой говорит Хантингтон, — догоняющее развитие, при котором пропорции модернизации и вестернизации примерно одинаковы. По этому пути давно идут Россия,

Турция, Мексика. Но развитие по модели догоняющей модернизации заходит в определенный тупик. С чем это связано? Первое, уже упомянутое: неизвестно, какую фазу развития Запада догоняем. Второе: если рекультуризация, т. е. вестернизация, отращивание собственной культуры осуществляется очень быстро или является чрезвычайно оскорбительным по своей манере, то неизбежны откаты назад. /.../

Демократия на Западе будет трансформироваться, потому что она — не вечный спутник западного капитализма. Вестфальская мировая система после тридцатилетней войны дала систему национальных государств, о демократии речь не шла. А потом, после Филадельфийского конгресса в Америке, возникла Филадельфийская система, в которой уже демократия выступила на передний план. А сейчас происходит не только трансформация Вестфальской системы, но и трансформация Филадельфийской системы в связи с глобализацией. Скажем, такой очень известный автор, как Т. Инотучи, написал статьи и книги о том, что демократия на самом Западе тоже видоизменяется, что фетиш демократии сегодня не может стать основанием для преобразований. Но все-таки, если мы хотим жить в демократическом обществе, а мы можем этого хотеть, то мы можем перенимать еще западные институциональные структуры: демократические, управленческие, экономические, образовательные. Все, что нам представляется ценным, мы можем брать, нам никто этого не запрещает, но мы не можем сказать, что мы догоняем Запад или развиваемся по западной модели, потому что Запад сам трансформируется.

Помимо Хантингтона и Ш. Айзенштадт — классик теории модернизации — говорит, что сегодня существует множество модернизмов. Нет единой линии, ориентированной на Запад и догоняющей его. Никому не удалось догнать. Даже Германия западнотипа цену Первой и Второй мировых войн, чтобы, находясь в середине Европы, стать Западом по сути своей культуры. Португалия, Италия, Испания становились западными странами очень болезненно и долго. Никто из других регионов мира не

превратился в Запад и не может превратиться (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

Постепенно выясняется, что стратегий придумано много, но «царского пути», безусловно ведущего на Запад, не найдено.

С. Цирель

Да, конец «эпохи модернизаций» еще очень далек, мир живет не только и не столько в обществе «третьей волны», а, в основном, в более ранних обществах, искаженных и изуродованных западной цивилизацией и глобализацией. Вель 5/6 населения земного шара не закончили или даже не начинали модернизацию. И речь идет не только об арабском Востоке, но и о таких крупнейших странах, как Россия, Индия и Китай. Не славет благодушно уповать на то, что китайская и, особенно, индийская цивилизации традиционно менее ориентированы на внешнюю экспансию, чем средиземноморские. Потому что модернизация может сделать агрессивной даже цивилизацию тюленей. При этом, как показал опыт Германии, с одной стороны, и Ирана — с другой, срывы модернизации происходят как на самой позднеи, так и на самой ранней ее стадиях. А произойдут они или нет, зависит прежде всего от западных стран и их лидеров — в том числе и от их способности понять то, что такого рода проблемы нельзя решить только военным путем (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

Путь модернизации не стоит представлять себе как бесплатный; в отличие от вестернизации, «здесь торгуются», но это не значит, что время дают бесплатно. И в связи с этим опять возникает вопрос о «цене» — теперь уже цене модернизации. Платить придется, это ясно, но как установить «справедливую цену»?

А.С. Панарин, 1996. Реформы и контрреформы в России.

Циклы модернизационного процесса

До сих пор нельзя ответить со всей определенностью, удался ли «опыт Петербурга» и петербургского периода нашей истории. Петербург так и не был до конца усвоен народным сознанием. /.../ Но в то

же время Петербург дал великую русскую литературу, величие и блеск империи — результаты, воодушевляющие не только верхи, но и низы общества.

Как мыслится желательный образ «определенного ответа»? Вывают ли вообще такие ответы в истории? Если имеется в виду метаисторическая правильность, не имеющая отношения к судьбе страны в истории, то следует выходить в область философии истории, явно заявляя, что жизнь страны подчинена ее идее, цели, люди живут не для себя, а для реализации идеи народа, страны. Тогда Петербург оправдан, ведь несмотря на жертвы он породил русскую литературу. Если эта точка зрения непригодна и определенность ответа мыслится как отклик на вопрос об успешности выживания, о том, процветает страна или нет, — становится ясно: поскольку мы до сих пор живы, опыт Петра успешен. Если указывается, что петербургская империя развалилась — можно ответить, что история знает вечные народы, но не знает вечных государств, по крайней мере в европейском регионе. Наконец, можно вопрос обратить к будущему: успешность понимать как гарантию дальнейшего существования. В этом смысле история ответов не дает никому, и странно ожидать от кого-либо определенного ответа на вопрос, который лежит в области человеческой свободы. Как дело пойдет, как мы его сделаем, так и будет — и спрашивать тогда следует не про Петра и его опыт, а про наши сегодняшние, вполне повседневные опыты — успешны ли они? Но если мы «с определенностью» не можем указать на «критерии успешности», то мы опять возвращаемся к прежнему вопросу. Как же подограться к вопросу о цене модернизации?

Видимо, вопрос этот можно сильно упростить, если выяснится, что покупаемый товар — сгнивший. В самом деле, имеет смысл ломать голову и обсуждать цену, когда мы покупаем что-то очень нужное. А если придти к выводу, что это каприз, безделка, а то и просто вредит здоровью, — вопрос о цене отпадает, тут и копеек жалко.

А.С. Панарин. 1996. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса

Уместно подчеркнуть сомнительность теории модернизации. Модернизация задумывалась как

процесс имитации или заимствования западными обществами западной модели высокопродуктивной рыночной экономики. Однако парадокс процесса модернизации состоит в том, что в результате переделки продуктивных типов поведения, коренящихся в протестантской аскезе, сколько внедрение в западные культуры продуктов декаданса: потребительской психологии, не готовой работать как на Западе, но стремящейся по-западному потреблять.

...Одно дело — вольнолюбие людей, готовых творчески обновлять нормы, другое — вольнолюбие как бегство от норм и ответственности. Вопреки видимости, революционаризм и потребительство сродни друг другу: первый разрушает общество деструктивной активностью ниспровергателей, второе — пассивностью и безучастным отношением ко всему, что не касается материальных благ.

Вестернизация, проникшая с уровня элиты на уровень массового сознания, теряет следы творческого демократического тождения. Она представляет коллективное бегство от национальной традиции, ибо *традиция обязывает*, а массовое потребительское сознание тяготеет к обманчивости в любых проявлениях. В этой стадии возникает опасность, что вестернизация приобретает характер заимствования преимущественно худших образцов культуры-донора — того, что наиболее доступно неразборчивому восприятию и от чего сама эта культура спешит освободиться.

Далее Панарин отмечает, что постсоветская вестернизация произошла после истребления культурных традиций и культурных элит.

А.С. Панарин. 1996. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса

Вестернизация с самого начала была лишена того богатого фальстафа, с помощью которого страны-импортеры «передового опыта» могут оплачивать производственное и ценное от вульгарного и злокачественного. Постсоветская вестернизация — вестернизация, осуществляемая без творческого соучастия настоящей национальной элиты.

К. Леонтьев. 1884. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения

Высшая степень общественного благоуденствия *материального* и высшая степень общей *политической справедливости* была бы высшая степень *безнравственности* (я отдаюлю нарочно частицу *без*, чтобы мое слово не поняли в обыкновенном смысле разврата и мошеничества; я предполагаю, что не будет тогда ни разврата, ни добродетелей: первый не будет допущен, а второй будет не нужна. Так как *все равны*, и потому все одинаковы).

Мифология «вторичной» (всегда за «первичной» — на Западе) вестернизации состоит в ожидании появления в обществе-реципиенте сильного среднего класса, опоры демократии. Этот средний класс склеивает, скрепляет общество. Сильный и многочисленный средний класс выступает как гарант от перерождения демократии в охлократию, а затем в олигархию. Однако А. Тойнби показал, что прямым результатом такой вестернизации является неожиданная и очень сильная «подаризация населения на космополитическое, компрадорское меньшинство приватизаторов, свободных от давления норм собственной культуры... и дезориентированное и дезорганизованное большинство, которое увели от национальной традиции, но так никуда и не привели...». Средний класс оказывается слабым, и демократические процедуры начинают работать против демократии. Средний класс в России действительно слаб, как показало, например, исследование Димитенского (Димитенский, 2002), но и на Западе он начинает быстро слабеть.

Тем самым можно предположить, развивая эту точку зрения, что, говоря словами героя Алека Лондона, «эти яйца всегда были тухлыми». Модернизация не ошибается, те издержки, с необходимостью платить которые страны встречаются при движении по модернизационному пути, заложены с самого начала. Модернизация — это машина поларизации мира, в каждой стране возникает резкая дифференциация новой элиты и остатального населения, а в мире в целом возникает «разбойное гнездо», «апопово» новой элиты, откуда совершаются набегии на остальную территорию планеты. Модернизация оказывается должным маяком, который примагнивает на скалы корабли,

проплывающие в бурном море истории, а «модернизаторы» потом собирают добычу. Так развивается эта мысль — от вопроса о цене модернизации до теории «всемирного заговора» модернизаторов, уничтожающих и обкрадывающих наивные модернизирующиеся страны.

А. С. Панарин. 1996. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса

Новейшая волна вестернизации, накрывшая Россию, дада чрезвычайно показательные результаты в качестве всемирно-исторического эксперимента. Оказалось, что даже если она захватывает достаточно развитую в промышленном и образовательном-квалификационном отношении страну (по последнему показателю СССР занимала ева ли не ведущую позицию в мире), результат оказывается тем же самым: всеобщая деморализация, денационализация, предельная социальная поларизация. По меркам великих исторических аналогий, нынешняя вестернизация достигла той же стадии предельного духовного и материального истощения мира, какой ознаменовалась последняя, закатная фаза эллинизации Древнего мира. В этой фазе самое время поставить вопрос: чем ответят на этот вызов нескрытые волной вестернизации отчаявшиеся цивилизации. Вопрос по-настоящему еще не осмыслен в современной культуре — сказывается инерция прежних завышенных ожиданий в отношении благодетельных возможностей вестернизации. Запад — инициатор всемирно-исторической драмы, пока уклоняется от ответа. Элиты Запада, вместо творческого ответа, предпочли простоту инверсии: экспансионизм Запада как носитель цивилизаторской миссии вестернизации они готовы заменить изоляционизмом в духе традиции «разумного эгоизма». Недавно возникшая концепция «золотого миллиарда» планеты — передового меньшинства, успевавшего прорваться в изобильное постиндустриальное общество до того, как капкан глобального экологического кризиса захлопнется, означает не только иссякание энергии творческого дарования. Она означает, что страх перед чуждым большинством

планеты возоблада над универсалистским пафосом эпохи Просвещения. Произошла наступающая социокультурная катастрофа, связанная с закатом общечеловеческой перспективы, неверием ни в успех всемирной миссии Запада, ни в автотонные механизмы подъема западных обществ в духе идеологии Прогресса. /.../

Обратимся к проблеме другого ответа — со стороны незадачливых пасынков прогресса, жертв вестернизации. Незападный мир, рассеянный лучом проникающей вестернизации, дифференцируется в зависимости от типов ответа на вызов Запада. Эта дифференциация имеет прямое отношение к геополитическим и цивилизационным прогнозам относительно состояния человечества (материального и духовного) в начале III тысячелетия.

Примечательно: дихотомия «Запад — не-Запад» имеет смысл, несмотря на разнообразие внутри западного мира. Прежде, в рамках идеологии прогресса, дихотомия отделяла ведущих и ведомых, авангард и арьергард. Сегодня, когда понятие прогресса поставлено под сомнение, дихотомия указывает на различие мира, развивающегося имманентным образом (по собственной логике), и мира, получающего направленное воздействие извне. Данное неравноправие народов продлевать здесь: оно касается не столько экономического гнета, политического, силового давления, сколько зависимости исторического развития.

Одно дело — иметь свою, «домашнюю историю», другое — стакиваться с чужеродным «демоном истории», осуществляющим неожиданные, непредсказуемые выходы.

Разумеется, отнюдь не все участники нашего диалога шли так далеко в критике модернизации. Однако выше мы видели, что на самом деле критические замечания, до какой-то степени сходные с теми, что дает Панарин, приводят многие. В текстах Панарина мы встречаемся только с более развернутой, детализированной картиной того, как осознается модернизация. Возможно, делаются слишком крайние выводы, однако в любом случае желающим опровергнуть подобную точку зрения надо

взаимодействовать с наиболее проработанной и доведенной до логического конца позицией.

Можно отметить, что все эти возражения строятся исходя из аксиомы, что нормальной является иная ситуация, самостоятельное культурное развитие. Можно указать на множество контрпримеров — греки обучаемы египтянами, германцы — римлянами и т.п. В последнее время цивилизации стали развиваться свободнее и самостоятельнее, чем раньше (что правдиво и закономерно), но жалобы на недостаточную свободу развития все усиливаются. Чтобы быть свободными, надо уметь брать ответственность за свою историю. Пока одна цивилизация питается культурой иной цивилизации, она несамостоятельна (не вполне самостоятельна) и такие жалобы неуместны.

Здесь важен феномен: Пушкин не воспринимается на Западе как великий поэт. И многие другие творцы русской культуры — тоже. Почему? Для западного (культурного) человека их труды звучат отголосками западной культуры. Это для нас Пушкин — солнце, для Запада это не так. Это ничуть не умаляет Пушкина — он действительно солнце, наше солнце, это вполне объективно, но объективность разная для разных субъектов. Наша цивилизация все еще в очень сильной степени связана с западной. В экономическом и политическом аспекте это очевидно; более того, это так и в аспекте культуры. Мы вышли из стадии простого подражания и вступили (только вступили) в стадию «манеры» (по гегелевской классификации индивидуальности в искусстве). Вперед — развитие собственного стиля. Только тогда, когда мы будем не только по-своему развивать западные идеи, но и самостоятельно создавать идеи, только тогда мы сможем задумываться об обрыве путевинки, связывающей нас с западной культурой. Другое дело, что те времена, когда культурное доминирование подражывало и политическое, и социальное доминирование, прошли и не все на Западе это понимают, перенося в современность манеры римско-германской истории.

Так можно было бы возразить, но наивно думать, что эти возражения общеобидительны. Гряде примеров можно противопоставить еще большие массы примеров самостоятельного развития цивилизаций (вот хоть в Америке, в Австралии — хотя они, кажется, плохо кончили). Представления о сильной за-

всимости «великого золотого века» русской культуры от запятых идей не встречаются противодействия, только когда выказаны очень осторожно, в специальных работах и с массой оговорок, в явной форме они, конечно, найдут квалифицированных критиков. Короче, с развиваемой Панариным теорией «враждебной модернизации» можно спорить, но и возражения на нее в свою очередь будут оспорены.

Интересно обратить внимание на яркую черту теории, развиваемой Панариным. Другие критики модернизации не доходят до конца в развитии своей позиции и потому не протривают замечательный тезис: получается, что модернизация несет всем странам зло, это социальный механизм, специально (и с очень большой мудростью) задуманный для того, чтобы разорить людей, снизить их культуру, поставить на колени и сделать еще много разных пренебрежительных вещей. Кто же это постарался? Претенденты на роль организатора столь массовых действий известны: Бог, Дьявол, мировая закулиса. Однако Панарин препочитает высказаться несколько иначе.

А.С. Панарин. 1996. Реформы и контрреформы в России.

Циклы модернизационного процесса

Словом, мир выступает как драма, не имеющая режиссера и развивающаяся исключительно как непредугаданный итог взаимных реплик участвующих персонажей.

Все же кажется, что драма без режиссера — не драма, а балаган. Одно из двух: либо режиссер есть (который, возможно, является очень современным и ставит драму, в которой актеры много импровизируют), либо высокое слово «драма» тут лишнее, оно придает высказыванию ложный смысл.

Далее Панарин указывает, что «модернизационная ситуация» не может быть прочитана на языке «теории прогресса».

А.С. Панарин. 1996. Реформы и контрреформы в России.

Циклы модернизационного процесса

Наряду с «вызовом пространства», искажающим логику линейных эволюций, действует не менее серьезный вызов времени. Для судеб страны, цивилизации вовсе не безразлично, когда она стартовала на дороге прогресса. Дело в том, что «пришла-

шие позже» застают совсем другие условия соревнования, чем их предшественники. Как в биологическом мире: ранее сложившиеся виды могут тормозить развитие новых. Всемирно-историческое развитие выступает в формах, существенно отличающихся от картины автоматически действующего прогресса, нейтрального в культурно-психологическом смысле и равно открытого /.../ для всех.

Новизна ситуации, в которую попало человечество на рубеже II–III тысячелетий н.э., состоит в том, что при сохранении прежних критериев прогресса, определившихся в Новое время (в пострадиационную эпоху), он уже не может выступать универсальной категорией, объединяющей человечество.

Можно видеть, как сильна вера в прогресс — уже сказав, что это ложная вера, что прогресс есть довольно зловещая выдумка разлакомившихся и плохо мыслящих историков, — все равно к нему вызывают, как к истинному божеству, которое отвернулось от верующих, но, может, еще вернется... Обращит лицо свое...

Мнение Панарина сводится к тому, что против модернизации бессильны все приемы, кроме культурного преобразования Запада. Когда две тысячи лет назад противостояли друг другу Рим (Запад) и Восток, последний породил соцветие мировых религий и смог преобразовать Рим, так что успех стран Востока сверхкомпенсировался успехом Восточной культуры; Рим стал иным (восточным?), человеческая история поменяла русло — это и был ответ Назарета (Востока) на модернизацию. Поэтому и сейчас Панарин ожидает чего-то подобного.

А.С. Панарин. 1996. Реформы и контрреформы в России.

Циклы модернизационного процесса

На рубеже II–III тысячелетий, как и когда-то, на рубеже старой и новой эры, у Востока есть только один шанс достойно ответить на вызов Запада: преобразовать его духовно, преобразуя вместе с ним и самое себя и все человечество. Стратегия успеха — «догона», «перетона», «ускорения» — всего лишь путь эпитонства, малоэффективный с позиции более высокого порядка.

Может быть, все же придется признать, что такое преобразование слишком поспешно — не в смысле логической неправомерности, а в смысле исторической периодизации. Возможно, не все полевники согласятся измерять масштабы необходимости человеку христианской религии — в единицах компенсированной вестернизации. По сути, Панарин высказывает достаточно традиционную (с Чаадаева и Соловьева) для русской философии точку зрения, что Россия имеет великое будущее в человеческой истории и ей суждено в духовном отношении спасти Запад, который в материальном мире, во внешней истории выигрывает, неотвратимо попадая в ловушку метаисторическую, в тупик материальной цивилизации. Мысль сильная, но масштаб ее несоизмерим с предметом обсуждения. Пример: маленький мальчик, получающий двойку за незнание урока, утешается тем, что ему суждено большое будущее, что, когда он вырастет, учитель будет уже совсем старенький и беспомощный. Это правда, но к невыученному уроку отношения не имеет. Так и здесь: если считать мысль о роли России в будущей истории верной (в любом случае, здесь не место обобщивать эту идею, достаточно того, что она высказана), это тем не менее не имеет отношения к нынешнему кризису России, к ее пути в ближайшие десятилетия (и столетия). Глядя правде в глаза, следует сказать, что сейчас мы не можем предложить Западу никакой культуры и никакой духовности, собственной вывести его из трудного положения. Нашей большой задачей является такое развитие, чтобы мы могли когда-нибудь высказать такую идею — для себя, для Запада и для прочего человечества, но дистанция до этого чаемого результата такова, что пока не удается увидеть даже самый общий абрис этой идеи. А нашей малой, сегоднешней задачей является решение сегоднешних трудностей, о которых и говорят при обсуждении соотношения России и Запада, и к той большой проблеме эта задача имеет лишь то отношение, что нам надо решить эту мелочь, иначе у нас не будет возможности решать что-либо в дальнейшем.

А. С. Панарин. 1996. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса

Тойнби далеко отодвинул сроки новых религиозных реформаций (к 3047 году. — А. Б., Г. А.), идущих,

как и все великие религии, с Востока на Запад. Он писал в эпоху, еще не знающую близости конечного предела, связанного не только с глобальным экологическим кризисом, но и с предельной «порчей» человека, на наших глазах пережиджающегося в опаснейшем разрушительном обществу и культуре, попирающего нормы, заповеди.

Здесь следует сделать замечание, относящееся не столько к данному тексту Панарина, сколько к множеству похожих по смыслу высказываний. Часто говорится, что наш кризис — очень страшный и потому самое время доброй матушке-истории выпустить на волю наши потаенные от нас самих силы и позволить нам уже сейчас спасать человечество, поскольку сила терпеть у нас уже не осталась. Это как раз идеология людей, не прошедших через серьезные испытания. Эти люди верят, что хуже быть не может; верят, что выпавшие на их долю испытания — свыше сил человеческих и что есть добрая история, которая за них все обеспечит, — как будто не было сотен поколений, так же не веривших в возможность победы для себя и уповавших на то, что чудо остановит завоевателя, падача, землетрясение и изменение традиций.

Такие высказывания грешат не только некоторой нетерпеливостью и несерьезностью, они опасны еще в другом смысле. На исходе Первой мировой войны в обществе тоже поднялись настроения, что хуже быть уже не может, поэтому можно смело выбирать любой путь — он обязательно поведет к спасению. И по сравнению с выбранным на том переломе путем все трудности Первой мировой воспринимались как милые бабушкины сказки. Представьте себе: первые танки, еще штучного выпуска, первые образцы автоматического оружия, самолеты особо продвинутыми армиями используются в основном для разведки, а у прочих еще непонятно, зачем они нужны, конные корпуса, играющие серьезную роль в сражении... Со временем кам было очень страшно. И они сделали свой выбор, мы живем его последствиями.

Однако правда не такова: на Земле уже были экологические кризисы и периоды ужасной «порчи» человека и мы живем в мире, который наследует всем этим неприятностям. Это не значит, что у нас все хорошо, — насколько, мы действительно

живем на крутом переделе времен, правда только в том, что были уже крутые переделы и будут в дальнейшем и с этим переделом справляться придется нам какие есть, а не нам, магически обрештим неведомые самим силы и «даром» вылезшим в спасители человечества. Если есть чем спастись, просьба предьявить, — а нет, так следует сделать обычные человеческие дела, не записывая себя до срока в основатели новой религии.

В. Соловьев. 1888. Россия и вселенская церковь

Вот уже сорок или пятьдесят лет, как русский патриотизм упорно повторяет, варьируя ее на все лады, неизменную фразу: Россия велика и на нее возложена величественная миссия в этом мире. В чем собственно состоит эта миссия и что России должно совершить, — *что мы должны сделать*, — этого бы выподнить сказанную миссию, — это представляется доселе крайне смутным.

В связи с грозными кризисами Панарин предлагает, по сути, новую теорию общества, предлагает подойти к обществу как к сложной системе — вместо сверхустаревшего подхода к нему как к машине.

А. С. Панарин. 1996. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса

Дезорганизация несет опасность перехода некоторой границы необратимости, после чего общество, сообщество уже не в силах задержать сползание к распаду, катастрофе. /.../ Осознание дезорганизации как подлежащей разрешению обобщенной проблемы означает, что именно здесь следует искать объект реформаторской деятельности.

Долгое время в общественных науках преобладал определенный подход к обществу, который можно обозначить как «инженерный». Общество рассматривалось как механизм, специальным образом устроенный для выполнения определенных функций. Интеллектуальные и властные лидеры любящие пробаемы в обществе рассматривали как механик рассматривает поломку машины: с точки зрения починки. Отсутствие или недостаток по какому-либо параметру воспринимались как

поводом для увеличения производства недостающего или встроить в общество новую деталь, которая будет функционировать заданным образом. Однако механизм — это система, созданная по построенная человеком для выполнения определенных целей, собственных целей у нее нет, она предназначена для функционирования, а вне функционирования бессмысленна. Общество не относится к таким системам: ее не строил индивидуальный разум, и сознателных решений относительно целей общественного устройства принималось весьма немного. В этом смысле можно сказать, что никакой цели у функционирования общества нет, кроме самой общей: самосохранения, выживания. К обществу неприменимы инженерные подходы — хотя это не означает, что обществом нельзя управлять, нельзя на него воздействовать. Просто это должны быть воздействия иного рода, чем инженерные воздействия. Так, дезабилизация какой-либо функции в машине требует ремонта детали, отвечающей за эту функцию, «завертывания гаек», чтобы уменьшить «шум». Это «элементарное» действие, исходящее из предположения, что у каждой детали машины есть своя функция и при нарушении функции надо исправить отвечающий за нее элемент. Общество работает по системным законам, и при нарастании дезабилизации следует применить системное стабилизирующее воздействие. Специфика его в том, что как раз ремонтировать ничего не надо — ремонт есть добывочное вмешательство в систему, ухудшающее ее положение.

Приходя к пониманию необходимости построения такой новой теории общественных взаимодействий, мы видим, что и концепция взаимоотношений Запада и Востока, западников и почвенников нуждается в существенном переформулировании.

Ю. С. Пивоваров, А. И. Фурсов. 1998. Екатерина II, Самодержавие и Русская Власть

Здесь едва ли стоит всерьез заниматься критикой теорий «традиционного общества» и «модернизации» (а еще раньше — «стимула» — «реакция») — *viхегипт*; по поводу самих этих теорий, прилагательных в простоте своей и своих бинарных оппозиций, на их руинах и даже на надгробиях написано в 1960–1970-е годы уже много, и предостатком мертвым хоронить своих мертвецов. Выска-

жем лишь одно соображение общенадлитического характера, которое важно для дальнейших рассуждений. Речь идет о проблеме принципиальной пропорности противопоставления традиции и современности как прошлого и настоящего и об отожествлении в современной эпохе некапиталистических (докапиталистических) форм с «традицией» и капиталистических (причем в их наиболее развитом варианте, представляющем ядро Капиталистической Системы) — с «современностью». Прошлое и «докапитализм» как не-капитализм, с одной стороны, и настоящее и капитализм — с другой, не обязательно автоматически оказываются «традицией» и «современностью» по отношению друг к другу и уж тем более не являются взаимонепроницаемыми предостствиями. /.../ Этому исключительно традиционных черт из современности соответствует исключение современных — из традиции. Методологический результат — аналитический разрыв между традицией и современностью. /.../ Мы уже не говорим о том, что сама «традиция» чаще всего определяется как негатив «современности», как отсутствие каких-то качеств, их неразвитость. Абсолютизация подобного подхода приводит к нонсенсу типа «традиционный и отсталый Древний Египет» и т. п.

Разумеется, нельзя сказать, что высказываемые Ю.С. Пивоваровым и А.И. Фурсовым взгляды являются общепринятыми. Речь о другом: прежние теории общества все большему числу исследователей кажутся неудовлетворительными и даже люди, говорящие на разных научных языках и не согласные между собой по очень многим вопросам, начинают — с разных сторон, в разных терминах — строить нечто, за чем мы уже можем проследить контуры единой теории.

Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсов. 1998. Екатерина II, Самодержавие и Русская Власть

В определенных обстоятельствах капитал функционирует как некапиталистическая, традиционная (неотрадиционная) форма, что еще более suggests объяснительные возможности модернистических схем. /.../ К концу XIX в. Капиталистическая

Система пришла с большим количеством Докпиталистических по содержанию укладов, чем их было, например, в XVIII в. /.../ Капитализм реализует себя не в качестве однородной системы, а в качестве мировой многоукладной системы. Логически и исторически капитал как понятие и реальность завертывается в многоукладную структуру капиталистической системы отношений, в которой синхронными и конкурентными оказываются, например, две современные, но диахронные в европейском развитии формы, — первоначальное накопление капитала и капиталистическое накопление. /.../ На самом деле много, если не большая часть, так называемого «традиционного» современной эпохи, эпохи капитализма, является функциональным негативным (или консервативным) элементом или даже продуктом капитализма и представляет собой иную, внешне несовременную (но не становящуюся от этого традиционной) форму Современности. /.../

Мы согласны с теми историками, которые считают символическим совпадение «пробуждения окна в Европу» с окончательным оформлением крепостничества при Петре I /.../ Но все же доминирующей была русско-системная линия, ни в коем случае, повторим, не являющаяся традиционной и противостоящей модернизации. Если уже пользоваться этими терминами (разумеется, как метафорами), то приходится признать следующее. Логично именно крепостничество считать с конца XVI в. русской «модернизацией» тех порядков, которые сложились в XV–XVI вв. и на уничтожении, передаче которых возвращивалась самодержавие; крепостничество с этой точки зрения — одна из форм Русского Модерна — самодержавно-крепостнического.

Итак, теория «стимула — реакция», теория вестернизации и отчасти модернизации — это вчерашний день, это прошлый век, о котором специалисты отказываются говорить серьезно. А что же теперь модно? Из соответствующих текстов мы можем узнать, что «модно» — «модерново», современно теперь рассуждать о противопоставлении Север-Юг, глокализации,

концепции «зоологического миллиарда», мир-системном анализе и еще нескольких менее известных глобалистских концепциях. Не то что это «последнее слово» — это крупные, десятки лет развиваемые и известные концепции, но они, хоть и не являются «последним пискком», все же не третируются как «безнадежно устаревшие».

Если мы попытаемся, не смутившись своей неграмотностью, понять, что же заставляет отвергать все те теории, которые мы до сих пор обсуждали, что делает неверными разговоры о вестернизации и переводит в разряд забавных недоразумений ушедших веков весь спор западников и почвенников, — мы выясним следующие вещи. Основная претензия к «местечковой» оппозиции традиции-модернизации: многие страны Востока, модернизируясь, вовсе не становятся Западом, а лишь переходят в некое новое качество — Юг, хотя модернизация в них и происходит; все чаще речь идет не о культуре, а о выживании и благополучии, и здесь не до традиций с модернизациями, а до жирного куска, который определяется экономически: Север; все чаще Европа и/или Япония расматриваются как противовес США или, по крайней мере, самостоятельный игрок — тогда следует говорить о двух Западах, а точнее — об игроках партии Севера.

Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсов. 1998. Екатерина II, Самодержавие и Русская Власть

Крепостничество как в Восточной Европе, так и в России XVI–XVIII вв. (равно как и плантационное рабство в южной части английских колоний Северной Америки и островов Карибского моря) ни в коем случае не является ни «традиционным укладом», ни «пережитком традиционной эпохи», с которыми борется «модернизация». Это продукт всей той же Современности, все того же Модерна, только в другой, чем западноевропейское ядро, зоне современной (modern) мировой системы. Это — общая характеристика рабства и крепостнической эпохи Современности.

В этой связи не удивительно, что, подобно тому, как Г.П. Федотов обосновал конец интеллигенции, Ю.С. Пивоваров также приходит к выводу, что славянофильский спор на-

чался в начале XIX века, примерно с Карамзина, определявшие то основные концепции русской истории (ее трактовки и мифы), и закончился к середине XX века, когда этот спор завершился Бердяевым и евразийством.

Тем самым мы вновь возвращаемся к уже неоднократно затрагиваемой теме: существует ли сейчас спор западников и почвенников — как современный идейный спор, а не как попутратное повторение задов истории? То, что мы излагали выше, то столкновение позиций, которое мы видели на форуме, — это пустое «повторение пройденного» или новый этап старого спора?

Судить об этом предоставляется читателю. Видимо, основных точек зрения будет две: одна — в согласии с Пивоваровым и другими — сочтет многие высказанные точки зрения безнадёжно устаревшими. Другая проследит эволюцию идей: во второй половине XX века было краткое и искаженное повторение спора в противостоянии позиций Сахарова и Солженицына, искаженное тем, что основным вопросом здесь было не отношения России и Запада, а противостояние коммунизму, в котором Сахаров в большей степени опирался на идеи правового государства западного типа, а Солженицын — на почвеннические настроения. Следующий этап — современный, где в силу спазма, который испытала русская культура, одни еще повторяют основные моменты спора западников и славянофилов — на всем его протяжении, от ранних славянофилов до евразийства, а другие уже вышли на современный уровень постановки проблем в связи с понятиями Севера и Юга, глобализации и проч.

Далее в своей работе Пивоваров и Фурсов утверждают, что частная собственность есть западная политико-экономическая технология, которая в России работала в XIX веке, но: истолковалась для решения иных, чем в Европе, задач, охватывала не все общество, причём и охватывала часть — лишь частично, и охватывала их не субстанциально, а функционально. Поэтому огромное количество теорий и идеологических схем, разрозненных западными теоретиками, просто неприменимо для описания того, что происходит в России. Язык этих теорий маскирует истинные процессы. Авторы высказываются за построение всего комплекса заново — новой теории общества, новой концепции русской истории, новой теории русской власти.

Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсов. 1998. Екатерина II, Самодержавие и Русская Власть

Сложность проблемы усугубляется тем, что, во-первых, логика развития Русской Власти (в форме самодержавия) и Русской Системы в целом в определеннный момент привела Систему к расколу на два «склада жизни» — (важно-)аварянский и крестьянско-популяционный (быт и французский язык довели острогу противостояния почти до этносоциальной); во-вторых, один из этих складов — Аварянский (он стал в 1762 г. привилегированным и автономным от популяции), начал жить автономной жизнью и «модернизироваться» уже не на русско-системный, а на капиталистический, буржуазный лад; произошла интеграция западного Модерна в Русскую Систему. Перед нами, таким образом, столкновение на русской почве двух модернов, Современностей, «модернизаций». Именно столкновение и именно двух разных «модернизаций», а точнее двух вариантов, потоков современного развития обусловили вектор и специфику развития социальных процессов в России от путаевского бунта до октябрьского переворота Ленина и Троцкого /.../

Более того, такие «букеты» новых концепций следует строить по поводу каждой национальной истории, и только после этого стоит говорить о каких-то серьезных попытках построения теории всемирной истории. До тех пор, пока такие частные истории, независимые от западных исторических теорий, не построены, все концепции модернизации, глобализации и следующие за ними — пустой звук, преждевременные и необоснованные обобщения. Тем самым мы начали с критики вестернизации в пользу глобализации и других современных концептов. А пришли, вместе с рассуждениями Пивоварова и Фурсова, к предположению о научной необоснованности этих современных теорий, об отсутствии у них подлинного исторического, социологического, политологического фундамента. Весь комплекс социоисторических наук надо строить заново, утверждают упомянутые авторы.

Глобализация

Раньше мы заблуждались, что идем правильными путями, теперь — что особенным.

Борис Крутичер

Однако обратимся к тому, что же было сказано у нас на форуме по поводу уже упомянутой нами теории глобализации. Что говорят по этому поводу участники нашего диалога?

Сначала приведем высказывание, в котором описываются истории представления о модернизации и основные смыслы, вкладываемые в это понятие.

В. Федотова

И вот теперь снова говорят о глобализации, впервые применяя этот термин. Он появился лет двадцать назад. Раньше говорили о «всемирной истории», «единстве истории». Что имеется в виду под глобализацией конца XX — начала XXI веков? Во-первых, то, что экономика становится единой. Экономические события в любой из стран мира могут сказаться на том, что происходит в экономике всего мира. /.../ Экономика взаимосвязана, она не закрыта. Распад коммунизма сыграл ту роль, что мы попали в глобальный мир незакрытой экономики, причем, не став активным субъектом последней. И вторая особенность — всемирная информационная система, Интернет. Падение коммунизма, опять же, было основанием для нашего вхождения в глобальное информационное поле. /.../ Что же можно сказать тем, кого величают сегодня западниками и славянофилами в свете этой новой тенденции? Если раньше Запад выступал как образец, то теперь Запад сам находится в трансформации, он перестает быть универсальным образцом для развития. Все страны догоняющей модернизации — Россия, Турция, Мексика — уже не знают, какую стадию развития Запада надо догонять (Клауд Диккурс: Социум, 2001).

Более того, утверждается, что сегодняшний этап споров западников и славянофилов нельзя уяснить, не обращаясь к понятию «глобализация».

Г. Померанц. Разрушительные тенденции в русской культуре

Мыслящая и пишущая Россия раскололась на два враждебных лагеря, пародирующие спор западников и славянофилов. С одной стороны, честный, но бездуховный рассулок космополитического либерализма; с другой — извращенная духовность, языческий культ ненависти, силы и насилия. Это не чисто русское явление, и понять его можно только как взаимодействие двух процессов: мирового конфликта глобального и этнического с русскими поисками выхода из-под обломков Утопии.

Как отнесется к этому понятие? Мы заметили следующую реакцию: прежде всего глобализация оценивается примерно так же, как ее предыдущие формы — вестернизация и модернизация.

М. Назаров

Я считаю, что если и есть «актуальные для современной российской жизни проблемы, обсуждение которых могло бы в наибольшей степени способствовать взаимопониманию западников и почвенников», то именно эти путающие саморазрушительные тенденции западной глобализации. Вель в XIX веке и Запад еще не был столь антихристианским, и западники были дружными, — так не пора ли именно нашим западникам теперь очнуться и на основе собственных забытых критически переосмыслить раскладку сил в мире и в России в частности, как это нашли в себе мужество сделать упомянутые в дискуссии авторы «Вех»? Тем более, что прошедший XX век дал в сотни раз больше материала для раздумий и поводов для такого покаяния... (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

А. Аннинский

Человечество есть. Но оно никогда не сольется в однородную массу. А если сольется — погибнет. И никогда не раздробится окончательно врознь. Раздробится — погибнет. А вот Арака начал может достигать масштабов гомерических. Это ж открытие небесное — та ярость, с какой встали народы «поперек пути», едва забрезжила на этом пути при-

зрак «глобализма». И не какие-нибудь неохваченные цивилизацией дикари, а самые что ни есть распротекультурные наследники Рима, чопорные держатели «мировых ценностей» — дондонцы, методичные немцы... и все эти патентованные европейцы катят булыжники на «глобализм», как какие-нибудь шаровские пролетарии! Годубая мечта российских демократов — «жемчужина» западной культуры — застревает в горах мировой истории.

Выхание системности. Стоит универсализму сделать малейший шаг (рациональный, дельный, научно обоснованный) — и, словно шерсть на затылке зверя, встает в человеческой душе протест, и цепляется душа — за что может: за племя, за место, за традицию... И колется все «универсальное» надвое: на две сверхдержавы... на католичество — православие... на шитов-суннитов... А у нас вот теперь — на либералов-почвенников и либералов-западников — лучших представителей славной русской интеллигенции.

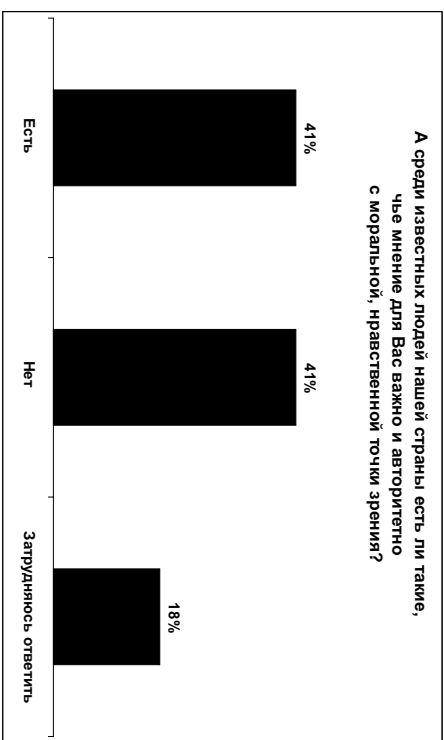
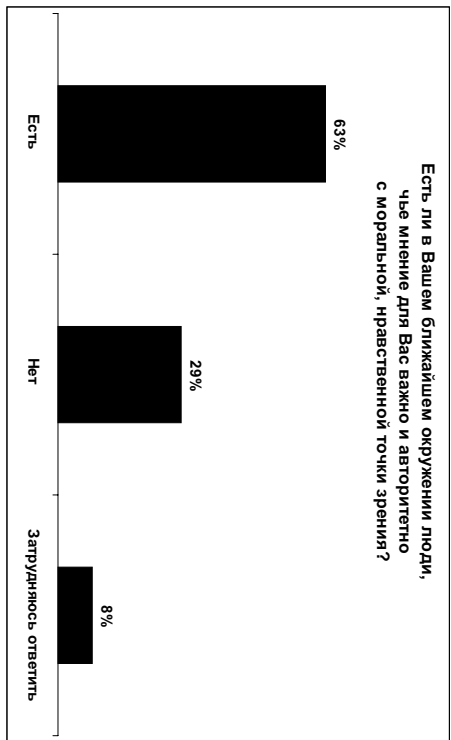
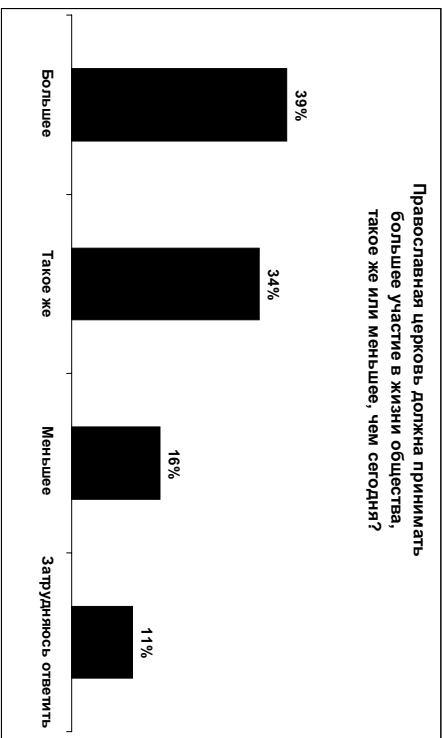
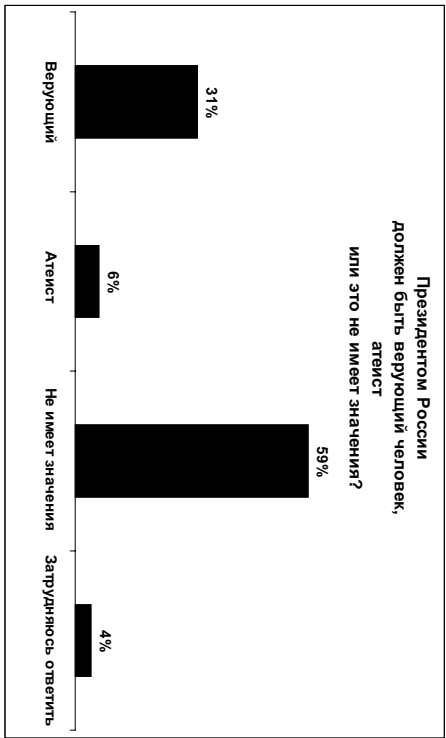
.../ В перспективу окончательного европейского и мирового объединения я не верю. Потому что природа человеческая страшна. Противостояние ей — неизбежно и мучительно. Она инстинктивно и варварски будет противостоять любому глобализму (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

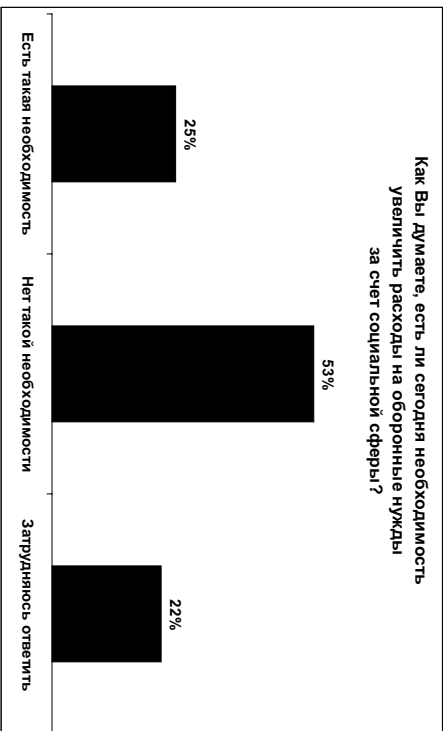
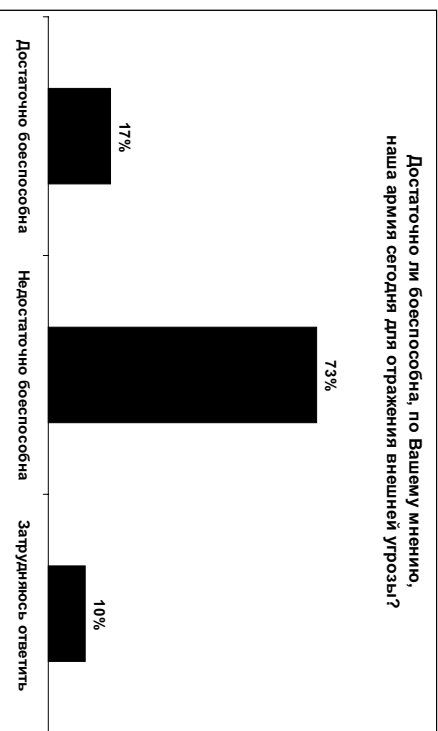
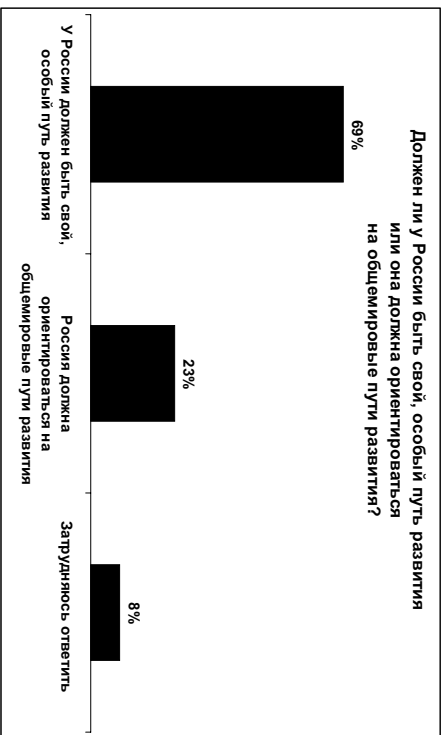
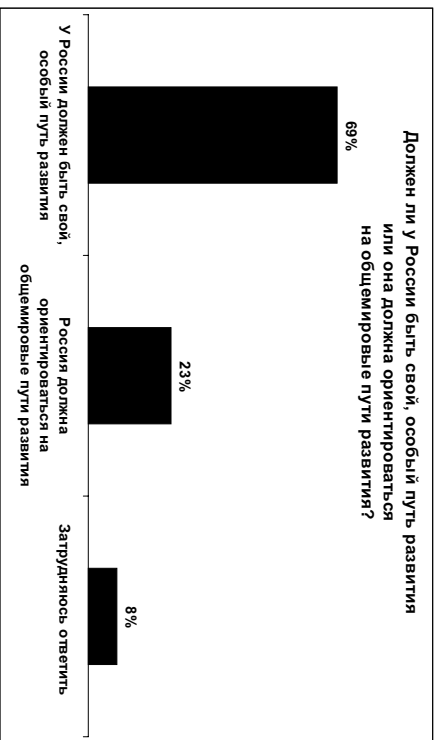
Действительно ли это так? После всего рассмотренного выше мы понимаем, что антиглобализм есть не просто традиционализм, что это столь не современная (постсовременная) реакция, как и сама глобализация. И все же возникает некоторое смущение: неужели даже пороки глобализации все те же, что были выявлены для вестернизации и модернизации? Что же все-таки изменилось в постсовременном мире, почему говорят уже о глобализации? Понятие «постсовременности» говорит о завтрашнем дне — даже не о сегоднешнем. Что нового ожидает нас завтра?

В. Федотова

Мне кажется, что Запад не только перестает быть образцом развития, но в условиях глобализации не является больше гарантом цивилизованного

развития западных капиталистических стран, не берет на себя функции обеспечения гарантий (или защиты гарантий) цивилизованного капитализма. Отчасти он сообразен возможностям обогащения в других странах мира, отчасти сама глобализация явилась новым типом социальной трансформации, вытеснившим модернизацию на периферию именно потому, что Запад осознал свою неспособность обеспечить прогресс для всех стран и сложила с себя это пятьсот лет назад взятое им на себя обязательство (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Итак, мы не видим пока полной картины «глобализованного» мира. Отмечается, что мир стал меньше, стал более целостным и связным. Мир перестал быть в той степени, как ранее, западноцентрированным. По мнению В. Федотовой, это связано в первую очередь не с антиглобалистскими реакциями стран не-Запада, а с кардинальным изменением позиции самого Запада; Запад перешел на более изоляционистские позиции, ему уже в меньшей степени есть дело до того, что происходит в мире. Однако выводов из этого пока не сделано. Мы видим описание отдельных черт явления, но что же будет представлять собой глобализованный мир — пока не понимаем.

Попробуем обратиться к иной концепции глобализации. Ее развивает Г. Померанц.

Г. Померанц

Первая стадия — грубо имперская. Создание империи с помощью военной силы, без умения создать единое духовное пространство. В результате все такие империи легко разваливались, если сталкивались с духовным сопротивлением. Так, сильная вера у евреев была мощным средством сопротивления глобализации. А потом произошел очень интересный парадокс. Правда, произошел он только на Ближнем Востоке, но все-таки это очень интересно. Парадокс состоит в том, что именно сопротивление глобализации, которое поддерживало веру евреев, в конце концов породило новую всеенскую религию. И эта религия, вышедшая из лона иудаизма, оказалась новым мощным средством глобализации. Следовательно, понятия тянущего

вперед фактора и фактора сопротивления могут меняться местами. Получается, что сопротивление глобализации может в какой-то момент создать мощное средство глобализации. Таким примером и является превращение иудаизма в христианство. Это поистине удивительный пример. Христос не замечал еще, что создает новую религию, он пришел для евреев, это только Павел создал новую религию.

Следующий этап — имперско-религиозная глобализация. Это империя, скрепляемая религией, причем религиозная общность сохраняется, даже если империя разваливается, она более устойчива, чем империя. Кстати, именно с этого момента, я считаю, возникает *центр культуры мира*, о которых скажу ниже.

Потом была *торгово-колониальная* глобализация. И, наконец, нынешняя *электронно-финансовая*. /.../ Ближайшая наша традиция — это воспринимать европейскую культуру в некоем синтезе, как некое целое. Россия воспринимала Европу, как бы создавая некую духовную империю.

То, что происходит сейчас, — совсем не то. Модернизация приобрела благодаря телевидению и мультимедиа американцев на телевидении характер подчинения, стирания всех особенностей во имя дешевого издания американской культуры. Причем, строго говоря, это было придумано еще французами, и Герман Гессе назвал это фальсификатом. То, что мы сейчас воспринимаем как американское, — вовсе не американское изобретение, а новейшая форма фальсификата, т. е. умышленное, вульгаризированное издание ополченной западной культуры.

И отношение к этому поэтому совсем не такое, как к европеизации. Европеизация не вызывала такой ненависти, такого раздражения, какое вызывает сейчас вторжение американских средств массовой информации в любое культурное пространство. То, что в исламе это сопротивление более массово и более интенсивно, — связано, конечно, и с особенностями ислама. Но дело не только в исламе. По отношению к Америке и Франции почвенница. Франция — традиционный центр европейской культуры, и я бы сказал, что Франция находится

в центре европейского сопереживания американизации. То есть сейчас совершенно другая ситуация, протекция. Европа оказалась в поисках своей европейской почвы, в поисках опоры против натиска американизации. «Мир стал вверх ногами, в лесах подстреливает дичь охотников стадами». Я считаю, нынешняя форма глобализации уродлива, и сопереживание этой форме глобализации вполне оправданно. Это не является традиционным почвенничеством, смысл которого был в редактировании европеизации. Ибо сохранение своего лица — условие диалога (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Здесь глобализация — не новомодное явление, которому 10–20 лет от роду, а тысячелетний процесс, проживающий все новые стадии развития. В таком представлении о глобализации Г. Померанц не одинок. Сходным образом звучит концепция Г. Тернборна (Therborn, 2000). Тернборн считает, что в истории можно найти «волны глобализации», первая из которых «стартует» в IV–VII веках н. э., когда, по Тернборну, формировалась система мировых религий. Концепция Померанца более подробная и развернутая, но дело не в сравнении концепций, рисующих «этапность» процесса глобализации.

По сути, картина не изменилась. По-прежнему мы стоим перед объединяющимся мировым целым (хотя что это означает, нам пока не ясно) и отмечаем в качестве одной из основных черт глобализации падение культурного уровня. Большинство антиглобалистских реакций опираются именно на эту сторону процесса. В разговорах о модернизации почвенники говорили о разрушении национальной культуры западными влияниями, западники же указывали на ценности просвещения. В представлении о глобализации иной расклад: не только почвенники, но и западники, не только страны Востока, но и самые западные страны Запада высказывают опасения, что уровень культуры в ставшем едином мире очень сильно понизится. Мы находимся в начале этого процесса.

В таком случае об опасностях глобализации говорили очень многие на протяжении спора западников и славянофилов. Можно сказать, что это было дежурной темой рассуждений, и осознать многие высказывания как сошедшие (сбивающиеся) предсказания.

А.И. Герцен. 1859. Концы и начала

Мещанство, последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности, — демократизация аристократии, аристократизация демократии /.../. Американские Штаты представляют одно среднее сословие, у которого нет ничего внизу и нет ничего сверху, а мещанские нравы остались. /.../ С мещанством стравятся личности, но стертые люди сыгее, платья дюжинные, незаказанные, не по талии, но число носящих их больше. С мещанством стравится красота природы, но расцвет ее благосостояние. /.../ Знаем ли мы, как выйти из мещанского государства в государство народное, или нет — все же мы имеем право считать мещанское государство односторонним развитием, уродством.

Да, любезный друг, пора прийти к покойному и смиренному сознанию, что *мещанство* окончательная форма западной цивилизации, ее совершеннолетие — *etat adulte*.

Ф.М. Достоевский. [1982]. Бесы

Для чего было сделано столько убийств, скандалов и мерзостей?.. Для систематического разложения общества и всех начал; для того, чтобы всех обезкуражить и изо всего сделать кашу, и распавшееся таким образом общество, болезненное и раскисшее, циническое и неверующее, но с бесконечно жадной какой-нибудь руководящей мысли и самосохранения, — вдруг взять в свои руки...

К.Н. Леонтьев. 1873. Византизм и славянство

Если в эпоху современного, позането плодотворения своего европейские государства сольются действительно в какую-нибудь федеративную, грубо-рабочую республику, не будем ли мы иметь правую называть этот исход падением прежней европейской государственности? Какой ценой должно быть куплено подобное слияние? Не должно ли будет это новое всевропейское государство откатиться от признания в принципе всех местных отличий, откатиться от всех, хоть сколько-нибудь чтимых преданий...

Эту концепцию более подробно описал Н. Бердяев. Он не просто указал на падение культурного уровня в результате универсализации (=унификации) культуры, но и выдал краткую формулу процесса — впрочем, теперь уже не новую.

Н.А. Бердяев. 1917. Судьба России

То, что называется европейской и интернациональной цивилизацией, есть в сущности фантом. Рост и развитие всякого национального бытия не есть переход его от национального своеобразия к какой-то интернациональной европейской цивилизации, которой совсем и не существует. /.../ Все народы, все страны проходят известную стадию развития и роста, они вооружаются орудиями техники научной и социальной, в которой самой себе нет ничего индивидуального и национального, ибо в конце концов индивидуален и национален лишь дух жизни. Но этот процесс роста и развития не есть движение в сторону, к какой-то «интернациональной Европе», которой нигде на Западе нельзя найти, это — движение вверх, движение всечеловеческое в своей национальной особенности... Всечеловечество раскрывает себя лишь под видами национальностей. /.../

Импералистическая политика поистине выводит за пределы замкнутого существования Европы и поистине служит универсализации культуры. Но совершается это коварными и отрицательными путями. В прямое культуртрегерство империализма верить невозможно. /.../ А самознание европейского, буржуазного и научного, цивилизаторского сознания — явление столь жалкое и пошлое, что оно духовно может рассматриваться лишь как симптом наступающего конца Европы — монополиста всемирной цивилизации. Сумерки Европы — вот чувство, от которого нельзя отделиться. Европе грозит частичная варваризация.

Сумерки Европы... Да, это не новая концепция. Одновременно мы видим, что Бердяев находил в том, что мы теперь называем глобализацией, и положительные моменты. Он видел раскрывающийся новый уровень развития национальных культур,

тур, находил возможность движения вверх. Европе, по его мнению, постигнут сумерки — и заслуженно, но человечество в целом сможет пройти к более высокому уровню цивилизации. Возможно, именно благодаря Европе, благодаря ее расцвету — и неминуемому закату. Европа служит ступенью в развитии человечества, принимает на себя тяжесть очередного шага — и отодвигается вниз, в тень.

Может быть. Однако нас сейчас интересует, какое место в этой глобальной картине занимает Россия. Как видится тем, кто развивает сегодня теорию глобализации, положение России в новом мире?

А.С. Панарин. 1996. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса

Великой она (Россия. — А.Б., Г.А.) становится, защищая слабых против сильных, «нищих духом» — против самоуверенных вершителей судеб мира.

Ранее мы уже встречались с подобными заявлениями — когда Россию в геополитических сценариях носило от: «безусловно, на Севере! Беда раса, наука, — безусловно!» — до Юга: «трязь, убожество, развал — какой Север, опомнитесь!». Россия оказывается то на Севере в качестве «пограничника» (концепция В. Ильина), то на Юге в качестве лидера и защитника обездоленных (заявления В. Межуева). Последний вариант выказан и в приведенной цитате. В этой позиции — высокое благородство. Россия может войти в состав стран Севера, но не хочет, жертвует своим положением, спускаясь в мир слабых и нищих духом, чтобы повести их... Хотя зачем перекачивать? Это уже говорилось; в 1915 году А. Уткин в своей книге по истории Первой мировой войны упоминает, что С.И. Шидловский, глава «прогрессивного блока» партии октябристов, говорил, «что война есть столкновение двух мировоззрений, в котором русская армия воюет против идеологии «раздела мира на господ и рабов» (цит. по: Уткин, 2001а, с. 183). Это до чрезвычайности напоминает современность: аргументы те же, только война уже закончилась поражением России. Шидловский призывал к войне до победного конца. Возможно, Панарин призывает вовсе не к войне а, скажем, к миру до победного конца... Но как-то неудобно: все же век прошел, и какой — а голоса слышны все те же.

Однако будет; пойдет ли Россия в пограничники к Северу или в духовные вожди к Югу (о, с какой радостью Китай и Ислам примут ее руководство!) — это рано или поздно выяснится. Мы говорили, что едва ли не единственная четко прозреваемая в мире будущая черта — это падение культуры. Как это будет выглядеть для России?

Г. П. Федотов. 1938. Письма о русской культуре

Факт несомненен: все характеристики русской души, удобные в прошлом, откажутся служить для нового человека /советского.— А.Б., Г.А./ Он совершенно другой, не похожий на предков. В нем скорее можно найти тот культурный тип, в отголоски от которого мы всегда искали признак русскости: тип немца, европейца, «мальчика в штанах». Номо Епигорαιο-Аметисапс. Это вечное путаю русских славянофилов, от которого они старались уберечь русскую землю, по-видимому, сейчас в ней торжествует.

Сейчас некоторые крупные подлитологи и обществоведы находят значительные сходства между современной Россией и Московской Русью, тогда как СССР уподобляется Петербургской империи. Таковы концепции 2002 года, а вот что было сказано ранее.

Г. П. Федотов. 1938. Письма о русской культуре

Как ни парадоксально это звучит, но номо Епигорαιο-Аметисапс оказывается ближе к старой Москве, чем к недавнему Петербургу. Парадокс решается очень просто. Номо Епигорαιο-Аметисапс менее всего является наследником великого богатства европейской культуры. Придя в Европу в период ее варваризации, он усвоил позднее, чрезвычайно суженное содержание ее цивилизации — спортивно-технически военный быт. Технический и спортивный дикарь нашего времени — продукт распада очень старых культур и в то же время приобщения к цивилизации новых варваров. Москвичу, благодаря отсидевшемуся в русской деревне от двухвековой имперской культуры, не нужно делать над собой никакого нравственного насилия, чтобы идти

в ногу с европейцами, проклявшими как раз последние века своей культуры. /.../ Перенесение столицы назад в Москву есть акт символический. Революция не погубила русского национального типа, но страшно обеднила и искалечила его.

Г. П. Федотов. 1947. Судьба империй

Менее ясен, но более светел другой вариант Империи: Рах Atlantis, или лучше Рах Америсапа. В случае победы Америки, Англии и их союзников единство мира должно отделиться в форме действительной, а не мнимой федерации. /.../

Итак, нет основания бояться поражения народов в случае победы Америки. Экономические интересы, конечно, потребуют своего удовлетворения. Надо признать, что спасение мира стоит извещенных материальных жертв в пользу победителя. Да и распространение в Европе опасения американской эксплуатации страшно преувеличены. /.../ Английская империя столь же мало предполагает единство экономической системы, как и единообразие политическое. /.../ Но, конечно, необходима регуляция мирового хозяйства в единой Империи чрезвычайно усилит сама по себе социалистические тенденции отдельных стран. /.../ Одной из главных проблем прядущей Империи будет установление отношений между членами западной семьи и возрождающимися народами Востока.

Г. П. Федотов. 1939. Создание элиты

Современная молодежь /.../ опять открovenно предпочитает техническую цивилизацию — эстетической и философской культуре. Просвещение в России развивается неудержимо. Тираж книг доходит до миллионов. Все шероховатости и пробелы сегодняшнего дня будут завтра исправлены, и Россия действительно догонит и обгонит Америку.

Да, Америку... Ее догнать нетрудно. Не сомневаемся, что «Новая Америка» сможет многое организовать и лучше старой. Но что же в ней будет от России? Почему этот евразийский континент стоит нашей любви более, чем все другие, прегращающиеся на наших глазах в унылое единообразие планет?

Итак, последствия глобализации в России были указаны давно. Все уже было сказано тогда, в 1930-х, когда проработому обдумывава Г. Федотов. В суждениях, высказанных на нашем форуме, нет ничего, что могло бы существенно обогатить нарисованную им картину.

В завершение темы модернизации мы коснемся еще одного вопроса, который неожиданно проявился на форуме.

Война и модернизация

Может ли Россия жить в условиях мира?

И. Клямкин

Нельзя сказать, что эта тема является привычной в споре западников и почвенников, но в данном диалоге она оказалась очень важной. Видимо, прошедший век привнес новые идеи в давнее противоборство позиций — раз не только прежние споры обросли новыми аргументами, но и появились новые темы.

Вкратце эта тема звучит следующим образом. Утверждается, что в России войны модернизации всегда были связаны с военным противостоянием Западу. Действительно, столкновение двух культур — западной и традиционной — оставалось бы «всего лишь» межкультурным контактом, если бы не несомненное превосходство Запада в военной области. Как всегда, характерен пример Японии: западная культура как таковая не вызвала у нее чрезмерного интереса и готовности к диалогу, ее ответ на взаимодействие культур — закрытие страны. А модернизация Японии началась, когда стало очевидным, что Запад существенным образом превосходит Японию в военном отношении, что «отсидеться» не удастся, — и тогда в первую очередь стали перениматься те аспекты западной культуры, которые имели отношение к военному делу. Можно наблюдать сходство даже в деталях вестернизации. Петр I после Нарвы приказал ободарить колокола на церквях и мить из них пушки; некий просвещенный князь в Японии распорядился о сходном действии, ободрав на пушки колокола буддийских храмов (за неимением православных). Поскольку западная цивилизация — особенно из японского далека — представлялась

достаточно цельной, стали «на всякий случай» копироваться и другие элементы западной культуры, иногда весьма удачные от науки и промышленности.

До некоторой степени сходным образом шли дела во время петровской модернизации в России — военное противостояние заставило развивать военное дело, науки, промышленность, а из культуры многое копировалось в силу общей системности западной культуры и обычной реакции подражания. Тем самым явление модернизации прочно увязывается с военным конфликтом или по крайней мере с реакцией на военное противостояние, на возможность военного конфликта с более сильным противником. Далее, можно заметить, что в ряду российских модернизаций последняя — 1990-х годов — происходит в мирное время. Вечет ли эта особенность изменения в ходе модернизации?

На этот ход мыслей можно возразить самым разнообразным образом. Одни указывают на то, что многие российские модернизации не были связаны с военным противостоянием, другие — на то, что последняя модернизация была не мирной, а результатом поражения в холодной войне. В любом случае существует ряд вопросов: имеется ли связь между войной и модернизацией? если да, то является ли она универсальной и всеприменимой или это особенность России (или какой-либо группы модернизирующихся стран)? возможна ли модернизация в мирное время и вне военного противостояния? какие особенности у модернизации мира и модернизации войны? Будет ли эта модернизация России успешной или, напротив, она обречена на провал уже своим «мирным» характером?

И. Клямкин

Россия всегда консолидировалась или в большой войне, или в предощущении такой войны. И все модернизации осуществлялись у нас или во время больших войн, как при Петре Первом, когда 20 с лишним лет шла Северная война, или как при Сталине, когда была создана атмосфера проживания в «осажденной крепости» перед в любую минуту готовым начаться штурмом.

Я имею в виду только те модернизации, которые реально помогали России ответить на внешние военные и технологические вызовы, перед которыми

ми она оказывалась. Что касается реформ Александра II, то они, действительно, осуществлялись после войны, в результате поражения в войне. Можно сказать, что это была запоздалая реакция на внешний вызов. Однако эти реформы продемонстрировали неспособность тогдашнего типа российской государственности и тогдашнего социума принять ту нетрадиционную для страны парадигму развития посредством освобождения, которую пытался реализовать Александр II. Эта парадигма оказалась беспомощной и перед внешними, и перед внутренними вызовами.

Если же говорить об относительно успешных модернизациях, они осуществлялись посредством закрепощения общества, и эти способы в нынешней исторической ситуации использовать уже невозможно. Особенность этой ситуации заключается в том, что Россия впервые оказалась перед вызовом, с которым никогда раньше не сталкивалась: вызовом миром, т. е. отсутствием угрозы большой войны. По крайней мере — со стороны Запада. Можно говорить о том, что, пройдя несколько исторических кругов, мы возвращаемся к XIII–XIV векам — к стратегической угрозе с Востока. Я имею в виду Китай — об этом сейчас говорится довольно много.

/.../ Ведь распад СССР — это первый раз в истории России такое произошло, когда она рухнула без единого выстрела, без единой бомбы. Она рухнула в силу той новой ситуации, когда ей был брошен вызов не угрозой большой войны, а мирной экономической конкуренцией при снятии такой угрозы.

Кстати, жизнь в условиях мира трудно давалась России всегда, она не выработала необходимых для такой жизни способов консолидации. Но если раньше это компенсировалось войнами и военными угрозами, то распад СССР — это первое, до конца еще не осмысленное проявление того совершенно нового вызова, о котором я говорю. И ведь ни одного человека не нашлось, кто бы этим публично возмущался и против этого открыто протестовал, что тоже, думаю, показательно.

Ведь новизна ситуации, помимо сказанного мною, заключается еще и в том, что после второй мировой

войны западные страны друг с другом не воюют, они находятся в союзнических отношениях, Запад консолидировался как цивилизационное целое. У нас же на Западе нет сегодня ни одного стратегического союзника. У нас вообще нет таких союзников, кроме Белоруссии. И если мы будем и дальше пытаться реанимировать то, что ушло, если наш национализм будет окрашиваться во все более густые антияппалачиеские тона, то никаких сильных союзников у нас и не появится. И тогда лет через 20–30 мы окажемся один на один с Китаем, и я совсем не уверен, что в одиночку Россия сможет удерживать то, что находится за Уральским хребтом. /.../

Может ли Россия жить в условиях мира? Мирная Россия, одновременно мирная Россия — возможно ли такое? Это, мне кажется, и могло бы быть предметом диалога. /.../ Одно только остается неиспытанным: при нашей недостижимой культуре и при доминировании в ней расовых санкций и отторжения судейно-юридических, может ли общественная система функционировать без жесткого Диктатора со стороны власти? Ведь описываемая вами культура предполагает какую-то внешнюю скрепу, которая в критические моменты способна всех превратить в солдат, причем не дожидаясь войны, а даже в мирное время, как было при Сталине (Кауф Дискурс: Социум, 2001).

Как уже говорилось, концепция «военной модернизации» встретила возражения.

В. Чеснокова

В начале перестройки казалось, что достаточно «развязать руки» частной инициативе и показать людям деньги — и люди ринутся зарабатывать. Но оказалось, что еще много чего нужно: и соответствующая правовая система, и власть, умеющая управлять с криминальной ситуацией, моментально возникающей в условиях «развязности рук», и еще много-много чего. Сладасна, кое-что в этом направлении делается, но делается в основном и почти исключительно «сверху», а внизу ничто спонтанно не самоорганизуется. Вот там-то и нужны

Глава 7

Диалог: данный и вечный

выработанные и одобренные национальной культурой способы самоорганизации. Об этом и речь. Но западники почему-то сводят их только к войне и экстраемальным ситуациям...

По-видимому, в будущем мы будем воевать, например, за права человека. А почему нет? Обязательно потребуются послать международный какой-нибудь военный контингент куда-нибудь в Малайзию или в африканскую какую-то страну, где угнетению будет подвергаться, например, сексуальное меньшинство. И указанное сексуальное меньшинство будет защищено при помощи бомбежек, ракетных обстрелов, а если потребуются, то и полного разрушения хозяйства данной страны и уничтожения половины ее населения (Кауб Дискурс: Социум, 2001).

В. Дапкин

В рамках этого подхода «модернизация» понимается как военно-техническая мобилизация общества, безусловно, немиссия без государственного принуждения, актуализируемого внешней угрозой. Но вызывает по меньшей мере удивление несколько неожиданная для «западника» трактовка российских модернизаций исключительно в военно-технологическом аспекте. Ведь если, в отличие от И. Климкина, взглянуть на российские модернизации в аспекте политики, все оказывается иным почти «с точностью до наоборот»: периоды политических модернизаций приходятся на малоинтересные в предадаваемой им логике 1860-е, 1905–14 и 1990-е гг., тогда как «модернизации во время больших войн» или «модернизации посредством закрепления (!) общества» предстают не чем иным, как периодами политических контрреформ (Кауб Дискурс: Социум, 2001).

Западный демократ мог бы вести интеллектуальные споры с советским марксистом. А вот сделать это с русским православленным националистом для него будет невозможно.

Сэмюэл Хантингтон

В этой главе собраны мнения о прошедшем диалоге и основных его чертах. Наиболее интересны те суждения, которые указывают на отражение в специфике спора специфики самой проблемы.

Многие высказывания о диалоге сводились к сомнению: достаточно ли мы цивилизованны, чтобы вести «культурный диалог»? Не есть ли недоработки этого диалога, нерешенные вопросы и нераскрытые позиции — результат нашего неумения беседовать? Утверждалось, что в нашей культуре еще очень слабо отработан диалог, искусство сопоставления разных мнений. Аюди больше привыкли высказывать свою точку зрения, изрека — защищать ее и совсем не привыкли учитывать возражения собеседника, часто очень неожиданные. Можно выделить даже сильнее: у нас выработана привычка нападать на инакомыслящего.

Другая точка зрения такова. Диалог у нас вести умеют, да еще как... Культурная неотработанность диалога проявляется в том, что нет закрепленных, формальных «фигур» и «сигналов», которыми без раздумий следуем собеседники. Каждый ответ, каждый поворот дискуссии сопровождается не формальным использованием затверженных формул («это, конечно, правильно, но я позволю себе дополнить...», «позвольте с Вами не согласиться...», «у меня другая точка зрения...»), а самым настоящим творчеством этих диалогических форм. Такое творчество надличествует, участники мастерски фехтуют — и одновременно можно видеть, какие разные мнения относительно права ведения диалога у них присутствуют. Если вкратце — это весь спектр: от попытки достигнуть консенсуса путем вза-

имных уступок до убеждения, что истинный цвет спору зимой и летом придают крайности.

А. Аннинский

Беда только в том, что истинную окраску реальным спорам придают именно крайности. И решаются споры столкновениями экстрем (споры, только споры, потому что ход вещей определяется не поворением, а накоплением скрытых впечатлений бытия). Если нужен диалог, то, конечно, нужны с той и с этой стороны либералы, — они-то договоятся.

А «дикие руссофобы» и «аремучие шовинисты» останутся за пределами диалога на свободе, где и продолжат наращивать вышшие и безусловные ценности, там свои, тут свои (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Пожалуй, следует признать, что индивидуальное умение вести спор у нас вполне развито, а социально апробированных форм диалога действительно не выработано.

Что касается мнения модератора, то особых недостатков в ведении спора не замечается; наиболее достоверной особенностью является, пожалуй, только неумение слушать собеседника, что проявляется в неточной и небрежной трактовке чужих мнений. Многие участники диалога имеют как бы готовое представление не только о своей позиции, но и заранее данное представление о позиции возможного противника. В результате, что бы ни говорил реальный диспутант, ему возражают на то, что он, по мнению соперника, должен был сказать, — и, разумеется, раздвывают под орех. Тем самым большинство спорящих слабо себе представляет, насколько разнообразны позиции в этом диалоге и как много неожиданного можно услышать — такого, что заранее просчитать и предвидеть невозможно.

Кроме этого, можно заметить наличие табуированных тем. Некоторые вопросы — о вере, о церкви — закрыты для обсуждения; некоторые — о сталинизме, фашизме — вызывают бурную, но целиком запрограммированную реакцию. Ни одно-то «настойшего» фашиста, погромщика и сталиниста на форуме не было, но участники не уставали обмениваться подозре-

ниями: может быть, вот этот — враг? Не нашлось также «тупоголовых западников», априори одобряющих любые действия западных держав. Однако и этот образ настолько реально присутствовал в диалогах, вызывая взаимные подозрения.

Красивую формулу диалога западника с поченниками высказал в свое время Померанц.

Г. Померанц. 1969. Человек ниткуда

Мой спор с внутренне честными поченниками только об одном: где искать нравственную опору. Я утверждаю, что почва сползает и корни, пущенные в нее, легко могут оказаться в пустоте.

Однако ни эта, ни какая-либо другая красивая формула не спасают конкретный обмен мнениями от указанных выше досадных ошибок и мешающих пониманию подозрений. Раньше ситуация была примерно той же, судя по описанию Ю.Ф. Самарина.

Ю.Ф. Самарин. 1847. О мнениях «Современника», исторических и литературных

Если все наши споры должны содействовать развитию сознательных убеждений, то первым условием их должна быть обоюдная добросовестность. Мы не смеем думать, чтобы нам удалось когда-нибудь склонить наших противников на нашу сторону; но если они делают нам честь излагать и опровергать наш образ мыслей, то мы вправе требовать от них, чтобы они высказывали нас. /.../ Система спора, принятая критиком в отношении к славянофилам, так удобна, что действительно трудно от нее отказать. Обыкновенно он навязывает им то, чего они никогда не говорили, а потом опровергает их тем, что они первые сказали.

Так что сетования проблемы диалога не стоит сваливать на то, что «нет настоящих образованных людей» и «где нам до прежних западников и славянофилов».

При этом Самарин, указывая на трудности диалога, все же сформулировал несколько тезисов, которые он называл мыслями славянофилов, подтвержденными западниками.

Ю.Ф. Самарин. 1847. О мнениях «Современника», истори-
ческих и литературных

Россия изжила эпоху преобразования, и для нее настало время развиваться самобытно, из самой себя. Миновать эпоху преобразования, перескочить за нее, нельзя. Реформа Петра не могла быть случайна. Пора нам перестать *казнить* и начать *быть*; пора уважать и любить только человеческое и отвергать все, в чем нет человеческого, будь оно европейское или азиатское. Крепкое политическое и государственное устройство есть ручательство за внутреннюю силу народа. Смирение и любовь есть свойства человеческой природы вообще.

Пожалуй, под этим «соглашением» западников и славянофилов можно было бы подписаться и теперь. Однако в 1847 году под ним все же стояла лишь одна подпись — Самарина, который на свой страх и риск подавал итоги спора. В 2001 году мы не знаем документов, в которых было бы закреплено соглашение западников и почвенников по существенным для их спора пунктам.

Повтор

Дубина: «А если бы вы знали, какие у меня корни!»

Карла Чанек

Перейдем теперь к общим настроением относительно диалога — как современного, прошедшего на форумах ФОМ и ФАМ, так и прежнего, имеющего столь долгую историю.

Основное впечатление, насколько можно судить, — то, что все произнесенное на форуме есть только повтор, бесконечный повтор тех же позиций, что были высказаны на протяжении многовековой дискуссии, подкрепленных одними и теми же аргументами.

А. Аннинский

Диалог идет уже почти двести лет (это если брать только славянофильски-западнический его вариант), и конца ему, слава богу, не видно. /.../

«Западники» крещаются в «катаптистов», «почвенники» в «евразийцев», а диалог продолжается. Почему что за этими временными ролями есть «что-то», что побуждает интеллектуалов разбегаться на полюса и все время пробовать доктрины на прочность. /.../

Со времени Петра это двояние реализуется в споре западников и славянофилов. А до того? Подставим вместо славян — греков, и получим раскол по всей форме: с одной стороны — универсальная кафоличность, вселенская динамика, с другой — древля недвижность, «народособережение», сохранность духовных сил, отражаемых от мировых повертий... И никакого там «этнизма»! Это сейчас почвенники подгробают под себя племенную фактуру, да и то, как справедливо замечает В. Чеснокова, никак не найдут себе ни сносных дозунгов, ни точных определений. Но «что-то» все-таки есть, есть некое сопротивление, повсюду оказываемое «универсальности», и сколь бы ни менялись привязки (этнические, религиозные, социальные, региональные), само сопротивление не исчезает. Надо думать, оно в природе вещей. Так же, как в природе вещей — противоположные процессы: «универсальные» законы общественной жизни (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

С. Цирель

Спор между западниками и славянофилами (почвенниками и т. д.) продолжается, по меньшей мере, около двух веков и, несмотря на все перипетии, через которые прошла Россия в XX веке, конца ему не видно. Длительность и острота этого спора наводят на мысль, что каждая из сторон вправе претендовать на свою часть истины (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

По-видимому, такое положение дел продолжается достаточно долго, подобные обвинения в повторности раздавались и сто лет назад, и ранее. Можно считать, что уже с самого начала эти «родовые черты» были описаны Чаадаевым.

П.Я. Чаадаев. 1836. Философское письмо. 1

Каждая новая идея бесследно вытесняет старье, потому что она не вытекает из них...

Мы так странно движемся во времени, что с каждым нашим шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно.

Торжественным слогом изложил все ту же идею повтора Вячеслав Иванов, отметив, — как это отмечается и сегодня, — что такое неизменное постоянство убеждений, не иначе, скрывает за собой какую-то столь же постоянную истину.

Вяч. Иванов. 1909. О Русской идее

Какая-то отропная правда всегда выделась в зыблемых временах и мглою временных недоразумений контурах этих наших старых пробдем, и как бы ни изменились в настоящую пору их очертания, не уйти нам от этой их правды. И кажется, что, как встарь, так и ныне, становясь лицом к лицу, на каждом пороге наших исторических путей, с нашими исконными и как бы принципиально русскими вопросами о личности и обществе, о культуре и стихии, об интеллигенции и народе, — мы решаем последовательный единый вопрос — о нашем национальном самоопределении, в муках рождаем окончательную форму нашей всенародной Души, русскую идею.

С тех пор едава ли не каждый, кто писал о споре западников и почвенников, указывал на такую повторяемость.

Ф. Стенун. Мысли о России. Очерк VIII

В противуположность немецкой философии 19-го века, русская мысль представляет собою нецикл замкнутых систем, а цепь вот уже целое столетие не прерывающихся разговоров, причем разговоров в сущности на одну и ту же тему.

Помимо этого, столь же постоянно высказываются сожаления, что даже повторности такой многовековой дилеммы-сти ничему не учат спорящих. Впрочем, на это указано уже в высказывании Чаадаева.

Э.В. Набокий. 1991. Концы цитаты

Пожалуй, только в России онтологическое зияние между реальным процессом и речью персона-

жей доходит до того, что на протяжении последних трехсот лет, и последних ста в особенности, одна и та же речь, возобновляющаяся цитатым самоповтором, удовлетворяет говорящих в их самосознании вне зависимости от конкретных исторических ландшафтов, в кои эти говорящие вписаны.

Сегодняшние события свидетельствуют: урок не извлечен. Ценности распределения по-прежнему господствуют над ценностями производства. Идея строя абсолютного народного счастья по-прежнему владеет умами.

Г. Померанц. 1969. Человек ниготкуда

Вся запуганность, абсурдность нашего времени в том, что мы пытаемся решать проблемы двадцатого века так, как они решались в девятнадцатом... Мы пытаемся действовать, как Фауст, не замечая, что фаустовская эпоха кончилась, что для развитых стран она исчерпана, что новое время стало старым.

Баланс

Говоря о повторах в диалоге, мы сразу же столкнулись с мыслью, что это его свойство свидетельствует об истинности обоих спорящих мировоззрений, так что полная истина содержится не в одном из них, а в самом диалоге. Многие авторы высказывают эту идею.

В. Чеснокова

Победа же одного мировоззрения над другим нежелательна, так как в нормальном конструктивном они должны были бы быть не просто противовесями друг другу, но и взаимным дополнением...

Один возможный вариант — это какой-то аналог того баланса, который создают виты и торы в английской политике и вообще в интеллектуальной жизни, это была бы настоящая добросовестная основа двухпартийной системы.

А второй вариант — постепенное сближение и взаимопроникновение (в определенных сферах об-

щественного сознания) на основании вышеотмеченной их взаимодополнительности...

«Полнокровное воплощение в жизнь» одной какой-либо из этих доктрин, по моему мнению, имело бы отрицательные последствия для развития страны. С моей точки зрения, почвенническая позиция должна быть ведущей (до чего почвенникам весьма далеко). Но западная идея идеологии должна играть свою важную роль в нашем дальнейшем развитии (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

А. Аннинский

Так возможен ли диалог?

Я бы сказал: невозможно без диалога.

Победит ли одна из сторон?

Боже упаси! Это — конец. Венцом такой «победы» станет раскол лагеря победителей опять новое, и — восстановление полюсов под другими титлами.

Потому что всегда, неизбежно, обязательно — приходится хватать на стороне «всемирно-универсальное», «технически осуществимое», рационально-выгодное (циклотрон, профсоюз, социальный баланс, рынок, международное разделение труда, лучший танк, лучший самолет, лучший воинский устав... вспомним Петра).

И всегда, неизбежно, обязательно — хватая это, надо этому же универсальному и сопротивляться, сохранять... (что? душу живу... местный бытчай.. заветы пращуров.. имя, язык, характер и прочие «вечные безусловные ценности»).

Я, как и Валентина Чеснокова, затрудняюсь с выбором определения, понимая, как и она, что доктрины, спрятанные в этих определениях, заставляют их сопротивляться, а всю конструкцию — шататься. Петр Великий в таких случаях не был столь щепетилен. Он говорил: сейчас встаем лицом к Европе, а как научимся у нее, чему надо, то и повернемся к ней задом.

Я, конечно, не могу отважиться на такую непосредственность. Тем более, что и современный цивилизованный ответ есть. Вестищие определение тому взаимодействию, которое роковым образом

неизбежно для «почвенного» и «западного» начал русской культуры дал Сергей Аверинцев. *Взаимолюбя* (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

С этой концепцией баланса не все согласны: разумеется, есть непримиримые, для которых истина лежит не посредине, а именно на их стороне.

М. Назаров

Мне трудно себе представить какой-то синтез или даже «взаимное дополнение» (как надеется Валентина Федоровна) рассматриваемых двух течений. Разве что в публичной дискуссии, подобной нашей, есть возможность показать более широкой аудиторией, особенно российским политикам и администраторам, духовную опасность западной глобализации — как и тем нашим оппонентам из случайных западников, которые продолжают мыслить скорее по антикоммунистической инерции, чем из убеждений, ибо ничего третьего в сравнении с коммунизмом и либеральной демократией еще не открыли. Возможно, такие наши сограждане еще смогут учесть православную систему координат, ознакомившись с ней. Хотя я прекрасно сознаю, что на это усмиле готовы немногие (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Прогноз

Действительные успехи внешней политики держатся внутренним прогрессом.

Вл. Соловьев

В прошлой дискуссии прозвучали и прогнозы. Как мы уже говорили, такие прогнозы, не основанные на «статистико-экономических разработках» и «оперировании массивами данных», тем не менее имеют свойство если не в точности сбываться, то все же быть настолько точными, чтобы к ним имело смысл прислушиваться. Поэтому послушаем пока, что говорят участники нашего диалога о будущем.

Д. Аннинский

Речь о том, что с нами Америка воевать, может, и не собирается, а вот с Третьим миром ей противостоять придется, и на чьей стороне в этом противостоянии мы бы ни оказались, «предошущение войны» по-прежнему будет основной нашей мироучастивованья, или /.../ или мы окончательно распадаемся, и это предошущение переймут те, кто сменил нас в геополитической Дrame (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

И. Камкин

В том-то все и дело, что угроза эта именно потенциальная. Поэтому я, вслед за большинством экспертов, и говорил о 20–30-х годах (некоторые называют даже более дальние сроки). А до тех пор не будет, к счастью, на нашей земле, защищенной ядерным зонтиком, ни большой войны, ни, возможно, даже предошущения ее, как нет этого сейчас, а есть договор с тем же Китаем о вечной дружбе. Именно в эти мирные десятилетия нам предстоит завершить беспрецедентную для России системную модернизацию. Можем ли мы осуществить ее своими силами, сядя на сырьевой игле, имея отрицательную демографическую динамику и прочие наши нынешние проблемы? Не уверен. А если не осуществим, то Китаю с нами, быть может, и воевать не надо будет — зауральские территории достанутся ему в результате ползучей мирной экспансии, которая, как известно, уже началась. И чем мы сможем ответить, если действительно останемся с Китаем «один на один»? (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

Итак, прогнозируется, что ближайшее будущее принесет нам войны между Америкой и Третьим миром и Россия каким-то образом будет втянута в эти события. Эта полоса войн XXI века начнется примерно в 2020–2030-х годах, так что пока нас ожидает мирная передышка. Острый территориальный конфликт ожидается у России с Китаем.

И. Яковенко

По поводу пророчества господина Назарова относительно скорого «краха Запада», я должен ска-

зать, что уже более двух веков, начиная с князя Щербатова, ревнители российского средневековья и охранители устоев — плетчевы и победоносцевы, сусловы и константины леонтьевы — объявляют крах Запада с сегодня на завтра. Краховщательство — солидная, специфически российская профессия. Всегда найдется туземная аудитория, готовая благосклонно внимать подобным пророчествам. И кризиса в этом деле не предвидится, поскольку Запад (как принцип либерализма, динамики, открытости) просто переживет Россию. Не Россию как таковую, тут я не такой пессимист, но Россию, которая ждет гибели Запада, наверняка.

Завершая историсофский экскурс, хочу сказать, что путь к спасению не заказан и России. Как поваривали лет тридцать назад, «крот истории хорошо роет». Вопреки усиленным ревнителям средневековья, либеральные ценности и идеалы секуляризма утверждаются и в нашем обществе. Православный мир проживает свою, собственную историю. Просто ему еще предстоит решить те духовные и культурные задачи, которые мир протестантско-католический решал, начиная с эпохи Реформации (Клауб Дискурс: Социум, 2001).

Запад (Север) выстоит в ожидающем его противостоянии и сможет решить свои проблемы. Россия в будущем воспримет в какой-то, свойственной ей, форме либеральные ценности и идеалы секуляризма. Православие при этом не будет ущемлено и найдутся формы для его существования в свободной России.

Ответом и на почвенническую позицию М. Назарова, и на западническую — И. Яковенко могут послужить слова В. Соловьева. В них выражается одно из самых стойких убеждений идущего спора: именно наши неутехи являються главным залогом нашей окончательной победы.

В. Соловьев. 1877. Три силы

Внешний образ раба, в котором находится наш народ, жалкое положение России в экономическом и других отношениях не только не может служить выражением против ее призвания, но скорее под-

тверждает его. Ибо та высшая сила, которую русский народ должен провести в человечество, есть сила не от мира сего, и внешнее богатство и порядок относительно ее не имеют никакого значения. Великое историческое призвание России, от которого только получают значение и ее ближайšie задачи, есть призвание религиозное в высшем смысле этого слова.

Слова эти, впрочем, можно понять, только прислушавшись ко всей дискуссии в целом, изложенной нами на предшествующих страницах. Вне этого контекста эта мысль выглядит почти шутковским образом: победу нам обеспечит то единственное, чего у нас много, — неудачи.

Несколько подробнее раскрывается эта позиция победы путем череды поражений в словах В. Межуева.

В. Межуев

Задача, стоящая перед Россией, не может быть, как мне кажется, адекватно сформулирована ни в понятиях чисто западной идеологии (либеральной, например), ни в терминах славянской самобытности, евразийства или еще какой-то другой особенности от Запада. Россия, если ей суждено остаться в мировой истории, безусловно окажется в общем русле развития западной цивилизации с ее универсализирующей тенденцией, но сохранит себя, избрав участие периферии этой цивилизации, лишь переосмыслив эту тенденцию в духе собственной культурной традиции. Универсализму западного типа она может противостоять не как его антитеза, а как его особый тип со своей системой приоритетов и ценностей, лежащей, как мне представляется, прежде всего в области культуры (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Поскольку в целом и западники, и почвенники признают культурную ущербность Запада, отсюда и победы России могут рассматриваться только как феномен культуры, о политическом или экономическом аспекте здесь речь не идет.

Легко представить себе следующее возражение: эти туманные философские разговоры о победе в области культуры

вообще не следовало бы заводить. Единственный прогноз, который нас может интересовать, — прогноз в области внешней политики и макроэкономического положения страны. Довольно мы жили в идеологизированном обществе, хватит уже расуждений о «светлом будущем» и сияющей цели, которая всегда требует жертв.

На подобный (на нашем форуме не воспроизведенный, но не раз высказывавшийся) ход мыслей отвечает Г. Померанц.

Г. Померанц. 1994. Выбор XXI века

Без веры в свою способность решать последние вопросы не состоялась 6 наш прыжок в утопию и не состоится выход из развалин утопии. Без поисков своей всемирной роли Россия — не Россия. Экономически, политически Россия может опустаться до полного ничтожества, но духовно она доведет себя. /.../ Россия непременно войдет в финал (гигель биосферы) или полуфинал, в очередной поворот мировой цивилизации к новому кругу задач. Стоит потрудиться, чтобы страна наша нашла правильный выход. Это всемирно-историческая задача.

Другая мысль относительно нашего превосходства в культуре давно была высказана Вл. Соловьевым. Он говорил, что наша культура пока в значительной степени питается импурсами с Запада. Эту мысль повторяют и некоторые сегодняшние исследователи.

Ю.С. Пивоваров. 1998. Русская мысль, Система русской мысли и Русская Система (опыт критической методологии)

Русская мысль не возможна без заимствования интеллектуальных «технологий» Abendland-a. По-добно Русской Власти или Русской Импературе она не в состоянии производить импортозамещающие товары. То есть с самого своего начала ее посадили на иглу импорта. И лишь получив необходимый дозу, она может функционировать.

Следующий прогноз В. Межуева касается судьбы социалистической идеи.

В. Межуев

Если в чем и сходятся у нас либералы и патриоты, так это в ненависти к социализму, точнее, к социалистической идее. А ведь без нее также нет современного Запада. В этом вопросе я, считающий себя западником, схожусь с теми и другими. Нельзя перекинуть мост между либералами и патриотами (как бы они ни называли себя — почвенниками, националистами, государственниками), выйдя на историческую свадку девые ценности и идеи. Без последних попытка либералов и патриотов договориться между собой (особенно в современном — глобализирующемся — мире) вряд ли завершится их примирением и согласием. Сегодня спор между ними разрастается до противостояния глобалистов и антиглобалистов, и я не вижу выхода из этого противостояния, как посредством возвращения к пути и определенным образом трансформированной левой идеологии (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Помимо культурного превосходства, хотелось бы знать, на что мы можем рассчитывать в тех самых невнятных нам смыслах — экономическом и политическом. На этот тяжелый вопрос ответил А.И. Уткин.

А. Уткин

Возможны ответ-минимум и ответ-максимум. Ответ-минимум состоит в том, чтобы не стать зависимой от Запада территорией, эксплуатируемой частью Земли. Ответ-максимум заключается в том, чтобы, сохраняя политическую независимость, войти в сферу технологического развития Запада и в этом смысле стать его частью, т. е. частью развитой части Земли.

Ответ-минимум на вызов Запада — это наш ракетно-ядерный щит, он существует и просуществоует еще лет 10–15–20, а при модернизации и дольше. Поэтому бомбить нас, как Югославию или Афганистан, никто не посмеет. Короче говоря, ответ-минимум в обозримом будущем для нас не проблема, надо только сохранять то, что создано раньше.

Что касается ответа-максимум, а именно он сегодня должен быть ориентиром для страны, то необходимо создавать компании, с помощью которых мы могли бы войти в глобальную экономику не только с нефтью и газом и которые могли бы стать конкурентоспособными участниками глобального рынка (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

О том, что его прогноз отнюдь не лучится оптимизмом, можно догадаться. Приведем несколько цитат, в которых Уткин говорит о тех сложностях, которые могут у нас возникнуть в ближайшем будущем.

А. Уткин

Однако нам есть что терять и помимо этого: например, Сибирь. Мы ведь ее очень легко можем потерять. Но у Запада нет геостратегического интереса в том, чтобы Россия осталась без Сибири. Можно сказать, что обе стороны status quo в значительной мере устраивает.

.../ Никакого автоматизма в обеспечении высокого статуса России не существует и существовать не может. Он может быть обеспечен лишь адекватной политикой. Станет ли в результате ее осуществления Россия Западом? Нет, не станет. Но она вполне способна, отвечая на вызовы Запада (и при партнерском с его стороны к ней отношении), стать по ряду упомянутых выше параметров частью Запада, оставаясь незападной страной (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

А вот что сказал о нашем будущем Г. Померанц.

Г. Померанц.

Не-Запад часто ориентируется на Запад, перенимает у него культурные формы. Сегодняшняя Россия выглядит как незападная страна. Но если наш рейтинг увеличится, к нам опять зачуются. /.../

Я уж не говорю о том, что вся Украина, кроме нескольких западных областей, стонет от украинизации. /.../ Восточная Украина, если бы не было всяких политических игр и боязни совершенно рас-

колоться с бывшей австрийской частью страны, потянулась бы к России. Но пока активные западные области диктуют всей стране свою волю. /.../

Я несколько раз был ошеломлен за последние годы. Например, я не ожидал такой активности воровского мира. Потом я понял, что при желании это можно объяснить. Дело в том, что настолько подавлена была всякая добросовестная оппозиция, что сохранилась фактически только оппозиция средневековых бандитов, обладавшая волей и энергией, а также та часть номенклатуры, которая хотела захватить свои привилегии в частную собственность и в конце концов срослась с ними, сама же она хозяйствовать не могла. Я понял это только тогда, когда все уже произошло, это я не предвидел. И не только это. Я предвидел, скажем, распад империи, но предвидел иначе, я думал, что произойдет довольно плавный переход к чему-то вроде европейского сообщества наций, по-прежнему со столицей в Москве. Ведь вот перед нами единая Европа, зачем же идти назад? Распад империи был неизбежен, но вот форма этого распада... /.../

Историческая память — это память о поражениях, распадах, предательствах, расколах и — выходях из кризисов. И эта память дает силу. Дает силу повернуть, потому что в катастрофической ситуации нужно повернуться. Когда мы на краю пропасти, надо суметь повернуться. У меня была статья на эту тему, и один американский ученый ответил своей статьей. Он абсолютно уверен, что в Америке все правильно. И что можно непрерывно развиваться, развиваясь, развиваться...

Есть такое фантомное научное понятие — прогресс. Реально оно ничего не выражает. На самом деле существуют, как постоянные исторические явления, дифференциация и интеграция. Дифференциация — это точное описание того, что происходит. Прimitивные культуры становятся все более сложными. Когда они становятся слишком сложными, они разваливаются. Если не происходит новой интеграции. Если не создается новое небо, каковым, скажем, в свое время являлось христианство.

Следующее понятие, уже полужантомное, — развитие. Им пользуются и наука, и идеология. Развитие — это та же дифференциация. Развитие, «development». Когда речь идет о развитии человека, то тут природа не дает развиваться слишком далеко, появляются вторичные половые признаки, груди, но природа удерживает их развитие на известном уровне. А вообще ведь развиваться можно дальше и дальше, и можно отраспигать себе груди Бог знает до таких размеров... Подобные случаи бывают, но это уродство. В развитии же социальных организмов таких антигомонов нет, и если дифференциация не сопровождается какими-то интеграционными процессами, происходит развал. И вот эту опасность маскирует понятие «прогресс». Слошные румяна и белиза. Чистая липа. Если еще девелопментом можно оперировать в социологии, хоть это и полужантомное понятие, то прогресс вообще уже чистый фантом. Именно этого сплошь и рядом не понимают в Америке. Им кажется, что развитие может длиться, длиться, длиться...

Они не понимают, как когда-то расширялась, расширялась и расширялась Римская империя, а потом стала распадаться. Этого у них в памяти нет. У них и многого другого нет. Взамен есть некое странное сочетание наивного прогрессизма с редиптозным фундаментализмом. Прогресс на кальвинистский лад — это Добро, а задержка прогресса — это Зло. Поэтому быстро развивающаяся Америка угроза Богу, а медленно развивающаяся Индия, очевидно, менее угроза. Основная ошибка, стоящая за этим, заключается в представлении, что есть одна цивилизация, а остальное — так, фиоритуры. На самом же деле существует четыре культурных мира с замехом на мировое развитие. И более-менее гармонический мир может возникнуть на основе диалога по крайней мере этих культурных миров, а также тех вседенских наций, которые сумеют отстоять свое право на существование. Я считаю, что Россия способна отстоять это свое право, если она поймет направление мирового развития и во многих случаях будет его инициатором. /.../ Мы стоим перед выбором: или окончателъный это тупик, или цивилизация сумеет найти новые

формы равновесия с природой и духовного роста, который постепенно выдвигается на место привычного материального роста. Иначе у нас будут катастрофы пострашнее, чем эти взорванные башни. Проблема в том, чтобы не просто затормозить, не просто остановить, а постепенно переоценить ценности и поставить как задачу для каждого человека: на первом месте должен быть духовный рост, а не рост физический (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Померанц указывает на глобальный тупик всей западной дивинизации. Сходные высказывания можно обнаружить и относительно судьбы России.

С. Цирель

Поэтому простая экстраполяция нынешних тенденций в будущее равносильна превращению России во второразрядную латиноамериканскую страну, не способную завершить модернизацию (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

Исходя из своих идей относительно нового облика исторической науки и новой модели истории России ряд прогнозов дают Ю.С. Пивоваров и А.И. Фурсов.

Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсов. 1998. Русская система: тенезис, структура, функционирование

Аналогичным образом обстоит дело с капиталом, охват которых мировой системы в целом (превращение последней в глобальную...) будет означать гибель капитализма, его «тепловую смерть». Капитал и Русская Власть вообще суть две формы — преимущественно временная и преимущественно пространный — одного и того же христианского исторического субъекта, который начал свой взлет-полет по экспоненте Великой Революции — Капиталистической (1517–1648) и Самодержавной (1517–1649) и, похоже, ныне на наших глазах подлет заканчивается.

Так что же дальше с Россией, с Русской Системой, с Русской Властью? На один вопрос — о перспективах нового закрепощения — можно дать скорее отрицательный,

чем утвердительный, ответ. Дело в том, что современное наукоемкое энтропическое производство не требует массовых эксплуатируемых групп, многочисленного эксплуатируемого населения. Поэтому речь идет не столько об эксплуатации и контроле (следовательно, той или иной форме «закрепощения»), а о депривации, т. е. не о включении в систему, а об исключении из нее, отсечении от общественного пирога. Массовое закрепощение не нужно. Это одна сторона. Другая сторона заключается в том, что в ходе мирового и российского процесса приватизации власти широкомаштабный всеохватывающий контроль над населением, особенно с учетом мировой компьютерной сети, едва ли возможен и нужен. Возможны и нужны «точечный» контроль, «точечное» «закрепощение», но это иное.

Компьютеризация меняет власть и собственность, стирает грань между ними, равно как и между частной и публичной сферами. В результате возникает мир, отчасти напоминающий Русскую Систему, особенно в ее коммунистической фазе, но — не на чисто властной, а на сугубо производственной основе — не вещественной, а энергоинформационной.

Что касается дальнейших перспектив развития Русской Власти и Русской Системы, то здесь трудно прогнозировать. Русская Система развивалась параллельно с Капиталистической системой. /.../ Иными словами, Русская Система была плотно вписана в мировую, а в XX в. к тому же выступала как антикапиталистическая система, как антисистема. /.../

Дальнейшие судьбы России неразрывно связаны с судьбами глобализирующейся и одновременно локализирующейся (глокализирующейся) мировой (капиталистической) системы (отсюда, помимо прочего, исключительно важная роль исторической глобалистики как дисциплины для разработки российской стратегии). Проблема заключается в том, что капитализм переживает системный кризис, находясь, выражаясь термином И. Пригожина, в точке бифуркации, т. е. в такой точке, когда система имеет максимальную свободу выбора дальнейшего развития. Сегодня довольно ясно проявляются тенденции

Часть 2 Предсказания

Часть 1. Противостояние

трансформации капиталистической системы в новую, гораздо менее эгалитарную и демократичную, более эксплуататорскую и депривирующую, чем нынешняя.

Итак, в деталях предсказать трудно: не понятны не только внутренние тенденции развития России, но и пути развития создаваемой глобальной цивилизации в целом. Почти все сходится на том, что предсказывать: «Завтра будет то, что и сегодня» — неверно. Мир действительно меняется. Прогнозы по экстраполяции любых сегодняшних тенденций обречены на неудачу — хоть это и не значит, что в настоящем нет корней будущего. Однако что можно сказать о будущем сегодня, если самые прочные реалии последних трехсот лет — устройство государства, институт частной собственности, система суверенитетов и т. д. — все ставится современностью под сомнение? О технических нововведениях в этой связи можно даже не упоминать. Особенная трудность прогнозов связана еще и с тем, что, как с достаточной четкостью выявлялось из предшествующих страниц, устойчивостью обладают не те или иные решения, пристраекающие из соперничающих мировоззрений, а баланс всего спора в целом. Но мир не может раздвоиться, чтобы понести в каждой половинке свою правду. Каков же может быть синтез двух типов провидений, прогнозов, исходящих из совсем разных мировоззрений? Иначе говоря, в плане мировоззрений западники и почвенники конфликтуют почти по всем вопросам, но они живут в одной реальности, на одной, общей для них почве — и буквальной, и культурной. Какова будет эта реальная почва завтрашнего дня, чтобы выдержатъ обоих поединщиков?

Если во введении мы старались показать читателю, что на диалог западников и почвенников в его современной стадии стоит обратить внимание; если в первой части книги собраны непосредственные результаты этого диалога и звучат живые голоса тех, кто в разное время пытался решить, в каком направлении должна двигаться Россия, то во второй части мы позволим себе высказать некоторые соображения, которые являлись скорее логически-ми экспликациями точек зрения, проявившихся в диалоге. При желании можно было бы собрать большое количество цитат, показывающих, что все эти рассуждения и экспликации в более или менее четкой форме уже присутствуют в современной культуре (хотя и не всегда связываются с диалогом западников и почвенников). Мы лишь объединили эти линии, получив некоторую единую картину. Такая позиция не означает, что мы собираемся учить участников диалога, «как надо». Скорее, наша позиция иная: мы собираемся проанализировать ситуацию и в этом смысле выйти из плоскости столкновения спорящих сторон.

Предварительно представим логику последующего изложения. Исходным предметом обсуждения является спор западников и почвенников. Речь в этом споре шла о путях и способах развития России, специально — о том, следует ли (и в каких формах) стремиться уподобить Россию обществам Западной Европы.

Чтобы говорить об этом споре, нам надо каким-то образом представить поле логических возможностей, в котором происходит диалог. Для этого мы представим себе три оси координат

нат, в смысловое пространство которых входят позиции спорящих сторон. Она из этих осей образуется, если мы взглянем на проблему развития, если впишем спор западников и почвенников в ось новизна/устойчивость (преemptивность). Другая ось будет обозначена понятиями гео- и антропоцентризма. Наконец, третья ось координат возникает в связи с рассмотрением проблем глобализации (глобализм/антиглобализм). Останowiмся несколько подробнее на проблемах, которые возникают в связи с первой осью координат.

Спор западников и славянофилов (почвенников) есть спор о модернизации. Слово это в современной научной литературе очень многозначно, да к тому же обрастает всевозможными приставками, фигурируют постмодернизация, неомодернизация, рефлективная модернизация и проч. В первом и прямом смысле модернизация есть осовременивание. Если мы посмотрим на состояние Франции, Германии или США в 1860-х годах, а потом сравним это состояние с положением дел в этих странах в 1960-х годах, мы увидим существенные изменения. Тогда процесс изменения этих обществ за сто лет можно рассмотреть как направленный процесс, который приводит к «современному» состоянию. В этом смысле модернизация синонимична *развитию* и ее испытывают все изменяющиеся страны. Тем самым ева да ли не все страны можно квалифицировать как «развивающиеся страны», сказать, что в них идет процесс модернизации. Тогда модернизации подвергнутся (и в высочайшей степени) и такие страны, как Великобритания, США или Франция. Такое понимание модернизации — просто как развития — высказывает, например, Ульрих Бек (2000).

Модернизация подразумевает технологические рационализаторские изменения в организации труда, а кроме того, охватывает и многое другое: смену социальных характеров и нормальных человеческих биографий, стилей жизни и форм любви, структур влияния и власти, форм политического принуждения и политической активности, восприимчивости действия и норм познания.

Итак, модернизация есть процесс развития социального устройства. Однако мыслить *процесс* достаточно тяжело, поскольку приходится не просто мыслить себе подвижную вещь

(например, бегущую собаку), но *необязательно* мыслить подвижную вещь.

Предположим, было помыслено состояние общества во Франции, Германии и США в 1960-х годах и названо это состояние *modernity*, а процесс, который за 100 лет привел к данному состоянию общества, назван модернизацией. Далее происходит этот самый процесс мышления: одинакова ли скорость модернизации в разных странах, идет ли модернизация одной дорогой во всем мире или несколькими, и, даже если одной, хорошо это или плохо, можно ли хотя бы теоретически помыслить себе иные пути, к чему в дальнейшем приведет модернизация... Пока люди думают, время идет. Наступают 1990-е годы, и оказывается, что общество в тех же странах уже очень сильно изменилось. Оно изменилось в столь значительной степени, что представляет собой качественно новый этап развития. В таком случае хотелось бы обозначить этот этап развития отдельным словом — чтобы не путать *modernity* 1960-х и 1990-х. Тут приходят на помощь приставки, и появляется, скажем, «постмодернизм».

Слово, обозначающее сразу процесс и состояние — состояние 1960-х годов и процесс, который привел к этому состоянию, — раздваивается; процесс прежний — развитие общества, а состояние уже совсем иное.

Абстрактные смыслы этому слову придает тот факт, что употребить его можно в различных значениях. Дело в том, что развитие таких государств, как США, долгое время представлялось до определенной степени беспроблемным. То, что не создает проблем, не привлекает внимания. Поэтому о модернизации западных обществ долгое время говорить было не принято. Модернизация полагалась процессом, который «болит» у так называемых развивающихся стран, у тех, кто пытается достичь «западного» состояния и сталкивается с трудностями на этом пути. Если термин «модернизация» относится к таким странам, которые не просто развиваются, а имеют зримую и осязаемую цель, образцы, к которому они стремятся, то можно выделить разные типы «модернизаций» в зависимости от избранного пути достижения цели. Можно, скажем, резко переделывать различные традиционные общества в западное, а можно заимствовать лишь какие-то аспекты западного общества, оставляя собственную общественную основу неизменной или, по

крайней мере не стремись ее обязательно изменить. Отсюда получаются сценарии «догоняющей модернизации» и «независимой модернизации». Наконец, развитие одних стран оказывает прямое влияние на развитие других; с другой стороны, те, кто копирует образцы, влияют на сами эти образцы.

Поскольку понятие модернизации тесно связано с процессом развития, следует определить характеристики этого процесса. То общее, что мы сможем сказать о развитии, будет прямо относиться к взаимодействию западников и почвенников, поскольку эти позиции в одинаковой степени есть реакция на модернизацию, реакция «с разным знаком». В самом деле, российские западники говорили преимущественно о том, что следует сделать, чтобы вывести Россию из имеющегося неудовлетворительного состояния и привести ее к состоянию государств Европы (по крайней мере, по некоторым параметрам). Почвенники же указывали на трудности такого процесса и утверждали, что России следует развиваться собственным путем, без оглядки на «образец». Тем самым обе «партии» говорили о модернизации. В таком случае из самого общего рассмотрения процесса развития мы можем вывести некоторые граничные условия, некоторые «полюсы» мировоззрений и отнести эти полюсы с позициями западников и почвенников.

Если мы учтем эти соображения, то для характеристики мировоззрений западников и почвенников нам потребуются некие начатки общей теории развития. Сформулировав некоторые положения этой теории, мы сможем вывести теоретически мыслимые полюсы мировоззрений и сопоставить их с реальным спектром взглядов.

К концу тысячелетия стало достаточно очевидно, что характер развития существенным образом изменился. Современность стала совсем не такой, какой она была всего несколько десятилетий назад. Отличительная черта нашей современности — возрастающая взаимосвязь мира. Очень многие процессы, которые ранее были замкнуты в пределах одной страны, одного региона, теперь стали по своим проявлениям всемирными. И потому эту современную модернизацию стали называть глобализацией. В глобализации живет уже не «современное», а «постсовременное» общество.

Далее надлежит представить следующую шаг. Как уже говорилось, мир за последние десятилетия сильно изменился,

стала качественно иным. В таком случае и отношение к этому развитию должно измениться, и сценарии, которые рассматриваются «западниками» и «почвенниками», также должны измениться. Поэтому надо обратиться к процессу глобализации и рассмотреть те сценарии, согласно которым он может протекать. По отношению к глобализации старые позиции западников и почвенников должны выглядеть несколько иначе. Уходят в прошлое такие «популярные» сценарии, как догоняющая модернизация, и все большее внимание привлекают совсем иные группы сценариев, в которых у России совсем иная роль. В этом смысле прежние «западники» и «почвенники» уже не существуют. Однако, поскольку эти мировоззрения укоренены в весьма общих представлениях о развитии, возникают новые мировоззрения, в значительной степени связанные с этими старым противопоставлением.

Чтобы представить себе возможные варианты развития глобального мира, мы попытаемся построить некоторый общий теоретический взгляд на «общество взаимодействующих целостностей». Для того чтобы понять прежних западников и почвенников, нам хватало основ теории развития; для понимания мировоззренческих полюсов на новом, современном этапе нужны некоторые продвинутые следствия этой теории. Одним из таких следствий и является теория развития совокупности взаимодействующих целых. Мир как политическое целое представляется собой такое общество, и общая теория развития таких совокупностей единиц позволяет четче представить возможные сценарии взаимодействия. Детализируя полученные сценарии, мы сможем описать возможные пути развития России в складывающемся новом мире.

Это общий план нашего рассуждения. И начнем мы с описания исходного объекта нашего исследования — спора западников и славянофилов.

Вечный спор: полярность и баланс

Общественное сознание в нашей стране может быть охарактеризовано через один из наиболее устойчивых его элементов — спор западников и славянофилов. В самом деле, за последние 200 лет в общественном сознании изменилось столь многое, что отдаленную проблему представляет собой поиск того, что осталось неизменным. В то же время достаточно ясно, что самоотраженность культурной традиции поддерживается именно устойчивыми, запомненными элементами. А аргументы западников и славянофилов, сама ситуация этого спора, круг обсуждаемых проблем и примерный спектр находимых решений остались в общих чертах неизменными, о чем можно судить на основании преобладающей части книги. Такое постоянство заслуживает пристального внимания: по-видимому, этот спор является одним из фундаментальных аспектов русского общественного сознания, если сохранятся, будутчи окружен значительно более мимолетными и неустойчивыми феноменами.

У такого «показателя» есть немало ограничений. Например, состояние дискуссии зависит от тех конкретных умов, которые вовлечены в диалог, и ясно, что такого человека, как Вл. Соловьев, сравнивать не с кем. Это означает лишь, что наше внимание будет обращено не к индивидуальным решениям тех или иных вопросов, возникших в ходе дискуссии, а скорее к общему характеру, общему подходу к проблемам, который специфичен для того или иного периода российской истории.

Далее, людей, вовлеченных в эту дискуссию, довольно мало, и естественно возникает вопрос, насколько мнение нескольких десятков человек за 200 лет может служить показателем чего-нибудь относительно огромной России. На этот счет можно высказать разные соображения, но можно и кое-что сделать. Мы воспользовались тем счастливым обстоятельством, что и сами мы живем в один из периодов, когда продолжается этот спор, и поэтому можем попытаться представить себе, как соотносится мнение граждан России с тем, что говорят представи-

тели интеллектуальной элиты. Для этого у нас есть такой мощный инструмент, как результаты опросов общественного мнения, на протяжении многих лет проводимых каждой неделей Фондом «Общественное мнение». Эти результаты представлены выше и сопоставлены с высказываниями современных западников и почвенников.

Когда мы пытаемся внимательно рассмотреть этот спор, первое же впечатление, которое мы получаем, — чрезвычайная расплывчатость всех определений, неустойчивость позиций и основных понятий спора. Сами участники дискуссии и сто лет назад, и сейчас охотно указывают на это обстоятельство. Почти нет жестко определенных терминов; что означают «соборность» (как перевод термина «католичность», «православность»), «державность» («государственность»), «национальный характер», «Россия» (в каких границах?) и «модернизация», «вестернизация», «прогресс», «Запад» — в значительной степени неизвестно. Точнее будет сказать, что эти понятия кажутся «интуитивно ясными», однако вызывают огромное количество противоречий при попытке эксплицировать их содержание и работать согласованное понимание этих понятий. Также не определено и название позиций в этом споре: кого имеет смысл называть «западником», кого — «славянофилом», есть ли иные позиции (иногда перечисляются народничество, почвенничество, евразийство, американизм, марксизм и проч.), какое отношение эти иные позиции имеют к «полюсам» нашего диалога — западникам и почвенникам. Некоторые ответы на эти вопросы уже даны в преобладающей части, здесь же мы попытаемся систематизировать и упорядочить многообразие мнений.

Вл. Соловьев в статье «Славянофильство и его вырождение» (Соловьев, 1889) выстроил логику, объясняющую разнообразие и непроработанность позиций спора. По его мнению, сначала спор между западниками и славянофилами шел еще без понимания самого предмета спора, «о кафтанях». Постепенно стали выявляться истинные цели этого диалога, которые усилиями Соловьева к началу XX века выявились в достаточноной полноте: это разговор о путях России. Тем самым само название спора во многом устарело. Западники вовсе не обязательно призывают к подражанию Европе, а просто отдают должное европейским дарам — образованию, науке, культуре. Славянофилы вовсе не обязательно националисты, а просто

призывают внимательнее относиться к копированию небезразличных в культурном отношении заимствований. При таком понимании можно пытаться найти в современных этапах Адада какие-то новые идеи, новые понятия. Однако надо помнить, что преемственность спора и достигнутые моменты взаимопонимания чередовались с разрушением традиции (революция, война, контрреволюция) и современный этап спора в определенном отношении начинался если не с начала, то по крайней мере с середины. И потому вновь и вновь всплывают уже, казалось бы, решенные вопросы.

История спора и отличительные черты современного Адада

Изучая историю спора, мы, пожалуй, должны считать ее с Чаадаева, с начала XIX века. Можно начать и с более раннего момента: западников вести с Котошихина, а почвенников с Квирина Кульмана, который в 1689 году явился в Москву с проповедью неминуемой гибели греховной Европы и возвещением грядущего «Иезуитского царства», которое произрастет из северного царства московитов. Чем-то эти идеи Кульмана не глянулись протестантской общине в Москве, властям поступил донос, и Кульман с товарищем были сожжены за ересь (нечастый случай автодафе в России). Однако такое углубление в историю добавляет детали, но не вносит ясности.

Чуть более отчетливо выделяются интересующие нас группы, если рассмотреть историю российского масонства. В масонстве XVIII века можно выделить рационалистические либеральные организации, связанные с так называемым «едалгинским масонством», которые были довольно близки к некоторым течениям «вольтерьянства». Это направление российского масонства связано преимущественно с Петербургом. С другой стороны, существовало «консервативное», мистическое, «розенкрейцеровское» масонство, группировавшееся вокруг кружка Новикова в Москве. «Петербургское» «едалгинское» масонство имеет некоторое отношение к *идейной* эволюции западничества. Розенкрейцеровский кружок Новикова также имеет отношение к *идейной* эволюции будущего славнофильства,

но — не только *идейное*. К кружку, находящемуся под влиянием Новикова, имеют отношение по крайней мере Иван Киреевский и Аполлон Григорьев («масонство приводит к генезису славнофильства» — Вернадский, 2001, с. 502).

Нас может заинтересовать не только это генеалогическое возведение противоборствующих лагерей русской мысли к двум течениям российского масонства. В конце концов, у любого явления есть корни, и мы можем продолжить спор XIX века в российское масонство XVIII-го или протянуть линии до Вадимира Красно Солнышко. Однако есть и иной аспект, в котором именно масонский этап предстории столкновения мировоззрений нам безынтересен. Тогда, в конце XVIII века, в московских ложах родились два понятия, имеющих очень трудную историю. Товарищ Новикова по ложе Злато-Розового Креста, Иоганн Георг Шварц, впервые употребил понятие «интеллигенция» в его современном значении и отнес к интеллигенции дворянство. Как отмечают Виржакова с соавторами (Виржакова, Войкова, Куткина, 1972), само слово «интеллигенция» появилось вместе с множественным петровских неологизмов, но употреблялось в различных других смыслах. Первое употребление отмечено в 1711 году для перевода французского *intelligence* — сношение, заговор. Итак, в результате просветительской работы Шварца и Новикова дворянство стало «примерять» к себе новое слово, многие занялись «внутренним духовным ростом», и понятие стало одаваться в пасть.

Мы находим, что самый старый спор русской мысли тесно связан в своем генезисе с развитием понятия «интеллигенция» и самого общественного слоя интеллигентов. Но и это еще не все. Другое понятие, родившееся в связи с масонством во плоти, в реальности, также очень занимательно. Мы можем охарактеризовать это третье понятие словами В. О. Ключевского:

Словозв вызванную ею / деятельностью Новикова, — А. Б., Г. А. / усиленную работу переводчиков, сочинителей, типографий, книжных лавок, книг, журналов и возбужденных ими толков стало пробиваться то, с чем еще незнакомо было русское просвещенное общество: это — *общественное мнение*. Я едва ли ошибусь, если отнесу его зарождение к годам московской деятельности Новикова, к этому *Новиковскому десятилетия* (1779–1789) (Ключевский, 1913, с. 279).

Глава 8. Реальные споры...

Тем самым почти одновременно, в некоторые десятилетия конца XVIII—начала XIX веков, появились в России интеллигенция, общественное мнение и спор западников со славянофилами, проиhrастающие из одного общего корня. Это высказывание не имеет цели отстаивать положение, что все эти дары и беды русской истории идут из мадонста. Можно отыскать и другие корни. Важно подчеркнуть момент совпадения в самом начале развития основополагающих феноменов российского общественного бытия и сознания. И когда мы занимаемся обсуждением спора западников и их противников, мы понеоде анализируем историю интеллигенции и изучаем развитие общественного мнения в России.

Первоначально важнейшая характеристика спора состояла в том, что это — осмысление проблем развития России частными лицами. Не министры-реформаторы и цари-прогрессисты, а обычные люди позволяли себе судить — гласно и печатно — о целях, средствах, судьбах и трехах своей страны. И в этом смысле едины все они — принявшие и обиданую кличку «славянофилы», и кличку «западники»: это люди, стоящие (или ставящие себя) вровень с задачами целого народа, государства, культуры. Более того, судьба России рассматривалась в свете задач человечества, мирового развития. Ойкумена тогда была еще невелика, и постановка проблемы: «Россия и Европа» — обнимала весь мир, который стоило принимать во внимание образованному сословию.

На смену первым участникам спора, современникам Чаадаева и Киреевского, Самарина, Аксакова, Герцена, впоследствии пришли иные фигуры — Достоевский, Леонтьев, Страхов, Данилевский. В их рассуждениях произошло определенное снижение идеи спора — Россия рассматривалась теперь как лидер славянских государств, как выразитель надежд славянского племени. К теме всемирной роли России примешались минутные политические задачи. И в этом возникшем перед взором младших славянофилов политическом мире было много что черт, совсем для нас непривычных. В этом политическом мире роль России была очень велика. В то время Америка, вчерашняя колония, не привлекала внимания, как второсортный игрок; Азия была предметом раздела среди сильных. Россия занимала в том, отошедшем мире место современного Китая: огромная, быстро развивающаяся держава, с необозримыми

ресурсами и населением — явный лидер завтрашнего Аня. Европа отчуждено видела, что через сто лет Россия превзойдет любую из европейских стран, а может, и всю Европу в целом. Мир был покорен Европе, а над ее будущим нависла огромная Россия...

Да, многое изменилось.

«Младшие» славянофилы расширили тематику спора, добиавили в него политический контекст — и тем самым в определенном смысле снизили и конкретизировали спор. «Центр диалога» смещался от проблем философии культуры к философии истории — и далее, к политике. И одновременно все ближе к «центру» разговора оказывались проблемы национального, проблемы сосуществования русского и других народов в России (в начале спора эта проблема почти не привлекала внимания диспутантов). В. Соловьев обичал подобные идеи, говоря о том, что национализм для страны есть то же, что эгоизм для личности. Однако и эта более политизированная, националистическая точка зрения на задачи России, которая стала доминировать в споре в конце XIX века, подразумевала некоторый мировой уровень решаемых ею задач.

В начале XX века спор в очередной раз обновился, в него вмешались марксисты и анархисты, влдлась философия себребряного века и русский космизм. Все новые точки зрения выявлялись в диалог, все шире становилась его тематика: рабочий вопрос, социальный вопрос, женский вопрос... С началом мировой войны мировоззренческие разногласия обострились, позиции проговаривались все четче. В это время выступили неославянофилы С. Булгаков и В. Эрн. У них родилась концепция «двух Европ»: «плохой» протестантской средней Европы и «хорошей» романской Европы, «романтической», в которой, по их мнению, происходило возрождение духа «старого католицизма». Средних веков... Эти авторы группировались вокруг издательства «Путь». Еще более почвенническую позицию, чем неославянофилы, заняли авторы «Аотооса» — журнала по философии культуры, выходявшего в 1920-х годах. Впрочем, подробное перечисление всех этапов спора и всех вовлеченных в него изданий не входит в нашу задачу — список уж объемная тема.

После революции 1917 года основные понятия, относительно которых шел спор, очень сильно изменились. Еще догова-

ривали свои аргументы западники и славянофилы, а в их разговор влетались темы, привычные евразийством 1920–30-х годов. Значительно уступая по широте охвата идеям старых славянофилов, эта концепция все же отводила России весьма значительное место в мире: Евразия, Океан против Континента, уподобление России империи Чингисидов...

В СССР подцензурная печать весьма слабо отражала извечный диалог, ведь не считать же подlemiку талантливому Твардовского и охранительного Кочетова продолжением спора прежних западников-прогрессистов и почвенников-охранителей? Но разговор западников и почвенников на деде не прекратился. В конце 1960-х годов возник Самиздат, а в начале 1970-х появился самиздатский журнал «Вече» — почвенный, националистический. Ему противостоял другой самиздатский журнал — «Поиски», который придерживался либерального, западнического направления (Аниязал, 1988, с. 111–129).

Затем была метель 1990-х годов, великий немой обрел право речи и попытался сказать все сразу. В одно дминное слово — часное слово, заимствованное из аглутинативных языков Америки, слились монетаристы и «Память», рыночники и призывы к обновлению коммунизма, православию, дисидентство, новый монархизм... К 2000 году, примерно к началу тысячелетия, этот гомон притих — люди привыкли к тому, что говорить — можно, и, замолчав, занялись поисками хлеба на сушного. И вот тогда, с окончанием выгораживания невыговоренного, когда мнения слегка определились, — тогда и произошел организованный ФОМом диалог либералов и почвенников на сайте «Дикурс».

Присматриваясь к тому новому, что отлучает диалог 2000 года от дореволюционной дискуссии, мы прежде всего заметим, что нет более славянофилов. Как показали результаты нашего диалога, теперь такой круг мыслей уже не находится отсюда, задачи объединения славянских племен вокруг России податются фантастическими и оцениваются как проявление имперского сознания. Даже «сниженная» (по Соловьеву), политизированная точка зрения позаных славянофилов оказывается нереалистичной. Сегодняшние защитники этого мировоззренческого полуса считают гермин устаревшим и именуют себя «почвенниками». На современном этапе почвенников — да и западников — волнует судьба только одной страны, причем

интересуют не какие-то глобальные перспективы, а элементарное выживание, существование на хоть сколько-нибудь «приличном» уровне. Сама постановка таких задач многое говорит о том, как выглядит ныне самосознание России.

«Западники» пострадали меньше, они еще могут так именовать себя, но все же обычно их называют «либералами». Западная Европа перестала быть единственным в мире источником цивилизации, и название «западники» обесцветилось, стало понятным лишь знатокам истории старого спора.

Далее, существуют сомнения в самих маркерах дискуссии — западничестве и славянофильстве (почвенничестве). Разумеется, и на прежних этапах спора тот же Соловьев, например, совершал некую идейную эволюцию и переходил от почвенничества (работа «Три силы») к западничеству («Об упадке средневекового умозерцания»). Однако это была эволюция на протяжении целой жизни, и это был Владимир Соловьев, одна из самых крупных фигур русской мысли на протяжении веков, а многие иные мыслители без кодебаний записывались на ту или иную сторону в этом споре. Сейчас же, на современном этапе спора, в XXI веке, почти каждый участник дискуссии говорит, что он, собственно, и не западник, и не почвенник или что он очень, знаете ли, нетипичный западник, так что другие западники считают его почвенником, и т. д. Возможно, это говорит о том, что ситуация в России значительно изменилась и старые философские одежды уже не соответствуют тому, что в России выросло. Спор приобретает все новые измерения и философская «форма» двухсотлетней давности уже тесна... или слишком просторна? Короче, не по мерке.

Итак, умные и талантливые люди сейчас создают интересные, парадоксальные, сложные концепции развития мира. Однако все эти концепции можно назвать «тактическими». Они решают, какими средствами достичь кем-то поставленных задач — благосостояния, мирного существования, слияния с Западом, приобщения к цивилизации и т. д., а также независимого развития и национального расцвета. Самых задач никто толком не ставил — они как-то есть сами собой. Стратегию никто не вырабатывал, предполагается, что она уже есть. Аргумент для этого с логической точки зрения совершенно ничтожный: раз коммунизм не оправдал себя, значит, остался только один путь. В этом суждении что ни слово, то ошибка —

и тем не менее стратегией может называться, пожалуй, только это беспомощное суждение: беспомощное, ибо основанное на отрицании.

Однако множество тактик складывается и порождает стратегию, которой никто не предугадал, которая подучается «сама собой». Нам надо подойти к описанию этой «стратегии без автора». Для этого постараемся по возможности четко описать логику того пространства смыслов, в котором происходит этот диалог.

Характеристика подлюсов

До Соловьева почвенники говорили в основном о православии, западники об общине, почвенники о национальных традициях, западники — о всечеловеческом достоянии. Эти позиции не противоречивы, они только различивы, это, по сути, одно мировоззрение, в котором разные труппы делают упор на разных аспектах. После Соловьева ситуация изменилась. Соловьев, оставляя фокус внимания на проблемах религии, обобщая всечеловеческую позицию относительно судьбы России. После Соловьева «по гамбургскому счёту» оказалось более невозможным спорить «о кафтане», в которых будет ходить Россия. И потому то, что сказано после Соловьева — в 1910–30-х годах, — является едва ли не самым серьёзным из всей истории диалога. В это время начали подводиться итоги спора — а тут рухнула Российская империя и возник СССР. Место славянофилов заняли евразийцы, место западников — марксисты. Прошло время, исчез СССР, и сейчас западники говорят о правах человека и рынке, а почвенники — об общине и православии.

В первом приближении можно наметить те области, где расположены полюса мировоззрений: почвенники интересуются в основном идеальными, сакральными началами; западники — светскими, внеэлитными. Современные мировоззрения стыкуются хуже, чем старые славянофилы и старые западники; разногласия стали более острыми и принципиальными. Однако это не привело к консолидации двух полюсов спора; напротив, при росте остроты спора разнообразие позиций каждой из спорящих сторон увеличилось.

Поэтому важно хотя бы наметить те пункты, которые различают западников и почвенников. Для любой пары, находящейся в диалоге, такие пункты легко найдутся. Но в целом, относительно всех спорящих, очень трудно провести демаркационную линию, разграничивающую мировоззрения. При внимательном изучении каждая позиция оказывается оригинальной, крайние режки случая, когда несколько человек даже в отношении одной какой-либо проблемы занимают сходные позиции.

Чтобы описать веер позиций современного спора почвенников и западников, нам надо выделить крайние позиции, подлюса, напряжение между которыми и определяет реальное разнообразие мнений. Однако сделать это, воспроизвести логику принятия мировоззренческих решений на каждом из полюсов, мы можем, если введём некую совокупность понятий.

Понятия западные, среднеевропейские и русские

Казалось бы, естественно выбрать в качестве основных понятий, описывающих логику спора, самые ходовые в нём слова — «Европа», «духовность», «прогресс», «державность», «цивилизация», «Россия»... Но мы сразу обнаруживаем, что эти центральные понятия спора определены очень нечетко, что хорошо осознают сами участники (см. часть I). Действительно, вопросы терминологии в спорах между западниками и славянофилами занимают большое место. В самом деле, сотни и тысячи страниц посвящены обсуждению того, как плохо неопределённый рациональным образом духовность или соборность, или тому, как нехорошо некритически пользоваться понятием «прогресс» в качестве самоочевидного.

Надо заметить, что в последнее время Ю.С. Пивоваровым была высказана ещё более критическая — и в этом смысле пессимистическая — точка зрения. Он считает, что для каждой «цивилизации», «культурного круга», а в предложении к исследующим нас вопросам — к России и к Европе, — следует выработать свой круг понятий. Ю.С. Пивоваров говорит, что «история России» есть непереводаемый европеизм, такой оба-

сти знания существовать не может, поскольку все понятия истории, выработанные на европейском материале — нации и государство, революция и парламент, прогресс и станция, — неприменимы к русской действительности, которую должно изучать «россиеведение».

...Современная наука об обществе возникла на Западе и, вплоть естественно, оперирует понятиями, отражающими его реалии последних 400–500 лет: «капитал», «государство», «класс», «нация», «идеология». ... Ясно, что для иных, чем названные, субъектов такая форма рациональной авторефлексии не годится, не работает, искажает реальность. Первым шагом на пути к рациональной теоретической рефлексии конкретного некапиталистического типа должно быть определение системообразующего элемента данной системы, реального субъекта данной системы... В русской истории начиная с XVI в., а еще точнее — с ордынских времен, таким системообразующим элементом была Власть (Пивоваров, Фурсов, 1998а, с. 61–62).

У россиеведения должны быть свои понятия — не революция, а Смута, не парламент, а Дума, не государство, а Власть. Дело, конечно, не в замене слов; утверждается, что революция в России нет, а есть отчасти похожие явления, которые следует изучать отдельно, выявлять их закономерности и именовать смутами, чтобы не путать с европейскими реалиями.

Эту Власть нельзя редуцировать к государственности, как и русское понятие «правада» нередуцируемо к истине — слишком мелко (Пивоваров, Фурсов, 1998а, с. 62).

К сожалению, это методологически красивое заявление пока не подкреплено реальной расшифровкой «русских исторических терминов», нет и списка понятий, нуждающихся в такой расшифровке. Однако необходимость такого рода работы действительно велика и диктуется не пуризмом исторической методологии, а путаницей, царящей во вплоть реальной действительности.

Большое число участников нашей дискуссии подчеркивает, что основной вопрос заключается в том, как приспособить работающие на Западе социальные механизмы таким образом, чтобы они работали и в России (см. главу 3). Для этого, действительно, стоит изучить, как «одни и те же» понятия по-разному понимаются и используются, тем более, что это понятие, имеющее прямое отношение к нашему Диалогу. Сам «воздух» Диалога западников и славянофилов пропитан соотношением национальных понятий — в их столкновениях, непониманиях и неприязнях, союзах, соглашениях...

Попробуем взглянуть на особенности жизни одних и тех же понятий в разных культурных регионах. Например, при изучении американской литературы можно обнаружить, что свобода в американском понимании есть очень практичная вещь, вещь, нужная по хозяйству. К ней неприменимы высокие слова о долге и идеале — это пустопопорожня болтовня, а свобода есть вплоть практическое изобретение, используемое в определенных социальных, экономических и политических машинах: деталь, обладающая определенными свойствами. Не более и не менее — и потому неуместно к свободе «стремиться» и «разочаровываться», «жаждать» и «постигать» — ее надо сдать и использовать.

Совсем иное отношение к этому понятию развилось в Западной Европе. Здесь свобода действительно была идеалом, была тем, на что человек — или общество — должны смотреть снизу вверх, стремиться, не достигая, воплощать, не надеясь на окончательный успех. Здесь свобода — не деталь реально работающей социальной машины, а идеал, к которому эта социальная машина стремится. И еще иное отношение к свободе восточнее, в России.

Чтобы понять, что происходит с русской «свободой», обратимся сначала к более известному примеру. Часто утверждается, что европейская «истина» не равна русской «праваде»; в прилагательном переводе обычно говорится, что правда есть «истина + справедливость». Это верно — для перевода, чтобы примерно схватить не знающему реалии человеку, о чем идет речь. Кислород и водород дают новое качество, а не смесь, истина со справедливостью дают не «+», а правду.

В понятии «правада» к истине, представляющей собой нечто от человека не зависящее, существующее само по себе, добав-

дается нечто из области устройства общества; можно сказать — к истине добавляется право. Стоячки зрения европейца, это неправомерное смешение понятий, добавление к одной, вполне самостоятельной идее, другой, которая работает в совсем ином понятийном окружении. Для европейца право — это из области договоренности, взаимного соглашения. Для русского языка это необходимая составляющая правды. Европейец недоумевает, как можно быть настолько некрипичным, чтобы не заметить, что нельзя договориться об «истине в последней инстанции», ведь она по определению находится вне области человеческих договоров. Истины природы, истины «положения дела, которое мы застаем в объективном мире» не являются предметом договоренностей. Русская «правда» непостижимым образом утверждает, что «право» столь же фундаментально, как «природа»; образуются невозможный смысл — «правда», — который существует, хоть и невероятен.

То же самое происходит с идеей свободы. Европейская свобода в понятийном мире России почти не существует. То, что здесь существует, можно — опять же, крайне приближенно — описать как «волю». Воля = свобода + самопринуждение («вольный» и «волевой»). Характерно, что на русский европейская «свобода» переводится как «свобода от + свобода для», то есть для европейской свободы в русском нет термина — так же, как для русской свободы нет слова в Европе. Самопринуждение, упорство в достижении своей цели, способность преодолевать препятствия есть термин психологический или этический, есть нечто, что относится к интимной глубине человека, то, что у разных людей настолько варьируется, что вставать эту переменчивую и спорную область в общественное понятие свободы бессмысленно. А в русском дискурсе эти понятия — общественной свободы («простора») и внутренней воли («силы») — сливаются в одно значение.

Разумеется, эти значения слов не говорят о том, что в соответствующих обществах все устроено «согласно понятиям»: нельзя сказать, что в американском обществе нет свободы, раз в понятии свободы предусмотрено точное функциональное взаимодействие механизма; нельзя сказать, что вся система европейского общества непрерывно только и делает, что стремится к свободе, нельзя сказать, что в русской жизни уже имеется идеальное слияние свободы и самодисциплины. Различия в языке

указывают путь, которым «хотят» развиваться данные вещи, а не реальное, готовое состояние. Небольшой пример: обсуждение соотношения европейской «свободы» и русской «воли» имеет давнюю историю, об этом писали Бакунин, Бердяев, Федотов, Померанц... («Европейская свобода и русская воля» — Померанц, 1998, с. 487–501). И почти всегда утверждалось, что «свобода» — это европейское понятие, включающее и уважение к праву другого человека, а «воля» — разбой и беспредел, буйство желаний, не знающих удержу. Так философы обсуждали русскую волю, не упоминая об очень простом выражении: «сида воли». Смысл, очевидно содержащийся в русском слове, при анализе этого слова таинственным образом ускользал — и это ускользание не случайно. Смысл ускользал от прояснения, потому что в реальности России русский язык еще не до конца реализован, потому что в русской истории тораздо легче найти примеры волевого паттания, чем волевого упора (отличного от своеобразия деспотии). Но слово есть, и оно преобразует характеры людей и реальность истории. Преобразует — если успеет.

С большим количеством понятий, важных для построения американского и европейского общества, происходит подобная история. То, что на западе Европы и в Америке есть вполне практичное изобретение, деталь «общественной системы», в Средней Европе есть идеал, к которому данная общественная система стремится, а в России то же понятие существует с определенной «добавкой», вовлекающей в орбиту «чистого» европейского понятия нечто из другой сферы. Например, вопрос о том, что такое интеллектуалы (интеллектуалция) звучит для француза в виде «Существует ли интеллектуальная власть?» (Charle, 1990); в Средней Европе речь идет об образовании человека, его формировании, обретении им истинной формы (Bildung). В России же, помимо скопированного в Германии *образования* и во Франции *просвещения*, существует и древняя традиция выражения этого смысла — просветление личности есть *святость* (Савижииков, 2001, с. 31–55). Во Франции образование порождает науку, которая мыслится как государственная служба («служение науке приравнено к службе государству и служению Франции» — Charle Ch. 1995. — цит. по: Савижииков, 2001). Так образование и просвещение оказываются на западе Европы тесно связанными с функционально-

ванием общественного механизма, государственной машины. В Германии образуется научно-исследовательская парадигма, способ функционирования науки, основанный на принципах универсальности и свободы. Тем самым в Средней Европе «образованность» становится скорее идеалом, к которому стремятся отдельные личности, и в этом стремлении они образуют общественно значимый феномен — науку.

В России же образование приобретает расширительный смысл: «В понятии образования отразился средневековый онтологизм — ощущение устроенности, укорененности человека в определенном месте бытия, и в этом смысле калькирование с немецкого было узнанием «своего чужого». «Образование», как и *Vitium*, обозначает весть и процесс, и результат обучения, совокупность полученных знаний и в этом смысле имеет некий нюанс законченности, совершенности, отсутствующий во франко-английских *institution* и *education*» (Савижников, 2001, с. 47). К средневропейскому представлению о сформированном, образованном человеке в России приравнивается еще добавочный смысл «совести общества», «соль земли» (интеллигенция). Опять мы видим, как прагматичное западноевропейское понятие выступает в Средней Европе как идеал, а в России обогащается еще одним, дополнительным и как будто не связанным с основным пучком значений смыслом. Соответственно, в статье «Образованщина» Солженицын писал о смерти языковой оболочки понятия и необходимости нового слова, образованного «не от «понимать, знать», а от чего-то *духовного*».

Эту особенность развития понятий в разных культурных кругах ощущают славянофилы, иногда допуская, впрочем, неправильность в формулировке этой особенности. Славянофилы заметили, что то, что предстает человеку Средней Европы как некий идеал, найденный на вершинах интеллектуально-тождествения, для человека России выступает как нечто вполне свое, родное, едва ли не привычное и обыденное; то, до чего Европа старается дорасти, в России выступает как податливое, уже имеющееся в культуре и языке. Одним из результатов такого соотношения языка и культуры в России оказывается то, что построить богатую и интересную «философию русского слова» оказывается возможным (Вибихин, 2002; Колесов, 2002), а истории русской философии — от Шлегеля до Зеньковского — выглядят весьма бледно.

Однако было бы совершенно неверно делать отсюда вывод, что в реальном общественном устройстве России каким-то образом обогнала Европу, что ей нет необходимости ничему учиться и следует лишь вернуться к чему-то у нее имеющемуся. Это совсем не так; правильнее будет сказать, что устройство российского общества далеко не доразвилось до того, что уже присутствует в русском языке и культуре. Исходя из этой ситуации, возникают разные варианты. С одной стороны, *Россия имеет возможность учиться у Запада, усваивая свое*, выстраивать реализацию не под чужие идеальные конструкции, а под собственные импульсы, — но это не означает, что такое развитие и учение окажется чем-то легким. С другой стороны, возможна и такая постановка вопроса, что исходное устройство русской культуры позволяет ей развиваться из европейских импульсов, не обращаясь к заимствованиям из европейской культуры. Вне зависимости от того, каким будет решение этого вопроса — учиться у Запада (своему) или развиваться совсем самостоятельно, — следует выделить важный смысл таких сопоставлений: отношение языков и развития народов не одинаково. Скажем, французы находятся на уровне своего языка, они соразмерны идеям языка. Отношения русского народа с его языком не таковы: у нас язык «на вырост».

В чем же тогда проявляется это особенное отношение к подобным понятиям в России? Принято думать, что возможны два варианта. Либо все описанное является выдумками и фантазиями, не имеющими отношения к трезвым ценностям жизни вроде доллара и социального успеха, либо, если Россия и в самом деле стоит в особом (описанном выше) положении к европейским идеалам, надо указать, в чем эти идеалы в России овеществлены. Так, славянофилы (да и западники — см. раздел «Общинность и коллективизм» в 1-й части книги) указывали на общину как на «готовое» идеальное общество, на православие, как «готовую» идеальную форму вероисповедания и некоторые другие вещи, подтверждающие призрачность России уже в настоящем, в готовом и сложившемся варианте. Однако дело обстоит несколько иначе. Та особенная близость русской культуры к описанным проблемам, о которой говорилось выше, проявляется не в имеющихся социальных установлениях — следовало бы сказать, что вовсе не в них, а в самом факте происходящих дискуссий, того очень личного настроения,

в котором происходит обосуждение этих проблем в России. Так было в XIX веке, и то же можно наблюдать сейчас. Если попытаться найти что-то подобное таким дискуссиям на Западе, в Европе и Америке (Berlin, 1978; Gleason, 1980; Mendel, 1961; см. также The Russian Intelligentsia, 1961), можно убедиться, насколько отливается дух таких дискуссий, насколько он в России более личный, заинтересованный и горячий. На это можно сказать, что этого чрезвычайно мало, что заинтересованность на хуэб не намажешь, а реальная практика решения стоящих перед Россией вопросов показывает, что решаются они в России очень неуспешно. Это верно; но ведь и не утверждалось, что такое особое отношение к данным вопросам в России имеется. Насколько удачно она используется — это совсем другой вопрос.

Итак, проблема не только в том, что внутри спора западников и славянофилов четко не определены многие основные понятия. Дело усугубляется тем, что в разных культурах понятия имеют различные круги смыслов. «Кирпичики» высказываний — понятия — оказываются разнородными, так что даже внешне похожие суждения могут быть выстроены из принципиально разных «кирпичей». Чтобы справиться с этим многообразием, нам придется перейти от молвы к глаголу: к более общей точке зрения. Надо ввести некую ось координат, на которой размещаются входящие в столкновение системы взглядов.

Концепция развития: основные понятия

Попытаемся представить себе такую картину мира, в которой устойчивым элементом был бы сам спор западников и славянофилов, а не изолированная правота той или иной позиции. Для этого нам надо описать особым образом процесс исторического развития — так, чтобы мы увидели историю, истинно характеризующую и западниками, и славянофилами, представляющими крайние варианты точек зрения. Какие же принципы нам следует принять, чтобы воспроизвести реальность развития?

Из общей теории развития можно извлечь разные следствия, например свойство инерционности развития, описание преде-

лов развития и творческой активности системы, характер дес-табилизации системы, свойство направленности развития, адекватности структуры системы структуре среды, правило прогрессивного роста специализации, правило парадельности развития систем и другие. Однако для описания спора западников и славянофилов нам прежде всего необходимо представление о роли преемственности и новизны в развитии.

Для того чтобы говорить о развитии, мы должны предопределить два аспекта реальности: *новизну* и *преемственность*. Сначала охарактеризуем ситуацию, в которой превадирует новизна.

Броуновское движение дает нам ситуацию крайней новизны в отношении положения каждого объекта, вовлеченного в это движение. Здесь минимален элемент преемственности, и мы не называем эту ситуацию развитием. Минимальность преемственности проявляется в том, что любые сколь угодно близкие по координатам элементы с течением времени удаляются друг от друга. *Процесс, в котором система полностью теряет преемственность (память), называется абсолютным этигенезом.*

Теперь обратимся к противоположному полюсу. Устойчивое и неизменное существование без каких-либо изменений мы также не назовем развитием. Представим себе кристалл при температуре, равной абсолютному нулю. В этом случае преемственность (память) абсолютна, но ничего нового в этой системе не возникает. В системе ничего не меняется, время для нее остановилось. *Такой процесс называется абсолютной ифеформацией.* Преформацией также можно назвать выведение следствий из какой-либо совокупности аксиом, причем «выведение» мы берем в чисто логическом аспекте. Ясно, что в следствиях не содержится ничего, чего не было бы в исходных положениях. Преформация есть разворачивание чего-то уже готового.

Ситуации абсолютной преемственности и абсолютной новизны являются граничными для процессов развития. К развитию относятся только те процессы, в которых существует зависимость последующих состояний системы от предыдущих ее состояний, при этом последующие состояния не тождественны предыдущим. Все процессы, которые мы называем развитием, лежат между абсолютным этигенезом и абсолютной преформацией. Такое понимание развития существовало достаточ-

но давно, еще в XVIII веке, и развертывается сегодня в моде 1990-х, в термнологии неравновесной термодинамики.

Сохранение старого при постоянных изменениях есть общий закон всякого постоянного тела, состоящего из переходящих частей (Бёрк).

Сохранение общества вопреки энтропии объясняется одним — существованием однопорядковой антиэнтропийной силы, которая сдерживает дезорганизацию, повышает уровень организованности... Речь идет о способности общества воспроизводить собственные отношения, культуру, личность, способную воспроизводить себя и свою способность к воспроизводству. Пара «деструктивный энтропийный процесс — воспроизводственная способность» представляет исходную дуальную оппозицию, необходимую для объяснения сути общества (Ланарин, 1996, с. 322).

Итак, развитие происходит в интервале между пылью и кристаллом. Кажется, что это достаточно большой интервал. На самом деле — очень узкая тропка между бескрайней пустыней хаоса и хрустальной скалой абсолютно неизменного порядка. По этой узкой тропке меж хаосом и абсолютным порядком идут все развивающиеся системы; здесь можно встретить динозавров и мышей, папоротник и яблоню, разные языки и различные общества — и отдельных людей, которые тоже ведь развиваются. Все эти, совсем разные, системы идут по узкой дорожке развития.

Почти вся классическая наука выстроена на законах сохранения, в рамках которых феномену развития нет места: поскольку в развитии возникает нечто новое, оно не может описываться классическим естествознанием, классической наукой. Первой по времени научной теорией, описывающей эмпирически найденные закономерности процесса развития, является теория эволюции Дарвина. Первой точной теорией неклассического естествознания, допускающей феномен развития, стала теория неравновесной термодинамики Пригожина-Глансдорфа.

Законы сохранения относятся к тому аспекту материально-го мира, который описывается понятиями массы и энергии. Масса и энергия обладают свойством замкнутости: при замене

порции массы или энергии в любом процессе количественно эквивалентной порцией характер процесса не меняется. Законы становления имеют отношение к иным аспектам мира, наиболее известным понятием этого аспекта, вошедшим в науку, является понятие *информации* (мера разнообразия системы). К информации неприменимы законы сохранения; полностью утраченная информация не заменяема. Дело в том, что заменить информацию может только копия этой информации. Если мы будем все копии данной информации считать одной и той же информацией — с разницей на материальный носитель, — то полностью утраченная информация оказывается невозстановимой и в этом смысле незаменимой. Даже если сторонний наблюдатель, которого так любил Эйнштейн, если наблюдатель из иной вселенной может установить, что мы получили каким-то образом ту же самую утерянную ранее информацию, мы сами никаким образом не можем в этом убедиться. (Такое понимание можно вывести из трудов А.А. Дячунова (1980) и А.С. Раутиана (1988); короче об этом говорит В.В. Бибихин (2002): «Истина неразмножима»). Тот аспект мира, для описания которого требуется понятие информации, то есть аспект *структурности* мира в отличие от его массово-энергетического аспекта, и является миром, в котором происходит развитие.

Когда мы описываем процессы развития, весь привычный аппарат науки, опирающийся на законы сохранения, на массово-энергетический мир, — оказывается невозребованным. Обращаясь к процессам развития, мы попадаем в незнакомый науке мир нашей быденности, с которыми не имела дела классическая наука. В этом мире возможны смерть и рождение, существуют необратимые процессы, случаются также рождение и рост. Мир неустойчив — он развивается или тибнет.

То, что развивается, — элемент этого быденного неклассического мира, — принято называть системой. Систему можно описать как набор элементов и связей между ними. Устойчивый набор этих связей и элементов, обеспечивающий самопожизненность системы, мы называем структурой этой системы. Как с этим понятием соотносятся представления о преемственности и новизне? Структура в целом преемственна; собственно, до тех пор, пока мы опознаем характерные черты данной структуры, мы вообще можем говорить о том, что имеем дело с той же самой системой. Что касается новизны, то для того, чтобы стать зна-

чимой для системы, эта *новизна* должна быть *замощена* структурой. Незапомненная новизна, не оказавшая никакого влияния на структуру, не относится к данной системе, и о ней можно не говорить при обосновании развития системы.

Если система удалена от термодинамического равновесия, то для продолжения существования она должна обладать некой достаточной сложной структурой, не позволяющей ей скатиться к простейшему равновесному состоянию. С точки зрения сложной целостной структуры, обеспечивающей существование системы, любая *новизна есть поломка* (болезнь).

На первый взгляд, это положение контринтуитивно. Нам нужны новые идеи, новые свершения, — как это может быть вредным? Чтобы понять это, надо обратиться к центральному понятию теории развития — устойчивости. Существование системы во времени назovem *устойчивостью* данной системы. Тогда запоминание системой *новизны* приводит к необратимому и в этом смысле устойчивому изменению структуры системы. Устойчивость системы в процессе запоминания понижается, поскольку для усвоения порции новизны требуется перестроить часть (в пределе, в случае целостной системы, — все) связи системы. Пока новое устойчивое положение не найдено, система пребывает в менее устойчивом состоянии, нежели до усвоения новизны и после окончательного усвоения новизны. Поскольку устойчивость системы есть устойчивость ее существования во времени, снижение устойчивости есть шаг к *дестабилизации*, гибели данной системы. Любая порция новизны есть шаг к гибели системы.

Общество-субъект может существовать, лишь организуя деятельность таким образом, чтобы ограничивать рост дезорганизации, в идеале снижать ее. Общество, следовательно, выступает, с одной стороны, как сфера постоянных энтропийных процессов, постоянно находящаяся под угрозой разрушения и даже гибели, а с другой — как субъект творчества, способный воспроизводственными возможностями противостоять этому процессу (Панарин, 1996, с. 323).

Тем самым кажущаяся контринтуитивность «болезненной новизны» обретает иной облик. Болезнь — это ситуация, когда

для вас случается много нового. Организм, как может, защищается от новизны. У нас постоянная температура тела, и это хорошо — так нам удается меньше зависеть от температуры окружающей среды. Повышенная температура тела является в этом смысле новизной и служит симптомом заболевания. В обществе постоянные законы, и желательно не менять их слишком часто, иначе жизнь станет очень неудобной. Мы потому и ценим новые идеи, что подавляем *ценные* идеи, которые нам помогут. В самой идее новизны никакая ценность для системы не заложена, и потому новизна как таковая — это фактор, который разрушает систему.

Сложность многообразных проблем требует и соответствующей сложности ответов, что в свою очередь требует адекватной сложности теории. Обращает на себя внимание общий недостаток существующих теорий общества. В них слабо осознается, что поток конструктивных инноваций постоянно порождает несоответствие между культурой и сложившимися отношениями. Существенная инновация всегда нарушает соответствие между ними, что чревато ростом дезорганизации... (Панарин, 1996, с. 326).

При получении любой новизны (новой информации) система занята тем, чтобы выжить, вновь нарастить устойчивость, понижая усвоением этой новизны. Поэтому большие порции новизны система не может получать одновременно. Большие объемы новой информации могут быть усвоены сложной системой только «кусочками», в противном случае система гибнет.

Культура отвечает на дискомфорт внутренней перестройкой. Ее содержание зависит от важной характеристики культуры — шага новизны, — от способности ассимилировать или отторгать новшества определенного масштаба, типа (Панарин, 1996, с. 345).

Токвиль формулировал это положение в более частном виде: в отсутствие традиции свободы стране опасны быстрые реформы и изменения. Те же мысли высказывал Карамзин.

Требuem более мудрости охранительной, нежели творческой... Всякая новость в государственном порядке есть зло, к коeму надо прибегать только в необходимости... Для твердости бытия государственного безопаснее порабощать людей, нежели дать им не вовремя свободу (Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. 1811. Цит. по: Пивоваров, 1998, с. 159–161).

Так критически относятся развивающаяся система к новизне. Означает ли это, что другой полнос — памяти и преемственности — более безопасен? Устойчивый рост преемственности системы называется *специализацией*. В самом деле, для увеличения степени устойчивости системы требуется выработка особых механизмов. Каждый такой механизм, способ устройства системы, призванный повысить ее устойчивость, будет частной специализацией. При специализации растет память системы и инерционность ее развития, падает свобода выбора и изменчивость. В специализированном состоянии система могла бы сохранять ся сколь угодно долго, не повышая своего уровня организации, если бы не изменчивость. Изменчивость можно разделить на изменчивость самой системы (при воспроизводстве поколений, при замене элементов системы происходит нарушение) и изменчивость внешней среды, подкаивающей системы все новые задачи («вызовами»), для решения которых у нее может не оказаться готовых средств, а выработать новые решения такая система не способна. Надо заметить, что к этой «агрессивной» внешней среде относятся и продукты жизнедеятельности самой системы, так что даже абсолютная гомогенность и инертность внешней среды не является гарантией против появления «вызовов».

Из описанных основных свойств процесса развития — условия устойчивости, отношения к новизне и преемственности — вытекают несколько следствий. Эти следствия описаны для развивающихся систем самой разной природы — биологических, социальных, лингвистических, психических и т. д. Изоженный выше взгляд на развитие в отдельных чертах был неоднократно (в разных понятийных системах) высказан в рамках различных наук, изучающих процессы развития. Итак, развитие характеризуется следующими чертами. Любое развитие есть *балансировка*

между состоянием абсолютной преемственности и отсутствием новизны — и состоянием неустойчивости, дестабилизации и принятия все новых порций новизны.

Для того, чтобы понять, как вообще может существовать общество, сообщество, устойчивая связь между людьми, элементами культуры, эти явления должны быть осмыслены через оппозицию «воспроизводственная деятельность — дезорганизация субъекта» (Панарин, 1996, с. 325).

Важнейший момент воспроизводственной деятельности субъекта — поиск меры между воспроизводственной функцией субъекта, его важнейшими параметрами, с одной стороны, и дезорганизацией — с другой. Постоянный поиск меры в процессе изменения условий, средств и целей деятельности ее постоянной проблемой (Панарин, 1996, с. 326).

Поэтому эмпирически наблюдаемый процесс развития выглядит как в некотором отношении пульсирующий, прежде всего в нем отмечаются пульсации величины устойчивости системы. Пульсы отражают смену состояний системы с более устойчивых и преемственных на менее устойчивые и обогащенные новизной. Эти состояния несимметричны, как несимметричны любые отношения между жизнью и смертью. Состояния повышенной преемственности могут быть длительными, хотя в конечном счете неизбежно сменяются состояниями повышенной новизны.

Решение проблемы реформы следует искать в сфере способности субъекта воспроизводить себя взаимопроникновения ее полюсов (Панарин, 1996, с. 337).

Об этом в рамках гуманитарного знания писали Тьнянов и особенно Лотман («Культура и взрыв» и другие работы цикла). Обогащенные новизной состояния всегда кратковременны — система не терпит новизны, происходит ее дестабилизация. Краткость периодов восприятия новизны обусловлена этим

фундаментальным качеством новизны: она потому и новизна, что является чуждой для системы и для усвоения требует перестройки сложной системы связей. Усвоение новизны снижает устойчивость существования системы и приводит либо к гибели, либо к новому относительно дилеммальному состоянию со сниженной рецепцией новизны и повышенной преемственностью.

Объект — носитель воспроизводственной деятельности осваивает рассмотренную выше дуальную оппозицию, превращает реальное и потенциальное отношение внешних энтропийных процессов во внутреннее содержание сознания, (суб)культуры, воспроизводственной деятельности. Жизнеутверждающий воспроизводственный процесс характеризуется конструктивной напряженностью, т. е. некоторой нарабатанной ценностью насыщенной культурной программой, которая также осваивается соответствующим субъектом. Конструктивная напряженность — элемент воспроизводственного процесса — может рассматриваться как важнейшая категория общественной науки, несущая в себе ценностный вектор воспроизводства. ... Конструктивная напряженность является важнейшим элементом накопленного культурного богатства субъекта, необходимым элементом его культурной программы. Человек осваивает ее вместе с культурой, превращает ее во внутреннее содержание сознания и деятельности. Этот процесс приводит к тому, что преодоление дезорганизации свыше определенного для каждой культуры уровня становится внутренней напряженной проблемой, кровным делом, содержанием повседневной жизни (Панарин, 1996, с. 323).

Полярные модели общественного устройства. Специализация и интеграция

Итак, развитие есть способ существования сложной системы, удавленной от термодинамического равновесия; это непрерывная попытка выжить там, где выживание невозможно —

поскольку вся физика мира направлена на то, чтобы сложную систему привести в более простое состояние с высокой энтропией. Любая сложная система ведет борьбу за существование с основными физическими законами, и «бесконфликтным» такое существование быть не может. Представим себе концепцию «непрерывного развития» общества, которая утверждает бы, что система может все время усваивать все новую новизну. Такая концепция исходит из неосознаваемого предположения, что общество не является сложной системой, это — система диффузного типа (пыль) — только такая система может бесконечно воспринимать новизну: мы можем пересыпать пыль как угодно — это не помешает ей быть пылью. Обратной стороной такого утверждения является то, что данная система ничего не запоминает, то есть воспринимая новизна никак не складывается на законе композиции системы и в этом смысле ее нельзя называть воспринятой новизной. При попытке искреннего осуществления этой концепции (а XX век учит, что теории имеют силу и могут быть воплощены в жизнь) следует ожидать распада культурыного потенциала человечества и исчезновения всего того, что обычно ассоциируется с предположением о *Новой эра*. Концепция «непрерывного прогресса», будучи осуществленной, делает невозможным прогресс как таковой, поскольку все социальные системы будут разрушены вплоть до уровня, который минимально обеспечивает воспроизводство поколений. То есть концепция непрерывного усвоения новизны при искреннем, живом и последовательном проведении разрушает общество, действующее согласно этой концепции, и в этом смысле разрушает и сама себя. То же самое можно сказать о концепции принципиального не-развития, сохранения существующего. При искреннем и последовательном проведении этой концепции общество, ее придерживающийся, гибнет, задыхнувшись в своих выделениях, в не усваиваемых результатах своей деятельности (экономических, социальных, культурных etc.).

Итак, нормальное развитие протекает где-то между эпизодом и преформацией, между полюсом абсолютной новизны и абсолютным постоянством. В этих пределах система специализируется и учится устойчиво воспроизводить определенные параметры, но эта специализация не абсолютна, так что времени нами в систему проникает новизна, система изменяется.

Теперь остановимся чуть более подробно на вопросе, как «работает» специализация. На новые «вызовы» среды следуют ответы в рамках привычных специализаций системы. Каждая успешная реакция (ответ) такого рода усиливает имеющуюся специализацию. То есть при росте специализации растет устойчивость системы и увеличивается вероятность, что слабые «вызовы» получат ответ со стороны успешной специализации. Например, российское общество справилось со смутами и неурядицами посредством увеличения авторитета центральной власти, повышения жесткости управления. Это стало привычным ответом: если в обществе смута, государство должно навести порядок.

Серия успешно проведенных специализаций изменяет само устройство системы. С возрастом специализированности системы растет ее дифференциация на функциональные блоки, которые становятся все более независимыми. Части (блоки) системы, за счет которых осуществляется специализация, становятся все более отделенными от прочих частей. Получается, что, чем более специализирована система, чем успешнее отвечает она на воздействия среды, тем выше для этой системы вероятность распадаения на части. Тем самым, как это ни парадоксально, автономизация частей угрожает системе как целому, поэтому при росте успешной специализации система должна наращивать силу интегративных механизмов. То есть специализация и интеграция должны идти вместе в развивающейся системе. Чем в большей степени специализируются части — и потому становятся разными (дифференцироваными) и независимыми, тем в большей степени необходимо увеличивать степень взаимосвязанности и взаимозависимости частей. Вместе эти процессы — растущая степень специализации и интеграции — приводят к росту сложности и целостности системы. В процессе успешного функционирования у системы появляются все более специализированные «органы», которые теряют связь с целым. Поэтому с появлением специальных органов необходимо возрастание силы интегративных процессов. В случае, если интеграция отстает от специализации, система либо мертва, будучи составлена из все более механически функционирующих частей, либо разрушается, распадаясь на блоки.

Распад СССР можно рассматривать как ответ общества на собственную неспособность принимать сложные стабилизирующие решения в масштабе гигантского слабо интегрированного целого, как стихийную попытку общества в кризисной ситуации уменьшить свою сложность, отграничить принятие сложных решений масштабами каждой из бывших республик в отдельности (Панарин, 1996, с. 350).

Однако и ряд успешных ответов (реакций) на «вызовы» — интегрированных специализаций — не дает гарантии выживания системы. Специализация — даже доказавшая свою полезность — не является абсолютно безопасной стратегией. У специализации есть дефект: замыкаясь в избранном механизме ответов на среду, система теряет чувствительность к воздействиям иных типов и, когда подступает кризисное воздействие принципиально иной природы, нежели избранная системой специализация, оказывается беспомощной против этого воздействия.

Чем более успешными становятся действия того или иного института в борьбе с некоторыми типами кризисов, тем менее способным он оказывается разумно и эффективно реагировать на кризисы иного, еще неизвестного вида (З. Бауман, 2002, с. 173).

Так, в России наиболее развитой институтом в сфере права — государство. В 1880-х Катков и его единомышленники видели выражение души и характера русского народа в государстве: в 1900-х авторы «Вех» пришли к подобному выводу; в 1990-х А.И. Фурсов и Ю.С. Пивоваров (и некоторые другие исследователи) приходят к близкой позиции (говоря о том, что системобразующим элементом в русской истории была Власть, хотя Власть в системе понятий Пивоварова и Фурсова — вовсе не точный синоним Государства). Государство — это специализация России. Когда система вырабатывает некую специализацию, она стремится на все воздействия среды (в том числе кризисные) отвечать механизмом, соответствующим ее специализации. В ответ на любые воздействия — экономические, военные, культурные и т. д. — Россия стремится отвечать механизмами государственной власти, в то же время укрепляя, увеличивая роль государства в обществе.

Для правильного понимания этого тезиса важно отметить, что отсюда не следует, будто государство в России непременно лучше, чем в других странах, что это государство по абсолютной силе очень развито. Тезис о специализации России в отношении государства говорит лишь о том, что другие российские специализации слабее, чем государственная. Отсюда не следует неперемногого сходства с сильными европейскими государственностями. Речь идет об относительной силе государственной сферы внутри России по сравнению с другими сферами общественной жизни. «Привычка» *Русской Системы* (термин Ю.С. Пивоварова) реагировать на внешние воздействия «по линии государства» не является лучшей стратегией выживания, это лишь глубоко зашедшая специализация, мешающая адекватному восприятию новизны.

Восприятие новизны

Итак, мы в самых общих словах описали развитие системы. Оказывается, не существует одной выгрышной стратегии устойчивого существования. Стратегии приходится менять, приходится пробовать, придумывать, творить... Какую бы одну определенную стратегию мы ни выбрали, в ней обнаружатся роковые недостатки. Значит, нам надо понять. Как система воспринимает новизну, как она учится.

Совокупность устойчивых связей системы образует некоторый *архетип* (структуру), характеризующий систему. Воспринятая новизна сначала лишь слабо связана с другими элементами системы, не входит в архетип, образуя *стиль* — по-верхностную «окраску» системы. Со временем элементы стиля все прочнее связываются с архетипом, «прокрашивают» его; стиль переходит в архетип. Во все большем количестве взаимодействий со средой стилистические и архетипические элементы выступают как единое целое. Со временем оказывается, что разница в устойчивости связей пропала, стиль слился с архетипом. Новые воздействия на систему к этому времени образуют на ее поверхности новый слой стилистических элементов. Например, картофель был в XVII веке «новой едой», против которой протестовало традиционное общество, а в XX веке

новой едой является «бигмак», ревнигеи же старинны вряд ли смогут указать с точностью, чем питались на Руси до XVIII века. Картошка стала традиционной и более не вызывает нареканий. В этом смысле, с точки зрения усвоенной новизны, система напоминает «Луковницу»: сверху лежат все более рыхлые и слабо связанные слои, затем слои становятся все плотнее, связываясь в целое.

Россия — луковница. Цельность луковницы — это единство *всех* ее слоев. Каждая попытка отбросить что-то как наносное (или устаревшее) разрушает целое (Померанц, 1998. Вокруг предвечной башни. С. 538).

Взаимодействие новых западных заимствований с традиционными структурами России происходило путем наслаивания первых на вторые. То есть некоторый пласт заимствований обосновывался в России, постепенно «приживался» и начинал раскалываться как нечто свое, традиционное — особенно по сравнению с новым, поспевшим пластом. Тем самым российская традиция во многом напоминает «луковницу», в которой более глубокие слои представляют собой наиболее старые заимствования.

Это очень упрощенный взгляд, который можно приблизить к действительности, указав на следующие моменты. Все слои существуют одновременно, они не уходят в прошлое, а встречаются и сталкиваются между собой в современности. Эти слои частично разнесены по разным регионам и разным группам населения, но в основном представляются все вместе в одном сознании «среднего россиянина». Поэтому «слоеный пирог» мировоззрений и принципов проявляется как в общественном, так и в личном мировоззрении. (Сходные мысли высказывались уже давно, родилась даже концепция «анахронистического общества», которую выдвинул Филлип Хаузер в 1963 году.)

Слои заимствований, живые сейчас и вполне идеологически активные, не просто сосуществуют, а реагируют друг на друга. При возникновении нового пласта заимствований выясняется, что заимствования эти попадают в совершенно новое для них окружение, они сталкиваются с системой идей, никогда не окружавшей их в европейском сознании, — и видоизменяют...

ся, реализуя на это новое окружение. Если мы обозначим этот последний слой заимствований как «новая Россия», то прежде всего она создает образ «антиРоссии» — то есть традиции. Это не собственно тот субстрат идей, который встретила «новая Россия», а специально выстроенный образ. Борис Андреевич Успенский (Успенский, 2001) приводит красивый пример: строительство Петербурга в России было запрещено возводить каменные здания. Новая Россия, олицетворяемая Петербургом, противопоставляется царем-основателем не просто наличной России, но именно образу «деревянной Руси», специально сделанному для наилучшего сопоставления с Петербургом и новой Россией. Обратим внимание, какие символические (семиотические) изменения следуют за модернизацией: в России возникает новый, «западный», каменный город — Петербург; он контрастирует с другими городами и, чтобы *подчеркнуть* этот контраст, происходит переформулирование того, что уже имеется, и прежняя Россия объявляется деревянной; чтобы объективировать назначенное семиотическое отличие, специальным административным решением запрещается строить каменные здания везде, кроме Петербурга. Можно видеть, как модернизация переформулирует традицию — для наилучшего, наиболее для себя выгодного отличия от нее.

И это лишь одна сторона медали. Новая Россия создает антиРоссию, но и Россия не остается в долгу, создавая образ антиновой России, развратной, суматошной и неважительной. Существуют новый пласт заимствований и традиции, а также их образы друг друга. Поскольку традиция неоднородна, состоит из различных слоев, то такие взаимодействия возникают меж самыми разными слоями, так что иногда в схватке сходится не «последний, самоновейший пласт» и «вся традиция», а, скажем, все новации вместе — против чуть не Киевской Руси. Далее, культура не мозаика, кое-какие шпильки и сопоставления все-таки забываются, сплавляются в единое целое, отчего возникает традиция — разной глубины для разных вопросов, способная реализовать как единое целое, и тогда процесс восприятия нового хоть немного упрощается. И все же в прошлом на сайте «Дискурс» диалог можно видеть, как складывается — и не обязательно в споре разных людей, а иногда и в одном человеке — Московская Русь с Советской страной, Русская земля сражается с имперской Россией, демократичес-

кая Россия берет в союзники то «Гретьи Рим», то «Петербург», а то и вовсе «Господи Великий Новгород» — есть и у нас демократическая традиция, а как же.

Слав и взаимодействия заимствований приводят к самым разнообразным сочетаниям. Вот пример Б. Успенского: художественная литература в Европе не носит учительного характера, она занимается в культуре иную нишу; русская литература XIX века, несомненно, есть результат серии заимствований от западноевропейских литератур; при этом она носит учительный характер, учит человека выбирать в борьбе Добро и Зло; эта учительность унаследована от древнерусской литературы, которая не была «художественной», но была прежде всего учительной. Любое, сколь угодно точное следование европейским образцам дает не «простое подражание», а по крайней мере собственную «манеру» — потому что оказывается в ином контексте, иной структуре читательских ожиданий. В секуляризирующемся обществе XIX века церковная культура отходит на задний план — и художественная литература, светская «по определению», оказывается в роли «учительницы жизни». И при этом она подражает западноевропейскому реализму, тому самому, что возник как результат поисков сверхэзотики: читатель, утомянный романтическими пиратами и красочными туземцами южных морей (которыми была пересыщена литература начала-середины XIX века), с удовольствием развлекаясь, пролистывая картинки жизни французских крестьян (сходные мысли о развитии литературных стилей можно найти у Э. Ауэрбаха, 1976, с. 495–497 и след.). Ясно, что русский реализм, «списанный» с французского, оказывается совершенно иным эстетическим явлением. Это невозможное сочетание «эзотического» стиля — реализма, — заимствованного из Европы, с традиционной ролью литературы в русской жизни есть лишь одна из многих иллюстраций сдвигания в культуре традиций и новизны.

Можно обратить внимание и еще на одну сторону медали. Как мы только что говорили, историческое прошлое и настоящее живут одновременно. Если мы уедем из Москвы и поищем, то легко найдем в России места, где еще не наступил 1991 год, где еще живут при социализме. Если поискать, можно найти и такие места, где еще не было 1917 года, где живут, по сути, в царской России. Гораздо реже встречаются, но все еще есть, люди,

для которых еще не наступило время Владимира Красно Солнышко, не произошла христианизация Руси. Все они живут в XXI веке.

Одновременны прошлое и настоящее — но так же сосуществуют бывшее и несбывшееся. Было бы очень большим упрощением думать, что некий исторический вариант либо осуществился, либо нет. Могли существовать, например, Россия без революции 1917 года, Европа без фашизма, та Европа, что совсем иначе развивалась с первой трети XIX века. И в этой неосуществленной Европе и России жили бы люди, совсем обычные, «средние», не тени и не пророки, которые бы, однако, отличались от людей осуществившейся истории. Того варианта истории, той Европы и той России нет, а вот люди, которые произошли от незавершенных рядов причин и для неосуществленных целей, — такие люди есть и живут среди нас, люди из «кальдернативного мира». Происходит это потому, что некоторые ряды причинности не осуществились в качестве общественно-значимого варианта, но все же смогли определить частные судьбы.

Таких людей не так много, все-таки большинство из нас принадлежит своему времени, и все же, все же... Иногда мы встречаемся с людьми, о которых можно не просто спросить себя, как такой человек мог появиться среди нас, но даже попробовать выстроить, реконструировать целый мир, в котором могла бы естественно развиваться такая личность. Биография такого человека подобна карте «тайственного острова», старой карте, где обозначены лишь немногие детали, и все ж пытливым ум может восстановить абрис береговой линии.

Такое сложное взаимодействие новизны и традиции типологически нормально, это можно найти в любой истории. Однако размер имеет значение, и масштабы новизны, подпадаемые российской историей, придают ей новые качества, которых многие ныне «истории» не знают.

Это, во-первых, огромная глубина памяти культуры. Владимир Соловьев объяснял, что в России до сих пор жива та языческая «покладака», на которую при Владимире Красно Солнышко легко христианство. Живая языческая традиция, по исследованиям антропологов, существовала до конца XIX века, сейчас она несколько поблекла и выветрилась, но это — не глубокий архаизм, а вчерашний день нашей культуры. Для XIII ве-

ка указан славянский обычай топить старуху в водоеме близ села (Большаков, 1997). В XIII веке в Галицкой земле функционировали языческие святилища, совершались массовые человеческие жертвоприношения (Русанова, Тимошук, 1998). То самое язычество жгло чуть не до революции. Что говорить о таких недавних событиях, как Орда да Москва, Петербург и Советы? Они живы, еще как — нас переживут.

Во-вторых, эта глубина памяти умеряется беспамятством. Парадокса здесь нет, а есть разные смыслы одного слова. Если смотреть «со стороны», внешне и объективно, то культура наша имеет чрезвычайно глубокую память — потому, что при некоторой образovanности и усидчивости в ней можно найти эти глубокие слои. Но сама память культуры выражена не слышком сильно: помнить способны только целостные устойчивые структуры. Только в том, что сопротивляется новизне, выстает под ее натиском, способны сохраниться следы последователей прошлых пришествий новизны. Структурная выраженность и оформленность не являются сильными чертами русской культуры. И потому помнится многое, но несвязно и несознано, не столько память, сколько ассоциации, не столько сознание себя-в-прошлом, сколько действия под влиянием импульсов, корни которых неясны. Целостность культуры недостаточна, чтобы память стала сознательной.

Поясним это Авоиственное отношение к глубине памяти примером В.В. Библихина. Он говорит о глубинном термине философии, преческом *иусе* (уме).

В самом Древнереческом языке это прошлое слова было забыто, и только наш язык, если можно так сказать, еще помнит, что высокое философское *иус* восходит к нюху, чутью (Библихин, 2002, с. 89).

Что, в самом деле русский язык помнит этот корень тверже, чем Древнереческий? С одной стороны, — помнит, но сколько из носителей русского языка владеют этой памятью? Получается, культура и язык помнят нечто древнее и мудрое, но памятью этой владеют далеко не все, говорящие на этом языке.

Далее, надо сказать, что привыкнуть к новизне невозможно. Если к чему-то новому образуются привычка, значит, эта новизна не радикальна. Но России пришлось сталкиваться с

таким количеством радикальных новаций, что не то что привычка, но некое такое приспособление все же возникло. Социальная система принципиально двухуровневна — даже при самом грубом рассмотрении. Есть уровень социальных институтов и реакций социума как целого, а есть уровень личных приспособлений к данной социальной среде. Неустойчивостью отличается прежде всего российская социальная система, вынужденная жить под непрерывным бременем все новых волн модернизации, и островами устойчивости начинают служить более целостные единицы — личные мировоззрения. Можно сказать следующим образом: в более устойчивых и гармонично развивающихся обществах часть новизны можно возложить на социальные механизмы; можно ожидать, что системы законодательная и судебная, властная и финансовая, литература и театр смогут ассимилировать некоторую часть новизны. В России же большая доля такой ассимиляции остается для личного творчества граждан. Отсюда возникает тот удивительный сплав, который именуется то русской общинностью, то русской неспособностью к совместной работе. Разнообразные люди в России оказываются больше, чем в тех, ранее упомянутых и блаторазумно не названных «гармоничных странах» (при комичестве бытующих у нас мифов — что нам еще один концепт...). Наша общинность оказывается антонимом организованности и эффективности (см. подбор высказываний в разделе «Общинность и коллективизм», т. 2, ч. 1). Ее цель — не в достижении максимально большого «продаукта» в единицу времени, а в выживании там, где организованный, эффективный, сложный и специализированный система разрушится. Умение организовывать совместную работу надо учиться, и нужно некоторое постоянство, некоторое спокойное время, пригодное для такого обучения. Если же времени выучиться нет, поскольку все выученное чуть не сразу оказывается не нужным в изменившемся очередном раз мире, специализированные умения замещаются общественными адаптациями общего значения — умениями группой как целого выжить, не приобредая пагубной в изменяющейся среде специализации и организации. Это отсутствие специализации имеет следствием меньшую стандартизованность людей. В совсем недифференцированном обществе у нас не было бы стандартизации и в то же время мы встретили бы однообразие неразвитых личностей. Однако Рос-

сия давно уже не является примитивной страной с недифференцированной культурой; напротив, историческая память очень глубока, традиции разнообразны и не нивелированы. Такие нестандартизованные традиции порождают очень разнообразные люди, которые и ассимилируют за счет личных мировоззрений сваливающуюся на общество новизну.

Описанная выше «луковичная» модель (состоящая из слоев жакши Арут на Аруте пластов новизны) относится и к спору западников и почвенников. При каждом крупном восприятии новизны образуются свои западники и свои почвенники. Для почвенников нового уровня прежние новации являются уже традиционными и они считают прежде противостоющее западников и почвенников несущественным. А доживающие свой век почвенники прежнего поколения считают «молодых» почвенников западниками, поскольку «молодые» приняли некий прошлый набор новаций. Тем самым в одно время слово «западники» означает разное в устах людей, придерживающихся традиционности «разного уровня».

Наиболее взвешенная и усредненная позиция на современном этапе спора западников и почвенников проговорена многими участниками нашего форума. Она сводится к тому, что спору нет места: русские уже европейцы, Россия есть Европа, спор идет внутри одной культуры, между менее образованными и более образованными людьми. Кто в университете обучался, есть русский европеец, кто невыученным остался — природный русак, а кто сподобился Пажеский корпус завершить — тот Митрич. Эта позиция верна и неверна, как всякое «среднее». Образование у нас, конечно, европейское, науки и искусства европейские, иных нет. Но мы видели, что перенесение «европейской литературы» в контекст иной культуры сразу создает новизну и особенность. И потому «русские европейцы» — несмотря на хвалу и хвалу — не могут избавиться от прилагательного, назойливо подчеркивающего их специфичность. И потому рождается концепция «Другой Европы»: есть Европа (настоящая) и есть Азия, а есть мы, нам важно подчеркнуть, что мы в Европе, и мы не можем не видеть, что не в той. Это игра словами: за любыми ярлыками и любыми решениями (не-Запад, Другая Европа, Евразия и т. д.) прорастает все та же старая проблема, решаемая западниками, славянофилами, европайцами и друтоевропайцами.

Стратегия развития

Часть 2. Предсказания

Не раз замечено, что славянофилы не в меньшей степени результат западного влияния, чем западники. Не раз сказано, что западники — люди русской культуры. Славянофил Шишков призывал на словах к традиции, на деле — к новации, ибо «мокрошуглы» есть для языка новизна никак не меньшая, чем «кадоши». Западник Карамзин был одним из тех, кто создал тот «могучий и свободный», который мы сейчас привычно кадемчим в приступе новых заимствований и распада старой нормы. Констатации вроде «русского европеица» позволяют увидеть в собеседнике Арута, но не помогают решить проблему. Почти любому течению в русской культуре могут быть найдены корни на Западе; ни одно не является «только западным», у каждого есть «наша окраска».

Россия — первая незападная страна, осуществившая успешную модернизацию, величайший успех и надежда западников. Россия — страна, где модернизация (её а не) потеряла крах, величайшее преудпреждение западничеству. Проблемы соотношения «передовой, глобальной, прогрессивной» культуры и реально существующего человечества — разнообразно-традиционного и новаторски-неглобального — стоят в России крайне остро. Эта проблема менее остра для Европы — там новизна «своя»; она менее остра для «Азии» — здесь имеют более прочные традиции, а европейская культура в Азии смотрится настолько чуждой, что спугать её со своей нет никакой возможности. А русская культура в течение веков старается выработать в себе способность воспринимать «западное влияние», не умирая при этом. Восприятие новизны есть путь к смерти; неприятные новизны — тоже. Поиск «баданса» и моста тонше волоса меж двумя смертями — это и есть та задача, которую пытаются решить в России. Человечество должно научиться развиваться, и потому «частное решение» этой проблемы до-рогого стоит.

Понимая, что мы берём ознакомились с общим соотношением полнотей, возникающих в связи с понятием «развития», надо конкретнее обрисовать эти полуса, как они отразились в западничестве и по-чвенничестве. Крайний тип позиции западничества (обозначаемый некоторыми участниками дискуссии как «американизм») состоит в указании на возможность непрерывного прогресса, непрерывного роста избранных показателей социальной системы, богатства и т. д. Утверждается, что в Западной Европе (а затем в Америке) удалось построить такой тип общества, который гарантирует этот непрерывный прогресс.

В этой концепции кризисы полагаются явлением частным и происходящим по достаточно случайным причинам. Считается, что при должной осмотрительности кризисов развития в принципе можно избежать, — или, скажем, утверждается, что данный тип общества гарантированно способен справиться с любыми частными кризисами. Понятие прогресса полагается внутренне непротиворечивым, и потому в качестве желательного варианта развития выступает непрерывный прогресс. Эта концепция существовала в Европе в XIX веке, была выита из сознания европейцев Первой, а потом Второй мировыми войнами. Однако в провинциальных кругах цивилизации, обладающих в принципе небольшой памятью (в силу более простого структурного устройства — память «негде хранить»), эта концепция еще существует как реликт умонастроения XIX века. Для США и многих деятелей России и Европы XX век прошел незамеченным. В своем крайнем выражении эта точка зрения встречается нечасто, и ниже мы постараемся объяснить это.

Стратегия развития: крайнее западничество

Концепция непрерывного развития противоречит основным законам существования системного объекта, в ней игнорирует-

ся несколько важнейших факторов: значительная непредсказуемость действий внешней среды на систему; возможность для любой системы уникального исторического опыта, то есть столкновения с принципиально новой. Эта концепция отрицает взаимопротиворечивость устройства любой сложной системы. Дело в том, что любой кризис развития в конечном счете есть результат противоречивости внутреннего устройства, а внешние воздействия суть лишь повод, проявляющий внутренне противоречия. Концепция игнорирует субъективный и относительный характер самого понятия прогресса, ведь прогресс по любому избранному показателю есть регресс в иных показателях. Это следствие закона Эшби об оптимизации сложной системы. Понятие прогресса является вторичным и субъективным приложением понятия «развитие»; прогресс — это удачные нам и нас интересующие фрагменты (аспекты) развития, которое в целом является процессом, связанным с кризисами и качественными перестройками основополагающих характеристик развивающейся системы. Помимо этого, концепция крайнего западничества игнорирует новизну, возникающую при воспроизводстве системы: новые поколения могут оказаться уже «не-Европой» и «не-американцами», хотя и будут составлять население Европы и Америки.

Из концепции крайнего западничества с необходимостью следует, что западные страны, отличающиеся по типу общественного устройства, имеют выбор: либо отказаться от всего набора желательных благ, либо перестроить свое общество по западному типу. Отсюда возникает представление о европеизации мира, о вестернизации, о модернизации — как синонимичный ряд понятий. Отличия здесь в деталях — теория модернизации, понимая как развитие теории вестернизации, указывает на обратное влияние на Запад со стороны подвергавшихся вестернизирующему воздействию иных обществ и предполагает несколько возможных путей приближения к западному типу вместо одного. С точки зрения основной позиции данного мировоззрения это несущественные детали, описывающие технику перестройки общества.

Представителей этого крайнего типа западничества достаточно трудно найти, и это совершенно не случайный факт. Данное мировоззрение может быть отнесено к полюсу крайней новизны, к эпитенезу. В нем предполагается, что западное об-

щество способно непрерывно усваивать новизну. Под новизной в данном случае разумнее всего податать новизну, происходящую от самой жизнедеятельности системы. Новые технологии и результаты их взаимодействия, новые социальные типы и социальные блоки, новые экономические, экологические и демографические условия — все это, согласно идеологии крайнего западничества, равно успешно может быть усвоено Западом благодаря особенностям его строения.

Таких систем, как «Запад», описываемый в этой концепции, не может быть, и потому крайнее западничество не реалистично. «Запад» здесь — выдуманный конструкт, основанный на абсолютизации некоторого ряда фактов при игнорировании других фактов.

Сильной стороной западничества является указание на особенность структуры социальной системы, связанные с усвоением новизны, на приспособления общего значения, полезные при почти любых встречающихся задачах. Представление об «адаптациях обществу значения» разработано в биологии и включает, например, возрастающую в эволюции роль нервной системы и ее прогрессивное развитие. Для решения очень многих задач полезно иметь сложное поведение, почти в любой ситуации полезно хорошо представлять себе окружающий мир и иметь несколько вариантов ответа. Другая адаптация общего значения у живых организмов — рост автономности от среды (постоянная температура тела). Для решения многих задач оказывается полезным иметь регуляторы, которые демпфируют изменения среды, так что система существенным образом не изменяется, хотя окружающая среда существенно варьирует.

Когда западники указывают на выгоды западного пути развития, они обращают внимание на эти адаптации общего значения, которые изобрел Запад и которые предлагается воспринять другим цивилизациям. На Западе разработан даже кодекс прогрессивной общечеловеческой цивилизации, состоящий, ясное дело, из 10 заповедей (по Уткину, 2001а, с. 185):

1. Ориентация не на прошлое, а на будущее.
2. Работа и достижения — условия хорошей жизни.
3. Бережливость как основа накопления первоначального капитала и инвестиций.
4. Образование как ключ к прогрессу.

5. Личные достоинства (а не семейно-клановые связи) как ключ к продвижению по социальной лестнице.
6. Доверие к людям за пределами семейно-кланового круга.
7. Строгая общественная этика.
8. Справедливость и правила честной игры в отношении всех окружающих.
9. Горизонтальное (в пику вертикальному) построение системы власти.
10. Секуляризм.

Сильные пункты позиции западничества, как это свойственно силе, имеют ахиллесову пяту. В частности, можно показать противоречивость этой системы. В целом эта программа подразумевает высокую этику — но без основы для такой этики. Более того, в противоречие с развитием такой этической основы вступает требование секуляризма. Неясно, на чем основывается ценность культуры в обществе, культуру всеерьез не развивающем.

Спор западников и славянофилов на первом уровне, то есть сопоставление Запада и отдаленной страны — России, со стороны крайнего западничества может быть описан как «вестернизация». Россия, утопаясь Западу, вестернируется, чем приближается к идеалу общественного развития. С точки зрения крайнего западничества на этом пути нет тупиков. С точки зрения данной концепции трудности могут возникнуть только из-за несознательности некоторых слоев общества, а общество в целом всегда готово воспринять цивилизацию Запада — потому что она лучше. На втором уровне спора возникает несколько иная схема, и появляются свои западники и повенники, спорящие уже о «модернизации». Здесь опыт России признается не единственным, проясняется сравнение разных опробованных путей вхождения в Запад, допускается возможность изменения самого Запада в процессе модернизации западных стран.

Запад выступает как регион, в котором впервые развились несколько чрезвычайно ценных социальных механизмов, оканчивающихся полезными при почти любом типе общественно-устройства. Это, так сказать, «адаптации общесо-знания», приспособления широкого профиля. В теории эволюции, например, известно «правило цефализации» — на протяжении

эволюции головной отдел и головной мозг почти во всех эволюционных стволах увеличиваются. Почти во всех случаях для животного оказывается полезно обладать развитыми органами чувств, сложной нервной системой и сложным поведением. Такие вещи часто приождаются. Так и в эволюции социальных систем, по излагаемой модели общественного развития, появились «общие адаптации»: демократия, рынок. Вспомнив недавнее прошлое, можно добавить: всеобщая воинская повинность, разделение властей, отделение церкви от государства, судебные реформы и т. п.

Итак, Запад разработал несколько «адаптаций общего знания» для социальных систем. Усвоение их действительно крайне выгодно любым обществам, это повышает вероятность их выживания. Правда и то, что при усвоении этих общепознанных инструментов происходят определенные потери — поскольку невозможно приобрести, не потеряв. Правда, что усвоившие эти общие приспособления общества до некоторой степени становятся похожими друг на друга и на западные общества. Что же тогда неправда? Неправда, что приобретение таких адаптаций гарантирует успех во всех случаях жизни. Такие приспособления увеличивают вероятность выживания, но и то с большими оговорками. Неправда, что усвоение таких приспособлений делает общества западными, тождественными Западу. Индивидуальность путей развития и структуры выборов, лежащих перед развивающейся системой, сохраняется; общим является лишь то, что структура выборов лежит на новом, общем для всех таких стран уровне развития. «Запад» — не линия развития, предопределяющая раз навсегда историю вошедших в него систем, а уровень развития, определяющий энергичность и масштаб индивидуальных решений.

Кажущееся сходство стран, идущих по «западному пути», объясняется двумя причинами. Первая — генетическая и культурная близость стран Европы. Вторая причина описывается чуть сложнее. Системы, находящиеся на более высоком уровне развития, представляются сходными при взгляде с более низкого уровня, подобно тому, как для человека опустившегося все «образованные» на одно лицо («взгляд из канавы»: «а еще галстук надел, в очках»). Но фактом является также то, что разнообразие образованных больше, чем разнообразие опустившихся. При подъеме на новый уровень развития возникает

ют новые пласты выборов, открытых для более низких уровней, поэтому индивидуальность и особенность систем при повышении уровня развития растет, а не падает. Тем самым следует ожидать, что страны, выбравшие «западный путь», будут в большей степени не похожи друг на друга, чем оставшиеся на более низком не-западном уровне.

Это соотношение разнообразий более высокого и более низкого уровня организацией описывается в литературе как «закон иерархических компенсаций», или «закон Седова» (Назаретян, 2001; Седов, 1988). Кратко этот закон формулируется следующим образом: в сложной иерархически организованной системе рост разнообразия на верхнем уровне обеспечивается ограничением разнообразия на преобладающих уровнях, и наоборот, рост разнообразия на нижнем уровне разрушает верхний уровень организации.

Помимо этого, можно обратить внимание и еще на одну черту западничества. Обычно западничество критикует за приверженность идеологии прогресса, за безоглядное и поспешное движение *viewed*. Но есть и другая сторона дела. Идеал превосходства «западного мира», со всеми сопровождающими образами — демократии, свободы и т. д., — устроен таким образом, что он призывает все незападные страны идти в *идеологие* — в прошлое Европы. Утверждается, что надо пройти путь западных стран (как иногда соглашаются, в сокращенном варианте) и тогда откроется путь к современным достижениям Запада. Западная идеология протрещала в действительности призывает весь мир оглянуться назад, посмотреть на развитие Запада в XVII, XVIII, XIX веках и двинуться в это прошлое мира. Однако дороги времени имеют ту особенность, что они не всегда проходимы. Пройти дорогой XVIII и XIX веков в XXI век нельзя — этой дороги уже нет.

Является ли изложенное критикой западничества как мировоззрения? Да, это критика крайнего западничества. Является ли это критикой взглядов западников? Нет, поскольку почти все реальные западники прекрасно создавали эти проблемы и выстраивали свои мировоззрения с учетом недостатков той полноты, которую мы обозначили как «крайнее западничество». Недаром ярких западников мы знаем много меньше, чем почвенников. Велинский... Уже Герцена однозначно к западникам не припишешь. Грановский... Потом будет,

например, Боборыкин, щедро раздававший обвинения в антизападничестве и антиинтеллектуализме (Боборыкин, 1904). Но кто может похвастаться тем, что плотно читал Боборыкина? Конечно, это не означает, что «средний западник» бесталаннее «среднего славнофила». Скорее, это нарек на обстоятельность, к которому мы обратимся чуть ниже, — баланс смещен к одному из полюсов (на уровне личных мировоззрений) (подробнее см. раздел «Баланс со смещенным центром тяжести» в этой главе).

Стратегия развития: крайнее почвенничество

Крайний тип позиции почвенничества соответствует полному неизменности, крайнему преформизму. Утверждается, что развитие есть развертывание презаданных зачатков, что из некоторых более общих соображений (например, православных, или «византийских», или «исконно славянских») вытекают общие закономерности развития страны на все времена. Развитие России есть овеществление, разворачивание этих неизменных зачатков. С точки зрения преформизма новизна в развитии предстает только как гибель и уродство. Последовательную преформулу отстаивает ту точку зрения, что развивающуюся систему можно истребить, можно искалечить, но ничего позитивного внешне воздействие, приходящая новизна дать не в состоянии. Надежда, что случайное по отношению к внутреннему устройству системы новое качество приведет к чему-то большому, подобно тому, как если бы мы надеялись, что брошенный с силой об стену будильник соберется после удара в часы с кукушкой. С преформистской точки зрения развитие России идеально, поскольку и насколько соответствует ее внутренним, заранее заложенным в ней потенциалам, и катастрофично, поскольку и насколько на это развитие влияют внешние факторы, привносящие в развитие новизну.

В том-то и суть-с, что наша интеллигенция не имеет ничего общего с народом, что она жила и живет изолированно от народа, питаясь иностранными образами и проводя в жизнь чуждые народу идеи и представления, одним словом, валяя отраву

и разложение в наш свежий непочатый организм (Салтыков-Щадрин. 1957. т. 5, с. 241).

С точки зрения крайнего почвенничества можно сказать, что у России есть некоторые комплексы национальных особенностей, важнейшим из которых является особое принятие христианства. Правильное развитие есть разветвление и углубление этих особенностей, осуществление всех замоченных в первых принципах следствий, и в первую очередь — сохранение имеющихся традиций. Сохранению традиций препятствует поток изменений, и потому одной из основных задач является «охранительство», «выстаивание», «сдерживание», противодействие изменениям. Выбор для России выглядит как альтернатива: сохранение традиционной структуры или тибель (утрата соответствия собственным началам, утрата самоадекватности). Такова стратегия, и различия в этом мировоззрении определяются тактическими подробностями — как именно лучше сохранять традиции, что относится к списку традиций, а что есть новообразование, затесавшееся среди них и притворившееся традиционным. Развитие, исходящее из таких посылок, можно назвать сверхспециализацией, если мы называем «специализацией» ситуацию, когда еще сохраняется некий баланс между новизной и преемственностью.

Концепция «*крупного почвенничества*», концепция замкнутости и самодостаточности локальной системы, по сути является оборотной стороной первой рассмотренной нами концепции (крайне западничества). Крайнее почвенничество предполагает, что возможно бесконтрактное существование в ситуации изоляции от внешней среды (автаркия). Подразумевается, что возможны защитные механизмы, способные совершенно изолировать систему от стрессорирующих воздействий. В этой замкнутой ситуации «*кокона*» возможно бесконечное развитие (=разворачивание), существование с сохранением местных особенностей. Это концепция некоторых почвенников, а также евразийцев и иных сторонников *замкнутых цивилизаций*.

Недостатки концепции примерно те же, что описаны для крайнего западничества: на деле не существует «абсолютной защиты» и замкнутое развитие (=существование) в принципе невозможно. Другой аспект — любая сложная система взаи-

мопротиворечива, внешние воздействия лишь обостряют эти противоречия, которые, однако, способны обостряться и самопроизвольно. Даже если представить себе принципиально замкнутую цивилизацию, в изоляции снабжаемую из внешнего мира (который мыслится предсказуемым и поддавливым) веществом и энергией на даровой основе, — даже такая цивилизация (общество, система) будет проходить кризисы развития ровно в той степени, в которой эта цивилизация сложна и индивидуализирована (целостна). В результате возможно изменение закона композиции системы по внутренним причинам, что становится совершенной неизбежностью при учете того, что в реальности такая цивилизация не единственна и тем самым существует конкуренция за энергию и ресурсы. Поэтому концепции, которые рассматривают пути к изолированному существованию некоторой системы (общества, страны), должны продолжить свои доказательства на тот период, когда их цель будет достигнута, и описать, как возможно длительное существование замкнутой системы. Есть основания полагать, что оно невозможно.

Концепция самодостаточности не способна ответить на вопрос, откуда берется исторический опыт для преодоления сопротивления среды, откуда берутся специализации системы, которые эта концепция полагает изначально данными, с которыми эти системы повздорили и будут существовать впредь. На самом деле эти характерные свойства, эти дорожки традиции есть результаты предшествующего кризисного развития, есть найденные в труде и опасностях ответы на прошлые стрессорирующие воздействия. Поэтому концепция замкнутости цивилизационного пространства противоречива: либо она не признает формирования традиций и приходит в противоречие с реальностью, либо признает и в таком случае неправомерно отказывает следующим состоянием системы в том, что имеют предшущие. Получается, что нынешние культурные организмы пользуются традиционным опытом предков и имеют небесполезные традиции, опыт выживания, а потомкам суждено не использовать никакого нового опыта и замкнуться на достигнутом в какой-то исторически случайный период времени.

Достаточно ясно, что во всей чистоте этих концепций на осознанном уровне придерживаются немногие, хотя в несмысленном виде им привержено достаточно большое число людей.

Промежуточные позиции часто избегают основных противоречий более крайней и чистой позиции, распадающаяся за это тем, что эти позиции касаются только сегодняшних тактических задач, не обращаясь к серьезному продумыванию целей.

Баланс со смещенным центром тяжести

Один из вариантов этой полурности воспринял Питирим Сорокин (2000 /1957/, с. 733–735), который обозначил два способа объяснения социальных явлений — экстернализм и теории имманентных изменений. По Сорокину, экстерналистские теории объясняют любые явления через внешние влияния и внешние причины, которые и обуславливают специфическое протекание определенных процессов. Имманентные теории, напротив, предполагают, что все специфические черты течения процессов определяются внутренним устройством соответствующих социальных систем, причем эти особенности устройства заложены изначально. Внешние воздействия могут ослабить или усилить процесс, могут его прекратить, но не в силах изменить его специфику. Легко видеть, что экстерналистские теории тяготеют к подлосу эпитенеза, так как системы, согласно этому объяснению, способны без проблем воспринимать любые порции новизны, исходящие от внешних факторов. Имманентные теории, напротив, тяготеют — в наших обозначениях — к преформизму, так как в них все определено изначально устройством данной системы. Сам Сорокин определенно высказывает за имманентный тип объяснений, «подкрепленных — при определенных условиях и в определенных пределах — экстерналистским принципом» (с. 735–736). Это положение вытекает из принципа целостности системы, который Сорокин формулирует так.

«При прочих равных условиях (в том числе и окружающей среде) однородные социальные и культурные системы обладают тем большей самодеятельностью (и автономностью от окружающей среды) в определении своей собственной судьбы, чем выше и качественно лучше их интеграция» (с. 745).

То есть: чем больше степень целостности системы, тем в большей степени она автономна и сама определяет свою дальнейшую судьбу.

Возможен другой результат выбора среди этих полурных концепций эпитенеза и преформизма. Раз симметричный баланс не подходит, можно представить себе, что одновременное сдвигание обеих стратегий осуществляется через разнесение их по разным функциональным блокам системы: в одной ее части идет запоминание нового, в другой — сохранение прежнего. Если принять этот вариант, результатом будет потеря целостности системы, ее дефрагментация и распад. Ясно, что со временем «традиционные» и «модернизиремые» блоки не смогут существовать в рамках одного целого. Красивым примером этого типа была судьба интеллигенции в России. Модернизированный блок наследия не сливался с оставшимися его частями, а накапливал отлучия, пока в момент социального взрыва избыточная новизна не была сброшена вместе со своими носителями, попросту уничтожена, и остался лишь фрагмент прежнего блока системы, хранивший относительно небольшую новизну, которая с различными перипетиями была постепенно усвоена системой. Советское общество стало образованнее (в целом) общества царской России, но его культура (вершины культуры) стада значительно ниже. Какой же вариант работает? Новизна (смерть) и сохранение (жизнь) несимметричны, и развитие достигается переменным чередованием этапов с тем или иным уклоном. Этапы «традиционности» длительны, а этапы восприятия новизны очень коротки. Поэтому и баланс мировоззрений не симметричен.

Поскольку невозможно в каждый данный момент времени окончательно разрешить антиномии процесса развития (свобода выбора/надежность памяти, новизна/преemptивность, распад/устойчивость, хаос/организация), ни одна постоянная стратегия развития не оказывается оптимальной. Все развивающиеся системы находят выход из этого положения в смене стратегий. Но время, которое система следует той или иной стратегии, не одинаково. Долго находиться в состоянии дебалансизации (восприятия новизны) опасно, можно потерять любую возможность выбора. Поэтому периоды преимущественной преemptивности (сохранения) длительны, а периоды восприятия новизны — сравнительно коротки. Поэтому же несим-

метричны позиции крайних эпитетиков (крайних западников) и крайних преформистов (крайних почвенников). Если брать достаточно большой (по масштабу развивающейся системы) период времени, то большую его часть она будет находиться в состоянии роста специализации, сохранения привычной структуры, и лишь малую (иногда почти неразличимую) долю времени — в состоянии усвоения новизны. В этом смысле усредненная траектория развития ближе к крайнему преформизму, чем к крайнему эпитенезу (вспомним, что Сорокин пришел примерно к такому решению).

Поэтому крайнее почвенничество «правее», чем крайнее западничество, хотя в чистом виде оба они равно смертоносны. Представителем крайнего почвенничества обнаружится значительно проще, нежели крайних западников. Причина, как уже сказано, состоит в несимметричности позиций абсолютного эпитенеза и абсолютной преформации. На первый взгляд может показаться, что все дело в симметричном балансе начал, запоминания и забвения, сохранения и новизны. Однако ситуация такого симметричного баланса означает запрет на достижение новых уровней развития, на серьезное повышение устойчивости, на приобретение новой структуры выборов, то есть, по сути, запрет на дальнейшее развитие. Несимметричность их ясна также из структуры выборов: жизнь предполагает дальнейшие выборы, смерть не предполагает никаких выборов.

Из того факта, что преемственность, устойчивость развития «важнее», чем усвоение новизны, вытекают некоторые выводы. В частности, это принцип активности системы по отношению к среде; Питирим Сорокин формулирует его так.

Любая социокультурная система, пока она существует и функционирует, беспрерывно порождает последствия, которые являются результатами не внешних факторов, а существования и жизнедеятельности самой системы /.../. Принцип имманентного самоопределения. Как только социокультурная система появляется на свет, ее неотъемлемый и «привычный» способ существования, формы, стадии, жизненная активность или судьба обусловлены главным образом самой системой, присущим ей характером и совокупностью свойств (Сорокин, 2000 /1957/, с. 741).

Важно понимать, что этим тезисом ничего не говорится о том, кто более прав не в споре крайних позиций, а в реальном споре западников и почвенников; этим вовсе не утверждается, что почвенники ближе к истине. По очень простой причине: каждое индифференциальное мировоззрение выстраивается именно как целостная система, которая сама включает оба момента — и преформизм, и эпитенез. Весь совокупный баланс спора западников и почвенников смещен к полюсу преформизма (только так возможно развитие), но совокупность конкретных позиций, тем более по отдельным вопросам, может выглядеть совершенно иначе, тем более что все позиции меняются в зависимости от времени системы: переживает она в данный момент стазис или интенсивно усваивает новизну. Время преобразуется собой очень важный момент в споре западников и почвенников. То, что необходимо в конце периода стазиса (новые порции новизны), противоположно тому, чего требует система в конце периода кризиса (скорейшей стабилизации и устойчивости).

Можно рассмотреть и особенный вариант концепции почвенничества, который появился практически в рамках спора западников и славянофилов. Это концепция кругов цивилизации, замкнутых цивилизационных структур, отграничившихся своеобразием и закрытых от влияния других цивилизаций. Эта концепция наиболее известна в изложении О. Шпенглера и А. Тойнби, у нас близкие взгляды развивал А. Гумилев, но первым крупным сочинением этого плана была работа Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1871). Данилевский взял идею этого сочинения из трудов Рюккерта, но значительно обогатил ее, насытил подробностями и, естественно, вписал в круг рассматриваемых цивилизаций Россию. Блестятельная критика этого круга концепций имеется у Вл. Соловьева («Национальный вопрос в России», 1891).

Концепция кругов цивилизаций раз за разом возникает в связи со спором западников и почвенников. Новые варианты «цивилизационной» концепции появились и на нашем, современном этапе диалога. «Круги цивилизаций» оказываются по-прежнему конструктом, основная особенность каждой цивилизации в том, что она автаркична, ничему не учится у соседей, каждая цивилизация замкнута и самодостаточна. Но внутри такой цивилизации авторы подобных проектов соблю-

Дают законы развития; каждая цивилизация оказывается замкнутым миром, целостным, развивающимся, усваивающим новизну и хранящим традицию... Ошибка в том, что в подобных теориях законы развивающихся систем произвольно ограничены в своем действии. Каждая автор проводит черту, за которой законы вдруг перестают действовать. И не взирая на это произвольное допущение, при описании внутрэнней жизни каждой цивилизации, авторы таких теорий рисуют живые картины развития, подтверждая требования, вытекающие из развернутого выше представления о балансе мировоззрений.

Обратим внимание на особую рода парадокс, который проявляется у западничества и почвенничества в отношении своего прошлого. Как уже говорилось, западничество призывает мир обратиться к прошлому, к прошлому Европы, пристроиться «в хвост» к уходящему поезду европейской цивилизации. Тем самым Запад утверждает, что его прошлое имеет всемирное значение, что нельзя пройти в будущее мимо этого прошлого Запада. То есть идеология «бесконечной новизны», которая, по прямой линейной логике, должна быть обращена в будущее и не обращает внимания на собственное прошлое, — эта «новостная» идеология, оказывается, очень уважает прошлое.

Упомянутое чрезвычайно почитательное отношение Запада к своему прошлому резко контрастирует с позицией почвенничества, если рассматривать ее в том же аспекте. Почвенничество обычно синонимизируется с традиционностью, но оно никогда не достигает того уровня традиционности, который прокламируется западничеством. Никогда почвенничество не говорило: наша история последних столетий — образец для всего мира, мир может спастись, только обратившись к нашей истории. Напротив, при теоретическом обращении к традиции и памяти культуры, в конкретных проектах почвенничество всегда было крайне новаторским, поскольку находило в прошлом России лишь отдельные устраивающие его аспекты. Эти аспекты предлагалось развивать, сделать из аспекта целое. Что именно было этой частью, этим аспектом — Русь Новгородская или Московская, или Петербургская Россия, или еще более частный аспект (византийство, славянство) — это не столь важно. На деле этот призыв означал радикальнейшее отношение к прошлому: почвенники порывали с прошлым, их внимание привлекало прежде всего будущее, к которому в той или иной степе-

ни подстраивался «проект истории», «проект прошлого» — отредактированное таким образом, чтобы показать, что главным его смыслом является указанное будущее.

Этот аспект почвенничества (как и указанный выше подобный — и противоположный — аспект западничества) уже не относится к отношениям эпитенеза/преформизма. Это попытка дополнения крайностей исходной позиции до целого, до баланса. Как уже говорилось, реальные сторонники того или иного мировоззрения более или менее хорошо сознают опасность крайностей (бесконечной новизны, постоянной неизменности), и поэтому каждая позиция оттеняется своим дополнением: западничество (вместе с идеологией Запада) весь оставший мир «записывает» в прошлое, почвенничество порывает с прошлым, стремится забросить свою страну в будущее, не обращая внимания на остальную мир. «Прогрессистское» западничество в своих рецептах отстальному миру обращает внимание только на прошлое: в этих рецептах предлагается навеки законсервировать мир прошлого, сделать его образцом для тех, кто идет иной дорогой. А «консервативное» почвенничество предстает в виде чрезвычайно радикальной концепции, рвущейся с реальным прошлым ради идеала.

Дополнительность позиций и баланс мировоззрений, всякий раз встречающийся, как только мы обращаемся не к идеально-логичной, а к реальной, личной позиции, показывают, как широк и разнообразен спектр взглядов на развитие мира и его частей. Эта сложная игра мировоззрений, сама себя комментирующая и дополняющая, не позволяет прийти к мысли, что все разговоры, все споры двух лагерей русской мысли — не по существу, что верной может оказаться какая-то простая, недвусмысленная позиция вроде крайнего западничества или крайнего почвенничества. Приходится принять, что все выказанные участниками диалога точки зрения имеют отношение к истине и каждая рисует ее со своей стороны.

Все значительные мыслители, вовлеченные в этот спор, были правы в меру того, насколько логичны и непротиворечивы были высказанные ими взгляды. Всякая стройная теория верна, остается лишь найти область реальности, относительно которой она верна, — впечатление ошибочности такой теории происходит при отнесении ее (иногда самим ее автором) к чуждой для этой теории реальности.

В то же время сами понятия западничества и славянофильства не исчезают из диалога, поскольку являются значимыми полнростями, напряжение между которыми и создает неодоходимость диалогса. Западничество и славянофильство в чистом виде являются абстрактными идеями, каждая из которых существует обособленный аспект реальности. Целостная реальность возникает только при синтезе этих полюсов, этих противоположных позиций: такова целостная реальность отдаленных авторских мировоззрений. Можно полагать, что и историческая реальность устроена такими же образом.

Стратегии развития: тео- и антропоцентризм

Вдвигается ли данная модель исчерпывающей? Достаточно ли нам сказать, что все участники диалога занимают то или иное положение между крайними западниками и крайними почвенниками? Нет. Если мы представим себе всех участников спора западников и славянофилов, разложив их — пока чисто условно — по тем лагерям, к которым себя причисляли они и к которым их причисляли их идейные противники, мы можем попытаться найти дифференциальные признаки, различающие людей разных мировоззрений. При таком подходе мы хотим получить списки отличий, которые и определят принадлежность к тому или иному лагерю. Оказывается, однако, что все выказанные в дискуссии западников и славянофилов признаки не работают — бывают западники, уповающие на общинность, почвенники, чрезвычайно уважающие права человека, западники, исходящие из русской духовности, и почвенники, надеющиеся на рынок.

Неприятность, вытекающая из всех описанных выше позиций по «основному вопросу» в том, что невозможно отделить друг от друга западников и почвенников. То есть отдельные мыслители занимают весьма противоречивые друг другу позиции, но на два хорошо разграниченных лагеря не распадаются. И западники, и почвенники могут симпатизировать культуре и возмущаться цивилизацией, опасаться последствий маргинализации. Есть ли какой-нибудь критерий, по которому разделяются их позиции?

Если мы обратимся к прежним этапам спора, окажется, что и в прошлом мы не найдем четких различий почти по всем «спорным вопросам». Как мы увидим далее, и западники, и почвенники могут принимать особую роль общины в русской истории и общинности — в русском характере, а могут отрицать существование этих реалий. Бывают «державные западники», сторонники крепкого государства, которые существуют либеральные почвенники, философия которых проникнута свободой.

Я западник и потому — националист. Я западник и потому — государственный (Струве, 1997/1908, с. 74).

Более того, наиболее крупные фигуры нашего спора вообще не поддаются классификации. Чаадаев дает аргументы тем и другим, Соловьева растаскивают на «периоды творчества», так что смолоду он оказывается славянофилом, а в зрелые годы — ярким западником. Может быть, это действительно так и есть, и все же существенно попытаться найти тот пункт, отношение к которому решает, будет человек склоняться к почвенному или западническому мировоззрению. В самом деле, если нам не удалось вычлениить «основной вопрос» противостояния, может быть, постоянный рубеж различения западников и славянофилов поможет нам разобрататься в этом вопросе. Намеки в этом направлении можно найти.

Для вас русский народ преимущественно народ *православный*, т. е. наиболее христианский, наиболее жайший к *веси небесной*. Для нас русский народ преимущественно *социальный*, т. е. наиболее близкий к осуществлению одной стороны того экономического устройства, той *земной веси*, к которой стремятся все социальные учения (Герцен. Письма к противнику / Ю.Ф. Самарину/. 1865).

Что именно служит критерием славянофильства, — этого никто в точности, по-видимому, не знает. Между тем, если мы не хотим злоупотреблять этим именем, нам надлежит условиться о критерии. ... Убежден, что не умерло и не умрет то существование в славянофильстве, что можно означить словами: вера в святую Русь.

Что же такое вера в свяую Русь? Прежде всего — вера. Верить можно только в то, чего прямо не видишь и не осязаешь, чего и доказать нельзя... Итак, вера в Русь есть утверждение бытия Руси как предмета веры... Земля русская и русский народ принимаются здесь не как очевидность внешнего опыта, но как сущность умопостигаемая. Бытие, им приписываемое, не есть только существование в явлении, но метафизическая реальность. Славянофильство прежде всего — метафизика национального самоопределения, и притом — метафизика религиозная: Русь умопостигаемая есть Русь святая (Вяч. Иванов, 1915, Живое предание — Иванов, 1994, с. 346).

В этих высказываниях мысль выражена, может быть, не вполне отчетливо, но при изучении трудов многих русских мыслителей возникает определенное впечатление: вопрос о вере является основным в разделении на западников и почвенников. Разумеется, все не так просто, что атеисты — западники, а люди воцерковленные — почвенники. Можно найти множество примеров искренне и глубоко верующих западников, встречаются и почвенные атеисты. Различие пролегает глубже. Обычно оказывается, что люди, у которых вера лежит в центре мировоззрения, относятся к славянофилам, а люди, для которых вера — вне зависимости от ее искренности (измерять же силу веры мы просто не будем) — лежит на периферии мировоззрения, отходят к западникам.

Итак, пытаюсь все же найти признаки, которые позволили бы различить сторонников того или иного лагеря, мы приходим к следующему. Выясняется, что состав лагерей практически точно определяется их отношением к Богу и церкви. Речь не о личной вере, речь о другом: те мыслители, в центре мировоззрения которых лежат Бог, поставленные Им перед человеком задачи, значимость церкви как ведущей силы истории, — такие мыслители обычно называют (-ся) почвенниками. А те авторы, в центре внимания которых находится человек и система его изобретений — социальных, технических, научных и прочих, — те называются западниками. То мировоззрение, которое исходит из Бога, Его промысла в истории, признает предзаданность исторических задач божественным планом, — такое мировоз-

зрение можно назвать *теоцентричным*. А другое мировоззрение, которое может признавать или не признавать существование Бога, но в центре внимания держит проблемы человека, такого, который дан современностью, — такое мировоззрение можно назвать *антропоцентричным*.

Не хотелось бы, чтобы этот вывод каким-то образом увязан с категориями «хорошо/плохо», которые малодейственны при решении такого рода проблем. Связь почвенничества с верой возникает не потому, что высокодуховные люди обязательно почвенны, а просвещенные обязательно люди obligated атика здесь иная. У глубоко мыслящего религиозного человека естественно возникает представление о плане Божием относительно человечества; его народ играет в этом плане определенную роль, и в попытках понять эту задачу народа и способствовать ее выполнению выковывается обычно почвенное мировоззрение. У людей, для которых вера — периферическая структура сознания, обычно нет возможности пройти этот путь мысли. Представление о Едином Plane, если и возникает, то не сверху, а, если можно так выразиться, снизу. Все ручьи текут вниз, все цивилизации стремятся к счастью, и кто нашел дорогу, устремляется к цели, а остальным остается следовать за ним — или погибнуть. Остается довольно естественно вытекают некоторые основополагающие идеи западничества. Конечно, столь простая схема не может претендовать на описание реального духовного развития отдельных мыслителей. Путь развития людей сложнее любой схемы — не говоря о том, что всегда есть почвенники, пришедшие к своим взглядам из совершенно иных соображений (напряжение государственных чувств, национальная гордость, религиозный фанатизм и т. д.), и западники, просто выбирающие для себя лучшее место под солнцем. Однако наиболее крупные фигуры, действующие в споре славянофилов и западников, в целом различаются по этому признаку — какое место в их мировоззрении занимают представления о Боге.

Эту точку зрения высказал Ю.С. Пивоваров.

Юрий Самарин был таким же западником, как его оппонент Кавелин, и таким же славянофилом, как его оппонент Кавелин. Кавелин, один из лидеров западничества, говорил об общине и о необходимости ее возникновения, об отмене частной соб-

ственности, ненужности конституции, то есть был совершенным славянофилом. На многое в спорах западников и славянофилов не надо даже обращать внимания.

Однако сходство упомянутых позиций по многим вопросам не означает, что между ними не было различий. Был глубокий раскол мысли, который так и остался неразрешенным, — главный раскол русской мысли. Я думаю, что мировоззрение западников было антропоцентрично, а мировоззрение славянофилов — теоцентрично. Это принципиальное различие. При этом важно видеть, что речь не идет о том, верует ли данный западник в Бога или нет (многие — веровали). Главным различием оставалось указанное мной сейчас различие основ мировоззрения: для теоцентричной позиции естественно выводить решения проблем из дарованных христианством истин духовной жизни, для антропоцентричной — ориентироваться при решении тех же проблем на современный уровень научного знания (по необходимости — западного научного знания). Личная вера не препятствует человеку быть западником, хотя обратную ситуацию — теоцентричную позицию у неверующего — представить себе все-речь невозможно.

Теоцентричное мировоззрение было по-настоящему утеряно на Западе ко времени начала споров западников и славянофилов. Оно существовало на Западе в Средние века, и на смену ему пришло антропоцентричное мировоззрение Нового времени. Для антропоцентричного мировоззрения Бог есть (по крайней мере, может быть), только он не находится более в центре мировоззрения. Вера в Бога становится сколь угодно важным, но личным делом. А в России теоцентричное мировоззрение сохранялось.

Я думаю, в этом смысле и в 20-м веке этот спор сохранился — хотя, если угодно, в секуляризованном смысле. Это трудно, наверно, понять, — теоцентричность в секуляризованном смысле. Но вот мировоззрение Александра Исаевича Солженицына и мировоззрение Андрея Амгиревича Сахарова: один продолжает почвенническую, славяно-

фильскую линию (при том что у Солженицына много и такого, что вполне соответствует западническому мировоззрению), другой — западническую (тоже, разумеется, с определенными дополнениями и неклассическими сюжетами) (Клуб Дискурс: Социум, 2001).

С введением понятий тео- и антропоцентризма сразу возникает иной расклад, нежели тот, что получился у нас, пока мы работали на оси координат новизна/преemptивность. Для теоцентричного мировоззрения обосуждение всех популярных сегодня моделей — о постиндустриализме и Интернете, об информационном прострaнстве и налоговых тарифах — разговор на птичьем языке. Раз модель общества не включает Бога как центральный элемент, это не теоцентричная модель и интереса в таковом качестве не представляет.

Для почвенников (христианских, православных почвенников) из идеи христианства дедуктивно выводится следствие относительно должностования в политическом и хозяйственном устройстве земного мира. В определенном смысле можно сказать, что все светские правовые и экономические решения представляются им столь маловажными, столь далекими от идеала, столь неудовлетворительными, что такие почвенники скорее указывают на необходимое направление движения, равно удовлетворяясь любым реальным положением дел, — все равно с их точки зрения это временно и неважно. Можно сказать, что почвенники не слишком верят в прогресс, — из крупных мыслителей, близких к почвенному мировоззрению, о нем говорил чуть не исключительно Вл. Соловьев, и то на том этапе, когда он соприкасался с западным мировоззрением. Истинные же почвенники не видят в изменении мира движения в необходимом, как они считают, направлении. Поскольку отрубля ситуацию, можно сказать, что с точки зрения почвенников истинным прогрессом является развитие в духе, «вертикально», а прогресс горизонтальный, земной есть иллюзия — насколько он не является следствием «вертикального» прогресса.

То есть для почвенников в центре мировоззрения находится христианство, а все остальные проблемы оказываются на периферии. Отсюда вовсе не следует, что западники безрелигиозны. Несомненно, многие из них — искренно верующие. Но *в центре* их мировоззрения по социальным проблемам стоят

вполне специальные вопросы «земного бытия», а христианство при решении этих вопросов отходит на *периферию* мировоззрения. Еще одно: из этого различия также не следует, что западники предают обязательно «нехристианские» решения, а почвенники — «христианские». Предложенное западниками исхождение представлений о гуманизме и прогрессе может оказаться вполне христианским, а предлощенное почвенниками — ошибочным в христианском смысле. При проведении демаркационной линии между лагерями, на которые разделились мыслящие люди в вопросе о дальнейшем развитии России, надо учитывать, что находится в центре мировоззрения, а не считать центрированность на чем-то гарантией правоты.

Для западников важнейшей является идея прогресса человечества. Предполагается, что прогресс — в сторону наибольшего счастья и благоустройства — может идти бесконечно. Цель здесь, на самом деле, столь же туманна, как и в почвенном мировоззрении. Из этого тумана и выступает идея Европы (сегодня уже, пожалуй, США). Европа есть максимальное из возможных приближение к идеалу западников, точка максимума развития человечества — и потому на нее стоит ориентироваться именно как на временную веху, указывающую путь к наибольшему счастью и благосостоянию для наибольшего количества людей. Все остальное для западников мираж и пустые мечтания.

Например, вот как разворачивается на оси тео- и антропоцентризма проблема развития государственности. Ю.С. Пивоваров (2001) говорит о том, что государство — новое образование, появившееся в XVI веке. Государство является результатом религиозного конфликта; битва Реформации и католицизма прозвела совершенно обезблюдеть Европу, и вот европейские страны нашли выход: общество перестало быть теоцентричным. Оно стало антропоцентричным, и в нем на периферии нашлось место Богу, и в нем значительно большую роль, чем ранее, играет национальное государство (*state*). Этот европейский тип государства возможен, когда религия становится частным делом человека. В связи с таким тенезисом государства ясно, что иные политические образования не родственны европейскому государству. В частности, русское государство — это совсем не то, что называют государством в Европе. Оно не имеет подобных идеологических оснований и в определенном

отношении слабее, и все же в России не существует более развитых общественных сфер, чем государствам.

Негрудно заметить, что выше дана очень приблизительная и обобщенная характеристика тео- и антропоцентризма, оставшая в стороне многие детали. В наибольшей степени эта характеристика описывает спор западников и почвенников в XIX веке, позднейший разворот спора требует особых оговорок. Это приблизительно такое описание в наибольшей степени подходит к почвенникам и западникам «первого поколения» (которые говорили только о соотношении России и Европы), как это выяснится в дальнейшем, когда в нашем рассуждении проявятся и иные уровни мировоззрений. А сейчас вспомним о тех ограничениях, которые имеет точка зрения на спор западников и славянофилов как на один из вариантов спора теоцентристов и антропоцентристов.

К исключаемым, не описываемым делением на тео- и антропоцентризм, будет относиться почвенническая языческая позиция. В самом деле, такая позиция, может быть, и не является очень распространённой, но это вполне живое мировоззрение (Андреев, 2000). Более того, некоторые аспекты этой традиции обнаруживают весьма интересное сходство с той картиной мира, которую рисует К. Кастанеда. Между тем, на оси антропо- и теоцентризма языческая позиция занимает совсем иное положение, чем христианское почвенничество или внеерлигиозное западничество.

Помимо того, можно заметить, что положение на оси теоцентризм/антропоцентризм достаточно жестко связано с западнической или почвеннической позицией, если мы будем рассматривать именно Россию. Но если мы взглянем на иные регионы, скажем, на Европу, то там связь этих двух мировоззренческих осей координат будет совсем не такой жесткой: что мешает европейскому почвеннику быть антропоцентристом или «западнику», стороннику бесконечного прогресса на базе европейской цивилизации, — теоцентристом (Тейар де Шарден)? Можно полагать, что тео- и антропоцентризм — не просто понятия, которые помогают различить западников и почвенников в России, а самостоятельная ось координат в смысловом пространстве спора. Самостоятельная, но не окончательная. В таком случае следует рассмотреть, каким же образом мы можем включить в диалог столь разные позиции?

Антропоцентричное и геоцентричное мировоззрения (здесь следует подчеркнуть: не люди, а мировоззренческие позиции) не способны к диалогу. Причина этого достаточно ясна. Каждое мировоззрение верно в своем ядре, в своих существенных элементах, «у себя дома», и сбивается на периферии в решении вопросов, являющихся лишь отдаленными следствиями первых принципов. Вспомните: В. Соловьев утверждал, что в выпадении задач христианства в XVIII веке Вольтер сделал больше, чем церковь. Геоцентричное мировоззрение — это вовсе не синоним истинного христианства. Земная церковь может ошибаться. Собственно, это не рассуждение, а факт: христианство распалось на конфессии и какую бы мы ни считали правой, придется признать, что церковь как таковая подвержена ошибкам. Геоцентризм может впадать в заблуждение, что не препятствует жизни тех истин, которые его породили. Тецентризм сбивается, когда говорит о делах человеческих, нечувствительно отступая от истины христианства. Точно так же ошибается антропоцентризм, говоря о вещах, которых не знает. Всего один пример. Политологи сегодня часто говорят о необходимости расцвета религиозной жизни в России, весьма остроумно доказывая этот тезис: людям необходима мировоззренческая основа, народу необходима нравственность, государству необходимы моральные граждане. Из таких суждений возникает вывод: в обществе следует всемерно насаждать религиозность, поощрять развитие религии. Вывод этот был сделан давно: уже Сен-Симон проповедовал религию как социальное средство, да и до него эта мысль имеет богатую историю. Религиозность всегда конкретна, так что следует указывать, какую именно религиозность они призывают — христианскую или мусульманскую, или еще какую-либо из множества более мелких религиозных систем, имеющих в России свой дом. В этих рассуждениях религиозная жизнь служит средством для внешних целей — укрепления государства, например. То есть это антропоцентричные рассуждения о религии.

Причина неспособности ни геоцентризма, ни антропоцентризма создать непротиворечивую картину мира состоит в разности образов мира. В нем существуют аспекты, по внешней видимости противоречивые — хотя и не противоположные. При выведении длинной цепи следствий из «ядерных» положений мировоззренческой системы рано или поздно наступает момент,

когда в реальности происходит «случайность», вторжение в данную закономерность иной, исходящей из иного узда реальности. Поэтому длинные чисто логические цепи оказываются нерелигиозными, поэтому правота основной части мировоззрения не позволяет чисто логическим путем извлечь столь же верные следствия. При взаимодействии людей геоцентричных и антропоцентричных (в указанном смысле) диалог не получается, каждый развивает проблемы, являющиеся для другого маловажными и периферическими. Это и выглядит как беседа глухих: аргументы противной стороны почти не различимы, поэтому противники выстраивают друг против друга системы «неработающих» аргументов. Автор выстраивает свое мировоззрение, и одновременно он всегда столь же тщательно строит образ противника, образ внешней среды, образ того, что противоречит его мировоззрению. У каждого А есть свое не-А. Поэтому, встречая противодействие своим мыслям, он неизбежно опознает оппонента как не-А и начинает излагать затовленную аргументацию. Однако оппонент есть В, аргументы эти для него непригодны, они выстроены — с его точки зрения — в виде логически непролеченных и реально не наблюдающихся альтернатив. Диалог не происходит: каждый излагает свою точку зрения, выпаливает по противнику заряды заранее затовленных аргументов и при этом искренне полагает, что понял противника: ведь образ не-А у него присутствует, а ничего иного в мире А быть не может.

Законченная концепция вообще-то очень хорошая вещь. Единственное отрицательное ее качество — нежелание «размыкаться». Она просто предъявляется на всеобщее обозрение: вот как можно осмыслить происходящее с нами в настоящее время, и какие сделать из этого выводы. Человек, у которого пока за душой ничего нет, но жедующий обучиться, конечно, с интересом возьмется изучать и разбирать данную концепцию. Это очень приятно для автора. Но приятность эта чисто эмприональная, ибо сам автор от этого никакого «приращения» не получает. Такое приращение может произойти, только если другой человек, имеющий несколько иной взгляд на тот же самый предмет, возьмется за анализ предложенной концепции и

выскажет свои соображения, над которыми автору предстоит еще подумать и что-то отвергнуть, а что-то принять, да еще и потрудиться пристроить это что-то в свою систему. Но первоначально все это несколько нарушает равновесие законченной системы. И проще вежливо и вполне доброжелательно указать оппоненту на какие-то мелкие детали, сказать что-то общепринятое в таких случаях, — и не вступать в слишком серьезное общение (Чеснокова, *Клуб Дискурс: Социум, 2001*).

Рассмотренное пространство взаимодействия мировоззрений — то пространство, в котором сталкиваются тео- и антропоцентризм, составляет отдаленную ось координат спора западников и славянофилов. Многие «горячие точки» спора, расмотренные в этом пространстве, приобретают новую глубину и вызывают новые столкновения. Однако и это пространство не позволяет представить всю объемность и глубину затронутых проблем. Чтобы хоть в общих чертах представить наш двухсот-летний диалог, в процессе которого в России возникли «интеллигенция» и «общественное мнение», нам надо рассмотреть еще одну ось координат.

Можно выказать эту мысль иначе. Мы выяснили, что западничество и почвенничество являлись отражением достиганно общих позиций, которые можно высказать о любом процессе развития (соотношение в нем новизны и преемственности). Однако со временем система меняется, и меняются ее структуры, устройство этой системы. Тогда старые модели описания перестают работать, точнее — требуют видоизменения. Надо найти новое обозначение тех подструктур, которые важны для изменившейся системы. Ось «тео-/ антропоцентризм» дает новое пространство для описания общественных движений, однако этот язык не описывает всех деталей развития современного общества. Современное общество развивается как-то иначе, выпадая как из пространства «западничество-почвенничество» (новизна/ преемственность), так и из пространства «тео-/ антропоцентризм». Каким же может быть язык описания современного общества, чтобы адекватно отражать действующие в нем напряжения, определять его пути развития?

Глава 10

Стратегия развития: глобализация

Робинзон с Пятницей — это нация?
Вот таковы же и все Другие нации.

Михаил Гаспаров

Итак, мы увидели две крайние позиции — крайних западников и крайних почвенников. Мы также упомянули, что это лишь идеологические конструкции, что индифферентные мировоззрения конкретных участников диалогичны и представляют собой разные стадии взаимодействия подструктур (в обычном регелевском смысле — как стадии процесса взаимодействия противоположностей). В современном мире мы можем найти еще одну ось координат, новую «плоскость смыслов» общественного сознания — концепцию глобализации и намертво связанные с ней представления антиглобалистов. Эта пара мировоззренческих позиций — глобализм и антиглобализм — образует новое «воплощение» старого спора западников и славянофилов. Концепция глобализации подразумевает, что мир сейчас становится все более универсальным, все более целостным, все более унифицированным, но, что самое важное, — более связным и цельным. Ранее эта концепция называлась «универсализмом». Название сменилось, поскольку «универсализм» понимается как то, что человечество делает сознательно, а «глобализация» признается неконтролируемым социальным процессом (по крайней мере, так ощущают оттенки смысла этих слов в англофонной среде).

Современности присуща глобализация — это является с очевидностью наиболее базовой характеристикой институтов современности (Giddens, 1990, p. 17–21).

В прежние исторические эпохи мир как целое являлся в некотором смысле лишь абстракцией, а реально существовала

отдельные страны и цивилизационные блоки. Сейчас впервые в истории человечества наступает такой период, когда мир становится реально связным целым, он входит в период, когда в нем — в определенном отношении — может существовать только один тип цивилизации. По крайней мере, одна из сфер общественной жизни — экономика — стала всемирной. Это не исключает разнобразия входящих в этот мир систем, но системы эти взаимосвязаны, и в рамках общей мировой системы их своеобразие выступает как регулируемая специализация на пользу целого.

Глобализация — это процесс, определяемый рыночными, а не государственными силами, сбалансированным бюджетом, приватизацией, открытостью инвестиций и рыночным потокам, стабильностью валюты. Глобализация означает гомогенизацию жизни: цены, продукты, уровень и качество заравноурования, уровень доходов, процентные банковские ставки приобретают тенденцию к выравниванию на мировом уровне. Глобализация изменяет не только процессы мировой экономики, но и ее структуру — создает глобальную по масштабу взаимозависимость, достигающую степени интеграции в практически единое целое (Уткин, 2001а, с. 36).

Другую точку зрения на глобализацию предлагает У. Бек (2000). Он говорит о двух типах общества — индустриальном и постиндустриальном; первое он именует обществом нужды, второе — обществом страха. Связано такое наименование с тем, что основной проблемой общества нужды было равенство. Тем самым это общество нужды сохранило позитивные цели развития: речь шла о том, чтобы достигнуть лучшего. Общество страха имеет основной проблемой безопасность и поэтому ставит перед собой негативные цели — избегание худшего (Бек, 2000, с. 59–60).

Откуда же взялась эта глобализация? Проследить ее возникновение мы можем, обратившись к миру идей, параллельно которому развивались процессы в социальной реальности. Если мы будем искать, откуда появилась эта «невозможная штука» — глобализация, — то увидим, что «новая» реальность глобализации имеет очень давние корни. Можно пода-

вать, что многие основные тенденции ее развития проявились еще в эпоху Просвещения. Однако тогда, в XVII–XVIII веках, были посеяны только семена идеи глобализации. Представление о глобализации было совсем не таким, как ныне. *Культурный универсализм*, видевшийся веку Просвещения, породил две противоположные вещи: универсализм в XIX веке обернулся экономическим глобализмом, а стремление к высокой культуре и духовной свободе стали основой для антиглобалистских реакций. И в этом смысле Просвещение можно рассматривать и как эпоху, выработавшую сильные антитезы глобализму.

Что же происходило с глобализацией после самых первых начатков в XVIII веке? Существенным приближением к современному состоянию дела стали знаменитые 14 тезисов Вудро Вильсона, признанием которых, по сути, окончилась Первая мировая война. Многие уже заложено в этих тезисах, вплоть до изменения концепции государства вследствие признания права нации на самоопределение. Можно даже сказать, что в этих тезисах и стоимем за ними строе мыслей заложены все глобализм — но в неявной форме. Весть следствия уже сохранились в системе математических аксиом, однако выведение системы следствий занимает подчас столетия. Так и глобализм был извлечен из тезисов В. Вильсона далеко не сразу.

В начале XX века было формально определено понятие государства — в связи с изменившейся его природой: Национальное государство — это «демократическое государство, которое находит предпосылки своей демократии в национальной односторонности своих граждан, соответствует так называемому принципу, согласно которому нация образует государство, а государство — нацию» (Schmitt С. Verfassungstheorie. /1928/. Berlin, 1983. S. 231 — цит. по: Марков, 2001).

Понятие государства было переопределено не потому, что только эта реальность старого мира изменилась. Меняться начал весь мир, но только сфера права обрела настолько сильной типичности к формализации, чтобы отразиться в изменении. Едва ли не в большей степени изменились и культура, и сфера хозяйственной жизни.

Когда же глобализация проявилась очевидным образом? По-видимому, впервые ясная формулировка концепции глобального мира произошла в 1944 году, на Бреттон-Вудских соглашениях о создании Международного банка реконструкции и развития и Международного валютного фонда. Тогда сравнительно четко были провозглашены основные принципы: международное разделение труда, отсутствие препятствий для действий мирового рынка, признание ценности всеобщей мировой конкуренции товаров и капиталов, примат экономики над политикой, приватизация, всемирная твердая валюта, уменьшение роли государства в общественной жизни с переносом многих его функций на экономику. То, что в начале XX столетия было лишь очевидным фактом (на практике) и неясным намеком (в теории) — подразделение мира на блоки, в одном из которых имеется развитая экономика и организация труда, а другой обречен на роль неспециализированного резервуара полезных ископаемых и рабочей силы, — это разделение после Бреттон-Вудских соглашений было формализовано и явно провозглашено.

Эта тенденция развития социального мира сохранилась в более или менее латентном состоянии до падения Берлинской стены и распада СССР. Причина этой латентности — подризация мира на области влияния двух сверхдержав. Эта подризация не совпала с той структурной мира, которая последовательно вытекала из Бреттон-Вудских соглашений. После распада СССР мир стал униполярным и глобализм начал реализовываться практически и всесторонне. Следующий этап развития глобализма и следующее уточнение концепции глобализма — в так называемом «вашингтонском консенсусе», который представляет собой десять пунктов (как водится) по реформированию мировой торговли, формулированных в 1989 году Дж. Вильямсоном. Эти пункты сводятся к таким позициям: наднациональная дисциплина и бездефицитный бюджет; запрет на инфляцию; ограничение роли государства в экономике; низкие налоги и высокие процентные ставки для банковских вкладчиков; минимальные таможенные тарифы, не мешающие товарообороту; привлечение инвестиций; приватизация; усиление права частной собственности (подробнее см.: Уткин, 2001а, с. 15–16). Так — от Вильсона в начале века до Вильямсона в конце — в мире прорастала глобализация.

Увеличение степени связности мира в 1990-х годах было обозначено социологами в рамках теории глобализации. Разработали эту теорию В. Мур, Р. Робертсон, И. Валлерстайн, М. Уорерс и др. Например, Робертсон (Robertson, 1992) определял глобализацию как совокупность изменений, объединенных общей направленностью: превращением мира в «единое место». Он же избрал слово «глокализация», подчеркивая, что не только средства связи стягивают мир в единую площадку. Помимо этого, сверхплотное взаимодействие культуры реально обеспечивает реальную представленность мирового разнообразия в каждой точке.

Значит, глобализация введена как понятие, рисующее цель процесса, а не его причины, механизмы и т. д., как целевая причина изменений. Какой бы фактор ни привел к глобализации, он сразу входит в структуру теории. В этом контексте понятие «глобализации» приобретает особый смысл — это процесс слияния разных систем в целое, который может выдвигаться как унификация в одних проявлениях, как дифференциация — в других. «Природа» глобализационных процессов очень разнообразна, так что о ней не имеет смысла говорить. Разнообразие мира свертывается в некоторое однообразие, и в этом состоит смысл глобализации. Хотя и не только: увеличивая связность мира, глобализация может проявляться и в усиленной дифференциации.

В качестве аналогии вспомним, что органы в организме совсем не похожи один на другой, но тем не менее устройство их согласовано, среди них действует контролируемое разнообразие. В результате процессов глобализации мир становится единой образнее, например в отношении технического, но растет дифференциация по уровню жизни; мир становится разнообразнее в культурном аспекте, но уровень культуры выравнивается. Этот новый, сложно изменяющийся мир в значительной степени меняет позиции, которые прежде занимали стороны в споре западников и славянофилов. То есть возникает новый уровень спора западников и почвенников, уже совсем иной, чем ранее; прежний характеризовал отношения Европы и России, новый — России и глобального мира; прежний уровень говорил о взаимодействии двух целей, новый — об отношении целого и части. На этом новом уровне, опять же, результаты спора не предопределены. Какая Россия нужна миру — похожая на Запад или,

напротия, весьма от него отличающаяся, и по каким параметрам отличалась, что должна приводить Россия в новом целом мире — идеиз? нефть? идеиз? духовность? Должна она быть здоровой и развитой страной или уровень ее здоровья относится как раз к «контролируемому разнообразию»; почкам, возможно, очень трудно заниматься их работой, они находятся в постоянном напряжении, но это нужно для целого. А какой мир нужен России?
Молчит, конечно...

Глобальная модернизация

Разбираясь с глобализацией — и явением, и понятием, мы по-прежнему находимся в рамках нашей темы — модернизации и возможных реакций общества на модернизацию. Новое в том, что модернизация стала всемирной.

Вместе с развитием позиций западников и почвенников по уровням, изменяется и смысл термина «модернизация». Если мы попытаемся вауматься в понятие модернизации, мы увидим следующую картину. Это понятие (в одном из принятых смыслов) выстроено в определенном отношении как антоним всемирной модернизации. Утверждается, что не имеет места простое, чистое распространение культуры Западной Европы по всему миру, имеет место нечто иное. Что именно иное — в каждой теории модернизации говорится нечто особое. Иногда говорится только о распространении некоторых экономических и политических механизмов, а иногда — о согласованном изменении культуры, семьи, структуры профессий и т. д.

Попробуем описать картину современного мира — конечно, очень поверхностно и в самых общих чертах. То, что распространяется из Европы, есть технико-экономическая составляющая. Это фрагменты науки и технологии, социальные механизмы — рынок и компьютеры, выборы и оружие. Некоторые исследователи полагают, что эти фрагменты определяют собой почти все в обществе — если есть рынок, выборы, демократия и современный научно-технический уровень, то мы имеем дело с обществом европейского типа. На самом деле это не так.

Если взглянуть на модернизацию с другой стороны, с той, которая расположена в обществе на другом полюсе от стэндартов демократии и технологии, — мы увидим другое взрывное распространение, подобное тому, как в области материальной распространяются западные технологии. Это взрывное распространение того, что можно описать как «восточную культуру». Нег ничего более модного и повсеместно укореняющегося в западной культуре, чем интерес к Китаю и Японии, к философии и единоборствам, искусству и психологии (конечно, все слова здесь «западные» и потому неправильно; на Востоке нет философии и психологии, но переводится на западные языки это примерно таким образом). Если возвращать этой точке зрения, можно сказать, что на Западе усваивается настолько поверхностная и малозначительная пенка восточной культуры, что ее имеет смысл назвать чем-то декоративным. Однако так же распространяются и технологии. При построении в восточной стране линии по сборке компьютеров рабочие и управляющие этого завода не изучают и не усваивают Канга, не знакомятся с Ньютоном, не читают Сервантеса. В этом нет необходимости; мы справедливо называем прогниванием западных технологий магнитофон, автомат и голосование, даже не поакрепленное глубоким знанием основ европейской культуры. Точно так же идеи Дао и самсары, разговоры о пути воина и перерождениях постигаются западным обществом в отрыве от истинных глубин восточной культуры, но оттого они не перестают действовать — как магнитофон не перестает играть, а автомат стрелять от незнакомства их владельцев с трудами Канга.

Иногда заимствование технологий полагают жестким, однозначно определяющим будущее событие, а распространение определенных явлений культуры — чем-то неважным, переменчивым, поверхностным. Эта точка зрения указывает на свою неправоту: такое предствление о культуре и технике само по себе есть определенная культурная парадигма, которая держится весьма устойчиво и определяет то, с какой позиции люди относятся к происходящему. Эта позиция — одно из проявлений материализма Нового времени, и именно в первую создаваемую материализмом, устремляются те культурные подтеки, которые представляют собой всемирно распространяемые суррогаты достижений восточных культур.

Тем самым мы видим, как в мире срастаются две тенденции: идущая с крайнего запада, из Америки, всемирная технология, обеспечивающая материальное производство, и идущая с крайнего востока, из Китая и Японии преимущественно, всемирная идеология, обеспечивающая производство культуры. Массовые технические подделки обзаны западной технологией, и это очевидно. Массовые подделки в мире культуры обеспечиваются во многом восточной идеологией — и в этом легко убедиться, просматривая сотни и тысячи таких подделок в пользующихся спросом жанрах литературы. Тех, для кого тезис о роли восточной культуры в современном мире сомнителен, можно отослать хотя бы к труду автора теории глобализации, Ролана Робертсона (Robertson, 1992), в котором этот аспект в достаточной степени отражен, хотя ему и придается иной смысл.

Эти две тенденции, в совокупности составляющие образ современной цивилизации, и представляют собой ту глобальную модернизацию, которая захватывает как общества Европы, так и общества Азии. Тем самым модернизация действительно не является лишь вариантом вестернизации — она содержит и очень сильный западный компонент и угрожает культуре Европы в не меньшей степени, чем культурам иных «модернизируемых» стран. Поэтому оказывается, что в поисках средств работы с модернизацией, средств управления ею, правильного к ней отношения и понимания — Европа стоит до некоторой степени в том же положении, что и прочие страны. В этой связи совершенно справедливо указание (Пивоваров, Фурсов) на то, что Европа не выработала взгляда на саму себя, не сумела создать исторической (социологической, экономической, политической и т. д.) концепции, обращенной собственно к Европе.

...Запад не создад и никогда не пытался создать оксидентализма. Американский ученый Дж. Шрекер заметил: «Запад — единственная цивилизация, не обладающая взглядом извне на самое себя, а потому она провинциальна». Подучается, что западный, европейский провинциализм исторически был представлен Западом. Мировой универсализм, европейский тип превратился во всеобщий тип. Хотя Шрекеру можно возразить... более важным

представляются причины функционального провинциализма Запада... (Пивоваров, Фурсов, 1998а, с. 51).

То, что было разработано, имеет отношение в большей степени к проблемам растущей «современной цивилизации», той, что возникает в процессе всемирной модернизации, чем собственно к проблемам Европы. Из проблем модернизации Европе придется выплывать, по большому счету, на равных со всеми другими странами — например, на равных с Россией.

Смещение противоположных волн, участвующих в глобализации, явственным образом ведет не к однородности, а напротив, к полнризации мира. В мире все отчетливее выделяется огромный регион, который не может вести современную хозяйственную жизнь — он может добывать из земли сырье, пользуясь западными технологиями, и отправлять это сырье на Запад для переработки. Сам он лишен организационных возможностей для хозяйствования. В современных геополитических теориях этот регион называют Югом. Противоположный ему регион богатых и самостоятельных в хозяйственном отношении стран называют Севером. Запад (Север) примерно в той же мере оказывается бесплоден культурно, не может обеспечить воспроизводство своих ценностей (разумеется, нет и речи о полном бесплодии, как Юг нельзя назвать совсем уж бесхозяйственным регионом). Собственно Европа, даже именно Средняя Европа — промежуток между этими полюсами, — в той или иной степени способна к обим видам деятельности и специализируется на производстве «интеллектуального продукта». Восток (Юг) становится областью, где живут люди, в экономическом смысле зависящие от Севера, а Север живет таким образом, что все в меньшей степени нуждается в производстве культуры, Середина же по мере сил осмысляет этот процесс и производит «научные результаты», объясняющие, с какой необходимостью мир устроен именно таким образом. В связи с такой новой модернизацией, уже не производной от вестернизации, вводится и новое понятие: глобализация. Как же подуилось, что мир глобализируется? Действительно, с модернизацией (вестернизацией) дело, по большому счету, не пошло, а глобализация идет. Как же это подучается? Если рассмотреть, что говорится по этому поводу, мы увидим следующие. Отмечается рост целостности мира и унификация, т. е.

падение разнообразия. Выдвигается метафора «всемирной дегрени», которая описывает этот феномен: мир представляется совокупностью локальных и целостных ячеек, усвоенных в общих чертах одинаково и распространённых повсеместно. Помимо того, вводится термин «глокализация», для описания эффекта сочтения локальности действующих субъектов и глобального влияния их действий.

Чтобы ближе познакомиться с глобализацией, рассмотрим подробнее устройство возникающего глобального мира.

Глобализация: Север и Юг

Прежде всего нам надо понять, откуда берется представление о Севере, как формируется этот Север? Север — системное понятие, по происхождению он не «белый», не «христианский» и не «Запад». Он не выделяется по изолированным признакам, таким, как уровень науки или технологии, наличие ядерных вооружений, уровень культуры или единство конфессии. Он возникает из предсоставленного, преакризисного — устойчивого геополитического сообщества.

Три решающих фактора станут определять значение не включенных в указанные зоны стран: 1) в какой степени промышленность этих стран оптимально необходима для функционирования ключевых товарно-производственных объединений нового миропорядка; 2) в какой мере те или иные страны важны для поддержания эффективного спроса на продукцию наиболее прибыльных секторов производства; 3) в какой степени те или иные страны отечают стратегическим нуждам (геовоенное расположение, важнейшие виды сырья и т. д.) (Валлерстайн. Цит. по: В. Цымбурский. Это твой последний геокультурный выбор, Россия?, <http://www.roflstudies.ru>, раздел «Виртуальные эссе»).

Тот тип обществу, к которому стремятся современность, назывался универсальным, а затем — глобальным. То есть все время подчеркивался аспект целостности и единства мира. Между тем, то, что возникает, обладает иными чертами. Чтобы

различить эти черты, придавать им смысл, нужна теория. Без теории факты слепы. Поэтому нам потребуются изложить некоторые основные положения теории взаимодействия общественных целей.

Мы знаем, что мир в одном отношении объединяется, составляет некое единство, а в другом — в нем все четче вырисовываются разные части, экономически развитой Север и экономически неорганизованный Юг. Тем самым мир в целом представляет собой единую сложную систему, состоящую из различных частей. Сложная система, состоящая из функциональных блоков, при дестабилизации прежде всего теряет связи между блоками, они начинают работать все более автономно, тем самым целостность системы падает, причем не по «местам удара» новизны (по крайней мере, не обязательно по ним), а по «швам» самой системы, по местам сочленения функциональных блоков. Проще говоря, пусть по стране наносится экономический удар (новация, внешнее воздействие — безразлично) — возможен ответ в виде обострения профессиональной напряженности, если именно этот «шов» был слабым местом системы. Именно об этом эффекте говорится в разделах по общей теории развития (глава 8, разделы «Концепция развития: основные понятия», «Полярные модели общественного устройства», «Восприятие новизны»).

Это означает, что глобализующийся мир (система) под действием дестабилизации все быстрее распадается на части, причем этому разделению способствуют любые трудности. Экономические кризисы и новые болезни, политические напряжения и климатические катастрофы — любые стрессоры вызывают приводят к усложнению разделения мира, причем не на те части, которые своей спецификой отвечали бы специфике воздействий (т. е. выделяются не части, отмеченные болезнью и здоровьем или пораженные климатическими катастрофами и изобавленные от них), а на части, определяемые самим устройством мира. По этой причине Север и Юг возникают в результате самых разных рядов причин, к их появлению ведут тысячи дорог. В этой связи интересно отметить, что к представлению о глобализующемся мире приводят самые разные линии рассуждений. Причем глобализация возникает со всеми своими атрибутами — разделением мира на «регион властителей» и «регион слуг» (в экономическом смысле), борьбой между ре-

лионами, проблемами миграции и т. п. Вот что говорил Ю.В. Яременко в 1993 году.

Мировое сообщество, представляя собой многоуровневую хозяйственную систему, является структурированным, по сути деда — сословным. Роль сословий здесь выпадает гражданам стран, имеющих неодинаковый уровень развития. Аналогия с сословными обществами прошлого в этом случае очевидна. Правда, сословия в рамках национального государства пользовались единым языком и до известной степени обладали единой культурой — с поправкой, конечно, на ее сословные модификации, которые были очень существенны. Культурная однородность общества процесса социальной мобильности в те исторические периоды, когда для этого возникали объективные предпосылки. Сегодня вертикальная социальная мобильность в значительной мере приобрела характер межстрановой миграции, что создает, конечно, много проблем, связанных с взаимной чужеродностью разных культур. Но альтернативы этому, с моей точки зрения, нет (Яременко, 1998, с. 114–115).

Более того, можно заметить, что при попытке выделить некоторый регион в качестве самостоятельного и автаркичного внутри него развиваются процессы, во всем подобные «большой глобализации».

Прекращение или резкое сокращение миграции технически осуществимо, но сделаем ли мы то, что развитым странам придется принудительно затонить на низшие технологические уровни какую-то часть своего собственного квалифицированного населения. Это хорошо видно на примере нашей экономики. Не будет преувеличением сказать, что в определенном смысле мы искусственно превратили часть своего населения в алкоголиков, чтобы затем, пользуясь снижением уровня социальных притязаний этих людей, загнать их на низкокачественные рабочие места (Яременко, 1998, с. 114–115).

Существует опасность превращения нашей экономики в стоячее болото с разбросанными по

нему отдельными островками благополучия (Там же, с. 288).

Можно видеть, что современность порождает процессы глобализации, которые идут не только «там», по воле транснациональных корпораций или еще каких-то «задаев», — они идут везде, и в случае автаркии будут происходить (и происходят) в России. То есть общество оказывается расщепленным и дифференцированным не только в смысле выделения в мире крупных разнокачественных регионов, но и при рассмотрении «микроструктуры» отдельных обществ.

Присущие постмодернити формы насилия проистекают из частного, дерегулирующего и децентрализованного характера процессов, связанных с идентификацией личности»./.../ «Вакуум, оставленный уходящим в прошлое национальным государством, заполняется сегодня неотрайбалистскими, постульрованными или воображаемыми «как бы сообществами», и, если бы он ими не заполнялся, сохранилась бы политическая пустота, в которой блуждали бы индивиды, теряющиеся в гомоне противоречивых призывов... (Бауман, 2002, с. 117).

Можно, конечно, утверждать, что «своя» глобализация лучше «чужой», но в целом все плюсы и минусы глобализации с необходимостью оштутят все регионы, все страны и в конечном итоге все люди, независимо от того, к какому клану примкнут эти люди и эти страны — к глобалистам или антиглобалистам. Получается, что антиглобалисты столь же глобалистичны, как глобалисты, только масштаб у них поменьше — вместо всемирной глобализации они (сознавая или не осознавая это) делают свою карманную глобализацию с тем, чтобы «местный Север» расположился удобнее, чем позволил себе разместиться на планете тот, всемирный Север. И тогда в каждой стране — в России и в Индонезии — возникнет свой маленький анклав Севера, прежде всего — в столице и крупных городах, и появится свой собственный «Дикий Юг» — на периферии, у границ, между крупными центрами, и этот местный Юг будет мигрировать на местный Север, засыпать в него наркотики и террористов, воевать за свободу и традиционные ценности...

Итак, система, находящаяся в кризисе, распадается на блоки. Концепция глобализации утверждает, что «системой» становится мир в целом. Наличие активного антиглобализма говорит о кризисе этого глобального нового мира. Что же происходит со сложной глобальной системой цивилизации?

Существует несколько несложных правил обращения со сложной системой. Например, если хочется добиться увеличения какого-либо показателя, принято принимать меры по его увеличению, создавать способствующие факторы и т. д. А если самого признака не существует, если нет основы для того, чтобы было с чем работать? Следует раскачать систему, дестабилизировать ее — и в возникающем на фоне дестабилизации системы огромном разнообразии эффектов проявится тот, который нужен селекционеру-реформатору. Тут следует прекратить стрессирующее воздействие на систему (чтоб не слохла) и побыстрее закрепить проявившийся признак.

Противоположная задача — как стабилизировать распадающуюся, дестабилизированную систему? Тривиальный ответ — поместить в тепличные условия, дать денег, кредиты и т. д. — не верен. Чтобы понять возможное решение, надо вспомнить одно из частных следствий общей теории развития, изложенной в главе 8, в разделе «Концепция развития: основные понятия», а также в разделе «Восприятие новизны». Если мы имеем некоторую систему, выделенную из среды (все равно какую систему: биологическую, социальную, лингвистическую и т. д.), то можно высказать общий принцип: система всегда активнее среды. Это означает, в частности, что никакое воздействие среды не является «специфичным» для системы, не определяет поведения системы. Специфичность воздействия система определяет сама, по своим внутренним законам, и потому даже при катастрофическом воздействии внешней среды, ведающем к разрушению системы, сложная система распадается по внутренним законам, собственным законам строения данной системы. При этом ясно, что, чем ниже целостность системы, связанность ее блоков, чем слабее регулирующие механизмы, тем меньшее внешнее воздействие нужно для начала развала системы. В пределе достаточно случайной пылинки — что и называется «самопроизвольным распадом». Поэтому в структурном смысле о внешнем воздействии вообще можно не говорить, любое воздействие система интерпретирует, делает специфици-

ческим, специально для нее значимым, иначе говоря, любой кризис системы — всегда внутренний.

Итак, система активнее среды, любой системный кризис является внутренним, поэтому тепличные условия — всего лишь «поспелый режим», а не специфическое лекарство. Система сама срывается за свою устойчивость, и внешняя среда в тепличных условиях ей не мешает — но и не помогает.

А что же будет специфической мерой? Если мы знаем причину постигшей систему «бедезни», знаем причину дестабилизации и хорошо представляем себе устройство системы — тогда мы можем попытаться вычислить, в соответствии с устройством данной системы, какие следует принять меры. А если мы не умеем выделать из множества причин специальную причину дестабилизации и плохо представляем себе устройство системы? Тогда следует начать стабилизацию по важному для системы параметру. Этот выход выглядит жестоким, однако приносит успех. Можно вспомнить, каким образом после гражданской войны и разрухи произошло восстановление России, как такое же восстановление было достигнуто после Второй мировой войны. Происходила «кажмание гаек», террор, репрессии — но это на языке либеральных свобод. На языке системы — происходила усиленная стабилизация важного для системы параметра — усиление сферы власти. С этой точки зрения репрессии 1948-го и последующих годов очень понятны: не какая-то «неблагодарность» к людям, выправшим войну, не прихоть и не каприз, а осознанная работа властной технологией: в кризисной ситуации следует стабилизировать важную функцию, в результате произойдет ускоренная стабилизация прочих параметров. Отсюда и обоснованные опасения того, что в результате нынешней дестабилизации будет выбран сходный выход: Россия довольно давно спасается этим немудрящим (но от этого не менее действенным) средством. Другое дело, что это — лечение ответственное, но дикое, очень затратное по отношению к ресурсу системы. Ведь можно попытаться стабилизировать иные важные функции системы; *три десятилетиями важная стабилизация как таковая, а не стабилизация чего-то отдельного.*

Дело в том, что в целостной системе разные ее признаки и аспекты взаимосвязаны; если как-то изменяется один набор признаков, то волна изменений пройдет и по другим группам

признаков — и наоборот: если зафиксирован один аспект системы, «водна стабильности» происходит по иным аспектам. В этом рассууждении имеется оттенок, который обращен не к механическому, а к органическому (системному) пониманию. Если в механизме отказывает какад-то дегадь, часть оказываега возмояжным поакрутить (изменить) какую-то аругую дегадь, так чтобы механизм в целом функционировал нормально. Отсюда возникает механицистская интуиция: если что-то «сбоит» в общественной системе, если устойчивость и надежность ее воспроизводства падают, надо срочно что-то менять. На самом деле любые изменения для такой системы ведут лишь к все усиливающейся дестабилизации. Изменения накапливаются, их последствия взаимодействуют и все сильнее «раскачивают» устойчивость системы. Правильным «лечением» будет не доподнигельное изменение, а стабилизация, жесткое фиксирование какого-либо аспекга системы. При этом нельзя забывать, что в таких системах всегда действует «принцип Черной кородевы»: чтобы оставаться на месте, требуется бежать как можно быстрее. Поэтому «стабилизация» не означает ничего неделаания, это напряженный труд, направленный на увеличение устойчивости данного аспекга системы, на уменьшение набодающихся в нем изменений. Вслед за стабилизацией одного аспекга «чуждечным» образом начнет увеличиваться устойчивость и аругих аспекгов деятельности системы, с которыми «ничего не делади».

Отсюда ясно, почему предлагаются альтернативные проекты: усиленного развития культуры, усиленного внимания к экологической обстановке и аругие подобные. В данном случае «развитие» определеенной части системы обозначает стабилизацию данной части (аспекга), поскольку увеличение устойчивости, стабильности воспроизводства системы (или ее части) есть один из основных модусов развития. Авторы этих проектов выбирают стабилизацию по менее опасным (на первый взгляд) параметрам, чем властные функции общества.

Итак, вне зависимости от внешнего «агрессивного воздействия» система в состоянии кризиса будет распадаться «по швам», образуя новые отдельные системы, соответствующие блокам предадущей системы. Система распадается на блоки, способные к самостоятельному существованию, т. е. на устойчивые блоки. Для этих блоков распадающегося глобального мира —

который распадается, не успеваега на деле глобальным, — придуманы имена: Севери Юг (впрочем, на самом деле с «Югом» ситуация немного сложнее, мы к этому еще вернемся).

Для того чтобы охарактеризовать эти блоки и их отношения, обратимся к концепции Хантингтона (РИЖ, 1999, № 1; Huntington, 1993). Он полагает, что на самом деле Запад унакаден, а не универсален. Поэтому вся концепция модернизации устарела, нет речи о преобразовании всех стран и культур по европейскому образцу. Значительная часть мира становится все более современной и все менее западной. Насколько можно понять, для Хантингтона «современность» означает благополучие, сильную экономику и развитую технику (правда, он сам с насмешкой говорит о теории кока-колонизации). Эта современность застает в мире несколько разных цивилизаций, которые, по Хантингтону, являются уникальными системами. Эти цивилизации сталкиваются с проблемами современности, что и отображается в термине «модернизация». Тем самым модернизация состоит в том, чтобы стоять на уровне задач современности, преуспевать в современном мире любым способом, а вестернизация представляет собой специфическое влияние одной уникальной цивилизации, а именно Запада. Такой социальный механизм, как, скажем, демократия, не является чертой «ясей» современности, это специфическая черга цивилизации Запада, сильно распространявшаяся в результате вестернизации. Этот социальный механизм в современном, глобальном мире работает так, что приводит к легитимному отказу от ценностей западной цивилизации. Демократия приводит к традиционализму: при внедренной демократии общество гондусует за традиционные ценности, получается не космополитичность, а традиционность. Демократизация приходит с модернизацией — и борется с вестернизацией. Современные общества стремятся быть традиционными, в частности, с помощью демократии.

Хантингтон считаега, что западная цивилизация вступила в фазу образования всеобщего государства. Иногда его называют «ипердержавой», иногда — Севером, мы будем называть его *Федерацией Севера*. Хантингтон утверждает: НАТО будет служить для защиты западной цивилизации. В Запад (Север) «возьмут» все страны с общей исторической судьбой, но не возьмут никого из мусульман и православных. Такое решение

связано с тем, что цивилизация, по Хантингтону, представляет собой прежде всего культурную целостность, она определяется по господствующей религии. По Хантингтону, западная цивилизация должна не преобразовывать иные цивилизации под себя — на это явно не хватит сил, а заняться самосохранением. Хантингтон предвидит столкновение цивилизаций. Мир будет расколот на крупные цивилизационные блоки, которые будут вести друг с другом бесконечную борьбу.

Итак, Хантингтон выделяет складывающийся Север как некое политическое единство (Федерация Севера), а также культурное единство. Очевиден и экономический аспект Севера. В экономическом плане Север процветает в рамках концепции «золотого миллиарда»: богатые страны с высоким уровнем дохода населения противопоставляются странам бедным, где население нищенствует.

Такова точка зрения Хантингтона. Подробнее мы еще остановимся на деталях строения Севера и Юга. Здесь же только кратко упомянем основную деталь, важную для дальнейшего изложения. У Хантингтона Север предстает прежде всего как культурное, религиозное единство. Можно определить Север по границам распространения христианства, можно — по границам протестантизма, но в любом случае в Север войдут страны, обладающие определенным конфессиональным признаком. Однако, как мы описали выше, возникающие в результате распада единой мировой системы блоки должны быть устойчивы. Север должен быть целостной системой — культурной, политической, экономической, и потому в него будут «набираться» не по признаку — уровню доходов или по профессии, а таким образом, чтобы в результате получилась устойчивая система. Тем самым все показатели, по которым в разных концепциях определяют, войдет или не войдет данная страна в Север (общность культурной традиции; конфессиональная принадлежность; стадия экономического развития; размер национального богатства; уровень дохода на душу населения и т. д.), — все эти показатели совсем не абсолютны. Для «защиты» в Север будет важно одно: увеличивает это зачисление устойчивость Севера как целого или уменьшает. Ни один изолированный показатель не будет критичным.

Из такого определения Севера вытекает, кстати, что противоположный блок — Юг вообще не является единым регио-

ном, это лишь конструктор, значимый с точки зрения Севера. Север выделяется как устойчивая система, а Юг представляет собой набор стран, не вошедших в Север. Юг определяется по остаточному принципу, а потому не может представлять собой единый устойчивый блок. Однако к более подробной характеристике Юга мы перейдем в дальнейшем, а сейчас нам надо рассмотреть еще некоторые аспекты глобализации.

Противоборствующие течения: управление движением мира

Дея в мире устроены таким образом, что наступающий контроль за процессом не получить, если запустить только процесс, приводящий к желательному состоянию. Такой процесс будет устойчив. А вот если еще организовать противодействие первому процессу, то, контролируя оба процесса — прямой и ему противодействующий, можно получить уверенный контроль и устойчивое течение событий по определенной траектории.

Причина такого положения дел — в «замыкании» пространства культуры вокруг пары антагонистических деятелей. Ава противоположно направленным процессам видоизменяют ландшафт культуры, если угодно — «протыкают» его, и все большее число других процессов направляется к центру протыбки, так что возникает устойчивое движение к равнодействующей наших исходных процессов (об этом подробнее в следующем разделе «Глобалистский мир»).

Поэтому множество процессов современной жизни представляют собой такие пары — то есть противодействия им увеличивают устойчивость достижения общей цели. Для примера обратим внимание на то, как обстоит дело с государственным устройством. Наблюдается глобальная тенденция увеличения мощи государств с начала XX века. Внутри каждого государства органы власти получают все большее значение; противостоящие им системы гражданского общества становятся все более слабыми и управляемыми. Это один процесс — усиление государства. Одновременно в начале века Вудро Вильсон сделал всеобщим достоянием идею права наций на самооп-

ределение («Каждый народ имеет право избирать ту форму суверенности, которая для него предпочтительна»). Сейчас очевидно, что очень многое в ослаблении современных государств делается борьбой за национальную независимость. Моноотническое государство есть абстракция; почти любое реальное государство может быть разорвано на части при следовании принципу самоопределения наций. Это обратный процесс, ослабляющий государства. Результат взаимодействия прямого и обратного процессов: ослабление слабых государств и усиление сильных. Собственно, так было с самого начала применения этого принципа: он был выдвинут для развала Австро-Венгрии. Возунг национального государства (локальный) входит в противоречие с правом наций на самоопределение (глобальным) и приводит к быстро идущему процессу дифференциации государств.

Образование новых государств на волне распада старых, обрушившейся на весь мир сегодня, является не только продуктом Древних националистических империалов и катастрофических социальных волнений. Движущей силой этого процесса является и глобализация... (Уткин, 2001а, с. 115).

Подобным образом обстоит дело и с частной собственностью. С одной стороны, это основа современного права. Глобализация также провоцирует частную собственность одним из своих основных пунктов. Казалось бы, конфликту нет места, но все же система современности и глобализация входят в противоречие именно по линии частной собственности.

Связанные с идентификацией конфликты никогда не противоречат тенденциям к глобализации и не стоят у них на пути: они являются законным порождением и естественным спутником глобализации и не только не затрудняют ее, но и смазывают ее колеса (Бауман, 2002, с. 192).

Право частной собственности — основа экономической жизни. Транснациональные корпорации (ТНК) в своей деятельности опираются на право собственности; но ТНК же раз-

рушают и ослабляют государства, которые гарантируют выполнение права собственности. Отсюда необходимость для ТНК иметь собственные силы, чтобы самим выступать в качестве гарантов права. Тем самым право из ассоциального, из стоящего над системой интересов, становится частным, неотчуждаемым от того, кто этого права требует, — как в Средние века, когда право было связано с землей; кто здесь хозяин — того и право. Более того, ТНК, как понятно, лишь начали и первый пример этого процесса. Со временем отдельные люди приобретут (и частично уже приобрели) такую экономическую мощь, что право частной собственности станет для них личным правом, вытесняющим и уничтожающим все иные системы права в их зоне влияния. Феодализм возвращается в основах правовой системы, принятой современностью. Это означает, собственно, также и прямо противоположное высказывание.

Независимый частный собственник, ведущий дело исключительно на свой страх и риск, стал редким исключением или временным состоянием. ...Функции капиталиста стада выполнять организация из лиц, ни одно из которых не является полным собственником предприятия. Все они суть наемные лица. Таким образом, в экономике Запада частное предпринимательство перестало быть неразрывно связанным с отношением частной собственности и с персональными собственниками (Зиновьев, 1997, с. 118).

Получается, что дело не в том, будет ли обладать властью *отдельный человек*; его будет обладать некий *собственный*, скорее всего безличный. Право станет одновременно *частным* и *безличным*, и эту ситуацию можно с равным успехом описать как полный триумф частной *собственности* и как полное уничтожение *частной* собственности.

По этому поводу высказываются противники глобализации: «стадия ТНК — «планетарного рыночного тоталитаризма» — представляет собой закономерный этап эволюции природопотребительской цивилизации, подошедшей к своей агонии. Мир ТНК — это невообразимая стратификация мира на страны «золотого миллиарда» и их информационно-сырьевые колонии,

на когнигорипат (людей, владеющих знаниями) и, если можно так выразиться, «зомбитарипат» — зомбированную рыночную рекламой и «черной культурой» (М. Князева) основную часть населения планеты» (Зубаков, 2000, с. 63).

Мы видим, как в отношении важнейших элементов современного мира выстраиваются полярности, противопоставленные процессу, которые только вместе определяют истинное направление развития. К таким парам полюсов можно отнести также «глобализм» и «антиглобализм» как общественные движения. (Одним из проявлений противоположения глобализма и антиглобализма является и очередной уровень противостояния западничества и почвенничества.) Глобализм и антиглобализм, при всей своей противоположности, определенным образом ориентируют развитие социума. Антиглобализм есть мировоззрение, жизненно зависящее от своего противника, поскольку любое «анти-» определяется только через позитивную часть тезиса.

Учитывая единство представляющего перед нами многообразия мнений, можно вспомнить симптоматичный для этой ситуации рассказ. Эта история рассказана, кажется, М. Распаровым. Пожилой ученый спрашивает коллегу: «Вы — православный?». Ответ: нет, я атеист. Пожилой господин: «Но Вы наш, православный атеист?». Подумав, коллега согласился. Согласно этому рассказу, атеизм, отрицающий любую религию, в реальности отчётливо делится на атеизм православный, католический, иудейский, мусульманский и т. д.

Глубинное взаимодействие глобализма и антиглобализма позволяет сказать следующее: мир развивается не в сторону «глобализма» или «антиглобализма», а сильнейшим образом определяется этой полярностью, так что в результате выстраивается определенная мировая система, несущая сильный отпечаток обоих полюсов. Ситуация выстраивается таким образом, что действие полярностей оказывается *исчерпывающим*. Это означает, что любое действие может быть истолковано как глобалистское или, напротив, антиглобалистское — для России, соответственно, западническое или почвенническое. Любое сильное изменение ситуации отдаст преимущество либо той, либо другой стороне, так что чем сильнее противоречие полюсов, тем более уверенно оправдывается мир туда, куда влечет его полярность в целом.

Глобалистский мир — и глобалистские люди

Пространство культуры устроено так, что, если испытываешь к кому-либо сильную неприязнь, ненависть к какому-то объекту культуры, мир вокруг тебя смыкается так, что ты остаешься наедине с объектом ненависти. Ненависть заставляет уединиться с ненавистным объектом. Поэтому тот, кто ненавидит глобализм, будет жить в глобализованном мире, — в таком мире, в котором самой существенной чертой будут черты глобализации.

Мир устроен так, что в том случае, если человек что-то ненавидит, мир вокруг него и объекта его ненависти замыкается. Сила такого искривления пространства тем больше, чем сильнее неприязнь. Такая пара — ненавидимый и ненавидящий — оказывается смертво связанной. Атеизм не существует без теизма, и где антикоммунизм, если коммунизма нет. Где анархисты, если не будет государства. Относясь с неприязнью к какому-либо явлению, человек замыкает свой мир, оставаясь там наедине с неприятным объектом.

Мир личных мировоззрений подобен по принципам своего устройства динамике мировоззрений, существующих в обществе. Любой ответ лежит в плоскости вызова; любой антиглобализм есть не более, чем вариант глобализма, — как атеизм паразитирует на вере, как почвенничество есть порождение западничества (и vice versa). Поэтому важнее борьбы с идейным противником отыскать путь развития вне ответов на вызовы, самостоятельный путь. В биполярном идеологическом и культурном мире нет выхода — есть только бесконечная битва неунитожимых мировоззрений. Выход из идеологических темниц можно отыскать, если обнаружить ту силу, которая способна встать посреднике, сформулировать альтернативу всей плоскости спора и вывести из замкнутого неприязню пространства. Выход не в борьбе с противником, а в расширении собственного культурного пространства так, чтобы в нем могли появиться и другие дороти культуры.

В рамках геополитики обычно рассматривают глобализацию как один процесс, а другие процессы как ей противостоящие. У А.И. Уткина (2001а) перечислены десятки таких процессов (национализм, терроризм, фундаментализм, рост социального неравенства, миграции и прочее) — все они препятствуют гло-

бализации. Но это «препятствие» глобализации со стороны антиглобалистских тенденций можно представлять не в виде поездов, идущих в разных направлениях, «перетягивающих» друг друга, — а в виде вихря: потоки воздуха, столкнувшись, образуют систему, которая движется совместными усилиями в одном направлении, хотя в каждый момент времени в системе можно обнаружить разнонаправленные потоки. Нынешнее состояние мира неустойчиво и стремится к более устойчивому состоянию; к нему ведет много дорог, почти каждый процесс сворачивается так, чтобы привести к нему. Будущее состояние мира пытается сбиться, осуществляется как процессами глобализации, так и всеми противостоящими процессами. Помирность процессов, развивающихся в мире, а также их множественность обеспечивают на деле эквивалентность развития, когда при любых отклонениях мир возвращается к тому семейству траекторий, которое ведет его вот уже несколько десятилетий (по меньшей мере).

Итак, тысячами дорог мир продвигается к единому будущему. Чем ближе к «аттрактору» (результатирующей точке сложного взаимодействия разнонаправленных процессов), тем быстрее сливаются в единый поток методологические конструкции, дороги государств, тропинки личных судеб. Из марева непреодолимости выступают контуры будущих Севера и Юга. О России чаще всего говорят, что она промежуточная, гибридная... Мнения аналитиков, о которых говорит А.И. Уткин (2001а), таково, что судьба стран, разорванных в своей цивилизационной основе (Россия, Алжир, Турция, Мексика, где элита — западная по культуре, а основная масса населения — нет), очень тяжела. В России к тому же проходит фронт православия и ислама. То есть указывается, что разлом меж Севером и Югом проходит здесь внутри стран. Этим объясняется нечеткость предсказаний относительно судеб России.

Однако можно обратить внимание, что из фактов, приводимых в той же работе Уткина, следует, что такой фронт по-всему — в связи с миграцией Юга в подвалы Севера. Все плотнее становятся миграционные потоки, направленные в страны Севера. По прогнозам, в 2025 году в США белые будут составлять 53% населения, а 25% — испаноговорящие. Это приведет к ослаблению традиционных связей США и Европы. Более того, в 1990-х годах 1/5 взрослого населения США

неграмотны (Бауман, 2002), по иным источникам — в Великобритании 7% неграмотных, а 12% «затрудняются» в устном счете. Более сабже, но те же по типу проблемы — и в европейских странах. Поскольку большинство аналитиков уже признают, что главным в модернизации является культурная подоснова, а не правовые или экономические новации, ясно, что Америке будет все труднее выполнять роль державы Севера — в ней будет меняться цивилизационная основа. Тем самым тяжела участь, которую пророчат России, на деле есть также протноз относительно проблем Севера, Европы и США.

Разлом проходит внутри всех стран, и страны Севера видят, как они покрываются анклавами Юга, а в странах Юга разверзается города Севера. Вель дело в том, что глобалисты правы и глобализм действительно победит, в определенном отношении мир будет единообразен. И антиглобалисты правы, указывая на своеобразии некоторых областей, на самопротиворечивости глобализма и на то, что глобализм сам обостряет противоречия, которые призван лечить. Деление на Север и Юг будет столь плотным и всеобъемлющим, что пройдет внутри государств, а также и внутри людей. Если мы вспомним прежние крупные процессы и крупные кризисы, так всегда и оказывалось. Длительнейшая ординарная точка зрения способна различить в современности — единные блоки Севера и Юга; на заре Реформации — католическую и протестантскую Европу; в России 1918 года — красную и «белую» России. Даже более того: если в приведенных примерах было гораздо более сторон, чем «два главных супротивника», то современность, по мнению З. Баумана, отличается индивидуализацией, распадом общества на множество изолированных индивидов. Общество пошло в распыл, так что единообразия мира будет иметь (и имеет) своей обратной стороной чрезвычайную, небывалую множественность. С другой стороны, индивидуализация не сопровождается принципиальным ростом разнообразия в обществе; самостоятельные, автономные индивиды тем не менее стандартны.

Временные горизонты жизнеиспытания все более сужаются, пока *история* (в экстремальном случае) не сжимается до *(вечного) Сегодня*, когда все вращается вокруг собственного «я», собственной жизни. С другой стороны, сокращаются сферы,

где собственную жизнь определяют коллективные действия, и расстут принуждения строить собственную биографию самостоятельно, причем как раз там, где она есть не что иное, как продукт обстоятельств (Бек, 2000, с. 198).

Глобализацию подвергают критическому анализу прежде всего те, кто призывает реалистически ответить на два вопроса: *не стирается ли от нее болевшиесть мирового населения и кому прежде всего выгоды глобализация?* (Уткин, 2001а, с. 96).

В целом можно сказать, что человеческая личность в глобальном обществе растворяется. Множество самых разных процессов ведут к тому, что люди становятся все более одинокими внутри, внешне разнообразие поддерживается «комбинативными» средствами эклектической культуры.

Мы можем видеть в самых разных процессах один и тот же разворот событий: стремление к равенству в тех формах, в которые оно отливается в деятельности людей, привело к новому неравенству и утере многих достижений демократии именно на пути становления глобальной демократизации общества; стремление к эффективности и благосостоянию привело к новому бедности именно на пути принятия эффективности как основного регулятора хозяйственной деятельности; стремление к свободе привело к обезличиванию и порабощению именно на пути освоения всех сторон жизни индивида. О каждом из этих процессов настойчиво пишут очень многие авторы. Например, Лиотар (Lyotard, 1984) красочно описывает эклектизм глобалистской культуры, распадение социальных институтов и появление социологических «атомов» вместо личности. Общество распадается в пыль — теряют сторонников политические партии, уменьшается число членов профсоюзов, рушатся системы социальной защиты... Об этом пишут Бодрийяр, Гидденс, Лиотар, Бауман, Турен, Бек, Кристи и многие другие исследователи общества.

В глобализирующемся мире с людьми происходят процессы, которые в целом можно назвать «деперсонализацией». Можно поставить вопрос: это касается только Севера, только обществ, в которых глобализация зашла уже далеко? Или общества, не входившие в Север, тоже подвержены подобным процессам? Можем ли мы надеяться, что отрицательные по-

следствия глобализации захватывают только высококоразвитые страны, а в странах Юга (хотя бы в некоторых) человек сохраняет душевную глубину и богатство культуры?

Обратим внимание только на один пример. Можно достаточно обоснованно сказать, что политика СССР, рассматриваемая под углом зрения западничества и почвенничества, была решением, определяемым существующей полнотой. Эту политику не удается атрибутировать как целиком (или по большей части) почвенническую или западническую, не удаётся о ней сказать в терминах баланса этих движений мысли. В СССР были достигнуты выдающиеся результаты с обеих точек зрения. С точки зрения западничества — всеобщее образование, индустриализация и т. д. Для почвенничества — противостояние Западу, мощная государственность, автаркия и проч. Греки СССР перед обоями мировоззрениями также велики. Греки перед западничеством — ну хотя бы запрет на демократические процедуры, урезание многих прав личности; перед почвенничеством — разрушение «народного тела», гонения на религию и т. д.

Можно привести длинный список имен авторов, с удовольствием публиковавших свои работы в изданиях обих толков / диссидентских почвеннических и западнических. — Г.А./ Можно, наконец, вспомнить одну из первых диссидентских общественных ассоциаций — Комитет прав человека (1970–1973), куда на равных входили А.Д. Сахаров и И.Р. Шафаревич (Даниэль, 1998, с. 111–129).

В самом деле, расклада политических сил, который привел к возникновению СССР, в значительной степени определялся отношением марксизма (в частности, дегального марксизма) и народничества. С.А. Франк определял дегальный марксизм как первое в России последовательное западничество, а народничество — вторичное «завуалированным славянофильством» (Франк, 1997 / 1956 /, с. 484). После того как народничество сошло со сцены, выступили иные подобные пары. И сам советский режим, и силы, ему противопоставляющиеся, были двуедины в отношении диалота западников и славянофилов. Более того, и результаты движения на столь особой исторической траектории, которую осуществляла СССР, также вывалились в общее

русо истории, приоближавшейся к осуществлению глобалистского сценария. Если не описывать детали, то в целом можно сказать, что глобальный мир был бы построен независимо от того, развалился бы СССР в 1980–90-х годах или нет. Глобальный мир был бы построен даже в отдаленно взятом СССР — если рассматривать его как отдаленный мир.

В России жестокость революционного обвала связана была к тому же с сознательным истреблением старого культурного класса и заменой его новой, из низов поднимающейся интеллигенцией. Второй источник катастрофы — хотя и совершенно мирный — заключается в чрезвычайно быстром процессе приобщения масс к дивилзации, в ее интернациональных и очень поверхностных слоях: марксизм, дарвинизм, техника. ... Двадцать лет со- вершили работу столетий. Психологически последствия таких темпов должны быть чрезвычайно тяжкими. Прибавьте к этому и третье, неслабкое и небывалое в истории ослабление: тоталитарное государство, которое решает создать новый тип человека, опираясь на чудовищную монополию воспитания и пропаганды и на подавление всех ино- родных влияний. Эта задача удалась — по крайней мере в отрицательной части... Новый человек: Египорасо-Американус (Федотов, Письма о русской культуре / 1938/ 1991, т.2, с. 167).

В этих словах Федотов по сути отмечает рождение в СССР глобалистского человека. Можно вспомнить реализованный миф советского периода о создании нового типа человеческой общности — советского народа, который действительно был создан, так что родился «совок». В определенном смысле это было выращивание предшественника глобального человечества. В нашей стране глобализм имеет мощные корни — в советском периоде истории России. Наивно полагать, что глобализм — американская штучка. Мы тоже к нему готовы и быстро движемся навстречу глобалистскому будущему. Мы думаем, что бежим от глобализма, но это ничуть не мешает нашему истинному движению. Напряжение между полюсами идеологического спора искривляет и в пределе замыкает про-

странство, в котором ведется диалог, так что независимо от направления каждый шаг ведет к ядру системы противоречий; путями глобализма или антиглобализма — безразлично. Так устроено «пространство культуры»: сила противоборства между полюсами сворачивает культурное пространство в «пузырь», закрывая выходы; возникают девизы «кто не с нами — тот против нас», «пойдешь далеко — придешь направо», точно обрисовывающие геометрию замкнутых идеологических миров.

То есть политику СССР в целом следовало бы описать не как западническую или почвенническую, а как сильнейшим образом определяемую этими наличными полюсами. Мы видели, как описывается «советский человек» Г. Федотовым, и мы можем прийти к пониманию этого сложного процесса взаимодействия и почвенничества, сильно видоизменившись, образовали в СССР сходные по расположению полюса марксистов и государственников и привели вместе к попытке построения глобального (локального) мира на 1/6 суши. В экспериментальной реторте под названием «СССР» была достигнута чрезвычайно высокая скорость протекания социальных процессов. Подопытное общество буквально стартовало в будущее и — с некоторым, местным в эксперименте искажением обрисовало черты этого будущего. Каким можно представить себе это будущее, мы будем подробнее описывать в следующих разделах. Что же до экспериментальной реторты, то «топливо» постепенно выгорело, температура и скорость социальных процессов упала, в результате экспериментальная страна «вывалилась» из будущего, упала в настоящее, да еще по инерции пролетела немного в прошлое — очевидцы начала 1990-х помнят, как воскресали давно ушедшие на дно истории картины.

Изменяется мир, и меняется человек. Конечно, по большому счету человек еще такой же, каким был, скажем, в конце XIX или начале XX века. Пока люди меняются лишь стилистически, поскольку живут в новом обществе, в новой культуре. Но постепенно эта новизна, это стилистическое изменение проникает все глубже. Люди изменяются все существеннее. Федотов уверенно говорил о Номо Египорасо-Американус, Зинновев — о Номо soveticus. С точки зрения номенклатуры, это указание на новый вид: человек становится новым видом, в

человечестве выдвигается новый вид. Биологически это абсурдно... Имеется старое представление, идущее от Аристотеля, что человечество представляет собой не вид, а особое царство, разнообразие которого не ниже царства животных. В этом людском царстве возникает значимый постоянный вариант, значимая застывающая форма. Может быть, обозначения Фредова и Зиновьева — не только риторический прием?

Мы можем подойти к вопросу об изменении человека в современности и с другой стороны. Индустриальный век привел к тому, что особенно большое значение приобрели не отдельные люди, а организованные совокупности людей — тех людей, которых смогло произвести индустриальное общество. Эти совокупности людей приобрели новое качество. На арену истории вышли организации, социальные машины, социоматы. Разумеется, люди создавали социальные организации уже очень давно, но в индустриальном обществе роль таких организацией чрезвычайно быстро выросла, так что мы можем отметить качественный скачок организованности общества в этом отношении.

Когда человеческие атомы скреплены в организацию, в которой они используются не в соответствии со своим назначением — как разумные человеческие существа, а как зубцы, рычаги и стержни, то большого значения не будет иметь то обстоятельство, что их сырьем является плоть и кровь. То, что *используется в качестве элемента в машине, действительно представляет собой элемент машины*. Если мы доверим наши решения машине из металла или тем машинам из плоти и крови, которые представляют собой бюро, огромные библиотеки, армии и акционерные общества, то мы никогда не получим правильного ответа на наш вопрос... (Винер, 2002, с. 162).

Можно ли сказать, что созданием «машин из плоти и крови» исчерпывается изменение людей? Что глобализм не приносит нового в общество, состоящее из таких машин, социоматов?

По-видимому, эволюция социоматов продолжается, и происходит еще нечто новое. Повышение роли определенным образом устроенных организаций в истории есть продукт имен-

но индустриального общества. То, что говорят исследователи о глобализации, заставляет думать, что глобализация — новая стадия развития общества (и человека), индустриальное общество уходит в прошлое. Как же изменяются социальные машины на новом историческом этапе?

В период господства планового начала управляющие воздействия в обществе реализовывались, главным образом, *организационными* методами. Можно с полным правом назвать XX век веком организаций. Для решения каждой проблемы в обществе возникла специализированная организация, члены которой действовали «как доджно» или «как нужно», а не «как хочется». С отказом от планирования организационный принцип сознатальной дисциплины сменился в значительной степени *манипулированием* — воздействием на интересы и цели людей. Исполнителя усилено убеждают, что он действует исключительно в собственных интересах, в то время как интересы эти искусно формируют самыми разными методами, начиная от примитивных подкупа, запугивания и лести и кончая изощренными методами выборочного информирования, внушения и формирования мнений, в частности, через средства массовой информации. В результате реальная власть в обществе переходит от организаций к манипуляторам (Поспелов, 2002, с. 17).

Здесь следует сделать лишь небольшое уточнение: «манипуляторы», о которых говорится выше, представляют собой, разумеется, тоже организации. Тогда складывается следующая картина. Мир будущего будет не просто миром людей, отчаянно борющихся за свою личность, и не просто миром «машин из плоти и крови». Эти машины особенным образом изменяются: управление ими становится, по выражению И.Г. Поспелова, «манипулированием», работают уже не прямые связи между людьми или организациями, не приказы и указания, а отношения виртуальные, отношения новых социоматов, которые представляют собой структуры общественного сознания. Не «плоть и кровь», а структуры не-личного сознания являются деталями этих новых специальных машин.

Если попробовать уточнить это расуждение до обрзаа, то можно сказать следующее. Организации индустриального общества могли быть уподоблены машинам, станкам — недаром говорилось о «кодефиках и винтиках». Организация постиндустриального общества должна быть уподоблена компьютерам, точнее — компьютерным программам. В обществе, состоящем из hard-организаций, возникало все больше soft-организаций. Вместо механической причинности действиями людей и организаций управляют информационные зависимости. И если раньше многие исследователи общественной жизни опасались, что люди станут «винтиками», то теперь видно, что «винтики» эволюировали в «байты».

Сценарии глобализма

Мы кратко рассмотрели возникновение глобального мира, его деление на блоки и указали на некоторые общие тенденции его развития. Теперь следует обратиться к более подробной характеристике конкретных сценариев развития глобального общества. Каждый такой сценарий опирается на некоторые тенденции, различимые в реальности. И в этом смысле фактичен и добавляет к этим фактам собственный прогноз дальнейшего развития общества.

Прежде всего обратимся к «основному» глобалистскому сценарию, согласно которому с помощью понятия о глобализации можно описать важнейшие аспекты доступного будущего. То есть этот сценарий подразумевает, что основным событием является образование Севера, группы передовых стран, которые ведут мир к демократии и благосостоянию. К тому же сценарию можно отнести критические по отношению к глобализму высказывания, которые не находят в современности сил, реально противостоящих глобализму.

Силы, обладающие реальным влиянием, сегодня в основном экстерриториальны, а арена действий политиков остается локальной, и поэтому последние не могут достичь тех высот, где устанавливаются... решения, определяющие предпосылки и рамки по-

литических акций. Это отделение власти от политики нередко обозначается понятием «глобализация» (Бауман, с. 152).

Глобализация приводит к однополярному миру с доминированием Запада, который хочет внушить миру, что он — протрессивный Север, и убедить всех остальных, что они — отстаый Юг, в то время как они — просто не-Запад.

Мировое сообщество — эвфемистически-коллективистское понятие (вместо свободного мира), создающее глобальную легитимацию действиям, отражающим интересы Соединенных Штатов и других западных центров силы (Huntington, 1993).

Эта ситуация возникает в результате трех мировых войн (Первая, Вторая, холодная), определивших смысл XX века. Каждая следующая была все более всемирной, и на выходе из каждой войны мир оказывался все более глобализованным. Сейчас в мире доминирует Америка, но ускоренно развивается Европа, во главе которой неизбежно встанет Германия. Как прочинично замечает Серж Московичи, «То, что истинно для Германии и для Соединенных Штатов, истинно и для остального мира» (Московичи, 1996).

Таков в общих чертах «основной» сценарий развития глобального мира. Отсюда возникают варианты строения Севера: сохранение американского доминирования, или — победа Германии вместе с Европой, или — раскол Запада на блоки во главе с Америкой и с Германией. С точки зрения «основного» глобалистского сценария эти детали не важны: значимой представляется роль Севера как прогрессивной силы современности, а его состав и строение не оказывают влияния на выполнение Севером всемирно-исторических задач. Мировоззрение, поддерживающее эту крайнюю глобалистскую позицию, будет сблизжаться с доводами крайних западников.

В общем, глобализация — не более чем политически востребованная рационализация применения непопулярной ортодоксии неолиберальных экономических стратегов (Уткин, 2001а, с. 96).

Если «основной» сценарий глобализма обращает внимание на иные страны, не входящие в Север, то эта совокупность стран, называемая Югом, предстает как конструкт Севера. Внутренне Юг предстает собой нечто, это Восток без «Ахховного очарования Востока». Юг предстает некультурным, нищим и агрессивным — таким, от которого Северу приходится защищаться. Север осознает себя училелем и цивилизатором Юга — и его противником, победителем, мировым светом, сражающимся с темными силами. Это обычный сценарий, описывающий взаимодействие империи и окраин, повторившийся несколько раз в истории Китая, а также классический сюжет истории Рима. Стоит заметить, что все указанные характеристики Юга истинны — стоит лишь принять точку зрения на него «с Севера». В самом деле, Юг некультурен, у него нет единой культуры, и те культуры, что имеются, не совпадают с тем, что называется культурой на Севере, — что не удивительно, т. к. Юг описывается как не-север, и отсюда же этому конгломерату стран и народов взять общую культуру? Юг беден, — хотя бы потому, что Север определяется как богатый, не говоря уж о том, что «денги к денгам», так что разрыв между Севером и Югом только увеличивается. Наконец, Юг агрессивен — по определению. Как только Север выдвигает себя как систему, окружающая среда — Юг — приобретает агрессивные свойства, поскольку не отвечает полагливо на требования Севера, не поддается управляющим воздействиям, с трудом отдает необходимые Северу ресурсы. Чем более целостна и выделена из среды система, тем более удалена она от равновесия со средой и тем агрессивнее ей представляется внешняя среда. Агрессивность Юга создана Севером, сам по себе Юг как не-целостный объект агрессивностью не обладает. Таким образом, характеристика Юга неопровержима, если смотреть на него с точки зрения ценности существования Севера.

Итак, на место развитой группы концепций о противостоянии Запада и Востока, столь популярной в XIX веке, пришли концепции группы «Севера». Почему произошла эта смена геополитических парадигм? Она из попыток объяснения звучащих следующим образом.

Классическая дихотомия Восток-Запад оказалась профанированной, во-первых, по причине появля-

ния вестернизированного Дальнего Востока, ставшего союзником Атлантики... Дихотомия Север-Юг возвращает права моральному сознанию в истории; вместо того, чтобы делать акцент на понятиях *ментальности* или *кода культуры*, мы акцентуруем смыслы, относящиеся к *социальной справедливости*, к *приданию будущего*, к *преобладанию морального критерия над критерием пользы и эффективности* (Панарин, 2002, с. 209–210).

Мир выстроился — и весьма настойчиво продемонстрировал положение дел, которое не может быть адекватно описано в рамках ЗВ-модели (Запад-Восток), и аналитики перешли к СЮ-модели (Север-Юг). ЗВ-модели опирались на историческую традицию, на культурную однородность Европы (с Америкой), противостоящей иным культурам. В глобализованном мире исторические традиции отступают на второй план. Во многих моделях СЮ в север входят Япония и другие «тигры». В расширенных моделях к Северу относятся «переходные» страны — Россия, Турция, Мексика. Слово «Запад» перестает означать что-либо существенное для таких моделей.

Мы можем видеть, что два крупных сценария, каждый из которых порождает свой уровень противостояния западников и почвенников, — сценарии ЗВ и СЮ — слились в один сценарий. На уровне глобализма не исчезает противостояние западников и почвенников — теперь они делится еще и на глобалистов и антиглобалистов. Не обязательно глобалисты должны быть западниками, а почвенники — антиглобалистами, хотя это и более обычный расклад позиций. Можно встретить почвенников-государственников, верящих в теплое место, отвещенное России на Севере, и образующих оригинальную линию почвенного глобализма. Для насельников Западной Европы и Северной Америки глобализм и почвенничество находятся еще ближе. Антиглобалисты не обязательно почвенники: распространена позиция западного почвенника-антиглобалиста, ратующего за ценности европейской культуры и воспроизводящего весь арсенал антиглобалистской критики — в пользу западничества (европейского почвенничества) как антиглобалистской программы. То есть вместо западников и почвенников появляются «северяне» = западники-глобалисты, а также западники-антиглобалисты, почвенники-антигло-

баллисты и даже почвенники-глобаллисты, совмещающие веру в глобальную экономику с представлением о локальных культурных мирах; для них важен пример Японии. Такое умножение возможных точек зрения важно не для подсчета «позиций». Важнее обратить внимание, что весь спектр мнений, все разнообразие мыслей в конечном счете укладывается в единый сценарий, определяемый значимыми подирностями глобализма и антиглобализма.

Мы уже говорили (раздел «Противоборствующие течения»), что любое негативно определяемое мировоззрение (атеизм, антикоммунизм и т. д.) независимо от противоположного ему мировоззренческого полюса, для определения данного вида «анти-изма» важнее не внешне сходные концепции, а именно противоборствующие этому конкретному виду «анти-изма» мировоззрения. То же происходит и с антиглобализмом: по мере развития этой идеологии все яснее, что она сводится к описанию локальных желательных черт среды создающегося глобального мира. Поскольку в концепции глобализма предусматриваются Север и Юг, каждый со своим внутренним устройством, глобализм и антиглобализм становятся в большей степени временными политическими позициями, чем принципиально различными мировоззрениями.

Мы видели, что к глобальному миру ведут все дороги и даже противники этого направления развития способствуют его развертыванию. В таком случае следует указать на положительные стороны этого сценария — их не может не быть, раз столь мощные силы приведены в движение.

Глобализация при всех ее недостатках есть плата за увеличение устойчивости мира, уменьшение угрозы ядерной войны. Система противовесов в системе национальных государств поставила мир на грань тибела; повторность случившегося (три мировых войны, включая холодную) показала принципиальную ненадежность этой системы. Теперь приходит другой вариант мирового устройства, по мысли его создателей, более гарантированный от ядерных войн. Мировые войны начинались из интересов национальных экономик; создав глобальную экономику и разрушив в значительной степени национальные, надеется снизить вероятность глобального конфликта. Тем самым демонтаж многих национальных государств и другие последствия глобализации — плата за увеличение вероятности выжи-

вания человечества. Другое дело, что, как это часто бывает, платят одни, а пользуются все.

Беспомощна та позиция, которая призывает ужаснуться последствиям глобализации и вернуться к прежним временам. Возможно, глобализации можно было избежать, но та развилка уже пройдена. Теперь глобализацию можно только прожить до конца. Поэтому следует учиться жить в том новом обществе, которое создается глобализацией. Основной задачей становится активность человека. И отсюда вытекают огромные задачи, которые глобализованный мир ставит перед человечеством в сфере культуры. Чтобы обрисовать эти задачи, нам придется ближе познакомиться с той ролью, которую культура играет в общественной жизни (раздел «Три сферы общественной жизни»).

Итак, глобализация ставит очень тяжелые задачи развития перед отдельной человеческой личностью, перед всей сферой культуры. Но мы можем обратиться и к иному слою общественной жизни. К слову, в котором действуют социальные механизмы — рынок, право, выборы, государство и т. д. Указание на «сажданность» глобализма не говорит о том, что его можно «взять и отменить». Мировая экономическая машина создана, и ломать ее — луддизм в особо тяжелой форме, бессмысленный и безнадельный. После появления столь совершенных по замыслу социальных машин, как НТР, международное разделение труда, всемирная экономика, всемирная информационная сеть и т. д., — нет возможности жить так, как будто этих социоматов не существует. Но эти социальные механизмы устроены несовершенно и многие из них занимают в обществе чуждое место или соединены не с теми социальными институтами, которые требуются для их правильного функционирования. Отсюда следует необходимость реформы, усовершенствования социальных машин. Например, достаточно очевидно, что большая часть произрастающих неприятностей связана с тем, что критерием эффективности работы глобальной экономической машины считается финансовая прибыль. Тем самым можно прийти к выводу, что машина плоха не тем, что мировая, а тем, что она экономически неэффективна, сделана экономически неправильно, она оптимизируется по единственному параметру (монетарному), приводя к критическому перенапряжению другие отделы хозяйственной жизни человечества. При

расширении понятия эффективности до совместимого с жизнью уровня многие неприятные последствия, можно надеяться, будут купированы. Это не слом эффективной машины, а вполне человеческое дело: научить нашими руками построенную машину, которая несовершенна и потому идет вразнос.

Итак, что же происходит с нашими мировоззренческими полюсами, западниками и почвенниками в глобализующемся мире?

Глобализм, наследник западничества, расположен ближе к полюсу новизны, к эпитезу. Глобализм неявно предполагает, что устойчивость существующего общественногo устройства бесконечна, что общество способно бесконечно поглощать все новые порции новизны и неустойчивости. В глобальном мире вся «новизна», производимая целым миром, обрушивается на каждое отдельное общество, которое вынуждено ее усваивать, равняться на нее, принимать к сведению, защищаться — все равно что. Любая реакция требует специфического освоения данной новизны и в этом смысле одинаково затруднительна.

Антиглобалисты же, как понятно, ближе к полюсу преформизма. Они протестуют против изменений, привносимых глобальным миром, и стремятся замкнуться в рамках традиций — национальных, государственных, региональных.

Три сферы общественной жизни

Отыскивая место средоточия, из которого можно увидеть совокупность правительственных действий по реформированию правовой и хозяйственной жизни, полезно обратиться к представлению о строении общества из трех сфер, выделенных в социуме сферу государственно-правовой жизни, хозяйственной жизни и культуры. Теорию трех сфер общественной жизни выдвинул в 1919 г. Рудольф Штейнер (1992, 1993), затем сходные, по крайней мере по названию, подразделения можно найти у Толкота Парсонса (ряд работ 1960-х годов, где он развивал «четырёхфункциональный парадигму» и учение о подсистемах общества; Parsons, 1966) и некоторых других известных социологов. Однако, поскольку такое представление общественногo устройства не является общепризнанным и общепонятным,

давайте рассмотрим подробнее строение без сыдлок на источники, тем более что буквально мы не повторяем ни один из источников этой идеи.

Выраثة деление общества на три сферы можно представить, если встать на определенную точку зрения относительно личности человека. Во-первых, человек предстает перед нами как уникальное существо, эта уникальность проявляется в свободных творческих импудусах, которыми озарена его духовная жизнь. Во-вторых, человек может рассматриваться как существо, абстрактно равное другим людям, как «представитель» человечества. В-третьих, человек предстает перед нами как существо, зависимое от других людей, непрерывно помогающий кому-то выжить и сам в своих жизненных задачах пользующийся помощью других. Обозрев таким образом человека в разных его проявлениях, мы увидим в обществе три автономных сферы: *культурную* жизнь, в которой соединяется все, в чем человек проявляется как свободный творец; *государственно-правовую* сферу, в которой каждый взрослый нормальный человек равен другому и может обсуждать общие и всеприменимые законы и правила общегития; наконец, *хозяйственную* (экономическую) сферу, где люди взаимодействуют на основе взаимопомощи в конкретных практических делах, требующих совместной работы.

Теперь рассмотрим эти сферы несколько подробнее. Государственно-правовая сфера работает так, что люди сопоставляются друг другу в своем общем качестве, в «человечности», в отношении этого общего качества каждый взрослый равен другому. Равенство является основополагающим принципом государственно-правовой сферы, потому что люди вовлекаются в эту сферу тем своим аспектом, той стороной, которой они равны друг другу. Именно по этой причине государственно-правовая сфера живет по внешне устанавливаемым формальным законам. Она во многих отношениях представляет собой *иерархическую структуру* — существуют пирамиды власти, иерархии законов и подзаконных актов, системы подчинения. Для иерархических систем определяющим оказывается принцип *равенства* — равенства перед законом; равенства постов на определенном этапе иерархии. Это сценарие равенства и иерархии объясняется достаточно просто. Для функционирования любой иерархии в обществе требуется, чтобы данная

иерархия была выделенной, чтобы другие структуры не затемняли. Данные иерархических отношений. Поэтому принцип равенства очень важен для иерархических систем государственной-правовой сферы. Можно даже сказать, что социальные механизмы, относящиеся к этой сфере, функционируют тем лучше, чем «больше» равенства существует в обществе.

В этой государственно-правовой сфере основной «разменной монетой», средством коммуникации оказывается *делегирование власти*, выступающее в форме *триказа*. В этой сфере означены отношения «начальник-подчиненный»; человек не «переходит» на новое место работы, а «*назначается*», получая четко определенную область ответственности, формально определенные способы действий (законы, установления) и властную силу (ранг) — право распоряжаться властными ресурсами по утвержденному способу и в рамках области ответственности.

В глобализованном мире государственно-правовая сфера видоизменилась под влиянием экономики, она занимает в обществе несколько иное место, нежели должна занимать. Коротко говоря, эта сфера реально предстает как *политика*, которая вытесняет *управление* и *правосудие*, то есть *власть* стала более важной, чем *право*. В самом деле, для правовой сферы по собственной ее природе основные проблемы связаны с законностью, а политику, напротив, можно определить как борьбу за власть. Эта борьба за власть, конкуренция властей в значительной степени обусловлена проникновением экономических импульсов в правовую сферу. Помимо этого, демократия в условиях массового общества становится фикцией (или, если угодно, *виртуальностью*) — аппарат чиновников неизменен и не зависит от выборов, меняются лишь «публичные политики», которые в большей степени связаны со СМИ, чем с собственно государственной сферой. «Народ», который преобразован в электорат, перестает влиять на реальное устройство общества и потому становится в политическом смысле пассивным, относится к политическим кампаниям как к шоу. Искажения, вносимые проникновением экономических импульсов в правовую сферу, сделали возможной ту ситуацию, когда можно очень долго говорить о политике, рейтингах, программах и лидерах, вообще не касаясь темы закона.

Совсем иначе устроена сфера культуры. Здесь царствует *свобода творчества*. Основным «средством исчисления» яв-

ляется не власть, а *авторитет*. Казалось бы, авторитет противоположен свободе. Но отношения этих принципов в культуре несколько сложнее. Поскольку сфера культуры основана на принципе духовной свободы, она чрезвычайно разнообразна — каждый творец, каждый духовный авторитет создает собственный культурный мир, и сфера культуры оттого полиархична. В сфере культуры действуют разные допки и правила игры, созданные разными творцами, и потому она является хранилищем *памяти* общества, памяти *убаждения* к данному творцу и результатам его творчества. Пока традиция понимания данного авторитета жива, она сохраняет (и развивает) свой мир, так что в обществе одновременно сосуществуют множество культурных традиций, готовых развернуться и стать более или менее общепризнанными или замкнутыми в узкой сфере избранных, несущих данный культурный мир сквозь поколения. В сфере культуры не назначают (и, соответственно, не *просят* назначения), а *приглашают*. Как говорил один профессор: «Я просил за всю свою жизнь только руки своей жены, и больше мне никогда не приходилось просить».

Сфера культуры — память общества и творческая сила общества. И потому она сильнейшим образом связана с двумя другими общественными сферами. Скажем пока только о взаимодействии культуры и правовой сферы. Создание действительно новых систем законов, тот аспект, в котором (и насколько) законодательство (или судебное решение) является частью творчества, — это часть сферы культуры. То есть юриспруденция как наука понятным образом является частью культуры, а не государственно-правовой сферы, но институт суда есть в значительной степени феномен культуры (насколько суда не сводится к механическому применению утвержденных законов). *Механизация* судебных решений (под лозунгом равенства шансов, объективности, эффективности) выводит суд из взаимодействия со сферой культуры и отправляет в государственно-правовую сферу, нарушая правильное функционирование суда. Там, где в государственно-правовую жизнь входят импульсы творчества, там право взаимодействует с культурой. Тот, кто придумал новый строй войск — например, макаонскую фалангу, — был творцом культуры. Другое дело, что из сферы культуры ее изобретения непрерывно (и даром) уходят в иные сферы и там появляется обязательный для исполнения устав

пехотного боя, который уже относится к государственно-правовой сфере. Точно так же парламент и система исполнительных власти были «придуманы» в сфере культуры, но функционируют они вне культуры и по совсем иным правилам.

Глобализованном мире сфера культуры неадекватна, уменьшена по сравнению с другими сферами общества и, помимо этого, изменился ее характер. В ней основную роль играет *наука*, которая все сильнее теряет мировоззренческую функцию и сливается с *техникой*. При этом наука перестает быть органом общества, *откидываящим* истину, она становится механизмом, *производящим* истину. Отсюда — прежние стандарты научной деятельности рушатся, сменяются совсем новыми стандартами рациональности. Поиск и творчество уступают место стандарту и эффективности.

Теперь мы можем перейти к краткому рассмотрению третьей сферы общества — хозяйственной, которая, хотя и наиболее развита в современности, но в существе своем понятна меньше, чем другие сферы. Экономическая сфера, как уже говорилось, — это область непрерывного взаимодействия, взаимодействия и взаимопомощи. Единцей «общения» в экономической сфере выступают, разумеется, *деньги* — в этом смысле аналогичные «делегированию власти» и «признанию авторитета» в иных сферах.

Наделение хозяйственной жизни в качестве основополагающего принципа свойством взаимопомощи кажется парадоксальным. Напротив, первое понятие, которое приходит в голову в этом аспекте, — конечно, конкуренция. Однако вспомним, что говорилось об устройстве других сфер. Для иерархической сферы права был характерен принцип равенства; для авторитетной культуры — принцип сохранения свободы творчества. Подобно тому, как в правовой сфере, устроенной на принципе равенства, властвует необходимо связанная с этим принципом иерархия; как в сфере культуры основополагающей для нее принцип свободы необходимо влечет за собой наличие кругов авторитетов, так и в хозяйственной жизни, устроенной на основании взаимопомощи и братства, на поверхность неуклонно выступает принцип конкуренции.

Теперь следует, как мы это сделали относительно права и культуры, сказать о границах данной сферы, ее взаимодействии с соседними подразделениями общества. В определенном отноше-

нии это труднее сделать, чем для права и культуры. Сфера хозяйственной жизни характеризуется чрезвычайной гекучестью описывающих ее понятий; эти понятия закреплены значительно менее жестко, нежели в сфере права и культуры. Поэтому, описывая данную сферу, обратим особое внимание на то, как сложно проходят границы между сферой культуры и хозяйственной (экономической) жизнью, между хозяйственной и правовой жизнью. Отношения в экономической жизни выстраиваются не в форме приказов или приглашений, а как *соглашения*. В сфере права существуют законы и распоряжения, в сфере культуры — уважение и приглашения, а в сфере экономики — соглашения и предожения.

В государственно-правовой сфере изобретенные законы действуют так, как будто они объективны и необходимы. По форме представления они не конкурируют, а декларируются. В экономической жизни, напротив, правила есть то, что непременно изменяется. Чтобы успешно конкурировать, капитал должен все время создавать новые правила игры, выходить на новое «поле», еще не захваченное иными игроками. И это задание новых «игр» и «полей» является чередой творческих актов, и все они относятся к сфере культуры. Другими словами, и сфера права уходит в культуру своими корнями, и сфера хозяйственной жизни вся пронизана искорками творческих решений. Глубоко проникновение сферы культуры в экономическую жизнь проявляется в том, что уже самая основа экономической жизни — функционирование капитала — есть творческое деяние и потому относится к сфере культуры. Однако каждая культурная «находка» в сфере экономики живет вовсе не так, как в культуре, не сохраняется по возможности вечно — она существует по законам хозяйственной жизни, она мгновенно перенимается, копируется, тиражируется и обесценивается в своей новизне, становясь рутинной и *обретая цену*.

В глобализованном мире сфера экономики диспропорционально увеличена и вытесняет, видоизменяет другие сферы. На наших глазах за несколько десятилетий доминирующая в общественной жизни сфера государства и права уступила свои позиции. А в самой экономике чрезвычайное развитие получили *финансы* в ущерб другим ее разделам — производству, ассоциациям экономических деятелей и т. д. В результате сама

финансовая сфера автономизируется от хозяйственной жизни в целом и приобретает уже не только черты символа (Деньги), но знака (виртуальные деньги). Подобно тому, как — во многом под действием экономики — видоизменились сферы права и культуры, в которых доминирующую роль стали играть политика и технология, так и сама экономика не избежала искажающих влияний, в ней избыточное развитие получила финансовая подсистема.

Теснейшая связь и взаимопроникновение трех сфер общественной жизни не только не противоречит, а требует понятия того разграничения этих сфер. Попытка действовать в одной сфере по правилам другой приводит к общественной болезни: командное и законодательное управление культурой настолько же вредоносно и неаппетитно, как анархия в правовой сфере; введение «авторитета» в экономическую жизнь влечет коррупцию. В конце 1980-х годов в СССР стали достаточно известны забавные проекты «торговли» административными решениями и законами, обсуждались возможности управления хозяйственной жизнью через партийные органы: но решения этих властных структур предагадась покупать за деньги. Неаппетитность таких предложений достаточно очевидна и связана с путаницей в разграничении правовой и хозяйственной сфер. Не менее неаппетитно, но пользуются несравненно большим влиянием проекты устройства хозяйственной жизни на началах свободы. Дело, разумеется, не в том, что экономика обязательно должна быть несвободной, но важно понимать, что принцип свободы никак не может быть регулятивным принципом хозяйственной жизни, между тем в современных работах по теории экономики такое определение является едва ли не самым распространённым и авторитетным («свободный рынок» и т. д.). Представление о *laissez faire* верно, пока понимается в рамках автономии экономической жизни от государства, но становится ошибкой, когда подражает устройству рынка как «свободной игры индивидуальных сил».

Рассматривая спектр современных экономических теорий, мы увидим, что существует два противоборствующих полюса. С одной стороны, есть группа теорий, полагающих необходимым вмешательство государства в экономическую жизнь. Самым крайним воззрением такого рода была плановая экономика социализма, значительно более умеренные позиции, но так-

же возде упомянутого полюса, занимают многочисленные марксовские теории, восходящие к Кейнсу, все то, что можно обозначить как «дирижизм». Девиз этого полюса можно обозначить известной фразой «План — это закон». На этом полюсе в экономическую жизнь внедряются методы работы правовой сферы, от чего экономика, для которой естественно жить по своим собственным именно ей правилам, заболевает.

С другой стороны, на другом полюсе расположены экономические теории, ориентирующиеся на «австрийскую школу», на идеи Мизеса и Хайека. Здесь правильно утверждается необходимость построения независимой от государства экономической жизни. Граница между сферами общественной жизни в этом отношении проведена правильно (не будем здесь касаться того, что экономисты этой школы относят к экономике многие не принадлежащие к ней области). Но сама экономика — так, как ее мыслят представители «австрийской школы», устроена вовсе не на собственных основаниях, а на принципе культуры — «свободы, независимости действующих субъектов». Эта школа «заватиа» микроэкономику. В результате экономической теории в целом строится из двух взаимопротиворечивых частей — микроэкономики «по австрийцам», которая выстраивает экономику по образу сферы культуры, и макроэкономики «по дирижистам», которая строится под влиянием чуждых экономике воздействий из государственно-правовой сферы.

Между тем, реальная современная экономическая жизнь выстроена на основе роста производительности труда, что является следствием специализации экономических субъектов. В результате специализации эти субъекты становятся менее самостоятельными, ни о какой «независимости» их в хозяйственной жизни и речи быть не может. Обществу требуются дополнительные интегративные механизмы в экономической сфере, тем более сильные, чем более развиты производительность труда и специализация производителей. Такой интегративной системой отчасти выступает рынок; отчасти — потому что требуются и иные формы интеграции. Тем самым, рассматривая хозяйственную жизнь, мы можем видеть не «свободную игру независимых сил», а как раз обратное — непрерывное взаимодействие, взаимозависимость и взаимопомощь, когда ни один субъект современной экономики не может действовать, не опираясь на плоды работы других субъектов.

В результате современная экономика является болезненно переразвитой, вмешивающейся в другие общественные сферы, и в то же время не понятой в своем существовании, недостаточно осмысленной. Мы можем найти теории, строящие экономику на принципах права или принципах культуры, но не находим взгляда, где экономика, хозяйственная жизнь развивалась бы из собственных, соприродных ей принципов. И поэтому переразвитая экономика современности нуждается в «дополнительных вложениях», которые бы позволили понять ее существование, выстроить ее здоровым образом, указав правильные способы взаимодействия с иными подсистемами общества.

От чрезмерного расширения деятельности экономики на другие сферы общества страдают многие общественные институты. Хорошим примером невозможительного расширения принципа *laissez faire* может служить точка зрения М. Ротбарта (Ротбарт, 2002). Точно так же современные экономисты дерзко говорят о распространении экономических отношений на правовую сферу: потребители должны, якобы, покупать «услуги» парламентских деятелей и полиции, армии и суда. Эти мысли основаны на том, что все «это» стоит денег налогоплательщиков, а значит, является товаром. В том же смысле «все на свете» поддается законам и живет работой учителей или врачей. Претензии на всеохватность может выдвинуть почти любая система общества, но это лишь необоснованные претензии, которые должны смениться четким представлением о реальных функциях той или иной системы. Большим же успехом сейчас пользуются мысли о том, что культурная деятельность должна быть самокупаемой, выгодной и проч. (Томбрич, 2002, с. 374–392). На основе этих мыслей развиваются трансовая структура науки и многие другие феномены современной культуры. Это также является объемистый пример того, насколько непонятным остается представление о разделении сфер общественной жизни.

Что из этого может вырасти в конечном счете, уже примерно понятно. Разбираясь с тем, что представляет собой глобализация, можно прийти к выводу, что, по крайней мере в финансовой сфере, ее можно определить как радикальное выдвигание на первый план критерия эффективности, что сопровождается отбрасыванием всех «тормозящих развитие» социальных соотношений. И вот — точная метафора, возник-

шая совсем по другому поводу. В одной из статей Ю. Чижову, специалисту по «тюремной» истории советского периода, потребовалось дать определение Гулага. Вот что получилось.

Гулаг — это ответ реальности на поведение того общества, которое поддалось искушению радикального, дешевого и полного изъятия от социальных проблем (Чижов, 2001, с. 200).

Если соотнести это определение с мнением Н. Кристи о том, как развивается правовая сфера в Европе и США, то ясно, что рисунок будущего в виде Гулага — вовсе не «кадармистский дозвунт», а точное указание на реальные тенденции развития общества. Если в правовой сфере применяется критерий эффективности к частной задаче, без учета последствий для других проблем, появляется Гулаг; столь же изолированное применение критерия эффективности к финансовой области создает «виртуальную экономику».

Я не думаю, что нынешние тюрьмы превратятся когда-нибудь в концентрационные лагеря. Даже в самом худшем случае преступников не будут убивать. Некоторое количество смертных приговоров будет приведено в исполнение, но большинство заключенных со временем освободят, или они покинут жизнь самоубийством, умрут естественной смертью или скончаются вследствие полученных в тюрьме телесных повреждений. Поэтому то, что может состояться, следует скорее назвать не концентрационным лагерем, а Гулагом. По моим доводам главным предположением, весьма значительная часть мужского населения нижних классов может провести большую часть жизни в тюрьмах и лагерях (Кристи, 2001, с. 177).

Процесс глобализации, выступивший перед человечеством с особой отчетливостью в последние десятилетия, образует общество, в котором переразвита экономическая жизнь в ущерб другим общественным сферам. Глобальное общество пока преимущественно — общество экономическое (более того —

финансовое), оно не имеет соответствующей глобальной правовой сферы, что же до глобализации культуры, то об этом сказано многими авторами. Но когда в противовес глобализму с особенной силой выдвигаются идеи повышения мощи государственно-правовой сферы, это может привести к неправильному ее переразвитию. Хозяйственная жизнь, становясь глобальной, претерпела существенные изменения по сравнению с теми временами, когда экономика была еще локальной и Рикардо доказывал обуюданую выгодность торговли для сторон, входящих в сделку, привлекая тезис о том, что капитала неподвижен и потому выгодно перевозить товары. Так же и государственно-правовая сфера должна весьма существенно измениться, чтобы встать вровень с изменившейся и глобальной хозяйственной сферой. Если же просто «вырастить» современные локальные государственные институты до глобальных размеров, создать «всемирный парламент» и «всемирные законы» со всемирной полицией, то ничего, кроме ошибок, из этого не получится. Хотя бы потому, что устройство государственно-правовой сферы, которую мы сейчас имеем в развитых странах, нельзя признать удачливорительным, она уже искажена по отношению к первичным принципам своего устройства.

То, что было системой правосудия, становится системой контроля над преступностью. Классическое разделение власти на судебную, исполнительную и законодательную практически сведено на нет. Суды стали орудиями в руках политиков, равно как и прокуроры (Кристи, 2001, с. 185).

Эгмунд Бауман (2002) резюмировал глобализацию как этап развития социума, когда верх в нем берут силы разъединения и индивидуации. Человек становится свободным, равным и одиноким. Единичество вызывает к объединению, и люди отдают свою свободу и равенство за единство — с нацией, государством, коллективом. Эта бесконечная карусель разложения внешних единств экономической глобализацией на человеческие атомы и новое слипание этих атомов в политические комки не имеет конца. Выход из бессмысленного круговращения не в возврате к старому (которое все устремлено к этой ситуации как к закономерному финалу) и не в победе одной из сторон, а в нахождении точки, не участвующей в круговерти экономических

и политических форм. Этой точкой является культура — та сфера общественной жизни, которая тысячелетиями вырабатывала способы самостоятельности человека, опоры на силы, находящиеся внутри него. Расширяя эту точку до площади, плотаки, места — распространяя культурные действия вовкруг себя, человек создает участок, на котором схватка экономических и политических сил приводится культурой в баланс и систему. В этой более уравновешенной социальной ситуации возникает возможность строить социальные структуры, представляющие собой результат единства противоборствующих сил социума; возникает возможность социального творчества и выработки форм тех социальных организмов, которые могут выжить в эпоху глобализации.

Осознание существования трех сфер общественной жизни, балансом которых держится здоровое общество, способно выправить положение таким образом, что будут изобретены более верные способы функционирования хозяйства и права.

Нельзя сказать, что никто не признает этой задачи: можно найти довольно значительное количество высказываний, где говорится, например, о развитии государства таким образом, что оно должно соответствовать хозяйственной жизни. Сейчас постепенно формулируется позиция, что против неустойчиво-го и размывающего влияния экономического вихря, созданного глобализацией, следует использовать такие объединения, как государства, политические партии и этнические союзы. Бездушным механизмам всемирной экономики противопоставляются высокие илаюзии всемирной иерархии, которая будет разумно и благодостно управлять человечеством. Однако эти внешние объединения людей обречены на поражение в схватке с экономической глобализацией. Сфера права в столкновении со сферой хозяйственной жизни неминуемо проигрывает. Причины такого прогноза взаимоотношений права и экономики достаточно сложны и многообразны; вкратце можно сказать, что предполагается развитие и рост *сегоднейшей* государственной сферы, уже видоизмененной взаимодействием с экономикой.

Можно сказать и об ином аспекте происходящего. Те правовые теории, которыми живет современное общество, очень устарели. Это плод еще XIX, даже XVIII века. В то же время современная экономика — поистине плод самых значительных интеллектуальных усилий человечества. В такие институты, как

банки, система кредита или фьючерсы, вложены огромные интеллектуальные усилия, и сейчас развиваются все более сложные, интеллектоемкие образования экономической жизни. По сравнению с ними идеи, вложенные в институты современного права, предстают как лопаты и топоры в конкуренции с бульдозерами и взрывчаткой.

Ставка на «уравновешивающее» влияние государства современного типа в схватке с нивелирующей современной государственно-правовые формы экономической глобализацией, — эта ставка обречена на проигрыш. Единственным способом устоять является опора человека на силы, которые он сумеет найти внутри себя. Эти силы можно обозначить как силы культуры. Только начиная с культуры можно распутать тугой узел противоречий, сдвигивающий современное общество, и раскрыть те формы, в которых должна протекать здоровая правовая и хозяйственная жизнь.

Собственно, смысл современной эпохи развития человечества и сводится к тому, чтобы человек научился выстаивать, опираясь на силы, которые он может найти в глубине своей личности. В этой связи спор западников и славянофилов, глобалистов и антиглобалистов приобретает совсем иной расклад: любая позиция права настолько, насколько она приближается к указанному смыслу, и пуста, если не имеет к нему отношения.

Следует оговориться, что сказанное о личной культуре и культуре общества не следует понимать прямо в том смысле, что для работы с кризисами, возникающими при глобализации, не пригодны политические средства. Мысль несколько иная: только на основе выработки свободной культурной жизни можно прийти к пониманию, что в государственно-правовой сфере требуется выработка политических механизмов, специфических для каждого культурного региона. Сейчас в мире копируется и размножается англосаксонская модель политического устройства (парламент, партийная система и т. д.); с другой стороны, существует представление, что все основные модели общественного устройства даны еще Платоном и Аристотелем и выйти из этой системы альтернатив невозможно. На деле требуется политическое творчество; та политическая жизнь, которая существует сейчас, не способна выступить в качестве необходимого сдерживающего фактора для стремительно распухающей сферы хозяйственной жизни. И дело не

решается проектами «всемирного правительств», то есть сохранения современной модели политической жизни и увеличения ее в размерах. Только обновленная политическая жизнь способна стать фактором общественного баланса. Политическое творчество на основе свободной культурной жизни может привести к спецификации региональных политических систем на основе общих принципов, причем эти принципы, как бы они ни были близки к «демократическому букварю» по словесной упаковке, тем не менее будут значительно отличаться от общепринятых и общепонятных ныне норм.

Организм западного общества и культуры переживает, по-видимому, один из самых сильных и глубоких кризисов за всю свою историю. Он гораздо серьезнее, чем обычный кризис; глубина его неизмерима, конца ему пока не видно, и западное общество погружается в него целиком. Это кризис чувственной культуры, которая господствовала в западном мире в течение последних пяти столетий и ныне достигла состояния перезрелости. /.../ В этом смысле мы переживаем один из самых крутых поворотов на историческом пути, сравнимом по своим масштабам с теми, которые испытали греко-римская и западная культуры при переходах от идеациональной фазы к чувственной и от чувственной к идеациональной (Сорокин, 2000 /1957/, с. 720).

Стратегия развития: Глобальное средневековье

Итак, в гл. 8 мы выяснили, что диалог западников и православных может быть описан не с точки зрения выбора того, кто прав, а с точки зрения необходимости мостов самого диалога и противостояния как самих этих мировоззренческих позиций, так и стратегий развития общественной системы, то есть как движущее противоречие в общественном бытии и в общественном сознании. В общественном бытии (с точки зрения описанной выше модели, являющейся фактом сознания) необходимым для развития оказывается непрерывная смена стратегий преформизма и эпитенеза, т. е. сохранение традиций, сменяющиеся их обновлением. В общественном сознании ситуация несколько усложняется. В обществе присутствуют не «только западники» и «только славянофилы (почвенники)», то есть мыслители, которые, не являясь обязательно представителями крайних точек зрения, тем не менее вполне описываются в рамках противостояния этих позиций. Кроме них есть и люди, которые осознают весь описанный выше баланс и естественным образом выстраивают свои концепции, в которых описывают тем или иным образом всю вышеизложенную картину.

Мы уже характеризовали позиции тех мыслителей, которые устанавливают определенный баланс между мировоззренческими полюсами. Далее выяснилось, что диалог полюсов продолжается и в иной системе координат, связанной с глобализмом и антиглобализмом. Но глобализм нами описан пока недостаточно. Спор антиглобалистов с глобалистами представляет собой лишь одну плоскость; объем этого мировоззренческого пространства мы сможем оценить, только если обратимся к совсем другому ракурсу описания глобального мира — к концепции Нового Средневековья.

Что же это такое — Новое Средневековье, что вкладывается в этот этап исторического развития?

Новое Средневековье

Концепция *Нового Средневековья*, которой и сейчас придерживаются многие мыслители (к сожалению, почти не представленные на обсуждении этих проблем в рамках форума, организованного Фондом «Общественное мнение» и Фондом «Либеральная миссия»), в России более известна благодаря Бердяеву, выскказана же впервые она была задолго до него.

Бердяев, в свою очередь, заимствовал свою идею «ритмической смены эпох» у Вячеслава Иванова, который — вслед за Сен-Симоном — различал эпохи «органические и критические» (Сапов, 2000, с. 1039).

Об этом пути развития мира писал К. Леонтьев.

Если же анархисты и либеральные коммунисты, стремясь к собственному *идеалу крайнего равенства* (который невозможен) своими собственными *методами необузданной свободы* личных посягательства, должны рядом антитез привести общества, имеющие еще жить и развиваться, к большей неподвижности и весьма значительной *неравновесности*, то можно себе сказать вообще, что *социализм, понятый как следуют, есть не что иное, как новый феодализм*, уже вовсе недалекого будущего, разумея при этом слово *феодализм*, конечно, не в тесном и специальном его значении романо-германского рыцарства или общественного строя, *именно времени этого рыцарства*, а в самом широком его смысле, т. е. в смысле глубокой неравноправности классов и групп, в смысле разнообразной децентрализации и группировки социальных сил... в смысле *нового замещения лиц другими лицами и учреждениями, подчинение одних общин другим общинам*, несравненно сильнейшим...

Я позволю себе, по крайней мере, *подозревать* такого рода социологическую истину: что тот смешком *подвижной* строй, который придав всему человечеству эгалитарный и амансипационный протресс XIX века, очень непрочен и, несмотря на все временные и благодетельные усилия консервативной реакции, должен привести или ко всеобщей ката-

трофе, или к более медленному, но глубокому пере-
рождению человеческого общества на совершенно но-
вых и вовсе уже не либеральных, а, напротив того,
крайне тоталитарных и принудительных началах.
Быть может, вытисся рабство своего рода, рабство
в новой форме, вероятно, — в виде жесточайшего
подчинения лиц мелких и крупных общинам, а об-
щин государтству. Будет новый феодализм — феода-
лизм общин, в разномобразии и неравнофайные от-
ношения между собой и ко власти общегосудартствен-
ной поставленных.

Я говорю из вежливости, что я недооцениваю это;
в самом же деле я в этом уверен, я готов профоче-
ствовать это (Леонтьев, 1884, Средний европеец
как идеал и орудие всемирного разрушения).

Интерес к Средним векам, как известно, характеризовал
романтиков, сражавшихся с Просвещением. В 1799 году в речи
«Христианство и Европа» Новалис (Фридрих фон Харденберг)
впервые, насколько сейчас известно, высказал эту концепцию
Нового Средневековья — в связи с описанием судаеб христиан-
ства. Новалис полагал, что Просвещение уничтожит в культу-
ре все позитивное и тогда возникнет новая религия, «новая
созидательница мира», точнее — обновленное христианство
восстанет из пепла и принесет с собой время вечною мира.

Нетрудно видеть, что универсалистское просвещение — этот
аналог глобализма в XVIII веке — вызвало противодействие.
Интересная деталь: новое Средневековье понимается Новали-
сом как нечто жданное и благое. Концепции Нового Средневе-
ковья, развившиеся в XX веке, рисуют иные его черты.

Политика, основанная на борьбе блоков, еще
совсем недавно определявшая облик мира, выходя-
да устрашающе по причине тех ужасных шагов, на
которые способны были пойти великие державы.
Чем бы ни являлось то, что пришло ей на смену, оно
устрашает отсутствием последовательности и на-
правленности и своей еще более очевидной несо-
собностью хоть что-то предпринять: смилгчить ни-
щету, прекратить геноцид или остановить насилие.
Немецкий исследователь Ханс Магнус Энценбер-
гер (поэт, представитель франкфуртской школы

современной социальной философии. — Д.Б., Г.Д.)
опасается наступления эры гражданских войн (он
насчитывает около сорока войн, идущих уже сегод-
ня, — от Боснии и Афганистана до Буэньявды).
Француз Алан Минк пишет о наступлении новых
Темных столетий. В Англии Норман Стоун задается
вопросом, не вернулись ли мы в средневековый мир
нищенства, эпидемий чумы, инквизиции и предрас-
суаков. Так это или нет, основная тенденция наше-
го времени остается открытым вопросом, и что
действительно существует, так это то, что подоб-
ные предсказания публично исходят из наиболее
влиятельных центров современной интеллектуаль-
ной жизни, и при этом они вслушиваются, обду-
мываются и обсуждаются (Вауман, 2002, с. 105).

Мы как бы находимся между двумя эпохами:
умирающей чувственной культурой нашего величе-
ственного вчера и грядущей идеациональной или
идеалистической культурой созидаемого завтра. Мы
живем, мыслим, действуем на закате сияющего чув-
ственного дня, дмившегося шесть веков... Лучи за-
ходящего солнца все еще освещают величие ухода-
щей эпохи. Но свет медленно угасает, и в наступаю-
щей тьме становятся все труднее ясно различать
и надежно ориентироваться в обманчивых сумер-
ках. На нас и на будущие поколения начинается опу-
скается ночь этого переходного периода со своими
кошмарами, путающими тенями, душевраздмрационци-
ми ужасами. За ней, однако, занимается заря новой
великой идеациональной или идеалистической куль-
туры, встречать которую придется уже, вероятно,
людям будущего (Сорокин, 2000 /1957/, с. 723).

Чтобы не повторять многочисленные упреки, которые об-
ращены к современному обществу, не указывать на его кризи-
сы, можно сослаться на подборку, сделанную Питтиримом
Сорокиным еще в 1957 году. Вот лишь некоторые из критиче-
ских пророчеств.

Когда все ценности атомизируются, и исчезнут
авторитетное «общественное мнение» и «мировое
сознание... Догооворы и соглашения утратят оста-

ки своей обязывающей власти. Построенный западным человеком за предвдущие столетия величественный договорный социокультурный дом рухнет. Его падение сметет договорную демократию, договорной капитализм вкупе с частной собственностью и договорное общество свободных людей. Грубая сила и циничный обмен окажутся единственными атрибутами всех межличностных и межгрупповых отношений. Сила станет правом. Свобода для большинства превратится в миф, зато господствующее меньшинство будет пользоваться ею с необузданной распушенностью. ... Распадаемся как священного союза мужа и жены, родители и детей продолжится. ... Продолжится увядание творческого потенциала культуры. /.../ Материальный уровень жизни снизится. /.../ Уменьшится безопасность жизни и имущества (Питирим Сорокин. 2000 /1957/, с. 808–809).

Банкротство крайнего эмпиризма нашей культуры проявится практически в том, что мы ourselves все меньше способными управлять человечеством и ходом социокультурных процессов. /.../ подобно бревну, попавшему в Ниагарский водопад, мы зависим от непредсказуемых и неуправляемых социокультурных потоков и беспомощно львем от одного кризиса к другому, от одной катастрофы к другой. Ни счастье, ни безопасность, ни уверенность, обещанные современным эмпиризмом, не осуществились. Не много было в истории человечества периодов, когда миллионы людей были бы так же несчастны, лишены надежды, унижены, голодны и разорены, как в наше время... Это «затмение» культуры — признак нашего времени. Лучшего доказательства ее практической несостоятельности и не надо (Питирим Сорокин. 2000 /1957/, с. 803).

Первый вариант этой книги Сорокина был закончен в 1941 году; с тех пор написано множество трудов по развитию мировой цивилизации, и все, что можно сказать в связи с высказанной Сорокиным критикой возникающего нового мира, — это пункты Сорокина детализированы и умножились в числе. После этого описания переходного периода Сорокин пре-

подлагает возникновение новой «идеациональной» системы, то есть системы общества, основанной не на чувственных, а на духовных ценностях. Тем самым, это в чистом виде «сценарий Новалиса», в котором современность выступает как могильщик распадающихся ценностей, современность показывает, что далее так жить нельзя и человечество, если хочет выжить, придет к новой возвышенной системе духовной культуры, на- поминаншей средневековью.

Определенной рецепцией глобалистских мировоззрений для русской мысли стало евразийство. В 1921 году Трубецкой, Савицкий и другие в книге «Исход к Востоку» высказывались против нивелирующей всемирной культуры Запада, предлагая зывали всемирное антиевропейское движение, наступление «нового средневековья». В современной терминологии это «антиглобализм». При этом «новое средневековье» понималось евразийцами до некоторой степени созвучно с Новалисом, то есть положительно: по их мысли, это будет общество, которым будут управлять не прогнившие политики и бюрократы, не учреждения, а живые идеи.

Дополняя историю развития концепции Нового Средневековья, можно упомянуть о том, что еще в начале 1950-х годов к этой мысли пришли Г.П. Щедровицкий и А.А. Зиновьев.

Для меня основные структурные принципы социализма буквально выпрямую накладевались на социальные, культурные, политические структуры средневековья. И это тоже составляло очень важное содержание единства нашего мировосприятия. Выяснилось, что мы совершенно одинаково с ним /Зиновьевым. — А.Б., Г.А./ трактовали буржуазную эпоху — как эпоху переходную между устойчивыми социально-политическими и социально-культурными структурами средневековья и вот того будущего времени, которое надвигалась (Щедровицкий, 2001, с. 283–284).

Я заметил, что «классические» и «средневековые» эпохи закономерно чередуются и в устойчивых цивилизациях можно проследить маятниковые движения: античность — отращивание античности — Возрождение (Померанц, Корни будущего, 1993 // 1995, с. 385).

С точки зрения описанной выше концепции развития надо описать эту ситуацию как чередование фаз повышенной преемственности (устойчивости, памяти) общественной системы и фаз повышенной степени усвоения новизны (творчества, дестабилизации). Тем самым нет необходимости буквально уподоблять прошлое Средневековье и наступающий новый этап стабилизации общественной структуры. Общего и существенно у них только то, что темпы восприятия обществом новизны снижаются, а конкретные особенности могут и очень сильно различаться. По поводу этих фаз — устойчивости и новизны — в развитии системы полезно провести еще одно значимое сравнение. Эти фазы контрастны по отношению к источнику управляющих воздействий (хотя об управлении в данном случае следует говорить, скорее, в кавычках). Фазы повышенной преемственности управляются *изнутри*, большинство происходящих изменений обусловлены устойчивым строением системы, а эта устойчивость сложилась в предыдущие периоды существования системы. Напротив, фазы повышенной новизны управляются *избужде*. Понять это утверждение можно следующим образом.

Основной задачей фазы новизны является стабилизация: как уже говорилось, новизна сама по себе — путь к смерти системы, так что система, усваивая новизну, быстро теряет устойчивость, и для ее существования важнейшим является именно увеличение степени устойчивости воспроизведения данной системы — притом, что система уже иная, чем раньше, уже несет некие порции усвоенной новизны. Мы наблюдаем целостную систему, постепенно увеличивающую свою устойчивость. Этот процесс обладает свойством эквивалентности, то есть при увеличении устойчивости системы разнообразие ее свойств падает; траектории развития сходятся в некую сравнительно небольшую область. В результате возникают новые «новой» системы, развившейся из «старой» при усвоении порции новизны, выглядит несколько парадоксальным образом. Если описывать события «из прошлого», то фаза новизны выглядит как большое число попыток, проб, посредством которых система пытается найти область возможной стабильности. Такие процессы привычно описывать как причинно-следственные: у каждой пробы имеется своя причина, которая и определяет характер траектории развития. А когда мы смотрим на эту ситуацию «из

будущего», когда она выглядит уже решенной, мы видим серию целенаправленных попыток пробиться к некоторому (осуществленному — с точки зрения наблюдателя) состоянию. Такую картину описывать причинно-следственным образом не то что неправильно, скорее — непродуманно. Множество следствий оказывается выродившимся по отношению к множеству причин; разные причины приводят к одному и тому же следствию (что, собственно, и фиксирует термин «эквивалентность»). Причинно-следственный анализ не работает, развитие выглядит как стремление к определенной цели. И потому ситуацию в фазе новизны удобно описать как движение (развитие), управляющее импульсы которого находятся в будущем.

Итак, современная концепция Нового Средневековья выглядит следующим образом. Развитие представляет собой чередование относительно долгих стадий устойчивого существования с неизменными параметрами системы и кратких периодов восприятия новизны и кардинальной перестройки системы (глава 8, раздел «Концепция развития: основные понятия»). Долгими периодами восприятия новизны быть не могут — дестабилизация системы есть путь к смерти (глава 8, раздел «Восприятие новизны»), и потому краткие дестабилизации сменяются долгими периодами усваивания полученной новизны. Эти долгие периоды можно назвать средневековьями, а краткие возрождениями, которые чередуются как в развитии определенных крупных цивилизационных регионов, так и в мире в целом — поскольку (и насколько) он унифицируется и становится единой цивилизационной системой.

Нетрудно видеть, что концепция крайнего западничества и непрерывного прогресса абсолютизирует периоды возрождений, а концепция крайнего почвенничества и самодостаточности системы абсолютизирует периоды средневековий. В этом смысле концепция «Нового Средневековья» является синтетической системой более высокого уровня, нежели фрагментарные концепции крайних западников и почвенников. С точки зрения этой концепции современный мир заканчивает фазу возрождения (Возрождения) и постепенно переходит, усвоив первые следствия полученной новизны, в фазу средневековья — Нового Средневековья. Бердяев отмечал показателно, по его мнению, характерные для периодов средневековья: рост иррационализма и упадок рационализма, рост религиозности.

Этот тезис за прошедший век становится не столько проводником, сколько констатацией факта. Вспомним габочайший кризис науки (У. Бек говорит даже о *феодализации* практики научного познания) и всей системы рационального знания; движения религиозного возрождения; крах просветительских иллюзий; расцвет множества иррационалистических течений и оккультных обществ.

В 1989 г. в Колледже Густава Ааольфа (г. Сент-Питер, Миннесота, США) проходила Нобелевская конференция. Организаторы конференции выступили с заявлением: «Поскольку мы занимаемся изучением мира сегодня, нас не покидает все более острое ощущение того, что мы подошли к концу науки, что наука как некая универсальная объективная разнородность человеческой деятельности завершилась» (Притожин, Стенгерс, 2000, с. 211).

Рассматривая черты Нового Средневековья, приводимые различными авторами, мы можем убедиться, что они в значительной степени совпадают с Диагнозом эпохи глобализации.

...В *политической* отношении эпоха глобализма означает новый феодализм... (Панарин, 2000, с. 7)

Тем самым общая мысль о чередовании средневековой и возрожденной приобретает новый смысл. Все мы знаем, что в истории Земли чередуются ледниковые эпохи и межледниковья и что мы живем в межледниковье. Но до наступления нового ледникового периода остаются тысячелетия, и потому это чередование имеет для нас в основном познавательный интерес. Что же до чередования средневековой и возрожденной, то оказывается, что оно касается нас непосредственно: прямо сейчас мир входит в средневековье, продвигаясь в новую эпоху нашими окровавленными биографиями. Наши судьбы как синяки, которые *будущее* наставило прошлому.

К чертам Нового Средневековья Бердэв отнес также возвращение универсализма цивилизации (опять же, с точки зрения «текущей политики» — банальность; напомним, что универсализм — это старое название глобализма), болжевание Востока с Западом в рамках нового единства вместо

дифференциации (ср. с концепцией глобализации); феодализацию Европы (распад прежних целостностей на фоне опереденной универсализации и собирания в более рыхлое единство).

По поводу «неофеодализма» надо сказать следующее. Прержнему средневековью была свойственна «феодалная раздробленность». Из общего рассмотрения средневековой как стабильно повышенной устойчивости исторических систем прямо не следует, что для них должен быть характерен этот признак. Возможно, при более детальном анализе концепции окажется, что имеются линии причин, ведущие в этом направлении, но при самом общем взгляде так сказать нельзя. С другой стороны, число стран Европы за XX век увеличилось более чем в два раза (в 1914 году — 17 государств, в 2000 году — 44 государства). За тот же период значительно возросло число стран мира: «раздробленность» налицо, сложнее сказать — необходимым этот признак эпохи или случайный.

Характерной чертой средневековья считается превадирующая роль религии. Будет ли религия главенствовать в Новом Средневековье? Непосредственно из идеологии устойчивости исторических субъектов эта черта не вытекает, так что нельзя с определенностью сказать, что именно религия получит шанс стать опять основным мировоззрением человечества. Сейчас мировоззренческие функции несет наука, однако она теряет свои позиции, все менее способна представлять людям картину мира. Но обществу придется целостное мировоззрение, обеспечивающее людей картиной мира, служащее основой моральных норм. Вызывания о возрастающей роли религиозного мировоззрения в современности указывают, по-видимому, на ожидаемую черту наступающего Средневековья, но говорят об этом именно с внерелигиозной точки зрения. Религия не обязательно фанатична, но уж точно предметна, она не согласится быть безыкой религиозностью и потребует с точностью выбрать — Аллаху будут поклоняться потомки или верить в Христа.

Есть основания полагать, что относительно религии Новое Средневековье будет похоже на Средневековье прошлое столь же мало, как и в других сферах общественной жизни. Для Средневековья чрезвычайно значимой была антитеза «земной мир/духовный мир». На этом противопоставлении строилось очень многое в средневековом обществе. Эпоха глобализации все с большей настойчивостью внедряет несколько похо-

жее, но все же совсем другое противопоставление: «реальное/ виртуальное». Это противопоставление, как можно ожидать, будет очень важным в будущем и будет занимать в обществе будущего то место, которое в средневековом обществе занимала антитеза земного и духовного (небесного). Но структурное сходство еще не является сходством содержательным, так что говорить о «виртуальной реальности» можно, но вот в какой степени она будет реальней — неясно.

Кроме того, Бердяев отмечает и некоторые черты этого Нового Средневековья в отличие от старого: это цивилизованное варварство среди машин, а не среди лесов, и это Новое Средневековье будет характеризоваться массовой утратой духовности.

Конец Средневековья — XIV–XV века — считается временем появления современных наций. Сегодня во всем мире со-вершено неожиданно для прогнозистов и аналитиков наблюдается повсеместный рост национализма — как кажется, едва ли не на пустом месте. Место настолько пустое, что теоретики мультикультурализма, обсуждающие сегодняшние национальные проблемы, вообще склонны считать нацию мифом, для них нация есть сделанный кем-то идеологический факт, а не «социоприродная данность». И вот этот миф завладевает сознанием миллионов людей, размывает границы государства, кровавыми рубцами чертит новые границы.

Водна национализма несет не плодотворную самодентификацию, а жесткое столкновение анахронических и эгоистически понимаемых интересов. Воинственное групповое самоутверждение на националистической основе грозит попрзузить мир в хаос, невиданный со времен Средневековья (Уткин, 2001а, с. 128).

Можно оспорить диагноз средневековья, высказанный Бердяевым. Как кажется, у него есть лишние параметры (например, не так все просто с реаличностью) и нескольких параметров не хватает. Например, недостаточно явно выражена высокая стабильность средневековий, устойчивость их существования, не указано на деградацию, являющиеся характернейшей чертой возрождений. Бердяев в соответствии с традицией XIX века оценивал возрождения как нечто хорошее, а средневековья —

как плохое, хотя возрождения — это точки, когда жизнь соци-

ального организма в опасности, а средневековья — когда ей по большому счету ничего не грозит (речь о социальном огранизме; «конкретным людям» бывает равно плохо тут и там, но в основном по-разному). Тогда западники и почвенники представляли собой лишь отдельные фазисы существования в обществе этой крупной идеи чередования эпох. С другой стороны, эта же концепция дает новый уровень этого спора, порождая своих «западников» и «почвенников» — под другими названиями. Что же, Новалис как «романтический почвенник» и Робеспьер (или Вольтер) как «западник»? Просвещение — ничуть не большая натяжка, чем «западник» Чаадаев или «почвенник» Соловьев.

Современные исследователи почти в любой сфере общественной жизни наблюдают возникающие черты средневековья. Вот мнение Лангбейна.

В Америке сейчас, в XX веке, мы возрождаем практику ведения дел, принятую в средневековой Европе: внимание уделяется прежде всего не рассмотрению сути дела, а признанию, подученному от обвиняемого. Мы вынуждаем обвиняемого признать свою вину (Langbein, 1978–79).

А.В. Иванов (2002, с. 17) отмечает, что Турен (Touraine, 1969) пишет об обществе будущего, в котором конфликты будут возникать по поводу символических благ (знаний, информации, коммуникативной позиции — вспомним войны масс-медиа). Как и все остальные аналогии со Средневековьем, эти конфликты из-за символических благ частично напоминают о прошлом (крестовые походы, войны чести и т. д.), а частично совершенно не похожи на них. Средневековье не повторяется: на некотором уровне обобщения можно уловить сходные тенденции, но не живую ткань событий. Иванов (с. 78) отмечает интересную деталь: стоимость товара в глобальной экономике определяется социальным статусом товарного знака (а не качеством товара, вложенным трудом или рыночными условиями). Иванов приводит парадель: в средневековой экономике цена вещи зависит от «присвоения» предложения. Цена одной и той же услуги от герцога и барона — различна. Далее тот же автор делает еще одно наблюдение (с. 97): «В эпоху Постмодерн точно так же, как концепция «справедливой цены»,

«возвращается» средневековая практика поддержания строгого соответствия объема денежных расходов статусу их обладателя». Это следствие работы кредитной системы. «Денгли персонализируются, они утрачивают свойства безразличной по отношению к индивиду объективной реальности» (там же). Это — указание на современные средства контроля вроде электронной подписи, индивидуальной кредитной карточки, виртуальных денег и т. д.

Еще один пример возможного видоизменения культуры. Известно, что категория авторства, автора текста, в Средние века занимала совсем иное место, чем в нашей культуре. Несколько упрощая, можно сказать, что автора в современном смысле у средневекового текста не было — тот, кто писал текст, не осознавал себя в таком качестве, а читатели текста не принимали его за автора. Авторство, по большому счету, родилось в Новое время, и это очень важный культурный феномен, с которым связаны многочисленные культурные и социальные характеристики Нового времени. А теперь задумаемся: чем поакределено сейчас в глобализованном мире понятие авторства? Стоимостью карриджа. Книга несколько дешевле распечатки и несколько удобнее благодаря переплету. Что творится с текстом в Сети — объяснять не надо, множество слов, и не всегда цензурных, с разных сторон уже сказано по этому поводу. Текст меняют, сокращают, дописывают — не говоря о том, что воруют. Так вот, на пути к тому, чтобы «сетевой», «виртуальный» текст и стандарт обращения с текстом вытеснили обычную книгу, стоит простой экономический (и технический) факт — картридж для лазерного принтера дорог, нет дешевых поргративных переплетных машин. Если этот барьер — весьма незначительный — будет сломан, киноторговля рухнет (по крайней мере, в очень многих своих секторах). Книга станет более престижной, «подарочной» формой бытования текста, а текст обычный, нужный — уйдет в Сеть и будет терять такой атрибут, как авторство.

Итак, периода специализации, сохранения изменений и минимализации новизны можно назвать средневековым — с маленькой буквы, а периода кризиса (усваивания новизны и снисжения устойчивости) можно назвать возрождением. Как это следует из баланса преформизма и эпигенеза, средневековья должны быть относительно длительными, а возрождения должны занимать относительно небольшое время. Надо еще раз

специально подчеркнуть, что средневековым мы называем периоды, обладающие высокой устойчивостью социальных структур и культурных парадигм, а не те периоды, которые обладают специфическими чертами известного нам исторического Средневековья. Еще одной важной чертой Средневековья будет та, которую В. В. Библихин (2002) обозначил как «закрытость всех существенных вопросов». Средневековье имеет сложившийся образ мира, в котором на любой важный вопрос имеется заранее заготовленный ответ. Эта «закрытость» означает в то же время и конец науки, конец любой формы познания, принципиально ориентированной на поиск новых ответов — и, что важнее, на поиск вопросов.

Исходя из такой концепции, можно выстраивать различные взгляды на диалог западников и славянофилов уже с новой позиции. Можно утверждать, как это делал Бердяев, что период возрождения (Возрождения) закончился и мир (человечество) входит в новый период средневековья (Новое Средневековье). Тогда соотношение позиций России и Запада (почвенников и западников) прочитывается особым образом: можно говорить, что почвенники более правы, время новизны уходит. И тогда выстроится соответствующая линия аргументации: мир слишком нестабилен, возникает угроза его существования, требуется устойчивое развитие, увеличение преемственности культуры, настает время «почвенных» ценностей.

С другой стороны, можно говорить, что западники сейчас как никогда актуальны: остались последние мифы для того, чтобы на все последующее средневековье усвоить нечто из возрождения. Эта линия аргументации будет указывать, что сейчас потребны Бозии, которые передадут в схватывающуюся на глазах культуру средневековья экстракт мудрости возрождения. Особую важность приобретают заимствования: вот они станут невозможны или очень затруднительны, и следует спешить обустроить свою культуру как можно лучше, обогатить ее ценностями западной цивилизации.

Ощущение «конца эпохи» сейчас прослеживается у очень многих писателей, независимо от того, находятся они ближе к полюсу западничества или почвенничества.

Особое место в христианской культуре занимает XX века. Сегодня, когда он практически завер-

шился, почти очевидно, что это — последний великий христианский культурный кризис этой культуры, наметившийся на Западе еще в XVI веке (или даже в XIV-м, как считают некоторые западные исследователи), а в России с особой ясностью — с конца XVIII века, разразившаяся в XX столетии угасанием христианской культуры (не религии!) и ознаменовавшаяся началом какого-то глобального переходного периода в принципиально новый эон культуры или того, что идет ей на смену. /.../ XX век подвел черту не только под христианской культурой, но практически все традиционные культуры завершат свое слабое многовековое бытие и поступают в распоряжение ученых и архиварисов (Бычков, 1999, с. 10).

Далее В. Бычков говорит о том, что наступающая новая эпоха, новый эон требуют от современных исследователей передачи следующим поколениям последних свидетельств об истинном облике живой христианской культуры. Боэций передавал Средним векам языческую мудрость; цикл закончен — и наступающим нехристианским столетиям требуется передать квинтэссенцию христианской духовности.

Тем самым нельзя сказать, что концепция Нового Средневековья «решает» вопрос о правоте одной из спорящих сторон. Не предвещая выбора той или иной стратегии развития, она лишь выводит все обсуждение на новый уровень, вписывает его в новые исторические координаты. Например, проблема глобализации читается здесь как формат новой средневековой культуры, наплывающий на таснущий в вечерней заре мир нашего Возрождения.

Из этой характеристики развития как прерывистого равновесия (*rupturated equilibrium*), чередования этапов стабилизации и дестабилизации получают объяснение некоторые черты современной стадии дискуссии западников и почвенников, которые были описаны выше. Сейчас многие мыслители затрудняются в самохарактеристике — почвенники они или западники. Это говорит о том, что ошибочность крайних позиций близка к осознанию обществом и назревает следующий шаг — попытка сформулировать более общую концепцию, в которой прежние значимые позиции получают каждая свое локальное место. Однако выше были отмечены и иные черты — отсут-

ствие крупномасштабного мышления о стратегических целях и исчезновение даже идей уровня славянофильства (замена его почвенничеством). Представляется, что это тревожный симптом, несколько смазывающий блистательную перспективу «нового синтеза», которая, как кажется, могла бы и наметиться (ну сколько можно ждать да запрягаться...).

Чтобы показать, как самые разные теории могут быть при анализе осмыслены в рамках концепции Нового Средневековья, обратимся к одной из них.

И. Валлерстайн (изложение А.И. Фурсова, 1999) рассматривает три варианта политического порядка будущего: 1) неофеодализм, подразумевающий сильно авторитарные регионы с относительно высокой, но не прогрессирующей технологией, жесткие местные иерархии; 2) демократический фашизм: верхняя страта мира, пятая часть населения Земли — элита, ниже — пролы (это концепция «золотого миллиарда»); 3) устойчивое развитие, децентрализованный и довольно эгалитарный мир, обобществленная бедность, внимание к экологии, ограничение потребления.

Итак, предложено три сценария развития. Легко видеть, что вариант (2) — это (1) изнутри; (2), представление о демократическом фашизме, рисует Север, а (1), с упором на неофеодализм, изображает устройство мира в целом, состоящего из множества раздробленных и независимых (Юг!) кусочков. Эти «сценарии» представляют собой части одной картинки мира. Что же касается варианта (3), где говорится об устойчивом экологичном развитии, то можно заметить, что это внешний взгляд на (1), мир неофеодализма. Эта позиция (3) — представление о том, как следует излагать спуск от «возрождения» XV–XX веков во времена Нового Средневековья (1). На деле все три варианта Валлерстайна есть один сценарий, изложенный с разных позиций, разных точек зрения.

Выше мы уже говорили о том, что Новое Средневековье далеко не во всем будет подобно прежнему Средневековью. Попробуем резче подчеркнуть, до какой степени сходство периодов будет типологическим, а не конкретным.

В конце XX века в постмодернистском обществе (на закате возрождения = в межсредневековье) все еще идут процессы разрушения структур прежнего средневековья. В XV–XVI веках происходило разрушение очень поверхностных слоев обще-

ственной жизни, относящихся к средневековью, — например, науки и искусства. Со временем такое разрушение и пересоздание в новой форме захватывало все новые стороны вышедшего из средневековой общности. Изменились политика и экономика, религия и государственное устройство. Однако это не значит, что средневековое общество разрушено до конца. Едва ли не самые глубокие устои общества связаны с устройством семьи и тем, что можно назвать «типом биографии». Для средневековья была характерна «большая семья», индустриальный XIX век зафиксировал в качестве нормы «малую семью», и все же процесс еще не дошел до конца. Во второй половине — конце XX века происходит разрушение этого средневекового реликта — семьи, теперь в форме малой семьи.

Развернутое осмысление этого процесса можно найти, например, в книгах У. Бека (2000) и З. Баумана (2002). В них показано, что традиционные семейные роли и устойчивость семьи связаны со всей структурой цивилизации (в смысле Н. Элиаса): на бытующий тип семьи влияют архитектура и тип городского застройки, образование и экономика, политический эталитаризм и СМИ. Говоря очень коротко, экономика глобалистской эры (= общество постмодерна) разрушает этот реликт прежних веков — малую семью.

Часть средневековья, которую индустриальное общество не только консервирует, но и продвигает, теперь тает. Люди освобождаются от сословных скорауп пода, возведенных в ранг изначально заданных от природы (Бек, 2000, с. 178)

Углубляясь в эту тему мы здесь не можем, полезно только указать, что, по-видимому, приходит на смену малой семье, поскольку именно в этом вопросе большинство исследующих проблему авторов чувствуют себя очень неуверенно.

Один из основных социальных процессов второй половины XX века, предвещая глобализма, — процесс индивидуализации. Происходит этот процесс по многим причинам, в том числе и в связи с экономическим развитием. Здесь важна мысль Г. Зиммелда: деньги несут с собой индивидуализацию и стандартизацию. Неверно думать, что индивидуализированный человек XX века стал духовно глубже и богаче, стал развитой личностью; скорее,

он стал одиноким, самостоятельным, автономным — и стандартным. Индивиды проходят ряд стандартных ситуаций стандартных ролей — поиск работы, профессиональная карьера, крах, увольнение, поиск работы, новая профессионализация.

Так обстоит дело и в семье. Малая семья разрушается как реалья, с которой крепко связана биография данного человека. Возрастает число нефамилитарных форм общности — впадая параллельно тому, что происходит на рынке труда: непостояная занятость, скользящий график, временная работа, по контракту, сезонная, разовая... Пожалуй, малая семья все же устоит как социальная форма (Зодотухина, 1999) и Новое Средневековье не придумает принципиально иных универсальных форм. Но семья станет ролью, этапом биографии. Догovor — семья — ребенок — поездка в выходные на встречу с ребенком прежней семьи — развод — знакомство — договор... Из структурной ячейки общества семья станет временной функциональной формой типичной биографии. Не семья становится постоянной формой общественной жизни, а возникает биографический конструктор (по выражению Ульриха Бека), имеющий среди стандартных элементов и семью в том числе. Эти белые заметки об изменении семьи призваны иллюстрировать, насколько сильно изменится общество на пути к новому Средневековью и насколько не похоже будет стабильная этого Средневековья на до сих пор полагаемые «нормальными» стандарты современной жизни. Возможно, когда-нибудь новые романтики смогут воспевать Новое Средневековье и видеть в нем прекрасные черты благодательства (по сравнению с их Новым Возрождением), но мы смотрим в омут Нового Средневековья из другого положения, и следует соизнавать, какое большое число наших норм будет разрушено.

Чередование средневековий и возрождений, или Глобализация + Новое Средневековье

Итак, рассмотрим несколько подробнее представление о том, что в истории чередуются периоды «средневековий» и «возрождений». Такие мысли высказывали Н.А. Бердяев, академик Н.И. Конрад, а также многие до них и после них.

Мы рассмотрели два крупных сценария, сценарий глобализма и сценарий Нового Средневековья. Можно заметить, что на деле эти сценарии совпадают; глобалистский сценарий более фиксирован на экономических и политических реалиях, сценарий Нового Средневековья — на культурных, и потому это просто разные части одного сценария развития мира.

Эти сценарии совпадают по существу, но отпадают по тому, как они понимаются и определяются. Например, творцы теории глобализации (Робертсон и др.) полагают, что смысл глобализации — во всемирном распространении либеральных ценностей, демократии, выравнивании уровня жизни, построении государств всеобщего благосостояния. Так понимала себя теория, но реальность глобализации выглядит иначе. И Новое Средневековье вряд ли будет благостным временем возрождения духовной культуры и реалистичного обновления — разве что в очень специальном смысле этих слов. По сути, эти *разные* теории указывают на *одну* реальность, а потому имеет смысл их объединить — с новым названием Глобального средневековья (Globalization + Middle Ages = Global Middleization).

Довольно внешним образом с концепцией чередования средневековий и возрождений связаны взгляды Ролана Робертсона и М. Уотерса, которые были среди основателей теории глобализации. Робертсон считал, что глобализация началась с начала Нового времени — с Колумба — и продолжается по сю пору. Уотерс преudoжила теорию прерывистой глобализации, которая была «всегда», а с XVI века стада почти непрерывной. Достаточно ясно, что оба этих социолога почти отождествляют глобализацию с «прогрессом», так что сходство с теорией глобального средневековья — чисто внешнее (Robertson, 1990; Waters, 1995).

Здесь можно пояснить еще с одной стороны смысл Нового Средневековья. Указание на его зловещие черты — войны, падение культуры и т. д. — еще не позволяет нам понять смысл этого явления, указывая только на отрицательные тенденции. Возможно, с Новым Средневековьем будет связана вся квинтэссенция мирового заа; но понять его мы сможем только тогда, когда обнаружим его (возможные) положительные черты.

Первое Средневековье, европейское, привело к созданию общей культуры в Европе, разложением которой и жило Возрождение. То есть Средневековье есть та стадия истории, когда

усваивается новизна, приобретенная ранее, когда медленно и постепенно новизны входят в состав традиции, становятся своими для всех вовлеченных в средневековые страны, пропитывают общество до его низов и корней. Этим была создана Европа. Например, аристотелизму потребовалось полторы тысячи лет, чтобы создать естественные науки. Та мудрость, которая в античном мире была достоянием немногих, была разменена в мелкую монету, размазана по всей варварской Европе. Каждый хоть чуть-чуть грамотен, а элиты образованны много ниже, чем в античном мире. Средневековье выстужает в некотором отношении как мир культурного равенства и демократии: равное (в пределе) распределение накопленных культурных богатств среди населения...

Представим себе античность; в ней имеется культурное меньшинство и некультурное большинство. По мере роста культуры меньшинства оно проливает все больше культурные требования к большинству, ему требуется все более дифференцированная (культурная) социальная среда. В результате культура начинает распространяться на большинство. Это ведет к падению культурного уровня — культура даже избранных слоев населения (меньшинства) снижается, но в целом культура распространяется на более широкие общественные круги. Это ситуация восприятия социумом порции новизны. Такого рода реакции могут иметь локальный и региональный характер. При локальных кризисах такого рода происходит крушение частных культур, вплоть до культурных стилей и художественных направлений. При региональных — наступление средневековья в целом крупном регионе. Например, таким характером обладало европейское Средневековье. При достижении некоторого равновесного уровня (соотношения минимальной общественной культуры, культуры масс, и некоторого уровня культуры нового образованного слоя) средневековье вступает в длительную фазу постоянного и постепенного роста, перемежающуюся внутренними кризисами меньшего масштаба. В зависимости от глубины кризиса, постигнуто систему при восприятии новизны, средневековье медленно вырабатывает новый высококультурный слой. Затем процесс повторяется.

Высокая культура античности, о которой нам говорят звучные имена Платона и Аристотеля, стада распространяется на «массы». Если что-то большее делить на всех поровну, у каж-

Дого останется невообразимо малый кусочек. Средний культурный уровень Средневековья был немного выше, чем средний культурный уровень античности. Вместо философов и массы необразованных варваров появилась смесь полутрамотных, четвертытрамотных и на-согую-долю-трамотных. Это и есть общество Средневековья, в котором постепенно стада вырастать новый культурный слой, достигнутый к Высокому Средневековью.

По поводу такого описания может возникнуть вопрос: культура — это не масса и не энергия, при копировании информации появляется два идентичных сообщения, и ни о каком уменьшении речи нет. Почему же при распределении культуры на большое число людей происходит падение культурного уровня? Дело в том, что, когда речь идет о «копировании информации», предполагается, что механизм копирования уже готов и может принять достаточные объемы информации. Культуру «копируют» механизмы вполне ограниченной мощности — те образовательные институты, которые свойственны данной эпохе. Скажем, личное обучение (от отца к сыну) ограничено единицами учеников; иные образовательные институты способны выучить десятки. Но при возрастании числа потенциальных учеников на порядки эти образовательные институты не могут нормально функционировать, и качество образования резко снижается. Со временем появляются новые образовательные институты, приспособленные к обучению большого количества учеников, но появляются они далеко не сразу, и помимо того вполне может оказаться, что и эти новые институты дают менее качественное образование, чем прежние, рассчитанные на малое число обучаемых.

Новое Средневековье сыграет эту роль для всего мира — точнее, оно не решит проблему равенства и демократии, но будет тем фундаментом, на котором ее можно будет решить. Развитие идет таким образом, что черты будущего проявляются в незавершенной форме, вновь исчезают и потом развешиваются в полной мере. Так, если мы будем рассматривать античность с точки зрения современности (что обычно и делается), мы найдем в ней зачатки всех современных изобретений, рациональных и социальных. Потом эти изобретения исчезли в Средневековье, пока Возрождение не выявило их в полной мере — именно потому, что за время Средневековья они диффундировали из

Греции на всю Европу, стали своими для всех, пусть и в зачаточной форме. То же будет и после Нового Средневековья. Современная глобализация — не более чем профетическая стадия, намек на то, что ожидает мир в будущем.

Отличие современной ситуации от прошлого Средневековья в том, что культура становится всемирной. Известно, что значительно составляющую культурного запаса между временем предыдущего расцвета (Античностью) и следующего (Высокое Средневековье) через пропасть низкокультурного состояния (Раннее Средневековье) пронесла иная культура — арабская. То есть имелся соседний регион, живущий по своим циклам, который не находился в кризисе в момент кризиса Европы и смог участвовать в передаче культуры между временами. Сама Европа смогла спасти только концентрат, который, упрощенно говоря, законсервировал Боэций. В ситуации мирового кризиса такого внешнего анклава, который будет хранить европейские консервы до восстановления, может и не оказаться, что способно удлиннить наступающее средневековье. С другой стороны, нетрудно найти факторы, которые работают в сторону укорочения этого средневековья, так что окончательно сказать, какой длины оно будет, весьма трудно.

Глобализм объявляет себя царством свободы, демократии, открытой и всемирной экономической системы, единого информационного пространства. Критика глобализма подчеркивает, что способ осуществления этих ценностей таков, что результаты лукаво ускользает от цели: свобода не для всех, открытость экономики ведет к усилению экономической зависимости слабых от сильных и т. д. Сейчас проект «глобализация» в его истинном («заявленном») виде, в его желаемом смысле осуществить еще невозможно, у Запада нет сил стать во главе глобализирующегося мира, нет сил у не-Запада примкнуть к глобализации, нет осознания у не-Запада, что это — его будущее. Поэтому нынешняя глобализация — попытка с негодными средствами, лишь символ будущего. То есть современная глобализация относится к «истинной», «объявленной» и «чаемой» глобализации как реальный социализм к общепланному коммунизму. Это сходство не случайно: идеалы «глобализации» и «коммунизма» весьма сходны; мир стремится к все более ясно прослепающему идеалу — XX век показал это с замечательной отчетливостью. В глобализации и коммунизме — с разных сто-

рон и разными красками — изображен один мир будущего, время которого наступит по окончании Нового Средневековья.

Будущее врывается в настоящее — смыслами; прошлое присутствует в современности в качестве фактов, следов общественной памяти (и тоже смыслами). История — и в том числе истории современности — прочитывается лишь в том случае, если мы в определенном смысле в равной доле знаем прошлое и будущее, можем сказать, «как это было» (и есть) и «зачем это будет». Будущее образует руководящие смыслы, которые ведут историю к цели. Эти смыслы заключены не в камнях и металле — они отражаются в мировоззрениях людей. То, что люди думают о развитии общества, есть реальный факт развития общества. Смысл становится фактом; из фиксируемых нами фактов раскладывает современные мировоззрения прочитываются следы будущего, поступающего на наших лицах.

Возвращаясь к отрицательной оценке, которую вызывает сейчас концепция глобализации и Нового Средневековья, заметим следующее. Упреки к современному глобализму в том, что он несправедливый, эксплуататорский и обесценивается на деле отбрасыванием назад оставшейся части человечества, на самом деле несколько наивны. Справедливость — человеческое дело; насколько люди могут осуществить справедливость, столько ее в истории и есть. Отбрасывание назад — это право; всегда, когда в целом выдается часть для выполнения чего-то сложного, нового задания, оставшиеся части целого отбрасываются несколько назад.

Народ... остался Каспаром Гаузером для того, чтобы мы с вами читали Данта и слушали Бетховена (Герцен, 1955, Собр. соч. в 13 тт., т. 6, с. 81).

Это — цена прогресса, цена развития. Честные критики эгоистического глобализма предпочитают забыть, что цена греческой культуры — рабство, а цена Возрождения — колониальная система. Причем в отличие от рынка цена приходится платить потом, через знаменитый промежуток времени после «покупки» — и потому платят ее не сами прогрессисты, а их потомки и наследники. Эта «отсрочка платежа», вызывающая сначала столько розовощеких надежд и потом столько до сих пор невыносимых разочарований, происходит потому, что в конче-

ном счете и те, кто «прогрессировали», и те, кто «отстали», представляют собой некоторое единство. И рано или поздно (но всегда — впоследствии) ушедшему в будущее авангарду достается задача «исправления» отставших. И если цена слишком высока — «авангард» оказывается неплатежеспособен, его достижения захлебываются «ордами варваров» и весь «эпизод прогресса» в целом можно считать несостоявшимся.

Здесь нет места суждениям «нравится-не нравится»; это так: если мы имеем на объединяющийся планете регион (Север), стартовой в будущее, то оставшиеся части человечества принимают на себя отдачу. Это может происходить с их согласия или без — но таково правило прогресса: он всегда оплачивается жертвой. Другое дело, что качество жертвы затем определяет судьбу прогресса. Если те, кто пожертвовал собой для прогресса, сделали это добровольно, прогресс добьется своих целей; если жертв принудили к этому обманом или силой — прогресс будет извращен в руках прогрессистов и откатом приведет затем и их к необходимости стать жертвами этого же самого прогресса.

Не будем обсуждать, добровольна ли жертва прогрессу в наше время. Гораздо интереснее взглянуть на иную сторону проблемы, касающуюся наших успешных путешественников в будущее, заставивших мир стать отброшенной ступенью на этом пути. Дело в том, что описанная выше ситуация — прогресс и жертва, его обесценивающая, — вся эта схема работает тогда, когда есть прогресс. О Греции мы помним, что она сделала для человечества, и уже позабыли о цене — потому что в веках цена распределалась на многих, а вытоду получили все. О Петре Великом идет ясный спор, однако нападки на него, отбросившего большую часть России назад, чтобы некоторая часть смогла выйти вперед, компенсируются защитой: он действительно добился успеха, в Россию пришла новая культура, ею можно пользоваться, жертва была не напрасна. Можно торговаться, рвать на себе рубашку и кричать, что продали, что мал кусок, — но сделка совершилась: образованная Россия возникла ценой появления необразованной. Вину за жертву с Петром разделил его наследник — интеллигенция. Петр в крови породил интеллигенцию, и та кровью заплатила за свое рождение в 1930-х годах.

Сегодня ситуация иная: насколько можно понять, Север (или Запад — как нравится) совершил в XX веке много более

изошренный акт, чем обычный исторический прогресс. Население Земли западнело стареющему вперед региону (не будем обусуждать — много или в меру, воляно или по принуждению), и оплатить эту жертву Север может только одним — достижением нового культурного уровня. Платят только за это. Север же, насколько можно видеть, в эпоху глобализации особенно высокого культурного уровня не достиг. Компьютеры и Интернет — все, что может предрьявить Север миру. С таким товаром на рынке истории не показываются. Имеет место не прогресс, а обычное жульничество: жертвы забрал, а в будауще не поехал, осталса с нами, только побогаче да поналее стал. Это, конечно, обидно, однако, обида — лишь человеческое чувство, к историческим судьбам мира отношения не имеющие. Дело в другом: теперь у Севера нет оправдания в том, что он сжедал. Запад как будто пообещал будаущему выступить в роли Арвеней Греции, а выступил в роли Карфагена. За эту поамену Северу придется платить — не перед обиженными (это уж как подучится), а перед историей (в обязательном порядке). Расплачиваться Север уже начинает, и делать это будет долго. В наступающем Средневековье никто не признает за ним особенного статуса — это будет один из цивилизационных регионов, взявший не по чину.

Однако будаущие беды Севера не представляют особенного интереса. Стоило бы подумать о другом: до сих пор каждая эпоха выдвигала «форпост будаущего», на который и тратила свои силы, и этим будаущим потом жила все большая часть человечества. Похоже, что форпост будаущего в современности напакости и сбежал. И современность остается с задачей крайне тяжелого свойства: будаущее приближается с каждой секундой, а кандидатов на «открывателя дверей» не видно. Можно надеяться только, что если не весь Север, то какие-то его фрагменты все же сыграют отведенную им роль, приоткроют хоть щелочку, в которую оставшему миру придется второпях протискиваться. Тем самым надежды Севера теперь только в том, что он сможет выдвинуть регион, в котором будаут достигнуты действительно крупные культурные достижения, представляющие ценность в тысячаелетней перспективе, — содаст то, чему будаут учиться другие.

Можно предпологать, что с такой ситуацией и связано то, что Север в современности двоится. Есть Америка и есть Европа. Дело

не в том, что кто-то из них черненький, а кто-то светленький, и не в степени вины за происходящее. В позитивном и единственно важном смысле вопрос только один: сможет ли хоть кто-нибудь открыть дверь в будаущее, развернуть зачатки тех культурных открытий, которые нужны будаут человечеству в новые времена, или мы пойдем всецую, отчего жертвы наши могут оказаться столь велики, что цена за материализм Севера, заплаченная в современности, может показаться просто смешной.

Впрочем, перспективы выхода из наступающего Средневековья достаточнo далеки, нас могут больше волновать проблемы, связанные с «точкой входа». В каждой стране имеются особые, локальные причины наступления средневековья. Весь мир движется в этом направлении, но не внешним давлением, а совокупностью тенденций развития регионов. Средневековье в России возникает в силу постепенного приобщения к культуре огромных масс населения, которые ранее находились вне ее: в глобальном смысле это последствие отмены крепостного права. Те самые 80–90 процентов населения России, которые составляли ее крестьянское население, были охвачены всеобщим начальным, а затем средним образованием, были привлечены в ситуацию культурного выравнивания с другими 10–15 процентами, в значительной степени переселились в города и стали сливаться с обезглавленной «культурной элитой», которую без кавычек писать нельзя, поскольку элитой она является только по отношению к лицам из Урюпинска с десятиклассным образованием. По сравнению с дореволюционной Россией мы живем в ситуации варварства — множество людей обладают начатками культуры разной и обычно незначительной величины. К этой тенденции, разумеется, можно добавить Интернет, падение уровня образования, снижение роли науки и другие печали, помогающие наступлению варварства. Это — ситуация начала Средневековья.

Это — в России. В мире происходит схожий процесс, но с совсем иной подоплакой. Постиндустриальное общество не нуждается в большом количестве рабочих, не нуждается оно и в особенно большом количестве интеллектуалов, вершины образованного класса, то есть не нужен становится мощный средний класс. Постиндустриальное общество нуждается во вполне ограниченном контингенте дешевой рабочей силы и небольшом количестве менеджеров и ученых. Другой чертой

этого общества является резкое увеличение разливий стран Севера и Юга. Сейчас страны Севера в 50 раз богаче стран Юга, и этот разрыв продолжает увеличиваться. Создается контраст Севера и Юга, наиболее активное население Юга мигрирует в города Севера, создавая анклавыв низкооплачиваемых рабочих, а сам Юг выбрасывается из границ «культурного сообщества» и может сделать что угодно, кроме ядерных войн и террористических акций, направленных на страны Севера. То, что возникает, — это достаточно известный сценарий «золотого миллиарда», который на деле является сценарием Нового Средневековья, на этот раз всемирного по масштабу, поскольку новым полубразованным пластом населения являются уже не римские «низзы», рабы и колонны, и не «союзные германцы», а население всей планеты. Глобализация приводит к построению всемирной дивинизации, и первое, что эта дивинизация делает, — рушится, поскольку наружена огромным количеством «масс», выносить которые ее культура пока не способна. В течение Нового Средневековья будет происходить стабилизация перебадамученного общественного устройства, постепенный рост культуры с того уровня, до которого он упадет (а уровень культуры будет в среднем значительно ниже, чем даже в Европе XX века, не говоря уж об уровне образованных людей XIX века). Когда-нибудь это приведет к появлению новой образованной прослойки, достаточно культурной, чтобы ей потребовалось культурное окружение.

3. Бауман, пересказывая Дж. Фридмана, пишет: «Смешанная культура является продуктом определенных, исходящих сверху и извне жизней тех, чье существование таким образом упорядочивается... Дюпика, формирующаяся в среде андеркласса городских окраин, с большей вероятностью имеет припод, отличную от той, которая проявляется в поведении развезжающих по миру высокообразованных представителей индустрии культуры. Тибридность, испытываемая элитой, совершенно противоположна бадаканизации и трибализации, проявляющейся на низшем уровне системы» (Бауман, 2002, с. 113).

Говоря чуть проще и протескнее, культурой нового глобального сообщества, Нового Средневековья станет не «семидряна»

культура, распространяемая СМИ, а современная культура городских низов, которая через пару тысячелетий, вполне возможно, удостоится описания как «народная культура средневековья». Появятся и исследователи категорий народной культуры, возникнут сетования на отсутствие документов, исходящих из этого слоя, пойдут разговоры о «культуре безмолвствующего большинства», и получат огромную ценность сохранившиеся в считанном числе экземпляров издания Фонда «Общественное мнение», которые позволят — разумеется, с неизбежными искажениями — представить мышление людей того далекого времени.

Выше было показано, сколь разнообразно предомляется диалог западников и почвенников с точки зрения различных идейных позиций. Стоит повторить, что все возможные варианты концепций западников и почвенников присутствуют в обществе одновременно — одни в виде книг и идей, другие — лекциями и беседами. Существуют еще западники «первого поколения», в рамках соотношения России и Европы. Они говорят об обучении России у Европы, о лидирующей роли Европы в современном мире и необходимости усвоить европейские изобретения. Одновременно с ними существуют западники «от глобализации», а также еще от нескольких синтетических позиций. Западники «Севера» утверждают, скажем, объединение России не с Европой специально, а с постиадустриальным миром в целом или специально с США, которые признаются ведущей державой современности, обучающей весь мир гуманности и демократии. Их ориенте Iux — из Нью-Йорка... Еще одно доказательство, что земля — круглая.

То же самое происходит с почвенниками. Есть почвенничество как реакция против Европы, почвенники антиглобалистские, почвенники евразийские, почвенники советские и англосветские, а Панарин, например, высказывает позицию, которую можно назвать «почвенничеством Юга». Дело осложняется тем, что на этот диалог идет воздействие не только «по вертикали» — в связи с уровнями самого спора, но и «по горизонтали», аргументами от других наук и мировоззрений. Скажем, экономисты могут быть «рыночниками» и «антирыночниками», историки — «тумилдецами», «евразийцами» и т. д., и при каждом таком рефлексе, ответе из иного аспекта знаний позиция в споре может очень сильно измениться. Поэтому в беседе ры-

ночника-почвенника и западника-общинника разобратся в том, кто какую позицию занимает и как его называть, может быть очень нелегко. Однако разнообразие индвидуальных мировоззрений настолько велико, что не имеет вовсе никакого смысла заботиться о номенклатуре людей. У людей имеются имена собственные, которые в целом вполне пригодны для их именования, а у личных мировоззрений вместо дифференциации и специализации есть долг и судьба. Поэтому в наши цели не входит классификация всех встреченных позиций, важнее описать полюса мировоззренческого спора, его границы и законы, подъем этого диалога по уровням все более сложных концепций, которые тем не менее все равно подчиняются той основной системе взаимодействий, которая описана как теория развития между эпитезом и преформацией.

Однако вернемся к концепции Нового Средневековья. Есть основания полагать, что ритмы истории ускоряются. Если взглянуть на историю второй половины XX века как на «предрезанную» историю, то в принципе можно увидеть огромную скорость этого процесса. В прежние Средневековье античный мир входил столетиями. Сейчас столетия спрессовываются, прорастая на глазах одного поколения. Этому ускорению может способствовать и специфика нашего Средневековья: в прежние времена регионы («цивилизации») были самостоятельны и пока один был в Средневековье, другой находился на ином этапе развития. В Новое Средневековье мир войдет целиком: глобализация...

Этой концепции можно задать несколько вопросов. Например, можно обратить внимание на то, что для нее принципиально важной является большая длительность средневековья, чем возрождений. Из теории следует, что периоды устойчивости (Средневековья) должны быть значительно длиннее, чем периоды воспрития новизны (возрождения). А что мы можем видеть в прошлой истории? Зрелое Средневековье продолжалось около 400 лет (XII–XV века). Возрождение, если пользоваться этим термином в рамках данной концепции, длится до сих пор — поскольку еще не наступило средневековье, и в таком случае длительность Возрождения — более 500 лет. Где же ожидаемая разница длительностей?

В приведенных выше подсчетах длительность Возрождения трактовалась расширительно по сравнению с принятым объе-

мом этого понятия (оно включило Новое и Новейшее время), а Средневековье понималось в прежнем смысле, причем им обозначено только развитое Средневековье. Раннее Средневековье, как известно, началось примерно в IV веке. При этом никак не классифицированы в данных терминах предшествующие «нашему» Средневековью эпохи — эллинизм, империя, античность. При адекватном подсчете длительность Средневековья и Возрождений в новом понимании как раз окажется ожидаемой, то есть Средневековья будут значительно длиннее Возрождений.

Это — частное объяснение; попытаемся дать более общее с отсылкой к теоретическим соображениям об особенностях кризисов социальных систем.

Объяснить это несоответствие можно посредством указания на разницу тех систем, которые претерпевают развитие. Разница длительностей соответствующих периодов будет особенно резкой в развитии систем, обладающих высокой целостностью, например биологических организмов. Социальные системы значительно менее целостны, нежели системы организмов, поэтому они менее целостны, к которым относятся как сами организмы (биологические объекты), так и целостности психического порядка — например, личное мировоззрение человека. Чем менее целостна система, тем ближе она к термодинамическому равновесию и тем менее опасна для нее дестабилизация. Значит, менее целостные системы поддерживают более сильные дестабилизирующие влияния и могут дольше находиться в состоянии воспрития новизны. Именно таковы социальные системы: значительно менее целостные, чем организмы, они могут поддерживать значительную дестабилизацию, сравнительно долгое время находиться в кризисе.

Тем самым система с невысоким уровнем целостности (организмованности) может поддерживать значительно большее количество новизны и значительно больший период времени, чем более сложная система, пребывая в состоянии дестабилизации. Поэтому время кризиса (дестабилизации, освоения новизны) в социальных системах намного больше (относительно периода стабильности), чем в системах организмов.

Далее, социальные системы все же достаточно организованы (дифференцированы), чтобы иметь боковую структуру. В организациях части очень сильно зависят друг от друга — что,

собственно, и обозначается понятием «целое». А в менее целостных социальных системах части (блоки) относительно автономны. В результате возможны ситуации, когда один блок находится в кризисе (воспринимает новизну), а другой еще (или уже) в стабисе. Таким образом, для социальных систем возникает особый способ преодоления кризиса — кризис всей системы «переносится» в один из относительно автономных блоков системы. Но в целом это решение — лишь паллиатив: при усвоении новизны целостность системы все равно падает, но именно социальные системы могут выдерживать эту ситуацию сравнительно долго. Поэтому возникает наблюдаемая в истории ситуация: пока искусство в кризисе («возрождение»), наука может быть в стабисе, а когда приходит время революции в науке, в искусстве и религии уже все стабильно. Если мы отметим периоды кризиса («возрождения») в искусстве, они не совпадут с «возрождениями» (кризисами) в науке. Общей период видимых изменений в культуре in toto за счет блочности структуры кажется долгим, если же расчислить время в пересчете на отдельный функциональный блок культуры, мы увидим теоретически ожидаемый результат: для данного блока относительная продолжительность кризиса (возрождения) окажется много меньше периода стабиса.

Глава 12

Алгебра

Глобалистских моделей

Итак, мы в самых общих чертах описали возникающий сегодня общий сценарий будущего, сценарий Глобального средневековья, который включает многочисленные более частные сценарии. Сценарий этот не имеет альтернатив, то есть нет крупных сценариев будущего, не удаляющихся в этот сценарий. Для того чтобы говорить о месте России в новой эпохе, надо рассмотреть этот сценарий подробнее.

Кризис многополюсного мира: будущее непосредственное

Мы видели, как отошло на второй план прямое противопоставление традиции и модернизации, Запада и Востока; общественное сознание ориентируется теперь на новую модель прогнозируемого будущего. Если модель ЗВ (Запад-Восток) была (с современной точки зрения) простой, то модель СЮ (Север-Юг) представляется сложной. Можно сказать, что ЗВ-модели допускали выделение из системы пар элементов (с Западом или против, как Запад или сами по себе) без потери смысла самой модели. В СЮ-моделях ситуация сложнее. Поэтому, если в ЗВ-моделях можно было говорить о взаимодействии двух элементов, то в СЮ-моделях обязательно присутствует в той или иной форме представление о кругах цивилизаций, о разных цивилизационных регионах. Чтобы что-либо сказать о России в глобализирующемся мире, требуется подробное его описание. Только после такого описания может проясниться место России.

Прежде всего заметим: аналитики любой сферы современного общества указывают на наличие кризисных тенденций, на дезорганизацию современной структуры мира. Отсюда ясно, что можно не рассматривать самый оптимистический сценарий — прогрессивное развитие всего мира по всем направлениям

ям. То есть концепция «крайнего западничества» в ее глобалистском варианте, похоже, не имеет сторонников, если не считать многоукоряемого Фукуяму. Далее, кризис — системный, падение одного важного функционального блока системы Современности влечет за собой дезорганизацию и перестройку других блоков, поэтому сценарии частичных кризисов также можно не рассматривать — в связи с глобальным характером системы Современности ее кризис также будет глобальным.

Дестабилизация какой-либо организации происходит в несколько стадий. Сначала идет падение «эффекта», того, что можно назвать «суммарным продуктом» данной организации, и одновременно растет разнообразие проявлений данной организации. Вспомним «закон Седова»: речь идет о том, что при кризисе разрушаются системы запретов (законов) данной организации, ее блоки начинают автономизироваться, идут к самостоятельному существованию. Вместо одной системы появляется несколько новых, и суммарное разнообразие растет. Скажем, для сферы экономики это будет означать, что мировая экономическая система станет в каком-то отношении менее эффективной и более разнообразной. Кризис будет проявляться в разрушении системы и образовании на ее месте одной или нескольких систем. Судя по устройству современного мира, из дестабилизации выйдет одна новая система в окружении внесистемного остатка, который по отношению к данной системе будет выступать как внешняя среда. То есть дифференциация, например, мировой экономики настолько возрастет, что бесмысленно будет рассматривать ее как единую систему, более верным окажется ее рассмотрение как некоторой особой (одной) экономической системы и внешнего экономического мира, агрессивной внешней среды, в которой эта особая экономическая система существует. Эта особая экономическая система определит особенности политического существования Севера. Весь блок государственных образований, соответствующих экономической системе, образует до определенной степени единую политическую систему («Федерация Севера»). Это предание было описано А.А. Зиновьевым как концепция «золото миллиарда».

Как выглядит мировая экономика изнутри нового экономического организма, изнутри экономики «золото миллиарда»? Для организованной экономической системы стран Севера ос-

табная мировая экономика выглядит как внешняя среда для организма. Это не просто агрессивная среда. Новый экономический организм («Север») начинает все более активно «вести себя», так что можно говорить о его «экологии», о его отношениях с этой внешней средой («Юг»). Юг — это то место экономического мира, куда выбрасываются отходы, откуда набирается ресурс, это то, от чего следует защищаться и чем следует манипулировать. Экономическая система образует границу — Великую Стену, которая отделяет экономику «золото миллиарда» от внешней среды. Впрочем, не только отделяет, но также пропускает и активно вбирает нужное и выделяет во внешнюю среду ненужное. В связи с существованием этой Стены можно говорить о борьбе за право быть эксплуатиремым: мир вне Стены депривирован, не допущен к участию в экономике «золото миллиарда», экономические отношения вместе с эксплуатацией, прибылью, потерями существуют внутри системы «золото миллиарда», там идет своя игра, а непокорных выбрасывают во тьму внешнюю, во внешнеэкономический мир.

Чем является эта экономика системы «золото миллиарда»? Мир за Стеной, для остальных локальных экономик, которые все вместе выглядят как среда для «золото миллиарда»? Для прочих локальных экономик это — ситуация сверхконкурента, который в любом столкновении побеждает и берет что хочет. Значит ли это, что с таким конкурентом невозможно бороться? Ничуть. Существуют отлаженные стратегии взаимодействия с такими системами. В пределе это взаимоотношения вирусных и всепобедительного льва. Монстр побеждает во всех схватках с соразмерными с ним противниками, но при выходе конкурентов из его размерного класса перестает их замечать и с ними взаимодействовать, может их только терпеть. Конкуренты начинают работать вне линий специализации «монстра». Во «внешней тьме» возникают паразитические экономические стратегии, выкачивающие у экономического гиганта средства по тем линиям, где он не может противостоять, по которым он не специализирован. Например, раз есть Стена — имеется контрабанда, незаконный и антисистемный ввоз и вывоз — скажем, незаконный ввоз людей. В мире будет существовать масса желающих попасть в страны «золото миллиарда» и будет жесткий запрет, поскольку экономика этих стран не выдержит

напыля мигрантов. Отсюда — контрабандный ввоз людей превращается в конкурирующую стратегию, внесистемные элементы перекачиваются во внутреннюю среду «монстра», вызывая у него внутренние проблемы, болезни.

Примерно к 2025 г. мигранты с Юга могут все-таки составить до 25–50% в некоторых субрегионах Северной Америки, Европы и даже Японии, обдавая при этом политическим и социальным статусом людей «второго сорта». Именно такого рода ситуация в первой половине XIX в. поставила Великобританию и Францию пера угрозой того, что «опасные кассы» могут разрушить общество. Политическим ответом на это было «изобретение» либерального государства. Не прозлит ли британо-французская ситуация 1830 г. Европе, Северной Америке и Японии в 2030 г.? (Валдерстайн. Цит. по: В. Цымбурский. Это твой последний геокультурный выбор, Россия?, <http://www.roiistudies.ru>, раздел «Виртуальная эссе»).

Вот как описывают сегодняшнюю ситуацию в Европе, где принимаются все новые меры против иммигрантов.

Это похоже на осаду. Внутренние границы ослаблены, но это компенсируется усилением внутреннего контроля в виде вооруженной полиции с правом пересекать национальные границы и налицем общей информационнои системы, а также еще одним существенным элементом — гораздо более эффективной системой контроля на внешних границах. Железного занавеса больше нет, пора установить занавес визовой (Кристи, 2001, с. 73).

Возможно, Западной Европе уадется в течение некоторого времени сохранить свой статус острова всеобщего благосостояния, предпочтита запретиться от нищих снаружи, чем зашпрать их в тюрьмах Европейской крепости.

В пятидесятые и шестидесятые годы в тюрьмах Иллинойса и Калифорнии создавались банды заключенных — для самозащиты. Теперь эти банды существуют по всей стране. ... Среди молодежи

вошли в моду татуировки, обьячи, жаргон этих тюремных банд. В американских городах тюремная культура становится культурой улиц (Schlosser, 1998).

Н. Кристи цитирует Ричарда Страттона, редактора журнала Prison Life.

Тюремная культура сейчас выдвскивается на ружу и становится частью всеобщей культуры (Кристи, 2001, с. 103).

Заменилтый экономист Кейнс утверждает, что реальная экономика слеаует за теоретической, «практические» люди живут по ставшим общепринятыми до уровня заравого смысла идейнм положениям, которые были теоретическими новациями в предыдушем поколении. Поэтому можно обратить внимание на положение в экономической науке — в качестве предвестника будущего состояния реальной экономики. Современная экономика — как хозяйственная деятельность человека, как реальность — является глобальной, то есть все ее части связаны системными взаимодействиями. А теории экономической деятельности — от Кейнса до Мизеса, от взад до глобальными по предпологаемой области применимости (без ограничений) и частично по описанию экономической реальности.

Эта «частичность» проявляется в том, что все представляется, которые вырабатывает западное человечество по пововду экономики, характеризуются — заранее! — незамкнутым характером с точки зрения реального цикла хозяйственной деятельности. «Замкнутыми», «поодными» эти теории были бы в том случае, если б они описывали весь цикл хозяйственной деятельности, от корней до вершин. Современные теории ограничиваются рассмотрением рынка, но реальная экономика начинается задолго до рынка и заканчивается вовсе не совершением слеаки. В самом деле, в подный экономический цикл должны быть включены вопросы производства необходимых людских ресурсов («до рынка»). Чтобы произвести людей, способных поддерживать современную экономику, процесс преобразования стоимости должен быть прослежен гораздо дальше, до затрат этих стоимостей на производство культурных и образовательных институтов.

Итак, эти теории не полны, и применение этих экономических теорий неизбежно вызывает ситуацию, когда некоторая выделенная область функционирует за счет того, что все непроработанное в рамках данной экономической практики выбрасывается за границу системы, в недрах существующее внешнеэкономическое пространство. Все, что окружает рынок, делает возможным его работу, предполагается каким-то образом даным, появляющимся «само собой».

Попробуем повторить другими словами. Современные глобальные (по названию) экономические теории и следующие за ними экономические практики не предполагают ситуации, когда система способна полностью контролировать оборот веществ, энергии и стоимостей. Напротив, не только реальный, но и теоретически мыслимый экономический организм оказывается несамостоятельным; одним из выражений этой несамостоятельности является непрерывный рост стоимостей, на каждом обороте экономическая машина образует новые стоимости даже в том предельном варианте, если новых продуктов, товаров не выработано. Поскольку мы говорим об экономическом органе, под энергией разумеется не только энергия как таковая, но и то, что служит энергией для производственной и финансовой систем: дешевая рабочая сила, спрос (потребительский ресурс), достаточная культура работников, обеспечиваемая воспитанием и образованием, и другие виды «энергий», за счет которых существуют «неустойчивые» (так как незамкнутые) экономические стратегии Севера.

Функционирование Севера само создает внешнюю среду, Юг, затем усиливает его, пока наконец существование в измененной среде не становится невозможным. Идеальная глобальная экономика должна быть самодостаточной и в этом смысле «экологичной»: поскольку она глобальна, она вбирает всю планету, «экономической среды» для нее не существует. Но, как мы говорили, даже идеальные теории глобальной экономики не таковы. Они допускают такие запрещения для глобальной экономики концепты, как миграция рабочей силы из-за пределов системы, как разница цен на рынках (в том числе цены рабочей силы) и откочевки капитала на внесистемные рынки, вывоз отходов за границы системы, рост цен на землю (следствие частной собственности на землю) и проч. А также — что может оказаться достаточно важным — эта система подлагает,

что, когда Бог создал образованных людей, он создал их в достаточном количестве. Современная глобальная экономика паразитарна еще и в том смысле, что она берет необходимых работников высокой квалификации «из прошлого». Эти работники образованы благодаря тем остаткам доглобального мира, которые еще существуют. В развитии глобальном мире уровень образования упадет и брать необходимых специалистов будет неоткуда. Долгое время запущенный механизм будет работать по инерции, со все большими сбоями, пока ситуация не изменится принципиально.

Когда же разразится кризис? А.И. Уткин (2001а) утверждает, что, по самым разным прогнозам, самым разным исследованиям — межцивилизационного противостояния, кризиса западной цивилизации, развития экономики, демографии — по разным показателям эксперты отмечают, что самой трудной, критической будет вторая четверть XXI века. В этом историческом «яблочке» сидит «червячок». Кризис предрекается почти всеми аналитиками, однако серьезных мер по его предотвращению не проводится. Насколько можно понять, люди, принимающие решения, подступают надеются на «подарок»: ученые и менеджеры напрутятся, что-нибудь придумают, откровую и узнают, так что придется слетка погратиться. Надеются на то, что что-то случится, что избавит мир от его проבלем: надо полагать, придет жучок, который червячка прогонит, отчего благодарное человечество и воспоет ему хвалу.

После, скажем, 2050 г. или 2075 г. человечество может быть уверено лишь в нескольких вещах. Мы будем жить не в капиталистической мировой экономике, а при каком-то новом порядке или порядке, при какой-то новой исторической системе или системах. Поэтому мы, вероятно, снова познаем относительный мир, стабильность и легитимность. Но будут ли это лучший мир, лучшая стабильность и лучшая легитимность, чем те, которые были нам известны раньше? (Валдерстайн. Подлитические дилеммы на рубеже тысячелетий. Журн. «Полис», 1996, №4).

До этого момента мир живет за счет потенциала, накопленного в доглобальном мире. После кризиса глобальный мир

должен стать на собственные ноги, и он приобретет внешнее строение, соответствующее внутреннему устройству. По-видимому, после периода краткой дестабилизации возникнет Север — уже как принципиально частичная система, уже не как прозрачные геополитиков, а как «организм» этого нового геополитического устройства. Вместе с ним возникнет Юг.

Теперь нам надо изложить механизм кризиса глобального сообщества. Современное преакризное геополитическое сообщество имеет устойчивую блочную структуру, представляет собой «сообщество взаимодействующих целых». В процессе развития происходит дифференциация и специализация частей этого сообщества. При специализации происходит сужение «экологических ниш» специализирующихся организаций. В результате в «щели» блочной структуры проникают «внесистемные элементы», геополитические образования, не имеющие четкой привязки к прежним блокам (наиболее очевидно заявили о себе в таком качестве, например, ТНК). Геополитический «сад» порастает сорной травой. На это элементы системы реагируют все большей специализацией и тем самым оставляют все больше «трещин» в своей структуре.

В таких системах всегда обнаруживается то, что Макс Вебер, М. Шелер и Э. Бартель именуют *Strapning* — своего рода напряжение или латентный антагонизм, скрытая трещина или раскол, который, как только появится вмешательство соответствующих враждебных внешних условий, переходит в открытое расщепление системы (Соркин, 2000 /1957/, с. 746).

Этот рост специализации локальных систем в преддверии кризиса можно видеть в специфическом усилении государств. Об ослаблении государств в конце XX — начале XXI века говорят при сопоставлении их с глобализованной властной экономикой. Но внутри государств сила их увеличивается — сворачиваются некоторые демократические процедуры, уменьшается роль общественного мнения, люди становятся все более бесправными. Выразить это можно так: если раньше государству противостояло сильное общество, то теперь ему сопоставлен изолированный индивид (Бауман, 2002).

При росте специализации государства связи между блоками системы слабее и прежнее сообщество разрушается. Существует закон, связывающий силу специализации структуры и тот объем пространства догических возможностей, на котором осуществляется эта специализация. Для достижения максимальной эффективности системы требуется выделение определенного участка пространства догических возможностей, на котором работают данные специализации. Проще понять это на примере: при промышленной добыче золота образуются отвалы, в которых содержится достаточно большое количество золота. Почему же его не изыять из этих отвалов, ведь работа специализированное предприятие по добыче золота? Именно по этой причине: специализация заставляет производить определенным уровнем, до которого рентабельно производить добычу. Золотоносные отвалы комбинация по добыче золота — это одна из множества комбинаций этого закона: там, где существует специализация, специализированные блоки расходятся, между ними пролегают «щели», которые не контролируются системой именно в силу ее специализации.

Чем выше степень *специализации*, тем *большее* диапазон, количество и неисчисляемость побочных последствий научно-технической деятельности» (Бек, 2000, с. 273).

Поскольку связи между специализированными элементами разрушаются, образуются «щели», то на месте тесно спаянной системы элементов образуется совокупность достаточно слабо связанных блоков. Эти подавтономные блоки в ситуации кризиса почти полностью теряют старые связи и начинают вновь связываться между собой, образуют новую связанную систему — теряя первичные специализации. Принципом, который определяет, какие блоки будут связываться между собой под влиянием кризиса, является тот, что взаимодействие элементов внутри блока должно увеличивать общий уровень устойчивости целого. То есть блоки будут «добираться» в свой состав элементы, которые им необходимы для более устойчивого существования. По этой причине может оказаться, что никакой отдаленно взятый признак не определяет вхождение или невхождение элемента в новое целое — Север. Например, если в Север будет

входить Япония (или Китай, как в некоторых сценариях), с точки зрения очень многих внешних объединяющих признаков она будет исключением, что не будет означать слабой связи этих элементов с Севером. Север организуется как система, включая все элементы, необходимые ему для наиболее устойчивого существования. Таким же образом будет объясняться вхождение в Север «малых элементов», по внешней логике Северу не принадлежат. Скажем, к Северу может принадлежать Турция, взятая именно «для комплекта», для обеспечения устойчивости по каким-либо показателям, а не «по причине» имеющихся признаков; по той же логике к Северу может не принадлежать, например, Португалия, хотя по многим изолированным параметрам она «должна» включаться в Север.

Два государства все еще в малой степени интегрированы в эти новосоздаваемые сети — Китай для японо-американского кондоминиума и Россия для ЕС. Для более успешного взаимодействия этих государств с обозначившимися уже центрами силы они должны сначала достичь, а затем поддерживать определенный уровень внутренней стабильности и законности. Вопрос о том, смогут ли они этого добиться, еще остается открытым (Валдерстайн. Цит. по: В. Цымбурский. Это твой последний геокультурный выбор, Россия?, <http://www.rolistudies.ru>, раздел «Виртуальная эссе»).

По тем же законам будут формироваться блоки на Юге. Возможно уже сейчас предвидеть ядерные элементы таких блоков (мусульманский мир, Китай, Юго-Восточная Азия и т. д.), но точный их состав, с учетом периферии этих блоков, определится только в процессе повышения устойчивости каждого блока. Важно подчеркнуть, что речь идет не о современных политических блоках, а о тех относительно самодостаточных «кусках», в рамках которых будет выживать описываемый посткризисный мир. Старые специализации и старые понятия, в которых описывается мир, потеряют смысл. Неважно, будут ли использоваться для описания этого мира старые слова, — они все равно будут наполнены новым содержанием. Можно полагать, что в рамках Севера концепция национального государства, доминирующая в современности, будет раз-

рушена. Соответствующие политические единицы будут соединять в себе черты демократии, олигархии, федерации — с точки зрения современных реалий, но не будут ни в каком смысле промежуточными с точки зрения реалий Севера. Это означает, соответственно, что политические системы государств Севера изменятся и не будут иметь существенных сходств с современными политическими образованиями. Классификация их по современным шкалам: тоталитаризм или демократия? — перестанет быть осмысленной. Можно предполагать, что (судя по некоторым тенденциям) свободы личности будут сильно урезаны по сравнению с тем их объемом, который имелся в современных государствах Запада или сегодня в России.

Однако важен не наличный объем свободы, а отношение к этому объему, формируемое структурой общественных ожиданий. По-видимому, они будут таковы, что покажутся вполне достаточными для людей, важными проблемами будут казаться совсем другие. «Хорошо» или «плохо» живет общество, «свободно» оно или нет, определяется в зависимости от того, какие идеи владеют этим обществом. Вспомним, в прошлые Средневековье важны были сословные привилегии, а не права личности. Представления о политических свободах вырабатывались постепенно, и крестьяне хотели земли, а не права вора монарха. О том, что телесные наказания недопустимы, люди обычно узнают после их отмены.

Поэтому общество Севера, скорее всего, будет осознавать себя как «свободное», независимо от «объективного» объема свободы. Например, Нильс Кристи в своих книгах настойчиво обращает внимание на знаменательный факт. Если проследить динамику разных видов преступлений в Европе за последние десятилетия, окажется, что частота почти всех видов преступлений растет, а один вид преступлений встречается все реже. Из года в год все меньше отмечается преступлений против чести и достоинства. У этого факта может быть два объяснения: либо люди в большинстве своем стали более благородными и стремятся не оскорблять друг друга, либо они перестают обращать внимание на такие пустяки, как честь и достоинство.

Другой ряд изменений смыслов и реалий по сравнению с сегодняшним днем мы можем ожидать в связи с тем, что называется «государством». Юг как несистемное понятие будет

характеризоваться всем спектром государстводообных образований; по отношению к Северу он выступает как внесистемный, что не мешает внутри ему быть до некоторой степени дифференцированным. С точки зрения Севера все элементы Юга представляют собой «не-государства», поскольку государство будет представлять собой часть (элемент) системы Севера. При этом элементы Юга сохранят гораздо больше черт современности, так что в будущем по современным шкалам будет легче оценивать происходящее на Юге. Однако эти черты сохранятся в изолированном и оттого сильно измененном виде, фрагментарно. Такая организация политического мира, как ожидают аналитики, приведет к двойному стандарту в терминологии, который сейчас едва намечен. Современная политическая терминология исходит из опыта относительно единообразного политического мира. Мир Севера и Юга будет представлять не общую целостность, а жизнь целого в мире, в окружающей среде: Север живет в окружении Юга, Федерация Севера среди блоков Юга. Поэтому, скажем, то, что является с точки зрения какого-то элемента Юга войной с Севером, Северу будет представляться в виде террористических актов, диверсий, контрбанды и т. п. Точно так же то, что будет для элемента Юга выступать как война с ним Севера, для Севера будет пониматься совершенно иного уровня. В этом смысле исчезнут не только государства, но и войны. Ведь само по себе вооруженное столкновение масс людей — еще не война; уже сейчас появились новые названия: полицейская акция, террористический акт, карантин и проч. В будущем число таких понятий, описывающих невоенные вооруженные столкновения политизированных субъединиц социума, еще возрастет: «превентивные операции, препятствующие миграции» и «точные воздействия, наносимые по центрам терроризма и распространения наркотиков».

Глобальная культура: будущее подстерегающее

Выше мы рассмотрели некоторые аспекты того, как будет выглядеть мир с точки зрения экономической и политической. Но совершенно особый облик у этого будущего возникает, если учесть изменения культуры. Концепции «золотого миллиарда»

и Федерации Севера (Севера-Юга) достаточно отражены в современных геополитических и макроэкономических конструктах. О том, что будет соответствовать этому миру в области культуры, говорится значительно меньше. Однако без представления о будущем этой сферы нельзя получить полный (хотя и очень приблизительный) образ будущего глобального мира. Разумеется, то, что мы можем представить, является прогнозом, однако прогноз этот построен при учете системных взаимодействий и не является линейным по отношению к современности.

При описании сферы культуры выступают совсем особые проблемы. Так, очень важно не только то, какой именно будет культура будущего, но и то, как она будет восприниматься современными ей людьми. И еще: кроме «на самом деле» культуры и «культуры с точки зрения ее современников» нам — поскольку мы говорим об этом — важно то, как эту будущую культуру сможем оценить именно мы сами, с точки зрения нашей сегоднешней культуры.

Ситуация в сфере культуры скорее всего будет много сложнее, чем в относительно простых системах, описываемых концепциями «золотого миллиарда» и Федерации Севера. Культура Севера объединена многими общими системами воспроизводства культуры, что делает ее более единообразной. Поскольку (и насколько) Север сохранит экономические ресурсы, политическую преемственность, можно полагать, что культура его останется сравнительно единообразной, но весьма не похожей на современную. Целостный «организм» Севера, выработавший новое политическое и экономическое устройство, потребует и соответствующих изменений культуры. Эта культура будет, разумеется, преемственной по отношению к культуре современной Европы, но все же очень сильно изменившейся, более приспособленной к существованию в новом общественном устройстве. Тем самым при желании будущую культуру Севера можно описывать, пользуясь понятием «прогресс», что будет означать одностороннее в некотором отношении, направленное развитие.

Эта культура может быть названа «прогрессивной» и будет так оцениваться, но вряд ли она будет таковой с нашей сегоднешней точки зрения. От современной культуры останутся технические сводки и компендиумы, составленные боэциями XX–XXI веков. Наша современность — это то время, которое создает «консервы», ими будет питаться будущее, соотнося

свои достижения с уровнем культуры XX века. Тем самым культурная ситуация глобализованного средневекового мира действительно оказывается много сложнее, чем простой перенос в будущее тенденций развития современной культуры. Европейская культура на Севере окажется развитой очень специфическим образом, она будет сильно специализированной, многие привычные сейчас части исчезнут, появятся новые. С другой стороны, эта культура Севера будет все же продолжением современной культуры как целого.

Можно отметить, что в отношении этого направленного развития культуры Севера выльются многочисленные отголочки от известного нам Средневековья. Прежде Средневековье было временем развития материализма. Этим не говорится, что Средневековье было более материалистично, чем наше время, или что этот период был «совсем» материалистическим. Речь идет именно о развитии — в те века материализм усиливал свои позиции, он вырабатывался, например, формой схоластической мысли и тем специфическим характером, которые приняло в Средние века христианство.

Отличие Средневековья от Античности состояло в том, что материализация подвергался совсем новый слой идей, более глубокий уровень душевной жизни. Подробнее об этом сказано у Хейзинги в «Осени Средневековья» (Хейзинга, 1988). Наша современная культура дошла до предела в этом отношении, пик материализма уже достигнут. И задачей нового средневековья — по единодушному мнению Новадиса, Сорокина и Баумана — является изменение культуры в обратном направлении, в сторону ее одухотворения. Тем самым сумерки, нас ожидающие, не те, в которые вступило человечество в IV веке: заря отлучается от заката, однако заметить отлучения можно, лишь просматривая определенный промежуток, на «ментальной фотографии» разницы не заметна.

Потребность в «одухотворении», несомненно, существует. Однако мы не можем полагать, что упомянутое одухотворение появится «по потребности». И потому надо исследовать, какой же будет культура глобального мира, может ли она стать более одухотворенной — и каким путем. Обычно при рассмотрении ожидаемых изменений культуры Север представляют Культурыным Очагом, сохранившейся от нашего времени системой культуры, внутренне связанной и целостной. До некоторой степени

это так. Но надо учитывать, что для представления о культуре возникающего нового мира важны следующие тенденции.

В мире в современную эпоху быстро распространяется образование. Количество людей, так или иначе приобщенных к образованию, крайне быстро растет. Рост числа образованных сопровождается выравниванием общего культурного уровня, появлением «массовой культуры» и сглаживанием различий между более культурными и менее культурными слоями. Это — ситуация Средневековья. Одной из характеристик «средневековых периодов» является широкое распространение некой культурной традиции при общем падении ее уровня. В рамках концепции Нового Средневековья высказывается мнение, что уровень культуры Севера будет много выше, чем уровень известного нам Средневековья VI–XII веков, но проявятся и многие узнаваемые черты, свойственные средневековой культуре: медленное развитие культуры, ее высокая традиционность, замкнутость. Можно высказать надежду, что, несмотря на разложение науки, катастрофическое падение уровня общей образованности и прочие неприятности, до копий и мечей дело не дойдет и будет иметь место, по Бердяеву, «варварство среди машин» — хоть и варварство, но все же среди машин. Заодно это позволяет надеяться, что процессы депопуляции все же не зайдут слишком далеко: ведь на технологическом уровне копий и мечей Земля может прокормить немногие миллионы, но никак не миллиарды людей.

Это очень важное обстоятельство. Изменения идут быстро, и многие люди все еще пребывают в уверенности, что нас кормит «земледелец». Но это уже не так: современный мир кормит культура в лице своей части, науки. Наука обеспечивает едой 6 миллиардов землян, на науку возлагаются надежды, что она прокормит 12 миллиардов, которые будут жить к 2050 году. Если система воспроизводства науки, кормилицы человечества, будет подорвана, число людей сократится на порядки — и вот тогда могут проявиться картины, совсем похожие на прежнее Средневековье.

Так мы можем сказать о Севере. Юг в отношении культуры выглядит с Севера как внекультурная среда. Однако эта внекультурная среда в культурном смысле разнообразнее Севера. На Юге сохраняется большее число культурных традиций нашего времени, в нем расплывано множество более мелких, чем

на Севере, культурных очагов. Тем самым современная нам (и по отношению к описываемому будущему — высокая) культура в определенном смысле позднее сохраняется на Юге, но там она раздроблена на множество местных традиций, «кадавы древних знаний».

Культура Юга будет в «замороженном» состоянии хранить более точные подобы культуры современности, чем культура Севера, но не целиком, а в фрагментах. В качестве примера, позволющего лучше понять это описание, можно сослаться на образ науки в Японии. Для Японии наука начинается в XIX веке с изобретением паровой машины. Далее следуют различные технические изобретения. Некоторым приближенным образом можно сказать, что наука для Японии — это совокупность способов делать полезные вещи. О фундаментальной науке в этом смысле не говорится — поскольку эта часть науки не осознается как принадлежащая научному знанию. Когда янтарную папочку трнут о шепк, это все что угодно, но не наука, поскольку непосредственно из этого потирания хорошие вещи не появляются.

Еще занитнее отношения с современной наукой у других стран, принадлежщих к Югу. В последнее время стали появляться науковедческие публикации, описывающие бытование науки на Юге. Вкратце можно сказать, что современная наука на Юге не воспроизводится, она живет заимствованиями с Севера. Понятно, что, если такой образ науки сохраняется, он может очень верно копировать многие фрагменты науки современности, но в целом будет совершенно неверен. Другое дело, что в разных анклавах Юга сохраняются разные фрагменты, которые при мысленном совмещении позволят представить образ исходной науки (культуры). Эта «верно сохраненная» («замороженная») культура Юга будет той, которая сейчас существует в странах Юга, а она вовсе не европейская. Изолированность и устойчивость существования культурных очагов возрастет. Можно привести такой образ: если собрать, как мозаику, все руины культуры XX века, сохраненные странами будущего Юга, получится картина, достаточно похожая на нашу современность — какой она представляется на Юге сейчас. Но в том-то и дело, что собрать ее будет нельзя, в каждом культурном анкаве Юга будет воспроизводиться собственный фрагмент прошлого, сохраняющийся в меру того, как выделось

целое из этого фрагмента на момент появления самостоятельной традиции данного анклава Юга.

Описанные выше свойства культуры Нового Средневековья распространяются и на такую лидирующую сейчас часть культуры, как наука. Ее развитие будет в будущем значительно более медленным, чем сегодня, а во многих отношениях можно будет сказать, что наука пришла в упадок. Глядя на науку будущего, мы бы сказали, что произошло падение Высокой Культуры Современности (как ни иронично это звучит сейчас, с точки зрения модели Глобального Средневековья это так). Падение науки будет сопровождаться ускоренным падением разработок фундаментальной науки. При падении общего культурного уровня произойдет слияние с внеучеными познавательными технологиями, обозначаемыми сейчас как паранаука. Отсюда произойдет образование новой реалии, которую предварительно можно назвать малонаукой. Понимание причин функционирования техники будет прогрессивно утрачиваться. Происходить это будет по многим рядам причин: падение «общего образования» при переходе к сильной специализации; утрата мировоззренческого значения науки при деградации фундаментальных разделов ее; утеря методологических отличий науки как специфической области познания при исчезновении методологической культуры. Однако этим описывается взгляд, которого не будет: ведь будущее общество будет смотреть на себя не нашими глазами, а своими, даже изучая свою историю — наше время.

Наука будет прогрессивно специализироваться еще и потому, что, при утрате критериев общего научного знания, по какой из отдельных областей будет наблюдаться рост, который при этом не с чем будет сравнить, поскольку критериев для сравнения наук разных специализаций не останется. То есть с точки зрения Современности произойдет распадение науки, но по критериям той же Современности и с точки зрения будущего будет идти неуклонный научный рост по всем выделенным направлениям. Это еще недостаточно осознанная современностью особенность науки: откуда, собственно, может появиться убеждение, что наука находится в упадке? Только из более общих культурных оснований, из картины мира, а внутри самой науки таких фундаментальных критериев нет. Если данная специальная область знаний развивается, прогрессирует, добирает новые результаты и таких областей довольно много —

как же можно решить, что наука находится в глобальном упадке? Если мы будем измерять прогресс науки числом новых статей, новых научных журналов и организацией — мы всегда и в почти любой ситуации будем получать непрекращающийся рост, «прогресс». Только обладая неким общим мировоззрением, которое подсказывает, какие результаты и какого масштаба следует ожидать в той или иной области знаний, мы можем прийти к выводу, что некая область науки развивается успешно или, напротив, находится в упадке.

С точки зрения современной науки число научных направлений будет стабилизировано, они лишатся промежуточных дисциплин в результате сильной специализации, разные области знания будут еще больше оторваны друг от друга, чем сейчас. С ростом специализации наук будет происходить рост специализации специалистов, так что будут образовываться все более замкнутые системы образования, отдельные для каждой науки, что в пределе приводит к формированию «научно-технических династий» по каждой области — неизбежно, является ли принцип формирования династии принципом кровного родства или принципом ученичества (что вполне совместимо при наличии института усыновления). Эти научно-технические династии будут получать все большее значение, поскольку будут знать, как «делать это» — без знания общих оснований современных наук. В таком сценарии развития знаний можно прогнозировать особенно быстрый рост — особенно на первых порах — наук практического дикла, например медицины, инженерии, социометрии и т. д. Будущий мир будет характеризоваться разложением научной картины мира и исчезновением фундаментальной науки — с нашей точки зрения, а со своей точки зрения он будет поддаться, что продолжает Великую Науку двадцатого столетия, поддерживается традицией предков, — и особенно сильно будет это убеждение в среде ученых, которые будут обладать высоким социальным статусом (что не противоречит тезису об утрате научкой мировоззренческой роли).

Из такого положения науки вытекают некоторые следствия относительно религии и ее места в Новом Средневековье. В новом мире наука не сможет нести мировоззренческую функцию, то есть объяснять устройство мира; наука разовьется до «ремесла» и «магии», областей локальных умений. При этом религия будет возвращать себе мировоззренческую функцию, все более

кодифицироваться, традиционализироваться, и одновременно изменяться, поскольку будет запрос общества на выполнение мировоззренческих функций. В связи с ростом значимости религии на Севере будет также расти число внеинституциональных центров с необычными религиозными традициями.

Падение общего уровня культуры, сохранение и развитие некоторых прикладных и практических областей науки, изменение положений религии в обществе приведет к сильнейшим изменениям в таких важных для облика будущего аспектах, как демографический, экологический и т. д. Однако даже самый поверхностный анализ последствий глобализации и Нового Средневековья в этих областях далеко выходит за рамки нашей темы.

Тем самым в понятиях современной эпохи Новое Средневековье будет выглядеть относительно привлекательно: отсутствие государства и войн, устойчивая политическая система, сужение роли интеллектуалов от науки (с повышением их статуса) и рост роли религии. При этом каждое из этих «обещаний» будет «с повахом»: как говорится, войны не будет, а будет борьба за мир, так что мало не покажется. Устойчивая экономическая и политическая ситуация будет означать усиление неравенства и свертывание системы свобод для подавляющего большинства населения. Отсутствие государства — в современном его понимании, как национального государства — вполне вероятно будет сопровождаться усиленным ростом систем контроля за населением.

Описанная выше по трем параметрам (экономике, политике, культуре) система современной цивилизации преобразовывается в Новое Средневековье. Содержанием Нового Средневековья будет разделение трех сфер общественной жизни. Вряд ли, что столь болезненно происходит в мире, представляет собой именно отказ от прежнего смешения экономической сферы общества, сферы государственно-правовой и духовной (культурной). Нынешнее помешательство, иначе не скажешь, на «свободной экономике» — это чрезмерное увлечение и переразвитие верной мысли таким образом, что она становится ошибочной. И все же это переразвитие покажетательно, оно ведет к постепенному пониманию соотношений между областями социальной жизни. Всемирная, всеобщая хозяйственная составляющая будет автономизироваться, терять связи с государственной, политической жизнью. Современная экономика

не может управляться из одной страны, из локального правового субъекта. И будет возникать особая сфера общественной жизни, все менее жестко связанная с государственно-правовыми системами. Постепенно будет выстраиваться ситуация, когда государство-правовая жизнь будет иметь собственные границы и собственные правила, не связанные с экономической жизнью. При этом духовная, культурная жизнь будет пользоваться полной свободой, не будет связана с правовой или экономической сферами социального бытия. Такое содержание развития необходимо для выработки нового устройства социума. Поскольку создательные усилия пока недостаточны и люди не могут создать такое устройство из собственных устремлений, это устройство будет вырабатываться исподволь. Все снова будет совершаться ошибки: экономика будет подчиняться правовой жизни и будет бунтовать и разрушать эту неправомерно расширившуюся правовую жизнь; культурные импульты будут ставиться в зависимость от экономики или государства, и от этого также будет страдать развитие всех трех сфер общественной жизни. Этот мучительный поиск границ и правил взаимодействия между сферами общественной жизни и будет составлять содержание Глобального Средневековья.

Можно взглянуть и в иной аспект. При возникновении Нового Средневековья происходит замедление темпа истории. То есть глобальная скорость исторических изменений в целом растет, Новое Средневековье наступает быстрее, чем предыдущее Средневековье; возможно, его длительность также меньше, чем у предыдущего. Но скорость истории внутри средневековья много ниже, чем в возрождение, число изменений в единицу времени меньше, а потому историческое время замедляется. Тогда ситуацию можно описать: мы быстро проваливаемся в яму медленного времени. По мере углубления различий Севера и Юга потребность в увеличении этой дифференциации, усилении различий будет все острее. В этом смысле мир войдет в стадию направленного развития — каждый следующий шаг в области наращивания различий Север-Юг будет все жестче определять дальнейшие шаги. Поэтому, чем резче будет развернут сценарий противостояния Север-Юг сначала, тем длительнее и жесточе будет дорога Нового Средневековья. Поддержание относительно благополучного Севера в среде все более низкоорганизованного и потому (с точки зрения Севера)

все более агрессивного Юга будет требовать все больших затрат, для чего придется все интенсивнее тратить любые виды ресурсов — от ресурсов в прямом смысле, полезных ископаемых и воздуха, до ресурсов в смысле переносном — ресурсов людей и культуры. Лабокаля и все усиливающаяся специализация Севера будет переводить «в отвалы» все большее количество необходимых элементов культуры и все сильнее зависеть от того ресурса, который станет наиболее важным с точки зрения специализации Севера. То есть, чем более «удачным» будет выделение системы Севера в начале, чем более этот блок будет приспособлен к самостоятельному существованию во враждебной среде, тем более устойчивым и длительным будет Новое Средневековье, тем более затруднен выход из него.

Выход из Нового Средневековья будет также системным. Юг будет все чаще прорываться в «системные дыры», возникающие на Севере именно в силу его сверхспециализированности по некоторым параметрам. Это будет аналогом «нашествия варягов», хотя практически это могут быть, например, прорывы внутренней среды Севера, сопряженной Югу. Внутри Севера будут возникать все более обширные «пузыри» внутренней среды, подобной внешнему Югу. Пока будет сохраняться высокий (относительно Юга) культурный потенциал Севера, варяги будут ассимилироваться в систему, то есть при смене локальных групп власти и перемещении Центра Севера ситуация в целом будет оставаться неизменной. Однако постепенно потенциалы культур будут выравниваться, и тогда возникнет неустойчивая ситуация, в которой очередной прорыв системы Севера приведет к его падению, общей мировой дестабилизации и возможности нового подъема дивилзации — или провалу к Новому Средневековью.

Параллели к глобализму и отсутствию перпендикуляра к нему

Описанный выше вариант развития — то, что рисуется Современности в ее тяжелых снах. Однако то, что люди прогнозируют в качестве своего будущего, то, что они в нем видят, многое говорит о современной ситуации. Хотелось бы обратить

внимании, что описанный выше сценарий развития подается в мире с некоторым идеологическим напором. Конечно, речь не идет о том, что какой-то институционализированный источник заставляет думать таким образом, — но очень большое количество частных теорий, идей, фрагментов реальности очень удобно находят свое место в рамках данной концепции. Важно и то, что эта модель в целом безальтернативна, говоря словами Бурдьё, — это модель TINA (there is not alternative).

...Глобализации нет альтернативы. Если эффективность является главным показателем прогресса, то у глобализации принципиально не может быть соперничающих структур и систем (Уткин, 2001а, с. 248).

Многие мыслители ищут более благоприятные варианты глобализации, предлагают для своей страны местечко (времечко, раз речь идет об истории?) поудобнее — но для развития мира в целом других вариантов не предусматривается. Этот факт и должен привлечь наше внимание. Глобализация, весьма вероятно, может обернуться кошмаром — так почему же мы не видим хотя бы теоретических попыток выстроить альтернативу?

Важной задачей является поиск других вариантов развития событий, которые были бы конкурентны по отношению к описанным. Это и есть задача современного этапа диалога западников и почвенников — формирование такого образа мыслей, который бы лежал вне плоскости этого диалога, мог бы предложить решение, выпускающее мир из замкнутого на себя взаимодействия глобализма и антиглобализма.

Важно заметить, что другие варианты будущего потому и отыскиваются с таким трудом, что описанная модель активно вбирает в себя варианты. Это еще одно проявление описанной выше работы полнростей. Альтернативой глобализму выступает антиглобализм; вместе они целиком заполняют всю плоскость, в которой происходят выборы. Но антиглобализм в рамках описанной модели есть лишь частный аспект глобального мира; упрощенно говоря, глобализм обращает большее внимание на Север, а антиглобализм — на Юг. Поэтому, чтобы разработать другую модель, надо не оттапливаться от глобализма, а восставить перпендикуляр ко всей плоскости, в которой существуют глобалистские модели.

Если же не выходить из плоскости выборов, предлагаемой глобализмом, образуются другие, если можно так выразиться, параллельные ему модели. Надо сказать, что таких моделей, конечно же, существует очень много. Здесь описана не только достаточно распространенная (но крайней мере, в своих фрагментах; полностью описания такой модели найти в литературе не удалось), но и в определенном отношении предельная, полная модель. Очень многие модели будущего, внешне значительно отличаясь от описанной, на деле являются ее фрагментами. Например, известная модель С. Хантингтона (борьба цивилизаций) описывает сосуществование Юга и Севера. Модель А. Зиновьева (концепция «золотого миллиарда»), разумеется, рисует внутренность Севера. Модель И. Валлерстайна описывает преимущественно переходный период, то есть ближайшее будущее до формирования полностью развернутых, эксплицированных структур Севера, относя дальнейшее развитие событий к непознаваемому будущему, лежащему за точкой бифуркации. Интересно заметить, что возникающая система весьма напоминает одно очень старое пророчество: Железную пугу Джека Лондона. Гетто, переполненные зобными толпами, восстание масс, охраняемые районы для богатых; поляризация общества... Тут же колыцо времени, свернутое XX веком, оказалась столь явным, что антиутопии конца XIX и начала XXI веков совпадают.

Можно перечислить еще значительное количество моделей, которые являются очевидными или не вполне очевидными описаниями частей и аспектов изложенной выше модели. Так что следует сказать, что выказанный «образ глобального развития» не изложен современными политологами и историками, но это «аттрактор», к которому сводятся очень многие группы моделей. И тогда мы возвращаемся к вопросу: можно ли увидеть альтернативы этой модели? Или хотя бы существенные ее варианты?

В первую очередь надо отметить группу вариантов данного решения, связанную с асинхронностью развития отдельных общественных сфер. В приведенном выше сценарии по умолчанию предполагалось, что после кризиса экономической, политической и культурной сфер общества одновременно достигаются их единство, устойчивое состояние. Однако в реальности возможны несколько разные пути достижения описанного

эквивалентного состояния и несколько отличающиеся пути его дальнейшего развития в зависимости от скорости «податливания» устойчивых вариантов в разных сферах. Например, возможно более быстрое образование «общества «золотого миллиарда»» в экономической сфере при запоздании политических изменений и относительно высоком уровне культуры; возможно также ускоренное развитие культурного кризиса и впадение в ситуацию Нового Средневековья до окончания того оформления «золотого миллиарда» и «Федерации Севера». Все эти варианты образуют некую семью — семью близких вариантов. Близки же они потому, что независимо от того, в какой сфере первой после кризиса будет достигнуто устойчивое для данной сферы состояние, в силу целостности системных характеристик образуется эквивалентная «точка сборки», куда варианты этого семейства отличаются с глобальной точки зрения незначительно — но эти незначительные с теоретических высот различия могут оказаться принципиально важными как для человечества в целом, сделав переход к новому обществу более или менее жестким, так и для отдельных стран/наций, так или иначе вовлеченных в изменение Мировой Системы.

Далее следует рассмотреть совсем особое семейство вариантов — «чудо». «Чудо» сценарию требуется вот по какой причине. Каждая теория должна указывать границы собственной применимости; для ориентированного на прогноз сценария будущего эта операция сводится к указанию нереальных с точки зрения этого сценария вариантов. Для простоты можно обозначить это семейство вариантов как чудо. Описанный выше сценарий глобального развития будет рассматривать как чудо бескризисное развитие Мировой Системы, сохранение ее по всем существенным параметрам в нынешнем состоянии или в состояниях, отличающихся от нынешнего лишь в лучшую сторону и аддитивно. Таким чудом может стать изобретение очень дешевых (почти бесплатных) и практически вечных источников энергии, не загрязняющих окружающую среду; появление такого источника энергии может таким образом повлиять на структуру экономики, что свой путь к бесплатному богатствию начнут все страны планеты. Другое чудо — принятие всеми странами/нациями не-Запада западного устройства общества, то есть осуществление надежда теории модернизации

(вестернизации). Все страны одновременно и без конфликтов принимают демократию, свободу и рыночное устройство общества, понимая эти реалии одним и тем же образом и осуществляя их единообразно, помогая друг другу при этом таким образом, что возникает совокупность множества «западов», которые с легкостью надживают добрососедские отношения. Победа вестернизации во всем мире — это чудо. Чудом будет называться во зрелом возрасте обшей культуры, ускоренное развитие фундаментальной науки, выделение нескольких массовых слоев — носителей высокой по современным меркам обшей мировоззренческой культуры. Чудом будет продолжаться рост числа высокообразованных людей, умножение числа синтетических научных дисциплин, распространение научного знания на принципиально новые сферы, до сих пор наукой не охваченные. Можно перечислить еще несколько частных сценариев, каждый из которых отличается указанием на безусловный прогресс в какой-либо общественной сфере, выходящий данную сферу и всю систему в целом из кризиса и не приводящий к неприятным побочным эффектам.

То есть противопоставляются неприятный результат истории — сценарий глобализма — и как альтернатива ему чудо. Дело вовсе не в том, что чудес не бывает, как раз история и показывает достаточное количество чудес; но чудеса редко приходят такими, как их ждали. Еврейский народ ожидал избавления от римлян, но не поверил, что спасение пришло не в виде новой армии и победоносной войны. Современность может верить в прогресс и безусловную мощь науки, в спасительную роль разумных членов мирового сообщества или в США, которые не допустят таких безобразий, как Новое Средневековье. Ближе к реальности дело будет обстоять в том случае, если мы укажем, что независимо от того, что кому нравиться, бесконечный прогресс невозможен и никакого бесконечного числа витков НТР ждать не приходится. Тогда и выступает альтернатива чуду — реальная история. Хотя, конечно, и не всегда — альтернативой. Если просматривать публикации 1970-х годов, можно найти высказывания такого содержания: мир неотвратимо катится к смерти в ядерной войне. Сопrotивляться этому можно только посредством культурного, этического роста. Если этого роста в ближайшее время не произойдет (а откуда ему взяться?..), то мир обречен, спаси

его может только чудо. Чудо произошло — и это можно заметить. С культурным ростом не вышло, скорее даже наоборот, а вот угроза ядерной войны отодвинулась. Это сделала глобализация; глобализация и есть то непредвиденное чудо, которое спасает мир от ядерной смерти. Только вот в реальной истории каждое «бесплатное» чудо имеет свою цену, и цену чудо-глобализации мы начинаем вылачивать.

Можно отметить и другой аспект приведенных высказываний. Альтернативой чуду выступает «банальный» сценарий развития, и в качестве банального приводится сценарий глобализации. Тем самым, если не учитывать чудо, вариант глобализации снова оказывается безальтернативным.

Наконец, следует указать на еще одно семейство вариантов, которое рассматривается хотя и реже, чем основная структура Федерация Севера/Золотой миллиард/Новое Средневековье, но все же упоминается достаточно часто, чтобы быть отмеченным. Это вариант все той же концепции Севера и т. д., но с раздельным рассмотрением блоков, составляющих Север. Эта концепция утверждает, что большое значение для описанного первым сценария имеет место расположение Центра Севера, то есть региона, являющегося центральным, характерным, управляющим в развитии описанного противостояния Севера и Юга. Надо оговориться: слово «противостояние» в данном контексте вовсе не замена «войны». Север будет бороться с Югом, например, препятствуя иммиграции или ставя преграды распространению наркотиков.

Центр Севера появляется неслучайным образом. В условиях растущего противостояния Севера и Юга Северу приходится разрабатывать все более эффективные приспособления для борьбы с Югом, это приводит к специализации и дифференциации Севера. Отсюда внутри Федерации Севера выделяется Центр Севера, который вводит более эффективные — и в этом смысле жесткие — методы управления не только по отношению к внешним воздействиям, наружу, к Югу, но и внутри собственной системы, для оптимизации ее функционирования, для борьбы с внутренней средой — внутренним Югом. Север дифференцируется, в нем возникают «чистые сооружения» для очистки внутренней среды Севера от нежелательных элементов, собственные системы органов распределения и управления, — органы, направленные, например, отбор и завоз из

внешней среды нужных людей — скажем, «тадантов» определенного класса или женщин определенного фенотипа.

В рамках этой группы сценариев жесткие варианты, описанные выше, возникают, если местом Центра будет Северная Америка, точнее — США. Для англо-саксонского стиля геополитики характерна определенная дистанцированность, тот самый глокализм, когда эффект воздействия проявляется глобально, но сам действующий субъект дистанцирован от происходящего, находится на острове и может из безопасного далека управлять событиями. Тем самым в этом варианте Центр Севера максимально удален от Юга, независим от него и может четко противопоставить себя Югу. Как уже говорилось, чем сильнее и «удачнее» будет противопоставление Север-Юг, тем более длительным и глубоким окажется Средневековье. Оно начнется, может быть, несколькими десятками лет позже, но продлится несколькими сотнями лет дольше.

А.И. Фурсов (1999, с. 396) в работе «По ком звонят Колокола Истории?» рисует следующую картину. США могут остаться гегемоном только в военно-политической сфере. СССР распался, и США теперь должны сами создавать очаги напряженности в мире и блистательно их гасить. Экономическая гегемония США слабее с 1970-х годов. Западные обозреватели проводят полную аналогию холодной войны с двумя мировыми «горячими»: в тех выиграл США как стоявший в стороне «тигр», пока Германия арадась с Россией; в холодной войне выиграла Германия и Япония, пока США арались с Россией. За США новый гегемон не просматривается. Тем самым высказывается мысль, что Германия может быть центром, объединителем Европы, сердцем Европы, но не новым всемирным гегемоном; она не будет, как США, играть роль «кулака» мира.

С начала XVII века — если не забираться далее вглубь — судьбы мира и в особенности его восточного полушария вращаются около одного основного пункта. Это — взаимоотношение между континентом и единственной островной державой Европы, Англией (Струве, 1997 / 1909/, с. 80).

Мы можем подумать, что произойдет с моделью глобального средневековья при таком варианте развития событий. В та-

ком «германском» варианте будет происходить падение роли США в мире. США останутся очень сильной в экономическом и военном плане страной, однако в их политике будет значительно заметнее влияние изоляционизма. Падение роли США будет связано с концентацией страны на внутренних проблемах. Проблемы эти возникнут из серьезного притягива американцами той идеологии, которую США сейчас усмиренно насаждают в мире. Проблемой США станет американский образ жизни.

Универсалистская доктрина, если рассматривать ее сквозь призму авторитета и власти, может, как и расистская доктрина, превращаться в тиранию, если она таким же образом понимает задачу унификации. Точно так же, хотя и менее прямолинейно, *american way of life*, не позволяющий судить себя с позиций всемирной истории и кичащийся своим заравомяслием, вполне способен принять нацистское наследие, как и «демократический централизм» (Рикер, 2002, с. 207).

Для Европы была характерна конструкция Вебера — Ветцля, профессия как призвание, религиозный долг в виде профессии. В России такая конструкция невозможна. Посвятить жизнь вере — можно, профессии — нет. Так и в США зарождается собственный мир реалий, образ жизни как вера, как религиозное движение, секта. Образуется новое расчленение мира: в Европе в качестве высшей ценности социального бытия выступит профессия, понятая из концепции доалта; в России — вера как внутренняя потребность; в Новом Свете — образ жизни, формализованный до жесткости культа.

При таком развитии ситуации в культуре США будут возникать значительные внутренние противоречия, в результате чего США могут перейти в подожжение автономного региона Севера, который, однако, требует лишь того, чтобы его оставили в покое — и не навязывали решения общечеловеческих проблем. Впрочем, такого рода изоляционизм может быть развит и относительно других стран, претендующих на особое место на Севере.

Изоляция тех или иных «островов Юга» — явление не смешном интересное именно потому, что оно, по всей видимости, будет массовым. Юг — это обширный архипелаг, а вот прогнозы

изоляции США от «материка Севера» действительно занимают тедел. Что же это за «образ жизни», который станет проблемой США? До некоторой степени черты этого образа жизни, по крайней мере поначалу, можно увидеть.

Усилятся «зеленое» движение, возрастает «активизм задорная» а также различные «практики» (иначе не скажешь), связанные с развитием способов социального взаимодействия. США будут все более отдаляться от цивилизационного стандарта Европы, в них станут заметнее черты возникающей новой цивилизации. В связи с этим американские реалии будут все с большим затруднением описываться на «европейском» языке. В частности, упомянутые «движения» в США будут тесно связаны с религиозной жизнью, так что, пользуясь европейским словарем, можно сказать, что там возникнет множество сект, практикующих различные пути нового правильного образа жизни.

Если посмотреть на этот процесс выработки образа жизни еще несколько иначе, его можно охарактеризовать как взаимодействие двух факторов — поиска индивидуальности в безличном и однообразном мире и поиска ценности жизни в мире безрелигиозном. По этому поводу я напомню одну из линий развития социальности на Западе. Общество состояло из *сословий* и постепенно стало переходить к обществу, составленному из интересов, скрепленные личными связями. Эти общества — различными путями — видоизменялись и сливались, образуя большое общество, наделенное такими чертами, как «*общественное мнение*», пока общество едва не стало синонимом населения страны. Это и рассматривалось как триумф демократии. Тут же, однако, все более значительная часть общества стала превращаться в *миссии*. Достигнутая дифференцированность населения теряется, и идет новая дифференциация стандартных омассовленных людей. Это как раз та стадия, которую выше мы обозначили как поиск новой идентичности, новой индивидуальности. По этому поводу П. Бурдье (Bourdieu, 1979) говорит о том, что привычные признаки социального статуса индивидуального общества — уровень дохода, уровень образования, престижность профессии — сменяются новой дифференциацией по стилям жизни. Д.В. Иванов (2002, с. 140)

называет этот процесс превращением потребности, знания, профессии в «имиджевую систему». То есть в богатых странах Севера их «северное» население будет дифференцироваться, приобретая «престижные стили жизни», хотя в остальном мире, надо подгадать, такой проблемы у большинства населения не будет.

Говоря на совсем ином языке, можно сказать, что США будет стоить собственный вариант индивидуалистического социализма. Характерным будет то, что американцы будут проводить в жизнь свои принципы построения общества у себя в стране столь же прямолинейно, как и в иных странах мира, и то, что вызывает сейчас протесту «облагораживаемых» и «умываемых» американцами стран, со всей силой скажется на самой Америке. Упрощенное представление о социальном взаимодействии создаст множество сложностей, которые американцы с увлечением будут решать. Проблемы построения нового общества и поиск новых форм социального взаимодействия будут занимать население Америки, в связи с этим внешний мир для американцев как бы потуснеет, потеряет свою важность. И в той же степени с точки зрения внешнего мира США отдадутся, потеряют свое ведущее место в мире.

Помимо того, у США особые отношения с «внутренним Югом»; это страна, где через немногие годы испаноязычное население будет составлять более четверти, не говоря о других анклавах. И. Валдерстайн утверждает:

На Севере окажется статистически значительное население «южного» происхождения, в том числе немало иммигрантских семей во втором поколении. Труд иммигрантов будет в целом плохо оплачиваться, они будут социально не интегрированы и почти наверняка не будут обладать политическим подспорьем. Эти люди фактически станут низшими слоями рабочего класса стран Севера. В этом случае мы вновь окажемся в положении, напоминающем Западную Европу первой половины XIX в., до революции 1848 г. Премущественно в городах будет сосредоточено бесправное, социально неинтегрированное, беднейшее, частично люмпенизированное население, крайне недовольное своим положением, и при этом на сей раз явно обозначенные расовыми и этническими признаками. Именно такого рода население

вызвало к жизни первый призыв коммунизма в формулировке Маркса и Энгельса (Валдерстайн. Социальная наука и коммунистическая интерлюдия, или К объяснению истории современности. Журн. «Полис», 1997, №2).

С этим обращением США внутри себя такое же развитие станут претерпевать и другие страны Нового Света, находящиеся в зоне влияния США. Тем самым культурная интеграция, скажем США с Мексикой, будет не нарастать, а падать. Экономическая интеграция будет больше, а культурная — меньше, так что Мексика и Канада будут, как и США, в большей степени ориентированы на внутреннее развитие, на выработку собственного образа жизни. Мексиканцам понравится быть мексиканцами.

В этом варианте сценария роль Европы в мире соответственно вырастет — на ту долю, что оставит ей подъем Китая и уход США внутрь собственных проблем. Европа будет занята поиском все более устойчивых форм региональной интеграции. Ее развитие будет более устойчивым, чем у Америки, и в этом смысле Европа станет восприниматься миром не как «лидер» и «передовой регион», а как оплот стабильности. Основной проблемой Европы будет поиск форм взаимодействия между западом, Британией, и центром, Германией. Влияние Британии в мире возрастет по сравнению с XX веком, но будет входить вместе с Германией в общеевропейское влияние. Границы Европы (как политической целостности) останутся почти прежними. В Европу не будет входить Россия, из нее выделится ряд стран южной Европы и, возможно, одна из стран северной Европы (может быть, Норвегия) и западной Европы (может быть, Португалия).

Итак, выше мы рассмотрели то семейство вариантов сценариев, в котором США не будут центром Севера, уйдут по тем или иным причинам в изоляцию. Тогда развивается совсем иной вариант развития событий. Центром Севера станет иной регион, в качестве которого наиболее вероятным претендентом выступает Средняя Европа, точнее — Германия. Германия в отличие от США имеет совсем иной стиль геополитики, отнюдь не столько того, сколько полезно говорить не в терминах «жесткий/мягкий», а «крайний/переходный». Весь сценарий в таком слу-

чае повторяется, отличия сравнительно небольшие, количественные, но важные. Центр Севера — Средняя Европа — расположен таким образом, что ему гораздо труднее сильно дистанцироваться от Юга, создать неприступную Федерацию Севера, и поневоле игра Севера против Юга будет принимать более мялкие, промежуточные формы. Центр будет окружен достаточно размытой и проницаемой буферной зоной. В результате Новое Средневековье наступит раньше, чем в первом варианте, поскольку Олдот Куальтуры не будет столь надежно защищен (Великая Стена будет ниже и с большим количеством ворот). По этой же причине не возникнет столь сильной дифференциации между Югом и Севером и будет сохранено значительное дивергентное единство. Ранее наступившее Средневековье может оканзаться в таком случае менее глубоким и закончиться несколько быстрее, и на выходе из него из глубин «забытой античности», в качестве которой будет выступать наше недооцениваемое время, удастся спасти большее количество «Древних знаний», мир будет меньше истощен и разграблен, чем в случае долгого противостояния Севера и Юга. Тем самым в целом это менее жертвенный для цивилизации вариант, хотя, несомненно, сопряженный со всеми утратами, в качественном виде описанными для первого сценария Север-Юг.

В этом смысле два семейства моделей, различающихся местом Центра Севера, конкурируют сейчас за будущее — по крайней мере, за то будущее, которое представлено в общественном сознании. Тем самым можно представить себе и борьбу этих двух вариантов — и не только теоретическую, но и вполне реальную. Поскольку при некоторых условиях могут быть осуществлены и тот, и другой варианты, возникает еще один вариант событий — борьба между двумя Северами. Предсказать ее исход совсем трудно, ясно только, что чем более ожесточенной будет эта борьба, тем глубже будет ночь средневековья и тем меньше ресурсов останется к «заре возрождения».

Теоретически мыслим также вариант сосуществования Севера с двумя центрами, или двух Северов, но это уже менее вероятные варианты.

24% американцев полагают, что Западная Европа представляет критическую угрозу Соединенным Штатам (De Santis, 1999 — цит. по: Уткин, 2001а, с. 204).

Причина в том, что Два Севера — это модель биполярного мира, а один Север — это не модель униполярного мира, а мира вне полярностей. В том и дежит специфика модели Север-Юг, что ни у одного блока планеты нет сил контролировать ситуацию в целом, обеспечить моноцентрическое управление миром. Именно поэтому Север рассматривается как частная, но целостная система, а Юг как не-система, он выделяется только как не-север и внутренне единства не представляет. Ожидания культуры проявляются в самых разных ее областях: например, в квантовой физике понятие «универсума» (Вселенной) сменяется представлением о «мультиверсе», совокупности равноправных параллельных миров (Дойч, 2001).

Концепция «двойного Севера» предполагает поделенность мира на два блока, тем самым возникают два Юга как зоны влияния того и другого Севера, и образуются достаточно устойчивая конструкция. Возникновение ее маловероятно именно потому, что это ситуация недавнего прошлого. Биполярный мир только что рухнул, доказав, что эта модель в современности неустойчива. И дело не в коренных неустойчивостях одной из систем, а в самой концепции биполярности. Однако все же в качестве хоть и не слишком вероятного, но рассматриваемого варианта можно считать также возобновление биполярного мира на основе каких-то систем соглашения между Северами. Маловероятность модели еще и в том, что при слишком слабом объединении системы Северов в условиях кризиса один из них проиграет и погибнет, очутившись на Юге, а в случае сильной связи и единой системы Северов они будут в функциональном смысле представлять один Север, частное же расположение центров притяжения и власти внутри Севера представляется с точки зрения глобальной модели достаточно второстепенным моментом.

Будущее изнутри: разнообразный Юг

Отдельная группа сценарных вариантов описывает Юг как самостоятельно интересный объект, а не осадок Севера. Выше мы уже несколько раз характеризовали с разных сторон этот Юг.

Теперь следует обратиться к еще одному аспекту описываемой картины мира. Вся рассматриваемая выше модель — противостояние Севера и Юга, «золотого миллиарда» и нищего

большинства населения планеты, наступающего средневековья и анклавов прежней культурной жизни, — вся эта картина была рассмотрена снаружи (см. главу 10, раздел «Сценарии глобализма»). Это означает, что указанные событийные блоки рассматривались как части целого — истории человечества, а внутреннее устройство этих блоков не рассматривалось. Такое описание вытекает из системного подхода: описывая систему, мы описываем ее элементы, подаваемые недетальными, и связи между ними, описывая же внутреннее строение элементов в том первом приближении к описанию системы считается некорректным (трехуровневая модель становится неоперациональной). Однако после этого общего описания системы можно перейти к характеристике ее блоков. Теперь уже каждый отдельный блок выступает как целое, в котором мы рассматриваем части-элементы. Это более детальное описание позволяет лучше понять, что же будут представлять эти Север и Юг, и тем самым объемнее увидеть прогнозируемый — и тем самым планируемый — мир будущего.

Отдельной темой является то положение, что Юг будет не только внешним по отношению к Северу, но и внутренним элементом его. Этот внутренний Юг уж точно не позволит себя игнорировать: все эти трибализации и андерграунд, «миры городовских окраин» — это все анклавы, и они требуют внимания. Это избиратели и граждане. И потому внутренний Юг придется учитывать, задабривать, страшать, поражать в правах, контролировать, воспитывать — вместе со всеми прочими гражданами Севера, от которых жителей внутреннего Юга отделить невозможно.

Проблема изолированного существования в недрах почти нечеловеческой цивилизации встает теперь перед каждым жителем Севера; вчерашний северянин завтра может быть уволен с работы и нечувствительно переместиться на Юг.

То, что прежде считалось задачей, стоящей перед человеческим разумом, коллективным достоянием людей, сегодня разбито на части, «индивидуализировано», представлено мужеству и жизненной стойкости отдельных личностей и возложено на индивидуальные возможности и способности человека (Бауман, 2002, с. 132).

Любая позиция, оттаиваясь от которой можно было бы предпринять отличные действия при выборе жизненных стратегий: работы, профессии, партнеров, моделей поведения и этикета, представлений о здоровье и болезнях, достойных ценностей и испытанных путей их обретения, — все такие позиции, позволявшие некогда стабильно ориентироваться в мире, кажутся теперь неустойчивыми (Бауман, 2002, с. 157).

Тысячью путей Юг проникает на Север, возникает на Севере, порождается самим Севером. Эта тема возникает при исследовании почти любой проблемы развитых стан мира.

Мы имеем полное право сказать: вопрос не в том, когда или где случится новый Холокост. Он уже происходит — финансовая и индустриальная политика Запада в странах третьего мира чревата смертью и разрушениями (Кристи, 2001, с. 15).

Также не позволяет себя вполне спротестовать «внешний» Юг, совокупность не-северных стран. В результате появляется возможность некоторой общей характеристики Юга. Эта общая характеристика основывается на том, что весь Юг сталкивается с одними и теми же проблемами. И. Валдерстайн следующим образом рисует Юг:

(1) Способность государств поддерживать внутренний порядок скорее всего скорее уменьшится. Но наибольшие опасения вызывает перспектива ослабления государственности в коренных зонах. А развязка либерального институционального конфликта, о котором я говорил, наводит на мысль, что именно это и происходит. Государства буквально завалены требованиями граждан предоставления безопасности и социального обеспечения, которые они политически не в состоянии дать.

(3) Куда люди обратятся за защитой, если окажется, что государства (и межгосударственная система) теряют свою эффективность? Ответ ясен уже сейчас — к «группам», которые могут иметь различные ярлыки: этнические, религиозно-языковые,

родовых или половых предпочтений, «меньшинства» с разного рода характеристиками. Еще вчера боляшность людей доверяло государствам с их депитимностью и надеюсь на их позитивное реформирование в ближайшем будущем. А кому следует доверять в мире беспорядка и экономической неуверенности с нетранспарантным будущим? Неужели «группам»? Ведь если государства в целом осознавались как динамичные структуры, то «группы» явно приобрели облик оборонительности, опасливой замкнутости. В то же самое время — и именно в этом заповода — «группирование» порождено феноменом демократизации, сознанием, что государства потеряли поражение по той причине, что либеральное реформирование оказалось миражом, поскольку «универсализм» государства на деле требовал забыть или подавить более слабые слои. Значит, «группы» были вызваны к жизни не только интенсивным страхом и разочарованиями, но и подьемом эгалитарной сознательности, а потому могут служить очень мощным центром сплочения. Их политическая роль вряд ли уменьшится в ближайшее время. Однако из-за внутренне противоречивой структуры (эгалитарной, но интroversивной) осуществление этой роли может впоследствии оказаться весьма «хаотичным» (Валдерстайн. Политические дилеммы на рубеже тысячелетий. Журн. «Подис», 1996, № 4).

Не раз говорились, что Юг не представляет собой единства, он выступает как таковое только при «субъективном» взгляде с Севера. Внутри Юг совсем не един. И здесь мы можем понять, как в описанную выше модель включаются многочисленные современные концепции кругов цивилизаций, выступающие как кажущаяся альтернатива глобалистским концепциям.

Итак, мир... принял новую внутреннюю конфигурацию — не Север-Юг, как ожидалось, а семь цивилизационных комплексов (Уткин, 2001а, с. 182).

Далее А.И. Уткин расширявает эти цивилизационные комплексы. Это: Запад (отсутствие религиозного маркера); Латинская Америка (католицизм); Восточная Европа (правосла-

вие); Ислам; Индуизм; Конфуцианство; Япония. Заметим, что вне этого деления — немусульманская Африка и многочисленные осколки миров, в перечисленные субъединицы не входящие. В данном подразделении мира не представлен мир буддизма (Индия с ним в схватке); в мусульманском лагере есть дисиденты, он не един; мир Дальнего Востока не исчерпывается Китаем и Японией; Восточная Европа пока проявляет единство лишь в нищете, но не в политике; Средняя Азия — в силу истории — не просто часть исламского мира. Можно долго перечислять прочие факторы.

Впрочем, число цивилизационных комплексов, по мнению других аналитиков, совсем иное. Г.С. Померанц выделяет 4 круга цивилизаций (см. главу 3, раздел «Место России в мире»). Вспоминая Мориса Семашко, мы ждем того, кто сможет обновать, что таких кругов — 12, не больше и не меньше. Можно полагать, что все эти концепции окажутся верными одно временно. В самом деле, классификация зависит от точки зрения. Юг может быть разделен на 4 региона, на 7 или 12 — смотря в каком аспекте производится рассмотрение. Изменным можно считать следующие: Запад становится Севером вместе, может быть, с Японией. Стабильные регионы представляются собой тот самый Юг, но он в принципе не затогенен и выделяется только после выделения Севера. С точки зрения Севера Юг существует; с собственной точки зрения — нет, каждый на Юге ведет свою линию.

И потому считать число блоков невозможно, если не указывать ту точку зрения, с которой этот подсчет производится. Для того чтобы эти числа что-то значили, мало указать признаки, объединяющие мир в то или иное число блоков. Общие признаки найдутся всегда. Важна та точка зрения, откуда именно эти признаки кажутся важными, системообразующими. Например, возможна точка зрения Севера, который чаетит Юг по своим, важным для Севера признакам («союзники», «ресурсные регионы», «враги»). Есть точки зрения регионов Юга, подчитывающих «естественных» союзников (по территориальному соседству, по конфессиональной близости и т. д.). Есть и другие основания, при учете которых подучается то или иное число соперничающих регионов.

У каждого исследователя число цивилизационных блоков иное, но нам важно подчеркнуть, что все эти концепции не

противоречат описанной выше. Просто они представляют многообразие Юга в эксплицитной форме, перечисляют все блоки в одном ряду. Концепция СЮ подчеркивает, что блоки будут неравноценны, мир будет выглядеть таким образом, что одному блоку — Северу — будут противостоять другие блоки, что не мешает наличествовать различным противоречиям между блоками Юга. Поэтому концепция СЮ перечисляет блок Севера, его срезу — Юг и в скобках может указать те цивилизационные блоки, из которых этот Юг состоит. Это значит, что все многочисленные концепции кругов цивилизации вливаются в общую модель «глобализм + Новое Средневековье».

Итак, в Юг входят страны, не следующие европейской модели развития, обладающие относительно малым доходом на душу населения и потому не реализующие модель «общества потребления». Наиболее отвечающими модели «бедного Юга» будут являться страны Африки, Южной Америки, некоторые страны Юго-Восточной Азии. Помимо этих стран, в Юг входит Китай, судьба которого в будущем, как утверждают многочисленные прогнозы, сильно отличается от той, которая привычна новой европейской истории. Китай стремительно развивается, причем это развитие лежит в рамках его собственной дивиденсионной основы, модернизирующее западное влияние сказывается на нем относительно поверхностно. Китай станет одной из мощнейших держав мира, с огромным военным и экономическим потенциалом, признанным лидером региона. Согласно прогнозам экономистов и геополитиков, сила Китая возрастет и он будет представлять определенную анти-тезу Северу.

Если Китай очень сильно разовьется, то, согласно прогнозам, роль Японии будет снижаться; надежды на то, что эта страна станет одним из лидеров мирового развития, привнесшим в него нечто новое, не оправдаются. Для Японии будет характерен некоторого рода застывший индустриализм, традиционное общество с высокой технологией. Поскольку темп научно-технического развития в будущем сильно замедлится по сравнению с XX веком, этим застывающим формам технического прогресса будет соответствовать тяготеющее к устойчивому, воспроизводящемуся развитию японское общество.

Также не оправдаются «надежды» Запада на развитие мусульманского мира. Сейчас эта цивилизация рассматривается

как основной противник Запада, как его сильнейший соперник. Однако значимость мусульманского мира в будущем снизится. Те, кто не верит в этот прогноз, могут сопоставить причины, по которым опасаются ислама, и историю Запада. То, что обычно говорится в антиисламских «страшилках», указывает на количественный аспект: их становится все больше! Их больше, чем христиан! У них растет фанатизм! Но вспомним: с XVI века Запад покорил весь мир не потому, что его было «много». В определенном смысле можно сказать, что ислам потерпит поражение в борьбе с Западом — хотя бы в том смысле, что в доминирующей уровень цивилизации, определяющих лицо мира, он не выйдет. И потому в определенном смысле можно сказать, что вполне могут осуществиться одновременно две модели будущего: Север-Юг и Запад-Восток. Юг будет состоять из «бедного Юга» и «сильного Востока»: «бедной Африки» и «сильной Азии».

Ни «бедный Юг», ни «сильный Восток», опять же, не будут представлять собой сформированных политических единств. Однако роль этих регионов будет совсем разной: сильный Восток будет конкурировать с Севером за остающиеся ресурсы, а бедный Юг будет скорее потребителем специально для него выделяемых ресурсов, дабы миграция из этого региона не превышала разумного уровня или, выражаясь чуть иначе, «чтобы свести бой к приемлемой цифре».

Здесь можно остановиться, чтобы разъяснить одно кажущееся противоречие, возникшее в предыдущем изложении. Ранее (в главе 10) говорилось о том, что страны, которые не пойдут по западному пути, будут менее разнообразны, чем те, что пошли путем Запада. Разговор шел о большем разнообразии, которого достигает высококоразвитая система. Тем самым более высококоразвитый Север разнообразнее, чем прочие регионы (насколько признается, что они менее развиты). С другой стороны, Юг все время описывался как нечто более разнообразное, чем Север, — поскольку Север есть целостный унифицированный регион, а Юг есть все остальное.

Это кажущееся противоречие открывает нам еще одну сторону взаимодействия глобализма и антиглобализма. Дело в том, что несмотря на всю дифференциацию, ожидающуюся между Севером и Югом, глобализм победит во всемирном масштабе. Юг будет являться продуктом глобализации не в меньшей

степени, чем Север, причем несмотря на проводимую Югом антиглобалистскую политику. Подлязации глобализм-антиглобализм затоняет все страны в общество будущего тем вернее, что это помирность, а не единственная дорога. По этому поводу следует сказать, что мир будущего, который (с помощью концепции Нового Средневековья) выглядит как унифицированный, глобальный и однообразный, на деле будет с определенной точки зрения более разнообразным, чем наш мир современности.

Причина — в том, что для нового мира откроются новые возможности, которых нет сегодня. Развитие будет определяться совсем иной системой запретов, сегодняшние ограничения перестанут действовать. Многие элементы, существующие в современном мире как зависимые и несамостоятельные, станут действовать автономно, увеличивая разнообразие системы Мирового Целого, так сказать, на нижних уровнях. Система Мира будет не очень «многоэтажной» (и в этом смысле менее разнообразной, чем сегодняшняя), но с большим числом разнообразных низовых вариантов. Поэтому, хотя победа глобализма в мире произойдет (согласно излагаемой модели), степень схождения между странами глобализованного мира будет меньше, чем между странами незападного пути в сегодняшнем мире.

Итак, в этом и в предыдущем разделе мы видели, как самые разные концепции сливаются в общем русле глобализма. Как уже говорилось, она из самых характерных черт осмысления процесса глобализации — восприятие его как безальтернативного, как некоего чуть не «природного» (коренящегося в социальной природе человечества), который можно только принять, но нельзя отвергнуть. Так было не всегда. Еще в конце XIX — начале XX века те, кто предвидел наступление глобализации с ее разделением мира на Север и Юг, говорили, что следует сделать, чтобы это будущее не осуществилось. Речь тогда шла о развитии экономической культуры в России, чтобы рационализация экономики Европы не столкнулась с пустотой экономики Востока, чтобы Восток не выступал как регион слуг, производящий ресурсы для Запада. Сделать это не удалось, и глобализация стала реальностью. Сейчас выбора, как кажется, нет. Хотя можно припомнить одно сопоставление.

Беда Достопочтенный рассказывает о некоем Сигберте, короле Эссекса. Этот Сигберт принял христианство — принял

всерез, и выподняд, в частности, заповедь «прощайте врагов своих». Во время войны он был убит своими войнами, которые сочли, что не могут позволить такой «христианской политике». Примерно в это время правил и Другой христианский государь — Карл Великий. Он христианизировал саксов, убивая их тысячами. И создал великую христианскую империю. Имя Сигберта вряд ли кому известно. Имя Карла гремит в веках — впрочем, слава умерших королей нас сейчас интересовать не будет. Речь о Другом: Карл был великим королем и замечательным политиком, он сохранил не только жизнь и царство, он также послужил распространению христианства, которое в дальнейшей истории отождалось, конечно, не только казнями, но и замечательными достижениями культуры и веры. А Сигберт все потерял...

Однако может оказаться, что то христианство, которое насадил Карл, в чем-то уступает тому, которое оставил в памяти близких Сигберт.

Эти старинные истории имеют отношение к сегодняшней безальтернативной ситуации. Присоединяться к глобальному миру — это выгодно, политично, и нельзя сказать, чтоб легко. Это требует труда и таланта. Победить саксов и подавить их многочисленные восстания стоило Карлу множества усилий. Но стоит ли эти усилия предпринимать?

Россия и глобалистские модели: структура ожиданий

Локальная Россия: будущее неопределенное

Прежде всего можно попытаться оценить глубину кризиса, постигшего Россию в 1990-х годах.

Надо сказать, что способность России перестраивать новообразовывая, насыщать жизнью истинные конструкции со временем падает. ... Пром культуры, укрошение народного жизнелюбия, осуществляемые коммунистическим режимом на протяжении 70 лет, заметно снизили способность нашего общества национализировать инородный опыт. ... В этом смысле риск постсоветской вестернизации значительно выше и риска петровской модернизации, и риска реформ Александра II (Панарин, 1996, с. 312).

Можно ли проверить это утверждение? Каковы критерии величины дестабилизации, отравления новизной? Таких критериев несколько, и все они указывают на определенный ответ, хотя количественно несколько различны. Можно посмотреть на территориальные потери как на показатель дестабилизации государства. Скажем, продажу Аляски можно рассматривать как симптом того, что система не справилась с территориальной новизной, у нее не хватило сил принять новые пространства. Потеря Финляндии после революции — система не справилась со структурной новизной нового большевистского порядка. Тогда придется принять, что по критерию территориальности мы сегодня испытываем очень сильную дестабилизацию, новизна современности действительно много выше, чем во время прежних кризисов.

Другой критерий — величина эмиграции. Можно полагать, что в сегодняшнем кризисе она сопоставима с кризисом после революционными: несколько миллионов человек покинули Россию. Можно обратиться к кривым смертности, к иным показателям — ответ будет один: действительно, имеет место кризис, связанный с увеличением новизны, его величина по крайней мере не меньше, чем классические кризисы России — Смута и Революция, а по некоторым показателям даже больше. Вестернизации времен Александра I или Александра II привели к значительно меньшим поступлениям неусвоенной системой новизны. Кризис времен Петра был намного слабее. Сопоставимы — кризисы, связанные с именами Бориса (Годунова), Владимира (Ленина). И здесь намечается ответ: дестабилизации, связанные со Смутой, с Революцией, — не кризисы вестернизации в чистом виде, это в значительной мере кризисы традиции; вестернизацияступала здесь лишь как затравка, вызывающая к жизни резкий ответ традиционализма (самозванец, выступавший под именем Амтрий, и марксизм — незначительные по силе вестернизирующие влияния, а кризисы в ответ последовали сильные). Собственно вестернизаторские «удары» — деда Петра и Александров — к сильным кризисам не приводили. Если верны эти аналогии, следует сказать, что у нас сейчас не кризис чрезмерной вестернизации, а кризис неадекватной вестернизации, тот самый кризис, о котором говорилось выше: кризис новизны, вызванной традиционализмом, который же-дает вернуться в уже невозвратимое прошлое и поэтому приносит в общество слишком много новизны. Или — возможен иной ответ — первый кризис вестернизации, сравнимый по силе с кризисами, вызванными чрезмерной традиционностью, традиционалистской реакцией. Впрочем, такие выводы, возможно, уже лежат за границами того, с чем может согласиться концепция, развиваемая А.С. Панариным.

От оценки глубины кризиса обратимся к моделям, описывающим пути его дальнейшего развития и возможности выхода из этого кризиса. Все рассмотренные варианты относятся к классу глобалистских моделей и не описывают специальным образом место России в них. Между тем российское общественное сознание озабочено прежде всего именно этим вопросом, как мы видели в первой части книги. Первое, что можно сказать по этому поводу, — в рамках противопоставления Север-

Юг отходят на второй план споры по поводу отожествления России с Европой или признания ее особым (в смысле: внеевропейским) миром.

Относительно места России в рамках сценария глобального общества выказаны две простые и крайние точки зрения (см. главу 3, раздел «Место России в мире»). Первая состоит в том, что Россия неминуемо будет вовлечена в Север, поскольку у нее мощный технический и научный потенциал и поскольку без ее помощи противостоят напору Юга Север не сможет. Эта точка зрения слаба на аргументацию: как уже говорилось, Север будет комментировать по принципу системной устойчивости, а не достижения какого-то уровня по одному параметру; что же до барьера «перед желто-черными волнами», как это иногда формулируется сторонниками данной теории, то доказательств, что именно Россия является несокрушимым bastionом и без нее Север не сможет сомкнуть свои ряды, — не приводится. Это чисто функциональный подход, что же до оценок, то роль «пограничника Севера» очень напоминает роль «жандарма Европы». Так вот, для того жандарма все не очень хорошо кончилось... Надо заметить при этом, что о роли пограничника Севера говорят не только российские геополитики, озбоченные присканием доходного места в северном доме. Один из ведущих геополитиков США и авторов концепции глобализации, Т. Фридман, тоже выказывает в качестве очень желательной эту концепцию. Китайцы держат на Севере рестораны, индусы работают в бухгалтерии, англичане работают в университетах, русские служат пограничниками...

Как кажется, эта идея все же неосуществима.

Мы признаем, что основная ось политической истории пойдет не по линии Восток-Запад, а по линии, условно говоря, свободный и богатый Север versus бедный и несвободный Юг. Задача России заключается в том, чтобы примкнуть к богатым и здоровым, а не к бедным и больным. Я думаю, это единственно возможная стратегия в нынешней ситуации.

Я полагаю, Россия должна поставить перед собой цель попасть в «золотой миллиард», а для этого ей нужно стоять на стороне, условно говоря, богатых, здоровых и сильных, как внутри страны,

так и за рубежом (А.А. Кара-Мурза. На перекрестке политики и науки, <http://www.politstyles.ru>, раздел «Виртуальная эссе»).

Противоположная точка зрения обозначает, что Россия войдет в Юг. Говорится об этом таким образом, что на Севере ее будут ждать и манить за собой, но пострадавшая Россия отринет призывы и из христианского милосердия останется с угнетенными и нищими. Более того, этих нищих и угнетенных она объединит и поведет на святую и благородную борьбу с Севером. Доказательства такой точки зрения можно не рассматривать, как вызывающие к должному (иной уровень рассмотрения). Если найдется на этом уровне, следует сказать, что весь Север, плача, должен принести свои сокровища к ногам Юга и по-братски их поделить. Объяснение это относится к варианту «чудо» и в случае осуществления будет опровергать выказанную выше модель отношений Севера и Юга. Концепцию вхождения России в Юг выдвигает А.С. Панарин.

Далее можно упомянуть сценарий Панарина (2002) для взаимоотношений России и Востока (по сути — евразийский). В основе сценария лежит объединение «Материка» — России и мощных азиатских стран.

Запад, под эгидой и влиянием Америки, сегодня воплощает паразитирующую расу господ мира, виртуальных дел мастеров — ненавистников всего подлинного. Именно России предстоит воссоздать альтернативный полюс, восстановить биполярность как механизм борьбы добра со злом в этом мире (Панарин, 2002, с. 122).

Этот единый мощный блок, по мысли А. Панарина, составит существительный противовес доминированию США в мире. Панарин рассматривает возможный антиямериканский союз России и Китая — при всех трудностях, при опасности конфликта и роли младшего партнера для России. Возможность для союза есть — у нас территории, у них рабочие руки, рассуждает автор.

Огромные источники российского натурального сырья плюс огромное трудолюбие и профессиональная тщательность китайцев могут заложить основы альтернативной натурэкономике качества взамен

морально устаревшей экономики заменителей... (Панарин, 2002).

Такой вариант слегка напоминает следующую логику: «У него есть деньги, у меня — пустой кошелек, мы просто создали друг для друга». То есть Россия хочет быть — в представлении Панарина — сырьевым придатком не Запада, а Китая. Сразу легко выдвинуть еще лучший проект: у нас есть то, что указал Панарин, а у Америки — деньги, которые некогда девать. Пусть они передают их нам, мы с нашей профессиональной мечтательностью сумеем их потратить.

Видимо, возможны и иные сценарии пути России между Севером и Югом, однако они требуют более детального описания всей концепции, с подробной разработкой уже не на уровне трех общественных сфер, а с учетом специфики строения каждой из сфер и описанием всех вариантов преобразования. Тогда, возможно, удастся указать более оптимальные стратегии прохождения России через узкое горлышко наступающего Средневековья.

Локальная Россия: будущее федеративное

Почему требуется большая детализация всей картины для описания в нее судьбы России, достаточно ясно. Дело в том, что описанные выше исходы — Россия на Севере, Россия с Югом, опираются на то, что Россия есть нечто единое с общей судьбой. Однако уже судьба СССР показала степень устойчивости такого образования, а ведь кризисы, которые ждут на пути в Новое Средневековье, значительно сильнее, чем предшествующие легкие встряски. Отсюда по отношению к России возникает несколько семейств вариантов: распад ее по территориальному принципу, на экономически значимые районы и блоки, наподобие распада СССР на республики; распад ее по культурному признаку, когда некоторая территория выделяется в связи с особым европеизмом и высокой степенью научно-технического, экономического или общественного развития и остается неадаптированным осадок в виде фрагментов России, примкнувших к Югу; распадение по тому и другому принципу, причем

часть фрагментов отходит к Югу, а часть относится к буферной зоне Севера, — и т. д., множественное расхождение вариантов, даже перечислить которые имеет смысл только в связи с более детальным описанием ситуации в целом.

Ответы относительно этих вариантов и дает сегодняшняя Россия. Правда, этих ответов мы пока не знаем. А.И. Фурсов (1999) приводит следующую совокупность вопросов. Что такое нынешняя Россия? Целостность ли или совокупность, мозаичная сумма территориальных, ведомственных, криминальных и брошенных зон физического и социального пространства? Если да, то кто олицетворяет, воплощает эту целостность, что есть ее системообразующий элемент? Если нет, то вопросов сразу несколько: можно ли восстановить утраченную целостность и если да, то как? Если нет, если Россия — это «разбегаящаяся гадальки», которые уже миновали точку возврата, то какой курс оптимален для русского исторического субъекта, его физического и культурного выживания и сохранения? Возможно ли в такой «разбегаящейся» ситуации появление нового русского исторического субъекта — на основе прежде всего Языка и Культуры, а не Власти? Без предварительного ответа на эти вопросы никакие планы, никакие даже среднесрочные стратегии невозможны. На такие вопросы сейчас не может ответить никто. Ответов не получить ни у статистиков, ни у социологов, ни у экономистов. Для ответа мало узнать «объективное» состояние регионов, недостаточно знать «настроение» в них. То, что Украина отделилась от России и отходит все дальше, а Дальний Восток — нет, объясняется, помимо прочих причин, внешней средой данного региона. Европа и Китай — в качестве ближайшего соседа — совсем разные вещи. Глобальное будущее России зависит от внутреннего ее устройства и состава, но и само это устройство определяется теми образами геополитического будущего, которое мы описывали. В каждом варианте у каждого субрегиона образуется свое соседство, существенным образом определяющее симпатии субрегиона и его готовность к автономному существованию.

Опасность и сигнатура современной международной ситуации в том, что слабая Россия находится между сильными и соперничающими Германией и Англией (Струве, /1908/ 1997, с. 86).

Относительно ориентировки России в возникающих геополитических полюсах можно нечто понять, например, в связи с распадом СССР. Этот распад можно в данном ключе описать следующим образом. Страна лишилась целого пояса европейских республик и пояса республик азиатских. Из СССР «вычлени» некую долю европейскости и азиатскости. В таком случае можно поставить вопрос: изменилась ли доля этих «ингредиентов» в России по сравнению с СССР? Ясно, что измерение площадей здесь не поможет — речь идет о совсем ином аспекте. Казалось бы, «баланс» Европы и Азии в стране не изменился — вычли и то и другое.

На деле доли изменились — именно потому, что берется не пространственный аспект, а структурный. Европейскость России (и СССР) заключалась не в западных территориях — прибалтийских республиках, Украине, Белоруссии. Россия (и СССР) являлась Европой в наибольшей степени в столицах, в Москве и Петербурге, а также в крупных городах. Доля Европы в России по сравнению с СССР упала незначительно, в этом смысле Россия осталась столь же «европейской» страной, каким был СССР. Скорее, следует видеть другую сторону вопроса — в мире увеличилась Европа. Средняя Европа вновь стала средней, когда наряду с мощной Западной Европой опять появилась в качестве весьма значимого региона Восточная Европа. Тем самым распад СССР не уменьшил «европейскость» России, но увеличил саму Европу.

Совсем иная ситуация с долей Азии в России. Азию в России делают не торода, а люди, миллионы людей иных языков и культур. Отделение среднеазиатских республик реально понизило долю Азии в России. Демографические и прочие проблемы, которые возникли в конце «времен СССР», достаточно известны: армия переставала понимать команды офицеров, существенно менялись характеристики офицерского корпуса и уровень образования рядового состава, резко менялся баланс конфессий и пр. С возникновением России из СССР эти проблемы отодвинулись лет на 30–50, потом они вновь начнут приобретать остроту, но сейчас они отсрочены во времени.

В результате распада СССР привел к росту Европы; приобретению Средней Европой того места, которое она имела в конце XIX — начале XX века; перемещению России на «геополитической шкале» ближе к Европе, к Западу, поскольку доля

Европы в ней увеличилась по сравнению с СССР. Трактовать этот процесс можно различно, но если подлатать, что Россия должна продолжить собственную дорогу к тому уровню, на который вышли страны Европы, то ее шансы скорее возрастут, чем снизились.

Относительно экономического успеха имеется следующий сценарий (приведенный, в частности, у А.С. Панарина и В.Г. Федотовой). Япония и прочий Восток добились успеха в модернизации благодаря совмещению индустриализации и авторитарно-коллективистского традиционализма, коллективного успеха и т. д. Запад добился успеха индивидуализмом, Восток — коллективизмом. «Проседание» в этом граденте России очевидно. Панарин утверждает, что в России слишком много индивидуализма, его избыток — по сравнению с Востоком. У нас разрушен коллективизм Востока западным влиянием, но дисциплинированно-индивидуализма еще не хватает до Запада. В этой промежуточной ситуации, как говорит Панарин, для России закрыты пути к экономическому росту, пока она не определится, чем его допустить — своим недоразвитым индивидуализмом или полуразрушенным коллективизмом. Как нам кажется, эта точка зрения ничего не предвещает, Россия может двигаться в любом желательном направлении. Единственно, что здесь определенно утверждается, что решающим для страны является уровень индивидуализма/коллективизма. Может оказаться, что это далеко не единственный параметр.

О «поясах республик» высказана и иная точка зрения.

Единственный выход для России в данной ситуации — попытаться разрабатывать и реализовывать стратегию, которая выведет бы ее за пределы этих мировых конфликтов — тех конфликтов, которые Хантаингтон рационализировал как «West against the Rest», а Валдерстайн — как «Центр против Периферии».

В своих работах, начиная с 1995 г., я выделяла как особую геополитическую реальность великий межцивилизационный пояс (лимитроф), который тянется от Прибалтики через Восточную Европу и, охватывая Кавказ, постсоветскую Центральную Азию и так называемую старую Тибето-Синцзяно-Монгольскую Центральную Азию, заканчивается в Корее. Я исходила из того, что этот пояс территорий-

проливов прочно дистанцирует Россию от силовых центров, сложившихся на платформах других цивилизаций, и определенная политика, проводимая в рамках этого пося, позволяет России обеспечить себя против прямых атак со стороны соседних приоканских силовых центров (Вадим Цымбурский. Это твой последний геополитурный выбор, Россия?, <http://www.rollitstudies.ru>, раздел «Виртуальное эссе»).

Эту группу концепций можно обозначить как «остров Русь». В определенном отношении эти концепции вполне могут осуществляться: Юр никогда не будет единым и любая страна Юга вполне объективно может переживать свое одиночество и изолированность. В этом смысле ответ на вопрос, может ли Россия в мире будущего остаться независимой державой — легко; среди стран Юга не будет, может быть, более дешевого товара, чем независимость. Отдай Северу северово (скажем, часть воцуха) — и гулай как знаешь.

Локальная Россия: будущее южное

Разнообразия Юга будет велико — помимо мощнейшего Китая, соегающего в своей политике черты изоляционизма и усиленного влияния на различные блоки Юга, высококоразвитых, но резко замедливших развитие «типов» Юго-Восточной Азии; бедной Африки и Южной Америки, а также крупного блока мусульманской цивилизации, в Юг будет входить и Россия. Согласно большинству прогнозов, границы ее не сильно изменятся по сравнению с настоящим временем: Прибалтика, Закавказье и Украина будут отходить все дальше от нее, более тесное объединение будет происходить между Россией, Белоруссией и странами Великой Степи (северными странами Средней Азии). На востоке, несмотря на усилившийся Китай, существенных территориальных потерь не будет. По основным экономическим и политическим показателям Россия будет входить в Юг и составлять в нем еще один, особенный блок. Мощь ее будет меньше, чем у Китая, технологическое развитие — ниже, чем у Японии, а политика будет представлять

такую же смесь изоляционизма и попыток культурной экспансии, как у других южных стран. По крайней мере, так рисуется российское будущее в рамках очень многих концепций.

Значительное число геополитиков-реалистов исходит из того, что мощные современные государства вопреки любой степени глобализации сумеют сохранить собственный силовой и экономический потенциал, не раствориться в аморфном глобальном конгломерате (Уткин, 2001а, с. 188.)

В рассуждениях многих российских геополитиков (и у Панарина, в частности) встречается утверждение о том, что смысл всего XX века — в выпихивании России из Европы. Это удалось. Россия разбита и ограблена, выведена в не-Запад. Любые сценарии ее дальнейшего развития связаны с выходом в Восток (Юг). Запад теперь думает, что ему некому возразить и быстро, не скрываясь, утверждает свое доминирование в мире. Однако в мире есть Китай — новый лидер Востока, есть Индия с ядерным оружием и пр. Далее констатируется, что Россия будет утверждаться как наследник Византии, обновлять этот свой своей памяти (Леонтьев), войдет в коалицию с другими странами Востока (евразийство) и придаст им «язык культуры», которого они лишены. Будет главой блока Индии, Китая, Ислама и пр. в противостоянии Западу. Россия структурирует и определяет лицо этого блока.

Итак, существует сценарий вхождения России в тесный союз со странами Юга, сценарий вхождения России в Север и сценарии ее изолированного развития. В заключение рассмотрим эту группу вариантов, остается указать на еще одну особенность всего класса указанных моделей. Еще раз следует сказать, что Север — организованное целое, общественно-политический организм и в нем судьба России будет в значительной степени определяться установками целого, трансформируемые из Центра. Что же до Юга, то это не целое, а все, что не Север, и в этом скопище нищих и разграбляемых, воюющих и удерживающихся стран, племен и анклавов возможны любые неожиданности. В частности, возможен и вариант более или менее устойчивого развития России (или ее части) как острова в бурном море Юга — скажем, северного острова, не входящего в Север с точки зрения Севера и достаточно-таки нордичес-

кого с точки зрения Юга. Сколько куальтуры сохранил этот остров Русь, какие племена будут его населять, на каком языке заговорят на этом острове через сотни лет, — на подобные вопросы можно с должной робостью во взоре пытаться ответить, но лишь после значительной детализации окружающей обстановки. В этом отношении следует повторить сказанное в начале этого раздела — вся группа концепций Россия-Европа (ЗВ-модели) не выдерживает критики в современной ситуации потому, что оказывается, что любая модель будущего России вычитывается из представления об общем развитии событий в мире, а изолированная модель тесного взаимодействия Россия-Европа или Россия-Север, в рамках которой оставальной мир подернут пеленой тумана как ничего-особенно-важного-собой-не-представляющий, — это совсем слабо вероятная модель Севера, состоящего из России и Европы, в которой и США, и Япония относятся к попираемому сапогами из Вселенной Югу. В системе Юга будут мощные блоки — может быть, Япония и «тигры» — в каких отношениях будет с ними Россия? В Юг будет входить сверхмощный Китай, составляющий по многим показателям конкуренцию Северу, — что будет связывать Россию с ним? Большого влияния достигнет и мир ислама — как сложится ним отношения у России, с исламом снаружи и исламом внутри? Таких вопросов можно задать множество, а ответы на них — даже в качестве намеков — возможны только после гораздо более детальных исследований, нежели приведенные здесь.

А.В. Иванов (2002, с. 192 и след.) излагает интересную концепцию преобразования России в новых условиях, относящуюся к общему классу моделей «наши недостатки — это наши достоинства». Провозглашается лозунг: «Запад — промышленный и информационный придаток России» (с. 192). Далее предлагается серия мер преобразования организации производства — с упором на любимые россиянами штурмовщину и коллективизм, которые, однако, рассматриваются не как недостатки, а как особый имидж «работы по рецептам загадочной русской души». Тут же предлагается ряд мер по преобразованию экономики России, с опорой на виртуализацию и создание особого образа российской экономики, который должен стать привлекательным в мире. Наконец, выдвигается и мысль не-сколькo более общего характера: мы не можем делать ничего

поточно, серийного, многочисленного — не приспособлен русский человек для конвейера и каждодневной работы. Зато мы можем производить удивительные таланты. И торговать мы должны именно ими: «подготовка и маркетинг уникальных специалистов» (с. 196). Россия будет торговать своими куальтурными «от кутюр», сделает «загадочную русскую душу» привлекательной торговой маркой. Этот сценарий подразумевает, что глобальный мир высокой экономики, конкуренции и т. д. действительно устойчив и будет существовать долгое время. Однако, как говорилось выше, такое развитие мира весьма маловероятно, и потому «торговля куальтурными» вряд ли осуществится.

Сетодвижный день наполняют разговоры о том, чем мы можем торговать и какое место будем занимать. Однако есть и другая сторона вопроса — внутренняя: какое бы место мы ни заняли, что нам следует о нем думать, как нам оценивать себя? Сейчас, когда глобализация в разгаре, этот вопрос не привлекает излишнего внимания. А вот в первой половине XX века, когда глобализация была лишь прогнозом, об этом было выказано несколько значимых суждений, высказанных таким незаурядным аналитиком, как Г. Федотов.

Цивилизация слагеается из роста технических и научных знаний плюс прогресс социальных и политических форм. В основе /.../ лежит завершенная утилитаризмом идея счастья или, вернее, удовлетворения потребностей. /.../ Комфорт, материальный и моральный, остается последним критерием цивилизации. /.../ С легкой руки немцев, мы теперь противопоставляем куальтуру цивилизации, понимая первую как иерархию духовных ценностей. Цивилизация, конечно, включается в куальтуру, но в ее низших этажах. Куальтура имеет отношение не к счастью человека, а к его достоинству и призванию (Федотов, 1938, Заграничный день // 1991, т. 2, с. 200).

Хлеб может быть священным символом куальтуры, комфорт — никогда. ... Если этот идеал станет главным содержанием жизни 1/6 части земного шара, то следует сказать: эта страна потеряна для человечества, этот народ зря гадит (а он не может не гадить) свою прекрасную землю. /.../ Россия —

Америка, Россия — Болгария, Россия — Польша, раскинувшись на пол-Европы и Азии, — это самый страшный призрак, который может присниться в наш век кошмаров (там же, с. 201–202).

Русская культура, доселе творима и хранима интеллигенцией, спускается в самую глубину масс и вызывает подлый переворот в их сознании. ... Культура перестала быть замкнутой или адухтаженой. Старое противопоставление интеллигенции и народа потеряло свой смысл. /.../ Россия в культурном смысле стала единым организмом. /.../ Россия просто приоблизмась, по своему культурному строению, к общеевропейскому типу, где народная школа и цивилизация XIX века уже привели к широкой культурной демократизации. Однако в России, в условиях небывалой революции, этот давний и неизбежный процесс демократизации культуры был не только форсирован. Благодаря сознательному и подосознательному истреблению интеллигенции и страшному понижению уровня, демократизация культуры приобретает заволашый характер. Широкой волной текущая в народ культура перестает быть культурой. /.../ Университеты открыты для всех, в России насчитывается до 700 высших школ, но есть ли хоть одна высшая школа, достойная этого имени, равная по качеству старому университету? /.../ Рабочий или крестьянский парень, огромными трудами и потом стяжавший себе диплом врача или инженера, не умеет ни писать, ни даже правильно говорить по-русски. Приобретя известный запас профессиональных сведений, он совершенно лишен общей культуры... Причина ясна и проста. Исчезла та среда, которая прежде перерабатывала, обогащала юного варяра, в нее вступавшего, лучше всякой школы и книг. Без этой среды, без воздуха культурных школ теряет свое влияние, книга перестает быть вполне понятной. /.../ Выражаясь в общепринятых ныне терминах, в России развивается и имеет обеспеченное будущее цивилизация, не культура... Это различие можно определять по-разному, как различие качества и количества или образования гуманистического и реалистического. Пос-

леднее определение можно сформулировать точнее, культура построена на примате философско-эстетических, а цивилизация — научно-технических элементов (Федотов, 1939, Создание элиты // 1991, т. 2, с. 206–208).

Говорилось про советскую Россию, но что здесь неправильно для сегодняшнего дня? А если эта оценка пригодна для современности, тогда вопрос о месте России в мире будущего приобретает совсем особое звучание. Если стоять на точке зрения Г. Федотова, глубоко безразлично, на Севере она будет или на Юге, будет начинать свои пограничные сапоги, защищая Запад, или начищать те же сапоги, готовясь Запад атаковать. Эта Россия не будет наследницей русской культуры. С точки зрения, высказанной Федотовым, обеспечивается весь круг идей, связанный с выгодной продажей чего-то в России — для того, чтобы жить лучше и комфортнее. Федотов не утверждает, что следует жить некомфортно; он говорит о том, что первым явится вопрос о культуре «1/6 части земного шара» и только после его решения имеет смысл говорить о комфорте и торговле хоть газом, хоть рабами-кулибинными. А если этот вопрос не решен — то какая разница, кто и где будет торговать и кто где будет гадить...

Место отщепенца.

Еще один класс моделей рассказывает о лидирующей роли России — но не в глобальном мире и не на Западе, а в том мире, который возникнет в будущем, уже после окончания Нового Средневековья.

В открышейся перспективе мирового религиозного процесса наша эпоха сравнима с той, когда закрытость племенных и народных религий была прервана и возникли религии мирового. /.../ Я ожидаю не новой религии, а нового понимания старых, понимания их внутренней общности, понимания истины диалога как самого современного подступа к тайне вечности, вокруг которой кружится человеческий дух, создавая культуру /.../. В складывающихся рамках нового диалога Россия может и должна осознать себя иначе, чем в прошлом: как внутренний диалог (если хотите — как хороваю) культурных

нача. Россия — страна, складывавшаяся на перекрестке миров, и легко втягивалась то в один, то в другой мир (Померанц, Вокруг предвечной башни // 1998, с. 538).

В Достаточном полном виде эта модель выглядит следующим образом. Мир сейчас действительно глобализируется, но ожидать уже от этой глобализации «завяленных плодов» — всеобщей демократии, богатства и т. д. — еще рано. В Риме была изобретена паровая машина, но век пара начался значительно позже. Уход человечества в Новое — теперь уже всемирное — Средневековье приведет к тому, что на выходе из него, через сотни лет, современная культура будет соприродна уже всем регионам, станет основой для возможности всемирной культуры человечества, истинной глобализации. Тогда, в Новое Возрождение, нужен будет регион, который сможет распространить новую социальность, новую глобализацию. Они будут новыми на том витке истории, а то, что есть сейчас, окажется древними идеями, опорой новых гуманистов, — так же, как итальянские гуманисты питались идеями античности. И вот в этом Новом Возрождении особая роль уготовлена России. Роль всемирной и всеотзывчивой страны, роль перехода меж Востоком и Западом России сыграет тогда — не теперь. И роль ее будет не доминирование в политическом плане, не сверхаружавность, а пример и образец новых типов отношений между людьми, который можно назвать и глобальным, — тот способ, которого еще нет сейчас, к которому еще не готова современная культура. Россия сейчас учится, берет уроки того, из чего и возрастет через столетия действительная роль России. В tomto и дело, что Запад сейчас осознает уникальность своей культуры, а не-Запад осознает, что вестернизация есть не более чем поверхностный налет на традиционной культуре. И Россия — та страна, в которой с особенной силой проявляются несколько иное положение дел. Здесь имеется более глубокое противоречие: имеется западная русская культура и традиционная русская культура. Их взаимодействие и даст России тот опыт, которым она сможет поделиться с миром — в том, далеком будущем.

Мы вызов тому Ренессансу, каким ему всегда прозлит оказаться, — планом чисто человеческого

обустройства на земле. Мы, так сказать, для того, чтобы случилось иначе. Наша правда в том, что мир, который все равно никогда не может стать и никогда не станет устройством, на эту нашу метафизику обречен (Бибихин, 2002, с. 392).

Локальная Россия: будущее обнадёживающее

Недаром многие участники нашего диалога указывали на «глупость» ситуации: японцы вестернизируются, нимадо не заботясь, «Запад» ли они, а Россия все оглядывается, похожа ли она на Запад? А может, если повернуться другой стороной, больше похожа? Россия в виде ослика Иа-Иа действительно выглядит наивно. И все же это верно наблюдение, которое не совсем верно эмоционально окрашено. Это не «глупость», а прямое указание на особый характер российской вестернизации, который требует не только «пожинания плодов», но обсуждения и диалога. Судьбы России требуют оглядки на Запад, а судьбы Японии — нет. Спор западников и почвенников потому и оказывается столь значимым для России, потому и нет у него серьезных аналогов (столкновения соответствующих по внешнему облику позиций в иных регионах действительно менее глубоки), что связи незападной России с Западом теснее, чем у любого регион планеты.

Мы имеем право сказать: мы не отдельная нация, мы мир. Общество становится миром не потому, что захватило большие пространства или запасало у себя так много всего, что может закрыть границы и развиваться без других. Мир не напромождение вещей. Народ становится миром тогда, когда в нем достаточно широты, чтобы допустить всему быть тем, что оно есть (Бибихин, 2002, с. 399).

Разумеется, мы можем усомниться в обоснованности такого сценария. За ним не стоит серьезных доказательств, — с другой стороны, сложно представить себе в полном виде методологию доказательства таких суждений. Правда, и другие сценарии не прешат чрезмерной доказанностью, и мы обычно

оцениваем их посредством интуитивно понимаемой «реальностиности». Стояки зрения этого критерия сценарий «великого будущего» России также не кажется выдающимся: мы живем в не слишком благополучной стране в довольно спокойное время.

С другой стороны, что стоят предсказания, основанные на экстраполяции? Суждение, что у Америки великое будущее, потому что это очень богатая страна, — не более доказательство, чем представление о полете на Луну на огромном воздушном шаре, какое средство предлагалось до появления детальных аппаратов тяжелее воздуха.

Мы не можем обосновать и не имеем возможности отвергнуть мысль о великом будущем России, вытекающую из некоторых историсофских представлений. Все, что в наших силах, — это привести такое мнение и сравнить его с другим, совсем противоположным мнением. Это другое мнение было высказано в XII веке, в 1120-х годах, во Франции. Франция тогда тоже была не особенно благополучной страной, и время было очень беспокойное. Под Парижем тогда работал Гуго Сен-Викторский, по современной терминологии, — схоласт и мистик. И этот Гуго так выразил свои мысли об отношении между Востоком и Западом:

Божественное провидение распорядилось таким образом, чтобы всеобщее правление (миром), которое вначале находилось на Востоке, по мере того как время подходит к своему концу, перемещается на Запад, чтобы уведомить нас о том, что близится конец света, ибо ход событий уже достиг края Вселенной (Гуго Сен-Викторский, 2002, т. 1, с. 297).

Насчет конца света Гуго, может быть, немного ошибся — или, возможное дело, был совершенно прав, и это событие следует считать состоявшимся. Так что по поводу обоснования прогноза могут быть разные мнения. Но вот сам прогноз начала XII века о том, что в будущем всеобщее правление миром будет сосредоточено на Западе...

Необоснованность прогнозов не противоречит их συμβασιμoσти.

Структура предсказания

Надо признать, что изложенная выше концепция Глобального Средневековья имеет сложную природу. Она вытекает из множества разноречивых взглядов как некий общий смысл. Тем не менее целиком она нигде не изложена, так что здесь пришлось по мере изложения ее домысливать и дополнять. И в процессе такого сложения концепции мы пришли к выводу, что эта концепция, этот сценарий в своем синтетическом варианте выглядит как безальтернативный. Если полагать, что эта концепция описывает ожидания относительно будущего развития событий, то мы можем попытаться осмыслить сам факт такого ожидания.

Изложенная выше модель Глобального Средневековья, или «Глобализм + Новое Средневековье», представляет собой *отрицательную футурологию*.

Чтобы разобратся с терминологией, кратко опишем систему наименований. Обдумывая свое будущее и описывая те или иные черты этого мыслимого будущего, люди совершают одно из трех действий. Прежде всего, обратим внимание на футурологию, то есть ситуацию, при которой актом познания возможного будущего увеличивают вероятность осуществления именно этого варианта будущего. Это, так сказать, самоосуществляющийся пророчества.

То, что люди полагают истинным, имеет тенденцию становиться истинным именно в результате этого (почнее, это становится совокупным результатом индивидуальных действий). Когда люди говорят, что «варианту «х» «нет альтернативы», «х» автоматически перемещается из арены действий на территорию заданных их условий. Когда люди говорят, что сделать уже ничего нельзя, они действительно больше ничего не смогут сделать (Бауман, 2002, с. 9).

Сознавая такое будущее, люди ориентируются на него, воспринимают происходящие события в соответствующих терминах, реагируют на них согласно заданной понятийной рамке и постепенно приходят к осуществлению этого будущего. Футурофиксация можно разделить на положительные и отрицательные; положительные футурофиксации — это утопии, а отрицательные — антиутопии. Положительные футурофиксации воспринимаются как нечто желательное и хорошее (независимо от того, чем является такое будущее «в действительности» — желательным или нежелательным для людей, если оно все же осуществится), а отрицательные футурофиксации воспринимаются как образы нежелательного будущего, «плохого», неблагоприятного развития событий. Например, будущее, которое рисовал марксизм, было, как очевидно теперь, футурофиксацией, причем положительной футурофиксацией, поскольку у сторонников этой модели развития было представление, что это есть развитие к добру. Граница между положительными и отрицательными футурофиксациями весьма тонка — осуществившись, будущее, предрасказанное и потому сделанное марксизмом, стало вызывать отрицательные чувства, все меньшее число людей согласено было называть его бывшейся утопией. Это, однако, ничуть не препятствует характеристике его как положительной футурофиксации, поскольку *ни существует* марксизм мыслился именно как положительный идеал.

То будущее, которое вырисовывается сейчас, является отрицательной футурофиксацией потому, что большинство «предрасказывающих» его людей рассматривают его как неблагоприятное — для себя, для своей страны, для развития человечества в целом. Как утопичность и положительный характер марксизма не препятствовали тому, что жить в условиях его осуществления было не слишком удабно, так отрицательная футурофиксация «на самом деле» не предполагает, что бывшее будущее обязательно будет ужасным, — «отрицательность» говорит только о том, что социальные прогнозы воспринимают такой вариант развития событий как неблагоприятный, но наиболее вероятный. Тем самым фиксирование будущего прогнозами происходит независимо от того, как это будущее воспринимается — положительно или отрицательно. Помимо футурофиксаций имеется еще два типа действий относительно будущего — это *футуродесниенции* и *футуросе-*

парии. Футуродесниенции уничтожают возможное будущее, а футуросепарации выстраивают определенную — сначала понятийную, а потом и событийную — грань, «сито», отсекающее части или аспекты событий. Футуросепарация работает таким образом, что какая-либо часть (или аспект) целостного ныне явления переходит в будущее, а неотобранная часть (аспект) не переходит. В определенном смысле футуродесниенции и футуросепарации можно рассматривать как понятия, подчиненные футурофиксации, но при рассмотрении конкретных явлений и их дальнейшей судьбы это подезные понятия, позволяющие говорить не только о развитии мира в целом, но и о судьбе его частей. При возникновении (реализации) возможного будущего одни части современности в нем продолжают существовать или возникают в связи с самим фактом прогноза (футурофиксация), иные полностью утрачиваются (футуродесниенция), а иные переходят в будущее лишь частично (футуросепарация). В качестве футуродесниенции сейчас можно указать на социализм как общественное устройство. Речь не о том, что этот общественный идеал «объективно» неверен или что он больше не будет влиять на развитие человечества, а только о том, что в настоящем, под влиянием краха социалистической системы, большинство людей считает, что в будущем этого общественного устройства не будет, и тем самым производит футуродесниенцию (совсем другой вопрос, насколько эта футуродесниенция будет удачной).

Настоящий момент истории оригинален тем своим качеством, что впервые за долгое время европейский мир, мир европейской культуры производят не положительную, а отрицательную футурофиксацию. Конечно, это не в первый раз — тысячи лет назад в Европе ожидали конца света, и плохие ожидания не являлись столь уж реакими. Однако, начиная с Возрождения, крупные, глобальные представления о будущем обычно были положительными футурофиксациями, а сейчас приходит время, когда прогнозисты из самых разных стран и регионов, обдумывая будущее человечества, приходят к отрицательной футурофиксации. В целом отрицательные футурофиксации более характерны для Средних веков, а положительные обывнее в Возрождение. Характер представлений о развитии мира сам по себе является маркером происхождения. Пессимистические индивидуальные мировоззрения вовсе не редки в ду-

бую эпоху, но нас интересует именно широко известная и согласованно развиваемая разными мыслителями общая «отрицательная» модель. Отметим также, что эта модель — глобализации — воспринималась как отрицательная футурофиссия уже достаточно давно. Вот характерный пример. Константин Леонтьев («Византизм и славянство», 1993) писал о современном ему «глобализме»: «Необходимо помнить, что очень многие в Европе желают слияния всех прежних государств Запада в одну федеративную республику; многие не особенно даже желающие этого, верят, однако, в такой исход как в неизбежное зло». Ситуация в точности подобна описываемой нами, только с разницей на количество: Леонтьев — мыслитель дая своего времени периферический, и людей, видящих в объединении Европы зло (тогда, в последней трети XIX века), было не слишком много. Сегодня же о той или иной степени глобализации мира говорят почти все, говорят как о реальности, а не о проекте, и почти все видят в этом процессе опасные стороны, но считают его неотвратимым, «неизбежным» злом. Опасения Леонтьева исполнились в точности: через сотню лет Европа объединяется. Но теперь, на фоне воцары глобализма гораздо большего масштаба, объединение Европы встречает меньше протестов. И сегодня существуют противники этого объединения, но это «зло» неизбежно и по сравнению с другим «злом» — глобализацией — почти безопасно. Как говорится, «разве это гора? вот я видел гору, по сравнению с которой это — просто яма».

Сказать о той стороне представлений о будущем, которая описывается вышеуказанными понятиями (футурофиссией и т. д.), было необходимо, поскольку прогнозы геополитиков, экономистов и социологов, мнения интеллектуальных элит и интеллектуальных лидеров — «предсказания». Эти люди не совершают «путешествия во времени», не подгадывают в будуще, и в то же время то, что они говорят, влияет на события, так что обозвать это «пустыми словами» также неправильно. Акт прогноза есть акт деятельности — не только личной, но и социальной. Поэтому высказывания типа «Господин N считает, что события будут развиваться следующим образом...» при всей их внешней объективности неполны: самим высказыванием о будущем, а еще более — трансляцией этого высказывания через знакомых, средства массовой информации, Интернет, —

всем этим господин N не просто имеет мнение, а формирует реальность.

Заключая изложение этой пятитийной схемы, следует сказать и о том, что будуще складается не только высказываемыми футурофиссиями, футуросепарациями и футуродесинциями. Не все, что происходит в будущем, определяется осознанной деятельностью людей. Многие происходят в силу определенных закономерностей социального развития, многие — в силу того, что люди недостаточно хорошо осознают собственную деятельность. В результате будуще состоит из «созданного» и «несозданного» людьми, — точнее, создаваемого высказанными актами футурофиссации, футуросепарации и футуродесинции и происходящего вне этих актов, но по тем же схемам.

В связи с этим можно задаться вопросом: какая доля будущего относится к созданной, а какая к несозданной? Ясно, что пока история человечества движется таким образом, что доля созданного будущего увеличивается, а несозданного — падает. История человечества все в большей степени переходит в собственные руки людей, становится делом их ответственности. Причем современная история характеризуется как раз тем, что к актам, определяющим будуще, становятся причастны большие массы людей. Этот процесс сознательного творчества истории очень непрост; с появлением осознанного социального программирования, «массовой культуры», СМИ и прочих средств футурофиссации происходит также и падение сознательности совершаемых прогнозов. При этом будуще продолжает быть «созданным», но — «несозданным». С другой стороны, рост числа культурных людей, задуумывающихся над развитием человечества и формирующих собственное представление об этом развитии, увеличивает долю «созданной» и осознанной истории. В рамках этой «созданной» истории можно воочию видеть, как слово изменяет действительность. Если полагать, что — при всех временных искажениях и отступлениях — в целом способность человечества творить «созданную» историю будет расти, доля созданной истории будет увеличиваться, а несозданной — падать, то занятие социальных прогнозистов современности имеет очень большое будуще. В таком случае следует добавить, что со временем станет важнее не то, в созданной или несозданной истории мы живем, а то, осознанно происходит изменение будущего или нет.

Заключение

Итак, все здесь изложено в качестве сценария на деле не является чем-то новым. Это лишь обобщение и развитие мыслей, высказываемых множеством людей. Более того, при всей кажущейся противоречивости высказываемых концепций, они достаточно уверенно сводятся к описанному одному сценарию. Сосредоточившись на этом положении, уместно поставить вопрос: можно ли предожить современную положительную футурофикацию? Нельзя ли разработать сценарий, действительно предлагающий лечение болезней современности, предлагающий изменение экономической, правовой и культурной сфер общества таким образом, чтобы дальнейшее развитие не было бы упадком?

В последнее время такие сценарии не предлагались (те, что предлагались, — не сценарии, а благие пожелания). Это не значит, что их нет вообще, — они есть, и некоторые были предложены достаточно давно, еще в начале XX века. А, например, с точки зрения некоторых наших почвенников, единственный радикальный положительный сценарий был предложен совсем давно, чуть не 2000 лет назад. Сейчас этот сценарий не пользуется популярностью. Изложение положительных сценариев и рассмотрение тех рекомендаций, с которыми они обращаются к современному обществу, было бы весьма интересно.

Но это уже совсем отдельная тема, не связанная с тем, что послужило началом нашего разговора, — со спором западников и почвенников в России на протяжении XIX и XX веков.

Двухсотлетний спор

Куда ты мчишься, Русь-тройка? В вечную мерзлоту севера Евразии, в обособленное будущее или в первые ряды мирового прогресса — триста лет этому вопросу, и юбилей хорошо отметить этой книгой.

Двухсотлетний спор славянофилов и западников в России не имеет конца до тех пор, пока Россия следует стратегии догоняющей модернизации и пытается стать частью Запада. Неожиданный подъем Запада явился вызовом для остального мира, и Россия ответила на этот вызов модернизацией с ее противоречием между усвоением опыта Запада и сохранением национальной почвы, культуры, на которые этот опыт переносится. Вместе с тем условно сохраненные названия — «славянофилы/западники» не охватывают весь рассматриваемый период одним и тем же. В первой половине XIX века они размигались по вопросу о отрицании российского государства (славянофилы во имя общины, западники — во имя западных форм государственного устройства), а также в ненависти к крепостному праву. Многие славянофилы говорили на иностранных языках, любили Запад и знали его, а западники знали и любили Россию. Их спор имел философский характер и в целом не вырастал до политического неприятия либо Запада, либо России.

Позанние славянофилы (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев) формировали свои взгляды не столько в полемике с западниками, сколько по отношению к Европе, Западу, руководствуясь циклическими теориями. Защищая Россию перед Европой, Н.Я. Данилевский считал, тем не менее, что славянский культурно-исторический тип еще не сложился. К.Н. Леонтьев разделял такие этапы развития, как первичная простота, цветущая сложность и вторичное упрощение. Он полагал, что Россия находится на второй фазе цикла, а Запад на третьей и Россию следует задерживать там, где она находится, дабы затормозить грядущие революционные бури и исчезновение самобытного мира.

Сегодня к почвенной тенденции славянофильства Добавилось евразийство, западничество тесно связало себя с политической, линии confrontаций почвенников и западников спрямись, упростились для целей взаимной критики, что и заставило, на наш взгляд, авторов представляемой книги взяться за перо, смело сказав в самом начале, что «оба мировоззрения продолжают существовать. Двухотлетняя совместная жизнь в России убедила стороны, что навечно полагать, будто противная сторона исторически случайна, антинародна, подлежит изгнанию или истреблению... Они существуют вместе, поскольку существует Россия». Почему мы называем это явление смелым? Потому, что авторы в нем отказываются от навязываемой сегодняшними наследниками почвенничества и западничества конфронтации, от трактовки предожженных альтернатив как путей развития, а не ракурсов интерпретации, а значит могут быть биты теми и другими. Но могут, на наш взгляд, и способствовать диалогу мировоззрений, взаимным уступкам и сближениям, пониманию того, что в новых условиях эти старые мировоззрения потеряли былое значение и есть другие идеи.

Авторы книги, А.Бухер и Г.Аюбарский, написали великодушную и необычную по жанру работу. Она иницирована дискуссией в Интернете, проведенной фондами «Общественное мнение» и «Айберальная миссия», которая шла как бы по линии нахождения точек сближения, но затем распалась на прежние конфронтации. Авторы представляемого труда создали книгу, которая одновременно является и аналитическим исследованием, и справочником. Все, о чем они пишут, подтверждено цитатами классиков рассматриваемых направлений, их исследованиям и участвующих означенной дискуссии в Интернете. Читатель получает сначала вопрос, ответы на который дают поочередно славянофилы и западники и близкие к ним теоретики конкретными цитатами, а затем следует разбор этой возникающей дискуссии авторами книги. Все это интересно, информативно и заставляет читать от корки до корки, чего, согласитесь, не всегда можно добиться для монографии данного объема.

Авторы останавливаются на том, что история России в чем-то была предсказана и славянофилами, и западниками, но в главном — в революции 1917 года и в распаде СССР предсказана не была. Интересный сюжет о предсказательной силе идей

и научных теорий заставлял, вместе с тем, задуматься о реальном ходе событий, о сломе траекторий в точках бифуркации, о нелинейности самого исторического процесса и о том, что следование старым траекториям, в том числе и в идейном плане, неспособность, как говорил Фихте, «помыслить общество иначе» не дает ученым угнаться за меняющимися ритмами истории. Авторы последовательно провели эту идею.

Они исследовали основные объекты противостояния в славянофильстве и западничестве, отношение к достигительности и труду, развили мысль о том, что восприятие России с Запада артикулирует ее западные, восточные или азиатские черты, в то время как с Востока она кажется частью Запада, раскрывая перед читателем удивительную игру смены координат рассуждения.

Однако нерв книги — модернизация, породившая противоборство западников и славянофилов, глобализация и Новое Средневековье, которые, по существу, закрывают их конфронтацию.

Авторы обдают большой чувствительностью к самой исторической ткани. Поэтому им удается заметить, что спор западников и славянофилов «сейчас часто воспринимается как устаревшее название... название «славянофильство» исторически случайно... Вместо судьбы «всех славян» нас теперь волнует в основном судьба только одной из славянских наций. Слово «западничество» постепенно также уходит в прошлое», поскольку вместо вестернизации сегодня речь идет о модернизации. Осуществление этого процесса, по мнению авторов, включает вестернизацию, «прыжок», «заимствование», попытку догнать Запад. При этом особенности российской культуры имеют значение, они пробивают себе дорогу, способствуют неудачам радикальных модернизаций, постоянно возвращают к проблемам власти, которая в условиях отсутствия гражданского общества скрепяла страну.

Переходя к анализу глобализации, авторы определяют ее как модернизацию во всемирном масштабе, откуда должна бы следовать идея о расширении западничества до глобализма, а славянофильства до антизападничества, т. е. антиглобализма. Так примерно и есть. Но при этом антиглобализм уже никак не назовешь славянофильством, а модернизацию западных стран догоняющей модернизацией. С. Хантингтон, как справед-

ливо показали авторы, выдвигая в качестве успешных для нашего времени вестернизацию без модернизации (Египет, Филиппины), модернизацию без вестернизации (Япония), догоняющую модуль (Россия, Турция, Мексика). Запад ушел вперед семимильными шагами в сфере технологий, и его невозможно догнать, а, кроме того, у него появились сегодня проблемы, которые лучше не догонять (см.: Уткин А.И. Будущее Запада//Свободная мысль. 2003, № 2. С. 52 — 69). В этих условиях Хантингтон предлагает модуль модернизации, которую некоторые авторы называют национальной: на определенном уровне вестернизации, который обязателен, перейти к решению национальных задач. В любом случае, новейшая точка зрения, выраженная С. Хантингтоном, Ш. Айзенштадтом, П. Вергером, в России В.Г. Федотовой, состоит в утверждении многообразия модернизационных проектов и их связи с классической — догоняющей модернизацией лишь на раннем этапе. Этот поворот уводит спор славянофилов и западников в историческое прошлое, в том числе и совсем недавно — 90-х годов XX века, но не настоящее или будущее. И авторы ощущают это: «Тысячами дорог мир продвигается к единому будущему», — говорят они.

Но будет ли будущее единым? Как справедливо показывают авторы, единства сегодня следует ожидать, как видно из книги, не столько из прежней идеи приближения западного мира к западному (в результате прогресса, модернизации), сколько из идеи глобализации — признания правомерности всех культур и способов развития, а также новых процессов на Западе, прежде всего демографических (старение, уменьшение доли белого населения), которые изменят Запад, размягчат его твердое ядро и, как бы мы сказали, весь мир сделают третьим, или, как говорят авторы труда, Новым Средневековьем с его новыми и старыми возвышающимися цивилизациями и новой борьбой за прогресс и за справедливость глобализации.

Я целиком согласен с этой футурософской перспективой, хотя она не влечет пока серьезных сценариев и может скорее рассматриваться как опасное будущее, которого желательно избежать.

Открытость цитат и точек зрения, из которой авторы строят свои выводы, делает книгу лабораторией мысли, интересной не только для ученых-профессионалов своим анализом и от-

ромным справочным аппаратом, но и для студентов и аспирантов, специализирующихся в политологии, социологии, философии, культурологии, истории.

Мы с удовольствием рекомендуем эту книгу читателям.

*А.И. Уткин, доктор исторических наук, профессор,
директор Центра междисциплинарных исследований ИСК РАН*

Список использованной литературы

1. Аверинцев С.С. Старый спор и новые спорщики // Наука и жизнь. — 1987. — № 9.
2. Аксаков И. Речь на Пушкинских торжествах 1880 года. — 1830.
3. Андреев А. Мир тропы. Очерки русской этнопсихологии. — СПб.: Трота Троинова, 2000.
4. Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины. — М.: Новости, 1991.
5. Ауэрбах Э. Мимезис. — М.: Прогресс, 1976. — 554 с.
6. Баткин А.М. Несколько нудных замечаний в ответ на увлекательные «детские» вопросы // Одиссей: Человек в истории, 2001: Русская культура как исследовательская проблема. — М.: Наука, 2001.
7. Бауман З. Индивидуализированное общество: Пер. с англ. — М.: Долос, 2002.
8. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия // Национали и национализм. — М.: Практис, 2000.
9. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седедьника, Н. Федоровой. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.
10. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. — М.: Изд. АН СССР, 1955. — Т. 10.
11. Белинский В.Г. «История Мадороссии» Николая Марковича // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. — М.: Изд. АН СССР, 1955. — Т. 7.
12. Белинский В.Г. Письмо к Н.В. Гоголю. <15 июня н.с. 1847 г.> // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. — М.: Изд. АН СССР, 1955. — Т. 10.
13. Белинский В.Г. Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Самарядовым // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. — М.: Изд. АН СССР, 1955. — Т. 8.
14. Белинский В.Г. «Сельское чтение», издаваемое князем В.Ф. Одоевским и А.П. Заболоцким // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. — М.: Изд. АН СССР, 1955. — Т. 10.
15. Бердяев Н.А. Духи русской революции. — Рига, 1990.
16. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990.
17. Бердяев Н.А. Судьба России. — М.: Советский писатель, 1990.
18. Бердяев Н.А. Философия неравенства. — М.: Има-пресс, 1990.
19. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. — М.: Пресса, 1991.
20. Библихин В.В. Язык философии. — М.: Языки славянской культуры, 2002.
21. Биржакова Е.Э., Войкова А.А., Кутина А.А. Очерки по истории лексикологии русского языка XVIII в.: Языковые контакты и заимствования. — А.: Наука, 1972.
22. Боборыкин П.А. Русская интеллигенция // Русская мысль. — М., 1904. — Кн. 12.
23. Большаков А.А. Древняя Русь: IX–XIII вв.: Очерк истории и антропологии. — М.: МНЭПУ, 1997.
24. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. — М.: Молодая гвардия, 1991.
25. Булдаков В. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. — М.: РОССПЭН, 1997.
26. Бычков В. 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica: В 2 т. — Т. 1: Раннее христианство. Византия. — М.: СПб.: Университетская книга, 1999.
27. Вебер М. К состоянию буржуазной демократии в России // Русский исторический журнал. — 1998. — Т. 1. — № 1.
28. Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. — СПб.: Издательство имени Н.И. Новикова, 2001.
29. Винер Н. Кибернетика и общество: Пер. с англ. — М.: Тай-декс Ко, 2002.
30. Герцен А.И. 1864 // Колокол. — № 187.
31. Герцен А.И. Концы и начала // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 13 т. — М.: Изд. Художественной литературы, 1958. — Т. 7.

Использованная литература

32. Герцен А.И. Письма из Франции и Италии. Письма 5–14 // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. — Пг.: Литературно-издательский отдел Наркомпросвета, 1919. — Т. 6.
33. Герцен А.И. 1865. Письма к противнику // Герцен А.И. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. — Пг.: Литературно-издательский отдел Наркомпросвета, 1922. — Т. 17.
34. Герцен А.И. Россия // Герцен А.И. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. — Пг.: Литературно-издательский отдел Наркомпросвета, 1919. — Т. 5.
35. Герцен А.И. Русские немцы и немецкие русские // Герцен А.И. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. — Пг.: Литературно-издательский отдел Наркомпросвета, 1919. — Т. 10.
36. Герцен А.И. Русское крепостничество // Герцен А.И. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. — Пг.: Литературно-издательский отдел Наркомпросвета, 1919. — Т. 7.
37. Герцен А.И. С голо берега // Герцен А.И. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. — Пг.: Литературно-издательский отдел Наркомпросвета, 1919. — Т. 5.
38. Герцен А.И. Старый мир и Россия // Герцен А.И. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. — Пг.: Литературно-издательский отдел Наркомпросвета, 1919. — Т. 8.
39. Гершензон М.О. П.Я. Чаадаев // Гершензон М.О. Трибедовская Москва. П.Я. Чаадаев. Очерки прошлого. — М.: Московский рабочий, 1989
40. Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. — М.: Молодая гвардия, 1991.
41. Гомбрич Р.Ф. Британская политика в области высшего образования: убийство профессии // Отечественные записки. — 2002. — № 8.
42. Гуго Сен-Викторский. Семь книг назидательного обучения, или Дидактика // Антология средневековой мысли. — СПб.: Изд. РХГИ, 2002. — Т. 1.
43. Гудков А. Русский неотрадиционализм и сопротавление переманам // Отечественные записки. — 2002. — № 3
44. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М.: Книга, 1991.
45. Даниэль А.Ю. Дисидентство: культура, ускользающая от определений // Россия—Russia. — М.; Венеция, 1998. — Вып. [9]: Семидесятые как предмет истории русской культуры.
46. Дипленикий Г.Г. Люди среднего класса. — М.: Фонд «Общественное мнение», 2002.
47. Дойч А. Структура реальности / Пер. с англ. Н.А.Зубченко. — М.; Ижевск: РХД, 2001.
48. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 12 т. — М.: Правда, 1982. — Т. 9.
49. Дурново П.Н. Записка: Со вступительной статьей Мих. Павловича // Красная новь. — 1922. — № 6 (10).
50. Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии — М.: ОГИ, 2003.
51. Зиммель Г. Индвид и свобода // Зиммель Г. Избранное: В 2 т. — М.: Юристъ, 1996. — Т. 2.
52. Зиновьев А. Глобальный человек. — М.: Центрполиграф, 1997.
53. Золотухина М.В. Мир американской семьи. — М.: Старый сад, 1999.
54. Зубаков В.А. Последний набат мыслителя // Экогеософский альманах. — СПб., 2000. — № 2.
55. Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. — СПб.: Востоковедение, 2002.
56. Иванов В.И. Родное и вселенское: [Сборник]. — М.: Республика, 1994.
57. Изгоев А.С. 1910. Интеллигенция и «Вехи» // Русское общество и революция. — М.
58. Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм // Из глубины. — М.: Новост, 1991.
59. Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности / Под ред. В.В. Ильина. — М.: МГУ, 2000.
60. Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса / Под ред. В.В. Ильина. — М.: Изд-во МГУ, 1996.
61. Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. — М.: Правда, 1989.
62. Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). — М.: РОССПЭН, 2001.

63. Карамзин Н.М. Всеобщее обозрение // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. — М.: Современник, 1982.
64. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. — М.: Наука, 1991.
65. Карамзин Н.М. Мысли об истинной свободе // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. — М.: Современник, 1982.
66. Карамзин Н.М. О любви к отечеству и народной гордости // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. — М.: Современник, 1982.
67. Карамзин Н.М. Письма к П.А. Вяземскому // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. — М.: Современник, 1982.
68. Киреевский И. В ответ А.С. Хомякову // Киреевский И. Избранные статьи. — М.: Современник, 1984.
69. Киреевский И. Девятнадцатый век // Киреевский И. Избранные статьи. — М.: Современник, 1984.
70. Киреевский И. Обзорение русской словесности 1829 года // Киреевский И. Избранные статьи. — М.: Современник, 1984.
71. Ключевский В.О. Очерки и речи. Второй сборник статей. — Пг.: Изд. отдела Комиссарията народного просвещения, 1918.
72. Колесов В.В. Философия русского слова. — СПб.: Юна, 2002.
73. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперел, к Гуагу западного образца / Пер. с англ. А. Петрова, В. Прококовой. — М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001.
74. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Избранное. — М.: Рарогу, 1993.
75. Леонтьев К.Н. Над могилой Пазухина // Леонтьев К.Н. Избранное. — М.: Рарогу, 1993.
76. Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К.Н. Избранное. — М.: Рарогу, 1993.
77. Дялунов А.А. О соотношении понятий материя, энергия и информация // Дялунов А.А. Проблемы теоретической и прикладной кибернетики. — М.: Наука, 1980.
78. Марков Б.М. В поисках другого // Хабермас Ю. Вовлечение другого. — СПб.: Наука, 2001.
79. Мигранян А.М. Роль насилия в процессе демократизации России // Освобождение духа. — М.: Политиздат, 1991.
80. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. — М.: Прогресс, 1993. — Т. 1.
81. Московичи С. Век гола: Пер. с франц. — М.: Центр психологии и психотерапии, 1996.
82. Муравьев В.Н. Рев племени // Из глубины. — М.: Новости, 1991.
83. Наугочий Э.В. Конеч цигаты // Освобождение духа. — М.: Политиздат, 1991.
84. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология. — М.: Рет се, 2001.
85. Новгородцев П.И. Восстановление святых // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. — М.: Правда, 1991.
86. Новгородцев П.И. Демократия на распутии // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. — М.: Правда, 1991.
87. Новгородцев П.И. Идея права в философии Вл. Соловьева // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. — М.: Правда, 1991. — 638 с.
88. Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины. — М.: Новости, 1991.
89. Огарев Н.П. Письма к соотечественнику // Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения: В 2 т. — М.: Гос. изд. полнт. лит-ры, 1952. — Т. 2.
90. Панарин А.С. Искушение глобализмом. — М.: Русский национальный фонд, 2000.
91. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. — М.: Алгоритм, 2002.
92. Пивоваров Ю.С. 2001. Русская власть и исторические типы ее осмысления // Политика. — № 4.
93. Пивоваров Ю.С. Русская мысль и русская революция // Русский исторический журнал. — 1999. — №1.
94. Пивоваров Ю.С. Русская мысль, Система русской мысли и Русская Система: Опыт критической методологии: Статьи вгора // Русский исторический журнал. — 1998. — Т. 1. — № 3.

95. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Екатерина II, Самодержавие и Русская Власть // Русский исторический журнал. — 1998. — Т. 1. — № 4.
96. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. О нынешней ситуации и проблемах изучения русской истории: (на путях к россиеведению) // Русский исторический журнал. — 1998а. — Т. 1. — № 1.
97. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская система: генезис, структура, функционирование: (тезисы и рабочие гипотезы) // Русский исторический журнал. — 1998б. — Т. 1. — № 3.
98. Победоносцев К.П.: Pto et solita / Сост., вст. ст. и комм. С.Д. Фирсова — СПб.: РХГИ, 1996.
99. Померанц Г.С. Выход из транка. — М.: Юрист, 1995.
100. Померанц Г.С. Страстная односторонность и бесстрастие духа. — М.; СПб.: Университетская книга, 1998.
101. Поспелов И.Г. О книге Н.Винера «Кибернетика и общество» // Винер Н. Кибернетика и общество: Пер. с англ. — М.: Тайдекс Ко, 2002
102. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. — М.: Прогресс, 2000.
103. Раутиан А.С. Палеонтология как источник сведений о закономерностях и факторах эволюции // Современная палеонтология. Методы, направления, практическое применение: Справочное пособие: В 2 т. / Под ред. В.В. Меннера, В.П. Макаридина. — М.: Недра, 1988. — Т. 2.
104. Рикер П. История и истина. — СПб.: Алетейя, 2002.
105. Ротбарт М. Власть и рынок. Государство и экономика. — Челябинск: Социум, 2002.
106. Русская культура в сравнительно-историческом осмыслении: [Материалы «Круглого стола»]: Выступления // Олдсей: Человек в истории, 2001: Русская культура как исследовательская проблема. — М.: Наука, 2001.
107. Русанова И.П., Тимошук Б.А. Еще раз о славянском языческом центре на реке Збруч // Российская археология. — 1998. — № 2.
108. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. — М., 1957. — Т. 5.
109. Самарин Ю.Ф. Замечания на статью г. Соловьева «Шдецер и антиисторическое направление» // Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. — М.: РОССПЭН, 1996.
110. Самарин Ю.Ф. Несколько слов по поводу исторических сочинений г. Чичерина // Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. — М.: РОССПЭН, 1996.
111. Самарин Ю.Ф. О мнениях «Современника», исторических и литературных // Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. — М.: РОССПЭН, 1996.
112. Самарин Ю.Ф. По поводу мнения «Русского Вестника» о занятиях философов, о народных началах и об отношении их к цивилизации // Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. — М.: РОССПЭН, 1996.
113. Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. — М.: РОССПЭН, 1996.
114. Сапов В.В. «Малевичский кристалл» социологии // Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. — СПб.: Изд. РХГИ, 2000.
115. Савижников А.А. Сравнить несравнимое: общее и особенное в понятиях «образованного человека» // Интеллектуция в истории. — М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2001.
116. Седов Е.А. Информационные критерии упорядоченности и сложности организации // Системная концепция информационных процессов. — М.: ВНИИСИ, 1988.
117. Соловьев В.С. Византизм и Россия // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. — М.: Правда, 1989. — Т. 2: Чтения о Богочеловечестве. Философская публикация.
118. Соловьев В.С. Из воспоминаний. Аксаковы // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. — М.: Правда, 1989. — Т. 2: Чтения о Богочеловечестве. Философская публикация.
119. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. — М.: Мысль, 1988. — Т. 1.
120. Соловьев В.С. Мир Востока и Запада // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. — М.: Правда, 1989. — Т. 2: Чтения о Богочеловечестве. Философская публикация.
121. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России: Выпуск второй // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. — М.: Правда, 1989. — Т. 1: Философская публикация.
122. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России: Выпуск первый // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. — М.: Правда, 1989. — Т. 1: Философская публикация.

123. Соловьев В.С. Об упадке средневекового мирозозерцания // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. — М.: Мысль, 1988. — Т. 2.
124. Соловьев В.С. Россия и вселенская церковь. — М., 1911.
125. Соловьев В.С. Россия и Европа // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. — М.: Правда, 1989. — Т. 1: Философская публицистика.
126. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. — М.: Правда, 1989. — Т. 1: Философская публицистика.
127. Соловьев В.С. Славянофильство и его вырождение // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. — М.: Правда, 1989. — Т. 1: Философская публицистика.
128. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. — М.: Мысль, 1988. — Т. 2.
129. Соловьев В.С. Три силы // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. — М.: Правда, 1989. — Т. 1: Философская публицистика.
130. Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. — М.: Мысль, 1995. — Кн. 18: Работы разных лет.
131. Сорокин П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М., 1990.
132. Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ., коммент. и ст. В.В. Сапова. — СПб.: Изд. РХГИ, 2000.
133. Спенсер Г. Основания социологии. — Т. 1–2. // Спенсер Г. Соч.: В 4 т. — Киев; СПб.; Харьков, 6/г.
134. Степун Ф. Мысли о России. Очерк УИИ // Степун Ф. Сочинения. — М.: РОССПЭН, 2000.
135. Степун Ф. Прошлое и будущее славянофильства // Степун Ф. Сочинения. — М.: РОССПЭН, 2000.
136. Струве П.Б. В чем революция и контр-революция? Несколько замечаний по поводу статьи И.О. Левина // Русская мысль. — М.; Пг., 1917. — Кн. 12.
137. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. — М.: Пресса, 1991.
138. Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. — М.: Новости, 1991.
139. Струве П.Б. Итоги и существо коммунистического хозяйства. — Берлин: Слово, 1921.
140. Струве П.Б. Ратіоїса: Політика, культура, релігія, соціалізм: Сборник статей за пять лет (1905–1910). — СПб.: Жукковский, 1911.
141. Струве П.Б. Ратіоїса: Політика, культура, релігія, соціалізм. — М.: Республика, 1997.
142. Струве П.Б. Размышления о русской революции. — София: Росийско-болгарское книжное издательство, 1921.
143. Трубецкой С.Н. Евразийство. Опыт систематического изложения. — 1926.
144. Трубецкой С.Н. Исход к Востоку. — 1921.
145. Тургенев Н.И. Опыт теории народов. — СПб., 1818.
146. Успенский Б.А. Россия и Запад в XVIII веке // История продолжается. Изучение XVIII века на пороге XXI века. — М.; СПб.: Университетская книга, 2001.
147. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. — М.: Алгос, 2001а.
148. Уткин А.И. Первая мировая война. — М.: Алгоритм, 2001б.
149. Феатов Г.П. Satpen saeslate // Вопросы философии. — 1990. — № 8.
150. Феатов Г.П. Судьба и грехи России: В 2 т. — СПб.: София, 1991. — Т. 1. — 351 с.; Т. 2.
151. Флоренский П.А. Записка о православии // Сочинения: В 4 т. — М.: Мысль, 1996.
152. Франк С.А. De griepids // Из глубины. — М.: Пресса, 1991.
153. Франк С.А. Крушение кумиров. — Берлин: УМСА-press, 1924.
154. Франк С.А. Умственный склад, личность и воззрения П.Б. Струве // Струве П.Б. Ратіоїса. — М.: Республика, 1997.
155. Франк С.А. Этика нигилизма // Вехи. — М.: Новости, 1991.
156. Фурсов А.И. По ком звонят Колокола Истории? Капитализм и коммунизм в XX в. // Русский исторический журнал. — 1999. — Т. 2. — № 1.

Использованная литература

157. Хэйзинга Й. Осень Средневековья. — М.: Наука, 1988.
158. Ходасевич В. Литературные статьи и воспоминания. — Нью-Йорк, 1954.
159. Чаадаев П.Я. Аполология сумасшедшего // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: В 2 т. — М.: Наука, 1991. — Т. 1.
160. Чаадаев П.Я. Философическое письмо. 1 // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: В 2 т. — М.: Наука, 1991. — Т. 1.
161. Чернышевский Н.Г. Суеврие и правила должки // Чернышевский Н.Г. ПСС: В 15 т. — М.: Гос. издательство художественной литературы, 1950. — Т. 5.
162. Чижов Ю. // Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. — М. 2001.
163. Швейцер А. Мироззрение индийских мыслителей: Мистика и этика / Пер. с нем. Ю.В. Дубровина. — М.: Адетея, 2002.
164. Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. — 2-е. изд. — СПб., 1817.
165. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. — Гр.: Колос, 1922.
166. Штейнер Р. Социальное будущее. — Каууга: Духовное познание, 1993.
167. Штейнер Р. Сущность социального вопроса. — Каууга: Духовное познание, 1992.
168. Щедровицкий Г.П. Я всегда был идеалистом... — М., 2001.
169. Дременко Ю.В. Экономические беседы. Запись С.А. Белановского. — М.: Центр исследований и статистики науки, 1998.
170. Berlin, Isiah. Russian Thinkers. — New York: Viking Press, 1978.
171. Bourdieu, Pierre. La distinction: critique sociale du jugement. — Paris: Ed. de Minuit, 1979.
172. Charle, Christophe. Naissance des «intellectuels» (1880–1900). — Paris: Ed. de Minuit, 1990.
173. Giddens, Anthony. The Consequences of Modernity. — Cambridge: Polity Press, 1990; Palo Alto: Stanford University Press.
174. Gleason, Abbott. Young Russia. The Genesis of Russian Radicalism in the 1860s. — New York: Viking Press, 1980.
175. Huntington, Samuel P. The Clash of Civilization? // Foreign Affairs. — 1993. — V. 72. — № 3.
176. Langbein, John H. Torture and Plea Bargaining // 46 The University of Chicago Law Review. — 1978.
177. Lyotard, Jean-François. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge — Manchester: Manchester University Press, 1984.
178. Mendel, Arthur P. Dilemmas of Progress in Tsarist Russia: Legal Marxism and legal populism. — Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1961.
179. Parsons T. 1966. Societies: Evolutionary and comparative perspectives. Engewood Cliffs (N.Y.): Prentice-Hall.
180. Robertson Roland. Marring the global condition: globalization as the central concept // Global culture: Nationalism, globalization and modernity / Ed. M. Featherstone. — London: Sage, 1990.
181. Robertson, Roland. Globalization: Social theory and global culture. — London: Sage, 1992.
182. Schlosser, Eric. The Prison Industrial Complex // The Atlantic Monthly. — 1998. — № 6.
183. Schmitt C. Verfassungslere. — Berlin, 1983. — цит. по: Марков Б.М. В поисках другого // Хабермас Ю. Вовлечение другого. — СПб.: Наука, 2001.
184. The Russian Intelligentsia / Ed. by R. Pipes. — New York: Columbia University Press, 1961.
185. Therborn G. Globalizations: dimensions, historical waves, regional effects, normative governance // International sociology. — 2000. — № 2.
186. Touraine, Alain. La société postindustrielle. — Paris: Denoï, 1969.
187. Waters, Malcolm. Globalization. — London: Routledge, 1995.

Содержание

Предисловие		
Миры в Мире, или Дискуссия		
о неунифицированном будущем	3	
Предупреждение	11	
Введение		
Сбывшиеся и несбывшиеся		
предсказания о судьбе России	13	
Часть 1		
ПРОТИВОСТОЯНИЕ	52	
Глава 1		
ИСТОРИЯ ЗАПАДНИЧЕСКОГО		
И ПОЧВЕННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ	81	
Общий взгляд на историю западничества		
и славянофильства	55	
О чем спор? «Основной вопрос»		
западников и славянофилов	67	
Петр I	75	
Есть ли теперь западники и славянофилы?	81	
Какова польза от соперничающего		
мировоззрения?	90	
Критика поченничества	96	
Критика западничества	105	
Глава 2		
ОСНОВНЫЕ ОБЪЕКТЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ:		
ОБЩИНА, ДУХОВНОСТЬ,		
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ, ПРАВО,		
МОНАРХИЯ, ДЕМОКРАТИЯ, КУЛЬТУРА		
И ЦИВИЛИЗАЦИЯ	119	
Ценности и национальный характер	121	
Общинность и коллективизм	134	
Достижимтельность и труд	144	
Суд, расееянная санкция, обычное право	153	
Духовность	164	
Державность, государственность	171	
Свобода. Народ-ребенок	173	
Глава 3		
РОССИЯ И ЗАПАД	188	
Запад: вид с Востока.		
Учимся у Запада — учим Запад	188	
Что такое Россия? (Восток: взгляд изнутри)	207	
Место России в мире	212	
Глава 4		
НАЦИИ И ГОСУДАРСТВО	231	
Нация и национальные интересы	231	
Общественная почва		
и пролизрастающее на ней государство	249	
Автаркия	261	
Глава 5		
О ТЕХ, КТО МОЛИТСЯ,		
И ТЕХ, КТО ГОВОРИТ	267	
Церковь и модернизация	267	
Судьбы интеллектуальной элиты:		
о тех, кто говорит	277	
Глава 6		
МОДЕРНИЗАЦИЯ: УСЛОВИЯ,		
ПЕРСПЕКТИВЫ, ЗАКОНЫ	292	
Прыжок	295	
Прогресс	300	
Замствование	301	
Вестернизация и модернизация	305	
Глобализация	331	
Война и модернизация	346	

Содержание

Содержание

Глава 7	
ДИАЛОГ: ДАННЫЙ И ВЕЧНЫЙ	351
Повтор	354
Баланс	357
Прогноз	359
ЧАСТЬ 2	
ПРЕДСКАЗАНИЯ	371
Глава 8	
ВЕЧНЫЙ СПОР:	
ПОЛЯРНОСТЬ И БАЛАНС	376
История спора и отличительные черты современного диалога	378
Характеристика полюсов	384
Понятия западные, среднеевропейские и русские	385
Концепция развития: основные понятия	392
Полярные модели общественного устройства. Специализация и интеграция	400
Восприятие новизны	404
Глава 9	
СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ	413
Стратегия развития: крайнее западничество	413
Стратегия развития: крайнее почвенничество	419
Баланс со смещенным центром тяжести	422
Стратегия развития: гео- и антропоцентризм	428
Глава 10	
СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ:	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ	439
Глобальная модернизация	444
Глобализация: Север и Юг	448
Противоборствующие течения: управление движением мира	457
Глобалистский мир — и глобалистские люди	461
Сценарии глобализма	470
Три сферы общественной жизни	476
Глава 11	
СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ:	
ГЛОБАЛЬНОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	490
Новое Средневековье	491
Чередование средневековий и возрождений, или Глобализация + Новое Средневековье	507
Глава 12	
АЛТЕРРА ГЛОБАЛИСТСКИХ МОДЕЛЕЙ	521
Кризис многополюсного мира: будущее непосредственное	521
Глобальная культура: будущее подстерегающее	532
Парадигмы к глобализму и отсутствующий перпендикуляр к нему	541
Будущее изнутри: разнообразный Юг	553
Глава 13	
РОССИЯ И ГЛОБАЛИСТСКИЕ МОДЕЛИ:	
СТРУКТУРА ОЖИДАНИЙ	562
Локальная Россия: будущее неопределенное	562
Локальная Россия: будущее федеративное	566
Локальная Россия: будущее кожное	570
Локальная Россия: будущее обнадёживающее	577
Заклочение Структура предсказания	579
Послесловие Двухсотлетний спор	585
Список использованной литературы	590

Научное издание

**Блехер Леонид Иосифович
Любарский Георгий Юрьевич**

**ГЛАВНЫЙ РУССКИЙ СПОР:
ОТ ЗАПАДНИКОВ И СЛАВЯНОФИЛОВ
ДО ГЛОБАЛИЗМА И НОВОГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Компьютерная верстка
Е.А. Пурескина

Корректор
С.А. Мирзоян

ООО «Академический Проект»
Изд. лиц. № 04050 от 20.02.01.
111399, Москва, ул. Марتنювская, 3, стр. 4
Санитарно-эпидемиологическое заключение
Департамента государственного
эпидемиологического надзора
№ 77.99.04.953.11.002217.08.01 от 24.08.2001 г.

Институт Фонда «Общественное мнение»
125047, Москва, Оружейный пер., 15, стр. 1

*По вопросам приобретения книги просим обращаться
в ООО «Триксиа»:*

111399, Москва, ул. Марتنювская, 3, стр. 4
Тел.: (095) 305 3702; 305 6092; факс: 305 6088
E-mail: arproject@trixia.ru
www.trixia.ru/arproject

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-093, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать с готовых диалогтипов 1.10.03
Формат 84x108/32. Гарнитура Валушка. Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,9. Тираж 2000 экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
диалогтипов на ФГУИПП «Вятка».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

КНИГА — ПОЧТОЙ

Издательско-книготорговая фирма
«ТРИКСИА»

**предлагает заказать и получить
по почте книги
следующей тематики:**

- ▶ психология
- ▶ философия
- ▶ история
- ▶ социология
- ▶ культиурология
- ▶ учебная и справочная литература
по гуманитарным дисциплинам
для вузов, лицеев и колледжей

Прислав маркированный конверт с обратным
адресом, Вы получите каталог, информационные
материалы и условия рассылки.

Наш адрес:
**111399, Москва, ул. Марتنювская, 3,
ООО «Триксиа», служба «Книга — почтой».**

Заказать книги можно также по
тел.: (095) 305-37-02, факсу: 305-60-88,

или по электронной почте:
e-mail: arproject@trixia.ru

Просим Вас быть внимательными и указывать
полный почтовый адрес и телефон/факс для связи.
С каждым выпоненным заказом
Вы будете получать
информацию о новых поступлениях книг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»
предлагает:

Касьянова К.

**О русском национальном
характере**

2003.— 84x108/32, ISBN 5-88687-139-X,
560 с., пер.

Автор книги, известный социолог и культуролог, пытается раскрыть социальные, этнические и архетипические стороны русского национального характера. Книга представляет собой оригинальное научное исследование характерных психологических и культурных особенностей русского этноса, которое базируется на эмпирических данных, полученных путем сравнения усредненных характеристик русских и американцев по шкалам миннесотского теста. Новой является предложенная автором концепция формирования современной русской нации.

Книга предназначена прежде всего студентам-гуманитариям, а также будет полезна всем читателям, интересующимся особенностями русской культуры и этноса.

Цена 115.00